

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА**

На правах рукописи

Соколов Арсений Владимирович

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В РОССИИ,
ФЕВРАЛЬ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 ГГ.**

07.00.02 – отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный руководитель
Гальперина Берта Давидовна
доктор исторических наук, профессор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	
1.1. Историография.....	15
1.2. Источники.....	59
ГЛАВА 2. ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА И ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ	
2.1. События Февраля 1917 года и Ведомство православного исповедания.....	79
2.2. Ведомство православного исповедания в системе революционных органов власти после свержения монархии.....	148
2.3. Обер-прокурор В.Н. Львов и Святейший Синод в марте – апреле 1917 года. Решение вопроса о центральной власти в церкви.....	199
ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЕСНОЙ – ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА	
3.1. Изменения в сфере идеологии, гражданского права, народного образования. Проблема защиты православного духовенства и церковной собственности.....	237
3.2. Государство и центробежные тенденции в церкви: автокефальное движение в Грузии и Украине.....	332
3.3. Обер-прокуратура В.Н. Львова: церковные реформы (апрель–июль 1917 г.).....	387
3.4. Министерство исповеданий и Поместный Собор.....	434
ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В НОЯБРЕ 1917 – ЯНВАРЕ 1918 ГГ.	
4.1. Поместный Собор и Ведомство православного исповедания от Октябрьского вооруженного восстания до разгона Учредительного собрания.....	520
4.2. Церковная политика Советской власти в ноябре 1917 – январе 1918 годов.....	599
4.3. Ликвидация Ведомства православного исповедания.....	699
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	750
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	757

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследование взаимоотношений государства и Православной церкви в России в феврале 1917 – январе 1918 годов обусловлено необходимостью всестороннего анализа изменения места ранее господствовавшей в империи церкви в условиях революционной трансформации государства, борьбы различных политических партий и группировок за власть и необычайной активизации населения. При этом, учитывая, что до свержения монархии церковь была инкорпорирована в государственный аппарат в качестве его составной части, речь идет не только о государственно-церковных отношениях как таковых, но, прежде всего, об изучении процесса реформирования связанных с церковью структур самого государства. Такой ракурс рассмотрения проблемы позволяет кроме заполнения существующих значительных пробелов в знании о переломных для отечественной истории событиях 1917 – начала 1918 годов и обобщения и систематизации уже имеющихся сведений, произвести пересмотр существующих представлений о взаимоотношениях государства и Православной церкви в России в то время.

Российское самодержавие опиралось на православную веру, и его свержение не могло не иметь для нее самых серьезных последствий. Казалось бы, еще вчера религиозная Россия с легкостью отреклась в начале марта 1917 года от «помазанника Божия» и отвернулась от церкви, которой пришлось спешно приспособливаться к условиям достаточно агрессивной внешней среды. Очевидно, что живое религиозное чувство терялось среди конформизма большинства, покорно внимавшего политическим силам, использовавшим революционную и антицерковную риторику. 1917 год выдвинул несколько моделей государственно-церковных отношений: и активного администрирования чиновников во внутренних вопросах церковной жизни, и «всеконфессиональную» модель в лице учрежденного в августе Министерства исповеданий, и полное невмешательство в церковные дела, демонстрируемое весной-летом 1917 года Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Но после прихода к

власти большевиков, 23 января 1918 года был опубликован Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, составивший основу советского законодательства о религии, положения которого фактически продолжали действовать все десятилетия существования СССР.

С конца 1980-х годов в нашей стране снова начались активные дискуссии о месте религии в государстве. Примечательно, что так же легко, как в 1917 году, при изменении политической конъюнктуры в условиях ослабления влияния коммунистической идеологии, изменилась и позиция общества: люди потянулись в храмы, и интерес к православию тут же распространился среди государственного истеблишмента. Факты приглашения православного духовенства к участию в различных официальных церемониях, активизация его деятельности в армии и т. д. делают особенно актуальным изучение государственно-церковных отношений в России в переломные для ее истории месяцы с февраля 1917 по январь 1918 годов. Данная проблема имеет важное политическое, социально-экономическое и культурное значение.

Степень разработанности темы. Данная тема еще не являлась предметом специального исторического исследования, в трудах историков рассматривались лишь ее отдельные аспекты. Подробный анализ историографии помещен в соответствующем разделе первой главы диссертации.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является: основываясь на материале различных исторических источников, дать развернутую характеристику изменения государственно-церковных отношений в России с февраля 1917 по январь 1918 гг. в условиях революционных потрясений и трансформации государства.

Из поставленной цели вытекают следующие задачи исследования:

- изучить место и роль Православной церкви в событиях Февраля 1917, проанализировать ее реакцию на свержение самодержавия;

- проследить изменение положения Православной церкви в России в последовавшие за падением монархии месяцы, уделив особое внимание тем сферам, где до Февраля имело место слияние государства и церкви;
- определить основные модели государственно-церковных отношений, предлагавшиеся различными политическими и общественными силами в феврале 1917 – январе 1918 годов;
- изучить церковную политику Временного правительства всех его составов и его органов на местах, а также реакцию на правительственные меры со стороны церкви и общества;
- исследовать отношение к Православной церкви со стороны советов в феврале – октябре 1917 (уделив особое внимание Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов и ВЦИК Советов I созыва, а также Московскому Совету рабочих депутатов);
- проанализировать отношение православного духовенства и верующих к факту свержения Временного правительства и перехода власти к советам;
- осветить первые мероприятия в церковной сфере, проведенные советской властью с ноября 1917 по январь 1918, раскрыть мотивы и изучить порядок принятия правительственных декретов, касающихся Православной церкви;
- проанализировать правовой статус Православной церкви в государстве в период с ноября 1917 года по январь 1918 года и изучить отношение церковного руководства к советской власти и проводимой ею политике, в том числе к появлению Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви;
- изучить ход дискуссий о будущем правовом положении Православной церкви в России, проводившихся в обществе с февраля 1917 по январь 1918 гг.

В соответствии с поставленными целью и задачами диссертация разделена на главы по хронологическому принципу (за исключением первой главы, посвященной историографии и источникам), при этом внутри глав имеются тематические подразделы. Использование хронологического принципа представляется наиболее целесообразным ввиду насыщенности изучаемого периода событиями и быстрым – от нескольких месяцев до нескольких дней и даже часов – изменением общей политической ситуации в стране. Выделение историографии и анализа источников в отдельную главу обусловлено как их значительным объемом, так и необходимостью их более детального изучения для оптимального достижения поставленных цели и задач диссертации.

Объектом исследования являются отношения государства и Православной церкви в России в феврале 1917 – январе 1918 гг. При этом под государством в институциональном плане понимаются органы государственной власти и государственные учреждения, а также различные организации, принявшие на себя их функции в «революционном порядке». Под Православной церковью в институциональном плане понимаются Святейший Правительствующий Синод Православной Российской Церкви и все подведомственные ему учреждения и духовенство, а также активно участвовавшие в церковной жизни миряне.

Предметом исследования избрана церковная политика Временного правительства, Совета Народных Комиссаров и других революционных органов власти в указанный период, реакция на проводимые меры со стороны церкви и общества, а также ход обсуждения обществом вопроса о будущем правовом положении церкви в государстве.

Хронологические рамки исследования (февраль 1917 – январь 1918 гг.) определены временным отрезком от начала беспорядков в Петрограде, приведших к падению самодержавия, до принятия Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Кроме того, конечная дата обусловлена временем разгона Учредительного собрания и крахом связанных с ним общественных ожиданий. По некоторым аспектам государственно-церковных

отношений исследование несколько выходит за рамки указанного периода, в частности, затрагивает отдельные события весны–лета 1918 года, для того чтобы в общих чертах показать суть принятых в конце 1917 – начале 1918 годов советских декретов.

Научная новизна исследования обусловлена, во-первых, комбинированным изучением церковной политики органов государственной власти и изменения степени участия церкви в различных сферах государственной и общественной жизни, а, во-вторых, выбранными хронологическими рамками, охватывающими период с момента падения монархии до появления Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Такая постановка проблемы позволила системно и комплексно проанализировать взаимоотношения государства и Православной церкви в России с февраля 1917 по январь 1918 годов, то есть в период, когда вектор дальнейшего развития государства и церкви в России являлся максимально неопределенным.

Диссертация заполняет имеющуюся в историографии лауну, поскольку государственно-церковные отношения в период с февраля 1917 по январь 1918 годов не были всесторонне изучены ни в исторических работах, посвященных дореволюционному периоду, ни в исследованиях, рассматривавших советский период истории. В работе сделан акцент на выявлении особенностей подхода к «церковному вопросу» со стороны двух альтернативных систем власти: Временного правительства и советов, а также показан процесс трансформации церкви из бюрократического Ведомства православного исповедания в независимую от власти общественную организацию. Специальное внимание в работе уделено изучению изменения характера государственно-церковных отношений в России в феврале 1917 – январе 1918 годов в сфере идеологии, народного образования, ведении актов гражданского состояния. Кроме того, рассмотрен вопрос об отношении к Православной церкви в указанный период со стороны населения бывшей империи, особенно наиболее активных его элементов (в том числе, революционных солдат и рабочих). В частности, изучены ранее неизвестные историкам факты расстрелов православных храмов в Петрограде в

первых числах марта 1917 года, а также грабежей и разгрома духовных учреждений, монастырей и церквей по всей России весной–осенью 1917 года. Это позволило сделать вывод о том, что большевистские гонения на духовенство опирались на уже имевшие место до Октября 1917 года настроения, отвергавшие ценность православия, его служителей и его святынь. Диссертация вводит в научный оборот множество архивных документов, ранее не использовавшихся исследователями.

В диссертации впервые подробно исследованы затронувшие Православную церковь явления межконфессиональных столкновений, обусловленных ослаблением центральной государственной власти и усилением центробежных тенденций на окраинах бывшей империи. В частности, детально изучен процесс восстановления автокефалии Грузинской православной церкви в 1917 году, проанализирована проблема столкновений интересов российского и грузинского духовенства в условиях, когда государство и церковь в России формально еще являлись единым целым.

Впервые подробно изучена политико-правовая ситуация, в которой оказалась Православная церковь после свержения Временного правительства, проанализирован характер взаимоотношений руководства Православной церкви и органов советской власти в Москве в ноябре 1917 – январе 1918 годов. Впервые дана оценка характера государственно-церковных отношений в начале 1918 года в связи с принятием Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви исходя из анализа конкретной общественно-политической ситуации того времени. Содержание и выводы диссертации вносят значительный вклад в развитие представлений о взаимосвязи государства и церкви как социальных институтов, а также способствуют обогащению теории государственно-церковных отношений, революции и общественно-политических наук.

Теоретическая и практическая значимость работы. Выводы диссертационного исследования позволяют комплексно рассмотреть проблему взаимоотношений государства и церкви в России в феврале 1917 – январе 1918 годов, выявив особенности, связанные с условиями войны, а также

проанализировать процесс становления самостоятельной церковной организации – Православной Российской Церкви.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют социальную значимость в связи проходящими в обществе дискуссиями о месте религиозных организаций в современном государстве, включая вопрос об участии церкви в народном образовании и вооруженных силах.

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, при чтении курсов по истории России, истории Православной церкви, истории русской культуры, религиоведению, а также при написании монографий и учебных пособий.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности в оценке исторических событий. В ходе исследования используется подход, который условно можно назвать «институционально-функциональным»: в его рамках проводится анализ не только правительственной политики в отношении церкви, но и фактического взаимодействия государственных и церковных структур на уровне изучения конкретных учреждений и их функций в государстве. Это, в том числе, позволило максимально устранить предвзятое или пристрастное отношение к какому-либо общественному институту или объединению, политической партии или историческому деятелю. При анализе фактов и явлений проводится анализ позиции и возможных мотивов всех участвовавших сторон, что дает возможность избежать как идеализации, так и демонизации участников исторического процесса.

Применяются различные методы научного исследования: хронологический, диахронный (периодизации), синхронный и сравнительно-исторический. В частности, для выявления изменений, происходивших в области государственно-церковных отношений в России после Февраля 1917 года по сравнению с дореволюционным периодом, а затем и трансформации этих отношений в течение революционных месяцев используется сравнительно-исторический метод. При этом отдельно рассматриваются те сферы, где в начале XX века имело место

делегиrowание государством своих функций церковным структурам (сферы идеологии, народного образования и гражданского права), а также те, где государство принимало на себя определенные обязательства перед церковью (полицейская защита, финансирование). Отдельное внимание уделено трансформации в течение изучаемого периода системы высшего церковного управления и перехода власти в церкви от государственных органов к собственно церковным: для этого применялись как хронологический, так и диахронный методы.

Применение причинно-следственного анализа позволило сделать ряд важных выводов, объясняющих место и роль Православной церкви в событиях февраля 1917 – января 1918 года. В частности, существование Православной церкви до 1917 года как части государственного аппарата предопределило ее внутренний кризис во время общегосударственного слома в революционные месяцы. Выявление причинно-следственных связей также позволяет в какой-то степени объяснить мотивы действий тех или иных общественных или политических сил, а также отдельных исторических деятелей.

Структурно-функциональный анализ использован для изучения места церковных структур в системе государственных учреждений в 1917 – начале 1918 годов, причем рассмотрение ситуации на разных этапах исследуемого периода позволяет проследить динамику изменения характера государственно-церковных отношений на уровне конкретных учреждений и их функций. В этом смысле можно говорить о структурно-диахромном анализе. В рамках данного анализа применен метод периодизации, при котором выделены отдельные стадии в развитии государственно-церковных отношений в феврале 1917 – январе 1918 годов, определенные общественно-политической ситуацией (составом и характером правительств, появлением важных законодательных актов и постановлений). Для обозначения выдвигаемых различными общественными и политическими силами моделей возможных будущих государственно-церковных отношений в России применена типологизация, а при анализе проявлений

«антиклерикальных» выступлений в 1917 году использованы методы сходства и различия.

Применение совокупности перечисленных методов исторического исследования позволило достичь реализации поставленных в диссертации цели и задач.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формально государственно-церковные отношения в России в феврале 1917 – январе 1918 года развивались в рамках формулы, определенной Манифестом от 3 марта 1917 года, согласно которой решение принципиальных вопросов государственного строительства являлось прерогативой Учредительного собрания. Все эти месяцы Православная церковь существовала в виде государственного Ведомства православного исповедания (Ведомства Св. Синода), а его «служащие» (включая большую часть православного духовенства) получали содержание из казны. В связи с этим оценивать реакцию духовенства на свержение монархии можно только, принимая во внимание, что Православной церкви как отдельной независимой структуры в тот момент не существовало: архиереи и священники как государственные чиновники обязаны были провозглашать «многолетие» Временному правительству, власть которому передали Романовы.

2. Вместе с тем, в течение 1917 года шел постепенный демонтаж системы церковного управления, введенной Духовным регламентом 1721 года, и параллельно происходило формирование самостоятельной церковной организации: через активизацию верующих мирян, выдвижение на епархиальных съездах поддерживаемых обществом представителей и выборы членов церковных учреждений, через переизбрание части глав епархий и созыв в августе 1917 года Поместного Собора, выработавшего новую систему власти в церкви. При этом новые органы высшего церковного управления вступили в действие только после разгона большевиками Учредительного собрания и объявления ими об отделении церкви от государства.

3. Несмотря на то, что вопрос о статусе Православной церкви в России был отложен до Учредительного собрания, после Февраля 1917 года начался постепенный процесс разделения государственной и церковных сфер: в области государственной идеологии, гражданского права и народного образования. Этот процесс завершился принятием 23 января 1918 года Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

4. После Февраля 1917 года православие столкнулось с тяжелейшим кризисом, связанным с утратой им статуса государственной идеологии и ассоциацией с павшим самодержавием. Соперником православной веры выступили все более распространявшиеся социалистические идеи, проповедовавшие атеизм и отрицавшие ценность церкви как общественного института. С первых же дней Февральского переворота проявилось негативное и даже агрессивное отношение части общества к православному духовенству и религиозным святыням. Таким образом, вовсе не большевики начали «гонения» Православной церкви в России, они только использовали и поощряли те антиклерикальные настроения, которые уже существовали до их прихода к власти. В этих условиях перед церковью возникла необходимость восстановления престижа веры и перенесения точки опоры с органов самодержавного государства на верующих.

5. Между Временным правительством, представлявшим собой коалицию разных политических сил, и Православной церковью не было стратегического или тактического союза, как об этом писала советская историография. Правительство сохраняло прежние государственно-церковные отношения лишь формально, пытаясь защищать церковные интересы и собственность главным образом постольку, поскольку это соответствовало принципам законности. Вместе с тем, в условиях слабости государственной власти в феврале – октябре 1917 года ее политика в отношении церкви во многом определялась личной позицией того или иного государственного деятеля, и в частности чиновника, занимавшегося вопросами «духовного ведомства». Поэтому взаимоотношения Временного правительства и церкви можно условно разделить на два периода: обер-

прокуратуры В.Н. Львова (март – июль 1917 года) и Министерства исповеданий А.В. Карташева (август – октябрь 1917 года). Первый период характеризовался активным вмешательством обер-прокурора в дела церковного управления, второй – отказом от подобной практики при сохранении поддержки церкви со стороны государства. После Октябрьского переворота советское руководство не стало назначать в Ведомство православного исповедания своего комиссара, и до января 1918 года церковь *de jure* продолжала автономно существовать в статусе государственного ведомства под эгидой Министерства исповеданий.

6. После свержения самодержавия бывшая господствующая вера, олицетворявшая собой единство Российской империи, ощутила на себе центробежные тенденции в государстве, связанные со стремлением ряда областей к автономии или даже независимости. На территории национальных окраин с православным населением (в Грузии и Украине) подобные сепаратистские настроения оказались сопряжены с требованиями церковной автокефалии.

7. Перестав быть Ведомством православного исповедания и так и не получив никакого юридического статуса, в январе 1918 года церковь фактически оказалась в оппозиции к Советскому государству. Для большевиков церковь представляла опасность как организованная структура, являющаяся носителем альтернативной идеологии и способная мобилизовать под своими знаменами значительную часть населения. Для церкви неприятие советской власти в начале 1918 года было обусловлено не столько идеологическими моментами и даже не начавшейся реквизицией имущества бывшего духовного ведомства. Основная причина заключалась в том, что церковное руководство не считало Совнарком и ВЦИК Советов легитимными органами, а провозглашенное отделение церкви от государства не являлось итогом общественного консенсуса и не было облечено в законные формы (принято признанной всеми верховной властью: императором, Временным правительством или Учредительным собранием). Более того, представители Православной церкви (в лице патриарха, Синода и Поместного Собора) не только не были приглашены к участию в составлении документа, но

даже не уведомлены о его подготовке. Это стало одним из отправных пунктов начала противостояния церкви и Советского государства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов обеспечивается следованием принципам объективности, историзма и системности, строгостью используемых методов исторического исследования, а также широким кругом используемых исторических источников.

Основные положения и выводы диссертации представлены автором в 27-ми опубликованных научных работах, в том числе 16-ти статьях в научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, и монографии. Общий объем публикаций по теме исследования составляет 53,05 п.л. Кроме того, основные положения исследования были представлены в виде докладов на 9 конференциях, в том числе одной международной.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историография

Проблема государственно-церковных отношений в России в феврале 1917 – январе 1918 годов еще не являлась предметом специального исследования: в историографии отдельно рассматривались аспекты внутрицерковной жизни указанного периода, отдельно религиозная политика Временного правительства и отдельно мероприятия советской власти, связанные с изданием Декрета от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви. Комплексного анализа изменения положения Православной церкви в первый после свержения самодержавия революционный год, включая такие сферы как административная, идеологическая, народного образования, гражданского права, финансов, проведено не было.

Первые работы, затрагивавшие вопрос о государственно-церковных отношениях в России после свержения самодержавия стали появляться еще в годы Гражданской войны. Это были статьи и брошюры советских авторов публицистического характера, доказывавшие прогрессивность Декрета от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви¹. Все мероприятия Временного правительства объявлялись в этих работах «контрреволюционным заговором буржуазии, помещиков и попов», а действия Совнаркома превозносились. С подобными идеологическими установками ни о каких реформах в области государственно-церковных отношений марте – октябре 1917 года, конечно же, речи не было. Один из известнейших большевистских авторов Н.М. Антонов (Лукин) писал в 1919 году: «Буржуазия крепко держится за союз церкви с государством, потому что государственная церковь является одним из орудий классового господства буржуазии»². По утверждению Антонова

¹ Кремлев (Свен) И.Л. Свобода совести и отделение церкви от государства. М., 1918; Буров Я.И. Что означает закон о свободе совести и отделении церкви от государства? (Подробное постатейное рассмотрение Декрета о свободе совести с ил. самого Декрета). М., 1918; Лукин Н.М. Церковь и государство. Пг., 1919; он же. Революция и церковь. 4-е издание. М –Л., 1925.

² Лукин Н.М. Церковь и государство. С. 23.

открывшийся при поддержке правительства в августе 1917 года Поместный Собор служил цели консолидации всех контрреволюционных сил¹. Руководитель VIII отдела Наркомата юстиции П.А. Красиков также констатировал, что Временное правительство «заключило союз с церковью и попыталось взять к себе ее на службу с ее огромным бюрократическим механизмом, не только оставив его в полной неприкосновенности, а еще придав ей самодержавную организацию, разрешив ей в лице Тихона вновь восстановить патриаршество»². Из всего вышесказанного соответствует истине только замечание о том, что Временное правительство не стало трогать систему центральных и епархиальных учреждений синодального ведомства. А что касается избрания патриарха, то оно состоялось 5 ноября 1917 года, и бумагу о согласии на проведение церемонии наречения выдал большевистский Военно-Революционный Комитет (далее – ВРК)³.

С начала 1920-х годов Советское государство стало всячески поощрять «революционное летописание» с тем, чтобы идеологически закрепить завоеванные в революции и Гражданской войне позиции. Однако это практически не коснулось церковной тематики, поскольку политическая война с церковью в тот момент еще не закончилась. В 1922 году орган Истпарта ЦК ВКП(б) журнал «Пролетарская революция» опубликовал статью, в которой намечались основные темы для изучения истории Октябрьской революции⁴. Это была одна из первых большевистских программ исторических исследований, которой ставилась задача стимулировать работу историков в нужных направлениях. Но о церкви там не сказано ни слова.

Вместе с тем, заигрывая с обновленцами против патриарха Тихона и верных ему архиереев, Советское правительство в первой половине 1920-х годов

¹ Там же. С. 24.

² Красиков П.А. Советская власть и церковь. М., 1920. С. 4. См. также: Красиков П.А. На церковном фронте (1918–1923). М., 1923; он же. Избранные атеистические произведения. М., 1970.

³ ГАРФ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.

⁴ Темы для работы по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 323–325.

благосклонно относилось к обновленческой историографии¹. Публикации «обновленцев» сочетали в себе элементы как исторических исследований, так и воспоминаний, и носили во многом публицистический характер. Авторы стремились доказать тезис о реакционности и контрреволюционности православного епископата – оплота патриаршей церкви. Например, А.И. Введенский указывал, что Православная церковь поддерживала Временное правительство постольку, поскольку видела в нем путь к восстановлению монархии: «По мере развития революции, все реакционные силы сплачиваются около церкви. И быстро тонет в бездне церковной контрреволюции маленькая лодочка подлинной евангельской традиции»². При некоторой идейной односторонности, работы обновленцев стали первыми более или менее обстоятельными очерками по истории отношений государства и церкви после Февраля 1917 года. Так, книга бывшего профессора Петроградской духовной академии Б.В. Титлинова «Церковь во время революции» использовалась многими авторами в качестве основного первоисточника и до сих пор остается одним из самых ярких исследований по указанной теме. С марта по сентябрь 1917 года Титлинов занимал должность редактора газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» и поэтому как никто другой имел представление о том, что происходило в столице и епархиях в революционные месяцы. «Нельзя сказать, чтобы вопрос об отношении государства и церкви в период Временного правительства выяснен был действительно определенно, – писал Титлинов, – Временное правительство, видимо, сознательно не хотело брать на себя ответственность за какой-либо решительный шаг в данном направлении, предоставляя эту задачу Учредительному собранию»³. В то же время Титлинов замечал, что радикальное отделение церкви от государства в начале 1917 года могло привести к установлению в ней власти епископата. Проведенные при

¹ Адамов Д. Политическое обоснование церковного обновленчества. Воронеж, 1925; Введенский А.И. Церковь и государство (очерк взаимоотношений церкви и государства в России в 1918–1922). М., 1923; Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924; он же. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924.

² Введенский А.И. Церковь и государство. С. 3.

³ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. С. 74.

активном участии обер-прокурора В.Н. Львова церковные реформы, по мнению Титлинова, помогли Православной церкви «организоваться снизу» и сбросить с себя тяжелое распутинское наследие в лице епископской иерократии. Автор отметил и то, что многие функции церковного управления в 1917 году осуществлялись не правительством, а Синодом, хотя юридически это никак не было закреплено¹. Впрочем, время после Октября 1917 года оценивалось Титлиновым более негативно: на Поместном Соборе победило консервативное направление, что проявилось в восстановлении патриаршества и неприятии советской власти. Предложенная Титлиновым схема анализа событий и явлений церковно-государственных отношений в России в 1917 году через призму столкновения двух противоборствующих течений: иерократического и обновленческого, во многом стала определяющей для ряда последующих работ.

Конец 1920-х и 1930-е годы отмечены выходом в СССР большого количества публикаций разных авторов по истории церкви в период революции и Гражданской войны. Однако все эти издания были далеки от серьезных исторических работ, представляя собой политическую публицистику, превозносившую политику советской власти в рамках реализации декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви². Так, Л.П. Дьяконов беззастенчиво сообщил, что «всякая активная борьба против церкви со стороны Советской власти не имела места. В противном случае это было бы сопряжено с насилием над совестью и свободой человека. На этот путь Советская власть не встала»³. Е. Ярославский вообще заявил в сборнике «XX-летие отделения церкви от государства», что «в самый момент октябрьской революции главари церкви под руководством митрополита Тихона созвали контрреволюционный Собор, на котором кроме главарей церкви присутствовали крупнейшие помещики, бывшие графы и князья, которых революция лишила власти»⁴. Создавалось впечатление,

¹ Там же. С. 79.

² См. например: Попов М.В. Церковь в годы реакции и революции. Иваново-Вознесенск, 1931 и др.

³ Дьяконов Л.П. Советские законы о церкви. Ленинград, 1926. С. 12.

⁴ Ярославский Ем. Пролетарская революция и церковь // XX-летие отделения церкви от государства. М., 1938. С. 4.

что Собор специально был организован в пику большевикам, а не готовился с 1905 года.

Советские авторы 1930-х годов продолжали называть церковь центром контрреволюции и подчеркивали лишь те моменты, которые свидетельствовали о союзе «буржуазного» Временного правительства и православного духовенства в марте – октябре 1917 года. «Мракобесы с церковного амвона официально должны призывать население к подчинению Временному правительству, а неофициально вне храма они могут и должны вести агитацию за восстановление монархии, так как по личным убеждениям они в подавляющем большинстве монархисты», – писал В. Зеленцов¹. Ему вторил Н. Амосов: «Собор, состоявший из черносотенных князей церкви и из крупных помещиков, стал штабом церковной контрреволюции»². Самый плодовитый из советских авторов тех лет, занимавшийся историей церкви в годы Гражданской войны, Б.П. Кандидов, поместил в центре своих исследований тему сотрудничества правительств Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского с Православной церковью в деле государственного строительства³. Кандидов подчеркивал, что находившиеся у власти буржуазия и «соглашатели» финансировали и охраняли церковь, а та в свою очередь обеспечивала им одну из идеологических опор. Особой критике подвергались в этой связи представители социалистических партий: «глава правительства эсер Керенский принимал поповские депутации, награждал попов, участвовал в церковных церемониях... Вопреки своей собственной программе меньшевики не только ничего не сделали для отделения церкви от государства, но вели

¹ Зеленцов В. Контрреволюционная деятельность церковников бывшей Нижегородской губернии в 1917–1918 гг. // *Антирелигиозник*, 1937. № 58. С. 18.

² Амосов Н. Октябрьская революция и церковь // *Антирелигиозник*, 1937. № 10. С. 48. См. также: Амосов Н. Октябрьская революция и церковь. М., 1939; Зарин П. Февральская революция и церковь: (по арх. материалам Чернозем. губ.) // *Антирелигиозник*. 1937. № 3. С. 58–66 и др.

³ Кандидов Б.П. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции // *Антирелигиозник*. 1937. № 10. С. 26–28; он же. Религиозная контрреволюция 1918 – 1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930; он же. Октябрьские бои в Москве и церковь. М., 1931; он же. Церковь и февральская революция. Классовая позиция православной церкви в период февраля-августа 1917 г. Материалы и очерки. М., 1934; он же. Религиозные организации и антирелигиозное движение в период подготовки Великой пролетарской революции // *Антирелигиозник*. 1937. № 9. С. 13–23.

религиозную агитацию, скатываясь на сектантские позиции»¹. В качестве основного источника советские авторы 1930-х годов использовали отрывочные сведения периодической печати, при этом совершенно игнорируя тот факт, что и большевики объявили об отделении церкви от государства только через три месяца после Октябрьского переворота, а финансовые перечисления учреждениям духовного ведомства продолжались как минимум до лета 1918 года. Не вызывает сомнений, что главной целью всех этих публикаций было не всестороннее исследование фактов, а антирелигиозная пропаганда².

Во второй половине 1950-х годов после решений XX-го съезда КПСС в нашей стране наметился огромный интерес к изучению событий 1917 года. Открывались архивы. К 50-летию Октября стали издаваться подборки документов³. Появился ряд работ, посвященных 1917 году, в том числе положению церкви при Временном правительстве. Вместе с тем, изучение государственно-церковных отношений по-прежнему вели авторы, занимавшиеся историей церкви, а не государства, и, конечно же, никак не изменилась негативная оценка роли православного духовенства в жизни общества. Деятельность министерств князя Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского, как и раньше, подвергалась жесткой критике, а первые декреты советской власти рассматривались в пропагандистско-декларативном ключе⁴. «Хотя кадетская

¹ Кандидов Б.П. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху подготовки великой пролетарской революции. С. 16.

² Вместе с тем, западный исследователь Джон Кертис высоко оценивал труды Б.П. Кандидова, отмечая, что приводимые им цитаты всегда соответствовали первоисточнику. Но все комментарии и интерпретации следовали в агрессивно антицерковном ключе. См.: Curtiss John. The Russian church and The Soviet state. Boston, 1953. P. 327.

³ См. например: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957; Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957; Революционное движение в России в мае–июне 1917г. Июньская демонстрация: Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в июле 1917 г. – Июльский кризис. М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. – Общенациональный кризис. М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1 – 24 октября 1917 г.) М., 1962 и др.

⁴ Плаксин Р.Ю. Церковная контрреволюция в дни октября // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 42–52; Он же. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923. М., 1968; он же. Тихоновщина и ее крах: позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. М., 1987; Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; Осипова Е.С. Поместный собор православной церкви. 1917–1918 гг. // Вопросы научного атеизма. М., 1967. Вып. 3. С. 204–226; она же. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65–76; она же. Временное правительство и церковь // Церковь в истории России. М., 1967. С. 65–76.

программа выдвигала либерально-демагогическое требование о свободе совести, а в программу эсеров и меньшевиков включалось отделение церкви от государства, Временное правительство до самой Октябрьской революции не только не осуществило этого отделения, но и вообще не провело никакой значительной церковной реформы», – писал Р.Ю. Плаксин¹. Ему вторила Е.С. Осипова: «Главной задачей Собора явилась борьба с пролетарской революцией»². В отношении положения церкви и мероприятий большевиков в первые послеоктябрьские месяцы по-прежнему сохранялось молчание. Выбор изучаемых аспектов обуславливался жесткими идеологическими рамками, в результате чего исследовались только политическая (неприменно контрреволюционная) позиция духовенства и борьба с ним народных масс. Так, Л.И. Емелях – автор наиболее обстоятельных работ, основанных на архивных материалах – показала, что большевики опирались в своей политике против церкви на широкое антиклерикальное движение, начавшееся еще весной 1917 года и выразившееся в изгнании священников и захвате церковных земель³. Приводя факты защиты Временным правительством интересов церкви, Емелях заключала, что «Февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила религиозного вопроса в стране, почти не изменила отношений между церковью и государством»⁴. Вместе с тем, в силу существовавших идеологических установок автор объединила в понятие «антиклерикальное движение» совершенно разные по своему характеру явления, в том числе и факты «епархиальной» («церковной») революции, то есть противостояния низшего духовенства власти епископата, а также межконфессиональные столкновения.

Подобный подход продолжал существовать до конца 1980-х годов. Так, Э.А. Снигирева констатировала, что Февральские события духовенство признало лишь из-за давления народа, а покровительство Временного правительства как бы

¹ Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923. С. 14.

² Осипова Е.С. Поместный собор православной церкви. С. 204.

³ Емелях Л.И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. Вып.5. С. 50–63; она же. Крестьяне и церковь накануне октября. Л., 1976.

⁴ Там же. С. 140.

освободило церковь от необходимости реформирования¹. С ней соглашался М.С. Корзун, заявляя, что после Февраля «прежняя политика сохранилась, произошла только смена правительства»². И.А. Кривелев замечал, что А.Ф. Керенский устраивал церковников меньше, чем Л.Г. Корнилов, но гораздо больше, чем В.И. Ленин³. В работах советских авторов конца 1950-х – 1980-х годов по истории Православной церкви по-прежнему отсутствовал комплексный анализ источников, и выводы делались на основании лишь нескольких произвольно взятых фактов.

Демократизация общественной жизни и упразднение многих идеологических «табу» в конце 1980-х годов впервые предоставили отечественным авторам возможность начать серьезное изучение проблемы взаимоотношений государства и Православной церкви в 1917 – начале 1918 годов. Кроме того, введение во многих гуманитарных ВУЗах России «цивилизационного подхода» в преподавании социальных дисциплин вызвало необходимость срочной разработки курсов по истории государственно-церковных отношений. Однако вышедшие в начале 1990-х годов учебные пособия показали, что по изучаемой проблеме в историографии существует огромный пробел. Например, Ю.Н. Бакаев продолжал развивать старую антирелигиозную концепцию, замечая, что «российская буржуазия и служители различных культов быстро нашли общий язык»⁴. А автор другого учебного пособия И.В. Левченко построила свое

¹ Снигирева Э.А. От февраля к октябрю (Церковь и политика) // Атеизм, Религия, Современность. Л., 1973. С. 88–102.

² Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917 г. Минск, 1984. С. 224. См. также: он же. Русская православная церковь. 1917–1945 гг. : Изменение социал.-полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения. Минск : Беларусь 1987.

³ Кривелев И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982. С. 27. Применительно к ситуации конца 1917 – начала 1918 года это утверждение представляется весьма сомнительным: к Керенскому многие представители духовенства и верующие относились в то время хуже, чем к Ленину, так как глава Временного правительства не оправдал возлагавшихся на него надежд. Ленин же представлялся «открытым гонителем всего святого», поэтому менее лицемерным и опасным (см. например выступление Н.Д. Кузнецова на Поместном Соборе 28 марта 1918 года: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. Москва, 1999. С. 59).

⁴ Бакаев Ю.Н. История государственно-церковных отношений в России. Хабаровск, 1994. С. 52.

изложение, просто пересказывая «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова¹.

Тем не менее, с начала 1990-х годов начали появляться исследования, посвященные истории Православной церкви в России, стремившиеся по-новому взглянуть на события первых революционных лет. Так, В.А. Алексеев в пику советской историографии доказывал, что православное духовенство вовсе не являлось оплотом контрреволюции, а многие его представители придерживались весьма радикальных политических взглядов². При этом автор одним из первых обратился к архивным материалам Совета Народных Комиссаров (далее – СНК), попытавшись реконструировать мероприятия советского руководства в отношении церкви в конце 1917 – начале 1918 годов. К сожалению, формулировки принимаемых правительством постановлений не всегда излагались автором корректно. Так, Алексеев сообщил, что 4 марта 1918 года СНК под председательством В.И. Ленина рассмотрел «еще ряд шагов органов НКВД по изъятию церковных средств»³. На самом деле, согласно опубликованным в 2005 году журналам СНК, в этот день правительство рассмотрело представление Г.И. Петровского «о передаче кредитов ликвидируемых согласно декрету об отделении церкви от государства учреждений в ведение Комиссариата внутренних дел» и направил его для изучения в Государственное казначейство⁴. То есть речь шла всего лишь о корректировке действующей сметы государственных расходов, а вовсе не об «изъятии средств». Имеются и другие мало обоснованные утверждения. Например, историк значительно преувеличил роль депутации Поместного Собора в заключении перемирия между Комитетом общественной безопасности и Московским ВРК 2 ноября 1917 года. По мнению Алексеева, юнкера начали сдаваться по призыву Собора, в то время как в

¹ Левченко И.В. Русская православная церковь и государство. Иркутск, 1997.

² Алексеев В.А. Иллюзии и догмы // Агитатор. 1989. № 16. С. 19–23; он же. Был ли патриарх Тихон вождем церковной контрреволюции? // Диалог. 1990. № 10. С. 93–104; он же. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 14–15; он же. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.

³ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 46.

⁴ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 409. В исполнительном листе написано «Передано в Государственное казначейство за № 712». См.: там же. С. 414.

действительности соборное послание о перемирии им вообще никто не передавал¹.

Несмотря на некоторые неточности, книга Алексеева стала первой работой, призвавшей отказаться от устоявшейся в советской историографии точки зрения на духовенство как исключительно реакционный фактор в истории российского общества. И этот посыл тут же нашел свое развитие в публикациях других авторов. Так, Б. Бакулин дополнил выводы Алексеева заключением о том, что «революция в государственном строе, свергшая царское самодержавие, отозвалась немедленной революцией и в церковном строе»². М.Ю. Крапивин попытался, отбросив идеологические штампы предыдущей эпохи, установить реальные причины противостояния большевиков и церкви³. А О.Ю. Васильева пришла к заключению, что церковь в лице Поместного собора и патриарха призывала к миру и недопущению гражданской войны, а антисоветскими их сделали безапелляционные действия Совета Народных Комиссаров⁴.

Уже с начала 1990-х годов историки заинтересовались проблемой, как свержение самодержавия и начавшиеся революционные процессы отразились на православном духовенстве. В частности, Т.Г. Фруменкова, используя материалы Российского государственного исторического архива, исследовала вопрос о состоянии после Февраля 1917 года высшего церковного управления и судьбе епископата. Автор указала, что истоки конфликта между Синодом и обер-прокурором Временного правительства В.Н. Львовым коренились в стремлении последнего ослабить позиции епископов. Пристальное внимание Фруменкова

¹ Алексеев В.А. Указ. соч. С. 24.

² Бакулин Б. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993. С. 149.

³ Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917 – 1941 гг.) Волгоград, 1993. К сожалению, данная работа пестрит ошибками. В частности, автор заявил, что Временное правительство обещало восстановить патриаршество, чего на самом деле не было. Также, по мнению историка, сразу после Октябрьского переворота Поместный Собор «выступил с заявлением о незаконности захвата власти большевиками в преддверии Учредительного Собрания». О таком заявлении источники ничего не сообщают. См.: там же. С. 6–7. В более поздней своей работе Крапивин почему-то объявил, что духовенство после Февраля «продолжало делать вид, как будто ничего в стране не изменилось», а Временное правительство отменило обязательность преподавания Закона Божьего. См.: Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 7.

⁴ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

уделила кадровой политике Львова в среде православной иерархии, сделав вывод, что Временное правительство стремилось удержать «на плаву» лояльных себе архиереев, несмотря на идущие из епархий требования их отставки¹.

Оправдывал церковную политику Временного правительства и протоиерей С. Голубцов, указывая на то, что его мероприятия были обусловлены требованиями клира и мирян². К выводам Голубцова близок А.А. Бовкало, показавший, что церковные реформы весны лета 1917 года являлись неизбежным следствием накопившихся проблем Православной церкви, чрезвычайно обостренных в условиях революции³.

Ряд важных моментов государственно-церковных отношений в 1917 – начале 1918 гг. рассмотрел в своих работах М.И. Одинцов. По мнению историка, «Февраль не только дал свободу действий либерально-буржуазным кругам, но и одновременно обрек их на открытое соревнование идей по церковному вопросу с социал-демократической рабочей партией, которая боролась и агитировала за отделение церкви от государства и школы от церкви». Однако, по мнению Одинцова, Временное правительство сделало ставку на союз с Православной церковью, затормозило реформы и утратило поддержку со стороны представителей других конфессий. В результате «доделывать» буржуазные реформы в религиозной сфере пришлось уже большевикам⁴. Вместе с тем, Одинцов обоснованно заключил, что «события зимы – весны 1918 года были в определенной мере неожиданными для большевиков», рассчитывавших на быстрое и относительно безболезненное введение Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. «Залогом тому были уверенность в полной

¹ Фруменкова Т.Г. Синод и февральская революция // Революция 1917 г. Сб. науч. статей. СПб., 1995. С. 27–34; она же. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. С. 75–92; она же. Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Св. Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996. С. 74–78.

² Голубцов Сергей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999.

³ Бовкало А.А. Последний протопресвитер придворного духовенства Александр Дернов // Из глубины времен. Вып. 13. СПб., 2005. С. 83–94; Бовкало А.А., Галкин А.К. Правящие архиереи Санкт-Петербургской – Петроградской епархии. Хронологический список // Христианское чтение. Журнал Православной Духовной Академии. 1991. № 2. С. 55–64; Бовкало А.А. Февральская революция и проблемы взаимоотношений церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях: материалы конференции 22 – 23 марта 1993 г. СПб., 1996. С. 62–76.

⁴ Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений, 1917 – 1938 гг.) М., 1991. С. 4, 6.

дискредитации “политического лица” духовенства и органов церковного управления, рост антиклерикальных настроений в массах, в том числе и в деревне»¹.

Со второй половины 1990-х годов церковные мероприятия Временного правительства все чаще стали рассматриваться отечественными историками в контексте его общей политики (а не в рамках собственно церковной истории). Так, соответствующий раздел в коллективной монографии «Власть и реформы» подготовил В.Ю. Черняев². Вслед за ним о политике Временного правительства в отношении Православной церкви бегло писали Н.В. Белошапка и Н.А. Коваленко, но их работы ограничивались лишь перечислением основных принятых правительством постановлений³. А исследовавший механизм функционирования Временного правительства Ф.А. Гайда обоснованно заключил, что в методах обер-прокурора Синода В.Н. Львова проявилась тенденция концентрации полноты власти в его руках, сопровождавшаяся «неограниченной самодеятельностью новообразованных по собственной инициативе общественных организаций, чья работа проходила под формальным покровительством революционного правительства»⁴.

¹ Там же. С. 13. См. также его работы: Одинцов М.И. Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1862 – 1936) // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 109–145; он же. Всероссийский Поместный собор 1917 – 1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. М., 2001. № 8. С. 121–138; он же. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; он же. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти // Вопросы научного атеизма. 1989. Вып. 39. С. 292–331; он же. «Дело» патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1983. № 6. С. 46–71; он же. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. № 1–6; он же. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти // Вопросы научного атеизма. 1989. Вып. 39. С. 292–331; он же. На пути к Поместному Собору (февраль – август 1917 г.) // Религиоведение. 2001. № 2. С. 9–30; он же. Русские патриархи XX века: судьбы отечества и церкви на страницах архивных документов. Ч. I. М., 1999; он же. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.

² Власть и реформы. СПб, 1996. С. 669.

³ Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 140–143; Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования. М., 2000. С. 230, 265–267.

⁴ Гайда Ф.А. Русская церковь и политическая ситуация после Февральской революции 1917 года (к постановке проблемы) // Материалы по истории русской иерархии: статьи и документы. М., 2002. С. 65–67; он же. Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.). Материалы. М., 2012. С. 66–69.

Историк О.Ю. Редькина продолжила начатое М.И. Одинцовым изучение законодательства Временного правительства в области свободы совести¹. Автор выделила два этапа: по ее мнению, с марта по июнь 1917 года происходило «латание» старых царских законов, а со второй половины лета началась полная перестройка государственно-церковных отношений на принципах свободы совести и «внеконфессионального государства». Решающим в определении принципов вероисповедной политики Временного правительства, по заключению Редькиной, являлась позиция партии народной свободы². Данный вывод представляется обоснованным в отношении законодательных инициатив МВД и инициированного этим ведомством Закона о свободе совести от 14 июля 1917 года. Однако если речь идет о Православной церкви, дело обстоит несколько сложнее. Ведь положения «церковной программы», принятой на IX-м съезде кадетов в конце июля 1917 года, не совпадали с постановлениями предыдущих конференций и съездов этой партии, поскольку были вызваны обстоятельствами текущего момента. Инициаторами этой программы являлись деятели Временного правительства кадеты А.В. Карташев и С.А. Котляревский, стремившиеся закрепить постановления прошедшего в июне – июле 1917 года Предсоборного Совета в резолюциях своей партии. Так что в данном случае не кадеты влияли на правительство, а, скорее, наоборот.

С момента распада СССР вышло множество работ, затрагивающих отдельные аспекты проблемы государственно-церковных отношений в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. Например, Н.Н. Смирнов, рассматривая

¹ Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства (февраль–октябрь 1917) // Государственно-церковные отношения в России. Ч. 2. М., 1995. С. 80–88; она же. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; она же. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004.

² Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16. Вывод о решающем влиянии партии народной свободы на вероисповедную политику Временного правительства поддержала А.А. Дорская. См. ее работы: Дорская А.А. Законодательство Временного правительства о свободе совести в России 1917 г. // Революция 1917 г. Сб. статей. СПб., 1995. С. 146–152; она же. Вопрос о свободе совести в деятельности Государственной думы (I – IV созывов) // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. науч. статей. СПб., 1996. Ч. I. С. 51–54; она же. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; она же. Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX века. СПб., 1999. С. 354–363; она же. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX в. СПб., 2001.

историю российского учительства, проанализировал истоки и цели постановления Временного правительства от 20 июня 1917 о передаче церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения. Историк пришел к выводу о том, что этот правительственный шаг вовсе не являлся результатом стремления лишить церковь возможности влиять на образование, а представлял собой структурную реформу внутри государственных органов, к числу которых относилось и Ведомство православного исповедания¹.

Вопрос о месте Православной церкви в борьбе идей в России в 1917 году затронут в работах Б.И. Колоницкого. Он заключил, что прежнее религиозное мировоззрение масс стало быстро наполняться и замещаться новыми социалистическими идеями, которые распространялись более успешно, чем буржуазные, а «праздники социалистического движения воспринимались как официальные государственные праздники новой России». Даже члены Религиозно-философского общества в Петрограде и многие представители левых церковных течений симпатизировали «критике капитализма», а революция нередко воспринималась в рамках религиозного сознания как Пасха, воскрешение². Автор отметил, что «общественный кризис в канун революции проявлялся и в церковной жизни, соответственно, политический переворот не мог не привести к радикальному перевороту в этой области»³. Работы Б.И. Колоницкого вплотную подводят к такой важной теме, как место православного церковного мировосприятия в условиях революции 1917 года, его взаимодействие и противостояние с либеральной и социалистической идеологиями, а так же отношение духовенства к этим двум последним.

Ряд исследователей разрабатывали проблему поиска принципов церковно-государственных отношений в России после свержения монархии. В частности, К.В. Ковырзин справедливо заключил, что именно этот вопрос являлся базовым

¹ Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб, 1994.

² Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 191.

³ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 56–79.

для Православной церкви в 1917 году, и в него в конечном итоге упирались проводившиеся тогда церковные реформы. Проанализировав дискуссии, имевшие место среди клира и верующих мирян, Ковырзин констатировал, что они исходили из «кооперационной модели» будущих государственно-церковных отношений¹. В то же время И.А. Шершнева-Цитульская пришла к выводу, что Поместный Собор последовательно отстаивал для православия статус «государственной церкви», то есть независимой, но пользующейся поддержкой власти².

В основанной на широком архивном материале монографии Е.В. Беляковой «Церковный суд и проблемы церковной жизни» рассмотрен ход общественных дебатов начала XX века о необходимости упрощения церковной процедуры расторжения брака и даже о передаче ее светским судам³. Автор показала, что после Февраля 1917 года церковь была готова к появлению в России гражданской метрикации, но при условии, что рождение, венчание и смерть православных останутся в ведении духовенства. Именно такую позицию занял и Поместный Собор, настаивавший на том, что церковный брак не может заменяться гражданской регистрацией (в том числе, отказывая венчать после развода, оформленного только гражданским судом). По мнению Беляковой, источником напряженности в брачном вопросе во многом стали демографические сдвиги, вызванные войной: уже в 1916 году доля состоящих в браке женщин упала до 39,9%, а мужчин до 40,3%. Однако имелись и другие мотивы. В частности, Белякова обратила внимание на стремление советской власти разрушить традиционную семью как элемент старого, «патриархального» уклада: «объявляя

¹ Ковырзин К.В. Поместный Собор 1917-1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97; он же. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.) Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; он же. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

² Шершнева-Цитульская И.А. Гражданская правоспособность Русской православной церкви накануне Октября 1917 г. // Государство и право. 2008. № 11. С. 71–79; она же. Юридическая модель церковной организации (по материалам Поместного собора Русской православной церкви 1917-1918 гг.) // Религии мира: история и современность. М., 2004. С. 190–196.

³ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX века. Поместный собор 1917-1918 гг. и предсоборный период. М., 2004. С. 210–256.

о ненужности церковного развода, большевики открывали дорогу разгулу страстей, которые и так кипели в обществе, где большинство мужского населения было вовлечено в военные действия»¹. Такие идеи действительно активно продвигались рядом лидеров большевиков – прежде всего А.М. Коллонтай, но они не получили широкого распространения.

Работы профессора Тверского государственного университета Т.Г. Леонтьевой посвящены положению православного духовенства в российском обществе конца XIX – начала XX века². Автор сделала вывод о том, что, как ярко продемонстрировал первый революционный 1917 год, «роль духовенства как нравственного и духовного руководителя народа весьма сомнительна», его авторитет стремительно падал, а «приходское духовенство не только не могло дать нравственные установки деморализованному войной и революцией крестьянству, но и обнаружило собственный разлад»³. Главной причиной этого историк справедливо назвала отсутствие единства пастырей и паствы⁴. Т.Г. Леонтьева вообще довольно-таки скептически оценила возможности Православной церкви приспособиться к условиям модернизирующегося общества, и, что самое главное, быть полезным ему. По мнению историка, во второй половине XIX века «государство обязано было обеспечить духовный переворот, сравнимый по масштабам с Реформацией, но отнюдь не копирующий ее, прежде чем приступить к осуществлению Великих реформ»⁵.

Выводы Т.Г. Леонтьевой во многом находят свое подтверждение в исследованиях, посвященных политической деятельности Православной церкви в начале XX века, в том числе участию духовенства в Государственной думе

¹ Там же. 305–307.

² Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–43; она же. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX века) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170–178; она же. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; она же. Жил-был поп... Духовенство в российской повседневности. Родина. 1999. № 11. С. 42–47;

³ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века. С. 41.

⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. С. 246.

⁵ Там же. С. 242–243. Вслед за Т.Г. Леонтьевой о «религиозном индифферентизме» населения России как «повседневном явлении» начала XX века писала Л.А. Андреева. См.: Андреева Л.А. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 90–99.

разных созывов. Авторы отмечали, что церковь не выступала «единым фронтом», а епископы и священники в парламенте рассредоточивались по фракциям¹. Это может свидетельствовать не только об отсутствии солидарности внутри духовного сословия, но и о том, что церкви как самостоятельной единицы, способной сформулировать собственную общественную позицию до 1917 года вообще не существовало. А Г.А. Ивакин сделал вывод, что «депутаты от клира не были серьезной политической силой. Духовенство не руководило общественным мнением и обладало малым влиянием вне сферы богослужения, обряда, традиций и православных обычаев»².

В последние два десятилетия появился целый ряд исследований, затрагивающих историю государственно-церковных отношений после 1917 года в различных регионах бывшей Российской Империи. Что необычайно важно, эти работы основаны в значительной мере на материалах местных архивов и вводят в научный оборот множество ранее неизвестных документов. При этом авторы выявляют и некоторые региональные особенности взаимодействия государства и церковных учреждений в революционный период³. В частности, нужно отметить

¹ Рожков Владимир, протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004; Скутенев А.В. Русская православная церковь и политика (пореформенная эпоха второй половины XIX – начала XX века) // Научное мнение. 2013. № 8. С. 149–154; Шепелева Н.Д. Русская православная церковь в социально-политической истории России в начале XX века: На материалах Тамбовской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

² Ивакин Г.А. Православное духовенство Российской Империи: испытание светской политикой (о работе православного духовенства в Государственных думах Российской Империи). М., 2012. С. 181.

³ Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений :1917 – 1991 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006; Алленов А.Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917 –1927 гг. : На материалах Тамбовской губернии : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004; Борисова В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917 – 1936 гг. (на материалах Зауралья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012; Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг.: На примере Урала. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Бунин А.Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905 – 1929 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; Емельянов С.Н. Власть и церковь. Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. М.-Курск, 2001; Коголь Т.Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005; она же. Русская православная церковь и государство. 1917 – 1927 гг. (на материалах Западной Сибири). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996; Косик О. Из истории Владимирской епархии (1917–1923) // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. С. 26–75; Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917–1937 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004; Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003; Нечаев М.Г. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917 – 1919 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988; он же. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 гг. Пермь, 2004; Новикова Т.М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011; Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917 – 1953 гг.) Орел, 2008;

монографию И.С. Цыремпиловой, посвященную ситуации в Байкальском регионе. Наиболее интересен вывод историка о том, что в Иркутске, Чите и Улан-Удэ в первые месяцы революции не имелось открытого антагонизма между духовенством и новыми органами власти (общественными комитетами): священнослужители включились в их формирование, получив небольшое представительство¹. В Европейской России отношение к духовенству было гораздо более настороженное, и случаев его участия в местном самоуправлении после Февраля практически не прослеживается.

Наиболее детальный анализ положения Православной церкви в России в последние десятилетия существования самодержавия принадлежит С.Л. Фирсову². Отметив существование множества конфликтов и противоречий внутри самой церкви, озвученных, в том числе, в ходе работ Предсоборного Присутствия (1905 – 1906 гг.), историк заключил, что «в условиях политической нестабильности и нараставших год от года внутренних проблем церковные реформы не столько содействовали бы освобождению Церкви от излишней государственной зависимости, сколько воспринимались бы как разрушение союза

Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии). Киров, 2007; Страхова И.А. Взаимоотношения государственной власти и православного духовенства в 1917 – 1930 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2010 и др.

¹ Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. С. 12.

² Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. См. также: Фирсов С.Л. Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота в последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 19–24; он же. Протопресвитеры русской армии и флота (1890 – февраль 1917 гг.): Сравнительный обзор // Новый часовой. 1994. № 1. С. 6–14; он же. Великие кануны: некоторые социально-психологические аспекты российской истории начала XX столетия // Новый часовой. 1995. № 3. С. 128–138; он же. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996; он же. Финансовое положение русской церкви в последнее предреволюционное десятилетие // Церковно-исторический вестник. 1998, № 1. С. 145–161; он же. Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и Всея Руси: к вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999; он же. Революция 1917 г. и попытки «демократизации» Русской церкви // Церковно-исторический вестник. М., 2000. № 6–7. С. 196–208; он же. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007; он же. Отношение к монархии и монарху накануне революции 1917 г. И в первые месяцы после Февраля // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 24–43; он же. Владыка Питирим (Окнов): к истории назначения на петроградскую митрополицию кафедры // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 35. С. 22–31; он же. Искусившийся властью. История жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011; он же. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории». М., 2014.

властей, отказ от покровительства православию»¹. В то же время система высшей государственной власти после 1906 года пополнилась внеконфессиональным народным представительством – Государственной думой, через утверждение которой должны были проходить ежегодные бюджеты синодального ведомства и некоторые другие касающиеся православия законы. По справедливому заключению Фирсова, это составляло диссонанс и воспринималось, как унижение церкви. При этом финансирование государством духовенства постепенно увеличивалось: если в начале XX века оплачивались казной 24 625 причтов из 49 082 (менее половины), то в 1917 – уже 35 516 из 42 713 (более трех четвертей)². Автор сделал вывод, что «монархия ничего не сделала, чтобы подготовить Церковь к самостоятельному политическому бытию, да, скорее всего, и не могла ничего сделать. В итоге, 1917 год стал для Церкви рубежным не только в связи с гибелью монархии, но и в связи с изменением ее положения в государстве: в начале (при Временном правительстве) оно было не до конца определенным, а затем (после прихода к власти большевиков) – определенно неудовлетворительным»³.

В монографиях и статьях другого петербургского историка – А.Н. Кашеварова – на основании церковных документов (прежде всего, «Деяний» Поместного Собора и материалов журнала «Церковные ведомости» за 1917 и 1918 годы) проанализирована динамика развития отношения церкви к государственной власти в России после Февраля 1917 года. Исследователь выявил основные проблемные моменты и центральные события церковно-государственных отношений исследуемого периода, в числе которых назвал постановление о передаче церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения, Закон о свободе совести, а после Октября – реквизицию Петроградской синодальной типографии и попытку захвата Александро-Невской Лавры⁴. При

¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 6.

² Там же. С. 25–26.

³ Там же. С. 17.

⁴ Кашеваров А.Н. Высшее церковное управление Русской Православной церкви в период гражданской войны // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 93–99; он же. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917 – 1945 гг. СПб.,

этом Кашеваров совершенно проигнорировал тот факт, что на момент начала 1918 года Православная церковь все еще оставалась ведомством, интегрированным в остатки государственного аппарата Временного правительства. На это не обратил внимания и занимавшийся изучением взаимоотношений религиозных организаций и советской власти в 1917 – 1930-х годах Ю.Н. Макаров¹.

Необходимо отметить работы по истории Православной церкви в России М.В. Шкаровского. Его исследования, касающиеся событий 1917–1918 годов, несмотря на некоторую краеведческую направленность (автор в основном сосредотачивается на событиях в Петроградской епархии), базируются на широком архивном материале, и представляют большую ценность, так как позволяют реконструировать церковную жизнь столичного региона в рассматриваемый период. В частности, стоит особо выделить работы Шкаровского об Александро-Невской Лавре². В обобщающей монографии «Русская Православная Церковь в XX веке» автор заключил, что Февральская

1995; он же. Делегация Православной Церкви для сношений с советским руководством в 1918 – 1920 гг. // Клио. Журнал для ученых. 1997. № 3. С. 75–80; он же. Святейший Синод и Высший Церковный Совет в первые годы советской власти // Вторые Дмитриевские чтения. Материалы научной конференции 9 – 19 ноября 1997 года. СПб., 1997. С. 57–70; он же. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999; он же. Русская Православная Церковь между Февралем и Октябрем 1917 г. // Петербургская историческая школа: Альманах: Памяти В.А. Ежова. СПб., 2001. С. 153–169; он же. Православная российская церковь и Советское государство (1917—1922 гг.). М., 2005; он же. Разработка на Поместном Соборе 1917–1918 гг. официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 2. С. 48–60; он же. Патриарх Тихон и митрополит Антоний (Храповицкий): сравнительно-исторический анализ их позиций и взаимоотношений в период Гражданской войны и в начале русской церковной смуты // Клио. 2011. № 4. С. 142–149.

¹ Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после Октября 1917 г. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67–81; он же. Духовно-образовательная деятельность вероисповедных объединений в годы Советской власти (октябрь 1917 – 1930-е гг.) // История и историки в контексте времени. 2011. № 8. С. 52–61; он же. Межконфессиональные контакты Русской православной церкви в послеоктябрьский период (октябрь 1917-го – 1921 гг.) // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 1. С. 261–263; он же. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 – конец 1930-х гг.). Краснодар, 2005.

² Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917 – 1945. СПб., 1995; он же. «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию Февральской и Октябрьской революции в России. Новгород, 1998. С. 61–76; он же. Обновленческое движение в русской православной церкви XX века. СПб., 1999; он же. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века // Ученые записки. Российский православный университет апостола Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 5–50; он же. Александро-Невская лавра в годы революционных потрясений (1917—1918 гг.) // ЕЖБК ПСТБИ. Материалы 2003 г. М., 2003. С. 221–238; он же. Александро-Невское братство, 1918–1932 гг. СПб., 2003; он же. Церковная жизнь Петрограда в период работы Всероссийского Поместного Собора // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 140–157; он же. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 6–33; он же. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010; он же. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917 – 1918 гг. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 269–287.

революция «стала социальным детонатором антирелигиозных настроений среди недовольных своим существованием людей, в представлении которых Церковь и монархия были едины, и десакрализация их представлений о монархии отражалась и на отношении к церкви»¹. Оценивая действия СНК, Шкаровский заключил, что большевики отказывались от сотрудничества с религиозными организациями из-за «мировоззренческой несовместимости учения марксизма и религиозной веры». В то же время историк отметил, что «уже в начале 1918 года в России наметился массовый религиозный подъем, к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции»².

Следует упомянуть несколько общих трудов, затрагивающих проблему государства и церкви в России в начале XX века, научная ценность которых, к сожалению, невелика. Так, монография В.А. Федорова «Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917» не только вообще не имеет ссылок на архивные источники, но и содержит множество ошибок и безосновательных утверждений. В частности, автор пишет, что «в марте 1917 года по инициативе депутатов Государственной думы от духовенства совместно с представителями других фракций (как будто духовенство в Думе составляло отдельную фракцию! – А.С.) и видными общественными деятелями был образован Совет по делам Православной Церкви. Он просуществовал недолго, но успел провести ряд съездов епархиального духовенства, которые поддерживали Временное правительство и высказались за немедленный созыв Поместного Собора»³. Подобное заявление, представляющее депутатов IV Государственной думы⁴ чуть ли не организаторами «епархиальной революции», не находит никакого подтверждения в источниках. Впрочем, ссылок на них исследователь и

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 60.

² Там же. С. 72, 76.

³ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003. С. 268.

⁴ Последнее рабочее заседание IV Государственной думы состоялось 25 февраля 1917 года, однако указ о ее роспуске последовал только 6 октября 1917 года. Таким образом, в течение весны – лета 1917 года депутаты формально сохраняли свой статус, хотя самой Думы уже фактически не существовало. Вместо нее с 27 февраля действовал Временный комитет Государственной думы, возглавлявшийся М.В. Родзянко.

не привел. Далее Федоров сообщил, что 25 июля 1917 года В.Н. Львова уволили с поста обер-прокурора из-за «некомпетентности»¹, что, по всей видимости, является произвольной трактовкой сообщения А.Ф. Керенского о необходимости наличия у главы духовного ведомства «особого такта и деликатности»². Но наибольшее удивление вызывает утверждение автора о том, что Святейший Синод был упразднен указом Временного правительства от 5 августа 1917 года, что полностью не соответствует действительности³. Довольно-таки странно выглядит монография о синодальном периоде, в которой неправильно указана дата ликвидации Святейшего Синода. Да и последний обер-прокурор А.В. Карташев почему-то назван «Алексеем Васильевичем» (на самом деле – Антон Владимирович)⁴.

В этот же ряд можно поставить обобщающую работу В.В. Маленкова «Государство и православная церковь в России», также содержащую ряд фактологических ошибок. Так, например, автор почему-то заявил, что Временное правительство отменило преподавание Закона Божия⁵. Довольно-таки поспешным и малообоснованным выглядит вывод о том, что для Временного правительства отделение церкви от государственных структур было конечной целью⁶. Но оно официально никогда не заявляло о подобном стремлении, напротив, в соответствии с положениями закона о свободе совести от 14 июля 1917 года скорее можно говорить о некоей «всеконфессиональной» модели общества.

Достаточно поверхностной представляется и монография Н.Ю. Беликовой «Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.), в которой основной акцент делается на «реформационное движение» в

¹ Там же. С. 269.

² Сравни: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 238.

³ Там же. С. 433, 435.

⁴ Там же. С. 435.

⁵ Подобное неверное утверждение каким-то образом получило распространение во многих работах. Например, об этом писал В.В. Вяткин, который также добавил, что при Временном правительстве «резко сокращалось» государственное финансирование церкви. Это не соответствует действительности (См. Вяткин В.В. Государственно-церковные отношения в России при Временном правительстве // Государственная служба. 2008. №. 4. С. 196–202).

⁶ Маленков В.В. Государство и церковь в России. М., 2013. С. 114.

среде духовенства, а вовсе не на региональные особенности южных областей¹. И опять-таки имеются грубые неточности: постановление Временного правительства от 20 июня 1917 года в силу каких-то неизвестных причин именуется «о передаче церковно-приходских школ и семинарий в ведение Министерства народного просвещения»², хотя на самом деле о семинариях в законе не было ни слова³.

Здесь же стоит упомянуть книгу С.С. Бычкова «Русская Церковь и императорская власть», в подзаголовке довольно точно названную «очерками». Посвятив несколько страниц событиям 1917 года, автор отметил важную роль в них деятелей Московского и Петроградского религиозно-философских обществ. Не вдаваясь в подробности, автор почему-то заявил, что главным поводом конфликта обер-прокурора В.Н. Львова и Синода стала поддержка чиновником передачи церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения, что совершенно не соответствует истине⁴.

В конце 1990-х – 2000-е годы вышел ряд исследований, раскрывающих отдельные аспекты истории Православной церкви в России в 1917 году. И, хотя деятельность органов государственной власти в них практически не рассматривалась, они, тем не менее, представляют немалый интерес для выяснения процессов и явлений внутрицерковной жизни в указанный период. Так, монография П.Н. Зырянова, посвященная монастырям и монашеству в XIX – начале XX века, содержит раздел о событиях 1917 года. Автор отметил, что, несмотря на многочисленные факты захвата в эти месяцы крестьянами монастырских земель и лесов, сами монастыри оставались в неприкосновенности (хотя вокруг полыхали помещичьи усадьбы). Кроме того, по заключению Зырянова, из 11 пострадавших монастырей 8 были основаны не ранее 1860-х

¹ Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России. (Конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар, 2004.

² Там же. С. 48–49.

³ См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 311–312.

⁴ Бычков С.С. Русская Церковь и Императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 года). Т. I. М., 1998. С. 294. См. также: Бычков С.С. Большевики против Русской церкви: очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М., 2006.

годов, их угодья формировались в ходе Великих реформ Александра II, в том числе за счет «отрезков», на которые претендовали крестьяне. И вероятно это стало раздражающим фактором¹.

Статьи А.А. Кострюкова, опирающиеся на материалы Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, посвящены военному духовенству². Автор заключил, что священники оказались не в силах противостоять развалу армии в 1917 году не только в силу своей малочисленности и, отчасти, низких «профессиональных» качеств, но и из-за проблемы идеологической переориентации общества: «военным пастырям, учившим идти в бой “За Веру, Царя и Отечество!” после февральского переворота трудно было объяснить, за что воюют солдаты»³.

Ряд работ посвящен высшему духовенству. Так, в коллективном труде «Иерархия Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху» сделана попытка изучения истории епископата в 1917 – 1918 годах, однако наиболее ценным является подробный анализ дискуссий на Поместном Соборе о восстановлении патриаршества. Авторы заключили, что Октябрьский переворот не являлся решающим фактором, определившим итог этих обсуждений⁴. Верхушке православного духовенства в предреволюционный и революционный период в основном посвящены исследования М.А. Бабкина⁵.

¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и в начале XX века. М., 1999. С. 276–277. См. также: Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989. С. 380–437.

² Кострюков А.А. О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. М., 2005. Вып. 1. С. 24–44; он же. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. М., 2005. № 2 (31). С. 143–198.

³ Там же. С. 167.

⁴ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 139.

⁵ Бабкин М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 59–71; он же. Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 97–109; он же. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109–124; он же. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России. (Участие духовенства в революционных торжествах) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2006. № 1. С. 70–90; он же. Духовенство Русской православной церкви и «старорежимные» символика и ономастика (весна 1917 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 7–10; он же. Современная российская историография взаимоотношений Русской православной церкви и государства в

Проделав титаническую работу в архивах, воплотившуюся в публикации подборки ценнейших документов¹, историк, к сожалению, свел суть своих заключений к обвинению епископата в том, что он намеренно форсировал устранение самодержавия. «Свержение монархии было выгодно членам высшей иерархии, поскольку уничтожение власти императора как помазанника Божия снимало и сам многовековой историко-богословский вопрос о преобладании в государстве власти царя над властью первосвященника, или власти первосвященника над царем», – писал автор, даже предположив, что некоторые члены Святейшего Синода конца 1916 – начала 1917 года были масонами². Вместе с тем, источники не позволяют сделать вывод о стремлении иерархии насадить в России республиканскую форму правления. Ведь, как показывал опыт многоконфессиональной Государственной думы, народовластие не только не повышало значение церкви, но, наоборот, могло низвести ее до статуса частного религиозного союза. В отличие от монархии, где император получал корону из рук первосвященников, республика опиралась на волеизъявление граждан, и благословение духовенства ей не требовалось. Поэтому стремление автора притянуть понятия XVII века («священство и царство») к веку XX-му представляется неуместным.

Пристальное внимание авторы уделили Поместному Собору 1917–1918 годов. Так, А.Г. Кравецкий рассмотрел вопрос о «церковной миссии» в предсоборную эпоху и во время деятельности Собора, понимая под этим термином широкий спектр задач, возложенных на церковь в связи с

начале XX в. (досоветский период) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 171–180; он же. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007; он же. Была ли альтернатива действий у Святейшего Синода Русской православной церкви в феврале-марте 1917 года? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 2. С. 57–65; он же. Восстановление патриаршества. 1905–1917 // Свободная мысль. 2007. № 10. С. 171–184; он же. Письма монархистов Поместному Собору Православной Российской Церкви. Август–октябрь 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 4. С. 130–145; он же. «Священство» против «царства»? // Родина. 2007. № 3. С. 27–33; он же. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011.

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006; Бабкин М.А. Телеграммы председателю Государственной думы М.В. Родзянко собраний духовенства Российской Православной Церкви (весна 1917 г.) // Клио. 2006. № 2. С. 80–90.

² Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 34, 189.

распространением ее учения. Автор сделал вывод о том, что изъятием церковно-приходских школ в 1917 году государство нанесло значительный ущерб просветительской миссии духовенства¹. Особый интерес представляют статьи Кравецкого, посвященные истории создания Декрета об отделении церкви от государства, в которых частично опубликован фрагмент письма священника Михаила Галкина к В.Д. Бонч-Бруевичу с предложением программы ближайших мероприятий в церковной сфере².

Протоиерей Георгий Ореханов, отметив тот факт, что созыв Собора откладывался почти 12 лет, заключил, что самодержавие не позволяло церкви вернуться к заложенному в Православном Символе Веры принципу соборности³. Протоиерей, в частности, написал, что «в условиях, когда государство официально считалось (и реально оставалось до марта 1917 г.) православным и при этом функционировала Дума, – внеконфессиональный (или «многоконфессиональный») орган народного представительства, позволить Православной Церкви стать независимой значило породить серьезный разлад в среде российского общества и со всей отчетливостью поставить на политической повестке дня вопрос о свободе совести в смысле уравнения в правах... все остальные религиозные конфессии»⁴.

Предметом отдельного изучения историков является восстановление в 1917 году патриаршества. Ход дискуссий об этом проанализирован в работах И.В. Лобановой⁵, а также в уже упоминавшейся коллективной монографии «Иерархия

¹ Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между исповедью и диалогом). М., 2012. С. 289–292; он же. Церковная миссия в переходную эпоху: от церкви господствующей к церкви гонимой // Церковь и время. М., 2003. № 3 (24). С. 170–187.

² Кравецкий А.Г. К истории Декрета об отделении церкви от государства // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 134–140; он же. К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» // Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917 – 1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия / Сост. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, Гизела-Афанасия Шредер, Гюнтер Шульц. М., 2002. С. 424–435.

³ См. Ореханов Георгий, дьякон. Генезис русского церковного реформаторства (1905–1906 гг.) // Богословский сборник. М., 1999. Вып. 4. С. 294–302; он же. На пути к Собору // Ученые записки. Российский православный университет апостола Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000; он же. На пути к Собору: церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Лобанова И.В. Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века // Отечественная история. 2005. № 3. С. 139–143; она же. Иерархия Русской православной церкви и синодальная система (конец XIX — начало XX вв.) // Церковь в истории России. Сб. 6. М., 2005. С. 197–207.

Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху» и других исследованиях¹. Необходимо отметить также статьи диакона Илии Соловьева, отличающиеся взвешенностью и отсутствием предвзятости при анализе источников². В частности, диакон отметил, что восстановление патриаршества Поместным Собором нельзя рассматривать в отдельности от других его деяний, предполагавших соборное управление церковью. Кроме того, представляется важным заключение Соловьева о том, что «соборяне зачастую были склонны преувеличивать степень нравственного воздействия Церкви на народ, возлагать преувеличенные надежды на значение соборного и патриаршего голоса». По мнению автора, «в России стремительно разрастался революционный хаос, получали свободное развитие низменные материальные инстинкты, назревала братоубийственная война. При таком положении общее воздействие соборных деклараций на народные массы было несоизмеримо меньшим, чем полагали члены Собора»³. Данное предположение подтверждается полемикой, имевшей место в «Русских ведомостях»: 12 января 1918 года известный публицист А.С. Белевский (Белоруссов) обвинил Поместный Собор в молчании по поводу происходящих в стране событий⁴. На это члены Собора П.И. Астров и Е.Н. Трубецкой заявили, что это российская пресса и общество слишком мало уделяют внимания его деятельности. Однако Белевский все равно настаивал на том, что Собор «не сумел сказать своего слова»⁵.

Ряд исследований посвящен личности и служению патриарха Тихона (Белавина)⁶, однако тема государственно-церковных отношений в них

¹ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Указ. соч.; Вострышев М. Восстановление патриаршества // Журнал Московской патриархии. 1992. № 11–12. С. 11–21.

² Соловьев Илия, диакон. Обсуждение вопроса о патриаршестве на Предсоборном Присутствии // XV Ежегодный Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Материалы 2005 г. М., 2005. Т. 1. С. 355–362; он же. Собор и Патриарх. Дискуссия о Высшем Церковном Управлении // Церковь и время. М., 2004. № 1 (26). С. 168–180; он же. Церковь и революция // Российская церковь в годы революции 1917–1918 гг. М., 1995. С. 3–11.

³ Соловьев Илья, диакон. Собор и Патриарх. Дискуссия о Высшем Церковном Управлении. С. 177–179.

⁴ Белорусов. Православное духовенство и мои недоуменные вопросы // Русские ведомости. 1918. 12 января.

⁵ Русские ведомости. 1918. 17 января.

⁶ Вострышев М.И. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990; он же. Патриарх Тихон. М., 2004; Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты. СПб., 1994; Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.) М., 2008.

прослеживается практически исключительно в виде гонений советской власти на духовенство¹. Так, опубликованные под наименованием «Следственного дела Святейшего патриарха Тихона» источники начинаются с документов, касающихся ареста и заключения патриарха под домашний арест 24 ноября 1918 года². В своем предисловии к публикации документов из канцелярии патриарха Тихона исследователь П.Н. Грюнберг выразил крайне негативное отношение к деятельности государственных органов после Февраля 1917 года в церковном вопросе. По мнению Грюнберга, Временное правительство целенаправленно боролось с православными иерархами через всевозможные общественные комитеты и советы, поскольку епископат выступил «основным идеологическим противником Правительства». Автор также отметил, что «после падения Империи власть над Церковью обер-прокурора чиновника, по сути безбожного правительства, была издевательством над Церковью и издревле православной нацией»³. В то же время другой автор – В.В. Лобанов – в своей книге о патриархе Тихоне заключил, что «одним из приоритетов в целом довольно противоречивой церковной политики Временного правительства был созыв Всероссийского Поместного Собора, что в полной мере отвечало и чаяниям церкви»⁴. По поводу воззвания Тихона от 19 января 1918 года автор заметил, что оно вовсе не являлось политической декларацией, призывавшей к вооруженному сопротивлению большевикам: «безусловно, патриарх надеялся, что его послание отрезвит многих из тех, кто пассивно поддерживал Советскую власть. Однако, скорее всего, он мыслил немного шире, рассчитывая повлиять и на большевиков»⁵.

¹ См. например: Ефремова О., Кривошеева Н. Новые архивные документы о преследовании властями святителя Тихона в 1918 – 1923 гг. // Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000. С. 160–175; Преследования Патриарха Тихона начались с первых дней избрания его на патриарший престол / публикация и комментарии Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 143.

² Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ. М., 2000.

³ Грюнберг П.Н. О положении епископата Русской Православной Церкви при Временном правительстве // Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы. М., 2002. С. 79, 88-89.

⁴ Лобанов В.В. Указ. соч. С. 35.

⁵ Там же. С. 57–58.

Особое внимание историки уделили процессам, имевшим место после Февраля 1917 года в епархиях, называемым «церковной» или «епархиальной» революцией¹. В частности, И.В. Завитновский, исследовавший события в Тверской и Волынской епархиях, заключил, что, с одной стороны, в ходе нее «произошел развал Имперской Церкви, а с другой – произошло возрождение православия в постфевральский период»². М.В. Каиль изучил церковное движение в Смоленской епархии, а также ряд аспектов деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве в июне 1917 года³.

Наиболее ценной работой в этой связи является монография П.Г. Рогозного «Церковная революция 1917 года»⁴. Изучив материалы ряда епархий России в 1917 году, автор заключил, что «роль собственно религиозных споров в церковной среде была невелика или отсутствовала совсем. Основной спор шел не о вере, а о власти в церкви»⁵. Сторонами конфликта выступали чаще всего, с одной стороны, епископ и духовная консистория, а с другой, новообразовавшиеся организации местного духовенства. При этом Рогозный отметил, что наиболее конфликтные ситуации у епархиальных архиереев возникали с различными

¹ Леонтьев П.Я. Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 г. // Церковь в истории России. М., 1998. Вып. 2. С. 214–248; Шкаровский М.В. «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию Февральской и Октябрьской революции в России. Новгород, 1998. С. 61–76; Завитновский И.В. Тверской епископат и «весна церковной революции» 1917 года // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 78–82; он же. Церковная революция и церковное украинство // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. СПб., 2001. № 2 (5). С. 15–31; Нечаев М.Г. «Церковная революция» в Пермской епархии (март – июнь 1917 г.) // В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1999. С. 64–71; Бушмаков А.В. Церковная революция 1917 года // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 1–15. С. 163–164.

² Завитновский И.В. Церковная революция и церковное украинство. С. 30.

³ Каиль М.В. Епархиальная история эпохи революций и гражданской войны: характеристика источников и археографическая практика (на примере Смоленской епархии) // Клио. 2009. № 4. С. 85–91; он же. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и гражданской войны. Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М., 2010; он же. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. Публикация М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

⁴ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. См. также: Рогозный П.Г. «Пред нашими взорами совершился суд над историей». (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 года) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2008. Т. XXX. С. 447–455; он же. «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 275–322 и др.

⁵ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). С. 212.

светскими общественными комитетами и советами, видевшими в епископах агентов старого режима¹. Немаловажен вывод автора о том, что «быстрое признание новой власти в лице Временного правительства, нельзя назвать трусостью или сервелизмом² иерархии». По заключению Рогозного, духовенство по большому счету мало интересовало государственный строй, для них гораздо важнее было сохранить структуру церкви и ее многовековые традиции³. Также представляют интерес выводы историка о том, что, в случае конфликтов епархиальных архиереев с местными органами власти (исполнительными комитетами или советами), синодальный обер-прокурор практически всегда становился на сторону епископов, а Святейший Правительствующий Синод на протяжении всего 1917 года оставался всеми признанной духовной властью⁴. Работа П.Г. Рогозного, построенная главным образом на материалах архивов, не только вводит в научный оборот широкий круг ранее не опубликованных и не известных исследователям источников, но и великолепно раскрывает феномен «церковной» (или «епархиальной») революции», как неотъемлемой части революционных процессов, запущенных в России в феврале 1917 года.

Близкой тематике – истории епархиального управления с начала 1900-х годов до решений Поместного Собора – посвящена монография игумена Саввы (Тутунова). Остановившись на событиях «епархиальной революции» и деятельности в связи с ней Священного Синода, автор отождествил позицию обер-прокурора В.Н. Львова с линией всего Временного правительства. В частности, игумен заключил, что «...в церковной политике Временного правительства, считавшего легитимность епископата утерянной с упразднением прежнего строя, лишь проявились общие черты его внутренней политики: стремление ликвидировать весь репрессивный и вообще весь административный аппарат управления старого строя»⁵. Данный тезис представляется более чем

¹ Там же. С. 208.

² Сервелизм – раболепие, прислужничество, угодливость.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 211–212.

⁵ Тутунов Савва, игумен. Епархиальные реформы. М., 2011. С. 246.

спорным. Во-первых, сведение деятельности Временного правительства к единственному желанию ликвидировать старый административный аппарат – не просто упрощение, а искажение действительных событий. Во-вторых, революционные власти в 1917 году не ставили под сомнение легитимность епархиальных преосвященных: даже при их изгнании речь шла об их «контрреволюционности» или «вредности», а не «незаконности». Тем не менее, игумен Савва развил свою мысль, заявив, что «воспринимая церковную иерархию и систему управления как часть прежнего государственного аппарата, Временное правительство стремилось насадить здесь те же начала народовластия, что и во всей системе государственного управления»¹. Обер-прокурор Синода В.Н. Львов действительно поощрял весной 1917 года созыв епархиальных съездов, однако поддержки этой линии со стороны других министров Временного правительства не имелось. Кроме того, «епархиальная революция» шла главным образом не сверху, а снизу, как это наглядно показала работа П.Г. Рогозного, поэтому прозвучавшее обвинение государства в «расшатывании» системы епархиального управления представляется безосновательным.

Отдельно следует отметить, что значительная часть вышедших в последние два десятилетия публикаций церковных организаций и представителей духовенства придерживается ортодоксальных позиций: взаимоотношения государства и церкви в России после Февраля 1917 года обозначаются ими термином «гонения». Думается, такой подход берет начало с Поместного Собора, члены которого именно так отзывались о том, что происходило в церковно-государственной сфере с момента свержения самодержавия. Вместе с тем, если церковным мероприятиям СНК в этих публикациях дается безусловно негативная оценка, то деятельность Временного правительства не всегда характеризуется однозначно. Чаще всего его тоже включают в список «гонителей», а иногда даже изображают «проводником разрушающей масонской политики», направленной

¹ Там же. С. 247.

против царя и церкви¹. А протоиерей В. Цыпин, автор раздела по новейшей церковной истории в официальной «Православной энциклопедии»², определил курс Временного правительства в отношении церкви как ничем не оправданное насилие и надругательство над святынями. «Отбирая у церкви школы, правительство бесцеремонно нарушало волю тысяч благодетелей, жертвовавших от своего достояния церкви не для того, чтобы потом... учителя вколачивали в детские головы учение о происхождении человека от обезьяны...» – писал протоиерей³. Вместе с тем, в изданной в 1997 году работе «История Русской церкви. 1917–1997» Цыпин отметил, что вовсе не «бесшабашный» обер-прокурор В.Н. Львов, а Синод под его давлением проводил чистку «распутинского» епископата в марте 1917 года⁴. По мнению автора, создание Министерства исповеданий послужило «освобождению церкви от давления со стороны правительственных чиновников», но серьезного значения это не имело – «Временное правительство уже теряло власть в стране»⁵. Цыпин также выделил знаковую для церкви дату 14 (1) февраля 1918 года, указав, что «учрежденный 14 февраля 1721 года Святейший Синод просуществовал до 14 февраля 1918 года, почти двести лет, обозначив целую эпоху церковной, государственной и народной истории России»⁶. Примечательно, но другие исследователи не указывали, когда именно прекратил деятельность Святейший Синод, хотя это представляется чрезвычайно важным для истории церковно-государственных отношений в России.

¹ Очерки по истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994; Серафим (Кузнецов), игумен. Православный царь-мученик. М., 1997.

² Цыпин В. Русская православная церковь в новейший период. 1917 – 1999 гг. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 134–178. Протоиерей Цыпин также является автором учебника, использующегося в православных учебных заведениях. См.: Цыпин В. История Русской Православной церкви. 1917 – 1990: Учебник для православных дух. семинарий. М., 1994. См. также: Цыпин В. Вопрос о епархиальном управлении на Поместном соборе 1917–1918 годов // Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 156–167; он же. Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700 – 1917 г. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 109–133; он же. Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. Том VII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 369.

³ Цыпин В. Русская церковь (1917–1925). М., 1996. С. 10.

⁴ Цыпин В. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 9–10.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 42.

Говоря об официальной позиции Русской Православной Церкви, надо подчеркнуть, что в вышедшем в 2000 году первом (точнее, «нулевом») томе Православной энциклопедии время с февраля по ноябрь 1917 года выделено отдельным периодом истории церкви, когда она «сразу после отречения императора оказалась в принципиально новой правовой ситуации»¹. Однако, представляется более правильным заканчивать этот период январем 1918 года, ведь интронизация патриарха в ноябре 1917 года формально не меняла существовавшей системы государственно-церковных отношений: в течение более чем двух месяцев избранный патриарх просто председательствовал в Святейшем Синоде. Что касается церковной политики государства, в Православной энциклопедии отмечено следующее: «несмотря на то, что Временное правительство не успело провести отделение церкви от государства, курс был очевидным образом взят на построение внеконфессионального государства». Советское же время однозначно характеризуется термином «гонения»². В целом многие работы церковных авторов являются скорее исторической публицистикой, стремящейся осмыслить опыт и наследие Поместного Собора 1917–1918 годов, а также понять истоки раскола русского православия в XX веке. При этом игнорируется процесс демонтажа «синодальной» системы управления церковью в 1917 – начале 1918 годов, как будто она в одночасье перестала быть Ведомством православного исповедания.

За рубежом изучение взаимоотношений государства и Православной церкви в революционную эпоху начали эмигранты, покинувшие Россию в годы Гражданской войны. Первым попытался актуализировать данную тему бывший министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташев. «Бессильные призраки византийской и московской теократии, умершей и невоскресшей, равно и ошибочный культ всемогущества государства, в новой форме опять поднимающий голову в наши дни, должны быть крепко позабыты, чтобы... дать

¹ Периодизация истории русской церкви // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 31

² Там же.

церкви свободу и максимум теократических возможностей», – писал он в 1932 году¹. В своей второй статье Карташев постарался объяснить основные мотивы церковных мероприятий Временного правительства и «задним числом» сформулировать их главные принципы: а) свобода религиозной совести для всех исповеданий, б) свобода соборного самоуправления для Православной церкви, в) упразднение государственной опеки обер-прокурора над церковью с одновременным упразднением некоторых привилегий православия². Карташев, однако, признал, что перечисленные им пункты скорее относятся ко времени премьерства А.Ф. Керенского: «Достаточно ли сознательно и тактически твердо вело свою линию Временное правительство? Приходится признать, что нет, особенно вначале...»³ В своей третьей статье Карташев констатировал, что политика правительства в церковной сфере весной–летом 1917 года во многом определялась движением клира и мирян на местах: «Чтобы избежать беспорядочного восстания низших слоев в церкви против высших, нужно было "канализировать" революцию в церкви, дать правильные законные формы для выражения общественного мнения»⁴. Свои работы Карташев писал на основании собственных воспоминаний, а потому они во многом автобиографичны и не лишены субъективности. Так, он критиковал своего предшественника на обер-прокурорском посту, В.Н. Львова, за непоследовательность и диктаторские замашки. Вместе с тем, труды бывшего министра исповеданий стали первым и чуть ли не единственным за рубежом историческим исследованием, в котором проблема взаимоотношений революционного государства в лице Временного

¹ Карташев А.В. Церковь и государство. Что было и что должно быть в России. Paris: YMCA-PRESS, 1932. С. 19.

² Карташев А.В. Временное правительство и Русская церковь // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 14. Статья перепечатана также в сборнике Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20–30-х годов. М., 2002.

³ Карташев А.В. Временное правительство и Русская церковь. С. 14.

⁴ Карташев А.В. Революция и Собор 1917–1918 гг. // Богословская мысль. Париж, 1942. С.82. См. также более современную публикацию данной статьи: Карташев А.В. Революция и Собор 1917–1918 гг. (наброски для истории Русской церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 486–513. См. также его работы: Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. М., 1991; он же. Очерки по истории Русской церкви: [В 2 т.] Париж, 1959.

правительства и Православной церкви рассматривалась с точки зрения государственной, а не церковной истории.

Почти одновременно со статьями Карташева были написаны «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова, включившие в себя главу о Православной церкви¹. По своим оценкам «Очерки» значительно отличались от той «государственнической» концепции, которой придерживался автор в своих воспоминаниях². Милюков сильно занизил реформаторскую роль Временного правительства в церковной сфере, заявив, что оно лишь несколько развило в ряде своих постановлений царский указ о веротерпимости от 16 апреля 1905 года. Значительное место в «Очерках» уделено характеристике политической позиции церкви, которую Милюков определил как контрреволюционную. По словам лидера кадетов, даже тех мелких шагов, которые сделало правительство в отношении сокращения церковных привилегий (к ним Милюков отнес упразднение обер-прокуратуры, указ о свободе совести и передачу церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения) было достаточно для того, чтобы восстановить православное духовенство против «безбожных» министров. Основным требованием церковников, которое «Временное правительство, естественно, не могло удовлетворить», стало «первенствующее» положение православия в России. При этом Милюков сознательно умолчал о том, что такое же требование было включено в программу кадетской партии в конце июля 1917 года³. Подобная негативная характеристика церкви являлась следствием провозглашенной Милюковым в конце 1920-х годов «новой тактики» кадетов, направленной на объединение левой эмиграции против советской власти. Обличая церковь, к которой эсеры и меньшевики всегда относились настороженно, Милюков надеялся найти с ними больше точек соприкосновения. Этим можно объяснить и небрежность анализируемой главы «Очерков». Если

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. Церковь. Религия. Литература. С. 204–207.

² Милюков П.Н. История второй русской революции. Киев, 1919; он же. История второй русской революции. [В 3 т.] София, 1921–1923.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. С. 724–725.

верить Милюкову, учреждение Министерства исповеданий состоялось в июне 1917 года (на самом деле 5 августа), а указ о свободе совести правительство якобы утвердило 17 июля (в действительности – 14 июля) и т.д.¹ Жаль, что в столь серьезной и яркой работе, каковой, без сомнения, являются «Очерки по истории русской культуры», в главе о церкви в 1917 году имеется целый ряд неточностей и ошибок.

В 1940 году в Нью-Йорке вышла первая крупная работа по истории Православной церкви в России начале XX века, принадлежащая перу западного автора неэмигранта – Джона Кертисса². В 1953 году была опубликована вторая монография этого автора, охватывающая хронологические рамки с февраля 1917 года³. Кертисс опирался на данные Б.В. Титлинова и ряда опубликованных источников (постановления Временного и Советского правительств и Поместного Собора, периодическую печать). Вывод автора оказался следующим: «в целом на протяжении первых семи месяцев революции в отношениях правительства и церкви не произошло практически никаких изменений», после чего большевики приступили к кардинальной ломке государственно-церковных отношений⁴. Вслед за Титлиновым и Милюковым Кертисс обвинил Православную церковь в политиканстве и неспособности осознать необходимость перемен. Все это, по мнению Кертисса, стало причиной большевистских гонений на православие в 1920-е годы.

Сразу после окончания Второй мировой войны интерес к истории нашей страны (и в том числе к положению в ней Православной церкви) за рубежом значительно возрос. Это было связано с новым местом СССР в мире после его победы в войне и изменением отношения государства к церкви. Опубликовано огромное количество статей и монографий⁵. Но почти все эти издания ставили

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. С. 204–207.

² Curtiss John. Church and State in Russia. The last years of the Empire, 1900–1917. NY., 1940.

³ Curtiss John. The Russian Church and the Soviet State. Boston, 1953. На немецком языке: Curtiss John. Die Kirche in der Sowjetunion. München, 1957.

⁴ Curtiss John. Church and State in Russia. P. 14.

⁵ Андреев И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Нью-Йорк, 1952; Fletcher W. The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970. London, 1971; George M. Benigsen Rev. The Year

перед собой цель лишь ознакомить читателя с историей и современным положением церкви в СССР, а потому научного анализа они не содержали. Тем не менее, необходимо упомянуть публикации некоторых авторов.

Так, в конце 1950-х – начале 1960-х годов в Нью-Йорке вышло многотомное жизнеописание митрополита Антония Храповицкого, составленное епископом Никоном (Рклицким). В этом издании, написанном в «агрессивно-черносотенном» духе, политика государства после Февраля 1917 года в отношении церкви характеризовалась в самых черных тонах, а Временное правительство именовалось безбожниками и гонителями на истинную веру¹.

Идеи епископа Никона раскритикованы в работах русско-немецкого автора Иоганна Хризостомуса². Не вводя в оборот никаких новых источников, Хризостомус попытался отойти от «титлиновской» схемы изучения церкви во время революции. Он не примкнул ни к обвиняющим православие в политиканстве, ни к говорящим о том, что большевики в своей антирелигиозности являлись лишь продолжателями линии Временного правительства. Основное внимание автор уделил, прежде всего, истории церкви и раскрытию ее внутренних проблем. При этом анализ правительственной политики у Хризостомуса практически отсутствует.

Обоснование канонической преемственности восстановленного патриаршества по отношению к старой синодальной церкви стало целью вышедшей в 1965 году статьи историка-эмигранта А.А. Боголепова³. Вслед за епископом Никоном Рклицким автор объявил обер-прокурора В.Н. Львова гонителем церкви. Главной заслугой Боголепова стал блестяще проведенный им анализ соборного устава, созданного в Предсоборном Совете в июле 1917 года.

1917 in the History of the Russian Church. St. Vladimir's Seminary Quarterly. 1963. N 3. P. 115–125; Onasch Konrad. Geist und Geschichte der russischen Ostkirche. Berlin, 1947; Rössel R. Kirche und Revolution in Rußland. Patriarch Tichon und der Sowjetstaat. Köln/Wien, 1969; Vries, Wilhelm de. Kirche und Staat in der Sowjetunion. München, Verlag Anton, Ristet, 1959; Dörmann Hans-Dieter. Die Orthodoxen Kirchen. Berlin, 1991 и др.

¹ Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого [В 9 т.]. Нью-Йорк, 1958. Т. 5. С. 127–140.

² Chrysostomus Johannes. Die religiösen Kräfte in der russischen Geschichte. München, 1961; Chrysostomus Johannes. Kirchengeschichte Ruyslands der neuesten Zeit. Bd. I: Patriarch Tichon, 1917–1925. München–Salzburg, 1965.

³ Боголепов А.А. От Святейшего Синода к Священному Собору Православной Российской церкви // В кн.: На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С.Тимашева. Нью-Йорк, 1965.

В том же 1965 году появилась статья И.К. Смолича, перепечатанная в 1997 году в многотомном издании «История русской церкви»¹. Несмотря на то, что значительная часть источников (прежде всего – архивных) автору была недоступна, он довольно-таки точно обрисовал ситуацию, сложившуюся в сфере государственно-церковных отношений в России после падения самодержавия. В частности, историк констатировал, что «ни о какой религиозно-мистической связи с новой государственной властью, исповедующей либерально-демократическую идеологию, не могло быть и речи. Переход к новым условиям не был легким для церкви»². Однако, когда автор приступил к анализу конкретных действий государственной власти, тут же дала о себе знать узость источниковой базы. Так, Смолич заключил, что «церковная политика Временного правительства находилась под очень сильным влиянием его общей программы», но что в данном случае имелось в виду, историк так и не разъяснил³. Кроме того, работа Смолича изобилует фактологическими ошибками. Например, обращение Синода «К верным чадам Православной церкви» появилось 9-го марта 1917 года, а не 4-го, роспуск зимней сессии Синода произошел 15 апреля, а не 15 марта и т.д. Вместе с тем, автор справедливо указал на то, что общее «поправление» духовенства и верующих мирян к августу 1917 года было вызвано политической нестабильностью и ростом антиклерикального движения: «революция уже больше не представлялась в таком розовом свете, как в марте»⁴. Также представляется интересным заявление Смолича о том, что «с чисто формальной точки зрения, 21 ноября 1917 года синодальная эпоха в жизни Русской Церкви закончилась». По мнению историка, это произошло «лишь вследствие решения самой церкви, на основании права, предоставленного ей Временным правительством, самой решать вопрос о своей внутренней административной структуре». Но далее Смолич

¹ Smolitsch J. Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskanzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland). // Ostkirche Studien. 1965. № 4. С. 3–34; Smolitsch J. Geschichte der russischen Kirche. 1700 – 1917. Berlin, 1991 Bd. 2; Смолич И.К. Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 года и Поместный Собор 1917/1918 гг. (к истории взаимоотношений между государством и церковью в России // История русской церкви. 1700–1917. Кн. 8, Ч. 2. М., 1997. С. 720–743.

² Смолич И.К. Русская Церковь во время революции. С. 722.

³ Там же. С. 723.

⁴ Там же. С. 731.

добавил: «известная сдержанность большевистского правительства в церковных делах в первые недели захвата власти делала эту ситуацию еще более неясной. При таких условиях синодальная эпоха закончилась только для церкви, а не для ее отношений с государством, в котором церковь должна была жить дальше, окормляя свою паству»¹.

В 1977 году появился исторический очерк Льва Регельсона «Трагедия Русской церкви». Он констатировал, что к 1917 году церковь оказалась в «политическом вакууме». Ее связь с монархией в значительной степени ослабла из-за деятельности Г.Е. Распутина, а союза с общественными движениями так и не произошло. После Февраля Православная церковь полностью лишилась опоры и лишь к осени 1917 сумела как-то сорганизоваться. В этом ей помогло Временное правительство, действовавшее по методу «кнута и пряника»². На основании сведений периодической печати («Вестника Временного правительства», «Церковных ведомостей») и опубликованных «Деяний» Поместного Собора 1917–1918 годов Регельсон составил хронологическую таблицу основных событий церковной истории в 1917 – начале 1918 годов. Однако в нее не попали такие важные даты, как дни заседаний Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве (1 – 11 июня 1917 года), постановление Синода о выборности епископата (5 июля 1917 года) и др.

Почти одновременно с работой Регельсона появились многотомные публицистические «Очерки по истории русской церковной смуты» А.Э. Краснова-Левитина и В.В. Шаврова. Без ссылок на источники авторы назвали причиной расколов Православной церкви 20-х годов XX века, в том числе, и политику Временного правительства, а затем заигрывание с «обновленцами» советской власти. Значительное место в «Очерках» уделено характеристике личности обер-прокурора В.Н. Львова как одного из самых активных сторонников радикальных церковных реформ³.

¹ Там же. С. 740.

² Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 27.

³ Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.В. Очерки по истории русской церковной смуты [В 3-х т]. Кюснахт, 1978. Т. 1. С. 25–26.

В изданной впервые в 1979 году книге американского историка Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» дана оценка положения Православной церкви в предреволюционном обществе. Исследователь заключил, что «обедневшее, изолированное и отождествлявшееся с самодержавием духовенство не пользовалось ни любовью, ни уважением; его в лучшем случае терпели». Немаловажен также вывод Пайпса о том, что «в конечном итоге политика русской православной церкви не только дискредитировала ее в глазах всех, кто дорожил социальной и политической справедливостью, но произвела духовный вакуум, заполненный светскими идеологами, стремившимися создать в этом мире рай, который христианство обещало в мире ином»¹.

К выводам Ричарда Пайпса близок профессор Брандейского университета (США) Грегори Фриз, констатировавший утрату православным духовенством своего авторитета накануне Февраля 1917 года². Вместе с тем, Фриз предложил новый интересный взгляд на историю Православной церкви в России первых десятилетий XX века, как на процесс постепенного разрушения официальных церковных структур (то есть собственно института духовенства и его учреждений) и самоорганизации верующих на уровне приходов. По мнению историка, уже в Феврале 1917 года в церкви возникло «двоевластие» клира и мирян, но в течение нескольких месяцев противоречия между ними сглаживались консенсусом в отношении поддержки Временного правительства. Тем не менее, к лету 1917 года «”приходский вопрос” превратился в “приходскую программу” с утверждением права мирян назначать (и изгонять) местных духовных лиц от псаломщика до митрополита, контролировать приходские деньги и отказываться от епархиальных поборов, определять местную религиозную практику (от проведения крестных ходов до прославления местных святых)». Фриз сделал вывод, что сменивший Временное правительство «большевистский режим лишь официально закрепил *status quo*, т.е. признал децентрализацию и

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. С. 329–330.

² Freeze Gregory L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, reform, counter-reform. Princeton, NJ / Guildford: Princeton University Press, 1983. Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–118; он же. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия. 1861 – 1917. М., 1992. С. 41–42.

деклерикализацию Русской Православной Церкви»¹. В действительности, несмотря на необычайную активизацию верующих мирян в 1917 году, все же вряд ли можно говорить о полном отрицании ими ценности института духовенства. А в условиях начавшихся в 1918 году антицерковных акций прихожане объединялись именно вокруг своих пастырей, а не сами по себе².

Необходимо упомянуть и другие исследования некоторых зарубежных авторов, изучавших новейшую историю Русской Православной Церкви и косвенно рассматривавших ее взаимоотношений с государством в 1917 – начале 1918 годов. Так, В. Мосс предпринял попытку мистического осмысления истории Православной церкви в России после свержения самодержавия³. Кроме конспирологической теории о мести иудеев христианской церкви за разрушение их государства во времена Римской империи, Мосс проанализировал позицию церковного руководства по отношению к революционным событиям, посетовав на его «слабый отклик». Более того, автор предположил, что Синод намеренно добивался удаления не только Николая II, но и монархии вообще⁴. Идея предательства церковной верхушкой царя нашло свое продолжение в цитированных выше работах М.А. Бабкина. Католический священник Иакинф Дестивель заключил, что в 1917 году в церковной среде доминировал принцип «симфонии» церкви и государства, что отразилось в оторванном от политических реалий соборном постановлении от 2 декабря 1917 года⁵. А профессор Гюнтер Шульц из Мюнстера, изучавший деятельность Поместного Собора 1917 – 1918 годов и занимавшийся подготовкой публикации соборных материалов, назвал главным его деянием восстановление патриаршества. При этом историк также

¹ Фриз Грегори Л. Православие, власть и секуляризация в России, 1860–1940 // Германский исторический институт в Москве: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/freeze_september (дата обращения 20.11.2014).

² См. например: Саввотеева Н.В. Сельский приход Русской Православной Церкви в 1917 – 1922 годах: по материалам губерний Центральной России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 15.

³ Мосс Вл. Православная церковь на перепутье (1917 – 1999). СПб., 2001.

⁴ При этом Мосс почему-то сослался на мартовские постановления Петроградского Религиозно-Философского общества, который к синодальным архиереям имел весьма слабое отношение. См.: там же. С. 30–31.

⁵ Дестивель Иакинф, священник. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917 – 1918 гг. и принцип соборности. М., 2008. С. 212.

сделал вывод о несовместимости определения от 2 декабря 1917 года с большевистской политикой¹.

Наибольший интерес для изучения государственно-церковных отношений в России в революционную эпоху представляют работы канадского историка Д.В. Поспеловского². Он одним из первых провел анализ зарубежной историографии истории Русской Православной Церкви в новейшее время³. По мнению Поспеловского, поскольку церковные учреждения до революции были вплетены в систему государственного аппарата, то с устранением самодержавия церковь «осталась без инфраструктуры», что стало главной причиной поддержки духовенством свершившегося в феврале 1917 года переворота⁴. Немаловажно заключение историка о том, что «войди Церковь в революцию самостоятельной единицей, с большим нравственным авторитетом и опытом независимости существования, духовно и административно спаянной, роль ее была бы вполне сравнимой с ролью Католической Церкви в Польше 1947 – 1988 годов»⁵. Поспеловский справедливо отметил, что церковь в 1917 году склонялась к принципу *primus inter pares* – положения православия в качестве первого среди равных исповеданий в России, и Временное правительство поддерживало этот настрой. К сожалению, оставаясь в плену у концепции Титлинова, Поспеловский продолжал рассматривать церковно-государственные отношения в России в 1917 году через призму внутрицерковного противостояния консервативного епископата и обновленцев и так и не смог сделать ни шага в сторону.

¹ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial. Göttingen, 1995; Шульц Г. Поместный Собор 1917 – 1918 гг.: результаты работы и значение // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 177–181; он же. 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России // Церковно-исторический вестник. М., 2001. № 8. С. 101–120.

² Pospelovsky D. The Russian Church in the Soviet regime. 1917–1982. New-York, 1984; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–54; он же. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; он же. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996 и др.

³ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 6–7.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 47.

После распада СССР появились работы украинских историков, занимающихся изучением событий и процессов в Украине после Февральской революции. Наиболее значимым исследованием государственно-церковных отношений в этой республике в период революции и Гражданской войны является трехтомник «Церковь в Украинском государстве. 1917–1920»¹. Для темы диссертации наиболее ценен первый том, написанный В. Ульяновским, и посвященный времени деятельности Украинской Центральной рады. Книга, преподнесенная как простое учебное пособие для студентов, представляет собой серьезное научное исследование, основанное, в том числе, на широком использовании архивных материалов. Автор проанализировал документы Украинской Центральной рады весны–осени 1917 года, заключив, что, несмотря на ее социалистический состав, вопросы о духовенстве неоднократно включались в повестку дня ее заседаний. Обсуждались проблемы языка богослужений и проповедей, а также необходимость введения выборности архиереев, так как старый епископат, назначенный царским правительством, признавался полностью реакционным². Как показал Ульяновский, хотя после свержения Временного правительства и провозглашения Украиной III Универсала Генеральный секретариат и выступал за отказ от вмешательства в церковные дела на подконтрольной ему территории, тем не менее, Генеральное секретарство внутренних дел активно поддерживало Временную всеукраинскую православную церковную раду, стремясь осуществить автокефалию Украинской православной церкви³.

Подводя итоги анализа историографии изучаемой проблемы, необходимо заключить, в вопросе о взаимоотношении государства и церкви в России в

¹ Ульяновский Василь. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Укаїнської Центральної Ради). Київ, 1997; он же. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). Київ, Либідь. 1997; Андрусишин Богдан. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). Київ, Либідь. 1997.

² Ульяновский Василь. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Укаїнської Центральної Ради). С. 45–47.

³ Там же. С. 43–44.

феврале 1917 – январе 1918 годов исследователями разработаны только отдельные аспекты, а подходы авторов можно разделить на три основные группы. Первая исходит из изучения процессов государственно-церковной жизни в революционное время с точки зрения противостояния «реформаторских» течений в церкви с «консервативными» (сюда можно отнести работы обновленческих авторов 1920-х годов, а также часть современных статей и монографий). Вторая охватывает советскую и частично постсоветскую историографию и базируется на тезисе о борьбе обновленного государства с «реакционным» духовенством и его «контрреволюционными» организациями. И третья, объединяющая труды, главным образом, церковных авторов, рассматривает указанный период, как начало эпохи гонений на Православную церковь в СССР. За рамками исследований остались такие важные аспекты изучаемой проблемы как место церковных учреждений в системе государственных органов революционной России февраля 1917 – января 1918 годов, изменение функций православного духовенства в государстве, механизм принятия правительственных решений в религиозной сфере в указанный период (и его связь с политической борьбой в стране), а также роль и влияние православной церковной идеи в российском обществе тех месяцев (в узком смысле – популярность Православной церкви и ее служителей). Также необходимо констатировать, что церковная политика Временного правительства и Совнаркома (периода ноября 1917 – января 1918 годов) исследовались почти исключительно в контексте истории Русской Православной Церкви, в то время как механизм формирования и реализации правительственного курса остались неизученными.

1.2. Источники

По теме взаимоотношений государства и Православной церкви в России в феврале 1917 – январе 1918 годов существует широкий круг источников. Это, прежде всего, указы и постановления Временного правительства, большинство из которых помещено в периодической печати 1917 года (газетах «Вестник Временного правительства», «Отечество» и других), а некоторые изданы в виде отдельных сборников-брошюр¹. Некоторые правительственные акты, особенно октября 1917 года, так и не были опубликованы². Законодательную деятельность Временного правительства можно реконструировать по журналам его заседаний, опубликованным в первой половине 2000-х годов³. Журналы велись по формуле «слушали» – «постановили» и не фиксировали ход обсуждений того или иного вопроса министрами. Вместе с тем, именно на основании журналов можно составить наиболее полную картину механизма формирования и осуществления правительственной политики в отношении церкви. Так, из 183 заседаний правительства с марта по 3 октября проблемы, касавшиеся Православной церкви обсуждались на 34⁴. В октябре 1917 года состоялось еще не менее 2-х заседаний, на которых министры рассматривали церковные вопросы⁵. В большинстве

¹ Законы, постановления и т.п. (Постановления Временного правительства по 1 июня 1917 г.). Киев, 1917; Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917; Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных организаций с приложением текста статей Свода Законов, этим постановлением измененных или отмененных. Пг., 1917; Сборник циркуляров МВД за период март-июнь 1917. Пг., 1917 и т.д.

² Например, постановление о штатах Министерства исповеданий. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 640. Л. 1–5.

³ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х т. М., 2001–2004. В издание не вошли протоколы заседаний октября 1917 года. Оригиналы журналов хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6–13 (Журналы № 3–183)), журналы за октябрь 1917 года имеются только в виде черновиков (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 22). Журналы № 2–5 опубликованы в сборнике Февральская революция 1917. Сборник документов и материалов. М., 1996.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1. С. 29, 43, 64, 68, 71, 100, 107–108, 142–146, 165–166, 178, 190, 291, 347; Т. 2. С. 55–56, 135, 231, 311–312, 329–330; Т. 3. С. 94–95, 140, 202, 217, 256–258, 283, 288, 296, 307, 315, 367; Т. 4. С. 63–64, 124, 154, 162, 167, 199, 212, 220.

⁵ 6 октября 1917 года была утверждена дополнительная денежная ссуда Поместному Собору и принято Положение о Русской православной церкви в Закавказье. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 703; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 299. 20 октября 1917 года Временное правительство пересмотрело состав комиссии по разграничению русских и грузинских интересов на Кавказе. См.: Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 25 октября.

случаев докладчиком по ним выступал обер-прокурор Синода (министр исповеданий). Несколько раз инициаторами обсуждения были министры народного просвещения и внутренних дел. Наибольшее количество времени Временное правительство уделило церкви в марте (10 заседаний) и августе (7 заседаний) 1917 года, а наименьшее в мае, июне и июле (соответственно 2, 3 и 4 заседания). Это объясняется, прежде всего, составом Кабинета министров и положением в нем обер-прокурора (министра исповеданий). Во Временном правительстве первого состава В.Н. Львов хоть и не пользовался большим авторитетом, но его заявления выслушивались другими членами Кабинета с благожелательностью и пониманием. Начиная с формирования «первой коалиции», в мае–июле, участие В.Н. Львова в заседаниях правительства свелось к минимуму (из 28 заседаний в июне 1917 года В.Н. Львов присутствовал только на 12, на одном его замещал А.В. Карташев). За весь июнь В.Н. Львов выступал в правительстве по делам церкви только 2 раза. Позиции Карташева в августе–октябре, напротив, оставались довольно-таки сильными, несмотря на правительственный кризис в сентябре и на длительные командировки министра в Москву в связи с работами Поместного Собора.

Что касается первых постановлений советской власти, они также опубликованы далеко не все. В конце 1917–1918 году их печатали в официальных «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», «Собрании узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства», а также в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Наиболее полным изданием первых постановлений Совнаркома является многотомник «Декреты Советской власти»¹. Кроме того, отдельные сборники законов и распоряжений советских органов первых послеоктябрьских месяцев (в том числе, местных советов) выходили как в 1918–1920-х годах, так и в настоящее время². В

¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.

² Постановления Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов по жилищному и земельному вопросам. М., 1918; Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918 г. М., 2012; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. Вып.1. М., 1919;

2006 году были изданы протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров, а также его «Малого совета», начинавшиеся с 15 ноября 1917 года¹. Вопросы, связанные с Православной церковью, обсуждались в ноябре 1917 – январе 1918 года Совнаркомом на 8 заседаниях, докладчиками выступали разные члены правительства: управляющий делами В.Д. Бонч-Бруевич, нарком призрения А.М. Коллонтай, нарком просвещения А.В. Луначарский и другие².

Некоторая информация о советском законодательстве в отношении церкви содержится в справочниках П.В. Гидулянова³. Однако эти издания являются скорее тематическими пособиями для юристов, нежели действительными сборниками документов. Только тексты Декрета от 23 января и Инструкции Наркомюста от 24 августа 1918 года помещены Гидуляновым полностью, остальные постановления приведены отдельными выдержками в разных разделах (общие положения, отправление культа, религиозные общества, храмы и пр.)

Определенный интерес вызывают «Росписи доходов и расходов» Советского государства на первую и вторую половину 1918 года (Временное правительство так и смогло составить подобных документов применительно к 1917 году)⁴. И хотя в них отсутствует графа, относящаяся непосредственно к церкви, но в сметах отдельных ведомств можно найти указание на произведенные в ее пользу расходы. Например, в смете Наркомата по морским делам за январь и февраль 1918 года значится 50 000 рублей на военное духовенство⁵.

¹ Протоколы заседания Совета Народных комиссаров РСФСР: ноябрь 1917 – март 1918 гг. / Федеральное архивное агентство России, Российский государственный архив социально-политической истории, Институт российской истории Российской академии наук. М., 2006.

² Протоколы заседания Совета Народных комиссаров РСФСР: ноябрь 1917 – март 1918 гг. С. 27, 37, 59, 101–102, 118, 185, 188, 247, 251, 253.

³ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. Под ред. П.А. Красикова. М., 1926; Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V Отдела НКЮста РСФСР. Под ред. П.А. Красикова. М., 1924; Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству Р.С.Ф.С.Р. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отдела НКЮста. Под ред. П.А. Красикова. М., 1923.

⁴ Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь–июнь 1918 года. М., 1918; Приложение к Росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Советской республики на июль–декабрь 1918 года. М., 1918.

⁵ Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь–июнь 1918 года. С. 23.

Большая часть постановлений церковной власти – Святейшего Правительствующего Синода за 1917 – 1918 годы – опубликована тогда же в официальном журнале «Церковные ведомости», газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» и епархиальной прессе¹. К сожалению, отдельным сборником эти материалы до сих пор не изданы, также как и не последовала публикация журналов (протоколов заседаний) Синода за революционные месяцы. Значительно лучше обстоит дело с документами Поместного Собора: 4 тома его постановлений (определений) были напечатаны в Москве в 1918 году, а в 1994 году вышло репринтное издание в одном томе². Публикация протоколов общих заседаний Собора (так называемых «Деяний») также началась еще в 1918 году, тогда успели напечатать 7 книг, охватывающих период с августа 1917 по февраль 1918 года³. В конце 1990-х – начале 2000-х годов было предпринято репринтное переиздание уже опубликованных деяний, а также на основании архивных источников изданы материалы второй и третьей сессии Собора (периода февраля – сентября 1918 года)⁴. Кроме этого, в начале 2000-х годов коллектив авторов во главе с А.Г. Кравецким составил и издал «Обзор деяний», представляющий собой короткую выжимку из речей ораторов и принятых постановлений⁵. Вместе с тем, до сих пор не опубликованы и практически не использовались исследователями журналы заседаний исполнительного органа Поместного Собора – Соборного Совета⁶. В них содержатся постановления церковного руководства, в том числе и те, которые не выносились на обсуждение общих заседаний Собора. Например, именно Соборный Совет принял делегацию Временной всеукраинской православной церковной рады в ноябре 1917 года. Некоторые определения

¹ Некоторые определения Синода за 1917 год изданы в виде отдельных брошюр. См. например: Новый закон о разводе. Новая редакция главы VI раздела III Устава духовных консисторий о прекращении и расторжении браков. Чернигов, 1917 и т.д.

² Собрание определений и постановлений Собора 1917–1918 г. [В 4 вып.] М., 1918. В начале 1990-х годов определения также частями публиковались в «Богословском вестнике»: Определения и постановления Поместного Собора православной российской церкви 1917 – 1918 гг. / Вводная статья и публикация В. Цыпина // Богословский вестник. 1993. № 1. С. 102–174; Вып. 2. С. 175–224; 1996. № 2. С. 128–166.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I–VII. М.-Пг., 1918.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. В 11 тт. М., 1996–2000.

⁵ Священный собор православной российской Церкви 1917 – 1918 гг. Обзор деяний. В 3 т. М., 2000.

⁶ ГАРФ. Ф. Р 3431. Оп. 1. Д. 200–202.

Поместного Собора и постановления вступившего в действие 14 (1) февраля 1918 года Высшего Церковного Управления, касающиеся политики советской власти, фрагментарно опубликованы в разных тематических сборниках¹.

Отдельный комплекс источников составляют делопроизводственные документы государственных органов власти, а также материалы созываемых при них совещаний и комитетов. Большая часть таких документов не опубликована и находится в архивных фондах. Из опубликованных в эту группу источников отчасти можно отнести уже упоминавшиеся журналы заседаний Временного и Советского правительств². Сюда же относятся протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов II созыва³, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴, Петроградского ВРК⁵, Государственного совещания⁶ и, конечно же, Учредительного собрания⁷. Необходимо упомянуть и обнаруженные в Российской Национальной библиотеке подшивки документов Государственного комитета по народному образованию 1917 года, числящиеся почему-то в инвентаре в качестве печатного издания (хотя на самом деле речь идет о переплетенной пачке законопроектов и других бумаг)⁸.

¹ См. например: Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 г. М., 1994; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штрикер. М., 1995.

² Частично протоколы заседаний Совнаркома конца 1917 – начала 1918 года, на которых обсуждались церковные вопросы, опубликованы в сборнике Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

³ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов II созыва. М., 1918;

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. 27 февраля – 25 октября 1917 года. В 5-ти тт. СПб., 1993–2003. По большому счету, Петроградский Совет 1917 года можно отнести как к органам государственной власти, так и к общественным организациям.

⁵ Документы Великой Пролетарской Революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. М., 1938.

⁶ Государственное совещание. Москва, 1917. М.-Л., 1930.

⁷ 1917 год в документах и материалах. Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л., 1930; Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1991.

⁸ Государственный комитет по народному образованию. Работы Государственного комитета по народному образованию I и II сессии. М., 1917; Государственный комитет по народному образованию. Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Май–декабрь 1917 года. Пг., 1918.

Третью группу опубликованных источников составляют документы политических партий, а также общественных и религиозных организаций. Партийные программы публиковались неоднократно как в виде отдельных сборников и брошюр, так и в периодической печати¹. Надо отметить, что в материалах РСДРП (б) до начала 1918 года церковная тематика практически отсутствует (разумеется, за исключением соответствующих пунктов партийной программы)², но зато на IX съезде кадетской партии в июле 1917 года часть дебатов оказалась посвящена церкви³. Из материалов профессиональных организаций надо упомянуть сборники документов Петроградского и Московского Советов профсоюзов⁴.

Что касается религиозных организаций, прежде всего, стоит назвать «Деяния» различных епархиальных съездов, на основании которых можно реконструировать реакцию духовенства и верующих мирян на правительственную политику, а также узнать их предложения и требования по церковному реформированию⁵. Строго говоря, Поместный Собор, хотя и был санкционирован Временным правительством, но по своему статусу также являлся частным собранием.

Отдельную группу опубликованных источников представляют собой декларации (обращения к гражданам) государственных и церковных органов, издававшиеся как в виде отдельных листков, так и помещавшиеся в прессе. Целью их было разъяснить населению основные принципы проводимой властью (светской или духовной) политики. Так, Временное правительство уже 3 марта провозгласило отмену вероисповедных ограничений и амнистию по всем делам

¹ См. например: Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. I.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. С. 704–706.

⁴ Московский совет профессиональных союзов в 1917 году. (Протоколы). М., 1927; Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб., 1997.

⁵ Деяния Екатеринославского Епархиального собрания представителей клира и мирян Православной Церкви 21 и 22 марта 1917 года. Екатеринослав, 1917; Тверской епархиальный съезд духовенства и мирян. Протоколы Чрезвычайного епархиального съезда духовенства и мирян Тверской епархии 20–25 апреля 1917 года. Тверь, 1917 и т.д.

религиозного характера¹. Отмена «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений» содержалась и в подписанной В.И. Лениным и И.В. Сталиным 2 ноября 1917 года «Декларации прав народов России»². Вместе с тем, в отношении непосредственно Православной церкви ни Временное правительство, ни Совнарком не выпустили в 1917 и начале 1918 года ни одной специальной декларации. Однако с января 1918 года, когда церковный вопрос возник на повестке дня советского руководства, стали появляться всевозможные обращения к гражданам от местных советов или их комитетов, призывающие отмежеваться от контрреволюционного духовенства и воздержаться от участия в крестных ходах. Эти воззвания публиковались в советских газетах, а также раздавались на улицах в виде листовок³.

Гораздо чаще к обращениям прибегал Святейший Синод. В своем «Послании к верным чадам Православной церкви» от 9 марта 1917 года он призвал всех верующих признать новую власть. Летняя сессия Синода до Октябрьского переворота издала 3 «Послания»: по поводу начала своих работ, созыва Поместного Собора и беспорядков 3–6 июля в Петрограде⁴. Открывшийся в августе Собор успел до ноября 1917 года выпустить 4 обращения к верующим⁵, а после избрания патриарха стали выходить воззвания и от его имени. Самым известным стало послание от 19 января 1918 года, объявлявшее об анафеме в отношении всех гонителей церкви⁶.

К обращениям и воззваниям близка публицистика. В 1917 году обер-прокурор В.Н. Львов и Святейший Синод не раз прибегали к изданию брошюр и

¹ Программа «Народного Кабинета». Пг., 1917. С. 1.

² Декреты Советской власти. С. 39–41.

³ См. например: Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 января. С. 1; Ко всем гражданам // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 2 и др.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 16–17. С. 101–102; № 29. С. 207–209; № 30. С. 231–232.

⁵ Обращение к православному народу русскому (См.: Церковные ведомости. № 36–37. С. 311); к армии и флоту (См.: Церковные ведомости. 1917. № 38–39. С. 327–330); по поводу выборов в Учредительное собрание (См.: Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 375); о захвате церковных земель (См.: Церковные ведомости. 1917. № 43–45. С. 399–401).

⁶ Церковные ведомости. 1918. № 2 от 20 января 1918. С. 11–12; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. М., 1918. С. 4–5.

листочков с целью обосновать правильность выбранного курса церковных реформ¹. Так, после выработки в Предсоборном Совете законопроекта о правовом положении Церкви в России профессору П.В. Верховскому поручили составить специальную «записку», объясняющую основной смысл документа широким массам духовенства и верующих мирян². Свои статьи и брошюры издавали и противники обновленческой линии Львова. Например, известный философ С.Н. Булгаков обратился к духовенству, предостерегая его от поклонения «идолу демократии»: намек более чем прозрачный после постановлений Синода о переустройстве епархиального управления на выборном начале³. В своей статье об отношении государства и церкви, Булгаков настаивал на «внутреннем проникновении» последней во все фибры государственного аппарата⁴. В пику проектам В.Н. Львова и его единомышленников о приглашении на предстоящий Поместный Собор представителей клира и мирян, епископ Пантелеймон опубликовал летом 1917 года статью, заявляющую об исключительных правах епископов⁵. Издание публицистических брошюр практиковалось и Поместным Собором, печатались как доклады по тем или иным вопросам для внутреннего пользования, так и «проясняющие» обществу позицию церковного руководства. К первым можно отнести работу священника В.Н. Егорова «К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году», для написания которой использовались архивные дела Синода, специально ради этого привезенные в Москву. Егоров – член Закавказского исполнительного комитета русского духовенства и мирян – стремился доказать «незаконность» захватных действий грузин, обвиняя в провоцировании «церковного раскола» обер-прокурора Львова. Священник призывал Собор «сказать свое веское слово» по

¹ См. например: Верховской П.В. Учредительное собрание и Русская православная церковь. Пг., 1917; К истории созыва Всероссийского церковного собора. М., 1917; Нужен ли нам патриарх? Пг., 1917.

² Верховской П.В. Судьба православной церкви в обновленной России. Пг., 1917. С. 1–4.

³ Булгаков С.Н. Церковь и демократия: Речь, произнесенная на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве. М., 1917; он же. Об отношении церкви к государству. М., 1917.

⁴ Там же. С. 1–3.

⁵ Пантелеймон, епископ. Замена Божественной Благодати подсчетом голосов. М., 1917. С. 1–2.

этому вопросу¹. Большевики и их союзники прибегли к массовому изданию агитационных публицистических брошюр антицерковного содержания только с 1918 года.

Важные сведения для изучения взаимоотношений государства и Православной церкви в феврале 1917 – январе 1918 годов содержит периодическая печать. Прежде всего, это центральные правительственные издания – газеты «Вестник Временного правительства» и сменившая ее «Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства» (с января 1918 года – без приставки «временного»), публиковавшие постановления верховной государственной власти, как правило, без каких-либо комментариев. Но если в «Вестнике Временного правительства» часто публиковались и распоряжения (определения) Святейшего Синода, то, разумеется, в газете СНК этого уже не делали. Особое место занимают «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», переименованные затем в «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (в период противостояния эсеро-меньшевистского ВЦИК Советов I созыва и пробольшевистского Петроградского Совета в сентябре-октябре 1917 года газета именовалась просто «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов»). Если в марте 1917 года «Известия» поместили ряд статей о церкви и даже о священниках, поддержавших революцию, то летом–осенью «духовное ведомство» практически полностью выпало из поля зрения газеты. После Октября «Известия», как орган ВЦИК Советов, объявленного носителем верховной власти, приобрели особый статус, став рупором политики большевистского руководства. И именно «Известия» с декабря 1917 года начали активную информационную подготовку общества к появлению Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, а затем занимались его популяризацией.

¹ Егоров В.Н., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., 1917. С. 8–32.

Официальный печатный орган Святейшего Синода журнал «Церковные ведомости» сухо и педантично помещал на своих страницах полные тексты постановлений Временного правительства и церковных властей. Примечательно, что об Октябрьском перевороте он не сообщил ничего (так же поступили и издававшиеся в епархиях «Ведомости»), как будто страной продолжало управлять Временное правительство. СНК начал упоминаться в качестве носителя власти только с 1918 года (после разгона Учредительного собрания).

Синодальную газету «Всероссийский церковно-общественный вестник» (далее – ВЦОВ) в конце марта 1917 года передали Петроградской духовной академии, издание возглавил радикальный профессор Б.В. Титлинов, активный сторонник обновленческой политики В.Н. Львова. Это не замедлило сказаться на характере публикуемых в газете материалов. С ее страниц выступали самые левые церковные деятели: протоиерей А.И. Введенский, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и другие. В ВЦОВ помещались развернутые комментарии к постановлениям Временного правительства в церковной сфере. В сентябре 1917 года Поместный Собор отстранил Титлинова от редакции и назначил на его место протоиерея П.Н. Лахостского, после чего характер газеты стал более умеренным.

Значительный интерес представляют многотиражные петроградские и московские издания, а также газеты и журналы политических и церковных организаций («Новое время», «Петроградская газета», «Речь», «Русская мысль», «Русское слово», «Утро России», «Церковность» и др.) Например, «Московские ведомости» выступили главным оппонентом «титлиновского» ВЦОВ: на протяжении весны–лета 1917 года между двумя газетами шел постоянный обмен обвинениями. «Московские ведомости» называли ВЦОВ лакеем В.Н. Львова, открыто критикуя и самого обер-прокурора. В частности, писалось: «Вероятно, г. Львов думает, что для него никогда не наступит суд истории, и царство его самоуправства продлится даже после его смерти...»¹ После прихода к власти большевиков церковное руководство пыталось задействовать оппозиционные новой власти издания: «Утро России», меньшевистскую «Вперед!» и близкую к

¹ Московские ведомости. 1917. 9 июля.

эсерам «Власть народа», рассылая в редакции обращения и воззвания патриарха и Поместного Собора. Важную информацию можно найти также в общественно-политических и партийных газетах, выходивших в других городах России (кроме Петрограда и Москвы)¹.

Местная церковная периодика (прежде всего, епархиальные ведомости) помещала как официальные постановления и распоряжения духовного начальства, так и аналитические статьи на злобу дня. Впрочем, значительное место в этих журналах занимают сообщения о вакансиях священно- и церковнослужителей, а также объявления о пропавших супругах, требующиеся для осуществления расторжения брака².

Из мемуаров, прежде всего, необходимо упомянуть вышедшие в 1923 году воспоминания князя Н.Д. Жевахова, товарища последнего царского обер-прокурора³. Несмотря на обличительный по отношению к революционному движению характер повествования, восстановленные Жеваховым события Февральского переворота в высшем церковном управлении в целом соответствуют данным, полученным из газет и протоколов Синода. Наиболее важным для изучаемой проблемы является описанный Жеваховым эпизод с воззванием в поддержку царя, которое по сообщению князя члены Синода отказались составить. Текст приведенного Жеваховым ответа архиереев гораздо менее революционен, чем впоследствии сообщил ВЦОВ (газета писала, что иерархи якобы заявили об «измене сверху»). По мнению Жевахова, Синод просто саботировал предложение обер-прокурора из-за обиды на него⁴.

В мемуарах деятелей Временного правительства и Временного комитета Государственной думы: А.Ф. Керенского, В.Н. Львова, В.Д. Набокова, П.Н. Миллюкова, М.В. Родзянко и других церковная проблематика практически

¹ Киевская мысль (Киев); Крымский вестник (Севастополь); Уральская жизнь (Екатеринбург) и др.

² Екатеринбургские епархиальные ведомости, Известия по Казанской епархии, Известия по Петроградской епархии, Московские епархиальные ведомости, Новгородские епархиальные ведомости, Ярославские епархиальные ведомости и др.

³ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св.Синода князя Н.Д.Жевахова. М., 1993. Т. 1: Сентябрь 1915 – март 1917 г.

⁴ Жевахов Н.Д. Указ. соч. С. 288–289.

отсутствует¹. Однако они позволяют воссоздать атмосферу, в которой принимались постановления Временного правительства в отношении Православной церкви, а также содержат массу характеристик и оценок личностей современников (в том числе обер-прокуроров Львова и Карташева).

Особняком стоят церковные сюжеты в воспоминаниях советских деятелей. Как правило, их повествование характеризуется сказочно-лубочным стилем и не отличается точностью излагаемых фактов. Например, В.Д. Бонч-Бруевич в своей статье о роли духовенства в первые дни Октября описал, как в преддверии масштабного крестного хода в Петрограде 21 января 1918 года комиссары и рабочие ловили на улицах города старушек, расклеивавших воззвание патриарха Тихона. Очевидно, Бонч-Бруевич пытался показать силу советской власти и оторванность духовенства от народа². Однако другие источники свидетельствуют, что подписанное патриархом 19 января послание свободно раздавали и зачитывали во всеуслышанье во время крестного хода 21 января³, а аресты распространителей начались только через десять дней, когда страсти в столице несколько улеглись⁴. Не менее «лубочен» рассказ А.М. Коллонтай о попытке занятия Наркоматом призрения Александро-Невской Лавры 19 января 1918 года. Оправдываясь за начавшиеся из-за этого беспорядки, народный комиссар писала о «жирных монахах-тунеядцах», не желавших делиться помещениями с солдатами-инвалидами. В частности, Коллонтай сообщила, что сначала представители комиссариата попробовали договориться с руководством Лавры мирно, но получили отказ. Виновником всего оказался настоятель – «высохший весь старичок, глуховат. На мощи похожий и уж в делах плохо, видно,

¹ Керенский А.Ф. Указ. соч.; Львов В.Н. Переворот // Волжский день. 1918. 21 августа; он же. Приказ №1 // Волжский день. 1918. 15 августа; он же. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей политики Временного Правительства. Омск, 1919; Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991; он же. Воспоминания (1859–1917): [В 2 т.]. М., 1990; Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. I Том. С. 9–125; Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок председателя Государственной Думы: с доп. Е.Ф. Родзянко. [Нью-Йорк]: Multilingual Typesetting, 1986; Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993; Шидловский С.И. Воспоминания [В 2 ч.] Берлин, 1923; Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

² Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 208–220.

³ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 87.

⁴ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 399. Л. 28–29.

разбирается. Раньше чем ответить, на грузного, солидного монаха с крестом на выпяченной груди поглядит. А тот ответ подскажет»¹. Во-первых, настоятелю Лавры – епископу Прокопию (Титову) – в то время только-только исполнилось 40 лет и на высохшего глухого старичка он, судя по фотографиям, никак не походил. Образ же грузного солидного монаха с крестом на груди и вовсе, по-видимому, взят из сказки А.С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде». Во-вторых, как следует из периодической печати, во время первого – «мирного» – визита сотрудников Наркомата призрения 13 января 1918 года их сопровождали вооруженные матросы Ревельского сводного отряда, и только отсутствие необходимого мандата и вмешательство милиции помогло избежать немедленной насильственной реквизиции помещений монастыря². Чуть менее саркастичны в отношении православного духовенства воспоминания деятелей Московского ВРК, касающиеся посещения Московского Совета делегацией Поместного Собора утром 2 ноября 1917 года. Однако и в них имеются неточности³.

В 1947 году в Париже вышли мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского), представляющие взгляд на события 1917 года с точки зрения православного епископата (в момент свержения самодержавия архиерей являлся архиепископом Волынским)⁴. Евлогий признался, что он «и, вероятно, многие» с горечью восприняли отречение Николая II и присягнули Временному правительству только как единственному наследнику верховной власти. На переднем плане воспоминаний митрополита изображены события церковной жизни: брожение клира, Волынский епархиальный съезд, Предсоборный Совет и Поместный Собор. Реальные факты в мемуарах отрывочны и не точны, описаны лишь наиболее яркие моменты (например, обсуждение в Предсоборном Совете

¹ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 333.

² Петроградский голос. 1918. 14 января; Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 26.

³ Игнатов Е.Н. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925. С. 395; Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 394–402.

⁴ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж, YMCA-PRESS, 1947. Воспоминания были переизданы в России в 1994 году (См.: Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994), а одна из глав вошла в сборник «Дело великого строительства церковного» (См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Церковный Собор (1917 – 1918) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. М., 2009. С. 549–574).

проекта Положения о приходе). Наибольший интерес представляет высказанная Евлогием характеристика личностей некоторых его современников, в частности обер-прокуроров В.Н. Львова и А.В. Карташева¹.

Понимание революционных событий верхушкой белого духовенства нашло свое отражение в изданном в 1954 году в Нью-Йорке двухтомнике воспоминаний протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского. Многочисленные обвинения со стороны правых эмигрантских кругов в симпатиях к обновленцам вынудили автора обосновать причины, по которым он активно сотрудничал с Временным правительством. Хотя о событиях после Февраля 1917 года в двухтомнике Шавельского практически ничего не говорится, зато описана атмосфера ужасающего кризиса в Синоде и Ведомстве православного исповедания в целом в 1916 – начале 1917 года². В статье о Поместном Соборе протопресвитер продолжил критику православного епископата, отметив, что выступал против восстановления патриаршества, так как не видел ни одного достойного архиерея³. А в отдельном кратком очерке о феврале–октябре 1917 года Шавельский вообще занял открытую промонархическую позицию. Он остановился всего на двух моментах. Во-первых, сообщил, что возглавляемое им военное и морское духовенство продолжало в полной мере выполнять свой долг перед отчизной в обстановке начавшегося разложения армии. Во-вторых, заявил, что «революционный» обер-прокурор В.Н. Львов «оказался таким насильником и деспотом, какого церковь не видела за все существование прокурорской власти»⁴.

Интересные характеристики современников (главным образом церковных деятелей), содержатся в воспоминаниях С.А. Волкова, поступившего в сентябре 1917 года в Московскую духовную академию⁵. О ситуации в Православной

¹ Там же. С. 551.

² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х тт. Нью-Йорк, 1954.

³ Протопресвитер Г.И. Шавельский. Московский Поместный Собор 1917 – 1918 гг. Избрание Патриарха Всероссийского // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. М., 2009. С. 575–581.

⁴ Шавельский Г.И. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 116–118.

⁵ Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. Публикация, вступит. Статья, примечания и указатель А.Л. Никитина. М., 2000.

церкви в Украине в 1917 – 1918 годах повествуют воспоминания бывшего министра исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского В.В. Зеньковского¹. А в 2009 году вышел сборник воспоминаний, писем и дневников современников о Поместном Соборе 1917 – 1918 годов².

Огромную ценность для историков представляет дневник настоятеля Успенского собора в Московском Кремле протопресвитера Н.А. Любимова о первых заседаниях Синода, сформированного Временным правительством в апреле 1917 года³. Любимов, как и Шавельский, смотрел на происходящее с точки зрения «пресвитерианской оппозиции» епископату, и потому был более склонен сотрудничать с В.Н. Львовым, чем православные архиереи. Любимов описал происходившие в конце апреля – июне 1917 года в Синоде споры по тем или иным вопросам изнутри, пересказывая мнения участников дискуссий, а также и свое собственное. Реально оценивая важность переживаемого момента, Любимов подкрепил свои ежедневные записи вырезками из газет. Также интересен дневник участника второй сессии Поместного Собора (январь – апрель 1918 года) протоиерея Георгия Голубцова, рассказавшего, в том числе, о ситуации в его Сухумской епархии⁴.

Дневник другого очевидца революции – публициста Д.В. Философова – повествует о том, что происходило в дни Февральского переворота в среде либеральной интеллигенции Петрограда⁵. Из сообщений Философова, в частности, выясняется, что приглашение А.В. Карташева на должность товарища обер-прокурора в марте 1917 года состоялось при прямом участии А.Ф.

¹ Зеньковский Василий, протопресвитер. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.) Воспоминания. М., 1995.

² Дело великого строительства церковного.: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009.

³ Любимов Н.А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (25 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 15–120.

⁴ Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на Всероссийский Церковный собор. Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.) // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918 гг.). М., 1995. С. 121–169; он же. Поездка на Всероссийский Церковный Московский Собор // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. М., 2009. С. 160–298.

⁵ Философов Д.В. Дневник (17 января – 30 марта) // Звезда. 1992. № 1. С. 193–205; № 2. С. 188–204; № 3. С. 145–166; см. также: Колоницкий Б.И. Д.В. Философов и его дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 189–192.

Керенского¹. В качестве главного достоинства дневника Философова необходимо указать то, что его записи не подверглись позднему редактированию, как это произошло, например, с записками З.Н. Гиппиус².

Представляет немалый интерес и дневник секретаря Петроградского религиозно-философского общества С.П. Каблукова, большей частью представляющий собой газетные вырезки с комментариями автора. Каблуков – личный друг А.В. Карташева, участник Предсоборного Совета, оставил отзывы о многих своих современниках³. Кроме всего прочего, в дневник вложены некоторые письма, в том числе датированное 29-м октября 1917 года послание от Карташева, арестованного большевиками в числе прочих министров Временного правительства⁴.

Огромную часть источников составляют телеграммы и письма политических и церковных деятелей, отражающие их взгляды на проблему взаимоотношений правительства и церкви, а также выясняющие обстановку на местах. Большинство их датируется мартом–апрелем 1917 года и адресованы главе правительства Г.Е. Львову, обер-прокурору В.Н. Львову и председателю IV Государственной думы М.В. Родзянко. В телеграммах и письмах содержатся приветствие совершившегося переворота и признание Временного правительства⁵. Некоторые из телеграмм с мест, освещающих церковные настроения в марте-апреле 1917 года, опубликованы в качестве приложения к книге игумена Серафима (Кузнецова) «Православный царь мученик»⁶.

Значительно меньше имеется писем и телеграмм, призывавших к отделению церкви от государства, направленных в Петроградский и Московский Советы, а

¹ Философов Д.В. Указ.соч. // Звезда. 1992. № 2. С. 201.

² Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи. Дневники. Кн. 1. Тбилиси, 1991.

³ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1917. Предисловие, публикация и комментарии Е.М. Криволаповой. Литературоведческий журнал. 2009. № 24. С. 138–234. Сам дневник за 1917 год состоит из нескольких тетрадей, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. См.: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 43–50.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 329. Л. 229 – 230 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 1-15; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48, 79, 100.

⁶ Серафим (Кузнецов), игумен. Православный царь-мученик. М., 1997. С. 766–792. В книге опубликованы материалы из Российского государственного исторического архива. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54.

также во ВЦИК Советов и – после прихода к власти большевиков – в Совет Народных Комиссаров. Возможно, это объясняется тем, что данные идеи в тот момент не пользовались широкой популярностью в народе. Кроме того, к осени 1917 года политическая активность населения значительно снизилась, и Октябрьские события уже не встретили такого эмоционального отклика, как Февральские.

Некоторые письма и дневниковые записи современников событий опубликованы в вышедшем в 2000 году «Богословском сборнике», посвященном деятельности патриарха Тихона¹, а также в сборнике документов, собранных М.Е. Губониным². Особый интерес представляет сохранившаяся в Государственном архиве Российской Федерации обширная переписка архиепископа (позже – митрополита) Арсения (Стадницкого) (ГАРФ. Ф. 550). К сожалению, лишь небольшая часть этих материалов опубликована³.

Говоря о вышедших в свет справочных изданиях, необходимо сделать вывод, что в вопросе о взаимоотношении государства и Православной церкви в России в период с февраля 1917 по январь 1918 года имеется немало белых пятен, и это не позволяет авторам точно указать некоторые сведения. Например, в работе «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.» датой прекращения существования Святейшего Синода названо 20 января 1918 года – видимо момент подписания Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви⁴. Вместе с тем, в данном декрете ничего о судьбе Синода не говорилось, и он продолжал работать до 14 (1) февраля 1918 года. Далее в справочнике отмечено, что с 5 августа по 25 октября 1917 года Синод подчинялся Министерству исповеданий, что не соответствует действительности⁵. Во-первых, Синод не подчинялся, а контролировался лично министром исповеданий,

¹ Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000.

² Современники о Патриархе Тихоне. Сб. в 2 ч. Т. 1 / Сост. и автор комментариев М.Е. Губонин. М., 2007.

³ Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917 гг. Т 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 134.

⁵ Там же.

формально сохранявшим права и обязанности бывшего обер-прокурора. Во-вторых, 25 октября 1917 года ничего в этой ситуации не изменило. И Синод и Министерство исповеданий продолжали существовать далее, как минимум до января 1918 года. Такая же неразбериха имеет место и в отношении дат ликвидации отдельных синодальных учреждений: согласно справочнику Училищный совет прекратил свое существование 11 декабря 1917 года (видимо, указана дата декрета о передаче духовных учебных заведений в ведение Наркомпроса)¹, Учебный комитет – 23 февраля 1918 года². О судьбе Министерства исповеданий в книге «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг.» сведения отсутствуют, хотя в разделе о Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД отмечено, что он упразднен 5 августа 1917 года, а его функции перешли к Министерству исповеданий. В то же время датой увольнения начальника департамента С.А. Котляревского почему-то названо 26 октября 1917 года³. На самом деле Котляревский 29 июля 1917 года стал товарищем обер-прокурора Синода⁴, а затем с 5 августа – товарищем министра исповеданий⁵.

Неточности имеются и в других справочных изданиях. Например, в изданном в 2009 году путеводителе Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга указано, что Петроградская духовная семинария «постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 года передана в ведение Министерства народного просвещения. Ликвидирована на основании декрета СНК от 18 января 1918 года»⁶. Отметим, что постановление от

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 140–141.

³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917 гг. Т 2: Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. СПб., 2001. С. 37–38.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь года. В 4-х тт. Т.3. Июль-август 1917 года. М., 2004. С. 202.

⁵ Там же. С. 256–258.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах. Т. 2. СПб., 2009. С. 131. В то же время нельзя не упомянуть путеводители по церковным фондам в российских архивах: История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель М., 1993; История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель. М., 1995.

20 июня 1917 года не касалось собственно духовно-учебных заведений, таких как семинарии, женские епархиальные училища и духовные академии. Их передачу государству в лице Народного комиссариата просвещения декларировал декрет от 11 декабря 1917 года. Что имеется в виду под «декретом от 18 января 1918 года» – неизвестно.

Отдельную группу составляют неопубликованные источники. При работе над книгой использованы материалы 59 фондов 10 архивов. Большую их часть составляют делопроизводственные документы различных учреждений, а также письма и телеграммы. Основную массу материалов составили дела из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). В ГАРФе, кроме документов Временного правительства и его министерств, СНК и его народных комиссариатов, а также Поместного Собора, использованы дела ВЦИК I Созыва, Московского Военно-Революционного Комитета и следственных комиссий Петроградского Совета и Революционного трибунала при ВЦИК (конца 1917 – 1918 годов). В РГИА, кроме хорошо известных исследователям фондов Святейшего Синода и его обер-прокурора, а также Поместного Собора и Канцелярии патриарха Тихона, задействованы неизученные документы Временного правительства, хранящиеся в фонде Совета Министров (РГИА. Ф. 1276). Особую ценность представляют материалы фонда управляющего Канцелярией обер-прокурора В.И. Яцкевича (РГИА. Ф. 1579). Также привлечены документы из Российского государственного архива древних актов (фонды Московской синодальной типографии и отдельных монастырей), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (фонды Петроградской духовной консистории и Прокурорского надзора Петроградского окружного суда) и др. Особо необходимо отметить материалы Московского Совета рабочих депутатов (с осени 1917 года – Московского Совета рабочих и солдатских депутатов) из Центрального государственного архива Московской области. Их изучение дает представление о характере взаимоотношений церковного руководства и Советской власти в Москве в ноябре 1917 – январе 1918 годов.

Использование материалов разного характера и происхождения, в том числе большого числа архивных фондов, позволяет не только реконструировать события, но и изучить их восприятие и освещение с точки зрения разных учреждений, организаций и отдельных исторических деятелей, выявляя многосторонность позиций и мотивов действий.

Итак, тема взаимоотношений государства и Православной церкви в России в феврале 1917 – январе 1918 гг. ещё не являлась предметом самостоятельного исторического исследования, и, как следствие, имеющийся по данной теме широкий круг источников не подвергался всестороннему анализу. До сих пор не были обобщены данные различных архивов: прежде всего фонды Синода и его обер-прокурора в Российском государственном историческом архиве, фонды Временного правительства и Совнаркома в Государственном архиве Российской Федерации, а также материалы двух центральных советов – Петроградского (в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга) и Московского (в Центральном государственном архиве города Москвы и Московской области). Вместе с тем, исследование законодательных актов, делопроизводственных документов, периодической печати, материалов личного происхождения позволяет провести всесторонний анализ развития государственно-церковных отношений в переломные для России месяцы с февраля 1917 по январь 1918 годов.

ГЛАВА 2. ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА И ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ

2.1. События Февраля 1917 года и Ведомство православного исповедания

На момент свержения самодержавия в России Православная церковь была подчинена государству и включена в систему его учреждений. Основы такой системы заложил изданный Петром I в 1721 году Духовный регламент¹. А Свод Законов Российской Империи 1906 года вообще не предусматривал существование церкви как отдельной структуры. Статья 62 объявляла, что первенствующей и господствующей верой в России является «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». В соответствии со статьей 63 «Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Две следующие статьи закрепляли форму церковного управления: они провозглашали самодержца «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния», и сообщали, что «в управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»². Механизмы административного управления «кадрами» и хозяйством церкви находился в руках особого чиновника – обер-прокурора Синода, назначавшегося царем и входившего к нему с регулярными докладами. Также имелся целый ряд действующих инструкций и положений, регулировавших деятельность отдельных церковных учреждений (например, «Устав духовных консисторий»), который лишь закреплял обязанности духовенства как государственных чиновников.

Вследствие того, что в законах Российской Империи церковь как самостоятельный институт не упоминалась, сложно говорить о ее официальном

¹ См.: Духовный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 540–603.

² Свод Законов Российской Империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1. С. 15–16. Слово «церковь» в законе упоминалось, но его смысл не раскрывался. Исходя из документа, в это понятие включалось все, что находилось в ведении Святейшего Синода.

названии. В документах Святейшего Синода чаще всего использовалась формулировка «Православная Российская Церковь», но на некоторых бланках первые два слова менялись местами. В делопроизводственных бумагах других ведомств и в печати нередко писали и «Русская», и «Российская», и даже «Всероссийская» церковь. Впоследствии Временное правительство, признав 27 марта 1917 года автокефалию Грузинской церкви, стало называть подведомственные Синоду учреждения и духовенство «Русской Православной Церковью» (в противовес «Грузинской»). В то же время сам Синод, а затем Поместный Собор и введенные им органы Высшего Церковного Управления, по-прежнему использовали наименование «Православная Российская Церковь».

Получалась странная ситуация: юридически Православной церкви в Империи как самостоятельного «установления» не имелось, но вера признавалась господствующей, и ее охраной занимался государственный аппарат во главе с царем. И даже несмотря на то, что перед Первой мировой войной был предпринят ряд законодательных инициатив к уравниванию прав христианских исповеданий, преимущественное положение православия сохранялось. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1916 года имелась специальная глава «О нарушении ограждающих веру постановлений». За богохульство или поношение Православной церкви и ее догматов, а также «вообще веры Христианской», в храме или во время общественного богослужения полагались срочная каторга или ссылка на поселение. Хула на религию «в печати, письме или изображении» каралась ссылкой на поселение, а за «поношение установлений или обрядов церкви Православной или вообще христианства» и богослужебных предметов полагалось заключение в тюрьме сроком 6 месяцев. При этом «совратившего» православного на уход в другое христианское исповедание (инославие) закон велел заключить в крепость на срок до 3-х лет, а, если это совершено с насилием, полагалась ссылка на поселение. То же касалось родителей или опекунов, которые против правил крестили детей в инославие: они подвергались заключению в крепость до 1 года. Статья 90 «Уложения» гласила, что «виновный в произнесении или чтении публично, проповеди, речи или

сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или учение, или секту, если сии деяния учинены с целью соращения православных, наказуются заключением в крепость не свыше 1 года или арест»¹. Кроме того, гражданская и уголовная ответственность была тесно переплетена с церковным судом. Например, при нанесении мужем жене увечий, тяжких побоев или иных истязаний «Уложение» предполагало в том числе «церковное покаяние по распоряжению своего духовного начальства». Обращение к церковному суду предполагалось также и в случае прелюбодеяния одного из супругов².

Таким образом, до 1917 года церковь фактически представляла собой не мистический союз верующих, а «Ведомство православного исповедания» (или «Ведомство Св. Синода» – именно так, пренебрежительно сокращая второе слово) со своими функциями и своей строкой в бюджете. Православное духовенство – с точки зрения существовавшей тогда государственной системы – являлось частью чиновничьего аппарата³. Это не могло не вызывать отторжения со стороны общества. Как довольно-таки язвительно, но не без оснований писал в 1903 году В.Д. Бонч-Бруевич, «заботливо культивируемая законодательством, охраняемая от малейшего посягательства суровыми уголовными карами, – имея во главе “священную особу государя императора”, – православная церковь является одной из многоветвистых бюрократических организаций, стоящих на бдительной страже существующего политического порядка, то есть всегда является могучим

¹ Свод Законов Российской Империи. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1916. С. 485–491.

² Там же. С. 361.

³ В 1914 году общее число представителей белого духовенства и церковнослужителей (протоиереев, священников, дьяконов и псаломщиков) составляло 112 629 человек. См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Приложения. Петроград, 1916. С. 25. Кроме того, в это время в России имелось 1 025 монастырей и общин с 95 629 «насельниками», из них 550 мужских (с 11 845 монахами и 9 485 послушниками), 475 женских (с 17 283 монахинями и 56 016 послушницами) См.: Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 165.

сеятелем плевел всякой реакции и мракобесия в глубинах душ и ума народной массы»¹.

Прочнейший союз между церковью и государством выражался и в ее финансировании из Государственного казначейства. По бюджету на 1917 год церкви предназначалось 65 262 114 рублей². Однако подсчитать реальные расходы государства на церковь практически невозможно, так как точные сведения нигде не фиксировались. Например, советский исследователь М.М. Персиц сообщал, что по росписи на 1912 год на церковные нужды предусматривалось 42,06 миллиона рублей золотом. Вместе с тем, как выяснила бюджетная комиссия III Государственной думы, в том же 1912 году церковь дополнительно получила от государства в форме пособия свыше 3 млн. золотом. Эта сумма фигурировала в графе «специальные средства»³.

Церковь выполняла ряд государственных функций в сфере народного образования. Во-первых, духовенство заведовало церковно-приходскими школами: к 1917 году их действовало около 37 000, что составляло половину от общего количества начальных школ в России. Кроме того, центральное место в системе преподаваемых дисциплин во всех начальных и средних учебных заведениях занимал Закон Божий, который вел школьный священник – законоучитель. Закон Божий являлся обязательным предметом, в рамках которого ученикам давались основы православной религиозной доктрины. В целом на церковь в системе народного образования государство возлагало функции идеологического воспитания населения в духе официальных «православия, самодержавия, народности» и в рамках этого – надзор за общим направлением

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Силы русского клерикализма // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. В 3-х тт. М., 1959–1963. Т. 1. М., 1959. С. 127.

² См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 335.

³ Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958. С. 9–10. Об экономическом положении Православной церкви и духовенства накануне Февральской революции см.: Фирсов С.Л. Финансовое положение русской церкви в последнее предреволюционное десятилетие // Церковно-исторический вестник. 1998, № 1. С. 145–161; Морозан В. Экономическое положение православного духовенства в XIX – начале XX века // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 137–144; он же. В. Экономическое положение Русской православной церкви в конце XIX — начале XX вв. // Нестор. 2000. № 1. С. 311–330.

преподавания всех дисциплин. Духовенство также регистрировало и расторгало браки всех православных подданных и вело метрические книги, предоставляя статистические сведения в другие учреждения (например, в военное ведомство о подлежащих призыву в армию). Существовали придворное и военное духовенство, выполнявшие свои отдельные государственные задачи.

С открытием в 1906 году Государственной думы Ведомству православного исповедания наряду с другими министерствами пришлось отчитываться перед народным представительством (состоящим, в том числе, и из депутатов-католиков, мусульман и т. д.), причем не только по финансовой части. В Думе был создан специальный Комитет по делам Православной церкви, однако и другие комитеты косвенно или непосредственно занимались ею (прежде всего, Бюджетная комиссия), затрагивая даже сугубо внутрицерковные вопросы. Подотчетность церкви Государственной думе наглядно демонстрирует список законопроектов, внесенных в народное представительство обер-прокурорами Синода А.Н. Волжиным и Н.П. Раевым летом–осенью 1916 года. Среди них: представления об изменении границ Благовещенской и Владивостокской епархий и учреждении Камчатской епархии (11 июля¹), об отпуске средств Государственного казначейства на увеличение жалования членам Синода (24 августа), об обращении средств, ассигнуемых Туруханскому Свято-Троицкому мужскому монастырю, на содержание женского общежития этого же монастыря (5 сентября) и т. д.² Осенью 1916 года в Думу поступило также множество представлений об увеличении содержания духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений³. При обсуждении сметы Синода в заседании 26 февраля 1916 года депутаты выразили целый ряд пожеланий, в том числе, о переустройстве церкви на началах соборности с широким применением местного

¹ Все даты до 31 января 1918 года включительно указаны по старому стилю. Для более поздних событий (начиная с 14 (1) февраля 1918 года) в соответствии с Декретом от 26 января 1918 года «О введении западноевропейского календаря» используется новый стиль. При этом в скобках может быть указана соответствующая дата по старому стилю, поскольку именно так датировались документы в церковном делопроизводстве того времени.

² Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стлб. 1-1758. Заседания 1-25 (1 ноября 1916 г. – 25 февраля 1917 г.). Пг., Государственная типография, [1917]. Стлб. 153.

³ Там же. Стлб. 238.

самоуправления и созыве Поместного Собора, реформе церковного управления и суда, прекращении «вредной практики» перевода архиереев с кафедры на кафедру, «тем более помимо церковной власти», а также «отказ государственной власти от взгляда на православное духовенство как на орудие внутренней политики», отмена соответствующих циркуляров и распоряжений¹. Правовое положение Православной церкви в России накануне Февраля 1917 года оценивалось многими современниками как нонсенс, однако позиция Николая II по этому вопросу не давала надежд на скорейшее изменение ситуации.

Стихийные беспорядки в Петрограде начались 23 февраля 1917 года, а в понедельник, 27 февраля, на сторону восставших стали массово переходить части Петроградского гарнизона. Как показывают протоколы Синода, всю первую неделю событий (за исключением воскресенья) проводились регулярные заседания, причем никаких связанных с революцией вопросов в официальной повестке дня не значилось².

Последний раз перед отречением Николая II архиереи собрались 27 февраля. Согласно журналам Синода, в этот день он принял одно-единственное постановление: командировал в Крым председателя Центрального свечного комитета протоиерея Г.И. Леончукова «для обследования вопроса о приобретении Ведомством православного исповедания имения с виноделием, принадлежащего князю Горчакову»³. Однако по более позднему сообщению газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» (далее – ВЦОВ), на заседании 27 февраля царский обер-прокурор Н.П. Раев предложил архиереям выпустить специальное воззвание против освободительного движения, которое, по его мнению, состояло из одних изменников. Синод якобы это предложение отклонил,

¹ Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. Пг., Синодальная типография, 1916. С. 151–152.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2831. На момент Февраля 1917 года в состав Святейшего Синода входили митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) – первоприсутствующий, митрополит Петроградский Питирим (Окнов), митрополит Московский Макарий (Невский), архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Литовский Тихон (Белавин), архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий), архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский) и протопресвитеры А.А. Дернов и Г.И. Шавельский.

³ Там же. Л. 264.

заявив Раеву, что «в высшей степени спорным является вопрос, – откуда идет измена, сверху или снизу»¹. Вместе с тем, другие столичные газеты сообщали, что 27 февраля Раева не было в Петрограде, и он никак не мог присутствовать на последнем заседании Синода. В частности, согласно данным «Нового времени», обер-прокурор с самого начала крупномасштабных забастовок в столице «куда-то исчез». Жена его и близкие уверяли, что «он уехал из Петрограда по делам службы. Св. Синодом, однако, на него не возлагалось никаких поручений»².

Думается, можно предположить, что ВЦОВ напечатал искаженные сведения о событиях, описанных впоследствии товарищем последнего царского обер-прокурора князем Н.Д. Жеваховым. Он сообщал, что последнее перед царским отречением заседание Синода состоялось 26 февраля: «...из иерархов не все прибыли... Отсутствовал и обер-прокурор Н.П. Раев. Перед началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем, чтобы таковое было не только прочитано в церквях, но и расклеено на улицах...» По мнению Жевахова, обращение должно было стать «грозным предупреждением церкви, влекущим, в случае ослушания, церковную кару»³. Товарищ обер-прокурора также добавил, что церковь не должна стоять в стороне, и голос ее в данном случае необходим⁴. Но к великому удивлению князя архиереи отказались поддержать правительство, заявив устами митрополита Киевского Владимира (Богоявленского): «Это всегда так, когда мы не нужны, нас не замечают, а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью»⁵.

Чем мотивировался отказ православных архиереев от предложения князя Жевахова – не ясно. Князь полагал, что митрополит Владимир, как и остальные члены Синода, просто не отдавал себе отчета в том, что в действительности

¹ Всероссийский Церковно-Общественный вестник (далее – ВЦОВ). 1917. 7 апреля.

² Новое время. 1917. 10 марта.

³ Подобное определение Синод принял 2 августа 1902 года, когда в ряде губерний начались крестьянские волнения. См.: Синод в борьбе с революцией // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 198–201.

⁴ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. М., 1993. Т.1. С. 288.

⁵ Там же. С. 289.

происходило, и его ответ явился «самым заурядным явлением оппозиции Синода к Обер-прокуратуре...»¹ Надо оговориться, что причин для обид на правительство у архиереев имелось действительно предостаточно. В последние годы существования царского режима Синод был низведен до такой степени бесправия, какой не существовало даже при К.П. Победоносцеве. С укреплением при дворе Г.Е. Распутина вмешательство в церковные дела различных «темных сил» достигло неслыханного размаха. Например, тот же митрополит Владимир в 1915 году был явочным порядком (а именно неожиданно появившимся указом Его Императорского Величества) перемещен из Петрограда на Киевскую кафедру. Как писал в своей записке о «распутинском влиянии» директор Синодальной канцелярии П.В. Гурьев, назначения митрополитов Питирима (Окнова) и Макария (Невского), а также архиепископа Тобольского Варнавы (Накропина) совершилось по непосредственному указанию царя и «оформлено путем верноподданейшего доклада обер-прокурора Святейшего Синода», причем члены Синода лишь задним числом узнали о состоявшихся назначениях². И все это происходило тогда, когда с 1905 года шли непрерывные разговоры о необходимости созыва Собора и восстановления церковного самоуправления, когда более или менее успешно эти вопросы рассматривались в ходе работ высочайше утвержденных Предсоборного Присутствия (1906–1907) и Предсоборного Собрания (1912–1916), когда идея церковного обновления прочно утвердилась в стенах Государственной думы. Один из синодальных архиереев архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) написал в своем дневнике 11 декабря 1914 года: «Положительно приходится убеждаться, что Синод

¹ Там же.

² Цит. по: Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 38. По слухам, при определении кандидата на Московскую кафедру Г.Е. Распутин послал Николаю II телеграмму о Макарии: «дай ему метру!» (митру), хотя у будущего митрополита даже не было академического образования. См.: Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 211. Вместе с тем, широко распространенное мнение о всепроникающем влиянии Распутина не доказано, и может оказаться преувеличением. См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 37–38. А С.Л. Фирсов обоснованно предположил, что митрополит Питирим своим возвышением обязан не только Распутину. Влияние старца могло сказаться только при назначении архиерея в Петроград, до этого играли роль другие знакомства и связи. См.: Фирсов С.Л. Владыка Питирим (Окнов): к истории назначения на петроградскую митрополичью кафедру // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 35. С. 22–31.

существует только для мелких дел и члены Синода являются в качестве статистов при обер-прокуроре»¹. И назначенный на эту должность в августе 1916 года по протекции все того же «распутинского кружка» обер-прокурор Н.П. Раев, разумеется, не вызывал у архиереев (возможно, кроме Питирима и Макария) никаких положительных эмоций.

В рассказе Жевахова есть один момент, который не может не быть подвергнут сомнению: дата описываемого им эпизода с воззванием, 26 февраля 1917 года. Это было воскресенье, неприсутственный день, в который согласно официальным журналам Синода заседаний не было. Скорее всего, Жевахов все же описал события понедельника, 27 февраля, когда иерархи действительно собирались в последний раз до отречения. Тем более что в воспоминаниях чиновника есть и другие места, когда происшествия «переместились» на день назад, в частности, эпизод с его собственным арестом, о чем речь пойдет ниже².

Тем временем события в столице приобретали все более необратимый характер. После оглашения утром 27 февраля царского указа о роспуске Государственной думы, депутаты решили продолжить заседания в «частном порядке». Днем того же дня Совет Старейшин Думы образовал особый комитет для «сношения с армией и народом» – Временный комитет Государственной думы (далее – ВКГД), в который вошли члены думского президиума и представители фракций³. ВКГД начал экстренно рассылать своих комиссаров в войска, министерства и ведомства, пытаясь взять под контроль ситуацию в столице. При этом Святейший Синод полностью выпал из поля зрения комитета⁴. То же можно сказать и об образованном 27 февраля 1917 года представителями

¹ Цит. по: Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917 – 1922 гг. М., 1999. С. 9.

² Хотя, как отметил П.Г. Рогозный, синодальные постановления от 25 февраля заканчиваются на № 1192, а 27 февраля начинаются с № 1203. См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 39. Но, думается, несколько строк могли специально «зарезервировать» для каких-то малозначительных дел, например, бракоразводных.

³ Членами ВКГД стали М.В. Родзянко, В.А. Ржевский, В.В. Шульгин, В.Н. Львов, С.И. Шидловский, М.А. Караулов, П.Н. Милуков, Н.В. Некрасов, И.И. Дмитрюков, В.И. Дзюбинский, А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе и Б.А. Энгельгард.

⁴ См. Февральская революция 1917. Сборник документов. М., 1996. С. 148. ВКГД направил своих комиссаров в МВД, петроградский почтамт, телеграф, Военное и морское министерства, Министерство земледелия, Министерство юстиции, Министерство торговли и промышленности, Министерство финансов, Министерство народного просвещения, Правительствующий Сенат, Петроградское градоначальство.

социалистических партий в левом крыле Таврического дворца Петроградском Совете рабочих депутатов, в который пригласили представителей трудящихся столичных заводов и фабрик, а также делегатов от воинских частей (после этого он стал называться «Советом рабочих и солдатских депутатов»)¹. Итогом Февральских событий стало подписание 2 марта 1917 года Николаем II Акта об отречении от престола за себя и за сына в пользу Великого князя Михаила Александровича. А вслед за этим 3 марта Михаил Александрович выпустил Манифест, в котором отказался от восприятия престола до определения народной воли в Учредительном собрании, вручив власть «по почину Государственной думы поставленному» Временному правительству. К тому моменту его состав уже определился: должность обер-прокурора Синода сохранялась, ее получил председатель думского Комитета по делам Православной церкви Владимир Николаевич Львов².

С 27 февраля начались аресты представителей царской администрации, которые затронули также и Ведомство православного исповедания. 28 февраля революционные солдаты в качестве «усердного слуги старого режима» доставили из Александрово-Невской Лавры в Государственную думу митрополита Петроградского Питирима³. Когда его везли в автомобиле по Петрограду, толпа кричала: «ты помогал врагам народа!»⁴ О том, что произошло в Таврическом дворце, сведения источников расходятся. Согласно «протоколу событий Февральской революции» навстречу Питириму вышел один из членов Думы⁵, который, попросив окружающих отнестись с уважением к сану преосвященного и дать ему дорогу, проводил Питирима в помещение ВКГД. Там митрополита встретил член Думы В.М. Вершинин, заявивший, что ВКГД распоряжения об

¹ По ряду направлений в дни Февраля 1917 года ВКГД и Петроградский Совет координировали свои действия, не говоря уже о том, что некоторые политические деятели числились в обеих структурах. См. об этом подробнее: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля - 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

² Российское законодательство X–XX веков. В. 9 тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 118–127.

³ Что именно это были за солдаты и по чьему распоряжению они действовали – пока выяснить не удалось.

⁴ Петроградская газета. 1917. 5 марта.

⁵ Фамилия неизвестна. См.: Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 122.

аресте не давал, и комитет «предоставит ему возможность безопасно вернуться в свою обитель». Однако, видимо, опасаясь за свою жизнь, владыка попросил разрешения остаться в Таврическом дворце до утра. Член ВКГД В.Н. Львов (еще не назначенный обер-прокурором) проводил преосвященного в Министерский павильон. Через некоторое время Питирим все же передумал и перед отъездом в Лавру подал председателю Государственной думы М.В. Родзянко заявление об увольнении на покой¹. Примерно так же описывает случившееся «Петроградская газета», добавив, что обратно митрополита тоже сопровождал конвой². По версии другой газеты солдаты оставили Питирима в «толкотне» дворца, где его спас от толпы член Думы священник С.А. Крылов, добившийся помещения митрополита в передней комнате при Министерском павильоне. Крылов заявил преосвященному, что «прежний строй рухнул безвозвратно», «ныне церковь вступает в новые, свободные условия существования», и что духовенство и народ недовольны деятельностью митрополита. Помолчав, Питирим ответил: «назначение меня на Петроградскую кафедру не дало мне радости. Я был счастлив в Грузии, где меня все любили. Здесь же я по воле тех, которые пожелали меня иметь»³. Потом митрополит заявил, что хочет уйти на покой и поселиться в монастыре или «на частной квартире близ храма Божьего», пользоваться медицинской помощью и иметь при себе человека, который «покоил бы его старость». Соответствующее прошение тут же составили в письменном виде и передали в ВКГД, после чего Питирим вернулся в Лавру⁴. Имеется и третья версия пребывания Питирима в Думе 28 февраля 1917 года: комендант Таврического дворца полковник Г.Г. Перетц вспоминал, что митрополита привели «под строгим конвоем с револьверами в руках», но в Полуциркульном зале владыке стало плохо, его усадили на стул и понесли в общую комнату Министерского павильона. Стул не пролез в двери, и митрополита оставили

¹ Там же: П.Г. Впечатления очевидца. Сообщение члена Государственной думы А.М. Александрова // Крымский вестник (Севастополь). 1917. 15 марта.

² Петроградская газета. 1917. 5 марта.

³ Цит. по: Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011. С. 195. См. также газетную вырезку: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 48–49.

⁴ Там же.

сидеть в передней, где он в полубессознательном состоянии благословлял всех проходящих мимо арестованных царских министров. Потом к Питириму подступили «две какие-то духовные особы, имевшие с ним конфиденциальную беседу», после которой митрополит отрекся от сана¹. Член Государственной думы А.М. Александров, посетивший в середине марта Крым, поделился с местной газетой еще некоторыми подробностями нахождения митрополита в Таврическом дворце. По словам депутата, Питирим, «бледный как смерть» сказал окружавшим: «Я знаю, вы хотите меня расстрелять, стреляйте, но только не отдавайте моего тела толпе, это подорвет престиж церкви». На это член Думы мусульманин М.Ю. Джафаров стал успокаивать владыку, объясняя, что его скоро отпустят. Питирим не поверил и стал тихо рассказывать, как спокойно ему жилось на Кавказе, пока Распутину «не пришла несчастная мысль» назначить его Петроградским митрополитом. В этот момент вошел новый обер-прокурор Синода В.Н. Львов и со словами «владыка, прошу следовать за мной» выпустил преосвященного на свободу².

Известие об аресте петроградского митрополита немедленно разлетелось по городу и обросло большим количеством слухов. Д.В. Философов записал в своем дневнике, что его друг А.В. Карташев видел арестованного Питирима, которого везли в автомобиле, «а через полчаса баба какая-то ему подробно рассказывала, как владыку везли в простых дровнях»³. На следующий день Философов услышал совсем невероятную версию о том, что «царицу арестовали вместе с Питиримом в бане»⁴. Князь Н.Д. Жевахов также описал явно мифический эпизод, как будто по дороге в Таврический дворец один из солдат с улицы вскочил на подножку автомобиля и стал обличать Питирима, но в этот момент «шальная» пуля попала

¹ Перетц Г.Г. В цитадели революции. Записки Коменданта Таврического Дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 37–38. Скорее всего, одним из упомянутых полковником духовных лиц был депутат С.А. Крылов, о котором сообщают другие источники.

² П.Г. Впечатления очевидца. Сообщение члена Государственной думы А.М. Александрова // Крымский вестник (Севастополь). 1917. 15 марта.

³ Дмитрий Владимирович Философов. Дневник // Звезда. 1992. № 2. С. 189.

⁴ Там же.

кричащему рот¹. «Биржевые ведомости» в этой связи просто отметили, что по пути в Думу на углу Невского проспекта и Полтавской улицы у автомобиля случилась «порча», а люди при виде митрополита «обнаружили раздражение»². Огромный интерес к судьбе митрополита свидетельствует, прежде всего, о той недоброй славе, которой он пользовался. Важно отметить, что арест был произведен солдатами по собственному почину, без санкции какой-либо из революционных властей. Появление Питирима в Таврическом дворце стало для членов ВКГД неожиданностью: он хоть и считался одиозным Распутинским ставленником, но, по-видимому, депутаты не считали себя вправе судить духовное лицо³.

Вернувшись в Лавру, Питирим первым делом сжег личные бумаги: высочайшие грамоты, рескрипты, письма царя и царицы⁴. А 1 марта митрополит лег в лаврскую больницу с диагнозом «Bronchitis chronica. Neurastenia». В истории болезни записано, что он «часто кашляет... Жалуется на слабость и плохой сон... Appetit очень плохой». В качестве лечения ему назначили «спокойное положение»⁵. Отмечено, что после обыска 2 марта самочувствие митрополита ухудшилось. В этот же день, очевидно, убедившись в необратимости происходящего, митрополит послал свое прошение об увольнении и членам Синода⁶. Выбыл Питирим из больницы 18 марта⁷ и сразу уехал на Кавказ, причем

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. С. 323.

² Биржевые ведомости. 1917. 14 марта.

³ Разумеется, было бы неправильно оценивать всю деятельность митрополита Питирима исключительно негативно. В частности, он уделял много внимания вопросу о материальном обеспечении духовенства и был инициатором ряда церковных реформ. См.: Бокарева Л.С. Комиссия по вопросу об улучшении содержания православного духовенства (21 января – 4 февраля 1917 г.): состав и деятельность // Клио. 2011. № 2. С. 8–83; Бородулина Л.С. Церковно-реформаторская деятельность митрополита Питирима // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2006. № 1. С. 153–158. О деятельности Питирима на кафедре петроградского преосвященного см.: Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011. С. 97–190.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 173 об.

⁶ См. газетную вырезку: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л.48-49. Кроме этого, 5 марта 1917 года Питирим повторил просьбу об увольнении в своем письме на имя первоприсутствующего в Синоде митрополита Владимира. См.: Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 199–200.

⁷ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 173 об.

В.Н. Львов хлопотал перед главой Временного правительства о выдаче преосвященному документов, обеспечивающих его безопасность¹.

Обер-прокурор Раев скрылся, но не избежал ареста его заместитель князь Жевахов². В своих воспоминаниях он писал, что его доставили в Министерский павильон утром 1 марта³, однако по сообщению Г.Г. Перетца Жевахова арестовали только 2 марта⁴. В материалах «Чрезвычайной следственной комиссии для рассмотрения противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц» (далее – ЧСК) датой ареста Жевахова указано также 2 марта 1917 года⁵. Покинуть Таврический дворец Жевахову позволили только 5 марта, уведомив об увольнении со службы⁶.

Деятельность высшего церковного управления с 27 февраля по 4 марта 1917 года фактически замерла. Комиссар Совета рабочих и солдатских депутатов по Петроградской стороне народный социалист А.В. Пешехонов вспоминал, как в эти дни к нему явился только что прибывший из Финляндии священник и спросил: «не знаю, – говорит, – как быть: поминать ли царя и царскую фамилию на ектениях⁷ или не надо? Как будто по теперешним обстоятельствам не следует, но и пропускать боязно... А от начальства нет никакого распоряжения. Приехал сюда, а тут и начальства не найду. Указали вас... Как вы скажете?...»⁸

Официальных заседаний в отсутствие действующего обер-прокурора члены Синода не проводили. 2 и 3 марта состоялись их «частные совещания», на которых присутствовали и некоторые представители столичного белого

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 1 – 1 об.

² Известия. 1917. 2 марта (№ 7).

³ Жевахов Н.Д. Указ. соч. С. 297.

⁴ По словам Перетца, когда Жевахова доставили в Таврический дворец, товарищ обер-прокурора «так много говорил про свою плодотворную (!!) деятельность, как он построил три церкви, и жаловался на каких-то иерархов, которые мешали ему честно работать». См.: Перетц Г.Г. Указ. соч. С. 61–62.

⁵ ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 49. Л. 5

⁶ Жевахов Н.Д. Указ. соч. С. 319.

⁷ Ектения – молитва, составляющая часть богослужения. В православии существует четыре основных ектении, произносимые в разные моменты службы: великая, малая, сугубая и просительная.

⁸ Пешехонов А.В. Первые недели. // Февральская революция. М., Л., 1925. С. 451.

духовенства¹. 2 марта в покоях митрополита Макария основной темой обсуждения стало полученное от Питирима прошение об увольнении его на покой. И хотя Синод мог отложить рассмотрение этого заявления до официального заседания, но этого делать не стали. Возможно, здесь проявились те разногласия, которые существовали среди архиереев еще до революции: распутинские назначенцы митрополиты Питирим и Макарий держались в Синоде особняком. Но если последний, безобидный «маленький, худой, благообразный старичок» не вызывал у других членов Синода особого раздражения, то этого вовсе нельзя сказать о Питириме. Протопресвитер Г.И. Шавельский писал впоследствии, что митрополит «являлся совершенно бесцветной личностью и не выделялся ни благочестием, ни ученостью, ни особой деятельностью... Благодаря Распутину в 1913 году переведен в Самару, в 1914 – экзархом на Кавказ, откуда он был удален Вел. Князем Николаем Николаевичем при своем назначении туда, и попал в столицу благодаря Распутину»². Более всего митрополитом Петроградским был недоволен первоприсутствующий в Синоде митрополит Владимир, лишившийся из-за Питирима столичной архиерейской кафедры. Второй после Владимира по влиянию архиепископ Новгородский Арсений «питал к Питириму... полное отвращение, как распутинцу и вообще непорядочному человеку. Архиепископы Тихон и Сергей более осторожно сторонились его»³. В итоге 2 марта члены Синода приняли прошение Питирима и постановили временное управление митрополией возложить на викария Петроградской епархии епископа Гдовского Вениамина (Казанского)⁴. То, что Питирима отстранили от дел еще до официального вступления в должность нового обер-прокурора Львова, подтверждает и «Новое Время». Повествуя о заседании

¹ ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 145.

³ Там же. С. 148. П.Г. Рогозный, возможно, не без основания считает, что Питирима «не стоит мазать черной краской, как это делали после революции». В частности, несколько лет перед свержением самодержавия митрополит активно продвигал давно назревшую в церкви реформу прихода. В частных беседах Питирим даже говорил, что его связи с Распутиным – меньшее зло, «чтобы избежать большего». См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 62–63.

⁴ ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

Синода 4 марта (первом после революции), газета заметила, что «бывший петроградский митрополит Питирим в заседании Св. Синода не присутствовал, т. к. он уволен на покой со снятием с него митрополичьего сана»¹. Таким образом, увольнение столичного митрополита стало первым самостоятельным шагом православных иерархов, освободившихся от опеки царских чиновников. Весьма вероятно, этот шаг членов Синода был мотивирован еще и их стремлением «очиститься» в глазах революции от всех негативных моментов прошлого, связав последние с именем Питирима.

По сообщению ВЦОВ на том же «частном заседании» 2 марта 1917 года члены Синода сошлись во мнении о необходимости установить контакт с Временным правительством². Однако для этой цели на следующий день, 3 марта, в Таврический дворец отправили даже не епископа, а всего лишь «священника одной из кладбищенских церквей», которому «удалось пробраться в Государственную думу и доложить о резолюциях центрального управления духовного ведомства»³. Шаг более чем осторожный, если учитывать, что еще накануне Николай II подписал отречение от престола. Таким образом, нельзя не согласиться с оценкой А.В. Карташева, заявившего, что Синод и епископат вообще проявили в дни Февральского переворота «характерную для восточных церквей пассивную лояльность, смирение и здравый смысл»⁴. Однако при этом необходимо учитывать и тот факт, что православные архиереи являлись не политическими деятелями, а, по сути, государственными чиновниками. Поэтому их позицию можно также сравнить с образом действий подчиненных в ситуации, когда прежний начальник уже почти уволен, а новый еще официально не назначен.

Первые несколько дней марта новый обер-прокурор Синода В.Н. Львов не спешил приступать к исполнению своих обязанностей, стараясь не отдаляться от

¹ Новое Время. 1917. 5 марта. На самом деле, митрополичьего сана с Питирима никто не снимал.

² ВЦОВ. 1917. 7 апреля. Думается, речь скорее шла о Временном Комитете Государственной думы.

³ Там же.

⁴ Карташев А.В. Революция и Собор 1917 – 1918 г. (наброски для истории Русской церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 488.

«революционной круговерти» Таврического дворца¹. Первое официальное заседание высшего органа церковного управления состоялось только в субботу 4 марта 1917 года. На нем Львов торжественно провозгласил, что время угнетения церкви «всякими светскими влияниями» завершилось, и теперь Синод получил возможность руководить церковной жизнью самостоятельно². Однако это была не более чем декларация популярного лозунга об «освобождении церкви», под которым Львов понимал устранение вмешательства в нее царской камарилы³. Подтверждением этому служит последовавший приказ обер-прокурора вынести из зала заседаний Синода царское кресло «как эмблему свергнутого цезаре-папизма». Синодские иерархи встретили «революционного» обер-прокурора с тем же почтением, с каким встречали своих предыдущих светских надзирателей. Митрополит Владимир выразил от лица всех собравшихся «радость освобождению православной церкви, ознаменованному вступлением в должность нового обер-прокурора»⁴. К приветствиям первоприсутствующего не замедлили присоединиться архиепископы Новгородский Арсений и Черниговский Василий. П.Г. Рогозный обнаружил интересный фрагмент воспоминаний об этом заседании, принадлежащий архиепископу Арсению: «4 марта, когда мы, члены Синода, пешком по грязи, старались проникнуть к зданию Синода, охраняемое солдатами с ружьями... нас не хотели пускать. Явился обер-прокурор. И вот когда из зала заседания было вынесено кресло, как символ цезаре-папизма в церкви Русской, я не смог сдержать себя и обратился с приветствием, что церковь свободна. Я предложил сложить нам свои полномочия. Но нам не позволили»⁵.

Необходимо отметить, что 4 марта никаких постановлений Синодом не принималось, и, соответственно, никаких руководящих инструкций от него духовенство и в этот день не получило. Данный факт вызывает удивление,

¹ См. его воспоминания: Львов В.Н. Переворот // Волжский день. 1918. 21 августа; он же. Приказ № 1 // Волжский день. 1918. 15 августа; он же. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей политики Временного Правительства. Омск, 1919.

² Новое время. 1917. 5 марта.

³ Именно об этом говорил В.Н. Львов в своей думской речи 29 ноября 1916 года.

⁴ Новое время. 1917. 5 марта.

⁵ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 40.

поскольку к этому моменту высшее церковное управление оказалось буквально завалено телеграммами с мест с просьбой «указаний» о том, как действовать в связи с переживаемыми событиями и кого помянуть в богослужениях: 4 марта об этом запросили телеграммами архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), архиепископ Херсонский и Одесский Назарий (Кириллов), епископ Самарский Михаил (Богданов) и ряд других епархиальных преосвященных, а на следующий день – 5 марта – пришло еще более двух десятков телеграмм из епархий¹. «Прошу указания кого помянуть за службами вместо царя меня осаждают просьбами об этом», – телеграфировал епископ Екатеринбургский Серафим (Голубятников)². Епископ Таганрогский Иоанн (Поммер) спешно запрашивал: «Доселе на местах нет однообразной формулы богослужебного поминания предержавшей власти смущаются пастыри и население прошу указаний»³. А архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров) сообщил 5 марта: «Манифест (об отречении Николая II – А.С.) по городу объявлен объявлять ли с церковного амвона и по епархии ожидаю распоряжения Святейшего Синода»⁴. Тихону вторил экзарх Грузинский Платон (Рождественский): «гражданские власти объявили манифесты, прошу незамедлительно дать указания»⁵. Руководящих инструкций запрашивали и другие главы епархий⁶. Вопрос представлялся более чем животрепещущим, так как охваченные революционными настроениями прихожане начали пристально следить за речами священников, и даже простое упоминание в положительном ключе бывшей царствующей династии вызывало обвинение в «черносотенстве» и «контрреволюционности». Образующиеся по всей России общественные

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 1–34.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 24.

³ Там же. Л. 23.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 13, 32. Например, архиепископ Владимирский Алексей (Дородницын) спрашивал о том, «благословил ли Синод читать в храмах манифесты». См.: там же. Л. 20. О долгом отсутствии «указа» из Петрограда о формулировке поминания действующей власти писал также сотрудник Московской синодальной конторы А.И. Денисов. См.: Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь – ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев // Исторический архив. 1997. № 3. С. 72.

комитеты и советы первым делом начинали «изучать» действия местных епархиальных преосвященных в плане их лояльности новому строю. Из-за отсутствия руководящих указаний Синода в епархиях стали придумывать свои формулировки поминовения властей¹. Архиепископ Евлогий (Георгиевский) в своих мемуарах писал, что поначалу, до отречения Великого князя Михаила Александровича, в богослужениях поминали его, но потом «возникло осложнение»². Д.В. Философов в ночь на 4 марта записал в своем дневнике: «в церквях поминают императора. Указ не вышел. А не выходит он потому, что печатать негде»³. Философов, видимо, предполагал, что определение Синода об изменении богослужений уже состоялось, но не публикуется в связи с приостановкой выхода большинства столичных газет и журналов. Публицист отметил, что «священники, переговоривши промеж себя, пропускают на ектении и на великом выходе “самодержавнейшего”. Епископ Анастасий взял единоверческую формулу, а один иеромонах сказал еще 1 марта ”кому башка не дорога, тот и поминай. А я поминать не буду!”»⁴ Духовенство в армии и на флоте в первые дни Февраля обращалось с вопросами о форме поминовения в богослужениях государственной власти к военному командованию⁵.

В Москве уже со 2 марта многие священники стали пропускать в богослужениях молитвы за царя⁶. 4 марта заседание московских благочинных постановило вместо царствовавших особ впредь поминать в службах «Богохранимую державу Российскую, правительство ея и воинство»⁷. Подобную формулу богослужений выработало 4 марта собрание священнослужителей

¹ Конечно, имелись и исключения. Так, в письме от 3 марта 1917 года епископ Алексей (Симанский) – будущий патриарх Алексей I – сообщил архиепископу Арсению (Стадницкому) о состоявшейся в этот день в Знаменском соборе службе: «поминали как всегда. Так я говорил делать всем батюшкам, которых видел, – до официальных и формальных вестей. Настроение у меня убийственное». См.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 21.

² Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни : Воспоминания. М., 1994. С. 263.

³ Дмитрий Владимирович Философов. Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) // Звезда. 1992. № 1. С. 196.

⁴ Там же. С. 197. Имелся в виду епископ Ямбургский Анастасий (Александров).

⁵ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 61.

⁶ Снигирева Э.А. От февраля к октябрю (церковь и политика) // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 88–102.

⁷ Петроградская газета. 1917. 5 марта.

Екатеринбурга и членов местной духовной консистории¹. Архиепископ Кавказский Агафодор (Преображенский) написал в Синод, что «духовенство г. Ставрополя... приняло временно для возглашения на богослужении где следует форму, выработанную московским духовенством, а именно богохранимая держава российское правительство и христолюбивое воинство. Прошу распоряжение по сему»². Архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) телеграфировал, что после получения Манифеста он сам заменил богослужение на «о богохранимой державе российской и правительстве ея»³. В Вятке духовенство сразу после получения текста Манифеста Михаила Александровича самостоятельно постановило прекратить поминание Романовых⁴.

Только на первом деловом заседании, в понедельник 6 марта, при активном участии обер-прокурора, Синод принял определение «Об обнаружении в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 года» с предписанием совершения многолетия «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному правительству ея...»⁵ После этого 6 марта в епархии разослали телеграммы от имени первоприсутствующего в Синоде митрополита Владимира с новой формулой поминовения. Как следует из приписки сотрудников синодальной Канцелярии, телеграмму отправили по 66 адресам внутри России и одну в Нью-Йорк: всем епархиальным преосвященным (кроме членов Синода) и всем «полусамостоятельным», а также епископу Елевферию (Богоявленскому) в Дисну и епископу Никодиму (Кроткову) в Киев⁶. 7 марта формулировку сообщили протоиерею Щелкунову в Российском посольстве в Копенгагене⁷. Кроме того, 6

¹ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 12. С. 103.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 27.

³ Там же. Л. 17

⁴ Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 31.

⁵ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 58; РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 54. Л. 40.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7.

марта Синод изменил установленную форму своих собственных постановлений, изъяв из них ссылку на «Указ Его Императорского Величества»¹.

7 марта определением № 1223 Синод поручил архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) и «комиссии под его председательством» «произвести соответственно с происшедшею переменою в государственном управлении изменения в богослужебных чинах и молитвословии»². В этот же день за № 1226 иерархи приняли постановление «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома», положившее конец многим недоразумениям и кривотолкам. Отныне духовенству надлежало всюду вместо поминания Романовых молиться «О Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном правительстве ея». В документе давались указания относительно каждого конкретного фрагмента службы, например, на великой ектеньи после прошения о Синоде следовало теперь прошение «О Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном правительстве ея, о всей палате³ и воинстве их»⁴ и т.д. Более детальный перечень богослужебных изменений, связанных с устранением упоминаний царствовавшего дома, Синод принял 18 марта 1917 года⁵.

9 марта Святейший Синод выпустил обращение «К верным чадам Православной церкви», опубликованное в «Вестнике Временного правительства». Февральский переворот характеризовался там словами «свершилась воля Божия», и далее шло: «Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ея новом пути». Церковь призывала всех довериться Временному правительству и облегчить ему «трудами и подвигами, молитвою и повиновением» дело водворения новых начал

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006. С. 28.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2832. Л. 19.

³ Имелась в виду Государственная дума.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 58.

⁵ См. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) М., 2007. С. 154.

государственной жизни¹. Газета «Речь» по этому поводу заметила, что в таких же восторженных тонах Синод приветствовал дворцовый переворот 1741 года, когда на престол взошла Елизавета Петровна². Вместе с тем, по ряду косвенных сведений текст обращения составил сам В.Н. Львов, а члены Синода просто подписали его³.

24 марта, 7 апреля и 6 мая 1917 года Синод рассмотрел и поменял тексты ставленнических присяг священнику и дьякону перед рукоположением в сан, а также формулировку допроса псаломщику перед посвящением в стихарь: из них удалили упоминания об императоре, заменив на «Державу Российскую» и «Временное правительство», а формулировку «духовный регламент и Его Императорского Величества указы» исправили на «действующие церковно-государственные узаконения»⁴. Священник отныне клялся «служить Российскому государству до последней капли крови», обязывался повиноваться «Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания»⁵. Упоминания императора изъяли и из архиерейской присяги, хотя полного, утвержденного Синодом текста найти не удалось. Вместе с тем, при поставлении епископов вместо ссылок на царские указы о наречении теперь провозглашали аналогичные определения Синода. Так, например, было 18 марта 1917 года при поставлении архимандрита Павла (Павловского) в епископа Пинежского, хотя присяга им все равно произносилась на имя «благоверного правительства»⁶.

¹ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 57.

² Речь. 1917. 25 марта. Впервые на эту заметку обратил внимание Л.М. Спирин: См. Спирин Л.М. Россия 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 101.

³ ВЦОВ. 1917. 7 апреля; Карташев А.В. Революция и Собор 1917–1918 г. // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 77.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 83–102. Игумен Серафим (Кузнецов) полагает, что текст присяги священника Синод утвердил 24 марта. См.: Игумен Серафим (Кузнецов). Православный царь-мученик. М., 1997. С. 782–783. М.А. Бабкин считает, что эти изменения введены определением Синода 7 апреля 1917 года. См.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). С. 409–411. В действительности в архивном деле, на которое ссылаются исследователи, имеются только проекты с поправками от руки, помеченные разными датами.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 119.

⁶ См. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 413.

Видимо, чтобы избежать эксцессов и возможных обвинений со стороны революционных организаций в приверженности самодержавию, 22 марта 1917 года Синод рекомендовал епархиальным преосвященным изъять всю монархическую литературу из приходских храмов и монастырей. В частности, в соответствии с этим 2 мая Забайкальская духовная консистория предписала благочинным произвести тщательный осмотр архивов и всех церковных помещений и уничтожить литературу, которая «может быть использована врагами нового государственного строя»¹.

Между тем уже события 27 февраля 1917 года в Петрограде продемонстрировали Православной церкви то, чем может обернуться для нее революционная стихия. В этот день толпа восставших вместе с Домом предварительного заключения на Шпалерной улице разгромила храм при нем. Несмотря на то, что он находился в отдельном помещении, двери туда взломали, а имущество частью уничтожили, частью разграбили. С мраморного престола зачем-то сняли верхнюю доску и бросили на пол. Погибли все метрические, обыскные и богослужебные книги, церковная печать была украдена, а ризница уничтожена пожаром. Только несколько предметов (священный антиминс в напрестольном евангелии², священную чашу³ и дискос⁴) сумел спасти старший надзиратель тюрьмы Филипп Егоров. Священник церкви Константин Песоцкий во время событий отсутствовал, так как не смог добраться к месту служения с Выборгской стороны: по его словам, на Литейном мосту он наткнулся на перестрелку между полицией и рабочими. Когда же в один из следующих дней Песоцкий прибыл на Шпалерную улицу, новая стража, не знавшая священника в лицо, не пропустила его в здание без «особых удостоверений». Только в пятницу 3 марта священнику все-таки удалось пробраться в храм, где он увидел «массу

¹ Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. С. 12.

² Антиминс – один из важнейших богослужебных предметов храма, являющийся своего рода документом, разрешающим совершение литургии. Представляет собой лежащий в алтаре на престоле четырехугольный плат с вшитой в него частицей мощей какого-нибудь православного мученика.

³ Священная чаша, потир – сосуд для вина, «пресуществляемого» в Кровь Христову.

⁴ Дискос – один из литургических сосудов, блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета.

людей, ходящих в шапках, что-то ищущих». Когда Песоцкий попросил их удалиться, ему ответили: «ты что за хозяин здесь будешь. Вот пристукну, так тут и останешься»¹. В рапорте благочинному от 10 марта священник написал, что «ввиду полного разгрома церкви и тюремного здания богослужение долго не будет совершаться»². Интересно, что 21 марта Петроградская губернская тюремная инспекция попыталась свалить вину за случившееся на самого Песоцкого, потребовав от духовной консистории «изучить» его действия. Отмечалось, что, если бы священник прибыл вовремя, то «достаточно было бы нескольких слов и кощунства не произошло бы». Инспекция добавляла, что Песоцкий «не только не исполнил своего пастырского долга, но до сего времени не поинтересовался даже узнать о судьбе храма»³. Консистория поручила дело благочинному, который 25 марта переслал новый рапорт священника с приложением акта осмотра церкви. В документе констатировалось, что входные двери в здание и внутренние в церковь до сих пор открыты, замки всех шкафов и хранилищ церковного имущества сломаны и по помещениям ходит «свободно гуляющая публика»⁴. Священник приписал от себя, что «не имея сил оказать воздействие на прекращение в дальнейшем расхищения церковного имущества», он слагает с себя всякую дальнейшую ответственность за целостность храма⁵. Видимо, от Песоцкого все же потребовали дополнительных объяснений, потому что 31 мая 1917 года он прислал в консисторию еще один – самый подробный – рапорт, переданный впоследствии в Министерство юстиции. Священник объяснял, что по долгу службы не был обязан являться в храм ежедневно, а 27 февраля его никто не вызвал: «начальник дома скрылся, стража разбежалась, оставив на произвол даже свои квартиры и имущества. Выпущенные на свободу заключенные собирались перевешать администрацию и Дом взорвать»⁶.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 86. Л. 12–15.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 313–313 об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 86. Л. 12 – 12 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 5 об.

⁶ Там же. Л. 12–15. Надо добавить, что, видимо, из-за революционных событий оказалась закрыта и церковь при Таврическом дворце. См.: ЦГИА СПб. Ф. 362. Оп. 2. Д. 46.

На крейсере «Аврора» сход на общую вечернюю молитву 27 февраля позволил матросам консолидироваться и потребовать освобождения заключенных днем на корабле двух революционных агитаторов. Священник доложил об этих настроениях начальству, которое решило выпустить арестантов. Однако когда освобожденные вышли на палубу, команда начала так бурно выражать им свою поддержку, что один из офицеров стал стрелять вверх голом, смертельно ранив матроса. На следующий день, когда на крейсер явилась толпа рабочих с Франко-Русского завода, команда растерзала офицеров¹. К сожалению, подобные события в те бурные дни происходили не единожды. О судьбе священника с «Авроры» источники не сообщают, но жертвы революционных событий среди клира имелись точно: 4 марта 1917 года на Никольском кладбище в Александро-Невской Лавре захоронили убитого во время «народных волнений» иподиакона² Исаакиевского собора С.В. Васильева³.

8 марта по инициативе народного социалиста Н.В. Чайковского Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил арестовать члена Синода протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского⁴. Протопресвитер приехал в Петроград из Ставки утром 27 февраля, и тут же получил предписание не покидать столицу. В час дня 9 марта Чайковский в сопровождении отряда кавалерии явился к Шавельскому и, предъявив бумагу с постановлением об аресте за собственной подписью (как члена Исполнительного комитета Петроградского Совета)⁵, доставил протопресвитера в Министерский павильон Таврического дворца. Поводом к задержанию послужила обнаруженная среди бумаг Главного штаба записка Шавельского о необходимости принятия экстренных мер для духовного

¹ Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 сентября.

² Иподиакон – высший чин церковнослужителя (но ниже священнослужителей). Обычно служит при архиерее во время его священнодействий.

³ Шкаровский М.В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 7.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. 27 февраля – 25 октября 1917 года. В 5-ти тт. Том 1. 27 февраля – 31 марта 1917 г. СПб., 1993. С. 203.

⁵ См. ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

воспитания и укрепления армии (на документе находилась резолюция «жандармскому надзору»). После короткого расследования, вечером 10 марта протопресвитера освободили. Расценив случившееся как знак недоверия к нему со стороны нового правительства, в тот же день Шавельский подал обер-прокурору Синода Львову прошение об отставке¹.

В следственном отделе при коменданте Таврического дворца зафиксирован арест еще трех рядовых священников. 2 марта солдаты Егерского полка доставили в Думу по подозрению в стрельбе с колокольни своего протоиерея Добровольского. В ходе короткого расследования выяснилось, что речь шла о недоразумении, так как незадолго до этого только что избранный егерями командир батальона Матушевский объявил священнику о снятии с него всех подозрений и поручил принять церковь. Тем не менее, не знавшие о распоряжении начальства солдаты отвели протоиерея в Таврический дворец, причем по дороге «героически защищали от толпы». В тот же день Добровольского освободили². 5 марта с обвинением в промонархических симпатиях в Думу привели протоиереев А.С. Кононова и В.Г. Гуляева. В своей проповеди в Предтеченской церкви у Обводного канала они «не проявили достаточной преданности новому государственному порядку, несколько лишенных такта слов вызвали резкое недовольство в толпе. От священнослужителей потребовали объяснения, но его не последовало»³. По рассказу самого протоиерея Гуляева, в его речи указывалось, что в городе совершаются «дела постыдные – убийства, грабежи, сжигание архивов, сжигание целых домов, разгром магазинов..., забыта была присяга на верноподданство государю императору», при чем преступления происходили в Святую Четырдесятницу, которая являлась «временем строгого воздержания во всем». И хотя иерей не призывал к каким-либо действиям против новой власти, и даже, по его словам, собирался заявить о необходимости подчинения ей, возмущенные

¹ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 271–272.

² ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

³ Петроградская газета. 1917. 7 марта.

прихожане вызвали милицию, которая арестовала батюшек¹. 6 марта член Следственного комитета при Государственной думе депутат Н.Д. Крупенский направил обер-прокурору Львову телефонограмму об арестованных духовных лицах, отметив, что, хотя священнослужители и призывали к повиновению новым властям, но их рассуждения о «нынешних тяжелых временах» пришлось прихожанам не по нраву. В связи с этим Крупенский просил обер-прокурора внушить духовенству «для ограждения своей безопасности и достоинства своего сана временно воздержаться от произнесения проповедей в церквах или произносить только те проповеди, которые должны призывать всю паству к общему русскому делу: подчинению существующим ныне властям и порядку»². Члены следственной комиссии готовы были тут же отпустить задержанных, но побоялись, что толпа арестует их вновь или «подвергнет оскорблению», поэтому священников направили к обер-прокурору, который сделал им соответствующее «внушение» и отпустил³. Впоследствии Петроградская духовная консистория все же подвергла Владимира Гуляева церковному суду за допущение беспорядков в храме. Ее заключение гласило, что слова священника о беспорядках в столице «фактически были верны», но «протоиерей Владимир Гуляев – глубокий старик, имеющий 76 лет от роду, пастырь ревностный, характера прямого, открытого, выступил с откровенною речью, не сообразовавшись ни с местом, ни с обстоятельствами». В итоге было признано, что сам арест и допрос священника светскими властями уже стали для Гуляева достаточным наказанием⁴.

Александро-Невская Лавра в конце февраля – начале марта 1917 года несколько раз подвергалась вторжениям. В тот же день, когда арестовали митрополита Питирима, 28 февраля, в келью казначея архимандрита Геннадия явились вооруженные солдаты, возглавляемые бывшим послушником Лавры прапорщиком 20-го драгунского Финляндского полка В.Ф. Саута и именем

¹ Никитин А.В. Церковный суд в 1917 году: дело протоиерея Владимира Гуляева // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 54.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 63.

³ ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 49. Л. 4, 7.

⁴ Никитин А.В. Указ. соч. С. 53–55.

Государственной думы изъяли хранившуюся в кассе месячную выручку в размере 26 000 рублей¹. Саута через некоторое время передал 22 000 рублей казначею ВКГД Н.М. Панкееву, судьба еще 4 000 рублей так и осталась невыясненной². Руководство обители впоследствии направило заявление обер-прокурору Львову об имевшем место незаконном изъятии средств «для нужд Временного правительства»³. 10 марта, узнав, что часть суммы действительно попала в Думу, Духовный собор (правление) Лавры направил в ВКГД письмо: «...если означенные деньги отобраны действительно по приказу законной власти или даже отобраны незаконно, но в данное время могут быть полезными Временному правительству для патриотических целей, то Лавра с любовью и радостью изъявляет полную готовность оставить эти деньги в распоряжении Временного правительства, если же эти деньги не нужны, то просит возвратить их»⁴. ВКГД в ответ сообщил, что никаких распоряжений о реквизиции не давал, и 22 000 рублей могут быть немедленно возвращены⁵. Деньги не вернулись, а В.Н. Львов затребовал от монастыря еще 5 тысяч рублей золотой монетой, на каком основании – не известно. 24 марта Духовный собор ответил Львову, что с одобрения временно управляющего епархией епископа Вениамина он передает обер-прокурору требуемые 5 тысяч рублей золотом, а также предоставляет еще и хранящиеся в Думе 22 тысячи рублей с тем, чтобы одна половина этой суммы была пожертвована от имени Лавры на военнопленных, а другая – семьям павших и пострадавших «при защите нового государственного строя и вообще жертв старого режима»⁶. «Приключения» изъятых денег на этом не закончились. 28

¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 7. Возможно, 28 февраля 1917 года Лавру посетил только один отряд солдат, арестовавший митрополита Питирима и изъявший деньги из кассы «для нужд ВКГД», однако напрямую это источниками не подтверждается.

² Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 416. Участник ревизии Александро-Невской Лавры в мае 1917 года С.П. Каблуков записал в своем дневнике несколько другие цифры: по его сведениям изъято было всего 28 000 рублей, из них передали в ВКГД 24 000 рублей. См.: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 45. Л. 98.

³ Там же; Налет на Лавру грабителей // Казанский телеграф (Казань). 1917. 10 марта.

⁴ Цит. по Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 8. Об изъятых обер-прокурором 5 000 рублей сообщал и участвовавший в 1917 году в ревизии Александро-Невской лавры С.П. Каблуков. Они обнаружили даже написанную В.Н. Львовым расписку. См.: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 45. Л. 100.

июня Министерство юстиции попросило передать их Исполкому Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, но после событий 3–6 июля Духовный собор постановил пожертвовать всю сумму семьям павших и пострадавших в Петрограде в эти дни¹.

По сообщению «Петроградской газеты», 6 марта из Лавры в Государственную думу донесли, что «банда хулиганов» пытается ограбить монастырь. Городской голова Петрограда Ю.Н. Глебов спешно направил туда на автомобиле нижние чины гвардейского флотского экипажа и вооруженный взвод 9 кавалерийского полка, в результате чего «банда отчасти арестована, отчасти разогнана»². Но вскоре на Лавру обратили свое внимание военные и судебные власти. Министерство юстиции возбудило вопрос о выделении монастырем помещений для обустройства камер судебных следователей города Петрограда. По результатам осмотра определили 43 комнаты³. О своих видах на здания Лавры объявил и Мобилизационный отдел Городской управы. 18 марта казначей обители архимандрит Геннадий пожаловался секретарю Петроградского религиозно-философского общества С.П. Каблукову, что «городское управление захватывает лаврские помещения для постоя войск. Захватили и трапезу Лавры с церковью. Хотели взять Крестовую и Духовскую церкви. За отсутствием митрополита заступиться некому. Временно управляющий епархией Вениамин Гдовский бездействует, а требования городских представителей растут ежедневно»⁴. 21 марта военное ведомство действительно самочинно заняло здание Певческого корпуса, где проживали малолетние и взрослые певчие митрополичьего хора. Их пришлось разместить в лаврской трапезной⁵. Однако епархиальный преосвященный отнюдь не бездействовал. 21 марта он обратился к В.Н. Львову с протестом против действий военных и проинформировал о невозможности после реквизиции Певческого корпуса предоставить 43 камеры

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 88; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 8.

² Петроградская газета. 1917. 7 марта.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 118 об.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 84.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 118 – 118 об.

следователям. Епископ Вениамин просил ходатайствовать перед Министерством юстиции и Мобилизационным отделом Городской управы, чтобы они «принимали во внимание и лаврские интересы»¹. Тем не менее, военные не покинули обитель, в результате чего 25 августа 1917 года Духовный собор известил Епархиальный училищный совет, что в наступающем учебном году уроки в церковно-приходской школе при монастыре проводиться не будут².

В дни Февраля 1917 года особенно будоражили население Петрограда слухи о стрельбе с крыш и, в частности, о том, что царская власть установила там пулеметы, из которых полиция вела огонь по восставшим³. Слухи множились и обрастали подробностями, приобретая характер не подвергаемого сомнению факта. Однако занимавшаяся расследованием этих слухов ЧСК, не смогла прийти к какому-то определенному выводу о действительных событиях. Представители царской администрации категорически отрицали факт применения пулеметов для борьбы с беспорядками: 22 марта об этом заявил генерал С.С. Хабалов⁴, а 19 апреля генерал М.А. Беляев⁵. 7 апреля ЧСК направила с пометкой «экстренно» прокурору Петроградской судебной палаты предписание срочно собрать во всех участковых комиссариатах и «милиционных» отрядах достоверные сведения о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в Февральские дни⁶. В течение апреля–мая поступили рапорты из разных районов города, но в них констатировалось отсутствие реальных доказательств такой стрельбы. Не удалось получить даже письменных показаний непосредственных свидетелей⁷. Вопрос о том, кто в действительности стрелял в Феврале с крыш по улицам Петрограда, до сих пор

¹ Там же.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 16.

³ См. например: Шляпников А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. Т. 2: Семнадцатый год. Кн. 1–2. М., 1992. С. 70–71; Философов Д.В. Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) // Звезда. 1992. № 1. С. 200.

⁴ Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 210–211.

⁵ Падение царского режима. Т. 2. Л., 1925. С. 196–248.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2529. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 33–62.

остается открытым, однако историками признается, что выстрелы были единичными и пулеметы для рассеивания толп не применялись¹.

Вместе с тем, у слухов об обстрелах была еще одна важная составляющая, о которой до сих пор не упоминали исследователи: во многих случаях речь шла о стрельбе с православных церквей и колоколен. Эти здания являлись архитектурными доминантами города, и, безусловно, представляли собой удобные огневые позиции. Но, что удивительно, ни у кого из современников не возникала мысль о невозможности использования «домов молитвы» для расстрела населения. В мгновение ока вчерашние святыни превратились для революционных рабочих и солдат в бастионы врагов, ошетинившиеся пулеметами и ружьями, и заботливо укрывающие в подвалах городских. Ситуация была настолько критической, что духовному начальству пришлось принимать спешные меры для расследования достоверности сведений. Уже 4 марта 1917 года только что назначенный управляющим епархией епископ Вениамин обзвонил по телефону благочинных столицы и попросил их срочно собрать информацию о ведении огня с колоколен и храмов². 6 марта Вениамин составил уже письменное поручение Петроградской духовной консистории о тщательном изучении слухов о стрельбе из ружей и пулеметов полицейскими, скрывающимися в церковных помещениях. Епископ попросил обратить особое внимание на события вокруг Исаакиевского и Сампсониевского соборов, Вознесенской, Владимирской и Спасо-Сенновской церквей. Петроградская духовная консистория известила 7 марта об этом задании благочинных³.

Вскоре к расследованию решил подключиться новый обер-прокурор Синода Львов. Для этих целей 9 марта он командировал своего «адъютанта и секретаря» Г.Я. Азриленко и попросил учреждения духовного ведомства оказать последнему

¹ Булдаков В.П. Февраль наоборот // Новая газета. 2012. 29 февраля. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/51347.html> (дата обращения 30.12.2013); Старков Б.А. Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 4. С. 38. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fevral'skiy-izlom-1917-goda> (дата обращения 28.12.2013).

² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 728. Л. 2.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 2. Л. 1-2.

всяческое содействие «в фактической проверке распространившихся слухов»¹. Епископ Вениамин тут же известил об этом духовную консисторию, а та – на следующий день – благочинных². Одновременно 9 марта Вениамин проинформировал Львова, что уже дал поручение о расследовании, и «донесения благочинных в большинстве уже поступили, в которых подтверждения слухов, однако, не усматривается»³.

Вскоре в консисторию стали приходять письменные отчеты с мест. 13 марта благочинный 1-го столичного округа протоиерей Александр Владимирский сообщил, что «ни на колокольнях, ни на церковных домах в округе не было пулеметов и стрельбы из них, а равно и ружейной стрельбы с церковных помещений»⁴. 13 марта благочинный 5-го округа Андрей Кононов подтвердил, что «по заявлению причтов церковей приходских вверенного мне благочиния, на колокольнях церковей и зданиях... не было установлено пулеметов и обстрела по уличной толпе из них, как и из ружей не было производимо, и скрывающихся в церковных помещениях полицейских чинов не было»⁵. О том же сообщили 15 марта благочинный единоверческих церковей протоиерей Симеон Шлеев⁶ и благочинный Исаакиевского и Казанского соборов протоиерей Василий Сперанский⁷. Кроме этого, настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский добавил, что «была попытка со стороны вооруженных солдат во главе с милиционером осмотреть подвал собора, но, после объяснения их с настоятелем, не была приведена в исполнение. Никто из соборян не подвергался

¹ Там же. Л. 4; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 728. Л. 1. По сведениям А.Б. Николаева Азриленко состоял адъютантом председателя Военной комиссии ВКГД, 3 марта 1917 года он получил удостоверение № 812 «для свободного проживания в г. Петрограде и входа в помещения Государственной думы». См.: Николаев А.Б. Указ. соч. С. 601.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 2. Л. 3 об, 5.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 728. Л. 2.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 2. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

никаким насилиям. Служба в соборе не прекращалась, и собор открыт был ежедневно в обычное время»¹.

Рапорты продолжали поступать и в последующие месяцы. В донесении благочинного протоиерея Иоанна Камнева от 15 апреля 1917 года речь шла уже об обстреле храмов восставшим народом. Так было в случае со Спасо-Сенновской церковью, в которой, кроме всего прочего, произвели обыски в самом здании, на колокольне и в квартирах причта, но «нигде ничего не найдено». Знаменская церковь также подверглась обстрелам, но случайным, в одной из причтовых квартир «разбиты стекла в окнах от пуль». Храм обыскивали. Во Владимирской церкви осматривали колокольню, но ничего подозрительного не нашли, а в Покровской церкви «обыски были только в подвалах под церковью и домами, обстрела не было»².

Духовные власти пытались проинформировать население о непричастности церкви к уличным обстрелам, но общественное мнение однозначно считало духовенство виновным. Например, 19 марта 1917 года на заседании 5-го петроградского попечительства, где председательствовал протоиерей Орнатский, явилось около 15 рабочих, которые заявили, что он не может возглавлять собрание, так как «священники не должны вмешиваться в политику, они стреляли с колоколен из пулеметов»³. Даже спустя год, в феврале 1918 года один из авторов «Известий ЦИК Советов» припомнил, как по церкви Екатерины Мученицы на Старо-Петергофском проспекте стреляли из бронированного автомобиля, чтобы снять пулемет с колокольни, и «следы этого обстрела сохранились и в настоящее время»⁴.

В мае 1917 года Петроградская духовная консистория направила в редакцию «Известий по Петроградской епархии» 10 подлинных рапортов

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 2. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

³ Цит. по: Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2013. С. 61.

⁴ Данилов Степан. Черное воинство // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 (6) февраля. С. 1–2.

благочинных и настоятелей церквей о Февральских событиях¹. Журнал опубликовал целиком три наиболее ярких из этих донесений, отражавших ситуацию в разных частях города: от протоиерея Василия Дурнева (Васильевский остров), протоиерея Николая Сперанского (Петроградская сторона) и священника И.К. Кьяндского (Выборгская сторона). Представляется важным подробно остановиться на содержании этих ранее не изученных исследователями документов, так как они ярко иллюстрируют то, что происходило с православными храмами в столице в Февральские дни.

Первый из рапортов – самый пространный – о событиях вокруг церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня (8-я линия Васильевского острова, д. 61). Там сообщалось, что с 27 февраля на улицах стали собираться «возбужденные толпы» вооруженных рабочих и солдат, причем особая концентрация людей происходила рядом с храмом на углу 8-й линии и Малого проспекта на пути к Трубочному заводу артиллерийского ведомства. Часто раздавались одиночные и залпами выстрелы в разных местах острова. Утром 1 марта кто-то закричал, что с колокольни стреляют, и тут же со всех сторон по ней открыли огонь. Настоятель Василий Дурнев поспешил к храму, но его окружили и стали угрожать самосудом. От расправы протоиерея спасла только его «усиленная просьба» сейчас же провести осмотр церкви. Прибыли несколько милиционеров, пальбу остановили и вместе с солдатами осмотрели помещения храма и колокольню. Ничего подозрительного не нашли, о чем по просьбе причта начальник охраны Василеостровского штаба милиции выдал специальное удостоверение. Это, однако, не удовлетворило «возбужденную толпу», которая по собственному почину начала осмотр квартир причта, включая чердачные помещения и строения во дворе. «Осмотр этот совершался многократно разными лицами, без всякого приказа милиции, сопровождался крайне грубым обращением, а в квартире настоятеля был даже произведен

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 2. Л. 8, 13.

выстрел, хотя и в пол, но повергший всю семью в ужас»¹. Ничего подозрительного опять-таки не обнаружили.

2 марта богослужения продолжались обычным порядком, и духовенство уже начало надеяться, что скоро все успокоится. Но рано утром в пятницу 3 марта во время исповеди говеющих с шумом и криками через западные двери храма и алтарь нижней церкви в здание ворвалась толпа вооруженных солдат и несколько штатских с возгласами: «здесь молебны служат, а с колокольни людей расстреливают». Вбежавшие заставили прекратить богослужение и исповедь, а молящихся покинуть помещение. Здание оцепили, начался вторичный обстрел колокольни и церкви. Внутри храма «вооруженные солдаты и штатские были в шапках, даже с папиросами, бегали беспорядочно по церкви, алтарям, между св. престолами и царскими вратами, заглядывая и под престолы, ища везде вооруженных людей и оружие». Потом появились милиционеры и вместе с толпой еще раз осмотрели храм: нижний, средний и верхний (где сдвинули с места св. престол), а также тщательно обследовали колокольню до самого верха. Ничего не нашли. После этого милиционеры, предъявив ордер на арест «домовой администрации», увели в штаб настоятеля, приказчика и алтарного сторожа, которых, коротко допросив, отпустили. В это время толпа провела вторичный осмотр причтовых домов и помещения Благотворительного общества. И опять ничего вызывающего подозрения не обнаружили, но членам причта объявили, что в случае повторения выстрелов с колокольни их квартиры сожгут.

Чтобы успокоить народ, духовенство расклеило вокруг церкви «особенное объявление» о результатах осмотра 3 марта. Кроме того, с разрешения епископа Вениамина, 4 марта богослужений в храме не проводили. Милиция запретила проводить их и в воскресенье, 5 марта. Но в близлежащих районах продолжали распространяться слухи о «снятых с колокольни людях, оружии, нахождении в храме даже под св. престолами в большом количестве съестных и винных припасов». Потом появился слух о существовании подземных ходов от церкви к домам причта, где прячутся городовые и оружие. Ввиду этого настоятель

¹ Церковь и революция // Известия по Петроградской епархии. 1917. №. 21–23 от 14 июня. С. 18–20.

попросил милицию 6 марта осуществить еще один осмотр храма и колокольни в присутствии архитектора. В этом обследовании кроме технического специалиста участвовало 25 милиционеров во главе с начальником охраны. По окончании причту выдали протокол о том, что «как в самом храме, так и на колокольне нечего подозрительного не найдено: никаких следов, ни скрывающихся людей, ни оружия и никакого подземного хода, ибо такового здесь и быть не может за высоким стоянием грунтовых вод». Богослужения начались только с 6 марта, но во время них в церковной сторожке дежурили 4 милиционера, следящие за порядком. И лишь 13 марта охрану решили снять. Духовенство вновь расклеило близ храма текст милицейского удостоверения о результатах осмотра, а также опубликовало его в некоторых наиболее распространенных газетах («Новое время», «Петроградский листок», «Газета»)¹.

Как констатировал автор рапорта, несмотря на все меры, «у некоторых лиц, о которых менее всего можно было подумать, что они могут подвергнуться легковерию и гипнозу толпы, существует убеждение, что с колокольни действительно были выстрелы, и они самолично видели во время обстрела дымки вокруг колокольни, и падающие пули, которые, однако, никого не ранили». На последнее обстоятельство причт обращал особое внимание, отмечая, что вряд ли могло обойтись без жертв, если бы действительно велась стрельба сверху в «тысячную толпу». Духовенство было уверено, что стреляли только снизу, а «дымки», которые видели стоящие на улице – это мелкая пыль крошащейся штукатурки, отлетающей из-за попадающих в нее пуль. Эти же пули, расплюснутые о стены, падали вниз и, разумеется, никого не ранили².

Похожие события развернулись вокруг Церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи (Лесной проспект, д. 16). Ее настоятель священник И.К. Кьяндский доложил своему благочинному, что 1 и 2 марта 1917 года храм подвергся неоднократным обстрелам внутри и снаружи, а также шестикратному обыску. Причиной этого явилась «пущенная кем-то злостная клевета» о том, что на

¹ Там же.

² Там же.

колокольне помещены пулеметы, из которых городские расстреливают революционный народ. Первый обыск состоялся 1 марта. Во время него один из солдат полез осматривать леса, стоявшие в алтаре для росписи. «Произошел удар одной доски о другую, давший впечатление выстрела, а поднявшаяся от движения в лесах пыль дала впечатление дыма. Кто-то крикнул: братцы! Бросили бомбу, стреляй! И в алтаре поднялась стрельба вверх в леса, при чем стреляли в алтаре вверх и те солдаты, которые стояли в храме». В результате оказалось прострелено оконное стекло, повреждена пулями алтарная арка и вырван кусок живописи выше проема: пробито центральное изображение херувима. До конца дня 1 марта церковь подверглась обыскам еще дважды, причем во время вечернего осмотра велась беспорядочная стрельба из ружей и пулемета по колокольне, а солдаты арестовали свечника и сторожа. Руководивший солдатами офицер изъял ключи от колокольни и библиотеки, а ключ от храма оставили в сторожке у истопника.

2 марта обыски и обстрелы продолжились. Некие «неизвестные женщины» уверяли солдат, что между церковью и домом, где живет священник, существует подземный ход. Его дважды пытались отыскать, при чем никого не смутило, что настоятель проживал на 5 этаже многоквартирного частного здания через дорогу¹. Последний обыск, произведенный вечером 2 марта, сопровождался неприкрытым грабежом. В церкви «и в шапках ходили и папиросы курили и опять стреляли: прострелены стекла в притворе (зале) и на лестнице, несколько пуль ударились в стену». За отсутствием изъятых накануне ключей двери на колокольню и в библиотеку взломали, а книги перерыли. Были украдены запас вина для причастия (16 бутылок), серебряное кадило из алтаря и серебряный крестик из крестильного прибора. У кладовой со свечами и маслом выворотили скобки с замками и унесли их. Электричество в этот день не работало, поэтому солдаты распотрошили коробки со свечами, мелкие в пачках раскидали по полу, а большие зажгли и ходили с ними для освещения. Кто-то из прибывших открыл приток свежего воздуха в тепловой камере водяного отопления, отчего трубы замерзли и лопнули (на улице было 16 градусов мороза). Последующий ремонт оценивался

¹ Церковь и революция // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 24–25 от 20 июня. С. 12.

на сумму до 3,5 тысяч рублей. Кроме того, произведенные в храме выстрелы дали повод находившейся на улице толпе думать, что внутри идет бой, и опять началась стрельба по колокольне. Как отмечено в рапорте, «следы пуль в виде довольно глубоких ямочек видны на большом колоколе и даже железном языке; небольшой кусочек колокола от края отбит. Простенки, железная крыша и особенно бока закрытого входа на колокольню буквально изрешечены. Снаружи колокольни стекла в рамах разбиты, разбито и несколько изразцовых черепиц, которыми отделана колокольня». В связи с описанными событиями с 1 по 4 марта богослужения в храме не проводились, а сторожей отпустили только 4 марта днем¹.

10 марта свой рапорт о событиях в дни переворота составил протоиерей Николай Сперанский, настоятель Церкви апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы (улица Большая Пушкарская, д. 35; здание не сохранилось). По сообщению протоиерея, 27 февраля, несмотря на уличные волнения, богослужения продолжались обычным порядком, а 28 февраля утреню совершили без колокольного звона. Перед службой храм посетил военный наряд, осмотрел здание (кроме алтаря) и колокольню, но ничего подозрительного не обнаружил. Около 12 часов дня на близлежащих улицах началась суматоха, вызванная якобы имевшими место выстрелами из частных домов. И тут же в толпе распространился слух о том, что огонь велся с церковной колокольни. Ссылаясь на наблюдения очевидца, Сперанский предположил, что «несколько пуль ударились в наружные стены колокольни и пустили пыль осыпавшейся штукатурки, каковая пыль принята была толпою за дым пулемета». Начался ружейный обстрел колокольни. Потом ее вторично осмотрели вооруженные солдаты, «при чем ружейному обстрелу подверглись, к счастью благополучно, сами осматривающие, принятые толпою за полицейских. При осмотре опять никого и ничего найдено не было». Вечерней службы в этот день не совершали.

1 марта утреню и преждеосвященную литургию проводить не стали. Храм все время оставался предметом пристального внимания толпы, в которой ходили

¹ Там же.

слухи, что с колокольни стреляют и в церкви скрываются полицейские. Вечером в виду относительного спокойствия на улице причт решил совершить Великое повечерие без звона. Собралось небольшое количество богомольцев. Однако в конце службы, около 7 часов вечера, колокольню начали обстреливать с улицы из пулемета, разбив при этом один из малых колоколов. Богослужение не прерывали, но причт и молящиеся переместились к простенкам, чтобы не попасть под пули. После обстрела солдаты изучили колокольню в третий раз, заперли ее и ключ унесли «для представления начальству»¹.

Вечером между 22 и 23 часами все церковные дома (квартиры, чердаки и подвалы) осмотрел военный наряд. Наткнувшись на запертую колокольню, дверь в нее сломали и вновь осмотрели строение (уже в четвертый раз). При этом и. о. начальника Выборгской боевой дружины М.Г. Иванов выдал духовенству письменное удостоверение о том, что ничего подозрительного не обнаружено. Тем не менее, 2 марта причт решил не проводить служб, а вокруг храма вывесили объявления, опровергающие «провокационную ложь» о якобы скрывавшихся на церковных крышах полицейских. 3 марта обстановка нормализовалась, и повечерие даже сопроводили колокольным звоном. Говеющих было не свыше 150 человек. 4 марта утреню и литургию для причастников также совершили со звоном, а «всенощное бдение и вынос св. креста были совершены с требуемым уставом звоном, при громадном собрании молящихся». После всенощного провели панихиду «по православным воинам и всем, во брани за дело Родины живот положившим», а 5 марта молебствие об умиротворении междоусобной брани. При этом 3, 4 и 5 марта настоятель обращался к верующим с поучениями, призывая к единению и сплоченности вокруг Временного правительства «во имя любви к Родине и защитникам ее на передовых позициях» и напоминая о необходимости осторожного отношения к провокационным слухам, «жертвою которых явилась и Матфиевская церковь»².

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 26–27 от 27 июня. С. 10–11.

² Там же.

Как мы видим, события во всех трех названных храмах протекали практически по одному и тому же сценарию. Протоиерей Дурнев даже предположил, что «во всем этом нельзя не заметить искусственного и нарочитого возбуждения толпы лицами, которым храм или не нужен вовсе, или вреден, и потому в эти страшные минуты народного волнения так удобен для вящего осмеяния и поругания православной святыни и ее служителей»¹. Настоятель Матфиевской церкви протоиерей Сперанский отметил, что распространением слухов о стрельбе с колокольни занимались «подростки из простонародной среды»².

Хотя проведенное епархиальным начальством расследование показало полную непричастность духовенства к стрельбе на улицах Петрограда, ожидаемых мер по реабилитации клира не последовало. 23 мая 1917 года епископ Вениамин написал обер-прокурору В.Н. Львову о том, что к тому моменту поступили донесения от всех благочинных города, и предоставленные ими сведения демонстрировали, «что ни на колокольнях, ни на церковных домах пулеметов полицию поставляемо не было и никакой стрельбы с колоколен и крыш в означенные дни не производилось»³. В письме Вениамин намекнул на отсутствие итогов деятельности адъютанта Азриленко и просил вернуть все переданные ему документы⁴. Создавалось впечатление, что расследование Азриленко свелось к тому, что он просто собрал рапорты благочинных и, обнаружив отсутствие подтверждений слухов о стрельбе, самоустранился. При этом обращает на себя внимание и то безразличие, с которым отнесся к данному делу обер-прокурор. Его или успокоили доклады духовенства, или он ожидал каких-либо сенсаций, которых не получил. Так или иначе, В.Н. Львов не сделал ничего для ознакомления общественности с результатами проведенного епархиальными властями расследования, что вызвало крайнее недовольство клира и православных верующих. Прошедший с 25 мая по 2 июня 1917 года

¹ Церковь и революция // Известия по Петроградской епархии. 1917. №. 21–23 от 14 июня. С. 18–20.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 26–27 от 27 июня. С. 10–11.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 728. Л. 3–3 об.

⁴ Там же.

Чрезвычайный церковный собор Петроградской епархии выразил «свое крайнее удивление и глубокую скорбь, что г. обер-прокурор Св. Синода, долженствующий стоять на страже интересов церкви, не только своевременно, но и до сих пор не принял мер к прекращению ложных чисто провокационного характера обвинений по адресу служителей церкви г. Петрограда (к слухам о стрельбе с колоколен)»¹. В открытом обращении петроградских православных рабочих к российским епископам от 16 июня 1917 года в качестве одного из упреков в адрес обер-прокурора назывался тот факт, что В.Н. Львов «хранил и хранит молчание о клевете с пулеметами на петроградских колокольнях»². Надо добавить, что похожие слухи распространялись и в других городах. Епископ Алексей (Симанский) писал из Новгорода, что 5 апреля у него обыскивали звонницу в поисках пулемета. Кроме того, «говорят о запасах съестных – зарытых во дворе для детского дома. Вообще теперь власть толпы, порядка нет...»³

Таким образом, в Февральские дни православные храмы не только не являлись огневыми точками царской полиции, но сами стали жертвами обстрелов. Однако важен даже не этот вывод сам по себе, а то восприятие церкви народом, которое продемонстрировали случаями с «призраками» на колокольнях. Ведь кроме имевшей место истерии, связанной с поиском по чердакам и подвалам врагов народной свободы, необходимо признать наличие негативного отношения революционных солдат и рабочих к духовенству, в котором видели сторонников и защитников старого строя. Поэтому с такой легкостью принимались на веру и распространялись слухи об укрывающихся в храмах и на колокольнях полицейских. Неуважение к религиозным святыням проявилось с самых первых дней Февраля, и то, с каким остервенением вчерашние прихожане стали расстреливать храмы, свидетельствует о катастрофическом падении авторитета

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 24–25 от 20 июня. С. 25.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 34 от 14 августа. С. 6. Это обращение примечательно еще и тем, что оно является одним из немногочисленных документов, свидетельствующих о сохранении у части столичных рабочих в 1917 году живого интереса к церковным делам. Так, Г.Л. Соболев еще в 1973 году обратил внимание на то, что и после Февраля 1917 года церковь имела «не самое последнее влияние» на мировоззрение революционных рабочих и солдат Петрограда. См.: Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году: Период двоевластия. Л. 1973. С. 188, 192.

³ Письма патриарха Алексея своему духовнику. С. 32.

церкви у населения накануне революции. Таким образом, мы видим, что вовсе не большевики первыми инициировали «гонения» на православие: разрушение церквей началось задолго до Октябрьского переворота.

В провинции церковное оформление смены власти закончилось к середине марта. Так, уже 6 марта благочинный угличских монастырей направил в подведомственные ему учреждения сообщение о том, что согласно последним указаниям Синода необходимо «признавать, повиноваться и молиться за Державу Российскую, о правителях ея и христолюбивом воинстве»¹. Из данной формулы, в которой отсутствует упоминание Временного правительства, видно, что соответствующее распоряжение Синода к тому моменту до Углича еще не дошло. Только 8 марта Ярославская духовная консистория издала постановление, дублирующее определение Синода от 6 марта об оглашении Актов от 2 и 3 марта с возглашением многолетия «Богохранимой Державе Российской и благоверному Временному правительству ея». Документ напечатали, естественно, на старом бланке: «Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Ярославской духовной консистории, благочинным церковью, настоятелям и настоятельницам монастырей епархии»².

Определение Синода от 6 марта, а также его обращение от 9 марта опубликовали все официальные епархиальные ведомости, а 12 марта 1917 года в храмах зачитали акты об отречении Романовых. В Казани первый же после переворота номер «Известий по епархии» поместил тексты Высочайшего Манифеста об отречении Императора Николая II от престола, обращения к народу Великого князя Михаила Александровича и воззвания Святейшего Синода³. Ниже напечатали указ духовной консистории от 9 марта духовенству о прочтении указанных документов в церквях в первый же праздничный день, «предварив это соответствующим своим кратким словом». Далее перечислялись изменения в

¹ РГАДА. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 84. Л. 32.

² Там же. Л. 31.

³ Известия по Казанской епархии. 1917. № 9–10 от 1–8 марта. С. 98–101; Тексты отречения Николая II и Манифеста Великого князя Михаила Александровича опубликовал и первый после переворота номер официального издания Синода – «Церковных ведомостей», но он вышел только в апреле 1917 года. См.: Церковные ведомости. 1917. № 9–15 от 8 апреля. С. 55–56.

богослужении: на Великой и Сугубой ектеньях и на Великом Входе, в «многолетствованиях» и «молитвословиях» нужно было возглашать вместо Государя Императора и Царствовавшего Дома «О Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве Ея». А в конце последования утрени и вечерни вместо: «утверди Боже, Благодетельнейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Императора... и Св. Православную Веру, православных христиан в веке века», петь: «Утверди, Боже, Святую Православную Веру, православных христиан во век веку»¹. В своем послании к пастырям от 8 марта архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий) призвал подчиняться Временному правительству, а также заявил: «В этот исключительный момент, когда наша дорогая Родина вступает на путь новой государственной жизни, мы, служители алтаря Господня, усугубим наши молитвы пред Богом и призовем верных чад церкви к горячей мольбе, чтобы Всемогущий Господь... укрепил и умудрил временное правительство земли Русской в его служении на благо и славу нашей родины и Святой Православной Русской церкви»². Ниже епархиальный орган напечатал воззвание пастырей города Казани к сопастырям епархии. Воспевая Государственную думу, которая «из горячей любви к родине» совершила «великий государственный переворот» авторы просили духовенство помочь народу «разобраться в свершившихся важных государственных событиях». Замечая, что «с истинно христианской точки зрения приемлема всякая государственная власть, если она устроит правду на земле», пастыри призвали «всячески располагать имущих граждан покупать свидетельства государственного займа, так как государству нужны громадные деньги на ведение дорого стоящей войны». В конце обращения подчеркивалась необходимость создания благожелательного отношения к духовенству «в обновленном русском государстве»³.

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 104–106.

На самом деле все обстояло не так чинно и спокойно, как это преподносила епархиальная печать. Февральский переворот нарушил привычный ход церковной жизни, обернувшись для многих представителей духовенства настоящей трагедией. В наиболее затруднительном положении в связи со сменой правительства оказался православный епископат. Местные епархиальные преосвященные, которые наряду с губернаторами являлись в глазах населения представителями самодержавной власти, не имея достоверных сведений из столицы и не получая руководящих указаний от Синода, вынуждены были в первые дни марта 1917 года принимать самостоятельные политические решения, не всегда отвечавшие происходящим вокруг событиям. Многие послания и обращения епископов конца февраля – начала марта 1917 года опубликовал М.А. Бабкин¹, а блестящий анализ действий преосвященных в указанный период провел П.Г. Рогозный². В частности, историк заключил, что решающим для епископов были три временных фактора: дата получения первоначальных известий о начале беспорядков в столице, дата прихода информации об отречении государя и образовании Временного правительства и, наконец, известие об официальной реакции Святейшего Синода³. Говоря другими словами, если Синод в столице ждал вступления в права нового обер-прокурора и до этого ничего не предпринимал, то епископы на местах ожидали распоряжений из столицы, от Синода. Но Синод молчал. В этих условиях некоторые епархиальные преосвященные поначалу даже как будто выступили в защиту самодержавия, но, узнав об отречении, тут же изменили характер поведения и заявили о своей лояльности новым властям. И это никак не связано с личной симпатией или антипатией епископов к монархии. Речь идет о логике подчинения начальству, поскольку церковь на момент Февраля 1917 года оставалась всего лишь государственным ведомством.

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 21–144.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 40–60.

³ Там же. С. 58.

Например, 1 марта архиепископ Тамбовский Кирилл был приглашен на совещание к местному губернатору, на котором зачитали телеграмму М.В. Родзянко об образовании ВКГД. «Все говорили только как верноподданные, и никто из нас присутствующих совершенно не обнаружил иного образа мышления», – вспоминал Кирилл. Сообщение решили не публиковать, а архиепископ выпустил от своего имени послание, опубликованное в газете «Тамбовский край» и распространявшееся в виде листовки, с призывом хранить верность присяге императору Николаю II и оставаться в «полном послушании действующим его именем властям». Образовавшийся в Тамбове революционный Исполнительный комитет донес впоследствии В.Н. Львову, что Кирилл «стуча по столу, кричал, что русская революция – водевиль и завтра исчезнет как дым». В свое оправдание владыка ответил обер-прокурору, что его послание писалось в то время, когда «ни Временного правительства, ни нового государственного строя еще не существовало», а «Синод, к участию в делах которого вы были призваны, хранил глубокое молчание». Получив 4 марта известие об отречении царя и неприятии власти Михаилом Александровичем, Кирилл выпустил новое послание, гласящее, что люди дождались «решающего слова Того, Которому вручена была Самим Господом власть», и тут же созвал совещание духовенства для выработки новой формулы молитвенного поминовения правительства. Уже на вечернем богослужении 4 марта архиепископ произнес слово «об отношении к свершившемуся перевороту», а 7 марта провел торжественный молебен по случаю установления нового государственного строя¹.

Архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе) также пытался согласовывать свои шаги с действующими светскими властями. После получения 4 марта текста отречения царя, преосвященный, тем не менее, запросил его еще и от губернатора Н.А. Княжевича для рассылки по церквям. Кроме того, архиепископ позвонил по телефону полицмейстеру и спросил, можно ли прочитать манифест в соборе. Последовал ответ «лучше подождать». В

¹ Там же. С. 43–45; Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. С. 79

обращении к местному духовенству, датированном Димитрием 5-ым марта, архиепископ туманно заявил, что «ныне Промыслитель предоставил нас самих себе. Ныне Сам Царь Небесный занял Престол Русского Царства, дабы он Единый и Всевышний был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас руководителями государственной жизни нашей». Эти слова, по-видимому, были восприняты как скрытая монархическая агитация, потому что в телеграмме от 8 марта на имя Родзянко Димитрий обвинил в наветах на себя князя В.С. Горчакова, якобы желавшего получить губернаторское кресло¹. 9 марта Симферопольский губернский комиссар Харченко телеграфировал новому обер-прокурору Синода: «После личных моих переговоров местным архиепископом все недоразумения устранены архиепископ выразил полную готовность подчиниться новому правительству и готовность идти навстречу всем его начинаниям и распоряжениям»².

Архиепископ Кишиневский Анастасий прочитал 5 марта проповедь, в которой призвал паству отречься от своих дел для спасения Родины и «тем уподобиться Государю Императору Николаю Александровичу, который из-за любви к России... отрекся от престола...» На запрос обер-прокурора по поводу этого обращения Анастасий оправдывался, что выступил с ним в тот момент, когда только-только пришли известия из Петрограда об отречении, и народ отказывался в них поверить. «Воспользовавшись текстом манифеста, я постарался выяснить слушателям, что император Николай II добровольно отрекся от верховной власти во имя блага Родины, – заявлял архиепископ, – Это слово не только не вызвало возбуждение в народе против духовной власти, но и внесло заметное успокоение». В последующем пасхальном послании Анастасий призвал паству подчиниться Временному правительству во избежание анархии³.

Наибольшую неосмотрительность в первые дни марта проявил епископ Екатеринбургский Серафим, который в своей речи в соборе 2 марта назвал

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 48–50.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 42.

³ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 47–48.

лидеров революционного движения «шайкой отчаянных бунтарей»¹. Несмотря на резкую смену позиции архиерея после получения им известий об отречении Романовых, местный Комитет общественной безопасности поместил владыку под домашний арест. Архиепископ пытался оправдаться, что, пока существовал старый строй, он был «верным сторонником его», но отречение царя развязало руки, и преосвященный «счел себя вправе перейти на сторону новой власти»². В.Н. Львов прислал в Екатеринбург своего ревизора, собравшего множество нелицеприятных слухов и сплетен о Серафиме. Владыку доставили в Петроград, где архиепископ подписал заявление об увольнении на покой³. Как справедливо отметил П.Г. Рогозный, это был единственный случай, когда архиерей лишился кафедры из-за проповеди в революционные дни⁴. Важным фактором стал и настрой екатеринбургского духовенства и верующих: после Февральского переворота они буквально «байкотировали» Серафима⁵.

Самый известный и влиятельный архиерей-монархист архиепископ Харьковский Антоний по его собственному признанию, сделанному 6 марта в газете «Русская жизнь», с 28 февраля по 3 марта «ничего не говорил, потому что не знал, какова воля Государя, имя его по-прежнему возносилось на молитве». 3 марта было решено поминать Великого князя Михаила, но вскоре новый «государь велел повиноваться Временному правительству». Архиепископ добавлял, что «если бы Царь наш не отказался от власти и хотя бы томился в темнице, то я бы увещал стоять за него и умирать за него...» Верующим Антоний сообщил, что они могут «устроить снова царскую власть в России, но законным порядком, через разумные выборы»⁶. Кроме того, чтобы остудить восторги по поводу переворота, в мартовской книжке своего епархиального журнала

¹ Фруменкова Т.Г. Синод и февральская революция // Революция 1917 года в России. Сб. научных статей. СПб., 1995. С. 30. В другом пересказе этой фразы она звучала как «кучка безумных бунтарей». См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 54–55.

² Там же. С. 56.

³ Екатеринбургские епархиальные ведомости. № 12. С. 103; Уральская жизнь. 21 апреля 1917.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 53.

⁵ Там же. С. 56–57.

⁶ Там же. С. 53.

«Пастырь и паства» архиепископ рекомендовал духовенству прочесть книгу протоиерея Т.И. Буткевича «Уроки первой французской революции»¹. Впоследствии Антоний также писал, что только отречение Романовых принудило его признать Временное правительство². Вскоре после Февральского переворота преосвященный объявил, что уходит на покой и отправляется в Соловецкий монастырь, и это, безусловно, сняло напряженность вокруг архиерея.

В Рязани городской голова И.А. Антонов докладывал в местный Исполнительный комитет о том, что проповеди епархиального преосвященного Дмитрия (Сперовского) носили «погромный характер» и, кроме того, издавались подобные же брошюры. 4-го марта Исполнительный комитет командировал к епископу своего члена, чтобы выяснить «сredo» Преосвященного и запретить ему произносить проповеди политического характера. Епископ Дмитрий быстро внял увещаниям новой власти, явившись самолично 7 марта в Исполнительный комитет, где заявил о своей лояльности³.

Пожалуй, единственным среди действующих глав епархий на момент февраля 1917 года, кто открыто заявил о своих монархических взглядах, оказался епископ Пермский Андроник (Никольский). После получения известий об отречении Николая II он тут же отдал устное распоряжение о возношении на богослужении имен Великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича. Когда же дошли сведения об отказе от престола Михаила, Андроник выпустил обращение, в котором охарактеризовал сложившуюся ситуацию как «междоусобицу». Призвав всех повиноваться Временному правительству, епископ, тем не менее, просил всех «умолять Бога, да не оставит Он нас надолго без Царя, как детей без матери»⁴. 16 марта председатель «Пермского комитета общественной безопасности совета солдатских и рабочих депутатов» информировал обер-прокурора, что епископ Андроник «в проповеди сравнивал Николая второго с пострадавшим Христом взывал к пастве о жалости к

¹ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 57.

² Серафим (Кузнецов), игумен. Указ. соч. С. 709.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 91–101.

⁴ Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 50.

нему... открыто занимает и рекомендует занимать выжидательную позицию... сам называется на арест и рекомендует духовенству вызывать аресты в их среде... арест нежелателен просим немедленно устранить вызвать Петроград»¹. 22 марта В.Н. Львов телеграфировал епископу в Пермь: «в виду полученных сведений что вы встали на защиту старого государственного строя... прошу немедленно сообщить сведения по настоящему предмету»². Одновременно обер-прокурор попросил и секретаря Пермской духовной консистории проинформировать об отношении преосвященного к новой власти³. В ответ Андроник уверял: «Временному правительству подчинялся, подчиняюсь, всех призываю подчиняться»⁴. А 16 апреля епископ Андроник направил в Петроград еще одно пространное объяснение, из которого следовало, что он обратился к духовенству и пастве с призывом подчиниться Временному правительству «тотчас по получении Актов от 2 и 3 марта», а именно 4 марта 1917 года. В ответ на обвинения в приверженности монархии преосвященный отметил, что только Учредительное собрание решит вопрос о дальнейшем государственном устройстве России: «Подчинился я Временному правительству, подчинюсь и республике, если она будет объявлена Учредительным собранием. До того же времени ни один гражданин не лишен свободы высказываться о всяком образе правления для России». Андроник сослался на слова П.Н. Милюкова, заявившего, что «Исполнительным комитетом» (видимо, имелся в виду ВКГД – А.С.) намечена «парламентская и конституционная монархия с царем из дома Романовых». «В противном случае излишне будет и Учредительное собрание, если кто-то уже бесповоротно вырешил вопрос об образе правления в России», – резюмировал епископ⁵.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 77.

² Шавельский Г.И. Православное пастырство. СПб., 1996. С. 672; РГИА. Ф. 797. Оп.86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 78.

³ Там же. 79.

⁴ Фруменкова Т.Г. Указ соч. С. 79.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 80–80 об.

5 марта городской голова Астрахани Н.В. Ляхов телеграммой попросил обер-прокурора В.Н. Львова «воздействовать» на епископа Митрофана (Краснопольского) «ввиду неблагожелательного отношения». 7 марта Львов телеграфировал уже самому Митрофану о полученном известии и просил «сообщить немедленно сведения по настоящему предмету». В тот же день епископ ответил следующее: «Никаких обвинений мне не предъявлено моление за правительство мной введено четвертого марта в епархии спокойно»¹. 5-го же марта епископ Полоцкий Кирион (Садзаглишвили) выступил в кафедральном соборе со следующими словами: «Любящие Родину и порядок, станем несокрушимой скалой вокруг Государственной думы и не дадим врагу злорадствовать над нами»². В этот же день призвал верующих подчиниться Временному правительству и архиепископ Иркутский и Верхотенский Иоанн (Смирнов). Вслед за этим 10 марта во время празднования «Дня Свободы» в Иркутске на Тихвинской площади состоялся торжественный молебен с провозглашением многолетия Российской державе и вечной памяти «всем павшим в борьбе за свободу»³.

Архиепископ Волынский Евлогий, вспоминая о первых после победы революции днях, писал: «несмотря на все ликование вокруг меня, на душе моей лежала тяжесть. Вероятно, многие испытывали то же, что и я. Манифест об отречении Государя был прочитан в соборе, читал его протодиакон и плакал. Среди молящихся многие рыдали. У старика городского слезы текли ручьем...»⁴ В послании к верующим, опубликованном 8 марта, Евлогий писал, что «не время теперь спорить о самодержавии, ибо по русской пословице лежачего не бьют». При этом архиепископ сожалел, что возвышенная идея православного монарха «не находила себе практического применения в нашей русской

¹ Там же. Л. 92, 94–95.

² Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 277.

³ Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 10–11.

⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 263.

действительности... так как русский царь был окружен... тесным кольцом безответственных и темных влияний»¹.

Епископ Томский Анатолий (Каменский), по его собственному признанию, после получения известий о перевороте решил не делать никаких заявлений и даже «стеснялся» отдавать распоряжения «по своему ведомству». Когда его спросили, кого помянуть за богослужениями, он посоветовал ограничиться только именем главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича. Впрочем, во время литургии в кафедральном соборе Анатолий помянул наследника цесаревича и «его родителей», а также Михаила Александровича Романова, так как из телеграфных сообщений понял, что брат царя станет регентом при Алексее. Когда ситуация прояснилась, 5 марта Анатолий выпустил обращение, в которой заявил о необходимости всем сплотиться для борьбы с общим врагом – немцами. А 14 марта епископ призвал духовенство «в настоящее военное время» подчиниться Временному правительству, так как без властей «страна не может существовать»². Тем не менее, донос на нелояльность Анатолия все таки пришел в столицу, после чего обер-прокурор телеграфировал епископу о том, что получены сведения «об агитации с Вашей стороны против нового государственного строя» и просил незамедлительно «сообщить сведения по настоящему предмету»³. 25 марта Анатолий ответил: «агитации против нового строя я и духовенство не ведут обвинения клевета или недоразумения»⁴.

Примечательно, что одним из наиболее открытых монархистов оказался назначенный 8 марта 1917 года на Тобольскую кафедру епископ Гермоген (Долганов). «Я не благословляю случившегося переворота, – сообщал он чуть позже, – ...не лобызая туманное и ”бурное” лицо “революции”, ни в дружбу и единение с ней не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией завтра... А сложившуюся (или “народившуюся”) “в бурю революции” власть Временного правительства

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 43.

² Там же. С. 45–47.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 45.

⁴ Там же. Л. 59.

считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти и правительстве молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви»¹.

Вместе с тем, имелись и главы епархий, чуть ли не восторженно встретившие революцию. Например, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), искренне поддержавший переворот и идею церковного обновления, стал в те дни чуть ли не первым православным преосвященным, активно выступавшим в солдатских частях и взывавшим со страниц газет с поддержкой зарождающегося демократического строя. Прибыв 7 марта по приглашению В.Н. Львова в Петроград, Андрей тут же через газету «Новое время» обратился к верующим с призывом «объединяться на новых началах»². Епископ объявил, что социалисты (ставшие в те дни всенародными кумирами) – тоже искренние христиане, просто они знают не церковь, а «победоносцевское ведомство»³. Когда в воскресенье, 12 марта, во всех храмах Петрограда прошли торжественные богослужения, на которых зачитывались акты об отречении от престола Николая II, отказе от власти Михаила Александровича и «Послание к чадам церкви» Синода, именно Андрей Уфимский служил самое торжественное из них в Казанском соборе. Царское место против алтаря там было уничтожено, а на месте государственного герба над императорской короной водрузили больших размеров в серебряной ризе икону Божьей Матери «Вратарницы». Сразу после богослужения епископ Андрей отправился с Варшавского вокзала на Северный фронт, куда его телеграммой вызвал военный министр А.И. Гучков⁴. Вслед за епископом

¹ Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Епископ Гермоген (Долганов). М., 2010. С. 180–181.

² Новое время. 1917. 12 марта.

³ Подобная активная поддержка новой власти не могла не вызвать в некоторых кругах раздражения. Даже такой известный критик «цезаре-папизма», как философ В.В. Розанов записал в своем «Апокалипсисе»: «Но церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было "32 иерея" с желанием "свободной церкви", "на канонах поставленной". Но теперь все 33333...2...2...2...2 иерея и над-иерея и сверх-иерея подскочили под социалиста, под жида и не под жида; и стали вопить, глаголить и сочинять, что "церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической", и что особенно она уж никогда не была монархической». См.: Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 414.

⁴ См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 41–42. Интересно отношение к действиям Андрея, высказанное в письме епископа Алексия (Симанского) от 16 марта 1917 года: «епископ Андрей разъезжает по фронту, на каком основании? А что делается в Уфе, где и викария нет? Разве ему не нужно быть там в это время?» См.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. С. 30.

Уфимским, лишь в более сдержанных тонах, выступили и некоторые другие архиереи. К примеру, архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), встретивший переворот в Петрограде, сразу после назначения В.Н. Львова обер-прокурором обратился к нему с приветствием¹. А архиепископ Пензенский Владимир (Путята) телеграммой обер-прокурору объявил, что видит в его лице «зарю обновления церковной жизни»².

Некоторые архиереи попытались «загладить» промонархическую репутацию, предложив свои услуги новой власти. Так, архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей (Дородницын) написал 17 марта 1917 года письмо обер-прокурору, заявив, что «в дни разрушения старого и созидания на его развалинах нового строя, Россия представляет собою бурно волнующееся море» и на помощь Временному правительству должны прийти «все верные силы России и Русская православная церковь». Архиепископ уверял, что «содействие церкви в устройении русской жизни Временному правительству укрепило бы его как органа власти». Алексей предложил в ближайшее время созвать съезд епархиальных архиереев с представителями от рядового духовенства и мирян для «выработки общего плана содействия церкви устройению русской государственной жизни»³. В.Н. Львов отнесся к предложению без энтузиазма, а Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Владимирской епархии постановил сместить Алексея за деспотизм в управлении и «как поклонника Распутина». Хотя на последнее обвинение архиепископ заявлял, что «никогда его не видел и лично не был знаком», Синод подтвердил увольнение⁴. Осенью 1917 года Алексей уехал в Киев, где стал почетным главой самопровозглашенной Временной всеукраинской православной церковной рады.

В поведении российской православной иерархии в марте 1917 года можно указать и на совершенно уникальные случаи, скорее характеризующие старую

¹ Завитновский И.В. Тверской епископат и «весна» церковной революции 1917 года. // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 78; Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 41.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 23.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. II Отд. 2 Стол. Д. 176. Л. 6.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч.

церковную систему, нежели какие-либо в ней изменения. В частности, член IV Государственной думы епископ Енисейский Никон (Бессонов) 4 марта выпустил воззвание к пастве, объявлявшее о том, что «враги русского народа, некоторые представители старой власти исполнили меру своих беззаконий и переполнили чашу терпения Государственной думы, народных избранников...»¹ 5 марта епископ отослал из Красноярска В.Н. Львову телеграмму следующего содержания: «Если дума занимается усердно прошу спросить синодское разрешение мне выехать участвовать думе как монах обречен послушанием уже три года синод не пускает избирался с благословения переведен без желания»². На это обер-прокурор Львов ответил 7 марта: «В Государственной думе занятий нет»³. Очевидно, рассчитывая на повышение или даже определенную политическую карьеру, Никон стал засыпать Львова письмами со своими длинными рассуждениями о необходимости церковных реформ. При этом епископ настолько переусердствовал в своих реверансах перед новой властью, что оказался даже «левее» своих «порозовевших» прихожан. На «чрезвычайном» заседании Красноярской городской думы епископа избрали членом Комитета общественной безопасности от Красноярского областного военно-промышленного комитета⁴. Впрочем, желаемого результата Никон не достиг и вскоре заявил, что снимает с себя сан епископа, вызвав в Синоде переполох. Официально Синод лишил Никона сана епископа определением от 11–12 августа 1917 года⁵. В сентябре Бессонов устремил свои взоры на Украину, начав заваливать ее политических деятелей письмами с просьбой устроить его на работу в одном из ведомств Генерального секретариата. В марте 1918 года Никон возглавил Департамент исповеданий при Секретарстве внутренних справ (Министерстве внутренних дел) Украины, что вызвало протест со стороны

¹ Там же. С. 42.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 42.

⁵ Русские ведомости. 1917. 21 марта; Церковные ведомости. 1917. № 34. С. 281–282.

православных архиереев. При этом бывший преосвященный подрабатывал в свободное время в качестве театрального критика¹.

Похожие метаморфозы продемонстрировал и епископ Екатеринославский и Мариупольский Агапит (Вишневецкий). Прославившийся активной поддержкой правых на выборах в Думу в 1912 году, называвший в то время даже октябристов «хриstopродавцами», сразу после Февраля преосвященный объявил себя ревностным сторонником произошедшего переворота. 5 марта 1917 года епископ выпустил воззвание, в котором указал, что «темные силы толкали нашу родину к гибели... И в эту годину испытаний Промыслу Божью.... угодно было указать дорогой Родине Путь спасения – вверив судьбу... ПРАВИТЕЛЬСТВУ из ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДНЫХ в ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ»². Епископу удалось удержаться на кафедре в течение революционных месяцев как стороннику «общественности», а после провозглашения независимости Украины, он вдруг стал активнейшим «самостийником». В 1922 году уже лишенный епископской кафедры Агапит примкнул к обновленцам³. Так что в данном случае речь шла скорее не о вере или политических принципах, а об элементарном приспособленчестве.

Таким образом, 5 марта после получения известий об отречении Николая II и неприятии власти Михаилом Александровичем все без исключения епархиальные преосвященные выступили перед паствой с призывом подчиняться Временному правительству. Как уже говорилось, главной причиной такого поведения являлось то, что в Феврале 1917 года Православная церковь не являлась самостоятельной структурой, и архиереи, как государственные чиновники, просто подчинились новому светскому начальству при том, что его полномочия были формально закреплены старой властью: с юридической точки зрения законность Временного правительства не вызывала сомнения. Совершенно иная ситуация возникла в Октябре 1917 года, когда духовное начальство не

¹ Ульяновский Василь. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Укаїнської Центральної Ради). Київ, Либідь. 1997. С. 51–54.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 82.

³ Там же. С. 85–86.

только не признало СНК, но и длительное время старалось его игнорировать. И уж совершенно надуманным звучит мнение историка М.А. Бабкина, заявившего, что епископат умышленно стремился поскорее покончить с монархией в России, чтобы остаться единственной «установленной свыше» властью. При этом в качестве одного из аргументов исследователь сослался на то, что не могли же все архиереи оказаться трусами и побояться возвысить свой голос в защиту царя¹. Дело было вовсе не в личной храбрости, а в той системе, в которой существовала тогда церковь. Ни о какой самостоятельной позиции Синода в связи со свержением самодержавия и приходом к власти Временного правительства говорить не приходится². Также стоит указать еще два фактора, повлиявших на позицию православного епископата в дни свержения самодержавия в России. Во-первых, отношение лично к Николаю II и его окружению было далеко не однозначным: даже в среде правых накануне революции говорили об «измене» и критиковали «распутинщину». Во-вторых, после переворота открыто идти против общенародного «восторженного» настроения действительно стало небезопасно.

Оправдываться за свои высказывания и действия накануне Февраля и в первые дни после победы революции приходилось не только епископам, но и представителям духовенства более низкого ранга и даже близким к церкви мирянам. Впрочем, у простых священников имелось гораздо больше свободы для высказывания своего мнения, а давление со стороны начальства, особенно в удаленных сельских приходах, ощущалось гораздо меньше. Тем не менее, священно- и церковнослужители везде были на виду, и происходящее в храмах неизменно привлекало к себе всеобщее внимание. В отчете за три месяца со дня

¹ Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г). М., 2007. С. 34, 140–176. А С. Фомин, задаваясь вопросом, «почему церковная иерархия в большинстве своем была, мягко говоря, столь равнодушна» к отречению, причиной называет происки масонов и моральное разложение самой церкви, отречшейся от своих основ. См.: Фомин С.В. Россия без царя // Игумен Серафим (Кузнецов). Православный царь мученик. С. 689.

² 9 марта 1917 года Одесский Союз Русских людей направил Синоду просьбу обратиться к Государственную думу и ко Временному правительству «не насиловать народной совести случайным большинством Учредительного Собрания. Пусть русский православный народ всенародным голосованием (плебисцитом) выразит сначала свою волю, чему быть: Царю или Республике. Ведь только один русский народ, собиратель земель, имеет на это право, а Учредительное Собрание должно иметь одну задачу: опираясь на выраженную уже волю русского народа, выработать новые основные законы». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 69. Разумеется, Синод никак не отреагировал на это послание и ни к кому обращаться не стал.

начала работ Отдела сношения с провинцией (учрежден ВКГД 10 марта 1917 года) сообщалось: «Наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возвещении начал нового строя проявило, между прочим, духовенство. Нет почти ни одного делегатского отчета, в котором не было бы указания на это»¹. Не вызывает сомнения то, что свержение самодержавия воспринималось некоторыми священно- и церковнослужителями как крах привычной картины мира и вызвало настоящий шок. Например, «Известия по Петроградской епархии» сообщали, что ключарь Кронштадтского Андреевского собора протоиерей Н.В. Петровский «заболел в связи с обстоятельствами политического переворота в России в марте сего года душевным расстройством», был помещен в лечебницу для душевных и нервных больных доктора Коносевича, где скончался 10 ноября 1917 года². Как писал митрополит Вениамин (Федченков), «с удалением царя и у меня получилось такое впечатление, будто бы из-под ног моих вынули пол и мне не на что было опереться»³.

Представляется вполне допустимым (хотя и сложно доказуемым), что подавляющая часть духовенства действительно симпатизировала монархии. Здесь можно приводить статистику участия священников и монашествующих до 1917 года в правых организациях, что само по себе тоже ни о чем не говорит: это могло быть следствием сложившейся политической конъюнктуры. Гораздо более важным является факт, на который до сих пор почти не обращали внимания исследователи: стремительно революционирующееся общество после Февраля воспринимало духовенство а priori как «черносотенцев»⁴, и о каждом их неосторожном высказывании или действии тут же доносили революционным органам власти. Так, Забайкальский епархиальный съезд в Чите 17–19 апреля

¹ Март – май 1917 // Красный архив. 1926. Т. XV. С. 35.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 48-50 от 16 декабря. С. 8.

³ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 152.

⁴ Примечателен случай, когда в ходе прошедших после Февраля перевыборов в Петроградскую городскую думу совет Петроградской духовной академии направил туда депутатом профессора Ф.И. Мищенко. В Исполнительном комитете ему откровенно сказали: «ваша школа воспитывает высших иерархов, которые, к сожалению, за старый строй». См.: Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а так же в секретных документах руководителей советского государства 1888 – 1932. СПб., 1994. С. 154.

1917 года прямо констатировал, что к духовенству «проявляется недоверие», поскольку оно в прошлом занималось идеализацией самодержавия¹. Часто от священников требовали не просто заявить о признании Временного правительства, но и всячески превозносить революцию, клеймя позором павшую династию. Никаких положительных или даже нейтральных слов о Романовых не допускалось. Иметь мнение, не разделяющее восторга по поводу произошедшего переворота, стало небезопасным. Например, 15 марта 1917 года духовенству первого Чембарского округа Пензенской епархии на экстренном собрании пришлось даже составить специальный акт, в котором констатировалось, что оно «вполне разделяет с народом светлую радость по поводу совершившегося, дает клятвенное уверение в полной преданности новому народному правительству...»² А участники апрельского Волынского епархиального съезда возмущались, что «от нас прямо требовали показать наше политическое лицо»³.

Хотя в Петрограде органы новой власти (ВКГД, Петроградский и районные советы) довольно пассивно относились в дни переворота к сообщениям о промонархических настроениях духовенства⁴, в то же время среди рядовых участников революционных событий уже в первые дни Февраля проявилось негативное отношение к церкви как к идеологическому ведомству самодержавия. Жалобы на контрреволюционность священников шли нескончаемым потоком и даже приобретали черты своеобразной истерии. А.В. Пешехонов вспоминал, что в дни Февраля его «немало доносили» доносчики: «стоишь, бывало, в толпе, а кто-то тащит тебя в сторону и шепчет, что такой-то поп сказал контрреволюционную проповедь»⁵.

В советские годы антицерковные авторы не без удовольствия перечисляли сведения о промонархических выступлениях духовенства в 1917 году. В

¹ См. Цыремпилова И.С. Указ. соч. 2008. С. 16.

² Игумен Серафим (Кузнецов). Указ. соч. С. 291.

³ Цит. по Завитновский И.В. Церковная революция и церковное украинство // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. СПб., 2001. № 2 (5). С. 20.

⁴ Например, в материалах Следственной комиссии Государственной думы по делам низших чинов нет информации ни об одном арестованном священнике. См.: РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2, 3.

⁵ Пешехонов А.В. Указ. соч. С. 450

частности, сообщалось, что некий священник Троицкий (Катовская волость Нижегородской губернии) вел среди крестьян «черносотенную агитацию», а 11 апреля 1917 года молился в церкви за здравие Николая II¹. Охотно писали о церковной «реакции» и обновленцы 1920-х годов: А.И. Введенский сообщал, что весной 1917 года в городе Грозном во время службы в Михаило-Архангельской церкви прихожанам раздавали брошюры, приглашающие стать на защиту царя. Разгневанная толпа схватила заведующего раздачей, двух священников, церковного старосту, его помощника и доставила их в милицию. Брошюры оказались одесского издания, помечены 1909 годом². Однако относиться без должного скептицизма ко всем подобным сообщениям нельзя. Так, например, вызывает сомнение искренность поступившей обер-прокурору 22 марта 1917 года жалобы от старосты Успенской церкви города Переяславля о том, что священник Залесский «не признал Временного правительства»³. Думается, здесь могли иметь место и личный интерес или сведение счетов. Или еще один пример «контрреволюционного» выступления: 13 марта 1917 года некие Иван Цитович и фельдшер Оскеро пожаловались в Петроградский Совет, что священник Владимир Синявский «нехотя» отслужил панихиду по павшим в борьбе за свободу, а когда организаторы митинга ушли из церкви, «раздался возглас Синявского явно враждебный новому, а в защиту старого режима». Авторы доноса просили убрать священника и прислать «истинного пастыря»⁴. Очевидно, что Синявского принуждали совершать обряд, мало соотносящийся с церковными канонами и его собственной точкой зрения, так что возмущение клирика вполне понятно. Тем не менее, 29 апреля Петроградский Совет переслал копию документов о пастыре обер-прокурору, добавив, что «деятельности этого священника должен быть положен предел»⁵. Возможно, похожие обстоятельства

¹ Зеленцов В. Контрреволюционная деятельность церковников бывшей Нижегородской губернии в 1917-1918 гг. (по архивным материалам г.Горького) // Антирелигиозник. № 8. 1937. С. 17.

² Введенский А. Церковь и государство. М., 1923. С. 35.

³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп.1. Д. 328. Л. 10.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 723. Л. 1

⁵ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 9.

имели место и в следующем случае: 22 марта в Петроградский Совет поступило заявление от ИК Совета рабочих и солдатских депутатов Порохового района (станция Ржевка) о том, что неоднократно поступают заявления о «провокации, угрожающей новому строю» священника церкви Морского и Главного Артиллерийского полигонов Александра Логиневского. Подписавший бумагу член Исполнительного комитета Н.Е. Крылов просил разрешить произвести арест священника. ИК Петроградского Совета переслал это обращение Прокурору Судебной палаты с просьбой о расследовании дела¹.

Представителям духовенства опасно было высказывать свое мнение даже на частных собраниях. Так, 17 апреля в Петроградский Совет поступило «внеочередное заявление» старшего писаря 132-го тылового эвакуационного пункта солдата А.И. Шерстнева. Он сообщил, что священник Симеон Никонович из селения Усвица Полоцкого уезда Витебской губернии на одном общественном собрании, куда его пригласили, заявил: «что это за собрание? Кто на нем присутствует? Я ничего нового не признаю, и все буду делать так, как делал раньше». Далее священник якобы высказался против нового правительства. Участники собрания арестовали отца Никоновича и отправили полоцкому уездному комиссару. Но тот священника освободил, по мнению просителя «совершенно незаконно». Шерстнев просил арестовать священника, так как он проповедует свои взгляды в церкви².

Объясняться за свои произнесенные в храме слова приходилось и некоторым мирянам. 5 марта на имя обер-прокурора пришел донос от не назвавшего себя рядового санитаря Российского общества Красного креста о том, что в этот день в церкви Скорой Послушницы (на Калашниковском проспекте) некто читал проповедь в защиту павшей монархии: «Смысл проповеди был тот, что люди сейчас до того забылись, что говоря словами Спасителя "не знают бо что творят", затем страстно перечислял заслуги династии».³ 8 марта В.Н. Львов с

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 723. Л. 2, 4.

² Там же. Л. 21–22.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 304–304 об.

пометкой «срочно» отправил этот вопрос на рассмотрение епископу Вениамину¹. Расследовать дело Петроградская духовная консистория поручила протоиерею Николаю Удальцову, который в своем рапорте от 10 апреля доложил, что проповедником был заслуженный профессор Киевской духовной академии А.А. Дмитриевский, староста храма и секретарь Палестинского общества, в ведении которого находится Николо-Александровский храм (так называемая церковь Скоропослушницы). «Не сказавши ничего в пользу совершенного народною волею государственного переворота, он начал расхваливать старую династию, подчеркнув, что отречение Николая II – проявление "горячей любви и искреннего желания жертвовать всем для блага отечества". Неделю восстания охарактеризовал как "ужасную" и "безотрадно тяжелую"». ² 29 мая епископ Вениамин с облегчением сообщил Львову, что проповедь была произнесена не священнослужителем, а председателем Попечительства при Николо-Александровском храме и его старостой А.А. Дмитриевским, и что епархиальное начальство уже попросило профессора не касаться в проповедях с церковной кафедры политических вопросов³.

Недоразумения возникали и оттого, что священники при богослужении повторяли давно заученные тексты и иногда просто механически могли упомянуть имя царя. Так, 25 марта 1917 года комиссариат Рождественского района Петрограда известил обер-прокурора Синода, что в Храме Рождества Христова священник Полянский читает молитвы «прежним порядком». 1 мая из того же комиссариата в духовную консисторию поступила новая жалоба: прихожанин М.А. Андреев сообщил о том, что 30 апреля во время обедни священник снова «провозгласил благочестивейшего государя Николая Александровича». Комиссариат отметил, что «упорное повторение о. Полянским таких инцидентов вызывает ропот среди населения» и добавил, что протокол о

¹ Там же. Л. 306.

² Там же. Л. 308 – 308 об.

³ Там же. Л. 307 – 307 об. См. также: Rogoznyy P.G. «Пред нашими взорами совершился суд над историей». (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 года) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2008. Т. XXX. С. 447–455.

произшедшим параллельно передан в XIX Временный суд «на предмет привлечения отца Полянского к уголовной ответственности». В интересах «охраны государственного порядка, спокойствия населения и должного благочиния в церкви» комиссариат просил срочно известить его о принятых мерах¹. На запрос духовной консистории протоиерей Георгий Полянский сообщил, что «эта ошибка была именно невольною и допущена... отнюдь не преднамеренно, а именно только в силу установившейся привычки». А благочинный Андрей Кононов предположил, что, написав жалобу, один из прихожан просто сводил личные счеты со священником. Протоиерей добавил, что «в первое время революции произносились молитвы по прежнему порядку, с именами царствовавшего дома не только в названной церкви, но во многих других, и, разумеется, делалось это по ошибке, по установившейся привычке, без всякого злого умысла, без малейшего решения выразить этим протест против нового строя государственной жизни»². 12 июня консистория постановила дело в отношении Полянского прекратить, так как он допустил ошибки в богослужении «несознательно», «по привычке» и «вследствие переутомления от продолжительной в этот день службы»³.

Несмотря на то, что многие доносы на контрреволюционность священников оказывались беспочвенными, духовным властям приходилось так или иначе реагировать на все поступающие сигналы, чтобы избежать роста напряженности. Так, в апреле 1917 года обер-прокурору Синода прислали жалобу прихожане церкви села Никольщино Гдовского уезда на священника Николая Кузнецова, «пропагандировавшего против нового строя». Консистория назначила расследование, которое за удаленностью села растянулось на многие месяцы. Примечательно, что даже 15 ноября 1917 года Петроградский епархиальный совет, рассмотрев материалы данного дела о «пропаганде против нового правительства (Керенского)», постановил: «за выбытием обвиняемого

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 79. Л. 1, 3.

² Там же. Л. 1 об – 2, 6 – 6 об, 7.

³ Там же. Л. 8 – 8 об.

священника Кузнецова в другую епархию дело о нем приостановить и в случае его возвращения потребовать объяснения от него»¹.

14 апреля обер-прокурор В.Н. Львов по жалобе «председателя Большенарымского комитета» попросил епископа Омского Сильвестра (Ольшевского) удалить Устьнарымского священника Загоруйского – «приверженца старого строя, желающего поголовного истребления на позиции площадного ругательства». 28 апреля Сильвестр сообщил в Петроград, что Григорий Загоруйский «как неспособный к самостоятельной пастырской службе» уволен за штат². После того, как священник Новозыбковского запасного госпиталя Иоанн Красновский на вопрос солдат о текущих событиях «выразил недоверие как самим событиям, так и властям, а также надежду на восстановление прежнего режима», местный ИК донес об этом обер-прокурору. В связи с этим архиепископ Черниговский Василий рапортовал В.Н. Львову 15 марта, что священник Красновский «отозван из г. Новозыбкова на фронт». Обер-прокурор даже не замедлил известить об этом военного министра Гучкова³. Однако вскоре Новозыбковский ИК «обнаружил» у себя еще одного священника-черносотенца – отца Жигунова, и попросил Львова срочно удалить и его «за агитацию против нового правительства». В телеграмме Исполнительного комитета даже говорилось, что в архиве местного жандармского управления ими найдены доносы Жигунова. Львов запросил у викарного епископа Пахомия (Кедрова) отзыв о священнике⁴.

7 апреля 1917 года обер-прокурор сообщил епископу Минскому Георгию (Ярошевскому), что по свидетельству председателя Хойникского Организационного комитета И. Перцовского священники его волости «уклоняются обнародовать манифестов отречения Государя от престола. Прошу срочных распоряжений и отзыва»⁵. Согласно другим сведениям, отказался

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 84. Л. 1–11.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 30–32.

³ Там же. Л. 34–35.

⁴ Там же. Л. 40–41.

⁵ Там же. Л. 42.

зачитать в церкви Акт об отказе от престола Великого князя Михаила Александровича священник Гомельского уезда Александр Гашкевич, вместо этого призвавший солдат 3-го запасного артиллерийского дивизиона «не подчиняться новому правительству, так как старое правительство низвергнуто кучкой недовольных демократов и... Бог даст еще восстановиться старый порядок». Начальник Ветковского гарнизона приказал взять священника под стражу и обратился к церковным властям за его удалением. Архиепископ Могилевский Константин (Булычев) уволил Гашкевича за штат, назначив на его место другого священника¹.

10 апреля и 13 мая 1917 года секретарь Херсонской духовной консистории направил обер-прокурору два рапорта об итогах расследования по якобы имевшим место жалобам прихожан на противоправительственную деятельность некоторых сельских священников. Оказалось, что источником информации выступил местный общественный деятель, профессор Новороссийского университета А.И. Покровский. А после изучения обстоятельств секретарь консистории заключил, что «названные священники ничем не подавали повода к таким обвинениям»². 9 июня 1917 года митрополит Киевский Владимир писал В.Н. Львову, что затребовал объяснений от миссионера-проповедника Попова в связи с его обвинением в произнесении речей на политические темы, и что последний ничего «о потере царя-батюшки» не говорил³.

16 апреля 1917 года в Петроградский Совет поступила телеграмма от Исполнительного комитета Жуковской волости Ржевского уезда Тверской губернии с просьбой удалить из прихода священника Вишнякова, который «бунтует народ против новой власти отстаивает все старое черносотенец самой высокой марки движение угрожает разойтись и перекинуться в другие районы жить нельзя». Прошение направили министру внутренних дел⁴. А 12 мая 1917 года в Петроградский Совет пришла еще одна телеграмма: «Священник Федоров

¹ Там же. Л. 46 – 46 об.

² Там же. Л. 129.

³ Там же. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 50.

Щегольки Суджальского уезда Курской губернии возмущает народ против нового строя народ волнуется подано прошение архиерею ничего не делает. Граждане»¹.

Как показывает практика, поводом для доноса на «контрреволюционность» духовенства могло стать все что угодно. Так, кто-то из бдительных граждан даже прислал в Петроградский Совет экземпляры журнала «Церковность» за 25 и 26 марта 1917 года, в которых имелось обращение настоятеля Храма Василия Блаженного протоиерея Иоанна Восторгова под наименованием «стяжите смирение». И хотя никаких политических заявлений в тексте не содержалось, однако сам призыв к смирению оказался воспринят как угроза революции². Впрочем, Восторгов и без того имел репутацию «махрового черносотенца». Примечательно, что в первые дни революции Исполком Московского Совета рабочих депутатов предписал штабу милиции арестовать протоиерея и его помощника архимандрита Григория, а также миссионера Х. Максимова и редактора «Московских ведомостей» Б.В. Назаревского³.

Итак, необходимо констатировать, что среди рядового духовенства действительно имелись сочувствующие самодержавию, но случаев открытого неприятия революции в начале марта 1917 года было не так уж и много. Подобное негативное отношение оказывалось не более чем личным мнением священников: никакого активного противодействия «новым началам» за этим не следовало. В целом, выражение такого неприятия являлось скорее исключением на фоне общего послушного признания духовенством нового правительства, а также следствием особой подозрительности по отношению к священникам со стороны революционных организаций.

На фоне общей церковной пассивности и растерянности в первые недели марта 1917 года особо заметной стала изначально немногочисленная часть духовенства, которая активно поддержала произошедшие в жизни Российского государства изменения. В нее входили, прежде всего, священнослужители и

¹ Там же. Л. 53.

² ГАРФ. Ф. Р6978. Оп.1. Д. 723. Л.15.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 20. Д. 5. Л. 7.

низшие церковные чины больших городов, преподаватели и студенты духовных академий и семинарий, к которым впоследствии подключилась масса верующих мирян, требовавших скорейших реформ церковной жизни.

Одними из первых с призывом поддержать новую власть выступили священники – члены Государственной думы. В своем обращении на страницах «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» они заявили, что единогласно приняли участие в избрании ВКГД, а теперь призывают православное духовенство всей России немедленно признать его власть и своим горячим пастырским словом разъяснить народу, что переворот произошел для его блага и для счастья Родины. «Розни между отдельными национальностями и классами населения не должно быть, – говорилось в послании. – Пастырский долг наш призывать всех к единению и взаимной любви, завещанной нам Спасителем»¹. Четверо депутатов-священников в марте 1917 года стали комиссарами ВКГД: Д.Я. Попов и Ф.Д. Филоненко – в воинских частях, расположенных в Петрограде, Н.Е. Гепецкий – в Бессарабской губернии, С.А. Крылов – в Самарской губернии². Д.Я. Попов 20 марта занял пост заместителя казначея ВКГД³.

5 марта 1917 года к верующим Петрограда обратились и представители столичного духовенства, заявившие о необходимости «в эти великие дни желанного и выстраданного народом политического обновления стран» объединиться с новым правительством, «избранным Государственной думой»⁴. Первый после переворота номер «Известий по Петроградской епархии» поместил статью протоиерея Евгения Кондратьева, в самых восторженных тонах восхвалявшего революцию, обновившую «лице земли русской»: «нет больше миллионов угнетенного народа. Новая жизнь строится на началах равенства,

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта (№ 4); ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

² Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – октябрь 1917 г.) Персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 57, 61, 62, 64, 73.

³ Там же. С. 64.

⁴ Подписали протоиереи Ф.Н. Орнатский, П.Н. Лахостский, И. Слободской, Е.М. Кондратьев, Д.Ф. Гидаспов и другие. См.: Новое время. 1917. 7 марта.

братства и свободы». Кондратьев призвал духовенство и верующих объединиться «под властью нового, избранного Государственной Думою, при участии рабочих и солдатских депутатов временного правительства и всеми мерами и силами ему содействовать». В то же время протоиерей особо подчеркнул, что православные приходы «существуют не для политики, а для взаимного братского воспитания себя в духе Христовых заповедей и евангелического учения и взаимного осуществления любви Христовой»¹. Тем не менее, в качестве важной информации в следующих – апрельском и майских – номерах «Известия по Петроградской епархии» напечатали программы основных политических партий: РСДРП, социалистов-революционеров, народной свободы, союза 17 октября и республиканско-демократической².

Стихийные собрания духовенства и мирян проходили во всех крупных городах бывшей Российской империи. На них обсуждали происходящие события, а также – до 6 марта – выработывали формулу поминовения. Так, 4–5 марта в храмах Новгорода раздавались воззвания с призывом поддержать новую власть³. 5 марта духовенство Ярославля приняло постановление «всемерно содействовать укреплению нового правительства в сознании граждан»⁴. Подобные события происходили во Владимире, Витебске, Екатеринославе, Перми, Пскове и других городах. Сразу после получения руководящих инструкций из Петрограда духовенство города Екатеринодара во главе с епископом Кубанским Иоанном (Левицким) телеграфировало в Синод о том, что оно «выражает свою радость в наступлении новой эры в жизни Православной церкви и духовенства и изъявляет готовность трудиться с полным самоотвержением на благо святой церкви и дорогой родины»⁵. Большое количество приветственных телеграмм духовенства

¹ Кондратьев Евг., протоиерей. Свободная Россия // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 9–10 от 17 марта. С. 6–7.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 16 от 28 апреля. С. 9–12; Известия по Петроградской епархии. 1917. № 17–18 от 10 мая. С. 9–12; Известия по Петроградской епархии. 1917. № 20 от 25 мая. С. 6–8.

³ Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 5. С. 251–252.

⁴ Ярославские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. С. 99–100.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 59.

Временному правительству опубликовал М.А. Бабкин¹. Ректор Таврической духовной семинарии Вениамин (Федченков) вспоминал впоследствии, что он один отказался поставить свою подпись на приветственном послании Временному правительству, составленном педагогами учебного заведения². Несомненно, какая-то часть клира искренне приветствовала революцию, воспринимая ее как «зарю новой жизни», но, конечно, были и те, кто просто приспособился и пытался использовать изменившиеся общественные настроения для личной выгоды. Некоторые священнослужители в марте 1917 года украсили себя красными бантами, а кое-кто даже облачался в красную рясу³. Так или иначе, с новой властью православное духовенство могло связывать надежды на решение многих старых проблем (политических, социальных и собственно церковных), а также на устранение из религиозной сферы светского вмешательства и изменение внутреннего морально-нравственного климата в России⁴. В этой связи нельзя не согласиться с Т.Г. Леонтьевой, заключившей, что тот революционный настрой, который охватил часть духовенства во время Февральских событий и последующие месяцы, во многом являлся следствием внутрицерковных противоречий начала XX века⁵.

Таким образом, необходимо констатировать, что Православная церковь встретила свержение самодержавия не как самостоятельная структура, а как государственное ведомство, в котором служители алтаря действовали в качестве чиновников, обязанных подчиняться начальству. Конечно, некоторые представители духовенства могли высказывать и свою личную позицию, но в

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М., 2006.

² Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. соч. С. 149.

³ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 62.

⁴ Как справедливо отметил М.В. Пономарев, «обращения духовенства к верующим с призывом поддержать Временное правительство мотивировались патриотизмом и патернализмом (оно укрепит и спасет Россию, выиграет войну), этатизмом (необходимость прекращения анархии в стране)». См.: Пономарев М.В. Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 17.

⁵ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы Истории. 2000. № 1. С. 39–40.

любом случае они должны были так или иначе ориентироваться на те предписания, которые им спускались сверху. Передача власти, оформленная Актами от 2 и 3 марта, закрепляла правовой статус Временного правительства, и церковь покорно признала его. В то же время, уже в дни Февраля стало очевидно, что у населения сильны представления о духовенстве как об «агентах старого режима». Любое не негативное высказывание священников о павшей династии воспринималось как контрреволюционное выступление. Февральские события в Петрограде были отмечены разрушением храмов, а в Александро-Невской Лавре произошла реквизиция части помещений. Вместе с тем, часть духовенства связывала со свержением самодержавия надежды на возможность изменения существующего положения в церкви, ее всестороннего обновления.

2.2. Ведомство православного исповедания в системе революционных органов власти после свержения монархии

Согласно Манифесту Великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 года верховная власть в России до созыва Учредительного собрания переходила к Временному правительству¹. Его постановлением от 5 марта 1917 года губернаторы и вице-губернаторы прекращали свою деятельность, их обязанности передавались председателям губернских земских управ с присвоением им наименования «губернских комиссаров Временного правительства». Вместо полиции организовывалась милиция². На Временное правительство в основной массе ориентировались и создаваемые на местах всевозможные «общественные комитеты», представлявшие те же земские органы. При этом религиозное обоснование источника власти «революционными» министрами не использовалось. Присяга Временного правительства была принесена Сенату 15 марта 1917 года без привлечения духовных лиц.

Вместе с тем, уже с 27 февраля 1917 года стала активно действовать и другая структура – Петроградский Совет. Вслед за ним советы стали появляться по всей стране, а с 29 марта по 3 апреля 1917 года в столице прошло Всероссийское Собрание Советов. Две формирующиеся властных параллели опирались на разную систему взглядов не только в отношении принципов организации управления, но и в более широком, мировоззренческом плане. Б.И. Колоницкий предложил рассматривать события 1917 года в России как борьбу двух идеологий: буржуазной и социалистической, причем последняя распространялась гораздо более успешно. Так, праздники социалистического движения – например, 1 мая – воспринимались как официальные государственные

¹ Вместе с тем, ни в Манифесте от 3 марта 1917 года, ни в других официально опубликованных документах круг полномочий Временного правительства четко обозначен не был.

² Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 29.

праздники новой России¹. Религиозное мировоззрение оказалось вынуждено сосуществовать с этими двумя идеологиями, выбирать между ними и, в значительной степени, приспосабливаться к ним. Фактически же Православная церковь, сохранявшая статус Ведомства православного исповедания и переподчиненная Временному правительству, после Февраля 1917 года существовала в рамках системы «буржуазных» или «либеральных» ценностей, и, видимо, с этим, в том числе, связаны некоторые симпатии представителей высшего духовенства к кадетам. Хотя в то же время левые церковные течения активно искали связь с социалистами.

Анализируя программы политических партий, действовавших в России после падения самодержавия, необходимо признать, что их общей точкой соприкосновения в отношении церкви являлось требование упразднения господствующего положения православия и осуществление принципа свободы совести². И только октябристы выступали за более умеренный принцип – свободы вероисповедания³. Большинство министров Временного правительства исповедовали православие. Программа составлявшей костяк нового кабинета кадетской партии (ее членами являлись министры А.А. Мануйлов, П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев и др.) провозглашала «равенство всех перед законом вне зависимости от вероисповедания» и освобождение Православной церкви и всех других конфессий от государственной опеки⁴. При этом кадеты предлагали «увеличить площадь землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом» за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, изъяв их сначала в государственный земельный фонд для последующего распределения. О церковной земле в программе не упоминалось⁵. Более правые фракции Думы, представленные в правительстве А.И. Гучковым,

¹ Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 188–202. Даже многие представители интеллигенции воспринимали революцию в рамках религиозного сознания, как пасху, воскрешение.

² Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 16–17.

³ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 20 от 20 мая. С. 7.

⁴ Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 18.

⁵ Известия по Петроградской епархии. № 17–18 от 10 мая. С. 12.

В.Н. Львовым и И.В. Годневым, в ходе парламентских дебатов накануне и в годы Первой мировой войны продемонстрировали приверженность идее необходимости вмешательства государства в церковные дела¹. Поэтому как сохранение должности обер-прокурора Синода, так и назначение на нее центриста Львова, подразумевали продолжение государственного регулирования церковных вопросов².

В противовес Временному правительству Петроградский Совет изначально являлся внеконфессиональным органом. Программы представленных в нем социалистических партий провозглашали необходимость отделения церкви от государства. В частности, об этом говорилось в программе РСДРП, предусматривавшей конфискацию церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передачу их вместе с казенными землями «крупным органам местного самоуправления»³. Социалисты-революционеры ставили целью «полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого», «установление обязательного равного для всех общего светского образования на государственный счет»⁴.

Первая декларация Временного правительства от 3 марта 1917 года, с одной стороны, соответствовала программным положениям Прогрессивного блока, а с другой, воспроизводила формулировки, принятые 2 марта на общем собрании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в качестве требований к новым министрам⁵. Некоторые из пунктов декларации напрямую затрагивали существовавшие до этого привилегии «господствующей веры». Так, в

¹ См. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

² Историк В.В. Вяткин предположил, что, возможно, Временное правительство сохранило должность обер-прокурора умышленно, чтобы держать церковь под контролем и не допустить ее оппозиционности. Далее, по версии исследователя, «временные» усиленно ратовали за соборное начало, так как «им казалось, что Собор отсеет от Церкви всех потенциальных противников новой власти». См.: Вяткин В. Государственно-церковные отношения в России при Временном правительстве // Государственная служба. 2008. № 4. С. 197–198. Данные предположения не находят подтверждения в источниках. Временное правительство ни разу не обсуждало проблемы «оппозиционности» православного духовенства, речь шла только о необходимости его защиты.

³ Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 23; Известия по Петроградской епархии. № 16 от 28 апреля. С. 11; Известия по Петроградской епархии. №17–18 от 10 мая. С. 9.

⁴ Там же. С. 10; Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 26.

⁵ Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1/2 (50/51). С. 117–160; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. В 5-ти тт. Том первый. 27 февраля – 31 марта 1917 г. СПб., 1993. С. 63–65.

«Программе народного кабинета» значилось: «1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраний... 3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений...» и т. д.¹

Уже в марте 1917 года появились первые постановления, развивающие принципы свободы совести и направленные на умаление господствующего положения православия в России. 4 марта военный министр Гучков предложил отменить национальные, вероисповедные, сословные и политические ограничения при производстве нижних чинов в офицеры. Ему было поручено составить соответствующий законопроект². 10 марта Временное правительство утвердило выпущенное Министерством торговли и промышленности постановление «О немедленном облегчении образования акционерных обществ и устранении из их уставов национальных и вероисповедных ограничений»³. Вслед за этим 20 марта из Министерства внутренних дел (далее – МВД), заведовавшего всеми церквями и религиозными обществами, кроме «официальной веры», вышел закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»⁴. Подчеркивая, что «в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом», этим постановлением Временное правительство упраздняло все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности. Это касалось как прав, связанных с местом жительства, так и прав собственности, профессии, участия в акционерных и других торгово-промышленных обществах, найма прислуги, государственной службой, поступления в учебные заведения и т.д.⁵ В частности, теперь все (не только христианские) священники освобождались от воинской

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта; Программа «Народного кабинета». СПб, 1917. С. 1; Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта; Российское законодательство X – XX веков. В. 9 тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 124–125.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 29.

³ Там же. С. 68; Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 142–146.

⁵ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917. С. 46–48.

повинности и обязательства давать присягу в суде; отменялся запрет на усыновление лиц христианских исповеданий нехристианами и наоборот; лицам римско-католического духовенства разрешалось касаться в своих устных поучениях вопросов политики и пр.¹ Петроградский Совет отозвался о проводимом правительством курсе с одобрением, заявив, что «отменой религиозных вероисповедных ограничений не уничтожаются ни религия, ни вероисповедания; но они делаются свободными»². Признание равенства всех исповеданий в России нанесло удар по «господствующему» положению Православной церкви, но при этом Временное правительство все же не пошло на радикальный пересмотр государственно-церковных отношений и сохранило за собой до Поместного Собора и Учредительного собрания управление Ведомством православного исповедания.

Гораздо более важной для духовенства стала декларация Временного правительства от 8 марта, в которой объявлялось, что оно «приняло к неизменному исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязанности»³. Отметим, что из-за военных и политических трудностей бюджет Российской империи на 1917 год так и не был утвержден Николаем II, и в предреволюционные месяцы страна жила по прошлогодним временным расписаниям⁴. Размеры «кассовых расходов» (то есть реально выданных денег) синодальным учреждениям в конце 1916 – начале 1917 года составляли (в млн. руб.): октябрь – 4,3; ноябрь – 3,7; декабрь – 6,8; январь – 4,9; февраль – 5,8. Таким образом, за пять последних перед Февралем месяца церковь получила от государства 25,5 млн. рублей⁵.

По проекту сметы доходов и расходов Синода на 1917 год на нужды Ведомства православного исповедания предполагалось «испросить» 66 795 837

¹ Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных ограничений от 20 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 20.

² Уничтожение сословий и чинов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 марта.

³ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 59.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 22 об.

⁵ Там же. Л. 21.

рублей¹. Однако поскольку эту смету так и не утвердили, ассигнование шло на основании расписаний 1916 года, по которым Синоду предназначалась чуть меньшая сумма – 65 262 114 рублей². В целом, это, конечно же, не столь значительные средства, особенно если учитывать, что по подсчетам Государственного казначейства к середине 1917 года дефицит бюджета России составлял 15 миллиардов рублей³. И только в марте этого года государство ассигновало по всем своим расходным статьям 2 142,2 млн. руб., то есть в среднем по 69 млн. руб. в день⁴. Также необходимо учитывать, что примерно половина отпускаемых Синоду денег тратилась на содержание церковных школ (по смете на 1917 год на 22 церковно-учительские школы предполагалось «отпустить» 522 961 руб., на 422 второклассные – 2 436 044 руб., на начальные церковно-приходские и школы грамотности – 15 037 256 руб., на преподавание в них сельского хозяйства – 91 100 руб., на «увеличение содержания» учителей – 15 037 256 руб., итого 33 191 586 руб.)⁵ Из этой же получаемой от государства суммы Синод оплачивал содержание и «прикрепленных» к нему светских чиновников – обер-прокурора и его товарища (27 440 рублей на 1917 год) и канцелярию обер-прокурора (59 614 рублей на 1917 год)⁶. Размер выплачиваемых духовенству средств постоянно уточнялся. В течение 1917 года Синод неоднократно обращался к Департаменту государственного казначейства с просьбой об отпуске дополнительных сумм, начислении пенсий, единовременных и других пособий священно- и церковнослужителям и членам их семей⁷.

¹ Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. Пг.: Синодальная типография, 1916. С. 147.

² Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917 год. Минск, 1984. С. 224; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 335.

³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 24.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 25.

⁵ Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. С. 109, 110, 112, 115, 119.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Например, 14 июля 1917 года обер-прокурор В.Н. Львов подал министру-председателю представление на отпуск из Государственного казначейства 1950 рублей на отопление двух храмов Петрозаводского кафедрального собора, 3460 рублей на закупку дров для Петроградской духовной консистории и 25 000 рублей на выкуп из турецкого плена епископа Мар-Илии (Илии (Абрагамова)). См.: ГАРФ. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 635. Подобные запросы составлялись и в ноябре 1917 года. См.: Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 36–50, 53.

Синод имел и собственные «специальные» средства, то есть заработанные самой церковью: доходы с имений, проценты с капиталов, кружечные, кошелевковые и свечные сборы, пожертвования и пр. Сюда же относились и неистраченные остатки от выделенных ранее Государственным казначейством ассигнований на содержание духовенства, миссионеров и нужды народного образования¹. По смете специальных средств Синода на 1917 год доходы составляли 21 285 216 рублей, а расходы – 13 380 246 рублей, то есть свободное «положительное сальдо» исчислялось 8 004 970 рублями². Из этого можно заключить, что по проектам сметы церковь сама обеспечивала себя к 1917 году приблизительно на четверть, однако, при этом большая часть расходов шла на выполнение не столько религиозных, сколько государственных функций (народное образование, делопроизводство по брачным делам и т.д.)³

Итак, Временное правительство с молчаливого согласия Петроградского Совета⁴ гарантировало продолжение финансирования Ведомства православного исповедания. В соответствии с отчетом, заслушанном 7 декабря 1917 года на Поместном Соборе, из назначенных 65 262 114 рублей 21 503 036,61 ушли в местные Казенные палаты на оплату епархиальных учреждений и духовенства, 33 989 739 были переданы в ведение Училищного совета при Святейшем Синоде, а оставшиеся 9 769 338,39 направлены в синодальное Хозяйственное управление. Из последней суммы до 1 ноября 1917 года церковь получила 8 225 259 рублей⁵.

¹ См. Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. С. 5. Государственная дума не раз указывала на «ненормальность» этой привилегии Синода, по ее мнению деньги должны были возвращаться в казну. Соответствующий законопроект внесли в Думу 4 января 1914 года, но дальнейшего хода он не получил.

² Смета доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода на 1917 год. Пг.: Синодальная типография, 1916. С. 52, 72, 192; РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 764. Л. 25 об, 35 об, 95 об.

³ Историк А.Ф. Гавриленков справедливо отметил, что именно наличие независимых источников финансирования, а также неполная подконтрольность Ведомства православного исповедания Государственному казначейству отличали Православную церковь от других министерств при том, что в остальном она оказалась практически полностью инкорпорирована в государственный механизм Российской империи. См.: Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721 – 1917 гг.; сущность, принципы, эволюция. Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2010. С. 25.

⁴ Нужно отметить, что, например, поступившее 9 марта 1917 года известие о выдаче денег Министерству Императорского двора вызвало в Исполнительном комитете Петроградского Совета настоящий скандал. См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Том 1. С. 221.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. С. 335–336.

По структуре финансовой сметы Синода наиболее существенными поступлениями от государства являлись параграф 7 статья 1 (содержание городского и сельского духовенства) и параграф 9 статьи 1 (содержание духовно-учебных заведений). По первой части в 1917 году казначейство ассигновало 18 805 512 руб. (из них 18 721 992,15 руб. ушли в епархии, а 83 519,85 руб. в Хозяйственное управление Синода), а вторая – в размере 7 442 359 руб. выдавалась с января по октябрь по 1/12 от общей суммы в месяц. В ноябре 1917 года финансирование духовно-учебных заведений из Государственного казначейства прекратилось¹. Кроме этого в июле 1917 года Синод запросил Министерство финансов и Государственный контроль выделить дополнительно 1 000 000 руб. на увеличение жалования причтам, а также на установление содержания 62-м новым приходам, открытым перед самым Февралем. Этот запрос остался без ответа². Из 33 989 739 руб., назначенных Училищному совету Синода, были «освоены» с января по август 1917 года только 22 577 084 руб. В связи с постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 года о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, оставшиеся 11 412 665 руб. в сентябре 1917 года перешли в распоряжение этого ведомства³.

Вполне вероятно, что финансирование церкви после Февраля 1917 года, как и отчисления по сметам других министерств и ведомств, продолжались автоматически, по инерции, без рассмотрения этого вопроса по существу. Однако на возможность использования «идеологического ресурса» Ведомства православного исповедания новые министры смотрели уже иначе, нежели царская администрация. Хотя некоторые представители власти на местах и требовали от церкви активного провозглашения «новых начал» (что означало продолжение практики проведения через храмы государственной идеологии), Временное

¹ Там же. С. 336–337.

² Там же. С. 336.

³ Там же. С. 337.

правительство такие призывы не поддерживало¹. За исключением деятельности священников в войсках, оно почти не прибегало к авторитету Православной церкви для популяризации тех или иных своих мероприятий. Единственный из министров, кто не чурался обращаться к духовенству – министр финансов М.И. Терещенко. Так, 27 марта он попросил Синод оказать содействие успешному распространению «Займа Свободы». Иерархи восприняли это с пониманием и сочувствием, выпустив специальное определение, поручавшее синодальным конторам, епархиальным преосвященным, протопресвитеру военного и морского духовенства Г.И. Шавельскому и протопресвитеру А.А. Дернову призвать городское и сельское духовенство и учителей церковно-приходских школ «принять самое деятельное участие в разъяснении значения займа». Духовенству предписывалось читать «составленные на сей счет поучения» в церквях, где также осведомлять население об условиях и способах участия в займе и о местах подписки на него. Кроме того, Синод предписал всем действующим в епархиях установлениям духовного ведомства (архиерейским домам, монастырям, церквям, церковно-благотворительным, просветительным и хозяйственным учреждениям) обращать все свободные деньги на приобретение выпускаемых правительством облигаций². То, что данные указания действительно передавались на места и активно распространялись, подтверждает отношение благочинного монастырей Москвы архимандрита Феодосия (Ганицкого) настоятелю Данилова монастыря от 5 мая 1917 года, предписывающее «содействовать размещению Займа Свободы путем, указанным в № 2 Всероссийского церковно-общественного вестника

¹ Так, 11 марта Новгородский губернский комиссар А.А. Булатов телеграфировал В.Н. Львову просьбу об издании распоряжения Синода о том, чтобы духовенство выступало с церковных кафедр с объяснением создавшегося положения, призывало к повиновению Временному правительству и необходимости дать отпор внешнему врагу. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 64. Вслед за этим vicарий новгородской епархии епископ Алексей (Симанский) написал 11 марта в Петроград архиепископу Арсению (Стадницкому), что накануне местный Комитет общественной безопасности потребовал от него приказать священникам совершить панихиду по жертвам революции. Епископ наотрез отказался, заявив, что «странно и нелепо молиться» за тех, кого хоронят гражданским порядком, и что «церковь не должна служить политическим целям». Чуть позже Алексей все же согласился отдать распоряжение о совершении всенародной панихиды «по воинам и всем павшим во время междоусобной брани» и «многолетия» Временного правительства. См.: Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 21–22.

² ВЦОВ. 1917. 8 апреля.

согласно с распоряжением Святейшего Синода»¹. Агитация за «Займ Свободы» затронула практически все церковные периодические издания².

1 мая Терещенко снова обратился в Синод, на сей раз с просьбой оказать содействие лицам, проводящим всероссийскую инвентаризацию (с приложением списка фамилий). 16 мая по поручению Синода В.Н. Львов разослал этот перечень в епархии, добавив, что чиновники командируются «для составления общего инвентаря принадлежащих казне имуществ, по определению приблизительной их стоимости и доходности и по выработке предложений об увеличении последней»³. В частности, в Ярославле, получив данное распоряжение, духовная консистория 13 июня 1917 года поручила объявить о нем всем благочинным церквей, управлениям, наместникам и настоятелям монастырей⁴.

Вместе с тем, Терещенко не только просил у церкви организационной поддержки, но и ждал от нее финансовых поступлений. С деятельностью этого министра связано возбуждение вопроса о необходимости уплаты церквями и монастырями 6%-го подоходного налога с недвижимых имуществ. Принятое еще 26 апреля 1916 года соответствующее «Положение» предписывало взимать такой налог со всей недвижимости, принадлежащей казне, земствам, городам и духовным учреждениям всех исповеданий, но при Николае II Православную церковь не трогали. В начале мая 1917 года Министерство финансов в целях пополнения государственного бюджета решило «исправить» данный пробел, хотя инициатива и не успела получить серьезного развития. Речь шла о единовременной уплате налога за истекший год, но в условиях революционной неразберихи Временное правительство вряд ли сумело собрать суммы со всех религиозных учреждений. В.Ф. Зыбковец вообще полагал, что «дальше

¹ РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 505. Л. 104.

² См. например: Известия по Казанской епархии. 1917. № 13–14 от 1–8 апреля. С. 157–158.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 37.

⁴ РГАДА. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 84. Л. 87.

Петрограда действие этого закона не распространялось»¹, хотя епископ Алексей (Симанский) писал из Новгорода, что «монастыри положительно грабят» и, например, Хутынский монастырь обязали уплатить подоходный налог в размере 6 000 рублей². Информации о взимании данного налога с соборов и церковей найти не удалось.

Стремление Терещенко привлечь Ведомство православного исповедания для решения общегосударственных задач проявилось и в таком вопросе, как судьба приходских государственных сберегательных касс. С инициативой их образования Министерство финансов выступило за год до революции. Определением от 19–21 июля 1916 года Святейший Синод предоставил министерству право учреждать подобные кассы при православных приходах в случае согласия на это со стороны епархиального начальства и местного духовенства. Суть идеи была проста: возложить на членов причта, разумеется, за дополнительную плату, функцию ведения делопроизводства по банковским вкладам прихожан и выполнения денежных операций. Тот факт, что клир таким образом фактически превращался в банковских служащих и страховых агентов, никого не смущал. Управление государственными сберегательными кассами сначала в порядке эксперимента планировало открыть 2000 таких касс, однако, по сообщению епархиальных правлений число причтов, пожелавших открыть у себя кассу, оказалось почти вдвое больше. К Февралю 1917 года были сделаны распоряжения об открытии до 600 касс, а часть их – в Петроградской и Московской епархии, по сообщению «Известий по Петроградской епархии», уже «фактически работает». После переворота некоторые причты запросили Министерство финансов о том, не изменилась ли позиция по данному вопросу у новой власти. В ответ министерство заверило, что и Временное правительство «признает полезным» учреждение и дальнейшее распространение приходских государственных сберегательных касс, так как они будут иметь большое значение «в развитии сберегательного и страхового дела». 8 мая 1917 года Синод поручил

¹ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917 – 1921 гг.). М., 1975. С. 19.

² Письма Патриарха Алексея своему духовнику. С. 78.

главам епархий разъяснить подведомственному духовенству, что «правительство и при новом строе жизни и управления в России признает, в видах содействия широким кругам населения в деле надежного сохранения денежных сбережений, учреждение приходских Государственных сберегательных касс и дальнейшее развитие их деятельности желательным и полезным»¹.

Этим дело не ограничилось. 18 марта 1917 года Управление государственных сберегательных касс попросило Синод известить духовенство о необоснованности распускаемых «некоторыми злонамеренными лицами» слухов о ненадежности приходских государственных сберегательных касс. Указом № 16 от 12 мая 1917 года Синод вменил это в обязанность епархиальным преосвященным, подчеркнув, что Временное правительство приняло к неперемennomу исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства, в том числе «платеж процентов и погашение по государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следующие кому-либо из казны по закону, по договору или на других законных основаниях». Ссылаясь на отношение Управления государственными сберегательными кассами, Синод добавлял, что «государство в полной мере отвечает за сохранность вверенных помянутым кассам денежных сумм и капиталов и что единственными распорядителями своих сбережений являются, как и раньше, исключительно сами вкладчики». 2 июня 1917 года Петроградская духовная консистория постановила опубликовать указ Синода в «Известиях по Петроградской епархии»².

К сожалению, больше никакой информации о судьбе приходских государственных сберегательных касс найти не удалось. Вероятно, они вскоре прекратили свое существование, а, может, даже и не начали в полной мере действовать. Кроме того, министр финансов М.И. Терещенко вскоре перешел на другую должность, а его преемники не проявили интереса к привлечению духовенства к проводимым правительством хозяйственным мероприятиям.

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 21–23 от 14 июня. С. 3–4.

² Там же. С. 4.

Факты участия самих православных пастырей и церковнослужителей в формировавшихся на местах органах власти (общественных комитетах), номинально подчинявшихся Временному правительству, весьма немногочисленны. Почти все они относятся к регионам Сибири и Дальнего Востока. Так, в Красноярске епископа Никона (Бессонова) Городская дума избрала в состав Комитета общественной безопасности¹. Депутатом Томского исполнительного комитета стал псаломщик И.М. Смирнов², а в созданный 9 марта в городе Тары Омской губернии «Исполнительный и общественного спокойствия комитет» вошло два духовных лица³. В Иркутске в городском органе власти духовенство представляли три протоиерея и один миссионер, в Нерчинске и Петровском заводе – по одному священнослужителю. Клирики имелись также в составе Забайкальского комитета общественной безопасности в Чите⁴. Известны единичные подобные прецеденты и в Европейской России: членом курского Губернского Народного Совета стал некий священник Ломакин⁵, а в Новгороде по сообщению епископа Алексия (Симанского) в «Комитет» вошли два представителя духовенства⁶. Вместе с тем клирик Образцов из Гудауты жаловался в телеграмме от 10 мая 1917 года обер-прокурору Синода, что «участковый комиссар не разрешает священникам посещать сельские сходы быть членами общинных комитетов безопасности тогда как народ выбрал некоторых священников членами комитетов особенно верит им просит посещать сходы». Образцов добавлял, что действия комиссара «вредят пастырскому делу»⁷.

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 42. Примечательно, что проходивший в Красноярске 16–25 апреля 1917 года епархиальный съезд высказался за удаление епископа Никона, «так как он примыкает к левым кадетам». См.: Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 93.

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 36. Л. 6.

⁴ Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 11. Автор также сообщает, что священники Забайкальской епархии Г. Комаров и А. Добромислов являлись членами партии эсеров, а священник И. Корнаков принимал активное участие в деятельности забайкальской группы трудовиков. См.: там же. С. 12. Имеется информация и об участии духовенства в советах и войсковых комитетах, правда случаи эти крайне редки. Так, 3 клирика вошли в Ревельский Совет рабочих и воинских депутатов, а первым председателем солдатского комитета 80-го Сибирского полка был священник этой части. См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 65.

⁵ См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 177.

⁶ Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 22, 31.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 731. Л. 1.

После Февраля 1917 года не мог не возникнуть вопрос о положении придворного духовенства. Формально еще сохранялась возможность восстановления монархии Учредительным собранием, и, вероятно, поэтому Временное правительство не стало ликвидировать Министерство Императорского двора, назначив туда комиссаром бывшего председателя II Государственной думы Ф.А. Головина. Тем не менее, глава придворного духовенства протопресвитер А.А. Дернов обратился 6 марта в Синод с вопросом о дальнейшей судьбе своих подчиненных¹. Особенно его волновала судьба тех, кто находился на пенсионном обеспечении из казны, в том числе «вдов и сирот». Дернов указал, что у него в подчинении причты 28 соборов и церквей в количестве 136 человек. Храмы располагались в Петрограде и его окрестностях (Царском селе, Петергофе, Павловске, Ораниенбауме и Стрельне), в Москве (Кремле) и ее окрестностях, в Крыму (Ливадии и Ореанде), а также в селе Коробове Костромской губернии. Многие из дворцовых церквей не имели своих причтов². В тот же день Синод постановил признать необходимым «оставить дело управления церквами и духовенством бывшего придворного ведомства на прежнем положении»³. Интересно отметить, что Дернов после Февраля номинально сохранил свою подчиненность и по отношению к Министерству Императорского двора. Отправляясь в конце марта 1917 года в Москву, протопресвитер предварительно письменно согласовал свою командировку с Головиным⁴.

Однако будущее придворного духовенства представлялось весьма туманным, поэтому причты некоторых соборов стали обсуждать возможность изменения их статуса. Одними из первых к В.Н. Львову обратились священно- и церковнослужители Собора Зимнего дворца, предложившие открыть доступ в

¹ См. о нем: Бовкало А.А.. Последний протопресвитер придворного духовенства Александр Дернов // Из глубины времен. Вып. 13. СПб., 2005. С. 83–94.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 54. Л. 55 об. По сообщению настоятеля Успенского собора Московского Кремля Н.А. Любимова, в ведомстве придворного духовенства состояли 8 соборов и 60 церквей. См.: Любимов Н.А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. М., 1995. С. 82.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2832. Л. 1а.

⁴ Цит. по Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2011. С. 49.

храм всем желающим с улицы. На вопрос обер-прокурора, можно ли это осуществить с технической точки зрения, 28 апреля было составлено пространное объяснение с чертежом помещений. Кроме того, причт предложил составить комиссию для перевода вообще всех придворных церквей и духовенства «в ведение Св. Синода»¹. Священно- и церковнослужители храмов Московского Кремля также выступали за переподчинение их Синоду и высказывались категорически против возможности перехода в Московскую епархию².

С 27 мая 1917 года в Зимнем дворце начали проводиться заседания Особой комиссии по ликвидации учреждений придворного духовенства под председательством Головина. В нее, в том числе, входили товарищ обер-прокурора Синода А.В. Карташев, протопресвитер А.А. Дернов, настоятель Успенского собора Московского Кремля Н.А. Любимов и директор Хозяйственного управления Синода А.А. Осецкий. Образовали две подкомиссии: об административном устройении жизни придворных соборов и храмов и причтов при них и о материальных средствах для их дальнейшего существования. Обсуждалось несколько вариантов. Дернов отстаивал необходимость сохранения придворного духовенства в прежнем состоянии, а протопресвитер Любимов высказался за переводение его в подчинение Святейшему Синоду. Любимова поддержал директор синодального Хозяйственного управления Осецкий, добавивший, что при этом содержание придворного духовенства должно осуществляться из государственной (а не церковной) казны. Третий вариант решения судьбы придворных храмов заключался в переводе их в статус приходских³. Никакого решения по этому вопросу ни весной, ни летом, ни осенью 1917 года принято не было.

После Февраля 1917 года новая власть инициировала расследование деятельности представителей царской бюрократии. Этим занималась ЧСК, кроме которой работали также комиссии и ревизии, назначаемые в отдельных

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 10–11.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 67.

³ Там же. С. 82.

министерствах. Ведомство православного исповедания, хоть и стояло несколько особняком от других, но также не избежало внимания со стороны следственных органов в марте–октябре 1917 года. К сожалению, данные материалы долгое время оставались неизвестны исследователям, хотя они добавляют яркие черты к общей характеристике государственно-церковных отношений в России накануне свержения самодержавия, а также позволяют сделать некоторые выводы о том, как воспринималась Православная церковь в революционные месяцы.

В предыдущем разделе уже говорилось об арестах в первых числах марта 1917 года товарища обер-прокурора Синода Н.Д. Жевахова и протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского. Они пробыли под стражей совсем недолго, после чего их отпустили. Никаких специальных расследований в отношении них не производилось, о чем, в том числе, свидетельствует отсутствие их дел в материалах ЧСК. Следующая волна арестов, инициированная, судя по всему, прокурором Петроградской судебной палаты, коснулась служащих центральных учреждений Синода. 16 марта городская милиция явилась в квартиру чиновника особых поручений при обер-прокуроре, управляющего Петроградской синодальной типографией В.А. Тернавцева. Помещения обыскали, а хозяина отправили в Петропавловскую крепость¹. А.В. Карташев сообщил тогда Д.В. Философову, что 17 марта видел в Синоде супругу Тернавцева М.А. Арцимович, которая хлопотала об освобождении мужа². В ночь с 16 на 17 марта были взяты под арест чиновники Канцелярии и Хозяйственного управления Синода, в том числе директор Канцелярии В.И. Яцкевич, инженер-архитектор П.Д. Благовещенский и служащие страхового отдела духовного ведомства А.Н. Метевский и В.Ф. Торгут. На их квартирах произвели обыск. Комментируя эти новости, С.П. Каблуков записал в своем дневнике: «Отлично. Революция освободила Синод от засилья царского, пора его освободить от засилья чиновников, столь же гнусного как и царское. Между тем Яцкевич и его клика уже взяли в свои руки Львова и восстановили его против епископов. У самого

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 88.

² Философов Д.В. Указ. соч. // Звезда. 1992. № 1. С. 148.

Яцкевича рыльце, конечно, в пушку». О Тернавцеве Каблуков заметил только, что он арестован явно по ошибке¹. Через несколько дней, 21 марта, прокурор Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзев направил в Святейший Синод уведомление о том, что служащие в центральном церковном управлении «Яцкевич, Тернавцев, Метевский, Благовещенский и Торгут» освобождены, и «никаких данных, указывающих на препятствие к оставлению их на службе, не обнаружено»². 27 марта Яцкевич получил даже специальное удостоверение о том, что после произведенного у него в ночь с 16 на 17 марта обыска «на основании пункта 8 Временных правил», он отпущен из-под ареста, а «отобранные у него документы и вещи возвращены обратно, в виду отсутствия признаков какого-либо преступного деяния»³. Сразу после этих арестов В.Н. Львов уволил «согласно прошению» бывшего помощника управляющего канцелярией Синода П.В. Мудролюбова и назначил на его место известного церковного историка С.Г. Рункевича⁴.

Не избежал ареста и заблаговременно скрывшийся обер-прокурор Синода Н.П. Раев. Уже после образования Временного правительства, когда большая часть узников покинула министерский павильон, Раев позвонил в Таврический дворец и спросил, как ему поступить. Бывшему обер-прокурору предложили явиться в Думу и добровольно передать все дела В.Н. Львову. После явки Раева отпустили домой, где он находился под надзором милиционера⁵. Примечательно, что этот визит даже не был запротоколирован ЧСК. А 15 мая комиссия вернула коменданту почт и телеграфов поступившие на имя Раева письма с предписанием, что эта корреспонденция «не подлежит задержанию», и к направлению посланий адресату «препятствий не встречается»⁶.

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 89.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 195.

³ Там же. Л. 196.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 25 марта.

⁵ Новое Время. 1917. 10 марта; Петроградская газета. 1917. 11 марта.

⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 3. В документе также отмечено, что письма на имя Н.П. Раева были вскрыты канцелярией ЧСК «по ошибке».

Казалось, в отличие от своих коллег-министров, Раев вышел «сухим из воды» и миновал Февральский переворот без особых волнений. Но вскоре у бывшего обер-прокурора начались неприятности, связанные с его прежней деятельностью: неожиданное продолжение получил скандал по поводу двух бракоразводных процессов 1916 года, которым обер-прокурор в свое время придал заметное «ускорение» в ущерб одной из сторон-участников. Речь шла о разводе доктора Н.С. Безроднова с его супругой, Н.К. Безродновой, и о расторжении брака известного публициста и драматурга князя В.В. Барятинского с княгиней Л.Б. Барятинской (урожденной Яворской, известной театральной актрисой). В обоих случаях мужа обвиняли жен в прелюбодеянии, на что получили встречные аналогичные иски. Петроградская духовная консистория постановила в разводах отказать, но после назначения Раева оба дела неожиданно попали в Синод и оказались рассмотрены 23 сентября 1916 года в пользу супругов. Н.К. Безроднова и Л.Б. Яворская не только оказались опозорены в глазах общества, но церковный суд также наложил на них продолжительный запрет на новое замужество¹.

Оскорбленные женщины решили не сдаваться. Активнее повела себя Безроднова, которая выдвинула против Раева открытое обвинение в преступлениях в соответствии со статьями 338 и 371 Уложения о наказаниях (обер-прокурор в нарушении процедуры не информировал одну из сторон о назначенном рассмотрении дела в Синоде, сам выступил докладчиком и свидетелем по нему и т.д.) Замять инцидент не удалось, и вопрос попал на обсуждение в заседании 1-ого департамента Государственного совета при участии товарища министра юстиции И.Е. Ильяшенко. Было решено провести дальнейшее выяснение обстоятельств, для чего затребовали делопроизводственные бумаги Синода². Видимо, вдохновленная успехом Безродновой княгиня Барятинская также 21 февраля 1917 года подала прошение лично Николаю II, в котором

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 16 об; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 3 – 4 об, 40–42; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 491. Л. 6 – 6 об, 70–80. В обоих случаях Раев оказывался лично заинтересован: с Н.К. Безродновым он находился в дружественных отношениях, а за князя Барятинского «походатайствовал» сам Николай II.

² См. подборку газетных вырезок, собранных С.П. Каблуковым: ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 43. Л. 95 об, 100 об.

обвиняла Раева в превышении полномочий и ходатайствовала о пересмотре решения Святейшего Синода¹. 27 февраля епископ Алексей (Симанский) так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «госпожа Безроднова, как видно из ее письма Раеву, собирается серьезно просить у него удовлетворения. Вот будет “дуэль”!»².

Вскоре после Февральского переворота документы по делу Безродновой попали в ЧСК³. 8 мая Комиссия постановила в двухнедельный срок затребовать объяснений по нему у самого Раева, о чем 11 мая проинформировали бывшего чиновника⁴. 20 мая Раев прислал пространный ответ, в котором упирал на то, что все решения принимались не им, а Синодом. По версии бывшего обер-прокурора, Безроднов имел полное моральное право на апелляцию, так как духовная консистория признала виновными обоих супругов, и жена этого постановления не обжаловала, как бы признав свою вину⁵.

Но простым взятием с Раева объяснений дело не закончилось. 16 мая в Министерство юстиции Временного правительства обратилась и княгиня Л.Б. Барятинская, после чего 20 мая ЧСК запросила в Канцелярии по принятию прошений бумагу, поданную княгиней на имя Николая II⁶. 24 мая 1917 года княгиня подала еще одно заявление против Раева. Она обвиняла бывшего обер-прокурора в том, что тот не известил ее о рассмотрении дела Синодом 23 сентября 1916 года, не отвел документы, подготовленные адвокатом ее мужа – присяжным поверенным Рожиным, – выступавшим в качестве и представителя истца, и свидетеля. Барятинская даже попыталась придать действиям Раева некий политический подтекст. По ее словам, когда она в конце сентября 1916 года в присутствии свидетеля – депутата III Государственной думы Н.К. фон Гюббенета – упрекнула обер-прокурора в нарушении процедур, тот ответил: «Вы правы, это

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 31–33.

² Письма патриарха Алексея своему духовнику. С. 17.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 491. Л. 4 – 6 об.

⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

так и есть, но эти беззакония не составляют угрозы государственной безопасности, а потому я не вижу надобности с ними бороться». На заявление Барятинской о возможном получении взятки Раев сказал: «повидимому Вы и тут правы, но я не понимаю, что за беда, если синодский чиновник получил сто или, скажем, тысячу рублей, ведь оклады их так мизерны, а жизнь с каждым днем безумно дорожает»¹. Барятинская просила провести предварительное следствие и «представить Временному правительству о предании Раева суду за вышеописанные преступные деяния»². 1 июня у бывшего чиновника официально затребовали объяснения и по этому вопросу³.

3 июня ЧСК постановила назначить предварительное следствие по признакам преступления, предусмотренного статьями 338 и 371 Уложения о наказаниях, о «неправосудии по производившимся в Правительствующем Синоде делам о расторжении браков Безродновых и Барятинских»⁴. Примечательно, что речь шла исключительно о нарушениях, допущенных бывшим обер-прокурором, о пересмотре постановлений Синода вопрос даже не поднимался. Когда 24 мая 1917 года Барятинская подала в Министерство юстиции бумагу и против бывшего мужа, обвиняя его в прелюбодеянии (так как у некоей К.М. Матвеевой, якобы, имелась от него дочь Елена), назвав при этом решение Синода несправедливым и незаконным, заявление просто подшили к делу, даже не препроводив копию в Ведомство православного исповедания⁵. А когда 7 июня 1917 года Н.С. Безроднов обратился в ЧСК с просьбой ознакомиться с «содержанием жалобы, поданной в следственную комиссию по бракоразводному делу моей разведенной жены Н.К. Безродновой», ему отказали. На документе имеется однозначная резолюция: «Прошение Безроднова как лица в деле не участвующего оставить без удовлетворения, о чем ему и объявить»⁶.

¹ Там же. Л. 5 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 14–19.

⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

26 июня производство предварительного следствия по обоим процессам поручили «командированному в комиссию» А.Н. Чубинову¹. Он последовательно изучил документы, касающиеся Л.Б. Барятинской, находившиеся в Канцелярии по принятию прошений² и Синоде³. Из последних стало известно, что 8 мая 1916 года князь Барятинский обратился к Николаю II с просьбой о «возможно скорейшем расторжении его брака». Царь начертил синим карандашом следующую резолюцию: «желательно помочь». После этого 27 мая 1916 года Синод поручил епархиальному начальству «во исполнение Высочайшей резолюции» ускорить производство дела, но консистория проигнорировала этот недвусмысленный намек⁴. Параллельно Чубинов собирал материалы (из Государственной канцелярии, Синода и духовной консистории) и опрашивал свидетелей и по делу Н.К. Безродновой⁵.

8 августа 1917 года ЧСК перевела Чубинова на расследование деятельности «Союза русского народа», а дела Безродновой и Барятинской поручили Г.П. Гирчичу⁶. Новый следователь продолжил опросы свидетелей. 11 августа он еще раз взял подробные показания у Н.К. Безродновой⁷, 17 августа встречался с Л.Б. Барятинской, а 22 августа с Н.К. фон Гюббенетом. Что интересно, последний не подтвердил показаний княгини об «откровениях» Раева во время их визита к нему в конце сентября 1916 года. По версии фон Гюббенета, обер-прокурор говорил тогда Барятинской, что все решил не он, а Синод, что «жизнь уже не склеить» и призывал к смирению. Когда она намекнула на то, что князь «был у Раева» и «ускорил дело», обер-прокурор дал уклончивый ответ. Потом Раев, оставшись наедине с фон Гюббенетом (являвшимся ее родственником), просил убедить княгиню «бросить это дело»⁸.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 2; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 491. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 81. Л. 35.

³ Там же. Л. 38 об (Протокол осмотра от 10-11 июля 1917г.)

⁴ Там же. Л. 38 об.; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 47–56.

⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 491. Л. 7–27.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 88 – 88 об., 92.

Гораздо более ценными для Гирчича оказались показания непосредственного участника заседания Синода 23 сентября 1916 года экзекутора Н.И. Покровского. Тот отметил, что, во-первых, рассмотрение обоих бракоразводных дел было назначено на этот день «в срочном порядке», по чьему приказанию, неизвестно. Во-вторых, в ходе самого заседания после того, как Покровский «доложил о фактической стороне» дела Барятинских, поднялся Раев и заявил, что экзекутор ничего не упомянул о «высочайшей резолюции». Далее слово взял архиепископ Черниговский Василий, подчеркнувший, что у супругов нет детей, а Барятинская сама подавала иск против мужа, а, значит, желала развода. Более обсуждений по существу не последовало, архиереи постановили брак расторгнуть. Следующее дело – Безродновых – Покровскому вообще не дали озвучить, так как Раев объявил, что оно уже слушалось 2 сентября и повторять его не надо. А митрополит Питирим высказался, что хоть епархиальное начальство и вынесло решение о сохранении брака, но оно «было убеждено в необходимости его расторжения, если судить по совести, то брак следует расторгнуть». Прений не последовало¹.

23 августа 1917 года свои показания дали ЧСК бывший товарищ обер-прокурора Синода Н.Ч. Зайончковский (занимавший этот пост с 6 сентября 1915 по 15 октября 1916 годов) и протопресвитер А.А. Дернов. Зайончковский назвал дела «грязными» и подтвердил, что Раев в начале сентября 1916 года действительно их продвигал, причем в интересах супругов². По-видимому, Гирчич решил побеседовать со всеми возможными свидетелями, и запросил духовное ведомство о местонахождении бывших членов Синода и чиновников его канцелярии. Узнав, что большинство из них находится в Москве на Поместном Соборе, он через ЧСК поручил следователю Московского окружного суда по особо важным делам В.Г. Громову провести опросы, и, в частности, выяснить, как проходило заседание Синода 23 сентября 1916 года, являлось ли оно экстренным, были ли докладчики, оба ли дела озвучивали и как вел себя тогда обер-прокурор

¹ Там же. Л. 89–91.

² Там же. Л. 93 – 94 об.

Раев¹. В соответствии с предписанием Громов встречался в сентябре 1917 года с архиепископом Симбирским Вениамином (Муратовским), епископом Иннокентием (Ястребовым) и другими лицами². Из свидетелей, находящихся в провинции, удалось получить показания ранее служившего в Синоде секретаря Харьковской духовной консистории П.В. Лебедева³ и проживающего в Валдайском монастыре Новгородской епархии епископа Рязанского Димитрия. По мнению последнего, Раев не оказывал «особого давления» на дела Безродновой и Барятинской. Зато имелось его активное вмешательство в освобождении от наказания бывшего vikария Рязанской епархии епископа Михайловского Исидора, которого Синод при Волжине и митрополите Владимире запретил в богослужении «за неприличное поведение»⁴.

10 октября 1917 года в ЧСК вновь обратилась княгиня Барятинская, настаивая, что в свершившемся в отношении ее «неправосудии» виноват именно Раев⁵. К этому моменту бывший обер-прокурор уже уехал на Кавказ, поскольку никаких санкций в его отношении не предпринималось. Последняя бумага в материалах ЧСК о Раеве – постановление следователя Ф.П. Симсона от 1 ноября 1917 года об объединении дел Барятинских и Безродновых в «одно производство»⁶. Дальнейшего расследования, очевидно, не проводилось, так как ЧСК фактически перестала существовать. Октябрь сделал для бывшего обер-прокурора то, что не совершил Февраль: наконец избавил от преследования за «неправосудие» по бракоразводным делам.

Другое расследование в отношении высшего представителя Ведомства православного исповедания – митрополита Питирима и его приближенных, – проводилось не в рамках ЧСК, но также обладало официальным статусом. Его инициатором выступил обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов, который

¹ Там же. Л. 101; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.

² Там же. Л. 6–8.

³ 7 октября 1917 года. См.: там же. Л. 26.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 491. Л. 90.

⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 490. Л. 107–110.

⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 492. Л. 28.

после провала провозглашенного им в конце марта следствия в отношении архиепископа Черниговского Василия (об этом речь пойдет ниже), видимо, не оставлял идеи проведения громкого резонансного дела против кого-нибудь из православных иерархов.

11 апреля 1917 года министр-председатель переправил В.Н. Львову записку монахов Киево-Печерской Лавры о необходимости участия монашества «в деле строительства церковной жизни на началах нового государственного строя» и с предложением провести ревизию Лавры и других крупных монастырей «в экономическом и нравственном отношении». Премьер всецело одобрял эту идею, дослав 10 мая обер-прокурору подборку финансовых документов обители, из которых следовало наличие растраты более 2,5 тысяч рублей с «кружечных» поступлений за 1916 год¹. Инициатива киевских монахов пришлась по душе и обер-прокурору, однако начинать решили со столицы. В Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре, являвшейся до переворота резиденцией Питирима, в апреле 1917 года также состоялось несколько собраний ее «насельников», в ходе которых было решено ходатайствовать перед Синодом об обращении Лавры в ставропигию², смене наместника и проведении ревизии³. 5 мая В.Н. Львов официально предложил Синоду образовать ревизионную комиссию для обследования Александро-Невской Лавры, что и осуществили указом от 6 мая. Комиссию возглавил епископ Сердобольский Серафим (Лукьянов), его ближайшим помощником стал директор синодального Контроля М.А. Дьяконов. Их наделили правом привлечения в комиссию других лиц и устранения от должностей насельников Лавры⁴. Одновременно Синод уволил весь состав Духовного собора монастыря, включая наместника архимандрита Филарета. На его место временно назначили епископа Елисаветградского Прокопия (Титова).

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 2–3.

² То есть переподчинение монастыря центральной церковной власти, а не епархии.

³ К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 32.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 24.

Указом от 26 мая было введено в действие новое «Положение об Александро-Невской Лавре», переподчинившее ее непосредственно Святейшему Синоду¹.

Однако проводимой духовными властями проверки обер-прокурору показалось мало. Он связался с министром юстиции П.Н. Переверзевым, предложив назначить в состав ревизионной комиссии еще некоего «особого представителя», который бы занялся своим собственным параллельным расследованием. Переверзев 18 мая предложил кандидатуру судебного следователя по особо важным делам П.А. Александрова, и 30 мая Синод своим определением утвердил его участие в комиссии как «представителя обер-прокурорской власти»². Интересно отметить, что чуть позже, осенью 1917 года, Александров занимался делом В.И. Ленина, в том числе 5 октября в течение нескольких часов допрашивал А.М. Горького³. А 20 октября 1917 года прокурор Петроградской судебной палаты по поручению министра юстиции попросил военные власти в случае ареста ими Ленина «доставить его следователю Александрову»⁴. Это свидетельствует о том, что ему, как правило, поручали самые «резонансные» направления.

Вероятно, В.Н. Львов предполагал подключить Александрова к расследованию деятельности всех «одиозных» епископов⁵, но весной 1917 года задачей «особого представителя» стало изучение «распутинских злодеяний», имевших место до революции в Александро-Невской Лавре. При этом Александров не испытывал никаких сомнений относительно того, что от него ожидаются именно громкие разоблачительные материалы. С самого начала объектами своего пристального внимания следователь выбрал «распутинский

¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 9–10.

² Александров взял себе в помощники судебного следователя П.А. Тераевича (Тарасевича?) и еще двух служащих. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 11, 13.

³ Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. 7 октября. С. 6.

⁴ Распоряжение об аресте Ленина // Новая жизнь. 1917. 20 октября. С. 3.

⁵ Так, в июне 1917 года В.Н. Львов заявил журналистам, что он предложил «особой следственной комиссии» расследовать деятельность митрополита Питирима, архиепископа Василия (Богоявленского) и епископа Макария (Гневушева), а также протоиерея И.И. Восторгова. Обер-прокурор подчеркнул, что «комиссия приступила к работе». См.: Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 195. С. 204–205.

кружок» – митрополита Питирима и его приближенных. Член ревизионной комиссии С.П. Каблуков прямо отметил в своем дневнике, что «Александров с двумя подручными» занимался Питиримом, наместником Филаретом, «экономистом» Афанасием и «Питиримовским другом» И.З. Осипенко¹. Однако, как уже говорилось, к моменту начала ревизии Питирим с ведома и при поддержке правительства уже уехал на Кавказ, а с митрополитом, по-видимому, отбыл и Осипенко. Архимандрита Филарета еще до начала ревизии 6 мая 1917 года Синод уволил с занимаемой должности, и летом того же года бывший наместник Лавры скончался². Таким образом, итогом расследования Александрова действительно могло стать именно выявление каких-то фактов, призванных возбудить общественный резонанс, а не реальное привлечение виновных к административной или уголовной ответственности. После апрельского кризиса правительству весьма пригодились бы скандальные сведения, демонстрирующие «язвы» павшего самодержавного строя.

Ревизия длилась с 16 мая по 14 июля 1917 года³. Александров, взявшийся за дело с небывалым энтузиазмом, жаловался, что отведенного ему времени явно недостаточно для «проведения всестороннего расследования». Особенно его беспокоил факт юридической неопределенности его статуса: обер-прокурор не известил его ни об объеме предоставленных полномочий, ни о порядке работы, в результате чего роль следователя, по его словам, носила чисто осведомительный характер. «В моих руках не было средств и способов, которые вообще необходимы для раскрытия злоупотреблений, – писал Александров. – При отсутствии каких-либо инструкций, предоставляющих мне известные права, я лишен был возможности обязывать лиц явкой для дачи показаний, лишен был возможности производить (в случае надобности) обыски и, если лица и приглашались для сообщения необходимых сведений, то явка их и дача сведений

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 46. Л. 158. На самом деле, как следует из отчета П.А. Александрова, эконом Афанасий его практически не интересовал. Хоть Афанасий и был близок к о.Филарету, но, видимо, являлся слишком мелкой фигурой для громкого разоблачения.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 18.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 46. Л. 158.

в виде опросов носила чисто добровольный характер»¹. Тем не менее, Александрову отвели для работы помещение в Зимнем дворце (следственную комнату № 19), и он сумел опросить значительное количество свидетелей, в том числе сотрудников центральных учреждений Синода, монахов Лавры, прислугу, швейцаров, водителей, поваров, кучеров и т. д.² Собранные материалы (протоколы допросов и осмотров, доклады, отношения, справки и пр.) составили довольно внушительный том³. По заключению Александрова, они свидетельствовали «о расстройстве некоторых отраслей ведения хозяйства» Лавры и «злоупотреблениях», а также давали достаточно оснований для возбуждения уголовного преследования против виновных в них лиц⁴.

Свой отчет о проделанной работе Александров начал с оценки общего положения обители, сложившегося при митрополите Питириме. Как писал следователь, «Питирим приблизил к себе Лаврского эконома Филарета, предоставив ему место высокое наместника Александро-Невской Лавры. Кроме того, исключительное положение при бывшем митрополите Петроградском занимал его «личный» секретарь Иван Зиновьевич Осипенко, числившийся по Красному Кресту как подлежащий отбыванию воинской повинности и состоящий заведующим Лазаретом Александро-Невской Лавры для раненных воинов»⁵. Далее отмечалось, что «в митрополичьи покои почти ежедневно, в полуночные часы, через боковые Лаврские ворота, подъезжали автомобили с сановниками, военными и штатскими лицами, а также и женщинами. Особо частыми гостями Преосвященного Питирима были Протопопов, Штюмер, Григорий Распутин, Манасевич-Мануйлов, Вырубова и др.» Это не могло не мешать нормальной жизни обители, особенно «светское пение» в покоях митрополита. Престарелого эконома Митропольичего дома архимандрита Евгения Питирим уволил с должности, исключил из числа членов Духовного

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 20.

² В их числе журналиста И.Ф. Манасевича-Мануйлова.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–181.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 3–4.

собора Лавры и лишил казенной квартиры, так как «Распутин и Вырубова заподозрили, что он подглядывает»¹.

Большая часть собранных Александровым сведений, однако, не могла иметь никаких правовых последствий для Питирима, разве что общественное осуждение. Действия митрополита, в том числе нарушение монастырского устава, теоретически подлежали рассмотрению духовного суда, но Александров не имел к нему никакого отношения. Единственным реальным обвинением Питирима стала информация о присвоении им значительных денежных сумм, предназначавшихся на нужды Лавры. Оклад митрополита состоял из фиксированных 4000 рублей в год и одной трети с чистой прибыли монастыря. Однако этой прибыли в предреволюционные годы не было, в 1912–1913 годах вообще имелся дефицит монастырской сметы, и предшественник Питирима митрополит Владимир никакого дополнительного содержания не получал. Тем не менее, в октябре 1916 года архимандрит Филарет потребовал на заседании Духовного собора Лавры выплатить Питириму одну треть не с чистой прибыли, а с доходов вообще. Собор сначала отказался, но Филарет заявил, что директор Хозяйственного управления Синода А.А. Осецкий уже разрешил выплатить преосвященному данным порядком 70 000 рублей. Тогда члены Собора «из страха» подписали соответствующее постановление, а казначей Лавры Гедеон в тот же день подал прошение об отставке. Вскоре Питириму выдали указанную сумму из поступлений от продажи могильных мест и аренды лаврских земель, составивших как раз 70 327,39 рублей². Впоследствии Осецкий сообщил, что никакого разрешения он Филарету не давал³. Кроме того, доходы монастыря за январь–октябрь 1916 год составили 172 143,90 рублей, то есть даже при предлагаемом Питиримом порядке расчета треть должна была составить всего 57 381,30 рублей.

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 11. По словам А.А. Осецкого, архимандрит Филарет действительно приезжал к нему осенью 1916 года с вопросом о выделении Питириму доходов от оброчных статей Лавры. Однако директор Хозяйственного управления ответил ему, что согласно указу Синода от 29.03.1897 года митрополит должен получать треть с «чистой прибыли», а не с валового дохода. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 58–59 об.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 11.

В феврале 1917 года Питирим затребовал себе третью часть доходов Лавры за ноябрь-декабрь 1916, которая по его подсчетам равнялась 14 117,07 рублей. 5 марта, находясь в монастырской больнице, митрополит пригласил к себе секретаря канцелярии П.И. Тихомирова и вручил ему бумагу с постановлением Духовного собора и собственной резолюцией «согласен, 01.03.17». При этом Питирим произнес: «хотя я раньше и не желал бы получить этих денег, но при настоящих обстоятельствах я бы не отказался». Митрополит, кроме того, передал Тихомирову бумагу с резолюцией о выдаче И.З. Осипенко по 100 рублей в месяц за заведование Лаврским лазаретом с начала 1917 года¹. В выдаче всех этих сумм Питириму отказали².

Про наместника Лавры отца Филарета также удалось собрать немало сведений, большую часть которых составляли, конечно же, сплетни и слухи. Прежде всего, многие свидетели указали на наличие у монаха «гражданской жены» – престарелой почитательницы Г.Е. Распутина А.Г. Гущиной. Александров вызвал ее для допроса в Зимний дворец 9 июня, но Гущина прислала бумагу, что находится в провинции и не может явиться из-за болезни³. Так что ни опровергнуть, ни подтвердить данную информацию следователь не смог. Зато он собрал материалы о других – хозяйственных – злоупотреблениях эконома. Выяснилось, что отец Филарет установил 10% «откат», который требовал со всех, кто получал от монастыря заказы на проведение каких-либо работ. Об этом имелись показания подрядчиков. Квартиры в лаврских домах «в некоторых случаях» также предоставлялись за взятки⁴. Завещанную монастырю вдовой статского советника Кривошеина шкатулку с драгоценностями, оцененную в 1200 рублей, Филарет распродал, как он отчитался, за 620 рублей, причем покупателями, возможно, не по собственной воле, стали, в том числе, писарь Духовного собора, эконом отец Афанасий и подрядчик Николаев⁵. Еще одно

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 40.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 31–32.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

«деяние» наместника – распродажа по заниженным ценам имущества принадлежавшей монастырю «Митрополичьей дачи», находившейся около станции Преображенская Варшавской железной дороги (ныне станция Толмачево). Скот ни с того ни с сего продали некоему голландскому подданному Оскару Никампу, о чем даже не уведомили заведующего имением иеромонаха Платона. Сам Никамп впоследствии сообщил, что ради этой сделки ему пришлось дать Филарету взятку¹. Интересно отметить и то, как по словам очевидцев вел себя Филарет после ареста митрополита Питирима 28 февраля 1917 года: «наместник сразу переменялся как к Питириму, так и к Осипенке, а раньше были хорошие, теплые отношения»².

Про «личного секретаря» Питирима И.З. Осипенко Александров отметил, что тот, «несмотря на свое скромное сторублевое содержание, вел праздную жизнь, разъезжая постоянно на предназначенных для нужд Лавры лошадях, проводил совместно с Григорием Распутиным время в обществе женщин, не стесняясь даже привозить их и в стены Лаврской обители»³. На допросе 25 мая 1917 года директор канцелярии обер-прокурора Яцкевич сообщил, что одни считали Осипенко сыном Питирима, а другие «усматривают между ними еще более “близкие” отношения»⁴. Кроме этих слухов Осипенко уличили в «присвоении» в августе и декабре 1916 года мяса из подведомственного ему лазарета на сумму более 500 рублей. В добавление к этому, он ежедневно поставлял закупаемое для лазарета молоко Г.Е. Распутину⁵.

Единственное событие из жизни Александро-Невской Лавры, случившееся после отъезда Питирима, на которое обратил внимание следователь – это пропажа 9 882,76 рублей, предназначенных для уплаты государственного налога с лаврских недвижимых имуществ. Деньги находились в столе в келье правителя дел Духовного собора отца Всеволода, их «посредством подобранного ключа»

¹ Там же. Л. 15.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 40 – 40 об.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–6.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 31.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 17.

похитили «злоумышленники», проникшие в помещение 17 апреля 1917 года. Несмотря на то, что как раз в данном случае происшествие действительно можно было попытаться распутать по горячим следам, тем более что грабители явно имели информатора из числа насельников монастыря (иначе, откуда они могли узнать о том, где искать деньги), Александров не проявил к этому никакого интереса. Он только связал произошедшее с «общей бесхозяйственностью», воцарившейся в Лавре при Питириме и выразившейся в отсутствии точного распределения обязанностей между монахами (отец Всеволод кроме канцелярии занимался еще и финансами), недостатке контроля, а также в том, что «нет точных сведений о наличии всего недвижимого имущества»¹.

По известным причинам П.А. Александров не стал сообщать в отчете и о ряде других «растрат», обнаруженных во время ревизии: об изъятых обер-прокурором В.Н. Львовым 5 000 рублей и вывезенных солдатами 28 февраля 26 000 рублей, а также ничего не сказал о самовольной реквизиции военным ведомством 21 марта 1917 года здания Певческого корпуса монастыря. Все эти факты подчеркивали «бесхозяйственность», но свидетельствовали не против уже совершенно безобидных Питирима и его свиты, а против самих революционных властей.

О результатах своего расследования Александров сначала устно доложил в комиссии по обревизованию Лавры, а потом приступил к составлению пространного письменного отчета. Закончил он его только 8 октября 1917 года, когда В.Н. Львова давно уволили с поста обер-прокурора Синода, а Временное правительство было занято совсем другими делами. В условиях нараставшего общегосударственного кризиса расследование преступлений павшего монархического режима уже мало кого интересовало. Документы так и не опубликовали, и никакого громкого разоблачения или вообще какого-либо резонанса по итогам расследования П.А. Александрова не последовало. В вышедшем 14 декабря 1917 года указе Синода хоть и говорилось о выявленных в процессе ревизии «несоответственном состоянии религиозно-нравственной

¹ Там же.

жизни» и «весьма многочисленных случаях нарушений со стороны бывших членов духовного собора Лавры», но прямо персонажи доклада П.А. Александрова не упоминались¹.

Хотя указанные расследования и не привели к возбуждению дел по уголовным или административным правонарушениям, но они ясно показали проблемные стороны в жизни церкви, связанные с бюрократизацией, хозяйственным произволом и утратой нравственных ориентиров у высших чиновников Ведомства православного исповедания. Полученные факты только подтвердили тот негативный образ «ведомства», который высмеивали на своих страницах либеральные и социалистические газеты. А собранные слухи свидетельствовали об утрате уважительного отношения к церкви со стороны простых людей. Кроме перечисленных следственных действий в 1917 году имели место ревизии, назначенные единолично обер-прокурором или Святейшим Синодом, они касались деятельности епархиальных управлений, монастырей и отдельных духовно-учебных заведений. Они носили узкий внутриведомственный характер, хотя их результат нередко оказывался во многом сходным.

В то время как Временное правительство продолжило управлять церковью и взаимодействовать с ней, создававшиеся повсеместно советы проявили к религии весьма прохладное и даже настороженное отношение. Имеется, пожалуй, только один случай обращения советских учреждений за помощью к духовенству в 1917 году: 8 сентября Исполнительный комитет Псковского губернского Совета крестьянских депутатов попросил Синод разрешить проведение церковного сбора в пользу крестьянских организаций и прочесть с амвона воззвания об этом в соборах и церквях Псковской епархии². Советская система изначально не предполагала никаких структур, связанных с регулированием религиозных вопросов. Так, 3 марта Исполнительный комитет Петроградского Совета постановил образовать ряд профильных комиссий в своем составе, в том числе

¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 18.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 104 об.

продовольственную, железнодорожную, почтово-телеграфную, финансовую, автомобильную, литературную, по издательско-типографским делам и другие¹. В списке этих советских «протоминистерств» не было ни одного, так или иначе касавшегося церкви. Эту внеконфессиональную позицию совет также наглядно продемонстрировал при проведении торжественных похорон погибших в дни Февраля. 5 марта 1917 года на общем собрании совета депутаты постановили, что церемония будет «всенародной» и «общегражданской»: «без церковного обряда, каковой будет совершен родственниками убитых по их усмотрению...»² Планировалось проведение праздника, в котором участвовало бы все население города и все части Петроградского гарнизона в полном составе при знаменах и музыке. Местом захоронения определили Дворцовую площадь, а затем (на собрании 10 марта) – Марсово поле. Петроградское духовенство обратилось в совет с просьбой разрешить участвовать в похоронах, но получило отказ³.

Особые усилия к тому, чтобы включить духовенство в программу торжеств, приложил протоиерей К.М. Аггеев (Агеев). 15 марта он встретился в Таврическом дворце с лидером Петроградского Совета меньшевиком Н.Д. Соколовым и пытался убедить его в правильности своей точки зрения. Однако Соколов ответил, что «решение уже принято», и предложил духовенству на второй или третий день после похорон сказать на братской могиле речь («в первый день будто бы речей не бывает»)⁴. Тогда Аггеев поехал к Д.В. Философому и попросил выписать ему свидетельство от Петроградского религиозно-философского общества о том, что он выбран в Совет рабочих и солдатских депутатов и делегатом на похороны. Получив нужный документ, Аггеев отправился к обер-прокурору Львову, видимо, рассчитывая на его поддержку. Однако затея не удалась⁵.

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 82.

² Там же. С. 146.

³ См. Измозик В.С. Марсово поле – пантеон участников второй российской революции 1917-1921 гг. // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». СПб., 2002. С. 371.

⁴ Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 148.

⁵ Там же.

Торжественные похороны состоялись 23 марта 1917 года, в четырех братских могилах похоронили 184 (по другим данным 178, 181) человек¹. Церемония носила светский характер. Все гробы обили красной материей, в глубокие канавы их опускали с помощью лестниц под звук залпов орудий Петропавловской крепости. На Марсовом поле присутствовали члены Временного правительства (в том числе военный министр Гучков), Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, представители политических партий и общественных организаций. Духовенство к участию в церемонии так и не допустили. Как отметил Л.М. Спириин, «впервые на Руси обряд совершался без попов. Хоронили под оркестр с красными знаменами»². Никаких протестов в отношении произошедшего со стороны православного духовенства, как это было, например, в случае с похоронами солдат и красногвардейцев на Красной площади 10 ноября 1917 года, не последовало. Крестные ходы к братской могиле на Марсовом поле и церковная панихида на ней состоялись только 11 апреля 1917 года, в день Радуницы³. Примечательно, что в это же время начал муссироваться вопрос о необходимости строительства в Петрограде крематория. Бывший гласный Городской думы Ф.И. Ландерен обратился с этим предложением в санитарную комиссию, мотивируя тем, что теперь «всякие религиозные ограничения» устранены, а крематорий позволит сэкономить и средства для захоронений и земельные площади⁴.

Сильнейшее давление со стороны Петроградского Совета по конфессиональному вопросу Временному правительству пришлось испытать в связи с принятым им 7 марта текстом присяги. Он включал клятву «перед Богом и своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству», обязательство «повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа Учредительным собранием», «повиноваться всем поставленным...

¹ См. Измозик В.С. Указ. соч. С. 371.

² Спириин Л.М. Россия 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 107.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 11 апреля.

начальникам». Присяга заканчивалась словами: «В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем...» Для магометан предусматривалась другая концовка: «Закрываю сию мою клятву целованием преславного Корана»¹. 12 марта 1917 года вышел приказ по Петроградскому военному округу, подписанный Л.Г. Корниловым, о необходимости принесения присяги «в ближайшие дни», начиная с 15-го числа. Приказ заканчивался словами: «с Богом за дружную горячую работу»². Однако против утвержденной правительством формулировки присяги, в том числе против ее конфессионального характера, активно выступил Петроградский Совет³. На заседании солдатской секции 12 марта большевик П.А. Красиков (Павлович) заявил: «здесь есть недостатки, которые нарушают свободу вероисповеданий, которую они (Временное правительство – А.С.) нам гарантировали, здесь говорится "лица христианского вероисповедания", "клянемся перед богом"... Вера есть дело свободной совести, кто хочет верить в бога – пусть верит, не хочет – не верит, это свободное дозволение вашей души. Кто верит в бога, тот и будет думать о нем, когда присягает»⁴. Секция постановила начать переговоры с Временным правительством о выработке новой формы присяги, существующую считать недопустимой, а в тех частях, где к ней солдаты уже приведены, считать ее недействительной⁵.

15 марта Военная комиссия ВКГД разослала в разные учреждения телефонограмму о том, что «указания относительно приведения к присяге воинских чинов» будут даны ею дополнительно. Но и в начале апреля никакого ясного ответа от нее по этому поводу не последовало⁶. 16 марта на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета прозвучало, что Временное

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 9 марта; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 марта; Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 50.

² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 131. Л. 19 – 19 об.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 марта. Другой претензией к тексту присяги являлось то, что она недостаточно воспевала завоевания революции.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Том 1. С. 282.

⁵ Там же. С. 288–289.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 131. Л. 18 – 18 об.

правительство «признало ошибочным изданный приказ о присяге без ведома Исполнительного комитета» и «согласно, чтобы до Учредительного собрания войска к присяге не приводились»¹. 19 марта члены ИК Петроградского Совета опять озвучили, что правительство готово отменить уже дважды опубликованный текст присяги, и в качестве компромисса хотят предложить ему принять соответствующий декрет². В тот же день «Известия Петроградского Совета» опубликовали письмо в редакцию от члена Совета рабочих и солдатских депутатов от команды писарей главного интендантского управления М.И. Дроздова, заявившего, что введенная присяга ущемляет даже христиан – «свободных граждан обновленной России». «Давать обещания и клясться всемогущим Богом – позорно и гадко...», так как Христос призывал «не клясться вовсе», – писал Дроздов³. В документах Петроградского Совета имеется также датированный 20-м марта 1917 года и заверенный подписью К.А. Гвоздева текст присяги солдат и офицеров, представляющий собою некий компромиссный вариант: фразы об обещании «перед Богом» и «осеняю себя крестным знаменем» взяты в скобки, а ниже указано, что они произносятся только желающими принести религиозную присягу. Все прочие могли дать торжественное обещание без этих слов⁴.

9 марта 1917 года обер-прокурор В.Н. Львов официально сообщил членам Синода новую форму присяги, после чего иерархи постановили объявить ее «для исполнения по духовному ведомству». Однако, на данном определении рукой кого-то из чиновников канцелярии приписано, что оно «не состоялось»⁵: видимо, вследствие трений с Петроградским Советом. 18 марта Львов письменно запросил Керенского предоставить ему «форму присяги», на что товарищ министра юстиции А.С. Зарудный 28 марта ответил, что «таковой текст еще не

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Том 1. С. 341.

² Там же. 1993. С. 387.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 марта.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 123. Л. 4.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 54. Л. 53.

установлен»¹. Тем не менее, на запрос архиепископа Тамбовского Кирилла о том, нужно ли участие духовенства в приведении к присяге по новой форме, Львов 19 марта ответил: «участие духовенства в приведении присяге необходимо»². 5 апреля на посвященном взаимоотношениям с правительством заседании Исполкома Петроградского Совета член контактной комиссии В.П. Богданов заявил, что в деле о присяге совет уже потерпел поражение: «...Многие считали, что это один из вопросов, на который давать боя не следовало... Я не вижу, как мы можем победить в этом вопросе. Нужно найти почетный выход. Нельзя забывать, что часть армии к присяге уже приведена»³. 7 апреля солдатская секция Петроградского Совета вновь вернулась к этой теме «ввиду настойчивых запросов из частей», постановив выяснить, действительно ли Временное правительство обещало не приводить к присяге еще не присягавшие части. «Если таковой договор существует, то Исполнительная комиссия считает безусловно необходимым предать это широкой гласности»⁴. Однако, вопрос так и остался в подвешенном состоянии. Видимо, правительство просто успокаивало совет обещаниями, которых не собиралось выполнять. По крайней мере, отмена существовавшей «вероисповедной системы» общества в самых ближайших планах не значилась. Тексты присяги министров Временного правительства, произнесенной Сенату 15 марта, и присяги для лиц, принимающих российское гражданство, утвержденной правительством 9 июня 1917 года, также содержали клятву «перед Всемогущим Богом»⁵. А согласно информации «Известий Петроградского Совета», в апреле Департамент духовных дел МВД предложил дополнить утвержденный 7 марта текст присяги окончанием для караимов:

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 9, 19.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 52.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. В 5-ти тт. Том 2. 1 апреля – 5 мая 1917 г. СПб., 1995. С. 38, 49.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Том 2. С. 78.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства: Том 1. С. 73; Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 2. Май-июнь 1917 года. М., 2002. С. 233.

«закключаю сию мою молитву целованием слова Божия Закона Святыя Библия и нижеподписуюсь»¹.

Духовенство оказалось в затруднительном положении еще и потому, что к нему действительно по-прежнему часто обращались для приведения к присяге: священники подавали для целования крест и евангелие, а при массовом приношении клятвы – устраивали крестные ходы и служили молебны². Некто «Штатный» писал в «Известиях по Казанской епархии», что до 4-х раз в неделю ходил по приглашениям приводить к присяге: «то раненных воинов, находящихся в госпиталях, то здоровых», «совершал “привод к присяге” и по требованию врачей, заведующих госпиталями, и по требованию госпитальных попечителей, а также по требованию командиров воинских частей. Приходилось приводить к присяге православных, католиков и протестантов. Требования разных лиц, таким образом, я выполнил». В то же время автор задавался вопросом, а нужно ли было ему, священнику, отзываться на все эти просьбы, и правильно ли он все совершал по форме (с крестом и евангелием). «Действительно, судя по тексту вновь выработанной присяги, где ни о святом кресте, ни о святом евангелии не упоминается, а, затем, на основании примера принятия присяги самим Временным правительством от сенатора “Врасского”, а не от Архипастыря или пастыря» Штатный заключил, что «настоящая присяга есть чисто политический акт, а не церковный»³. Видимо, по этим же соображениям епископ Алексей (Симанский) в Новгороде отклонил просьбу военного начальства о приведении к присяге войск, вместо этого духовенство провело на площади перед уже присягнувшими солдатами торжественный молебен, окончившийся вручением полку от горожан красного знамени под звуки «Марсельезы»⁴. Возникали также сомнения в ценности самой присяги в связи с тем, что бывший император находился в добром здравии. Так, некие «православные христиане» попросили в марте 1917 года Святейший Синод разъяснить, «что означает в предстательстве

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 апреля. С. 3.

² Бабкин М.А. Указ. соч. С. 183.

³ Известия по Казанской епархии. 1917. № 15–16. С. 214–215.

⁴ Письма патриарха Алексея своему духовнику. С. 28.

перед Господом Богом присяга, данная нам на верность Царю, Николаю Александровичу? У нас идут разговоры, что ежели эта присяга ничего не стоит, то ничего не будет стоять и новая присяга новому царю»¹. Такие мысли имели довольно широкое распространение: например, епископ Омский и Павлодарский Сильвестр 10 марта 1917 года даже публично зачитал молитву «На разрешение связующих себя клятвою», чтобы избавить верующих от прежней верноподданнической присяги².

При всей «внеконфессиональности» Петроградского Совета, совсем не касаться религиозного вопроса и не общаться с духовенством он, конечно, не мог. В марте его «Известия» охотно публиковали сообщения, касавшиеся разных религиозных общин: приветствие ВКГД и лично М.И. Скобелеву от бакинских молокан³, объявление о собрании старообрядцев федосеевцев⁴ и т. д. А 12 марта газета поместила статью, озаглавленную «Отделение церкви от государства и школы от церкви», озвучивавшую принципы одноименного декрета, принятого Советским правительством год спустя. Провозглашая необходимость полной свободы совести, включая свободу «в неверии», статья провозглашала следующее: «религия должна быть частным делом людей... Никакая церковь, никакое вероисповедание, никакой культ не должен быть соединен с государством, с властью, не должен быть ею поддерживаем или порицаем». Верующие должны сами объединяться в религиозные общины, собирая между собой пожертвования. Но при этом «ни одна копейка государства не должна тратиться на церковь. Ни один священник не должен быть поддерживаем властью в своей деятельности». Далее автор настаивал на том, что «никакая церковь не

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 128

² Бабкин М.А. Указ. соч. С. 178

³ Голос сектантов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 марта. Молокане – религиозное направление, распространившееся в России как один из противовесов официальному православию и не признающее многих аспектов культа (в том числе, почитания святых, поклонения иконам, крестного знамения, клира и др.) При Александре I признано «особо вредной ересью». Имело множество региональных особенностей.

⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 марта. Федосеевцы – беспоповское направление в русском старообрядчестве. Их характерными особенностями являлись безбрачие, убежденность в совершенной испорченности Российского государства и наступлении царства антихриста, отрицание моления за царя.

должна иметь права преподавания своего учения в школе. Ни одна школа не должна находиться в ведении какого бы то ни было духовенства», а обучение религии родители могут организовать на дому. Вслед за этим заявлялось о необходимости перехода всех церковных зданий в собственность государства, но оговаривалось, что храмы могут уступаться в пользование православным общинам по их желанию. Выдвигалось требование законодательно признать общеобязательным гражданский брак и похороны, а церковные обряды объявить факультативными. Все это, по мысли статьи, избавит общество «от постоянного навязчивого засилья духовенства, которое в большинстве – черносотенное, всегда помогало свергнутому правительству в его злодейской деятельности»¹. Под статьей не было указано фамилии автора, но, как показывают более поздние документы, им являлся В.Д. Бонч-Бруевич².

Большинство членов Исполнительного комитета Петроградского Совета, представленное меньшевиками и эсерами или симпатизирующими им, не поддерживало требование немедленного проведения в жизнь социалистических лозунгов об отделении церкви от государства. Их позицию ярко характеризует описанный тем же Бонч-Бруевичем эпизод из времен III Государственной думы, когда он принес на обсуждение социал-демократической фракции проект резкого выступления по церковному вопросу. Лидер меньшевиков – а в 1917 году глава Петроградского Совета – Н.С. Чхеидзе заявил тогда: «как же мы заявим, что мы атеисты. А что скажут нам крестьяне, на которых мы кое-где опираемся. Что скажут нам наиболее отсталые слои рабочих... Нам просто об этом надо умолчать, как это делают немцы. По возможности будем издавать брошюры, говорить, просвещать, так к этому вопросу и подойдем – потихоньку и

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 марта. Интересно, что по поводу этой статьи 1 октября 1917 года приходской совет Еланской Духосошественской церкви Аткарского уезда Саратовской губернии постановил выразить горячий протест Совету рабочих и солдатских депутатов, так как «на это полномочий ему никто не давал», и, следовательно, это – «выступление кучки людей, которые оскорбляют и возмущают сердца верующих». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 239.

² Бонч-Бруевич В.Д. Отделение церкви от государства // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. В 3-х тт. М., 1959-1963. Т. 1. М., 1959. С. 244–245.

помаленьку. А так, батенька, прямо в лоб нельзя»¹. Некоторые лидеры «революционной демократии» даже пытались использовать религиозное мироощущение простого народа для объяснения идей социализма. Так, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская обратилась в апреле 1917 года к крестьянам селения Шунги Костромской губернии с речью, в которой поблагодарила их, что они доставили ей «огромное счастье» помолиться вместе с ними за борцов, павших за свободу. «Темные силы... возбуждают крестьянство нелепыми слухами, будто в демократической республике все золотые кресты на церквях будут перечеканены на монету, все колокола медные перельют на пушки... – заявила Брешко-Брешковская. – Божественный учитель наш Христос оставил нам великое учение, которое... начинается словами “люби ближнего своего как самого себя”... Подумайте, граждане, кто ближе ко Христу: тот ли, кто каждый воскресный день ходит в церковь и кладет поклоны, или тот социалист, который жизнь свою положил за други свои...»²

В среде солдат и рабочих имелись и настроения, призывающие прославлять героев революции из числа служителей культа. Например, 26 июня в Петроградский Совет написал солдат 5 армии Иван Колосов, потребовавший «напомнить кому следует» о двоих пострадавших за правду представителях духовенства. По словам автора письма, епископ Сергей (Тихомиров) – «это тот первый светильник слова Божия, который был приглашен рабочими Путиловского завода в 1905 году отслужить панихиду по расстрелянном лейтенанте Шмидте». За это архиерея лишили епископского сана и отправили миссионером в Токио. Другой – епископ Антонин, который в 1905 году с церковного амвона высказался против самодержавия, также лишился кафедры. 17 июля ЦИК Советов направил письмо Колосова обер-прокурору Синода³. Реакции на это со стороны церковного руководства не последовало.

¹ Бонч-Бруевич В.Д. По поводу моей статьи «Наша церковная политика» // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. В 3-х тт. М., 1959–1963. Т. 1. М., 1959. С. 215.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 293.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 107–108; ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 38.

Несмотря на то, что после отстранения царя церковь была переподчинена Временному правительству, многие представители духовенства и верующие фактически признавали авторитет и власть Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Об этом свидетельствуют, прежде всего, приветственные телеграммы, присланные в его адрес. Например, 1 мая 1917 года «свободно избранные» представители Воронежского епархиального собрания обратились в Петроградский Совет с телеграммой о том, что они «приветствуют уничтожение старого режима, раскрепощение от вековых уз нашей Православной церкви и призывают всех к единению, ко взаимной любви, к честному разумному строительству новой свободной жизни свободного русского народа и к водворению так нужных теперь мира и порядка»¹.

В Петроградский Совет поступали и довольно-таки глубокие по содержанию письма, например датированное 5 марта 1917 года обращение иеромонаха Валаамского монастыря Асофия. Выступая против недоброжелателей, призывающих уничтожить «тунеядцев монахов и их монастыри», автор задавался вопросом: неужели свобода совести означает насилие? «Монастыри – рассадники культуры и все, что называется культурой, зарождалось в монастырях... – писал Асофий. – Говорят о социализме, но монастыри им и живут... Там все общее». Далее автор послания заверил, что «монастыри первые протянут руку, как и все духовенство нашей дорогой обновленной Родины, новому правительству и достойно потрутся самоотверженно в насаждении лучшего порядка и культуры при свете Евангелия для своих братьев-граждан». На прозвучавшую в конце письма фразу «неужели будут насилие по отношению к инокам», кто-то из членов Петроградского Совета начертал резолюцию: «Личный ответ – никаких насилий. Вопрос о монастырях решится в Учредительном собрании»².

24 апреля 1917 года в Исполком Петроградского Совета (а также и к обер-прокурору Синода) телеграммой обратился член Общества религиозно-

¹ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 53. Д. 5. Л. 62.

² ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 24 – 25 об.

нравственного просвещения С. Булатов, пожаловавшийся на «ставленника Питирима» настоятеля Исаакиевского собора протоиерея Н.Г. Смирягина, который препятствовал желанию приходского братства обсуждать церковные дела и избрать нового настоятеля. Но далее Булатов заявил, что в храмы «никто не должен вносить политики и дело властей следить чтобы там не было никакой политики». Автор настаивал на том, что «наша христианская церковь основана на камне и в поддержке людской не нуждается... Прошу в церкви Божией не вешать никаких правительственных распоряжений ибо церковь дом есть молитвы куда верующие идут молиться господу»¹.

Датированное 12 апреля 1917 года пространное письмо некоего Н. Фатова из села Дмитриево Рязанской губернии убеждало Петроградский Совет в том, что «церковь контрреволюционна, а обер-прокурор В.Н. Львов – реакционен», и необходим более «энергичный контроль Совета рабочих и солдатских депутатов». «Почти все архиереи и священники – бывшие черносотенники», которые «сейчас притихли», но у них «1000 способов дискредитировать новый строй», – заявлял Фатов и требовал немедленного устранения духовенства от ведения актов гражданского состояния². Письмо просто подшили в архив.

В столицу стекались и другие предложения с мест. Некий гражданин П.И. Бочкарев направил в Петроградский Совет свой «Прожект устройства порядка в республиканском Русском государстве», в котором заявлялось, что «земли принадлежащие монастырям, церквям и костелам, должны быть отчуждены безвозмездно, так как эти земли дарственные, а не купленные». При этом владения помещиков Бочкарев предлагал выкупать малыми частями³. А в Томске при Губернском народном собрании образовалась комиссия по церковным делам, доклад которой утвердили 9 мая в качестве законопроекта для Временного правительства. Члены собрания посчитали необходимым проведение немедленного отделения церкви от государства, упразднения действующей

¹ Там же. Л. 27.

² Там же. Л. 55 – 59 об.

³ ГАРФ. Ф. Р 6978. Оп. 1. Д. 652. Л. 10.

бюрократической системы епархиального управления (в том числе, духовных консисторий и благочиний «с передачей их дел туда, куда будет указано предстоящим... епархиальным съездом духовенства и мирян») и освобождение духовенства от ведения актов гражданского состояния. «Венчание, крещение и отпевание производится духовенством по правилам веры для тех, кто эту веру признает, но обращение к духовенству добровольно и ни для кого не обязательно», а «расторжение браков есть дело общероссийского закона, равно как и установление прав внебрачных детей». Согласно законопроекту государство должно перестать финансировать церковь, и все учебные заведения кроме специальных духовных (семинарий и академий) необходимо передать светскому министерству. При этом церковные здания и имущества предлагалось передать приходу, предоставив ему полную свободу самоорганизации, а монастыри «как трудовые общины или благотворительные учреждения, организуемые на началах и во имя религии, могут существовать не противореча общегосударственным законам». Однако все монастырские «излишки» предполагалось изъять на нужды народного образования¹. Вскоре после заседания Губернского собрания последовал указ Томского временного комитета общественного порядка и безопасности о привлечении всех монашествующих на полевые работы при их монастырях или в селах, указанных уездными исполнительными комитетами². Епископ Томский Анатолий спешно телеграфировал в Синод, спрашивая, действительно ли он может игнорировать все эти постановления, раз они не подтверждены высшей властью³. Примечательно, что томский законопроект от 9 мая Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов переправил 10 августа 1917 года на рассмотрение Московского Совета. Однако ответ гласил, что церковные дела не входят в его компетенцию, и «вопрос об отделении церкви от государства Советом рабочих депутатов еще не ставился»⁴.

¹ РГИА. Ф.796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 529. Л. 8 – 11 об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 1 – 6 об.

В то же время многие простые граждане (да и представители духовенства) нередко исходили из того, что советы во главе с Петроградским (а впоследствии – Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов) должны навести порядок и в самом духовном ведомстве. Жалобы оказывались самыми разнообразными, вплоть до самых мелочных. Например, 25 апреля 1917 года граждане села Лукмоса Спасского уезда Рязанской губернии попросили Петроградский Совет удалить местного дьякона П.В. Соловьева, который задирали цену за требы, присваивал себе доходы из банки и требовал предоплаты процентов с заемщиков-крестьян¹. А вдова протоиерея А.К. Смирнова попросила Петроградский Совет назначить ей пособие по случаю дороговизны².

Как показывает анализ документов, все поступавшие в Петроградский Совет и касающиеся церкви прошения и заявления не выносились на обсуждение его общего собрания или секций, а передавались в Юридический отдел³. Большинство из них затем просто пересылали обер-прокурору Синода и сменившему его министру исповеданий. Так, весной-летом за подписью Чхеидзе были направлены в духовное ведомство приговоры сельских советов о выборах на местах священников⁴, а также жалобы на их «неправильность»⁵. Особую категорию представляла корреспонденция о «контрреволюционных» епископах и священниках⁶, которая также передавалась обер-прокурору⁷. Часто

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 723. Л. 31-31 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 88 об.; ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 15.

³ К сожалению, исследователям пока не удалось обнаружить фонды документов Следственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов весны-лета 1917 года. Возможно, там имелись дела в отношении представителей православного духовенства, обвиняемых в контрреволюционных выступлениях. По крайней мере, в бумагах Министерства исповеданий указано, что в августе 1917 года из Следственной комиссии в министерство было передано дело об арестованном священнике Екатеринбургской епархии Евгении Ландышеве. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 88.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 21.

⁵ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 18.

⁶ Например, в августе ВЦИК Советов переправил обер-прокурору прошение граждан селения Никольского и солдат Иковской волости об удалении местных пастырей, а также жалобу гражданина Василия Иванова на священника Иоанна, Троицкого прихода Псковской губернии. См.: ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 18, 37.

⁷ 3 августа 1917 года Всероссийский Совет крестьянских депутатов даже обратился в Синод с прошением об увольнении на покой преосвященного Нижегородского Иоакима. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 88.

Петроградский Совет просил известить его о принятых мерах или об удовлетворении авторов ходатайств. Так, в июле 1917 года пересылая Львову письмо Климовского сельского Исполнительного комитета Вербовской волости Балтского уезда Подольской губернии с жалобой на местного священника, совет «выразил уверенность», что ее рассмотрение «не замедлит во времени и что прихожане будут поставлены в известность о результате»¹. В том же месяце Юридический отдел Петроградского Совета переправил в епархиальный училищный совет прошение «бывшего учителя Герасимова» с просьбой удовлетворить ходатайство, «если к тому имеются законные причины»². 19 августа ЦИК Советов р. и с. д. переслал в Министерство исповеданий заявление граждан города Владимира о незаконном удалении с Владимирской кафедры архиепископа Алексия (Дородницына) и прошение прихожан церкви села Никольского Фатежского уезда об удалении приходского священника Николая Иванова³.

По некоторым письмам Юридический отдел иногда посылал просителям короткие ответные телеграммы. В них больше всего поражает отсутствие идеологизированности, присущей речам делегатов на заседаниях совета или в Исполнительном комитете. Юристы комментировали поступающие заявления по существу и давали рекомендации в рамках действующего законодательства, не пытаясь придать делам какого-либо революционного оттенка. Например, на жалобу некоего гражданина А. Бернадского на действия священника (ее суть в документах не раскрывается) Юридический отдел порекомендовал просителю обратиться к мировому судье с иском по статьям 134 и 142 Устава о наказаниях. Отдел добавил, что «ответ по суду всегда предпочтителен жалобе по начальству»⁴. По похожему письму от гражданина Семена Лащенко в мае 1917 года Петроградский Совет сообщил, что просителю необходимо обратиться к обер-прокурору Святейшего Синода и к прокурору Окружного суда: «первый

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 33.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 91 об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 27.

рассмотрит правильность действий Быстрицкого, как священника, а второй может привлечь его к ответственности, если Быстрицкий совершил обще-уголовное преступление»¹. «Гражданину-солдату» Терентию Радкевичу Юридический отдел коротко отписался: «с жалобой на священника Вам нужно обратиться к обер-прокурору Святейшего Синода»².

Особо необходимо отметить поступавшие в Петроградский Совет прошения и жалобы от представителей духовенства. В течение весны–лета 1917 года Юридический отдел терпеливо пересылал подобные ходатайства обер-прокурору Синода: 6 апреля от некоего иеромонаха Агафона³, 10 мая – священника Григория Коваленкова⁴, 12 мая – монаха Куренкова⁵. В мае 1917 года Н.С. Чхеидзе переправил в Синод прошения братии Климовского Покровского монастыря и монахинь Староладожского Успенского женского монастыря, а в августе – петицию братии Енисейского Спасского мужского монастыря о содействии к упорядочению всех сторон монастырской жизни⁶. 11 августа 1917 года обер-прокурору от Чхеидзе поступило прошение священника Ксенофонтова⁷. А 7 июня Юридический отдел Петроградского Совета переслал ходатайство священника Павла Матозанова председателю Медынской уездной земской управы, попросив оказать содействие автору письма, «если фактическая сторона соответствует действительности»⁸.

Интересен ответ Юридического отдела ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов от 30 июня 1917 года псаломщику Савицкому, вступившему в конфликт со священником: «...жаловаться Вы должны отцу благочинному. Что же касается суда чести, то таковой может иметь место только по взаимному согласию сторон». Далее юристы разъясняли процедуру: «Если обе стороны

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 45.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 3, 13.

⁵ Там же. Л. 7, 14.

⁶ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 7, 15; РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 88 об.

⁷ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 17, 19.

⁸ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 23.

согласятся на такой суд, то каждая сторона указывает своего арбитра / требует судью, последние же сами пригласят третьего. Суд должен быть на месте, дабы он имел возможность получить исчерпывающий материал по делу». Юридический отдел добавил, что «если священник не согласится на третейский суд, то можно привлечь его к уголовной ответственности за оскорбление на общих основаниях. Суд определит размер наказания, и духовное начальство приведет приговор в исполнение»¹.

Надо отметить, что обер-прокурор В.Н. Львов тоже уделял должное внимание советам и выдвигаемой ими новой системе революционных дат, теснящих ранее существовавшие религиозные праздники. Указами Львова день похорон жертв революции 23 марта и Первое мая (по старому стилю – 18 апреля) объявлялись неприсутственными по всем центральным учреждениям Синода². А 2 апреля И.Г. Церетели сообщил членам Исполкома Петроградского Совета, что обер-прокурор «просил пропустить его» на предстоящее Всероссийское совещание Советов, так как «он был убежден, что [он должен быть]»³.

Авторитет Петроградского Совета не преминули использовать и некоторые криминальные элементы, попытавшиеся от его имени «реквизировать» в собственный карман причтовые капиталы. Так, 11 июля 1917 года настоятелю Нессятской Свято-Преображенской церкви Бобруйского уезда Минской епархии (станция Бацевичи) Исполком Совета сообщил, что его председателем является вовсе не тот, кто требовал наличность, а Чхеидзе. «Несомненно, что в данном случае налицо попытка путем угроз и шантажа с именем Совета РиСД получить с Вас некоторое количество денег», – писал ИК⁴. Одновременно Юридический отдел совета проинформировал о данном обращении прокурора Судебной палаты города Минска⁵.

¹ Там же. Л. 31.

² Вестник Временного правительства. 1917. 23 марта.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Том 2. С. 25.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 43.

⁵ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 35.

Хотя с правовой точки зрения Февральский переворот 1917 года и не изменил положения Православной церкви в России, но фактически он осуществил кардинальный перелом, связанный с тем, что церковное учение, ранее воспринимавшееся как официальная государственная идеология, потеряло этот статус и внезапно оказалось под натиском враждебно настроенных к его догматам идей. Более того, прежнее господствующее положение стало для церкви источником нападков и критики. И важным обстоятельством здесь являлось даже не то, что лозунги об отмене вероисповедных ограничений и свободе совести могли реализовываться только за счет ущемления православия. С этим духовенство готово было смириться. Но речь шла о переосмыслении всего мировоззрения, предлагавшегося церковью, и возможности установления новой социальной модели, отрицающей ее ценность как общественного института.

Многие представители клира почувствовали эти быстро распространяющиеся настроения и пытались реагировать на них. Например, петроградский священник К. Семенов призвал к активной работе миссионеров, отметив, что «особенно тяжелое и сильное напряжение приходится переживать пастырю, в приходе которого живут и действуют организации “инакомыслящих” – общины сектантов, старообрядцев или поселились атеисты»¹. А в неофициальной части первого после переворота номера «Новгородских епархиальных ведомостей» один из авторов на основании пункта программы правительства об «уничтожении вероисповедных ограничений» сделал вывод, что «государство предполагает отказаться каким-либо внешними мерами охранять православие»². В опубликованной осенью 1917 года статье петроградского протоиерея Николая Каменева происходящее было названо «социалистическим террором для Святой Церкви». Протоиерей ссылаясь на письмо с фронта бывшего учителя церковно-приходской школы, заявлявшего, что «религия, то есть христианство, как отжившее свое время, тормозит обновление народной жизни, покровительствуя буржуазному классу, мешает установить разумные отношения

¹ Семенов К. Где вы // Известия по Петроградской епархии. 1918. № 28–29 от 14 июля. С. 10.

² Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 5 от 1–15 марта. С. 248.

между людьми, революционизировать их на социалистических началах свободы, равенства и братства». В ответ Каменев объявил, что нужно, издавая популярные брошюры, «научно бороться с клеветой социализма», называющего религию результатом зависимости человека от природных условий¹. Однако, для того чтобы придать силу церковному слову, сначала необходимо было вернуть авторитет церковной организации и ее служителям. А для этого требовалось то, что в то время именовалось «оживлением»: устранение «подведомственного» состояния и излишней бюрократизации церкви и привлечение к участию в ее жизни широких масс верующих. В марте 1917 года этот процесс только начинался.

Итак, с 27 февраля 1917 года после образования ВКГД (а чуть позже – Временного правительства) и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (сначала только «рабочих депутатов») в России можно говорить не просто о создании двух центров управления государством, а о сосуществовании и развитии двух параллельных государственных моделей – либеральной (буржуазно-демократической) и советской (социалистической).

После Февраля церковь продолжала существовать в виде Ведомства православного исповедания, включенного в структуру государственного аппарата, возглавляемого «буржуазным» Временным правительством. Что же касается параллельно формирующейся советской системы, там изначально действовал принцип невмешательства в дела церковного управления, то есть, по сути, отделения церкви от государства. Лидеры Петроградского Совета и ВЦИК I созыва лишь в крайних случаях при получении информации об активных «контрреволюционных выступлениях» духовенства предпринимали какие-то действия. При этом поступающие ходатайства и заявления, касавшиеся церкви, просто пересылались обер-прокурору Синода или непосредственному духовному

¹ Каменев Н., протоиерей. Социалистический террор для Святой Церкви // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 44–45 от 11 ноября. С. 9–11.

начальству. Нет ни одного документа о политическом давлении со стороны Петроградского Совета на Временное правительство по церковному вопросу.

2.3. Обер-прокурор В.Н. Львов и Святейший Синод в марте – апреле 1917 года. Решение вопроса о центральной власти в церкви

Свержение самодержавия, хотя и поставило под вопрос значение религии в государственной жизни, но формально не изменило положения Православной церкви в России. Вместе с тем, отсутствие императора – «блюстителя правосерия и всякого в Церкви святой благочиния» – не могло не вызвать вопрос о дальнейших принципах внутрицерковного управления. Ведь если царь по закону должен был исповедовать православие, то к Временному правительству таких требований никто не предъявлял. И здесь решающее значение имела позиция нового (как тогда называли «революционного») обер-прокурора Святейшего Синода – Владимира Николаевича Львова¹. Прежде всего, нужно оговориться, что в его появлении в правительстве вряд ли стоит усматривать какую-либо интригу: его предопределила прежняя политическая деятельность Львова². Так, В.В. Шульгин в своих воспоминаниях рассказывал, что вопрос о кандидатуре на обер-прокурорский портфель не вызвал у ВКГД никаких затруднений: «Прокурор Святейшего Синода?.. Конечно же Владимир Николаевич Львов. Он такой “церковник” и так много что-то “обличал” с кафедры Государственной думы»³. Шульгину вторил М.В. Родзянко, замечая, что В.Н. Львов получил свой пост как «знаток церковных дел, постоянный председатель комиссии Государственной думы по церковным делам»⁴. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов народный социалист А.А. Демьянов сообщал, что Львов – один из немногочисленных «правых элементов» – попал в правительство исключительно благодаря своей прежней деятельности по обличению «неурядиц» в царском

¹ См. его личное дело в фонде Государственной думы: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 458.

² Интересен изданный в 1914 году своего рода «программный труд» В.Н. Львова, в котором будущий обер-прокурор Синода предлагал свои варианты процедуры принятия органами государственной власти законов, касавшихся церкви. Впрочем, в 1917 году данные предложения, включавшие императора и Государственную думу, утратили актуальность. См.: Львов В.Н. Правовое положение церкви православной в русском государстве. СПб., 1914.

³ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 489.

⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 312.

правительстве: «в Думе он боролся с духовной рутиной и злоупотреблениями по управлению церковью»¹. П.Н. Милюков, повествуя о формировании правительства, постоянно ссылаясь на списки «министерства доверия», ходившие в либеральной среде в 1915–1916 годах. Один из таких списков 13 августа 1915 года опубликовала газета П.П. Рябушинского «Утро России», а всего в распоряжении историков на данный момент имеется не менее шести вариантов состава будущего «народного кабинета». Должность обер-прокурора Святейшего Синода упоминалась не во всех, но там, где она была, напротив нее неизменно значилась фамилия Львова².

Большинство современников в своих воспоминаниях весьма низко оценили личные и профессиональные качества В.Н. Львова. В.Д. Набоков охарактеризовал его как человека, «одушевленного самыми лучшими намерениями», но в то же время «наивного» и «крайне легкомысленного»³. Сходную характеристику дал Львову С.И. Шидловский: «ему во всякую минуту могла прийти в голову любая мысль, утром – левая, вечером – черносотенная, и он всецело ей отдавался до следующей смены мыслей»⁴. В то же время Шидловский признался, что «при всей невозможности с ним (В.Н. Львовым – А.С.) делать дела, он всегда оставался человеком порядочным и на сознательную гадость неспособным»⁵. А.Ф. Керенский писал, что «будучи глубоко набожным человеком, Львов был глубоко возмущен влиянием Распутина в высших церковных кругах. За пять лет нашего совместного пребывания в Думе мы с ним стали хорошими друзьями и, несмотря на его вспыльчивость, он нравился мне прямою и искренностью». Тем не менее, Керенский далее отметил, что, став премьер-министром, он «не просил

¹ Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 2 (3-4). М., 1991. С. 57.

² Коваленко Н.А. Февральская революция и образование Временного правительства // Историки размышляют. М., 1999. С. 56–96. Вместе с тем, еще до революции в Совете министров неоднократно поднимался вопрос о роли в его составе обер-прокурора. Согласно статье 285 «Устава духовных консисторий» (издания 1883 года) обер-прокурор являлся всего лишь «блюстителем за исполнением законодательных постановлений по духовному ведомству», хотя на самом деле его компетенция была намного выше. См.: Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 168; Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 140.

³ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. С. 54–55, 57.

⁴ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 63.

⁵ Там же. С. 64.

Владимира Львова остаться в составе кабинета»¹. С.П. Каблуков написал в своем дневнике, что обер-прокурор не понравился ему «своей надменностью и малой толковостью»². Самый суровый отзыв о Львове принадлежит П.Н. Милюкову. Он писал, что тот был «долговязым детиной с чертами дегенерата, легко вспыхивающим в энтузиазме и гневе и увеселяющим собрание своими несуразными речами»³. А.В. Смолин, изучавший воспоминания В.Н. Львова в связи с корниловщиной, заключил, что образ Львова как человека недалекого и легкомысленного специально создавался кадетами и их единомышленниками. Это делалось для того, чтобы «обелить» Л.Г. Корнилова. В кадетских публикациях корниловский мятеж сводился к «недоразумению, которое произошло из-за путаника В.Н. Львова, который не так все понял и действовал по собственной инициативе»⁴. О том, что оценка профессиональных качеств «революционного» обер-прокурора была искусственно занижена современниками, отметили Т.Г. Фруменкова⁵ и П.Г. Рогозный⁶.

Общий курс церковной политики «революционного» обер-прокурора являлся продолжением его деятельности в III и IV Государственных думах. В качестве председателя Комитета по делам Православной церкви, В.Н. Львову не раз приходилось сталкиваться с нежеланием царского правительства и Синода допускать думцев к обсуждению церковных вопросов. В парламент поступали лишь незначительные дела: утверждение новых кредитов на содержание учителей церковно-приходских школ, на повышение окладов служащим в духовных

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 238.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 45. Л. 78.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 296.

⁴ Смолин А.В. Воспоминания В.Н. Львова как источник по истории Корниловщины // Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической Революции. Л., 1987. С. 96.

⁵ Фруменкова Т.Г. Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Святейшего Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. СПб., 1996. С. 77.

⁶ Рогозный пишет, что «черная легенда» об «антицерковной деятельности» обер-прокурора В.Н. Львова была создана на Поместном Соборе. См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 7.

семинариях и училищах и т.д.¹ В то же время Львов наряду с другими членами Комитета по делам Православной церкви (А.В. Смирновым, В.П. Шеиным, Г.Т. Алферовым, В.А. Потуловым и др.) не раз поднимал вопрос о необходимости немедленных реформ епархиального управления и прихода². Увольнение в 1915 году либерального обер-прокурора А.Д. Самарина³, попытавшегося высказать свое слово против «темных влияний», привело Львова к мысли о необходимости наделения обер-прокуратуры дополнительными полномочиями. 29 ноября 1916 года Львов выступил с самой обстоятельной своей речью по вопросам православия. Он критиковал обер-прокурора Н.А. Волжина, который, якобы, по наущению Распутина добился создания должности второго товарища обер-прокурора и взял на нее «черносотенца» Н.Д. Жевахова. Львов обвинил присутствующих в Синоде православных иерархов в бездействии, вызванной боязнью поднять свой голос против вмешательства в церковные дела политики. «Отечество в опасности и церковь в опасности», – заявил тогда Львов. По его словам, церковью правила «темная воля», проявлявшаяся в том, что митрополит Петроградский Питирим разъезжал по России и вербовал в члены Совета министров, а в Москве за спиной дряхлого митрополита Макария протоиерей И.И. Восторгов предал духовному суду выступившего против Распутина священника Востокова⁴. В то же время, как только Востоков по приглашению епископа Уфимского Андрея прибыл в его епархию, гонения прекратились. Свою

¹ Государственная Дума. Созыв IV. Сессия 1–2. Комитет по делам православной церкви. Представления министров и доклады по ним. Пг., 1914; Государственная Дума. IV созыв. Сессия 3–4. Комитет по делам православной церкви. Представления министров и доклады по ним. Пг., 1917.

² Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Стлб. 1205–3502. Заседания 17–37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.) Пг., Государственная типография, 1916. Стлб. 2175, 2197, 2260, 2297, 2305, 2313, 2360, 2368, 2378; Приходской вопрос в IV Государственной Думе. Спб., 1914. С. 4.

³ См. Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия. 1861–1917. М., 1992. С. 41–42; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.). М., 2002. С. 433–437.

⁴ Оставивший свои яркие воспоминания о московском духовенстве конца XIX – начала XX века преподаватель Московской духовной семинарии Н.П. Розанов называл миссионера И.И. Восторгова «великим везирем» и «первым министром» митрополита Макария (Невского), переведенного из Томска в Москву по наущению Г.Е. Распутина. Священник В.И. Востоков выступил против «старца» в статьях в своем журнале «Отклики на жизнь», а также в проповедях. В 1915 году Востокова перевели из Москвы и лишили благословения на издание журнала. См.: Розанов Н.П. Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией. Подготовка текста и публикация М.И. Одинцова // Ученые записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Выпуск 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000. С. 131, 158.

речь Львов закончил следующими словами: «Если в самом скором времени Святейший Синод не изменит своего лица... то, я думаю, наступит день разрухи Православной церкви»¹. Таким образом, взгляды первого обер-прокурора Временного правительства на церковные реформы сводились к необходимости устранения «распутинского наследия» в персональном составе православной иерархии и привлечения к активному участию в церковной жизни широких масс клира и верующих мирян.

При разработке своих конкретных мероприятий Львов опирался на идеи прогрессивных церковных объединений. Из старых, существовавших еще во времена Предсоборного Присутствия и Предсоборного Соборания, наиболее заметными были «Группа 32-х»² и «Союз прогрессивного петроградского духовенства». Оба они приветствовали Временное правительство и «уничтожение цезарепапизма» и призвали клириков и мирян активно включиться в дело построения новой России и новой свободной церкви. «Союз прогрессивного петроградского духовенства» даже рекомендовал своим членам идти на фабрики и заводы с проповедью христианской любви³. Наиболее левыми церковными организациями стали образовавшиеся в марте 1917 года «Союз церковного единения» (СЦЕ) и «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» (ВСДПДиМ). Во главе СЦЕ стояли петроградские священники П. Кремлевский и Г. Сербаринов, а в программе главной целью значилось объединение православного клира и верующих в обновленной церкви, построенной на свободных началах. ВСДПДиМ возглавлялся членом Думы из фракции прогрессистов священником Д.Я. Поповым, союз привлек в свои ряды таких видных общественных деятелей, как протоиерей А.И. Введенский и профессор Б.В. Титлинов. Программа ВСДПДиМ далеко выходила за рамки чисто церковных вопросов. Основной постулат («демократизация») включал в себя

¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стлб. 1-1758. Заседания 1-25 (1 ноября 1916 г. – 25 февраля 1917 г.). Пг., Государственная типография, [1917]. Стлб. 611–615.

² См. о группе «32-х священников»: Ореханов Георгий, иерей. На пути к Собору: церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. С. 90–118.

³ Титлинов Б.В. Указ.соч. С. 59.

демократизацию политическую (республика, народовластие), социальную (уничтожение сословий, равноправие женщин, абсолютная свобода мысли, слова и совести, обязательное бесплатное обучение в низшей школе и бесплатная средняя и высшая школа, преподавание на родном языке), экономическая (справедливое отношение между трудом и капиталом, равномерное распределение земных благ между всеми)¹. ВСДПДиМ развил активную деятельность: организовывал публичные выступления, лекции и диспуты, издавал статьи². Именно это объединение вызвало наибольшие симпатии В.Н. Львова³. Обер-прокурор предоставлял казенные помещения для собраний ВСДПДиМ и сам довольно регулярно их посещал⁴. Видимо, не без его помощи обращение и программу Союза поместил на своих страницах официальный «Вестник Временного правительства»⁵. Большим влиянием на обер-прокурора пользовались также отдельные церковные и общественные деятели, имеющие репутацию «прогрессивных»: протоиерей К.М. Аггеев, Н.Д. Кузнецов, А.Д. Самарин, а также члены Государственной думы протоиереи Ф.Д. Филоненко и А.В. Смирнов и др. Некоторые из них впоследствии получили должности в высшем церковном управлении. Можно согласиться с выводом К.В. Ковырзина о том, что, вероятно, не столько обер-прокурор рассчитывал на авторитет этих людей для поддержки своей политики, сколько они пытались использовать обер-прокурора в деле «церковного освобождения»⁶. Основной чертой всех «левых» церковных течений

¹ Там же. С. 60.

² Введенский А.И. Указ. соч. С. 34. В связи с деятельностью ВСДПДиМ и подобных ему организаций Б.И. Колоницкий совершенно справедливо отметил, что «движение религиозного обновленчества развивалось под воздействием “моды на социализм”». См.: Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 64.

³ В номере от 29 марта 1917 г. «Вестник Временного правительства» поместил обращение ВСДПДиМ с основными тезисами его программы.

⁴ Член Синода протопресвитер Г.И. Шавельский написал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Около нового "революционного" обер-прокурора Св. Синода образовался кружок священников - христианских социалистов; на улицах Петрограда... можно было видеть одну группу, возглавляемую молодым священником... На тряпке – конечно, красной – этой группы красовалась надпись: "свободная церковь"». См.: Шавельский Г.И. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 115.

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 29 марта.

⁶ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 18. Петроградский протоиерей И. Острогорский жаловался на то, что в либеральных церковных кругах в марте–апреле 1917 года критику в адрес В.Н. Львова встречали «с недоумением и явным недоброжелательством». При этом обер-прокурору готовы были простить даже его некоторую грубость в общении. Когда на Всероссийском

была идея о необходимости упразднения или, по крайней мере, умаления «епископского самодержавия». В этом же русле мыслили и «либеральные» профессора университетов и духовных академий. Так, профессор П.В. Верховской опубликовал 8 апреля 1917 года в «Биржевых ведомостях» открытое письмо к епископам Православной российской церкви с призывом «подражать Христу в служении миру» и не пользоваться своей руководящей ролью для господства над клиром и мирянами в духе мирского начальства»¹. А Д.В. Философов записал в своем дневнике, что они 18 марта 1917 года «долго перебирали архиереев, нашли всего два приличных»². Негативное отношение к епископату полностью разделял и новый обер-прокурор. И хотя 4 марта он объявил об окончании времен угнетения церкви «всякими светскими влияниями», себя к этим «светским влияниям» он определенно не относил.

Пока речь шла о признании нового строя, обер-прокурор и Синод были единодушны. В первые дни шло знакомство подчиненных с вновь назначенным начальником, а также решались некоторые общие организационные вопросы. Например, управляющий Московской синодальной типографией А.С. Орлов 6 марта 1917 года прислал своим сотрудникам из Петрограда телеграмму следующего содержания: «сегодня представился обер-прокурору Синода Львову. Приветствую типографию с новой жизнью в свободной родине»³. В это же время исполняющий обязанности главы типографии отправил от имени всех служащих и рабочих приветственное обращение к комиссару ВКГД по городу Москве члену Государственной думы М.В. Челнокову⁴.

съезде духовенства и мирян в Москве в июне 1917 года Острогорский поставил перед президиумом вопрос о полномочиях на съезде Львова, протоирей Цветков заявил: «Здесь говорят против обер-прокурора; что же такое обер-прокурор? Он очень любезный человек». См.: Острогорский И., протоирей. Преддверие собора // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 35 от 25 августа. С. 7–8. Примечательно, что близкая к В.Н. Львову ВЦОВ обозвала Острогорского за его нападки на обер-прокурора «Лениным в церкви». См. Ленины в церкви // ВЦОВ. 1917. 25 мая.

¹ Биржевые ведомости. 1917. 8 апреля (утренний выпуск).

² Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 148.

³ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1917. Д. 85. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

После того, как 5 марта премьер-министр князь Г.Е. Львов возложил на председателей Губернских земских управ обязанности Губернских комиссаров Временного правительства и поручил им провести реформирование полиции в милицию, В.Н. Львов разослал всем епархиальным преосвященным уведомление об этом и просил их сообщить обстановку на местах¹. Ответ имеется только от архиепископа Воронежского Тихона (Никанорова), гласивший, что в епархии все спокойно, кроме города Острогожска, где во время прошедших беспорядков «между прочим разгромлены три церковные лавки»².

Столкновения В.Н. Львова и членов Святейшего Синода начались из-за кадровой политики. Первые решения в этом направлении не вызвали разногласий: в заседании Синода 6 марта архиереи утвердили отставку митрополита Питирима с назначением ему пенсии 4000 рублей в год из церковных средств. В качестве местопребывания митрополиту по его просьбе определили Владикавказскую епархию, обитель на горе Бештау или подворье того же монастыря в Пятигорске. 6 марта Синод без особых колебаний подписал определение об увольнении на покой «распутинцев» епископа Исидора (Колоколова), а 7 марта – архиепископа Тобольского Варнавы (Накропина), тем более что прошение последнего, поданное еще в 1916 году, уже имелось³. Вместо Варнавы на тобольскую кафедру назначили епископа Гермогена (Долганова)⁴. Следующим по убеждению обер-прокурора должен был уйти со своего поста митрополит Московский Макарий, но с ним возникла заминка. Чтобы убедить 80-летнего архиерея подписать прошение об увольнении на покой, Львов «кричал и топал ногами» и даже угрожал заключить его в Петропавловскую крепость⁵. В результате Макарий сдался и

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 8. Документ датирован 16 марта 1917 года.

² Там же. Л. 13.

³ Церковные ведомости. 1917. № 16 от 28 апреля. С. 4.

⁴ По общему признанию, епископ Гермоген являлся мучеником, пострадавшим за критику Г.Е. Распутина. В 1912 году по настоянию Николая II епископа уволили с Саратовской кафедры и заключили в Жировитский монастырь. В годы Первой мировой войны Гермогена перевели в Николо-Угрешский монастырь в Москве. См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 63. Примечательно, что при назначении Гермогена в Тобольск в марте 1917 года о необходимости проведения выборов епархиального архиерея никто не говорил.

⁵ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 116. См. также об увольнении Макария: Михайлов М.Э. О причинах увольнения митрополита Макария (Невского) с Московской кафедры в 1917 году // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 2. С. 77–81.

подписал, но члены Синода отказались принять это прошение как поданное не по собственной воле¹. Архиереи понимали, что следующими кандидатами на увольнение являются они сами.

6 марта Львов предложил членам Синода вызвать в Петроград епископа Уфимского Андрея, на что архиереи ответили согласием². На следующий же день стала ясна цель этого приглашения: в газетах появились известия о назначении епископа Андрея новым столичным митрополитом³. Полагая, что за этим стоит обер-прокурор, Синод возмутился, поскольку никакого согласия на назначение кого-либо на место Питирима не давал. С точки зрения церковных канонов недопустимым являлся не только факт назначения на столичную архиерейскую кафедру (что сравнивалось с худшими временами распутинщины), но и то, что епископ Андрей по произволу светской власти мог получить сан митрополита. В то же время по Петрограду поползли слухи о том, что кроме епископа Андрея В.Н. Львов вызвал в Петроград и архиепископа Пензенского Владимира⁴, что невольно связывалось с попыткой уволить на покой Макария. 7 марта Синод обратился к обер-прокурору с просьбой довести до сведения Временного правительства, что «церковь никогда еще не переживала такого давления власти», и что назначение митрополитов обер-прокурором или даже самим «Советом министров» помимо Синода с точки зрения православных канонов недопустимо⁵. На это Львов ответил, что он «облечен властью Исполнительным комитетом Государственной думы, и что он не сложит своих полномочий, так как не считает синодских иерархов представителями церкви»⁶.

О том, что данный инцидент имел довольно-таки широкий общественный резонанс, свидетельствует телеграмма от 9 марта 1917 года, направленная на имя В.Н. Львова комиссаром города Москвы Н.М. Кишкиным. Последний сообщал,

¹ Новое время. 1917. 16 марта.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2832. Л. 9.

³ Новое время. 1917. 7 марта.

⁴ Там же.

⁵ Новое время. 1917. 16 марта.

⁶ См. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С.584.

что «московское духовенство беспокоится назначением митрополита прежним порядком», и к обер-прокурору по этому поводу направляется специальная депутация¹. 11 марта Львова посетили представители петроградского белого духовенства, которые высказали мнение, что митрополит должен быть избран «каноническим путем»². Информация проникла даже в провинцию: будущий член Поместного Собора протоиерей Сергей Четвериков из Полтавы писал в Синод: «что же это получается? Цезаре-папизм умер, да здравствует цезаре-папизм в лице обер-прокурора!»³ В результате негативной реакции клира Львов отступил и отказался от идеи назначения архиереев. Но проблема того, кому же после переворота принадлежит высшая церковная власть, оставалась более чем актуальной.

Первое заседание Временного правительства, на котором затрагивался вопрос о судьбе Православной церкви, состоялось 7 марта 1917 года. По итогам доклада В.Н. Львова ему было поручено подготовить законопроекты о православном приходе, о переустройстве епархиального управления на церковно-общественных началах и о восстановлении деятельности Предсоборного Присутствия с привлечением в его состав епископов, священников и мирян⁴. Таким образом, вопрос о немедленном пересмотре церковно-государственных отношений как таковых даже не поднимался, видимо, подразумевалось, что это смогут сделать только Поместный Собор и Учредительное собрание. Кроме того, *de facto* продолжалась практика регулирования церковной жизни светскими чиновниками.

В тот же день, 7 марта, Львов объявил членам Синода о том, что Временное правительство поручило ему «составить новый закон об управлении церковью», и что он к этому уже приступил. Когда архиереи выразили желание тоже подключиться к созданию документа, Львов ответил, что «закон будет

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 36. Москвичей, конечно, больше волновала кафедра главы московской епархии. Примечательно, что Кишкин именовал В.Н. Львова «министром вероисповеданий».

² В данном случае имелось в виду избрание. См.: ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 50 – 50 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 1.

вырабатываться им единолично, без участия членов Синода»¹. Одновременно с этим обер-прокурор заметил по поводу ревизии синодального Хозяйственного управления, что производить ее он позволит, а «хозяйством Синода будет править сам»². Возмущенные подобным волюнтаризмом своего светского «надзирателя» собравшиеся в Александро-Невской Лавре на частном совещании шесть членов Синода (архиепископ Финляндский Сергей, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким и архиепископ Черниговский Василий) подписали специальное заявление без адресата. Протестуя против сложившегося положения дел, иерархи указывали на то, что обер-прокурор, объявив о свободе церкви, «не только остается фактическим хозяином и начальником как при прежнем режиме», но, как член Временного правительства и ВКГД остается до созыва Собора «безапелляционным вершителем церковных дел»³. Ввиду этого члены Синода объявили, что они не могут «без особых полномочий от Российской Иерархии» брать на себя ответственность за навязанные им обер-прокурором или даже самим правительством постановления⁴.

Данное заявление было предъявлено Львову на заседании 9 марта и вызвало с его стороны бурную реакцию. Обер-прокурор расценил смысл документа как требование членов Синода передать им всю полноту обер-прокурорской власти. Львов ответил, что у нынешнего состава Синода нет никаких полномочий ни от Временного правительства, ни от епархий, а потому он не может признать иерархов истинными представителями свободной православной церкви⁵. В ходе дальнейшего обсуждения мнения членов Синода разделились. Большинство продолжало отстаивать необходимость подкрепления полномочий членов Синода всероссийским голосованием по старой формуле «епископы избирают

¹ Новое время. 1917. 16 марта.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 64. Л. 4 – 4 об. О советах преосвященные видимо решили не вспоминать.

⁴ Там же.

⁵ Новое время. 1917. 10 марта.

епископов». Меньшинство же во главе с архиепископом Финляндским Сергием возразило против непримиримой позиции остальных, заключив, что «именно теперь Св. Синод не вправе отказываться от исполнения своих обязанностей, дабы не создавать для нового правительства лишних затруднений». Большинством голосов члены Синода постановили отказаться от рассмотрения текущих дел и не назначать вопреки установившемуся обыкновению дня следующего заседания¹. После этого вечером 9 марта митрополит Владимир, архиепископ Арсений и протопресвитер А.А. Дернов посетили председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сообщив ему о происшедшем и попросив содействия для разрешения создавшегося конфликта, а также (sic!) разрешения на проведение выборов столичного архиерея. Родзянко в ответ «обещал постараться все уладить»².

В итоге возникла патовая ситуация. Все постановления Синода подлежали «пропуску» обер-прокурора, с которым архиереи вступили в противостояние. Но и власть обер-прокурора тоже оказывалась не более чем фикцией, поскольку Синод не принимал диктуемые им постановления, а издавать акты церковного управления от своего имени обер-прокурор не имел права. И о какой бы «революционной диктатуре» Львов ни заявлял, максимум, на что распространялись его полномочия – проводить по большому счету никого ни к чему не обязывающие «ревизии» деятельности епархиальных преосвященных и издавать приказы о назначении и увольнении не носящих духовного сана служащих в учреждениях Синода и церковных учебных заведениях. Именно такими приказами Львова «пестреют» номера «Вестника Временного правительства» от марта–апреля 1917 года³.

В сложившихся обстоятельствах Львов решил обратиться к помощи «носителя верховной власти», то есть Временного правительства. 10 марта он заявил на его заседании о желательности изменения состава членов Святейшего

¹ Там же.

² Там же.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 15, 16, 25, 29 марта, 1 и 8 апреля.

Синода¹. Возможно, об этом дне писал В.Д. Набоков, вспоминая, как обер-прокурор с негодованием рассказывал «об “идиотах и мерзавцах”, заседающих в Синоде»². Набоков обрисовал и своеобразное отношение министров к обер-прокурору, который «выступал всегда с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии... Доклады его бывали проникнуты каким-то почти комическим отчаянием»³. Однако поддержки Львов не нашел. Временное правительство заключило, что изменение состава Синода нужно производить постепенно, «с соблюдением необходимой осторожности», что на деле означало затягивание или даже откладывание вопроса⁴. Несколькими днями позже А.Ф. Керенский рассказал об этой ситуации Д.В. Философому, заметив, что «...наиболее трусливы Милюков-Шингарев. Они боятся трогать “синодалов”»⁵.

Столичные газеты активно комментировали конфликт архиереев и обер-прокурора. Примечательно, что 15 марта «Петроградская газета» в качестве кандидатов в члены Синода кроме прочих назвала фамилии двух депутатов Думы: протоиереев А.В. Смирнова и Ф.Д. Филоненко⁶. Смирнов состоял секретарем возглавлявшегося Львовым Комитета по делам Православной церкви. Ф.Д. Филоненко уже 1 марта с еще тремя членами Думы был командирован ВКГД в расположенные Петрограде воинские части для осведомления о тех мерах, которые предпринимаются «в интересах Родины» «для установления законного порядка в государстве»⁷. С 7 по 13 марта Филоненко и депутат Н.И. Янушкевич объездили войска Северного фронта⁸ и доложили о своей поездке на частном

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 71.

² Набоков В.Д. Указ. соч. С. 57. Интересно отметить, что этот эпизод нелицеприятного отзыва чиновника Временного правительства в отношении «членов святейшего учреждения» не без удовольствия упомянул в своей работе о русской революции Л.Д. Троцкий. См.: Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1. Февральская революция. М., 1997. С. 387.

³ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 55.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 71.

⁵ Философов Д.В. Дневник (17 января – 30 марта 1917) // Звезда. 1992. № 3. С. 147.

⁶ Петроградская газета. 1917. 15 марта.

⁷ См. Николаев А.Б. Указ. соч. С. 79.

⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 9 и 14 марта.

совещании членов Государственной думы под председательством Родзянко 14 марта¹. 9 апреля газета «Вестник Временного правительства» сообщила об отъезде Филоненко и князя С.П. Мансырева на Румынский фронт². Л.Д. Троцкий вспоминал, что весной 1917 года Филоненко пользовался огромной популярностью у солдат и представлялся им «носителем идеи освобождения, пастырем революции»: «солдаты носили священника на руках, поднимали его над головами, усаживали заботливо в сани»³. Важно, что оба – и Смирнов и Филоненко – являлись единомышленниками В.Н. Львова в вопросе о церковных реформах, и, возможно, обер-прокурор уже тогда (в середине марта 1917 года) действительно замыслил ввести их в состав Святейшего Синода.

12 марта обер-прокурор выехал в Москву, чтобы найти опору своей политики среди местных церковных кругов⁴. Комментируя эту поездку, «Московские ведомости» критически замечали, что Львов, «человек слишком неуравновешенный, не осторожный в словах и действиях», искал поддержки против Синода не только у духовенства, но и «на улице» и в Городской думе: «его влияние на самом деле значительно ниже, чем он сам заявляет»⁵. Во время своего пребывания в Москве обер-прокурор дал интервью журналисту газеты «Утро России», кратко сформулировав программу предстоящих действий. По мнению Львова, прежде всего, необходимо создать при обер-прокуроре смешанное совещание из духовных и светских лиц для разработки вопросов, которые потом будет обсуждать Синод. После этого нужно созвать Предсоборное Присутствие для подготовки и обеспечения созыва Собора, который в свою очередь решит вопрос о правовом положении Православной церкви в государстве. «Я надеюсь, что Учредительное собрание внемлет голосу Православной церкви в лице ее представителей и примет мнение Собора не только к сведению, но и к

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта; Известия ВКГД. 1917. 27 апреля.

² Вестник Временного правительства. 1917. 9 апреля.

³ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 258. Впервые на этот фрагмент воспоминаний Троцкого обратил внимание М.А. Бабкин. См.: Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г). М., 2007. С. 182.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта.

⁵ Московские ведомости. 1917. 23 июня.

исполнению, и в основных законах ясно и определенно определит отношения между церковью и государством», – закончил беседу Львов¹. 15 марта обер-прокурор вернулся в Петроград, «прихватив» с собой авторитетного общественного деятеля Н.Д. Кузнецова. По версии газеты «Утро России» Кузнецову поручили создание «Совета по церковным делам», на который будет опираться новый обер-прокурор «в своих попытках воздействия на нынешний состав Синода»². Письменное представление об образовании указанного органа в составе 3 епископов, 3 представителей белого духовенства и 6 мирян было вскоре внесено в канцелярию Временного правительства³, но рассмотрение затягивалось из-за обилия других вопросов. 15 марта Львов выступил на заседании правительства по итогам своей поездки в Москву, но его доклад просто «приняли к сведению»⁴.

В это время оставшиеся в столице иерархи вернулись к тактике «шантажа отставкой». В воскресенье 12 марта в столичной газете «Новое время» появилось сообщение о том, что в понедельник все члены Синода коллективно подадут Временному правительству прошение об увольнении⁵. Тут же указывалось, что уходящие в отставку архиереи остаются при мнении, что как членов Синода, так и епископов и митрополитов нужно избирать на «строгих канонических основаниях». Однако 13 марта вместо обещанной отставки вышло обращение Святейшего Правительствующего Синода к Временному правительству с заявлением о том, что архиереи находят образ действий нового обер-прокурора «неканоничным и незаконным». Далее подчеркивалось, что «Св. Синод не находит... возможным оставить кормило всероссийской православной церкви без кормчего» и поэтому оставляет за собой ведение дел по управлению Православной Российской Церковью «до созыва Св. Синода на основах канонических (архиереи избираются архиереями всей Русской церкви путем

¹ Утро России. 1917. 14 марта.

² Утро России. 1917. 15 марта.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 19 марта.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 100.

⁵ Новое время. 1917. 12 марта.

опроса (по телеграфу), а лица пресвитерского сана – духовенством)»¹. Таким образом, конфликт между обер-прокурором и Синодом перешел в новую, если можно так выразиться, вялотекущую фазу. При этом становилась очевидной и отсутствие поддержки у старого состава Синода со стороны широких слоев духовенства и верующих мирян. Несмотря на развернутое освещение прессой всех событий, происходивших в высшем церковном управлении после переворота, синодские иерархи оставались по сути дела один на один с «революционным» обер-прокурором.

Весь март 1917 года В.Н. Львов отчаянно пытался укрепиться в своем ведомстве. Одной из характерных черт этого времени стало привлечение обер-прокурором для исполнения каких-либо поручений знакомых из военной среды. Об адъютанте Азриленко уже говорилось в связи с расследованием слухов о пулеметах на церковных крышах. Кроме этого Львов направил в Екатеринбург подпоручика П.В. Тарусина, дав ему поручение провести ревизию деятельности епископа Екатеринбургского Серафима (Голубятникова). 10 марта Львов телеграммой попросил преосвященного прибыть в Петроград вместе с Тарусиным, который будет обеспечивать «личную безопасность в пути»². По приезду подпоручик передал обер-прокурору рапорт с протоколами допросов и показаниями свидетелей против Серафима. Впрочем, ценность этих бумаг невелика: большую их часть составляли слухи³. После того, как рязанский Исполнительный комитет выдвинул ультиматум преосвященному Димитрию (Сперовскому) в трехдневный срок покинуть Рязань, туда по поручению В.Н. Львова отправился прапорщик артиллерии М.В. Николаев. Епископу обер-прокурор телеграфировал, что Николаев направляется «для расследования... в связи с действиями и выступлениями Вашего преосвященства», но целью прапорщика является «исключительно поддержание авторитета Вашего

¹ Новое время. 1917. 14 марта.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 3.

³ См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 54.

Преосвященства и обеспечение Вашей личной безопасности»¹. Дмитрий хоть и призвал всех подчиняться Временному правительству, но ему не могли простить прошлую реакционную деятельность: 20 марта архиерей прибыл в Петроград, где написал прошение об увольнении на покой². При этом Николаев составил пространный рапорт о деятельности Дмитрия на десяти листах³. Впоследствии прапорщик – единственный из всех военных выдвиженцев В.Н. Львова – остался работать в Ведомстве православного исповедания, причем обер-прокурор специально «испрашивал» его у военного министра Гучкова⁴. В апреле и июне 1917 года Николаев сопровождал Львова во время его поездок в Москву, прапорщику даже поручили «устройство продовольственной части» Всероссийского съезда духовенства и учителей духовно-учебных заведений⁵. 6 мая обер-прокурор известил прапорщика, что тот назначается «комиссаром Временного правительства над Братством Царицы Небесной и состоящим при нем приютом»⁶. В должности «чиновника особых поручений при обер-прокуроре» Николаев числился до конца 1917 года⁷. Сменивший Львова в июле А.В. Карташев направил прапорщика представителем Ведомства православного исповедания в Юридическое совещание «для предоставления нужных данных и объяснений» при обсуждении законопроекта о Министерстве исповеданий⁸, а в августе – в Комиссию по распределению автомобилей между министрами⁹. И, наконец, в сентябре 1917 Николаев стал правителем дел Особой правительственной комиссии по разграничению русско-грузинских церковных

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 2.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 186. Синод не принял отставку, предоставив Дмитрию двухмесячный отпуск. Решение об увольнении епископа появилось только 17 июня 1917 года. См.: там же. С. 189.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 91–101.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 5, 8.

⁵ Там же. Л. 6, 16, 17.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Приказ о назначении М.В. Николаева чиновником особых поручений обер-прокурор подписал 1 мая 1917 года. См.: Церковные ведомости. 1917. № 18–19 от 6 мая. С. 123.

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 21.

интересов¹. Видимо, карьера прапорщика в 1917 году во многом объясняется тем, что, как следует из послужного списка военного, у него за плечами имелся оконченный юридический факультет Петроградского университета².

Другое направление, в котором В.Н. Львов попытался утвердить свою власть – это секретари духовных консисторий, через которых обер-прокурор мог влиять на вопросы епархиального управления. Согласно Уставу духовных консисторий 1881 года начальник консисторской канцелярии – секретарь – состоял в двойном подчинении у местного епископа и обер-прокурора Синода и обязывался неукоснительно выполнять предписания их обоих. Кандидатуры на должность секретаря консистории предлагал обер-прокурор, предварительно согласовав их с епархиальным архиереем, после чего назначение утверждалось Святейшим Синодом³. После Февраля 1917 года, когда епархиальная власть «пошатнулась», вопрос о статусе этих чиновников снова стал актуальным. 17 марта 1917 года секретари Московской духовной консистории В. Трелин и Н. Вышеславцев подали Львову записку, в которой утверждали, что «секретари консисторий, на подобие обер-прокурорской власти вверху – в Св. Синоде, должны быть выразителями и хранителями начал государственной власти внизу – на местах...» По мнению Трелина и Вышеславцева, значение секретарей консисторий в связи с изменением государственного строя особо возросло, поскольку ныне «требуется более энергичное воздействие к направлению... церковной жизни народа по новым путям культурно-государственного его бытия». Трелин и Вышеславцев предлагали установить подчиненность секретарей консисторий только правительственной обер-прокурорской власти и наделить их правом приостанавливать исполнение решений епископов, «не согласных с государственными и политическими интересами страны»⁴. 4 апреля В.Н. Львов выслал Трелину и Вышеславцеву телеграмму с благодарностью за их энергичные

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 4. Сентябрь–октябрь 1917 года. М., 2004. С. 167; Вестник Временного правительства. 1917. 3 октября.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 11.

³ См. например: Фролова Э.В. Секретари духовных консисторий в системе епархиального управления (на примере Владимирско-Суздальской епархии) // Наука и школа. 2009. № 5. С. 56–58.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 1 – 1 об.

действия, свидетельствующие «о высокой ответственности перед Родиной и Временным правительством»¹. В конце марта Львов разослал секретарям консисторий два циркуляра. В первом из них, датированном 21 марта 1917 года, говорилось, что секретарь духовной консистории состоит в непосредственном ведении обер-прокурора Святейшего Синода, а потому обязан исполнять все его указания. Исходя из этого, Львов предписывал секретарям консисторий «как представителям обер-прокурорской власти» «строго и неуклонно блюсти за правильным и точным исполнением в епархии действующих гражданских узаконений и о всяком их нарушении, от кого бы из лиц, состоящих на службе по епархиальному ведомству, таковое нарушение не исходило, рапортовать мне без промедления»². Вторым циркуляром обер-прокурор призывал секретарей консисторий присылать ему свои предложения о необходимых мерах церковного реформирования³. По всей видимости, главной целью Львова было установление контроля за действиями епархиальных преосвященных. Однако прошедшая вскоре череда епархиальных съездов, поставивших под сомнение полномочия епископов, а также избрание новых церковных органов власти сделали бессмысленной попытку обер-прокурора проводить свою политику через секретарей консисторий, и его интерес к ним сошел на нет.

Очевидно, ощущая слабость своего положения внутри правительства, В.Н. Львов пересмотрел ранее принятое им решение о ликвидации должности товарища обер-прокурора Синода⁴. На этот пост необходимо было найти фигуру, не только имеющую авторитет в «прогрессивных церковных кругах», но и обладающую определенными личными связями среди министров. И такая фигура нашлась в Петроградском религиозно-философском обществе. Еще 11 марта состоялось заседание его Совета, где в адрес В.Н. Львова прозвучали обвинения в непоследовательных и «неканоничных» действиях. Вечером того же дня к одному

¹ Там же. Л. 4.

² Известия по Казанской епархии. 1917. № 13–14 от 1–8 апреля. С. 158–159. В.Н. Львов ссылаясь на ст. 284 Устава духовных консисторий, а также п. 8 определения Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 года, уточняющий обязанности консисторских секретарей.

³ ВЦОВ. 1917. 15 апреля.

⁴ Новое время. 1917. 8 марта.

из участников заседания, Д.В. Философову, зашел его знакомый, эсер В.М. Зензинов, который, заинтересовавшись существом дела, попросил прислать ему письменное мнение Совета Общества с обещанием передать его А.Ф. Керенскому¹. 12 марта Совет собрался вновь и составил развернутую резолюцию. Присутствующие заключили, что новое правительство должно вести курс на отделение церкви от государства, так как это единственная гарантия реальной свободы религиозной совести². Члены Совета потребовали устранить с ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия, и провести реформу высшего церковного управления. Непоследовательность обер-прокурора обнаружили в том, что, во-первых, «в новую присягу введен религиозный элемент», а, во-вторых, что подведомственный ему Синод принял Акт отречения Николая II по обычной канцелярской формуле – «к сведению и исполнению», вместо того, чтобы составить специальный акт, упраздняющий силу таинства царского миропомазания³. Резолюцию подписал председатель Общества Антон Владимирович Карташев. Через Зензинова или Керенского⁴ документ вручили главе правительства князю Г.Е. Львову, который 15 марта перенаправил его В.Н. Львову⁵. 17 марта обер-прокурор лично и с помощью близкого к Религиозно-философскому обществу протоиерея К.М. Аггеева принялся разыскивать Карташева. Найдя его в 7 часов вечера дома, Львов привез Карташева в свою канцелярию, где предложил ему занять пост товарища обер-прокурора Синода⁶. Возможно, этот шаг Львова был сделан не без участия А.Ф. Керенского, близкого друга Карташева⁷. Председатель Религиозно-философского

¹ Философов Д.В. Указ. соч. // Звезда. 1992. № 2. С. 201.

² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2.

³ Петроградские ведомости. 1917. 17 марта.

⁴ 14 марта А.Ф. Керенский был в гостях у Д.В. Философова. См.: Философов Д.В. Указ. соч. // Звезда. 1992. № 3. С. 147.

⁵ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

⁶ Философов Д.В. Указ. Соч. // Звезда. – 1992. - №3. – с.148.

⁷ Нельзя забывать и о том, что в 1917 году Керенский и Карташев входили в Верховный Совет русского политического масонства (Великого Востока народов России), поэтому общение между ними могло проходить и по масонским каналам. См.: Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). Комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 142–144, 147, 149. По мнению В.И. Старцева, возможно, масонами были и В.М. Зензинов, и Д.В. Философов.

общества обещал Львову подумать до завтра, а на следующий день ответил согласием. 20 марта это назначение утвердило правительство¹.

Свою новую должность Карташев воспринял как «политическую помощь революционному правительству», как «всеобщую воинскую повинность»². Выступая в годы войны на заседаниях Религиозно-философского общества, Карташев сосредотачивал свое внимание главным образом на социокультурных и богословских моментах, разрабатывая концепцию «нового религиозного сознания»³. В 1916 году он даже издал материалы своих докладов единой брошюрой «Реформа, реформация и исполнение церкви», начисто раскритикованной «Московскими епархиальными ведомостями»⁴. Практических рекомендаций по решению проблем Православной церкви в этой книге нет, кроме оговорки, что автор согласен с мнением думца В.Н. Львова о необходимости в сложившихся условиях увеличения полномочий синодального обер-прокурора⁵. Тем не менее, став товарищем обер-прокурора, Карташев тут же познакомил Львова со своей собственной программой необходимых действий. В нее входила отмена обер-прокуратуры с образованием вместо нее Министерства исповеданий, которое временно оставило бы у себя старые обер-прокурорские полномочия («ибо только такой "хирургией" можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя»⁶). Далее, министр исповеданий должен «по телеграфу объявить, что созданное не церковью, а павшей государственной властью церковное правительство перестало существовать», и на его место Собор изберет новую церковную власть. Пока же для подготовки к Собору Карташев предложил создать «Временный священный Синод» (в параллель Временному правительству) путем телеграфного голосования православного епископата. Львов отнесся к предложениям своего заместителя без энтузиазма,

¹ РГИА. Ф. 797. 1917. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 45. Л. 2; Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

² Философов Д.В. Указ. Соч. С. 148.

³ См. РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Д. 34. Л. 8.

⁴ Московские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6 (4 февраля). С. 41.

⁵ См. Карташев А.В. Реформа, реформация и исполнение церкви. Пг., 1916.

⁶ Карташев А.В. Временное правительство и Русская церковь // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 16.

порекомендовав ему убедить в необходимости изменения высшего церковного управления главу правительства и его помощников по МВД¹. Однако ни князь Г.Е. Львов, ни его товарищи Д.М. Щепкин и Г.А. Алексеев «не вняли» советам Карташева. Князь Львов откровенно признался, что «он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто бы Временное правительство «насилует церковь»². Смирившись с тем, что ему придется пока оправдывать непоследовательную по его мнению политику В.Н. Львова, Карташев сформулировал ее основной принцип, как «постепенное внутреннее и внешнее освобождение церкви»³.

После того как Синод в своем постановлении от 13 марта несколько умерил свою непримиримость к новому обер-прокурору, они провели несколько более или менее конструктивных совместных заседаний. 18 марта Синод принял постановление «О предоставлении правлениям духовных семинарий и училищ права избирать кандидатов для замещения административных и преподавательских должностей», явившееся, по сути дела, некоторым шагом на пути ко внутреннему раскрепощению православной церкви. Избираемые лица, как и раньше, должны были проходить через «заключение» Учебного комитета Синода и утверждаться обер-прокурором⁴. Аналогичное постановление об изменении уставов Духовных академий иерархи так и не приняли.

18 марта Львов добился подписания отставки епископа Сарапульского и Елабужского Амвросия (Гудко), «прославившегося» отлучением от церкви двух мирян якобы за то, что они не позаботились доставить ему карету⁵. Ссылаясь на результаты своей поездки в Москву, Львов также сумел убедить членов Синода в необходимости увольнения и митрополита Московского Макария. В этом обер-прокурору помогла прибывшая в Петроград делегация московского духовенства и

¹ Князь Г.Е. Львов являлся одновременно главой Временного правительства и министром внутренних дел.

² Там же. С. 17–18.

³ Русское слово. 1917. 20 апреля.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

⁵ Там же.

мирян во главе с протопресвитером Н.А. Любимовым и А.Д. Самариным¹. Митрополит сначала категорически отказывался снова подписывать прошение об отставке, спрашивая, в чем его обвиняют. Ему объяснили, что московское духовенство и миряне им недовольны, что он стар и ему надо «отдохнуть». 20 марта члены Синода прочли «уволенному» Макарию «адрес» и поднесли ему икону². По предложению обер-прокурора 21 марта Временное правительство назначило уволенному митрополиту пожизненное содержание из средств Государственного казначейства 6000 рублей в год³.

21 марта состоялось последнее предпасхальное заседание Синода, на котором Львов предложил иерархам рассмотреть проект реформы бракоразводного процесса, но получил ответ, что вопрос этот «чрезвычайно сложен и требует детального изучения»⁴. Впервые присутствовавший на заседании Синода А.В. Карташев обратился к архиереям с обвинением, что «некоторые из них» «до сих пор не могут примириться с событиями и переворотом и не желают внести свежей струи в дела церкви». Товарищ обер-прокурора призвал епископов «подойти ближе к жизни, народу, церкви, иначе жизнь сломит упорство и противодействие членов Синода»⁵. В этой связи Карташев писал 21 марта Каблукову: «уже был сегодня в присутствии Синода и говорил иерархам “митинговую речь”»⁶.

В 20-х числах марта 1917 года члены Синода разъехались в свои епархии на страстную неделю, в столице остались только архиепископы Литовский Тихон и

¹ По сообщению Н.П. Розанова, первоприсутствующий в Синоде митрополит Киевский Владимир отнесся с большим сочувствием к высказанному делегатами пожеланию об удалении Макария и даже несколько раз лично говорил с ним об этом. Розанов привел стенограмму встречи Макария с московской делегацией, из которой ясно, что митрополит всячески хотел избежать увольнения, но пообещал в любом случае взять отпуск «месяца на два», оставив вместо себя викарного епископа Иоасафа (Каллистова). См.: Розанов Н.П. Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией // Ученые записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Выпуск 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000. С. 160–162.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 158.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 155; Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 69–70.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 44. Л. 158.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 157.

Финляндский Сергей, а также протопресвитер Г.И. Шавельский. Было очевидно, что никаких серьезных решений в ближайшее время приниматься не будет, «церковное обновление» практически не двигалось с мертвой точки. Тем временем обер-прокурор Львов продолжал делать заявления о необходимости изменения состава православной иерархии. По сообщению одной из газет, Львов предлагал следующую процедуру «замещения» епископских кафедр: духовенство и представители мирян в епархии избирают кандидата, которого обер-прокурор представляет в Синод на утверждение и одобрение. При этом оговаривалось, что иерархи могут отклонить предлагаемого кандидата только «на основании строго об основанных канонических причин, а не по простому безмотивному произволению»¹. В соответствии с предложенной процедурой 26 марта Львов направил в Рязань телеграмму, в которой предложил собравшемуся там епархиальному съезду «обсудить вопрос о достойных кандидатах для замещения рязанской кафедры»².

В это же время из Чернигова пришло сообщение об аресте местным Исполнительным комитетом члена Синода архиепископа Василия. 5 апреля 1917 года его под охраной двух офицеров вернули в Петроград, где разместили в Синодальном митрофаньевском подворье. Василию вменялась в вину организация совместно с бывшим черниговским губернатором Н.А. Маклаковым выборов в Государственную думу в «желательном для старого правительства» духе. «Биржевые ведомости» по этому поводу объявили, что Синод готовит протест против ареста, так как у архиепископа должна быть личная неприкосновенность³, однако в документах подобного обращения не зафиксировано. По всей видимости, В.Н. Львов решил использовать сложившуюся ситуацию для реванша над строптивыми синодальными иерархами. Хотя за две недели до этого Василий спокойно заседал в столице в Синоде и никаких обвинений к нему не выдвигалось, теперь обер-прокурор добился у

¹ Там же. Л. 78.

² Фруменкова Т.Г. Синод и Февральская революция // Революция 1917 года в России. Сб. науч. ст. СПб., 1995. С. 45.

³ Биржевые ведомости. 1917. 5 апреля (утренний выпуск).

министра юстиции выдачи ордера на арест архиепископа и объявил о начале в отношении него следствия. К преосвященному приставили военный караул, который не пропускал никого, кроме самого Львова, а в Черниговскую епархию для изучения деятельности архиепископа был командирован помощник директора канцелярии Синода С.Г. Рункевич. Впрочем, имевшихся обвинений он не подтвердил, как и не нашел доказательств слухам о якобы процветавших при Василии симонии¹, nepотизме² и растрате денежных средств. Однако ревизор отметил, что под руководством архиепископа епархия превратилась в единое успешное «торговое предприятие», которое приносило большую прибыль и вызывало зависть у конкурентов. Рункевич заключил, что Василия и его сторонников следует охарактеризовать как последователей «иосифлян», стремящихся приумножить богатства церкви³. Такое резюме, конечно же, могло стать поводом для общественного порицания архиепископа, но его было явно недостаточно для серьезного политического или уголовного обвинения. И хотя вскоре среди духовенства Чернигова все громче стали звучать требования смены главы епархии, тем не менее, задуманное обер-прокурором громкое расследование провалилось.

Так или иначе, опорой своей политики церковного реформирования Львов стал активно искать в обновленческом движении в епархиях. Требования с мест собирались в канцелярии обер-прокурора и тщательно анализировались. Так, 21–22 марта 1917 года в Екатеринославе прошел первый после переворота Епархиальный съезд духовенства и мирян. По итогам обсуждений собрание составило краткую программу необходимых преобразований церковной жизни. Среди прочих в документе выдвигались требования демократизации, выборности духовенства всех уровней, проведения Соборов из представителей епископов, клира и мирян не реже раза в год, а также немедленное переформирование

¹ Симония – покупка или продажа церковных должностей или духовного сана.

² Nepотизм – кумовство, фаворитизм, раздача доходных должностей исходя из родственных связей или других личных соображений, не взирая на профессиональные качества назначаемых.

³ Цит. по Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 157–159. Иосифляне – церковное движение в Русской православной церкви конца XV – XVI веков, последователи которого отстаивали право монастырей на землевладение и владение имуществом в целях осуществления монастырями просветительской и благотворительной деятельности.

духовных консисторий на выборном начале. Программа Екатеринославского епархиального собрания чрезвычайно заинтересовала Львова, распорядившегося разослать «Деяния» съезда по духовным консисториям¹.

Одновременно с Екатеринославским 21 марта епархиальный съезд прошел и в Москве, его председателем стал бывший обер-прокурор Синода А.Д. Самарин. В съезде участвовало около 1500 человек. Однако здесь главным вопросом повестки дня стала подготовка выборов местного преосвященного. С разрешения обер-прокурора Московский съезд избрал специальную комиссию из 30 человек во главе с епископом Иоасафом (Каллистовым) для выработки правил выборов митрополита. При Иоасафе съезд образовал совет для управления епархией из двенадцати лиц: двух протоиереев, двух священников, одного дьякона, одного псаломщика и пяти мирян. Интересно отметить, что незадолго до открытия съезда его попытался отменить управлявший епархией епископ Модест (Никитин). Секретари Московской духовной консистории телеграфировали В.Н. Львову, что епископ «не пропускает» уже заготовленное ими по его же поручению постановление о созыве съезда. В этой связи 19 марта обер-прокурор написал Модесту: «если в Москве возникнут беспорядки на церковной почве Вы несете всецело ответственность перед правительством»².

Не успел закончиться Московский епархиальный съезд, как разразился скандал. Митрополит Макарий, формально возглавляющий епархию до 1 апреля, приехал в Москву и по наущению своих советников развернул кампанию против своего отстранения. Митрополит запретил в служении священников, прекративших его поминание как действующего главы епархии, и назвал прошедший съезд «самозванным»³. Вместе с тем, обосновавшись в Троице-Сергиевой Лавре, Макарий фактически оказался заложником местных революционных властей: Совета рабочих депутатов и Военного комитета

¹ Об этом свидетельствуют сопроводительные письма секретарям Архангельской, Туркестанской и Якутской консисторий: РГАИ. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 20–23.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. III. 5 Стол. Д. 12. Л. 54 – 54 об.

³ Об этом обер-прокурору Синода написал секретарь Московской духовной консистории. См.: Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 66.

гарнизона города. Настроения солдат и рабочих там не отличались особыми симпатиями к церкви. Митрополит даже жаловался в марте 1917 года в Синод, что «некоторые лица, по всей вероятности сектанты» подстрекают на митингах в Сергиевом посаде народ против Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. По этому поводу 18 марта обер-прокурор обращался к товарищу министра внутренних дел Д.М. Щепкину с просьбой обеспечить охрану монастыря – «этой исторической святыни русского народа, от ограбления и поругания со стороны неверующих людей». 30 марта 1917 года Московский губернский комиссар рапортовал, что «Свято-Троицкая Сергиева лавра охраняется, опасности нет и население посада спокойно»¹.

Ввиду распространившихся слухов о том, что в монастыре печатается погромная литература, 5 апреля 1917 года туда наведился комиссар посада Н.А. Крюков в сопровождении милиционеров. В монастырской типографии они обнаружили готовящееся к печати «пасхальное» воззвание Макария, призывавшее помочь ему вернуться на кафедру, отобранную у него насильно. В тексте содержалась резкая критика обер-прокурора, что было воспринято как противоправительственная пропаганда. Вдохновителем Макария оказался ректор Московской духовной академии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), а соучастником – наместник Троицко-Сергиевой Лавры архимандрит Кронид (Любимов). Всех троих арестовали, но вскоре отпустили с настоятельной рекомендацией впредь воздержаться от подобных выступлений. 8 апреля Московский губернский комиссар Кишкин телеграфировал князю Г.Е. Львову о том, что Макарию и епископу Феодору необходимо срочно «назначить другое местопребывание»². Отправившийся в Москву для выяснения обстоятельств скандала обер-прокурор поспешил успокоить журналистов: «...Я не придаю никакого значения выступлениям бывшего митрополита... ибо теперь... Макарий – только частное лицо»³. В то же время В.Н. Львов доложил председателю

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 757. Л.50.

² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 34.

³ ВЦОВ. 1917. 12 апреля.

правительства о том, что Макарий водворен в Николо-Угорский монастырь, а Феодор скоро будет отправлен на покой¹. Вскоре Феодора действительно освободили от должности, назначив настоятелем «взбунтовавшегося» Данилова монастыря в Москве².

В противовес действиям уволенного митрополита и его сторонников викарий Иоасаф выступил за немедленное переустройство церкви на выборных началах. Первым шагом, по его мнению, должно было стать переизбрание Совета благочинных и устранение из него протоиерея Восторгова. Одновременно близкие к обер-прокурору газеты сообщили, что Восторгов «продолжает богослужения в храме Василия Блаженного и распространяет листовки о “Православии, Самодержавии и народности”»³. Однако возглавляемый Восторговым Совет благочинных Москвы еще 7 марта постановил «единогласно и вседушевно... подчиниться Временному правительству и... приветствовать со всею радостью заявление обер-прокурора Св. Синода В.Н. Львова о новом направлении церковной жизни в России в смысле полного невмешательства церкви и ее служителей... в политический строй страны...»⁴ Таким образом, в московском инциденте на самом деле проявилось противостояние двух церковных «партий»: «обновленцев», стоящих за демократизацию церкви и привлечение к участию в ее жизни мирян, и сторонников епископского самовластия. При этом для борьбы между собой противники использовали обвинения в политической нелояльности оппонентов.

25 марта 1917 года Временное правительство приняло предложенное В.Н. Львовым постановление «Об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 35.

² См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 67. Ревизором в Московскую духовную академию был направлен профессор Б.В. Титлинов. Сам обер-прокурор лично приезжал в учебное заведение и беседовал с профессорами и студентами. См.: Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. Публикация, вступит. Статья, примечания и указатель А.Л. Никитина. М., 2000. С. 79–80.

³ ВЦОВ. 1917. 12 апреля.

⁴ Московские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. С. 73–75.

духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному»¹. Теперь по возвращении в гражданское состояние представители духовенства сохраняли права состояния по происхождению, образованию, службе и пожалованию, ученые степени, полученные ими как до принятия священнослужительского сана, так и во время прохождения духовной службы². Это постановление открывало возможность беспрепятственного выхода из духовного сословия, снимая существовавшие правовые препоны. Присутствующие в Синоде архиереи никак не реагировали на данный закон. Возможно, они о нем даже не были осведомлены.

В конце марта между В.Н. Львовым и оставшимися в Петрограде членами Синода произошло новое столкновение. На этот раз поводом к скандалу послужило официальное синодское издание с приложением, выход которых временно остановился в связи с революцией. Еще 8 марта к Временному правительству с докладной запиской обратился профессор Петроградской духовной академии Б.В. Титлинов (представитель ВСДПДиМ) с предложением передать главное церковное издание академии³. В.Н. Львов, дождавшись, когда большая часть членов Синода покинет Петроград, предложил 22 марта оставшимся в столице трем иерархам подписать «походный журнал» с постановлением о передаче. Протопресвитер Шавельский и архиепископ Финляндский Сергей подписали его, а архиепископ Литовский Тихон отказался, поставив резолюцию, что вопрос о синодском издании необходимо обсудить в Синоде в полном его составе. В телефонном разговоре с архиепископом Арсением Тихон рассказал о ситуации, добавив: «то, чего я боялся, то и случилось...»⁴ Впоследствии, осенью 1917 года Тихон подробно рассказал членам Поместного Собора, какое давление ему пришлось выдержать со стороны обер-

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 165–166. Законопроект внесен В.Н.Львовым на заседании Временного правительства 16 марта. Правительство постановило направить документ на заключение министра юстиции и Юридического совещания. См.: там же. С. 142–146. 22 марта Юридическое совещание рассмотрело законопроект и заключило, что он с юридической точки зрения не вызывает никаких возражений. См.: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 69.

³ ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1. Петроград, 1918. С. 164.

прокурора на заседании Синода 24 марта. Львов даже предложил архиепископу сделку: обер-прокурор отложит вопрос об автономии духовных академий, а Тихон подпишет постановление о новой редакции «Вестника». Но архиепископ оказался непреклонен. Интересна позиция архиепископа Сергия: на словах он горячо поддержал Тихона, но никаких письменных заявлений делать не стал. Шавельский вообще отмахнулся, заявив, что в любом случае Петроградская духовная академия подчиняется Синоду, и, следовательно, издание остается под контролем высшей церковной власти¹. В итоге, Львов сообщил в академию, что определение состоялось. Совет учебного заведения избрал редактором все того же профессора Титлинова, и с 7 апреля газета стала выходить под названием «Всероссийский церковно-общественный вестник» (ВЦОВ). Вместо сухого приложения к официальным «Церковным ведомостям» читатели получили яркое и интересное издание, но довольно скептически настроенное к авторитету епископата. Как отметил архиепископ Арсений, направление газеты «являлось неожиданным, хотя, быть может, и соответствующим духу времени; в епархиях оно произвело впечатление бомбы и было понято совершенно своеобразно»².

Съехавшиеся в Петроград после праздников архиереи были более чем возмущены случившимся. В специальном акте 14 апреля они заявили, что постановление о передаче ВЦОВ неправильно по форме (как подписанное только двумя членами Синода) и незаконно по существу, поскольку финансирование уже частного издания предполагалось вести из средств Синода³. В.Н. Львов это определение не утвердил.

Конечно, члены Синода вовсе не являлись такими уж консерваторами, какими их рисовал обер-прокурор. В начале апреля 1917 года специальная комиссия во главе с архиепископом Арсением выработала ряд положений об избрании прихожанами кандидатов на освобождающиеся в приходах вакансии священно-церковнослужителей, об устройстве духовенством приходских,

¹ Там же. С. 163.

² Там же. С. 164.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 757. Л. 72 об.

благочиннических, уездных и епархиальных собраний и съездов и о предоставлении им права избрания членов церковно-административных учреждений. При этом, говоря о случаях арестов священников, комиссия заключила, что вмешательство светских властей в дела церкви недопустимо. Все эти предположения были внесены на обсуждение Синода 13 апреля¹. Некоторая пассивность архиереев скорее объяснялась их негативным отношением к В.Н. Львову и являлась своего рода протестом против него.

Вечером 28 марта правительство рассмотрело-таки предложение Львова об образовании временного совещательного органа при обер-прокуроре. Однако вместо утвердительной резолюции (или вообще какого бы то ни было ответа по существу) Львов получил все то же «принято к сведению»². Такая реакция со стороны других министров отчетливо продемонстрировала, что даже совещание авторитетных церковных деятелей не станет выходом из того тупика «полномочий без полномочий», в котором оказался обер-прокурор: у созываемого им органа их будет еще меньше, чем у него самого. Это заставило Львова обратиться к авторитету Государственной думы, отказавшись от того пренебрежительного отношения к ней, которое он высказывал непосредственно сразу после Февральского переворота³. Менее чем через неделю, с 6 апреля 1917 года при активном участии Львова начало действовать «Совещание членов Государственной думы по делам Православной церкви»⁴. Имелись и альтернативные названия указанного органа. Так, в номере ВЦОВ от 14 апреля 1917 года он броско именовался «Думским союзом», что, конечно же, имело целью произвести необходимый эффект на читателей (особенно, если учитывать

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 76 – 76 об.

² Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 190.

³ Член Государственной думы Н.В. Савич вспоминал, что, как только В.Н. Львов получил назначение во Временное правительство, он стал одним из самых ревностных сторонников идеи его неподотчетности перед парламентом. «Увидев нас, членов Государственной думы, – вспоминал Савич, – он (В.Н. Львов – А.С.) начал стучать по столу и кричать: "Плевать мне теперь на Думу, я получил власть из рук революционного народа"». См.: Савич Н.В. Воспоминания. СПб, 1993. С. 222. Вместе с тем, существуют указания, что и в начале марта В.Н. Львов принимал участие в работе частных совещаний членов Государственной думы, в частности, 6 марта 1917 года. См.: Биржевые ведомости. 1917. 7 марта.

⁴ Именно так оно официально именовало себя в своей письменной резолюции, адресованной обер-прокурору. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 42. Л. 34 – 34 об.

тот факт, что редактор ВЦОВ являлся единомышленником Львова). В своих исследованиях «полумемуарного» характера Титлинов и Карташев именуют учреждение «Советом...» (далее по тексту)¹. В любом случае, сама формулировка – подобная наименованию соответствующей думской комиссии – как бы подчеркивала структурную связь с ней новообразованного учреждения.

Суммируя данные газетных сообщений можно реконструировать следующий неполный состав «Совещания»: М.И. Арефьев, граф В.А. Бобринский, протоиерей М.В. Митроцкий, священник П.Т. Населенко, В.А. Потулов, протоиерей А.В. Смирнов, священник А.Л. Трегубов, протоиерей Ф.Д. Филоненко, В.П. Шеин², по партийно-фракционной принадлежности все – националисты и октябристы. Можно предположить, что в состав «Совещания» также вошли уже ранее привлекавшиеся В.Н. Львовым к обсуждению церковных вопросов И.С. Ключев и Е.П. Ковалевский³. Председателем «Совещания» стал протоиерей Смирнов⁴. В заседаниях участвовал и сам обер-прокурор Львов, однако, в каком статусе – полноправного члена или представителя правительства – не известно. ВЦОВ и Б.В. Титлинов упоминали, что в состав «Совещания» входили и некоторые «внедумские церковно-общественные деятели», однако их фамилий не назывались⁵. Предположительно это могли быть близкий к обер-прокурору протоиерей К.М. Аггеев, вскоре назначенный главой Учебного комитета при Святейшем Синоде, а также упоминавшийся выше Н.Д. Кузнецов. Думается, их специально как бы «вынесли за скобки», чтобы не снижать высокого статуса собрания народных представителей.

На первом заседании 6 апреля члены «Совещания» избрали «специальную исполнительную церковную комиссию» в составе А.В. Смирнова, Ф.Д.

¹ Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 88; Карташев А.В. Революция и собор 1917-18 гг. Париж, 1942. С. 82. Согласно Карташеву «Совет по делам православной церкви» образовался в марте 1917 года.

² ВЦОВ. 1917. 14 и 15 апреля. Надо отметить, что из перечисленных депутатов В.П. Шеин являлся товарищем председателя думской Комиссии по делам православной церкви, а А.В. Смирнов – ее секретарем.

³ На участие Е.П. Ковалевского в работах «Совещания» косвенно указывает факт его приглашения Синодом в июне 1917 года в Предсоборный Совет.

⁴ Как следует из подписи на резолюции «Совещания». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 42. Л. 34 об.

⁵ ВЦОВ. 1917. 14 апреля; Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 88.

Филоненко, П.Т. Населенко, А.Л. Трегубова, В.А. Потулова, М.И. Арефьева и В.П. Шеина для предварительного обсуждения «назревших вопросов»¹. 11 апреля данная комиссия сформулировала повестку дня предстоящего общего собрания, выделив три «ближайших задачи церковной работы данного момента»: немедленное «обновление» Синода (то есть смена его состава), облегчение «церковной самодеятельности» на местах и скорейшее образование Предсоборного Присутствия².

В четверг 13 апреля 1917 года состоялось второе – «решающее» – заседание. В газетном отчете о нем, озаглавленном «Собрание думского совещания», говорится, что почти все подготовленные Исполнительной комиссией пункты резолюции депутаты приняли без дебатов. «Продолжительные и горячие прения» вызвал лишь самый главный для обер-прокурора вопрос – о смене состава Синода. Граф В.А. Бобринский и М.В. Митроцкий высказали мнение, что «неканонично сейчас Временному правительству и обер-прокурору увольнять Синод и собирать новый». Им возразили, что, так как старая система рухнула, сейчас «все неканонично», и, кроме того, другого выхода нет. Присутствовавший тут же В.Н. Львов заявил графу Бобринскому, что церковная свобода может наступить только после внутреннего обновления церкви, когда в ней получит законную силу голос клира и мирян. По словам обер-прокурора, «нынешние архиерейские домогательства свободы есть ни что иное, как желание наличного епископата, не пользующегося народным доверием, сохранить в своих руках власть и господствующее положение». Львов добавил, что «обер-прокурорская власть считает своей обязанностью перед церковью и народом использовать все свои полномочия для обновления церкви и в частности епископата. Когда церковь реорганизуется, соберется правильный Собор из епископов, клира и мирян и установит постоянный порядок церковного управления, тогда обер-прокурор сам откажется от своих прерогатив. Иерархи домогаются свободы произвольного управления церковью, а не свободы церкви.

¹ ВЦОВ. 1917. 14 апреля.

² Там же.

Обер-прокурор же осуществляет народную волю об истинном церковном освобождении»¹.

Подавляющее большинство собрания поддержало Львова. По итогам заседания 13 апреля «Совещание» составило резолюцию, в которой сложившееся в Православной церкви положение оценивалось как критическое. Заявлялось, что исправить ситуацию может «только энергичная самодеятельность и дружная совместная работа всех членов церкви, как духовенства, так и мирян». Ввиду этого «Совещание» предложило обер-прокурору: «а) указать на необходимость предоставления православному духовенству широкой свободы устраивать съезды и собрания общепархиальные, благочиннические, пастырские, приходские и т. д. – для обсуждения на них, совместно с мирянами, вопросов о благоустройении церкви... б) войти в Св. Синод с представлением о проведении выборов членов консисторий на епархиальных съездах, вместо бытовавшей ранее практики назначения»². Кроме всего этого, совещание настоятельно указало на необходимость скорейшего обновления Синода еще до окончания зимней сессии, так как «Св. Синод к прискорбию не проявляет той энергичной деятельности, которая требуется важностью переживаемого момента»³. Указанную резолюцию тут же вручили обер-прокурору.

На следующий день, 14 апреля 1917 года, В.Н. Львов добился от Временного правительства подписания указа о роспуске старого состава Синода и назначении нового⁴. Официальной причиной этого объявлялось увольнение митрополитов Питирима и Макария, а также «окончание синодальной зимней сессии»⁵, что представляется неубедительным. Во-первых, Питирима отправили на покой еще 6 марта, а Макария уволили «с оставлением членом Святейшего Синода»⁶. Во-вторых, иерархи в конце марта – начале апреля разъезжались в свои

¹ ВЦОВ. 1917. 15 апреля.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 34 об.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 291; Церковные ведомости. 1917. № 16–17. С. 83.

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 16 апреля.

⁶ Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

епархии на страстную неделю и Пасху и практически сразу после возвращения в Петроград вновь получили распоряжение отправляться обратно, что опять-таки выглядело совершенно неожиданным. Единственной причиной появления постановления о роспуске именно 14 апреля могла быть только резолюция «Совещания». Именно она (и авторитет Думы) стала тем веским аргументом, который помог обер-прокурору убедить других министров в необходимости данного решительного шага¹.

Согласно указу Временного правительства от 14 апреля 1917 года от присутствия в Синоде увольнялись митрополит Киевский Владимир, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким, архиепископ Черниговский Василий и протопресвитеры А.А. Дернов и Г.И. Шавельский. Из старого состава на летнюю сессию оставался только архиепископ Финляндский Сергей. Кроме него назначались экзарх Грузии Платон (Рождественский) – первоприсутствующий, архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей, епископ Самарский Михаил (Богданов), настоятель Успенского собора Московского Кремля протопресвитер Н.А. Любимов и протоиереи: А.П. Рождественский, А.В. Смирнов, Ф.Д. Филоненко².

Кто кроме В.Н. Львова составлял этот список – неизвестно, но важно отметить, что из епископов в новый Синод попали только те, кто по тем или иным причинам был готов к диалогу с новой властью. В значительно расширенный список представителей от белого духовенства вошли имена бывшего главы меньшинства Предсоборного Присутствия 1906–1907 годов Рождественского, боровшегося за церковное обновление, и двух единомышленников Львова из Думы: А.В. Смирнова и Ф.Д. Филоненко, являвшихся членами «Совещания членов Государственной думы по делам Православной церкви». Примечательно и то, что Львов не согласился на выборы членов Синода, так как опасался, что

¹ Об этом также писал Б.В.Титлинов. См.: Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 88.

² Церковные ведомости. 1917. № 16–17. С. 83; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 апреля. С. 3.

составленное по канонам высшее церковное управление может стать слишком независимым и откажется проводить предполагаемые обер-прокурором реформы.

15 апреля члены зимней сессии Синода стоя выслушали из уст Львова указ о своем увольнении. Это произошло в присутствии чиновников и служителей Синода, по приказанию обер-прокурора «для торжественности» наполнивших зал синодальных заседаний¹. Прежде чем разъехаться, архиереи составили акт, в котором еще раз указали Временному правительству на то, что новый состав Синода должен быть образован каноническим способом, то есть, избран епископами и белым духовенством². При подписании данного документа прирожденный дипломат архиепископ Сергей (который в отличие от всех остальных оставался в Синоде) сделал следующее добавление: «Присоединяюсь к заявлению о необходимости образования состава Синода путем выборов и считаю неременной задачей новой сессии выработку Временного (впредь до Собора) положения о Святейшем Синоде». К этому мнению архиепископа Финляндского присоединились протопресвитеры Дернов и Шавельский³.

Как показывают обнаруженные К.В. Ковырзиным письма архиепископа Арсения, уволенные члены Синода восприняли указ от 14 апреля 1917 года как унижение церкви. Однако наибольшую критику с их стороны вызвал даже не обер-прокурор, а архиепископ Сергей, который своим согласием остаться на летнюю сессию разрушил консолидированную позицию иерархов⁴. В оправдание Сергея можно сказать, что на первом заседании нового Синода 25 апреля архиепископ действительно зачитал акт участников зимней сессии о необходимости составления высшего церковного управления «на канонических основаниях». Впрочем, Синод это просто «принял к сведению»⁵. В октябре 1917 года протопресвитер Любимов рассказал на Поместном Соборе, что прибывшие

¹ Шавельский Г.И. Указ.соч. С. 116.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 757. Л. 54 об; ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–4.

³ Там же.

⁴ Ковырзин К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.) Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 49–50.

⁵ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 19.

архиереи вообще не поняли, почему это обращение передали им, а не Временному правительству. А «говорить о каноничности всякого, какого угодно, состава Св. Синода с тех пор, как он существует, не приходится, ибо с самого первого момента его учреждения всегда все члены Синода вызываемы были не по избранию верующих чад Церкви Христовой, а исключительно по воле светской власти...» – добавил тогда Любимов¹.

Характерно также, что никто кроме самих уволенных от присутствия в Синоде иерархов не высказал категорического протеста против произошедшей смены высшего церковного управления. Черда епархиальных съездов в конце апреля – мае 1917 года поддержала новый состав Синода, заявив, что только теперь он «вступил в живую и непосредственную связь с православною паствою»². В том же смысле высказались и профессора духовных академий³. Тем не менее, встречавшийся в начале мая 1917 года с московским духовенством протопресвитер Любимов отметил, что все же имели место две противоположные точки зрения. Первая заключалась в том, что назначенный правительством Синод не достаточно легитимен для совершения каких-либо «экстренных преобразований», а другая упрекала иерархов в том, что дело обновления церковной жизни движется очень медленно⁴.

Досрочный роспуск зимней сессии Синода совпал с расширением движения в епархиях: именно по окончании весенней распутицы, в последних числах апреля – мае 1917 года, по России прокатилась волна епархиальных съездов, на которых подверглось пересмотру все местное церковное управление. Однако сама смена состава Синода вовсе не являлась частью этой «епархиальной» (или «церковной») революции: речь шла лишь о кадровой перестановке, которая, с одной стороны, упрочила позиции обер-прокурора перед православным

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. С. 189.

² Серафим (Кузнецов), игумен. Указ. соч. С. 786–787.

³ Так, корпорация Киевской академии выразила надежду на то, что обновленный Синод будет работать на благо церкви и «в согласии с Временным правительством». См.: там же. С. 786.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 63–64.

епископатом, а с другой, позволила В.Н. Львову проводить требуемую «прогрессивной общественностью» политику обновления церкви.

Итак, период марта – начала апреля 1917 года стал для высшего церковного управления определяющим в том смысле, что в это время решался вопрос, кто после свержения самодержавия будет направлять жизнь церкви: имеющееся духовное начальство в лице старого Синода и наличного епископата или какие-то новые структуры, созданные революцией. За второе выступал обер-прокурор В.Н. Львов, который пытался вести себя в Ведомстве православного исповедания как «революционный диктатор». Возможность компромисса между членами Синода и Львовым, конечно же, могла быть достигнута, если бы не его вызывающее поведение по отношению к архиереям. Добившись указа Временного правительства об отставке Синода, Львов победил, но только внешне. Церковная революция апреля – августа 1917 года показала слабость центральной власти на местах, а выбираемые в епархиях архиереи получали гораздо больший авторитет и поддержку, чем назначенный сверху Синод. Можно даже сказать, что Львов 14 апреля использовал «последний патрон» в обойме: после этой даты Временное правительство больше не вмешивалось во внутренние вопросы церковного управления.

Таким образом, применительно к событиям Февраля 1917 года вряд ли можно говорить о Православной церкви как таковой, речь может идти только о Ведомстве православного исповедания. И свержение самодержавия стало для него настоящей катастрофой, в одночасье переводя его в положение, близкое к статусу «бывшего» (наподобие Министерства Императорского двора). Реакцию как духовного начальства, так и многих рядовых священно- и церковнослужителей на Февральский переворот во многом стоит рассматривать как реакцию чиновников, под которыми закачалось кресло. Будущее Православной церкви в России должно было определиться в процессе революционного правотворчества новых властей, представителей духовенства и верующих мирян.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЕСНОЙ – ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА

3.1. Изменения в сфере идеологии, гражданского права, народного образования. Проблема защиты православного духовенства и церковной собственности

Хотя после Февраля 1917 года место Православной церкви (Ведомства православного исповедания) в системе государственных институтов оставалось *de jure* неизменным, однако, на практике ее взаимодействие с различными органами власти, а также всевозможными общественными организациями все же претерпевало трансформацию. Изменения коснулись, прежде всего, тех областей, где до свержения монархии существовал союз государства и церкви: сферы идеологии, гражданского права и народного образования. Сюда же можно отнести и проблему защиты церковной собственности, чью неприкосновенность гарантировали дореволюционные законы.

Как уже говорилось, главная функция православия при самодержавии, связанная с идеологической поддержкой светской власти и ее освящением, была отброшена революционной властью. Вместе с тем, полностью отказываться от услуг духовенства члены Временного правительства не спешили. Наиболее заметно это сотрудничество проявилось в вопросе о деятельности священников в армии и на флоте. По данным протопресвитера Г.И. Шавельского общая численность военного духовенства накануне войны составляла 730 священников и 150 диаконов, а за годы боевых действий она увеличилась до 5 000 человек и более¹. Этот рост происходил за счет причтов, поскольку обеспечиваемое государством материальное положение священников в армии было значительно лучше, чем духовенства в приходах². В 1916 году Шавельский также предложил создать институт армейских проповедников, пригласив туда наиболее

¹ См. Кострюков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. М., 2005. № 2 (31). С. 144; Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. Книга 1. СПб., 2004. С. 26.

² См. Фирсов С.Л. Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота в последней четверти XIX – начала XX столетий) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 19.

талантливых пастырей. Приказ о создании подобной должности в каждой армии начальник Штаба Верховного главнокомандующего подписал только 14 февраля 1917 года, а 25 февраля Шавельский издал распоряжение по своему ведомству о назначении кандидатур в 3-ю, 4-ю, 5-ю, 7-ю, 8-ю, 11-ю, 12-ю и Особую армии¹. Одновременно протопресвитер утвердил инструкцию, согласно которой задачей проповедников провозглашалось «поддержание и укрепление доброго духа армии через ведение бесед с воинскими чинами». Для этого пастырям предписывалось регулярно объезжать части, общаться с командирами и солдатами и выяснять, «какие явления, вопросы и события требуют освещения, разъяснения или разрешения», а также распространять книги, брошюры и листки. Кроме этого, армейским проповедникам поручалось «объединить и, где нужно, поднять и усилить» деятельность полковых, бригадных и других военных священников. Оговаривалось, что «при ведении бесед проповедник должен прежде всего помнить: “non multa, sed multum”² и преследовать только одну цель: убедить слушателей в том, в чем надо убедить. Для простого народа нужно не красноречие, а простое, от души идущее и в душу направленное слово». Примечательно указание, что «для ведения бесед проповедник не должен искать непременно торжественной обстановки, но пользоваться всяким положением, всякой обстановкой, всяким случаем, чтобы бросить слово живое и бодрящее в души христоролюбивых воинов», а «посещение от времени до времени» окопов крайне желательно³.

С падением самодержавия вопрос об организации деятельности военного духовенства повис в воздухе. Судя по всему, некоторые из только что назначенных армейских проповедников все же приступили к своим обязанностям: в 1-ю армию отправился настоятель Троицкой Колпинской церкви Александр Боярский, в 3-ю – благочинный 13-й пехотной дивизии протоиерей 51 пехотного

¹ Г.И. Шавельский в своих воспоминаниях утверждал, что институт армейских проповедников был введен в действие еще в 1916 году, хотя архивные данные этого не подтверждают. См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 376. Л. 5–6.

² Не много, но многое (крылатое выражение на латыни).

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 376. Л. 5 об.

Литовского полка Иоанн Голубев, а в 4-ю – наместник Григорие-Бизюкова монастыря Херсонской епархии архимандрит Арсений (Чаговцов)¹. Однако вакантной оказалась должность самого главы военного и морского духовенства: после непродолжительного ареста действующий протопресвитер Шавельский 10 марта подал заявление об отставке. Синод не спешил рассматривать документ, но в начале апреля 1917 года Военное министерство попросило назначить на место Шавельского Главного священника армий Румынского фронта протоиерея П.И. Лепорского². Хотя согласно Положению об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств от 12 июня 1890 года протопресвитер избирался Синодом и утверждался верховной властью, но по факту при последнем царе кандидата начальника военных священников руководству церкви предлагал именно военный министр³. Тем не менее, 15 апреля обер-прокурор переслал данный запрос в Синод, добавив от себя, что закон 1890 года никто не отменял, и принимать решение должны архиереи⁴. 25 апреля на своем первом заседании «летняя сессия» Синода единодушно выразила возмущение вмешательством военных в церковные дела. Было заявлено, что согласно новому государственному устройству человека на такой важный пост необходимо не назначать, а выбирать. Такую же точку зрения отстаивал и товарищ обер-прокурора Карташев: «военный министр вооружит против себя таким актом все военное духовенство», – говорил он, имея в виду перспективу назначения протопресвитера «сверху». В результате Синод попросил повременить с назначением, пока нельзя будет произвести «правильные выборы»⁵.

5 мая 1917 года военным и морским министром стал А.Ф. Керенский. Стремясь мобилизовать все имеющиеся ресурсы для планируемого в июне

¹ Там же. Л. 1.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 4 Стол. Д. 22. Л. 1, 4.

³ См.: Чимаров С.Ю. Русская Православная церковь и Вооруженные силы России в 1800 – 1917 гг. СПб., 1999. С. 95. 16 апреля дежурный в Главном штабе генерал-майор А.П. Архангельский еще раз запросил В.Н. Львова о позиции Синода. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 4 Стол. Д. 22. Л. 4.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 4 Стол. Д. 22. Л. 2.

⁵ Любимов Н.А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (25 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 20.

наступления, он уже 6 мая отправил Шавельскому срочное предписание «немедленно отправиться в Ставку для дальнейшей службы в должности протопресвитера военного и морского духовенства». На следующий день Шавельский сообщил в Синод, что просит свое прошение об отставке считать недействительным¹. 9 мая протопресвитер подписал новый приказ с перечнем фамилий армейских проповедников для всех 13 армий, хотя некоторые из кандидатур остались те же, что и в документе от 25 февраля, и эта именно эта дата объявлялась сроком начала их службы². Ряд проповедников зачислялись на должность с разных чисел марта и апреля 1917 года, что говорит о реальном времени их направления в войска. Видимо, в виду неясности ситуации в первые революционные месяцы Шавельский посылал проповедников в статусе «временных». Так, командир Измаиловского полка генерал Н.Н. Шиллинг запрашивал в телеграмме от 30 апреля 1917 года о том, кто и когда заместит вызванного от них в Штаб армии протоиерея Николая Сахарова³. А в приказе от 9 мая 1917 года Сахаров значится проповедником 8-й армии с 18 апреля⁴. Кроме того, согласно приказу от 9 мая во 2-ю армию проповедником с 28 марта назначили священника церкви Александровского института Якова Ктитарева, а в 5-ю – петроградского епархиального миссионера Н.В. Чепурина. Вслед за этим 10 апреля в 7-ю армию был назначен благочинный 41-й пехотной дивизии протоиерей 164-го пехотного полка Николай Рождественский и т. д. А 26 апреля Канцелярия протопресвитера военного и морского духовенства разослала только что назначенным армейским проповедникам должностную инструкцию, оговорив, что «приказ о назначении будет выслан дополнительно»⁵. Также примечательно, что числящийся с 21 апреля проповедником 10-й армии священник 9-й артиллерийской бригады Никанор Разумович напечатал в мае 1917 года специальные листовки-обращения к воинам и гражданам, призывая всех

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 757. Л. 74.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 376. Л. 1.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 9 – 9 об.

оказать поддержку Временному правительству и заставить «немецкую гордыню смириться». Однако на этих листовках Разумович подписался не как армейский проповедник, а поименовал себя делегатом ВКГД в Могилевской губернии¹. Так или иначе, после 9 мая штат проповедников оказался полностью укомплектован, а приехавший летом 1917 года в Россию французский министр Альбер Тома во время посещения Юго-Западного фронта особо восторгался их работой².

Для поднятия боевого духа солдат Керенский решил привлечь также наиболее «революционное» духовенство. В начале мая военный министр и генерал М.В. Алексеев вызвали в Ставку Верховного главнокомандующего представителей ВСДПДиМ, среди них протоиерея А.И. Введенского. 11 мая с участием Алексеева и протопресвитера Шавельского состоялось совещание, на котором были намечены меры к повышению боеспособности армии, в том числе и с помощью православной проповеди. «Единственное спасение армии, а с ней и всей России в том, чтобы настроение армии переродилось. А это единственно возможно путем живого слова», – говорил генерал Алексеев³. Отозвавшиеся на призыв Керенского и военного командования члены ВСДПДиМ объехали войска, где выступили перед солдатами, подчеркивая, что они являются представителями «прогрессивного» духовенства, «сторонниками демократизма». Священники призывали солдат подчиняться офицерам и продолжать войну до победы, не слушая «сатанинскую» агитацию «врагов свободы». Среди прочих Введенский отправился в Галицию, где посетил те части, в которых солдаты не шли на позиции или имелись острые конфликты с офицерами. В отчете о поездке сообщалось, что после речей протоиерея некоторые части вернулись в окопы⁴.

Временное правительство не забывало и о поощрении военного духовенства. 25 апреля обер-прокурор внес на рассмотрение министров предложение о том, чтобы при учете пенсионного стажа духовенства,

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 730. Л. 1–2.

² Шавельский Г.И. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 117.

³ Цит. по Кандидов Б. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху подготовки великой пролетарской революции // Антирелигиозник. 1937. № 9. С. 19.

⁴ Всероссийский церковно-общественный вестник (ВЦОВ). 1917. 25 мая.

перешедшего в военное ведомство из епархиального, считать вместо двух лет на прежней службе за один, год за год, что должно было значительно понизить пенсионный возраст¹. 24 апреля и 9 мая специальными постановлениями Временного правительства 56 и 45 священнослужителей получили награды «за боевые отличия против неприятеля и труды, понесенные по обстоятельствам военного времени»², а 9 июня утверждены награды еще 138 священникам, пожалованные военным начальством³.

Однако возможности работы военного духовенства в войсках после революции оказались сильно ограничены. Пастыри, еще вчера призывавшие идти в бой «за Царя», столкнулись с недоверием и даже агрессивным неприятием со стороны рядовых военнослужащих. Уже 8 марта 1917 года в солдатской секции Петроградского Совета при обсуждении проекта «Декларации прав солдата» в качестве одного из обязательных пунктов депутаты назвали немедленную отмену обязательной молитвы⁴. Было предложено также запретить не только проповедовать, но и «осуществлять религию» в войсках, но данная поправка не прошла⁵. В окончательной версии «Декларации прав солдата» говорилось, что отныне все военнослужащие пользуются свободой совести и «никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование и принуждаем к присутствию при богослужениях и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания». Участие в общей молитве объявлялось необязательным⁶. Военный министр А.И. Гучков отказался рассматривать этот документ, просто

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1–8. Сведений о рассмотрении этого предложения Временным правительством найти не удалось.

² Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 347; Журналы заседаний Временного правительства. Том 2. С. 55–56.

³ Там же. 231.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. В 5-ти тт. Том первый. 27 февраля – 31 марта 1917 г. СПб., 1993. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Декларация прав солдата. Пг., 1917. Другое название документа «Положение об основных правах военнослужащих». Полный текст декларации также см. Революционное движение в России в мае–июне 1917г. Июньская демонстрация: Документы и материалы. М., 1959. С. 237–239.

положив его «под сукно»¹. Сменивший Гучкова Керенский на следующий же день после назначения направил в Петроградский Совет своего заместителя полковника Г.А. Якубовича, объявившего в солдатской секции о подписании «Декларации»². По этому поводу Исполнительный комитет совета даже издал приветственное воззвание³. Однако, на самом деле документ опубликовали в виде приказа военного министра только 14 мая, а утвердили всем составом Временного правительства еще позднее, после обсуждения на совещании главнокомандующих фронтами 24 мая 1917 года⁴.

В любом случае «Декларация» являлась просто констатацией на бумаге того, что уже повсеместно происходило в действительности. Так, священник 184-го пехотного полка писал: «в марте... вход... с беседами в рати стал невозможен, оставалось только молиться в храме. Богомольцев вместо 200–400 человек стало 3–10 человек... Не редкость при случайной встрече были насмешки и хулы по адресу священника и офицера»⁵. Священника 170-го пехотного Молодеченского полка Дмитрия Полянского солдаты изгнали за распространение листовок, призывавших к наступлению⁶. На флоте духовенство также столкнулось с негативным отношением со стороны матросов, а в некоторых случаях даже началось изгнание священников с кораблей. На Балтике первой с таким требованием выступила команда учебного судна «Океан», а затем своих батюшек отправили на берег линейный корабль «Республика» и учебное судно «Азия»⁷. Тяжелое положение армейского духовенства его делегаты обсудили на съезде в

¹ Игнорируя «Декларацию», А.И. Гучков руководствовался совсем не религиозными мотивами. Он не без оснований видел в ней продолжение «Приказа №1», внесшего дезорганизацию в армию. В «Декларации», в том числе, прописывалась отмена обязательной отдачи воинской чести старшим по званию и т.д.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 года. М., 2002. С. 26.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 мая. С. 2.

⁴ См. Гальперина Б.Д. Февральская революция и права солдат: Опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 55–71.

⁵ Цит. по: Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне октября. Л., 1976. С. 66.

⁶ Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X век – 1917 год. Минск, 1984. С. 229.

⁷ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 70.

мае 1917 года в городе Проскурове. В частности, они констатировали, что в частях активно работали различные агитаторы, призывавшие солдат «прекратить бойню» и обещавшие им «землю и волю», а духовенство и офицерский корпус оказались один на один с огромной волнуемой и выходящей из подчинения командирам солдатской массой¹. Тем не менее, резолюция съезда гласила: «Начатая немцами война должна быть доведена до конца для закрепления нового государственного строя, освобождения закрепощенных народов, возвращения кровных наших земель»². Съезд обратился с воззванием к армии и флоту, призывая «сплотиться вокруг друга народа А.Ф. Керенского, прекратить братание с неприятелем и идти за Временным правительством продолжать войну». Со своей стороны военный министр сообщил делегатам из Проскурова, что «вопрос о включении в состав Синода протопр. Шавельского разрешен в желательном для духовенства смысле»³. В действительности Г.И. Шавельский так и не вошел в состав летней сессии Синода, а утверждение протопресвитера в прежней должности состоялось на Всероссийском съезде военного и морского духовенства в июле 1917 года⁴. Показательно, что Шавельского переизбрали подавляющим большинством голосов: 45 из 48. 9 июля председатель съезда протоиерей Лепорский отправил об этом телеграмму министру-председателю Временного правительства⁵.

В деятельности военного духовенства в 1917 году имел место и положительный опыт, особенно там, где находились талантливые пастыри. Известны случаи, когда священники вели солдат в наступление. Например, «Официальные Известия по ведомству Протопресвитера Военного и Морского Духовенства» сообщали, что священник 639-го пехотного Артвинского полка Симеон Фагуевский 16 июня 1917 года «во время атаки, в передовой цепи ранен в

¹ Так, генерал М.В. Алексеев назвал русскую армию 1917 года «вооруженной толпой, страшной не для врага, а для своего народа». См.: Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. М., 1968. С. 139.

² ВЦОВ. 1917.21 мая.

³ Там же.

⁴ ВЦОВ. 1917. 15 июля.

⁵ РГИА. Ф.797. Оп. 86. III Отд. 4 Стол. Д. 22. Л.7.

грудь осколком тяжелого снаряда...»¹ В другом полку после заявления солдат священнику, что они пойдут в наступление, только если он пойдет впереди, о. Иоанн Иванов несколько раз ходил в атаку с крестом и дважды чуть не погиб². Архимандрит Дубенского Крестовоздвиженского монастыря Андрей добровольно остался в германском плену «для молитвенного утешения православных соотечественников», за что 23 октября 1917 года получил благословение и грамоту от Святейшего Синода³. Вместе с тем, как пишет А.А. Кострюков, уровень подготовки военных священников по большей части не соответствовал тем запросам, которые требовались от них в войсках, особенно после свержения самодержавия⁴. Генерал А.И. Деникин даже написал впоследствии, что «голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось», а съезды духовенства «не имели реального значения»⁵.

Весьма показателен рассказ армейского проповедника протоиерея И.И. Крылова, напечатанный осенью 1917 года на страницах журнала «Известия по Петроградской епархии». Крылов сообщил, что объехал с проповедью одну из дивизий, побывал на передовых позициях «в версте от окопов», попадал под огонь и «свист снарядов». При этом, по словам проповедника, он «наслушался много благодарностей и комплиментов даже и от солдат», хотя «всюду во время речи о доверии к офицерам раздавалось глухое ворчание отдельных голосов: ”Корнилов?”» А во время проповеди об эксцессах революции и извращении ее лозунгов, кто-то воскликнул: «так что же не надо революцию? – буржуи соловья прислали»⁶. 15 октября во время выступления протоиерея в одном из деморализованных полков часть солдат начала кричать о необходимости примирения с «братьями-немцами», Крылова схватили и хотели расстрелять.

¹ Официальные Известия по ведомству Протопресвитера Военного и Морского Духовенства. 1917. № 3–4. С. 8.

² См. Кострюков А.А. Указ. соч. С. 159–160.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 58.

⁴ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 143–198.

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь, 1917. Минск. 2002. С. 7.

⁶ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 46–47 от 27 ноября. С. 6–7.

Однако кто-то чудом сумел уговорить остальных передать проповедника на суд полкового комитета. Несколько часов протоиерей просидел под арестом в ожидании смерти, пока не собрался комитет. Затем Крылова вывезли под конвоем в Штаб дивизии и там, извинившись, освободили¹.

Так или иначе, в вопросе о войне и роли в ней церковных организаций у Временного правительства и Православной церкви наблюдалось полное единодушие. Продолжая ведение боевых действий, правительство видело в православии надежную идеологическую опору, а духовенство с искренним рвением призывало народ поддержать правительственный курс, направленный на «войну до победы». И хотя после провала июньского наступления внимание к военному духовенству со стороны ведущих политиков сошло на нет, Временное правительство вплоть до Октября исправно продолжало награждать священнослужителей за боевые отличия «против неприятеля» и выплачивать военному духовенству жалование².

Вместе с тем, весной 1917 года новая власть сделала определенные шаги к тому, чтобы отказаться от административного покровительства православному вероучению. Это, прежде всего, коснулось существовавшей ранее духовной цензуры. Так, 27 апреля Временное правительство приняло ряд постановлений о печати и массовых зрелищах, упраздняющих возможность контроля над ними со стороны церковных органов («О печати», «Об учреждениях по делам печати» и «О надзоре за публичными зрелищами»). Законом закреплялось, что любое преследование по всем связанным с этими областями делам могло производиться только по постановлению судебных властей на основании подаваемых исков³.

Согласно первым двум постановлениям печать и торговля печатными изданиями объявлялись свободными, и всякая цензура над ними со стороны

¹ Там же.

² Постановлением Временного правительства от 19 сентября 1917 года награды пожалованы еще 55 священнослужителям. См.: Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. Т. 4. Сентябрь–октябрь 1917 года. М., 2004. С. 162.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 358–362.

государственных органов отменялась¹. Первый же прецедент в этой связи произошел в середине мая, когда несколько периодических изданий позволили себе язвительные антирелигиозные публикации. Журнал «Пулемет» поместил на своих страницах карикатуру «Христос в участке», а «Бич» выпустил специальный номер (№ 18 за 1917 год), высмеивающий разврат и продажность служителей церкви, а также их верность идеалам самодержавия. Журналы подвергли критике и христианское таинство евхаристии, что вызвало возмущение как у духовенства, так и у верующих мирян. 16 мая обер-прокурор В.Н. Львов направил председателю правительства письмо, в котором, изложив суть дела, и добавив, что и в кинематографах стали показывать картины, возбуждающие «ропот» православного населения, заявил, что необходимо принять «самые энергичные меры» по недопущению антицерковных выступлений в печати и во время массовых представлений. Последние, по мнению Львова, «служат лишь к дискредитированию нового строя и способствуют нарастанию настроений, играющих на руку контрреволюционным замыслам, так как необразованная толпа склонна отождествлять ненаказуемость таковых инцидентов с направлением политики Временного правительства»². На заседании Синода 26 мая В.Н. Львов сообщил иерархам, что он докладывал Временному правительству о желательности ограничить в печати антирелигиозные высказывания. По словам обер-прокурора, министр внутренних дел и министр юстиции заявили, что «они примут со своей стороны меры к недопущению впредь подобных явлений»³. Однако Львов поспешил объяснить членам Синода, что решение правительства вовсе не означает начала гонений на всех говорящих о церкви что-либо плохое. «Возбуждение уголовного преследования журнала или газеты за глумление над православной верой и церковью возможно только по инициативе частного лица», то есть всякий человек, возмущенный той или другой выходкой журнала или газеты, мог подать заявление или мировому судье, или прокурору о том, что он

¹ Там же. С. 358–361.

² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 608. Л. 4 – 4 об.

³ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 76.

чувствует оскорбительной для своего религиозного чувства ту или другую статью или карикатуру¹.

Нововведения коснулись также цензуры в театрах и кинотеатрах. Показательно, что 23 февраля 1917 года, в день начала массовых демонстраций в столице, приведших к свержению монархии, Синод принял определение, протестующее против разрешения МВД показа фильмов патриотического содержания на первой и четвертой седмице Великого поста, поскольку, по мнению иерархов, кино является своего рода формой общественных забав². Согласно постановлению от 27 апреля «О надзоре за публичными зрелищами» упраздняясь лишь предварительная драматическая цензура, в то время как на самом представлении (спектакле, кинематографическом сеансе) должен был присутствовать представитель местного комиссара Временного правительства или тех учреждений, которые его заменяют. При этом постановление обязывало организаторов массовых зрелищ заранее представлять краткое изложение их содержания, а также минимум за сутки передавать экземпляр афиши. Если действие вызвало нарушение общественного порядка, присутствующие на нем представители власти имели право приостановить его и даже с разрешения мирового судьи запретить его повтор. Однако для возбуждения преследования по делам, связанным с публичными зрелищами, также требовалось постановление судебных властей³.

Вместе с тем, полностью устраняться и совершенно оставлять церковь без поддержки, правительство тоже не хотело. Так, 13 июня товарищ министра внутренних дел князь С.Д. Урусов попросил министра юстиции П.Н. Переверзева «указать лицам прокурорского надзора на необходимость самой решительной борьбы с совершаемыми путем печати и публичных представлений преступлениями» с целью ограждения «религиозного чувства православного

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2831. Л. 236 – 236 об. О попытках церкви регулировать репертуар и деятельность «кинематографов» в начале XX века см.: Преснякова Л.В. Церковь и кинематограф в дореволюционной России // Религиоведение. 2009. № 3. С. 148–155.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 362.

люда»¹. Того же 13 июня Урусов сообщил о своем обращении обер-прокурору, добавив, что он разослал губернским, областным и городским комиссарам циркуляры, требуя «иметь самый строгий надзор за демонстрируемыми в кинематографических заведениях картинами»².

В своем циркуляре от 17 июня премьер Г.Е. Львов сообщил комиссарам правительства на местах, что по его сведениям в некоторых кинематографах стали демонстрировать фильмы, представляющие собой «явное глумление не только над духовенством, но даже над религиею и возбуждающие справедливое негодование православного населения». Председатель правительства попросил из соображений необходимости ограждения «религиозного чувства народа от наносимых ему подобными картинами оскорблений» установить «неослабный надзор» за публичными зрелищами и обо всех нарушениях тут же сообщать прокурорским чинам «для привлечения виновных к ответственности в законном порядке»³. А 22 июля 1917 года МВД направило губернским, областным и городским комиссарам циркулярное распоряжение «о точном и неукоснительном исполнении» на местах требований той части постановлений от 27 апреля, в которой говорилось о необходимости передавать местным властям или в Книжную палату по 2 экземпляра любого «предназначенного к публичному исполнению или изображению произведения», а также – за 24 часа до начала представления – экземпляры афиш⁴.

Впрочем, постановления от 27 апреля и порядок действий по ним могли толковаться на местах по-разному. Например, 19 августа Керчь-Еникальский губернский комиссар прислал в МВД копию афиши фильма «Святой черт», демонстрировавшегося (или готовящегося к демонстрации) в кинотеатре «Уголок». Комиссар заявил, что, по его мнению, такое название «не может быть допущено, как возбуждающее справедливое негодование православного

¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 608. Л. 6 – 6 об.

² Там же. Л. 5 – 5 об.

³ Там же. Л. 7. Об этом циркуляре писали «Известия Петроградского Совета». См.: Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 июня. С. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 608. Л. 31 – 31 об.

населения», которое уже сорвало часть афиш. Комиссар отдал распоряжение о заклеяке на оставшихся слова «святой» и доложил в МВД, что не смог привлечь к ответственности автора картины, так как это – кинематографическая прокатная контора А.Д. Савва, находящаяся в Москве. Владельца кинотеатра «привлекать не стал»¹. Интересно отметить, что и судебные органы также оказались в данном случае не задействованы. Тем не менее, 7 сентября Главное управление по делам милиции обратилось к Московскому городскому комиссару с запросом относительно выпуска конторой Савва указанной киноленты². Также стоит добавить, что речь, по-видимому, шла об экранизации одноименной популярной брошюры о Г.Е. Распутине, изданной «на потребу дня» после Февральского переворота³.

10 августа управляющий Нижегородской епархией епископ Балахнинский Лаврентий (Князев) отправил министру-председателю А.Ф. Керенскому письмо, в котором сообщил о просьбе епархиального собрания духовенства и мирян об «ограждении нравственности народной от развращения» ввиду предстоящей постановки «безнравственной пьесы Каменского»⁴. 19 сентября начальник Главного управления по делам милиции С.А. Балавинский отослал Нижегородскому губернскому комиссару распоряжение «иметь бдительное наблюдение за постановкой означенной пьесы Каменского и при наличии в ней признаков уголовно-наказуемого деяния, принять соответствующие меры согласно... закону»⁵.

Происходившие в стране события неизбежно поставили ребром и вопрос о существовании внутренней церковной цензуры, которую также нередко считали пережитком старого строя. В начале 1917 года действовали Петроградский и

¹ Там же. Л. 42.

² Там же. Л. 45.

³ См. Илиодор, иеромонах (Труфанов Сергей). Святой чорт. (Записки о Распутине). М., 1917.

⁴ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 608. Л. 46. Видимо, имелся в виду драматург А.П. Каменский (1876–1941), автор романа «Люди» (1910) и других произведений, в которых бросался вызов «отжившим свое» быту и морали мещанского общества и содержался призыв к «освобождению» (прежде всего, от сексуальных запретов).

⁵ Там же. Л. 48 – 48 об.

Московский цензурный комитеты, а также цензурные комитеты при Киевской и Казанской духовных академиях. Указы от 24 ноября 1905 и 26 апреля 1906 года отменили предварительную общую и духовную цензуру, поэтому рассмотрению подлежали только издаваемые впервые материалы по церковному служению, управлению, догматам веры, толкованию священных книг, жизнеописания святых и учебные пособия по духовным предметам¹. Однако и этого было достаточно для критики. В мае 1917 года Исполнительный комитет Московского Совета обратился к В.Н. Львову с телеграммой о том, что «Московский духовно-церковный комитет (так в тексте – А.С.), как учреждение не только бесполезное, а даже прямо вредное, должен быть тотчас же упразднен». Обер-прокурор незамедлительно связался с управляющим епархией епископом Иоасафом, который телеграфировал, что «упразднить Московский цензурный комитет, помещение передать канцелярии Всероссийского съезда духовенства и мирян нет препятствий»². 25 мая сложившуюся ситуацию обсуждали в Синоде, и мнения его членов разделились. Протоиерей Н.А. Любимов заявил, что кто, как не цензурный комитет, будет рассматривать «все акафисты, службы, учебники по Закону Божию»? Однако в тот момент победила точка зрения протоиерея А.П. Рождественского, высказавшегося против духовной цензуры («да и против всякой вообще цензуры»): Синод поручил ему представить доклад об упразднении духовно-цензурных комитетов³. Впрочем, данная инициатива не получила развития, а Московский духовно-цензурный комитет просуществовал до 1918 года.

Надо добавить, что и сам В.Н. Львов не был до конца уверен в возможности полной отмены внутренней церковной цензуры. 13 июня 1917 года он передал председателю правительства запрос петроградского общественного градоначальника о предварительной цензуре музыкальных концертов. Дело в том, что в соответствии с циркуляром Департамента полиции от 29 сентября 1915 года

¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 761. Л. 16 об – 17.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 75.

³ Там же. С. 76.

в духовных публичных концертах запрещалось смешение светской и духовной музыки, а также не допускалось исполнение употребляемых в православном богослужении песнопений и молитв. Для этого программы духовных концертов рассматривались заранее епархиальными властями. Вопрос общественного градоначальника заключался в том, изменилась ли данная процедура после революции или нет. От себя В.Н. Львов добавил, что эти старые статьи закона желательно сохранить¹. 20 июля товарищ министра внутренних дел князь Г.Д. Сидамон-Эристов ответил обер-прокурору, что статьи о несмешении светской и духовной музыки и запрете публичного исполнения фрагментов богослужения остаются в силе, так как они не противоречат постановлениям правительства от 27 апреля. Однако при этом предварительную цензуру епархиальных властей необходимо прекратить, а все жалобы на возможно допущенное «глумление» рассматривать в судебном порядке².

Таким образом, Временное правительство сочувствовало идее охраны православной веры, но считало необходимым отказаться от чисто административных или полицейских методов. Предлагалась совершенно иная – правовая – концепция, подразумевающая задействование судебных органов при защите религиозной совести граждан. Конечно, сразу получить широкое применение новая система не могла, население должно было сначала привыкнуть к ней. За весь 1917 год не известно ни одного случая, когда бы люди действительно обращались в суд из-за поруганной веры. Гораздо привычнее представлялись жалобы властям и начальству³, да и для самих правительственных комиссаров административные меры вмешательства оказывались проще.

¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 608. Л. 17 – 17 об.

² Там же. Л. 28 об.

³ Например, 23 сентября 1917 года 39 членов Поместного Собора предложили его руководству обратиться к Временному правительству с просьбой принять меры для ограждения церкви от устных и печатных глумлений. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Деяния XVII–XXX. Петроград, 1918. С. 38.

Весной–летом 1917 года также шло активное обсуждение вопроса о реформах в гражданско-правовой сфере и пересмотре степени участия в ней религиозных институтов. До революции Россия была конфессиональным государством, в котором правовой статус подданных определялся их вероисповеданием. Согласно данным «всеподданнейшего» отчета обер-прокурора Синода за 1914 год в это время более 98 миллионов человек в России исповедовало православие, что составляло почти две третьих населения империи¹. Однако эта цифра вовсе не отражала реальное количество искренних верующих. Внеконфессиональное состояние законом не предусматривалось, и основная часть населения просто числилась православными. Ими являлись и многие большевики, и представители других революционных партий, впоследствии инициировавшие разрушение церкви.

Метрические книги вели священники, они же ведали демографической статистикой, а брачные отношения граждан регулировались церковными учреждениями. Православная церковь пользовалась преимущественным положением: если хотя бы один из супругов состоял в православии, то вопрос о расторжении брака должен был решаться духовной консисторией и Святейшим Синодом². До 1917 года в России существовала только церковная форма брака. И если венчание обычно не представляло сложности для «брачующихся», то развод оборачивался долгим бюрократическим процессом, тянувшимся иногда несколько лет³. Идея о необходимости введения в России светской регистрации актов

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Приложения. Петроград, 1916. С. 27. В эту цифру не входят данные по Варшавской епархии и ведомству военного и морского духовенства.

² См.: Законы о разводе (расторжении браков) православного и неправославных исповеданий и о раздельном жительстве супругов с разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего Синода. Составил В. Максимов. М., 1909.

³ Законодательство допускало расторжение брака только в четырех случаях: доказанного прелюбодеяния одного из супругов, неспособности одного из супругов к брачному сожитию, в случае присуждения одного из супругов к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или к ссылке с лишением всех особенных прав и преимуществ и в случае длительного безвестного отсутствия одного из супругов. Дело о расторжении брака начиналось в духовной консистории по месту жительства истца и имело все атрибуты гражданского суда. Доказательствами прелюбодеяния считались только показания не менее двух очевидцев или «прижитие» детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами. Все другие доказательства: письма и т. д., признавались не более чем дополнением к основным двум. Обжаловать решение духовной консистории можно было в Синоде: если в расторжении брака отказано – бессрочно, если присужден развод – в течение 2-х месяцев. Жалоба подавалась в консисторию, которая пересылала ее в Святейший Синод (в случае отказа в разводе апелляцию

гражданского состояния муслимовалась задолго до революции, тем более что уже с 1874 года метрические книги старообрядцев вела полиция. В 1902 году был опубликован проект Гражданского уложения, предусматривавшего рассмотрение брачных дел светскими судами¹. Как писал в 1909 году составитель сборника о брачных законах В. Максимов, «мысль о лучшем и кажется недалеком будущем, когда бракоразводный процесс войдет в компетенцию общих судов более и более распространяется в печати и обществе»². Церковная власть, хотя и не допускала мысли о переходе бракоразводного делопроизводства к светским органам, но и не отрицала необходимость его упрощения. Однако эта задача длительное время оставалась неразрешимой. Протопресвитер Г.И. Шавельский вспоминал, что большую часть времени заседаний Синода в 1915–1916 годах занимали именно дела о разводах³. В 1913 году Синод несколько расширил список поводов к расторжению брака, добавив туда уклонение из православия, жестокое обращение и принуждение одного супруга к совершению преступного деяния другим. В то же время оговаривалось, что в случае «обоюдного прелюбодеяния» брак остается в силе⁴. В январе 1917 года работала специальная комиссия под председательством архиепископа Финляндского Сергия из представителей Синода, Сената и ряда сторонних компетентных лиц, сформулировавшая новый перечень поводов к разводу⁵. Однако невыясненными остались порядок бракоразводного процесса, а также то, как принимать брачный кодекс: только Синодом, Синодом с высочайшим царским утверждением или через Думу и

можно было подавать и непосредственно в Синод). Если в течение 2-х месяцев со дня принятия консисторией решения о разводе жалобы на постановление не поступало, консистория отправляла его на утверждение в Синод. Участия последнего не требовалось только в двух случаях: если расторжение брака происходило из-за осуждения одного из супругов с лишением прав состояния или из-за безвестного отсутствия супруга, принадлежавшего к крестьянскому или мещанскому сословию. В первом случае епархиальное начальство просто уведомляло Синод, во втором – была возможна апелляция в Синод. См.: там же. С. 45, 84.

¹ См.: Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX века. Поместный собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. М., 2004. С. 210–226.

² Законы о разводе (расторжении браков). С. 13.

³ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 152–153.

⁴ Белякова Е.В. Указ. соч. С. 253.

⁵ Указ. соч. С. 255–256.

Государственный совет?¹ После революции зимняя сессия Синода из-за конфликта с обер-прокурором В.Н. Львовым бойкотировала не только решение вопроса, но и само акцентирование на нем, хотя архиепископ Финляндский Сергей всячески пытался его продвигать². В Канцелярию Временного правительства продолжали стекаться прошения о расторжении и заключении браков, а также об изменении наложенных церковным судом наказаний³. По некоторым прошениям ходатайствовал сам глава правительства: так, передавая В.Н. Львову заявление председателя Александровской уездной земской управы К.Б. Михно о желании вступить во второй брак до истечения назначенного ему после развода семилетнего запрета на женитьбу, премьер подписал от себя: «Очень прошу Вас, если возможно, ускорить разрешение этого дела, так как неопределенность положения, по-видимому, очень тяготит К.Б. Михно»⁴. Философ В.В. Розанов выступил в печати с призывом максимально облегчить развод, чтобы «увести» людей от гражданского брака⁵.

Значительное количество писем, поступивших весной 1917 года в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, также содержали прошения о разводе или призыв провести реформу брачного законодательства в целом. Так, Н. Фатов из села Дмитриево Рязанской губернии 12 апреля 1917 года настаивал на том, что совет должен потребовать от Временного правительства немедленно издать законы о свободе совести и о гражданском браке⁶. А 7 апреля солдат 64-го Сибирского полка Милютин попросил Петроградский Совет «сделать постановление относительно расторжения брака так как большая масса есть таких солдаток которые совершенно оставили своих супругов и живут с другими, то тут само собой разумеется что когда воротится любой из нас домой то наверное ему не понравятся те дурные проступки которые совершала любого из

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 227.

² ВЦОВ. 1917. 11 апреля.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1445; ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ ВЦОВ. 1917. 14 мая.

⁶ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 55 – 59 об.

нас жена...»¹ Автор добавлял, что «этот закон старый неправильный потому что очень трудно добиться так чтобы брак был расторгнут»². В письме от 4 мая 1917 года солдат 37-го пехотного запасного полка И.Г. Кравченко заявлял: «Товарищи! Прошу выработать закон о свободном расторжении бракосочетания. Несколько сот лет мучились десятки тысяч людей разоряя хозяйство именно потому, что не имели свободного расторжения брака». Солдат сообщил, что с женой он прожил всего 3 месяца, после чего она ушла. Крестьянское хозяйство Кравченко без хозяйки разорилось, а он мучается уже 17 лет³.

Вопросы брачного законодательства рассматривались в 1917 году и высшей церковной властью, хотя и не так скоро, как этого требовали многие запросы с мест. Во второй половине апреля 1917 года петроградская адвокатура, для которой бракоразводные дела составляли один из источников доходов, в лице присяжных поверенных И.А. Шпицберга и Н.Н. Чернова, подала обер-прокурору записку с предложением пересмотра действующего Устава духовных консисторий и перенесения решений по брачным делам из Синода на епархиальный уровень. 29 апреля эту записку рассматривали члены Синода, причем больше всего дебатов разгорелось вокруг предложения адвокатов разрешить вести бракоразводные процессы лицам иудейского вероисповедания. Протоиерей А.П. Рождественский и присутствовавший на заседании чиновник Сената А.И. Пилкин заявили, что евреи не могут быть поверенными «глубоких тайн верующего православного христианина»⁴. В.Н. Львов предложил разрешить ведение бракоразводного процесса лицам всех христианских вероисповеданий, поскольку в русской церкви допускались смешанные браки православных с

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 720. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 9а. Вот еще одно заявление по поводу развода: 19 апреля взводный запасного фейерверкера Антон Б. (фамилия неразборчива) из села Коростни Волынской губернии направил в Петроградский Совет «господину генералу Родзянку» следующее ходатайство: «имея коварную и ненавистную жену, а потому и прошу господ депутатов солдат рабочей партии своим властным судом расторгнуть мой законный брак с моей женой и удовлетворить меня документами на право взятия другой жены». Взводный объяснял, что долго подчинялся и терпел «пока не услышал свободы, а теперь уж милостиво прошу, братья мои милые, дайте мне свободу развяжите мои узы». См.: там же. Л. 2. В документах Петроградского Совета имеется еще несколько десятков подобных заявлений. См.: там же. Л. 12–13, 15–25, 37 – 37 об, 38, 42, 46 и др.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 30.

католиками и лютеранами. На это товарищ обер-прокурора возразил, что согласно постановлениям Временного правительства о полноправии всех вероисповеданий не следует лишать евреев права вести бракоразводные дела в духовных консисториях¹. Это выступление озадачило Львова, который перед голосованием заявил, что он отказывается от своего ранее высказанного мнения в пользу заместителя. В результате Синод проголосовал за допущение к ведению бракоразводного процесса не только евреев, но и вообще всех «лиц, имеющих право ведения гражданских дел в общих судебных местах». После продолжительного обсуждения 29 апреля – 1 мая 1917 года Синод выпустил определение № 2547 «Об изменениях в делопроизводстве духовных консисторий о расторжении браков»², согласно которому разрешение брачных конфликтов полностью передавалось духовным консисториям, а Синод оставался во всех случаях кассационным органом³. Поводами к разводу признавались уклонение другого супруга в иноверие или инославие, прелюбодеяние, неспособность к сожителству, неизлечимое сумасшествие или проказа, двоебрачие, безвестное отсутствие или направление одного из супругов на каторжные работы или поселение. Нововведением стало разрешение постановления о разводе в случае, когда обе стороны признаны виновными в нарушении святости брака⁴.

Вскоре выяснилось, что принятие Синодом определения от 29 апреля – 1 мая 1917 года явило собой юридическую коллизию. Когда сотрудники синодальной канцелярии передали постановление в Правительствующий Сенат для опубликования, то получили отказ с мотивировкой о необходимости принятия новой редакции Устава духовных консисторий «тою же властью, с утверждения коей издан духовный устав первоначально»⁵. Речь шла о верховной государственной власти, то есть Временном правительстве, которому В.Н. Львов

¹ Там же.

² Там же.

³ Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 110.

⁴ Новый закон о разводе. Новая редакция главы VI раздела III Устава духовных консисторий о прекращении и расторжении браков. Чернигов, 1917. С. 1–7; Белякова Е.В. Указ. соч. С. 257–260.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 14. Л. 44 – 44 об.

почему-то не стал представлять данного синодального определения. На основании факта отсутствия официального опубликования постановления некий Александр Цукенбергер даже подал 14 ноября 1917 года апелляцию в Синод с просьбой признать незаконными все решения духовной консистории по делу о его разводе, так как оно рассматривалось по новым, не вступившим в законную силу правилам. Однако жалобу Цукенбергера не приняли, ссылаясь на то, что определение № 2547 было разослано в епархиальные управления циркуляром Синода от 1 мая 1917 года и «применяется с того времени в практике Духовных консисторий»¹.

В начале мая 1917 года В.Н. Львов организовал Особое совещание по пересмотру вопроса о поводах к разводу. Был приглашен довольно-таки широкий круг лиц, причем, хотя речь шла о церковном браке, духовенство оказывалось в меньшинстве. Заседания происходили 11–13 мая 1917 года, на них присутствовали товарищ обер-прокурора Синода А.В. Карташев, протоиереи А.П. Рождественский, Ф.Д. Филоненко, священник П.А. Чельцов, академики В.М. Бехтерев и Т.П. Павлов, профессора Д.О. Отт, Л.Б. Бертенсон, В.И. Разумовский и Б.В. Титлинов, товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената А.П. Пилкин, член Петроградской судебной палаты В.А. Корнеев, присяжные поверенные Н.Д. Кузнецов и И.А. Шпицберг, а также чиновники духовного ведомства. Бехтерев от имени медицинской подкомиссии предложил добавить пункт о том, что один из супругов может просить о разводе вследствие «противоестественной склонности другого супруга», а также «неспособности к совокуплению и деторождению». Последнее замечание вызвало возражение у А.П. Рождественского и П.А. Чельцова². Синод отказался рассматривать подготовленный Особым совещанием законопроект, но не из-за его содержания, а вследствие того, как представил документ В.Н. Львов: обер-прокурор привел с собой на синодальное заседание двух посторонних лиц (видимо, юристов) и объявил, что сейчас они будут изучать вопрос о поводах к расторжению брака.

¹ Там же. Л. 44 об.

² Белякова Е.В. Указ. соч. С. 261.

Когда иерархи выразили протест, Львов грубо заявил, что в таком случае он, обер-прокурор, введет в России своей властью гражданский брак. В связи с этим архиепископ Платон иронично заметил, что Львов «решил признать себя 1/10 частью Временного правительства»¹. Никакого гражданского брака обер-прокурор Синода, разумеется, не учредил.

В июне 1917 года начал свои работы Предсоборный Совет. 2 июля на его заседании Львов опять предложил обсудить изменения в церковное законодательство о разводе «в соответствии с требованиями государства». Чиновник отметил, что средств на введение гражданского брака пока нет и, кроме того, эта сфера должна оставаться у церкви: «в противном случае противоречие между гражданскими и церковными законами неизбежно». Однако собравшиеся отвергли предложенную Львовым формулу о том, что духовенство должно блюсти и проводить в жизнь создаваемые государством брачные нормы. Не приняли и предложение Н.Д. Кузнецова внести в законопроект о правовом положении церкви в государстве положение, разрешающее ей вести брачные вопросы самостоятельно по своим канонам при том, что светская власть может учредить гражданскую метрификацию браков. П.И. Астров возразил: «никто и сам не пойдет в церковь для совершения брака, ибо для всех будет ясно, что для этого в церковь ходить излишне, а нужно идти в другое место». В итоге была принята формулировка профессора П.В. Верховского, гласящая, что «церковносудебные решения по делам о разводе и о признании брака незаконным и недействительным признаются в силе судебных решений, если не противоречат государственным законам»². Таким образом, церковь оказывалась не готова признать возможность светской регистрации брака для православных граждан.

Но и государство весной–летом 1917 года не предпринимало никаких шагов к тому, чтобы изъять из ведения церковных органов вопросы метрикации и регулирования брачных отношений. Более того, даже после выхода определения

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. Москва, 1999. С. 50.

² Белякова Е.В. Указ. соч. С. 262–263.

от 29 апреля – 1 мая 1917 года некоторые дела о разводах продолжали поступать не только в Синод, но и, в особых случаях, когда ранее требовалось высочайшее утверждение, на рассмотрение Временного правительства. Например, 7 июня Совещание товарищей министров под председательством Д.Д. Гримма слушало дела «о расторжении брака Антонины Рубичек с мужем ея, австрийским подданным Алексеем Рубичек» и «о расторжении брака Валентины Плетюхиной с мужем ея Иваном Плетюхиным». Решения по обоим этим вопросам Временное правительство утвердило 2 августа 1917 года¹.

Любопытно отметить, что и Петроградский Совет весной-летом 1917 года не призывал к немедленному введению гражданского брака и развода. Все поступающие в совет письма об этом не выносились на обсуждение общих заседаний, а сразу направлялись в Юридический отдел, который призывал просителей действовать в рамках существующих законов. Например, на пришедшем в Петроградский Совет 17 апреля 1917 года прошении о разводе с женой некоего запасного матроса 14-го флотского экипажа имеется следующая резолюция карандашом: «объяснить просителю, с ходатайством о разводе нужно обращаться в консисторию по месту жительства мужа. Причиной для развода не может быть одно желание, а прелюбодеяние или другие, указанные в законе причины»². 21 апреля Юридический отдел Петроградского Совета официально ответил гражданину Павлу Войлокову: «с ходатайством о разводе надо обращаться в консисторию по месту жительства мужа. Поводом к разводу служит главным образом прелюбодеяние и другие причины. Во всяком случае, простое нежелание жить с супругом не может быть причиной для развода»³. Подобным образом отвечали и другим адресатам⁴.

В ряде случаев ответы Петроградского Совета представляли собой краткую юридическую консультацию. Так, 10 мая 1917 года некоему Ф.И. Хлюстову

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 29. Л. 17 – 18 а.

² Там же. Л. 3 об.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 722. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3, 36.

сообщили, что ему следует с прошением о разводе обратиться в духовную консисторию, «указав как самый факт о неверности жены, так и могущих это доказать свидетелей, приложив выписку о браке и те документы, которые вы найдете нужными для дела. Прощение и все прилагаемые бумаги должны быть обязательно в двух экземплярах и оплачено гербовым сбором»¹. 16 мая подобные рекомендации дали солдату Степанову², а 25 мая «гражданину-солдату» С. Балашок³.

Не считаясь с действующим брачным законодательством, Петроградский Совет поступил только один раз: в связи с вопросом о назначении пайков солдатским семьям. В постановлении от 28 апреля 1917 года кроме увеличения самой суммы пособия с 10 до 20 рублей указывалось, что его необходимо выдавать не только законным, но и гражданским женам военнослужащих, их детям до 16 лет – брачным и внебрачным, а также пасынкам и падчерицам. При этом оговаривалось, что «гражданская жена не получает пайка, если у призванного есть жена, с которой не прекращалась семейная жизнь»⁴. Исполнительный комитет направил ходатайство о немедленном обнародовании новых правил во Временное правительство, и уже 10 мая они были одобрены Совещанием товарищей министров. В соответствии с этим 22 июня 1917 года правительство приняло постановление о распространении на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер, а также на приемных детей призванных солдат правил о призрении солдатских семейств. Обязательным условием назначения пайка внебрачным родственникам являлось содержание их солдатом до его призыва. Паек мог быть предоставлен гражданской жене также в случае беременности или наличия детей. Оговаривалось, что при наличии законной семьи, внебрачная семья правом на паек не пользуется⁵. Последнее

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 2. 1 апреля – 5 мая. СПб., 1995. С. 422–423.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 334–335.

обстоятельство имело немаловажное значение для экономии государственных средств, и, в то же время, опять-таки апеллировало к действующим законам о браке. Постановление имело и обратную сторону: 10 мая 1917 года Юридический отдел Петроградского Совета известил гражданина Алексея Громова, что «прекращение выдачи пособия законной жене может быть лишь при условии развода»¹. И даже в конце 1917 года в Хабаровске областной комиссар по крестьянским делам сообщил городскому голове, что «законная жена, не получившая формального развода, находящаяся в гражданском сожителстве с призванным по мобилизации запасным или ратником права на казенный паек не имеет, так как по закону всегда в праве потребовать содержание от своего законного мужа»².

Поддерживая существующие законы, Петроградский Совет, тем не менее, не отказывался от роли «морального регулятора» внутрисемейных отношений. Например, 17 мая 1917 года в совет обратилась жительница д. Асеково Смоленской губернии А.С. Архипова. Она сообщила, что ее муж, с которым они состояли в браке 15 лет и имели 4 детей, «перешел в секту иоаннитов»³, которые не признавали брачных отношений, и с февраля 1917 года бросил ее с детьми, а также свою 75-летнюю мать без средств к существованию. При этом муж работал на Ревельском судостроительном заводе Русско-Балтийского Судостроительного и механического общества, получал неплохую зарплату в 400 рублей в месяц и пользовался семейной квартирой, в то время как его брошенные домочадцы остались в деревне. Жена просила принудить супруга «исполнять обязанности мужа, отца и сына по отношению к своей семье и своей матери старухе»⁴. 23 мая Юридический отдел переправил прошение Архиповой в комитет Русско-Балтийского судостроительного и механического общества с просьбой «оказать товарищеское воздействие на Архипова – мужа просительницы, предложив

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 722. Л. 7.

² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 57. Л. 54.

³ Иоанниты – псевдоправославная секта, появившаяся в конце XIX века среди последователей Иоанна Кронштадского (1829–1908), считавших его новым воплощением Христа.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 721. Л. 65–66.

последнему выдавать жене определенное месячное содержание. Размер этого содержания можно определить в зависимости от заработка Архипова». Юридический отдел добавлял, что надеется на удовлетворение ходатайства просительницы, «исходя из того, что представители пролетарских организаций не могут допускать таких действий со стороны товарищей. Надеемся, что Ваш моральный авторитет достигнет желательных результатов»¹. При похожих обстоятельствах 18 мая Юридический отдел обратился в комитет завода «Новый Лесснер» с просьбой оказать «товарищеское воздействие» на мужа гражданки Коппель, «побудив последнего выдавать жене определенную сумму ежемесячно»².

26 мая в Петроградский Совет с просьбой о помощи обратилась Татьяна Бенедиктова из с. Городок Волынской губернии. Она рассказала, что в 1916 году у них стояло интендантство 39-го армейского корпуса, и за ней ухаживал писарь Н.Ф. Демин. Он обещал жениться, и Т. Бенедиктова забеременела от него. После этого «жених» бросил возлюбленную одну с ребенком³. 1 июня Юридический отдел переправил отношение Бенедиктовой в интендантство 39 армейского корпуса с просьбой передать его тому комитету, которому подчинен Демин. Отдел проинформировал, что он «не считает себя вправе вмешиваться в частную, интимную сферу жизни отдельных граждан, но все же полагает, что товарищи Демина могут оказать на последнего моральное воздействие»: он должен содержать мать и ребенка, высылая им часть дохода⁴. Таким образом, весной-летом 1917 года Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, несмотря на давление снизу, не выдвигал никаких инициатив по изменению брачного законодательства. Это объяснялось как обилием других, более насущных проблем, так и информацией о подготовке Временным правительством закона о свободе совести.

¹ Там же. Л. 68.

² ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 722. Л. 13.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 721. Л. 64.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 722. Л. 37.

Еще 15 мая 1917 года, видимо, сразу после вышеописанного столкновения с Синодом, В.Н. Львов направил министру-председателю отношение, в котором предложил разработать общий гражданский кодекс, обязательный для всех граждан России независимо от принадлежности их к тому или иному вероисповеданию¹. Обер-прокурор ссылаясь на необходимость облегчения перехода из одного вероисповедания в другое, в частности, из христианства в нехристианство, так как Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 года разрешал такой переход только нехристианам по рождению. Однако В.Н. Львов, видимо, был плохо информирован, поскольку работу над подобным документом уже вело другое ведомство. Так, 15 апреля 1917 года газета «Вестник Временного правительства» объявила, что Департамент духовных дел МВД «в соответствии с возведенными началами вероисповедной свободы» срочно разрабатывает законопроект о беспрепятственных вероисповедных переходах². Глава департамента С.А. Котляревский³ пригласил в специально созданную для этого комиссию членов Государственного совета (князя А.Д. Оболенского, князя Е.Н. Трубецкого, А.Ф. Кони, Д.А. Олсуфьева), Государственной думы (барона Н.Б. Вольфа, К.И. Казанского, В.А. Потулова, Г.Х. Еникеева) и представителей от православного духовенства (главу Учебного комитета Синода К.М. Аггеева, М.П. Чельцова, И.П. Слободского), а также товарища обер-прокурора Синода А.В. Карташева⁴. Надо отметить, что на практике возможность «оставления» гражданами православия и других христианских конфессий уже имелась, но для этого требовалось разрешение со стороны правительства (или его Малого совета). Например, 25 мая специальным постановлением Временное правительство разрешило крестьянке деревни Городни Лужского уезда Петроградской губернии Ефросинии Варфоломеевой перейти по ее ходатайству из православия в

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 60. Л. 2.

² Вестник Временного правительства. 1917. 15 апреля.

³ Кадет Сергей Андреевич Котляревский был назначен 6 апреля 1917 года комиссаром Временного правительства по Департаменту духовных дел МВД. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 239.

⁴ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1410. Л. 10.

магометанство¹. В мае 1917 года гражданки К.А. Милославская и А.Д. Рыбакова получили разрешение на переход из православия в иудейство, а шестнадцатилетняя крестьянка Т. Кириллова из православия в католичество². Однако многие граждане не были осведомлены об уже существующей практике. Например, 28 июня Юридический отдел Петроградского Совета сообщил Петроградскому общественному раввину, что к нему неоднократно обращались граждане-евреи, перешедшие под давлением «прежнего бесправия» в христианство и желающие вернуться в лоно родной веры. Однако «ввиду специальности этого вопроса» отдел не смог им сообщить ни порядка возвращения в иудейство, ни учреждения, в которое нужно подавать ходатайство об этом³. Вместе с тем чуть позже наставнику Березовской Старообрядческой общины Д. Ручьевскому Юридический отдел написал, что «закон о свободе совести будет на днях опубликован. А переход внутри христианских конфессий и ранее осуществлялся свободно»⁴.

Разрабатываемый комиссией Котляревского законопроект не случайно первоначально именовался «о вероисповедных переходах», так как, по сути, он представлял собой переработанный одноименный проект, обсуждавшийся еще в III Государственной думе⁵. Новый документ предполагал установить следующие возрастные категории: до 9 лет вероисповедание ребенка определялось родителями, с 9 до 14 при смене ими веры требовалось его согласие, а с 14 до 17 дети могли, имея одобрение родителей, сами менять вероисповедание. Возрастом наступления полной свободы совести объявлялись 17 лет⁶. Предусматривалось также «вневероисповедное» состояние. Как следует из введения к законопроекту, при его составлении особо учитывалась проблема преподавания Закона Божия в

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 2. С. 135.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1–2, 5, 7.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ См. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. М., 2003. С. 136–145, 154–155.

⁶ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1410. Л. 12 – 12 об.

школе: признавалось, что его в обязательном порядке должны изучать все дети православных родителей. Духовенство считало неприемлемым предоставление ученикам права отказываться от этого предмета в период нахождения в учебном заведении. А поскольку в 17 лет человек уже покидал стены средней школы, этот возраст «вероисповедной дееспособности» Православная церковь с готовностью приняла.

14 июля 1917 года Временное правительство утвердило «Закон о свободе совести»¹. Духовенство и верующие миряне ожидали увидеть перепечатку согласованного в комиссии С.А. Котляревского проекта, и даже ВЦОВ именно его поместил на своих страницах в качестве вступившего в силу: возрастом «дееспособности» в вопросе выбора религии там объявлялись 17 лет². Другие газеты тоже почему-то опубликовали вместо закона его проект³. Однако, как оказалось, в последний момент правительство пересмотрело документ, понизив возраст «религиозной дееспособности» в соответствии с «принятым в большинстве стран стандартом»⁴.

Закон объявлял, что пользование гражданскими и политическими правами более не зависит от вероисповедания, и «никто не может быть преследуем или ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры»⁵. Устанавливался возраст 14 лет, по достижении которого человек мог сам изменять свою веру, и никаких разрешений для этого со стороны властей или даже их уведомления не требовалось: «правовые последствия» вероисповедного перехода могли быть урегулированы путем письменного или устного заявления местному судье. До исполнения детям 9-ти лет решение вопроса об их вероисповедании принадлежало всецело родителям или опекунам, а с 9 до 14 лет от ребенка требовалось только согласие, в случае их перехода из одной веры в

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т 3. С. 94–95.

² ВЦОВ. 1917. 18 июля.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 июля. С. 5; Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 18 июля. С. 3–4.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 94–95.

⁵ ВЦОВ. 1917. 18 июля.

другую. Закон предусматривал и «вневероисповедное» состояние. Ведение актов гражданского состояния лиц, не принадлежащих ни к какой религии, поручалось органам местного самоуправления «на основании правил раздела II указа 17 октября 1906 года»¹. На том же заседании Временного правительства 14 июля заместитель премьера Н.В. Некрасов попросил министра юстиции «принять меры к ускорению выработки законопроекта о введении гражданского брака»², но по каким-то причинам Временное правительство не успело принять соответствующее постановление.

Закон от 14 июля 1917 года, который, несомненно, являлся важнейшим актом Временного правительства в сфере гражданского законодательства³, предлагал, однако, скорее не «внеконфессиональную», а «всеконфессиональную» модель государства. Исповедное состояние не ликвидировалось, только устранялись ограничения в его изменении. Для православных государство продолжало признавать решения церковного суда по брачным делам, а также оставляло духовенству ведение метрических книг. Не случайно исследователь А.А. Дорская заметила, что указ от 14 июля 1917 года не вышел за рамки кадетского законопроекта времен I Государственной думы⁴.

На имя назначенного в конце июля 1917 года на пост обер-прокурора Синода А.В. Карташева в августе–сентябре 1917 года продолжали поступать прошения по брачным делам⁵. А 7 августа Карташев передал в Совет товарищей министров письмо князя В.В. Мещерского, осужденного духовным судом после второго развода вследствие прелюбодеяния на «всегдашнее безбрачие». Князь просил разрешения вступить в новое супружество ввиду нахождения его в

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 94–95.

² Там же. С. 101.

³ Например, «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» назвали закон от 14 июля 1917 года «событием огромнейшего значения». См.: Свобода веры // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 19 июля. С. 1.

⁴ Дорская А.А. Законодательство Временного правительства о свободе совести в России // Революция 1917 года в России. Сб. науч. статей. СПб., 1995. С. 150.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 29; ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–2.

действующей армии «для обеспечения судьбы внебрачной его семьи»¹. Синод пошел навстречу просителю, и 17 августа Временное правительство постановило разрешить князю Мещерскому «в изъятие из действующих законов и не в пример прочим» жениться в третий раз².

В то же время церковные органы фиксировали к концу 1917 года увеличение количества подаваемых заявлений о разводе. Московский митрополит Тихон (Белавин) писал 18 октября в Святейший Синод, что «если в 1916 году и даже в январе-феврале текущего 1917 года бракоразводных дел поступало 50–60 в месяц, то ныне число таковых поступлений доходит до 130 и более в месяц. Наблюдающийся всеобщий развал государственных, моральных и других устоев жизни, видимо отражается и на этих делах. 1700 дел, состоявших в производстве бракоразводного стола консистории к началу текущего 1917 года, видимо, возрастут к концу его»³. В связи с этим 16–23 октября Синод предложил Поместному Собору спешно расширить перечень поводов к разводу. Предлагалось добавить в их список пьянство («если таковое производит глубокое расстройство брачного союза»), осуждение одного из супругов в исправительный дом или в тюрьму за «позорящее честь» преступление и аборт без врачебной необходимости⁴. Рассмотреть это в 1917 году Поместный Собор не успел. Таким образом, проблема расторжения брака к осени 1917 года оставалась такой же животрепещущей, как и накануне свержения самодержавия. Ничего не изменилось и в области метрикации, поскольку никакой специальной системы органов для светской записи актов гражданского состояния создано не было.

Падение самодержавия не могло не отразиться на сфере народного образования, где Православная церковь выполняла две государственные функции: осуществляла заведывание церковно-приходскими школами и обеспечивала

¹ Там же. Л. 14.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 54. Л. 70.

³ Цит. по: Белякова Е.В. Указ. соч. С. 256–257.

⁴ Там же. С. 264.

преподавание Закона Божия во всех начальных и средних учебных заведениях. Церковно-приходские школы получили широкое распространение при обер-прокуроре К.П. Победоносцеве, считавшем, что передача начального образования в руки духовенства сможет способствовать нравственному воспитанию народа в духе преданности церкви и царю. Однако уже с конца 1880-х гг. существование церковно-приходских школ стало предметом споров. С одной стороны, даже часть царской бюрократии ставила под сомнение целесообразность нахождения различных типов школ в подчинении у разных ведомств: Святейшего Синода и Министерства народного просвещения. В 1886 Государственный совет потребовал объединения дела народного просвещения в руках одного министерства, но после 11 лет безрезультатной ведомственной переписки пошел на попятную¹. С другой стороны, сама идея расширения сети церковно-приходских школ в противовес светским земским негативно воспринималась либеральной общественностью. При обсуждении в III и IV Государственных думах закона о всеобщем обучении именно судьба церковных школ стала камнем преткновения, тормозившим его принятие. Так, лидер кадетов П.Н. Милюков заявлял, что церковно-приходская школа «в последний час была призвана как конкурент школы земской, на помощь правительству... Это “религиозно-нравственное” воспитание... есть способ парализовать политическую опасность, могущую явиться от воспитания народа в светских школах. Светская школа хочет освободить личность, а церковноприходская хочет обуздать ее»². В противовес Милюкову В.Н. Львов высказывался за сохранение церковно-приходской школы как «школы национального типа»³. Однако, проблемным местом всегда оставалось финансирование, поскольку местных средств на их содержание никогда не хватало⁴. Что касается преподаваемого священником (законоучителем)

¹ Житенев Т.Е. Церковноприходские школы в России. 1884 – 1918 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 16. См. также: Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004.

² Церковь и школа. Тематическая публикация документов. М., 1995. С. 15.

³ Там же. С. 14.

⁴ Так, в 1914 году правительство выделило на церковные школы 21 миллион рублей, в то время как от крестьянских обществ, приходских церквей, земств и частных лиц поступило только 9 миллионов. См.: Житенев Т.Е. Указ.соч. С. 22.

Закона Божьего, его судьба была теснейшим образом связана с законодательством о свободе совести. С отменой всех вероисповедных ограничений обязательность обучения этому предмету неминуемо оказывалась под сомнением.

Временное правительство поначалу как будто не спешило поднимать вопрос об изменении степени участия духовного ведомства в сфере народного образования. Даже принятый 20 марта закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» не коснулся школы¹. 28 марта по представлению министра народного просвещения правительство постановило увеличить содержание учителям начальных училищ с 1 марта 1917 года с 360 до 600 рублей и поручило обер-прокурору Синода «рассмотреть вопрос» о подобном повышении зарплат в церковно-приходских школах². Соответствующее «представление» В.Н. Львов незамедлительно направил в Канцелярию управляющего делами правительства³. В тот же день 28 марта обер-прокурор спешно провел заседание Училищного совета при Святейшем Синоде, посвященное судьбе церковно-приходских школ. Чтобы озвучить свою убежденность в необходимости их сохранения, Львов пригласил членов Думы И.С. Ключева, Е.П. Ковалевского, В.А. Потулова, А.В. Смирнова и Ф.Д. Филоненко⁴. Если верить сообщению ВЦОВ, троих последних даже наделили правом решающего голоса⁵. Намерения обер-прокурора в данном случае более чем прозрачны: и Ковалевский⁶, и Ключев¹ являлись сторонниками объединения

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 142–146.

² Там же. С. 185.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп.2. Д. 195. Л. 1.

⁴ ВЦОВ. 1917. 7 и 8 апреля.

⁵ ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

⁶ Депутат III и IV Государственной думы Евграф Петрович Ковалевский являлся автором законопроекта о всеобщем обучении и в первые дни революции исполнял обязанности комиссара ВКГД по Министерству народного просвещения, а в марте 1917 года его назначили комиссаром Временного правительства по учреждениям бывшего Ведомства Императрицы Марии. См.: Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 256). О деятельности Ковалевского в Мариинском ведомстве см.: Фруменкова Т.Г. Депутаты IV Государственной думы Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас во главе Мариинского ведомства (март-май 1917 г.) // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906 – 1917 гг.) Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец. 4 декабря 2009 г. Сб. науч. ст. /Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 325–346).

всех средних школ в Министерстве народного просвещения и выступали в качестве оппонентов Львова. Видимо поэтому им предоставили лишь совещательный голос. На заседании обер-прокурор выступил с речью о том, что Православная церковь в России имеет право отстаивать свою тесно связанную с приходом «национальную» школу, наподобие начальных школ грузинской и армянской церквей².

Однако менее чем через две недели, 7 апреля 1917 года, товарищ обер-прокурора Карташев направил управляющему делами Временного правительства В.Д. Набокову записку, в которой просил вернуть ему представление о повышении жалования учителям церковно-приходских школ и не включать этот вопрос в повестку дня совещания товарищей министров³. Карташев не объяснил причину своей просьбы, но мотив мог быть только один: к этому моменту правительство уже утвердилось в намерении передать церковные школы в ведение Министерства народного просвещения. Активным сторонником этой идеи выступило в марте-апреле 1917 года российское учительство⁴, и, конечно, вопрос о зарплатах являлся далеко не последним. Более того, своим отказом увеличивать оклад учителям духовного ведомства правительство обеспечило себе в их лице сторонников и защитников планируемой реформы, в противовес возможному противодействию со стороны Православной церкви. Открывшийся 16 апреля Московский губернский съезд учителей и учительниц церковно-приходских школ потребовал немедленной их передачи из ведения Синода в Министерство народного просвещения с тем, чтобы, во-первых, оставить все

¹ Депутат II – IV Государственной думы Иван Семенович Ключев в свое время состоял инспектором народных училищ 1-го района Самарского уезда Самарской губернии. В мае 1917 года И.С.Ключев вошел как представитель ВКГД в Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения, где возглавил комиссию «для разработки плана объединения школ различных ведомств под общим управлением». См.: Николаев А.Б. Ключев Иван Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 254 – 255. См. также: Государственный комитет по народному образованию. Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Май–декабрь 1917 года. Пг., 1918. С. 19.

² ВЦОВ. 1917. 7 апреля; ВЦОВ. 1917. 8 апреля.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 195. Л. 3.

⁴ 29 марта 1917 года состоялось общее собрание вновь возникшего в Петрограде Учительского союза, на котором присутствовал министр народного просвещения А.А. Мануйлов. В начале апреля прошел I делегатский съезд Всероссийского учительского союза.

учебные вопросы собственно учителям, а не священникам, а, во-вторых, обеспечить финансовую поддержку школ со стороны государства¹.

Святейший Синод (в обновленном 14 апреля 1917 года составе), всецело разделявший идеи В.Н. Львова, поспешил опередить правительственное постановление и принял 8–18 мая определение «О реформе церковно-приходских школ применительно к новому строю государственной жизни»². Заведование школами передавалось приходскому совету, а епархиальные училищные советы и их отделения переформировывались на выборном начале³. Вопрос о финансировании Синод обошел молчанием, лишь отметив, что «изыскание общепархиальных средств на нужды приходских школ, поступление и порядок расходования их устанавливается епархиальным съездом духовенства и мирян» и что «для содержания приходских школ приходы могут объединяться по отдельным районам». Во избежание возможной критики в «клерикализме» пункт 13 определения говорил о некоторой «практической» переориентации школ, предоставляя приходским собраниям право вводить преподавание ремесел, полеводства, садоводства, огородничества, пчеловодства и т.п., «изыскивая на это местные средства или испрашивая пособие от общественных и правительственных учреждений...»⁴

Одновременно с этим судьбу церковно-приходских школ обсуждали проходившие в апреле–мае 1917 года епархиальные съезды духовенства и мирян, большинство которых поддержало позицию Синода. Всероссийский съезд духовенства и мирян хоть и высказался за возможность передачи церковных школ в Министерство народного просвещения, но оговорился, что решение по каждой

¹ ВЦОВ. 1917. 22 апреля.

² Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 141–142.

³ Надо отметить, что самого прихода как юридически оформленной организации на тот момент еще не существовало. «Временное положение о православном приходе» было принято Синодом только 21 июня 1917 года.

⁴ Там же.

конкретной школе должно приниматься тем приходом, которому она принадлежит¹.

Вместе с тем, ситуация в правительстве складывалась не в пользу православного духовенства. Возглавляемое А.А. Мануйловым Министерство народного просвещения неуклонно продвигало идею объединения вообще всех государственных неспециальных учебных заведений в своем ведомстве. 17 мая при Министерстве начал работать законосовещательный Государственный комитет по народному образованию (далее – ГКНО), в который вошли представители Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Всероссийского учительского союза, Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и других организаций². В своем составе ГКНО образовал комиссию «для разработки плана объединения школ различных ведомств под общим управлением», которую возглавил уже упоминавшийся член Исполнительного комитета Государственной думы И.С. Ключев³. 6 июня ГКНО принял «руководящие положения» для предстоящих реформ, третьим пунктом которых значилось объединение управления учебными заведениями⁴. Далее говорилось, что органы местного самоуправления, частные лица и организации получают право открывать школы, «лишенные религиозного элемента и в учебном плане и в строе школы». Предлагалось предоставить родителям право не обучать своих детей Закону Божию в школе, а «после определенного законом возраста» разрешить отказываться от изучения этого предмета и самим учащимся⁵. Деятельность ГКНО и проект ликвидации церковно-приходских школ вызвали бурную реакцию со стороны Православной церкви. Даже самый либеральный епископ Уфимский

¹ ВЦОВ. 1917. 9 июня.

² См. о его деятельности: Лихачев М.Т. Буржуазная реформация управления народным образованием в России в предоктябрьский период // Советская педагогика. 1975. № 7. С. 101–106; Смирнов Н.Н. Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности) // Петроградская интеллигенция в 1917 году. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1990. С. 4–22.

³ Государственный комитет по народному образованию. С. 19.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 26.

Андрей обратился со страниц ВЦОВ ко всем верующим с призывом их спасения. По словам епископа, вернувшись в Петроград с Всероссийского съезда духовенства и мирян, он «нашел совершенно определенный законопроект, чтобы все школы... передать в земство, а потом прекратить в них преподавание Закона Божия»¹. Вслед за этим Синод постановил довести через обер-прокурора до сведения Временного правительства, что «...предложенная Министерством народного просвещения передача начальных и учительских церковных школ в ведение сего министерства, с перечислением всех церковно-школьных кредитов из сметы Св. Синода, невозможна...»² Товарищ обер-прокурора Карташев, имевший длительную беседу с представителями ГКНО, сообщил им, что «и он лично, и его ведомство признают дело о сохранении церковно-приходских школ в подчинении Синода безнадежным, однако считают возможным продолжать решительную борьбу против решения о передаче их другому ведомству»³. Но в этот момент в канцелярию правительства, к министру народного просвещения и обер-прокурору стали «сыпаться» телеграммы с мест о бедственном финансовом положении учителей духовного ведомства⁴. Так, Орловский исполнительный комитет объединенного духовенства и мирян телеграфировал В.Н. Львову: «...при отклонении вопроса о передаче церковных школ в Министерство все работники к началу учебного года разбегутся и школу придется закрыть»⁵. Московское губернское учительство даже шантажировало обер-прокурора тем, что обратится в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов⁶. О том же писали В.Н. Львову с I Казанского Губернского учительского съезда⁷ и от Иркутского уездного съезда учащихся Нерчинского отделения Забайкальского

¹ ВЦОВ. 1917. 20 июня.

² Там же.

³ Цит. по: Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 264.

⁴ Синод ясно осознавал, что основная причина протеста учителей духовных школ состоит в неравенстве окладов с зарплатами в земских школах. См.: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1449. Л. 3.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 64.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Л. 66.

епархиального училищного совета¹. Вместе с тем, в Канцелярию обер-прокурора Синода поступали и письма противников передачи школ в Министерство народного просвещения: «Здание нашей церковно-приходской школы построено на церковной земле, из церковного дерева, школьная мебель приобретена частью на церковные средства. Кто же может отнять от нас, от нашей церкви эту нашу церковно-приходскую школу?», – писали прихожане Успенской церкви Подольской губернии². Церковные старосты, миряне и представители духовенства Московской епархии на собрании 23 апреля резюмировали, что «церковно-приходские школы составляют достояние православной Церкви и вопрос о них должен быть решен всей Церковью, а не одними учителями...»³ В июне некто С. Булатов написал в правительство: «Я лично пожертвовал все свои деньги на церковно-приходские школы и таковые, как построенные на 170 млн. рублей, собранных исключительно в православных церквях, при церквях должны и остаться! Временное правительство глумится над православной церковью и религией в угоду врагам христианства». Далее автор добавлял, что «правительство имеет только право прекратить выдачу денег из казны на эти школы, мы прихожане сами будем содержать эти школы»⁴.

Тем не менее, 20 июня 1917 года Временное правительство приняло постановление «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» и поручило А.А. Мануйлову «по соглашению с подлежащими ведомствами» установить порядок передачи школ⁵. Очевидно, не желая брать на себя ответственность за данное постановление, В.Н. Львов не присутствовал на

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 20-22.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 74 – 74 об.

³ ВЦОВ. 1917. 29 апреля.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 17 – 17 об.

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 25 июня. В октябре 1917 года правительство еще раз подтвердило, что пенсионное обеспечение учителей церковно-приходских школ будет осуществляться в пенсионной кассе народных учителей и учительниц. См.: Вестник Временного правительства. 1917. 11 октября.

правительственном заседании, направив вместо себя Карташева¹. Согласно решению Временного правительства от 20 июня в Министерство народного просвещения передавались все начальные училища, включенные в школьную сеть или на которые отпускались средства из казны, в том числе церковно-приходские, церковно-учительские и церковные второклассные школы. Одновременно в смету Министерства народного просвещения перечислялись все кредиты из казны, шедшие до сих пор на содержание этих школ в другие ведомства, в том числе кредиты на Училищный совет при Святейшем Синоде, епархиальные училищные советы и их отделения, средства на содержание наблюдателей церковных школ, на «школьно-строительные надобности», а также суммы церковно-строительного фонда имени императора Александра III. Закон ликвидировал пенсионную кассу учителей церковно-приходских школ и предписывал «привлечь» последних «к обязательному участию» в пенсионной кассе народных учителей и учительниц². Таким образом, в Министерство народного просвещения переходили, во-первых, 21 церковно-учительская школа с кредитом в 522,961 руб.; во-вторых, 422 второклассных школы с кредитом 2 436,044 руб.; в третьих, около 37 тысяч начальных школ, кредит на которые по смете на 1917 год исчислялся свыше 33 миллиона рублей. Всего с ассигнованиями на администрацию из сметы Синода в смету Министерства народного просвещения переходило до 38 миллионов рублей, то есть более половины всего кредита по Ведомству православного исповедания³.

Постановление от 20 июня 1917 года не запрещало церкви иметь свои школы, и, более того, часть церковно-приходских школ и школ грамотности, не включенных ранее в школьную сеть и не финансируемых из государственного бюджета остались у Синода⁴. Таким образом, Н.Н. Смирнов совершенно прав,

¹ См. список присутствовавших министров: Журналы заседаний Временного правительства. Том 2. С. 299. Показательно также, что это был единственный случай, когда В.Н. Львова представлял в правительстве его заместитель.

² Там же. С. 312.

³ ВЦОВ. 1917. 27 июня.

⁴ Житенев Т.Е. Указ. соч. С. 24.

делая вывод, что данное постановление задумывалось как структурная реформа внутри государственных органов, к числу которых относилось и Ведомство православного исповедания¹. Вместе с тем, нельзя не учитывать и некоторый положительный для правительства общественный резонанс: церковные школы многими воспринимались как оплот ушедшей в прошлое идеологии «самодержавия, православия, народности».

Руководство церкви выступило с протестом. Синод стал «бить» сразу по двум направлениям. Во-первых, определением от 28 июня 1917 года иерархи поручили В.Н. Львову ходатайствовать перед Временным правительством о том, чтобы вопрос о коренных изменениях положения религии в «существующих ныне» школах решался только Учредительным собранием, и просили ввести в состав ГКНО 4-х представителей законоучителей (от Организационного бюро Всероссийского делегатского съезда законоучительских организаций) и 3-х – от Исполнительного комитета Союза клириков и мирян². Во-вторых, в определении от 3 июля 1917 года члены Синода заявили, что к такому распоряжению Временного правительства, состоявшемуся «без согласия и даже без ведома» церкви, Синод «не иначе может отнестись, как с величайшим смущением», так как церковно-приходские, второклассные и церковно-учительские школы являются достоянием Православной церкви, «ею они созданы, ей они и принадлежат...» Члены Синода подчеркивали, что свои конфессиональные школы имеются у лютеран, армян, евреев, магометан, и все они пользуются государственными субсидиями. Однако постановление от 20 июня не касалось образовательных учреждений других конфессий, и «только школы Православной Церкви насильственно отнимаются теперь у своей матери Церкви». По мнению иерархов, «это обстоятельство невольно заставляет думать, что... из первенствующего положения... Православная Церковь... перешла теперь в состояние наиболее, сравнительно с другими, обездоленной...»³ Синод указывал

¹ Смирнов Н.Н. Указ. соч. С. 264.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1447. Л. 1. Львов внес данное представление в правительство 9 июля 1917 года.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1 – 2 об.

далее на то, что столь серьезный вопрос требует рассмотрения на Учредительном собрании: «Имущество церковных школ в настоящее время оценивается свыше 170 млн. рублей, а посему естественно желать, чтобы передача церковных школ Министерству народного просвещения совершилась только по воле народа, а не по решению Временного правительства, как будто и не желающего считаться с волею народною»¹.

13 июля В.Н. Львов передал определение Синода от 3 июля на рассмотрение министров. Кроме того, он обратился к А.А. Мануйлову с письмом, в котором заявлял: «Против передачи... я не возражаю, так как не вижу какой-либо целесообразности сохранения школ начального образования в двух различных ведомствах». Однако, «односторонним актом Временного правительства вопрос этот предрешен быть не может... Тип приходской школы в его зависимости от прихода должен сохраниться вплоть до решения Учредительного собрания»². Министр народного просвещения никак не отреагировал на это обращение. Однако 27 июля 1917 года, отчитываясь о результатах своей деятельности на IX съезде партии народной свободы, Мануйлов отметил в качестве одного из достижений объединение «всех школ страны в одном ведомстве с упразднением пресловутых церковных школ»³.

Правительство оставило без внимания поддержанные обер-прокурором обращения Синода. После июльского кризиса ушел в отставку министр-председатель князь Г.Е. Львов, вслед за ним лишились своих постов А.А. Мануйлов и В.Н. Львов. Новый премьер эсер Керенский не был склонен пересматривать состоявшееся решение, а министр народного просвещения С.Ф. Ольденбург попытался наладить испортившиеся к концу июня отношения между его ведомством и ГКНО⁴. Обер-прокурором Святейшего Синода (после 5 августа

¹ Там же. Л. 4 об.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 1 – 10 об.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. М., 2000. С. 715.

⁴ Смирнов Н.Н. Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности). С. 17.

1917 года – министром исповеданий) стал А.В. Карташев, который старался примирить духовенство и правительство и избегал резких заявлений. Хотя на самом деле он также полагал, что церковно-приходские школы, созданные на государственные средства и в политических целях, должны быть ликвидированы¹.

На практике реализация закона от 20 июня 1917 года превратилась в длительную бюрократическую переписку. Одним из проблемных моментов стало то, что церковно-приходские школы все же частично обеспечивались местными церковными суммами, которые при изъятии учебных заведений автоматически отпадали. Кроме того, министерство планировало тут же перепоручить заведование школами земствам, что также требовало отдельных согласований. Так что быстро смогли только упразднить пенсионную кассу учителей и учительниц церковно-приходских школ, переведя все накопления в Министерство народного просвещения².

Для обсуждения механизма передачи школ при Министерстве образовали ликвидационную комиссию, в которую вошли также представители ГКНО и духовного ведомства³. К августу она согласовала порядок передачи казенных кредитов, а также рассмотрела вопрос об условиях, сроке и порядке передачи школьных комплектов и школьных зданий. Интересно, что, несмотря на негативное отношение церкви к проводимым мероприятиям, участник ликвидационной комиссии протоиерей Алексей Азиатский заявил 31 июля на заседании Петроградского училищного совета: «требуется, чтобы передача школ произошла гладко, без расстройств школьных занятий, без борьбы с министерством и местными органами самоуправления (по тактическим

¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 20.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 82. 28 августа 1917 года управляющий кассой В. Пасынков обратился к товарищу министра исповеданий с просьбой выплатить ему и его сотрудникам квартирное пособие, выделенное всем другим синодальным отделам, хотя бы за полгода, с 1 января по 1 июля: «служащие кассы живут и работают в тех же условиях, как и служащие прочих учреждений Синода и также страдают от дороговизны, – писал Пасынков. – В настоящее время они находятся в еще худших условиях в виду ликвидации кассы, когда им предстоит остаться совсем без службы». См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 99. Л. 1 – 1 об.

³ От духовного ведомства в ней приняли участие помощник председателя Училищного совета Синода К. Ивановский, заведующий канцелярией совета П. Луппов, помощник имперского наблюдателя М. Руднев, член совета П. Мироносицкий, наблюдатель церковно-приходских школ А. Запалов и член Предсоборного Совета Н.Д. Кузнецов. См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 8. Л. 1 – 1 об.

соображениям) и одновременно без ущерба церковным интересам»¹. В связи с необходимостью увольнения уездных и епархиальных наблюдателей школ духовное ведомство столкнулось с необходимостью их трудоустройства в приходы².

Активно обсуждался вопрос и об организации деятельности начальных учебных заведений, остававшихся у церкви. Так, 5 октября 1917 года участник «Межведомственной комиссии по ликвидации церковно-приходских школ» священник З. Богенин выступил в Петроградском церковно-епархиальном совете со специальным докладом, в котором сообщил о количестве церковно-приходских школ, остающихся в ведении Епархиального училищного совета и «имеющих существовать на средства епархии»³. Также планировалось открывать новые церковно-приходские школы, уже независимые от государства. Например, приходской совет Волковского кладбища осенью 1917 года собирался открыть свою школу в помещении, освобождаемом от лазарета⁴. В провинции некоторые духовные учреждения вообще заявили, что можно сохранить школу, просто отказавшись от казенного финансирования. Так, в «летописи» Покрово-Паисиевой церковно-приходской школы Мышинского уезда сообщалось, что Угличский Покровский монастырь, «не желая отдавать... свое детище, на общем собрании братства постановил оставить школу за монастырем, а от казенного пособия отказаться». Об этом 2 июля доложили архиепископу Ярославскому Агафангелу и даже получили уведомление от синодального Училищного совета, датированное 23 сентября 1917 года. Школу преобразовали в «одноклассную четырехгоднюю на правах министерских школ», в нее записалось 52 ученика, занятия начались в октябре 1917 года⁵.

¹ Там же.

² Там же. Л. 2 об – 3 об. В Петрограде после долгих обсуждений о том, как обойти постановления о выборности священников и трудоустроить школьных наблюдателей, 30 ноября 1917 года преосвященный Вениамин (к тому моменту уже митрополит) своим постановлением директивно распределил их в приходы. См.: Там же. Л. 72–77.

³ Там же. Л. 70 – 70 об.

⁴ Там же. Л. 68 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 244. Л. 14-15.

В то же время из епархий продолжали поступать требования об отмене постановления от 20 июня 1917 года, на что обратили внимание даже «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»¹. Однако вскоре основное внимание духовенства и церковных газет переключилось на вопрос о судьбе Закона Божия. По мнению церкви, этот предмет должен был оставаться обязательным для детей православных родителей в начальной и средней школе. В противовес этому с разных сторон зазвучали предложения о факультативности Закона Божьего и даже о его устранении из школьной программы. Так, еще весной 1917 года Министерство народного просвещения подверглось жесткой критике со стороны социалистической печати за сохранение этого предмета. «Может ли быть осуществлена свобода совести, если толстовцев, например, будут принуждать изучать церковную схоластику и сотни юношей будут резаться на экзамене из-за незнания тонкостей православного богослужения», – писали «Известия Петроградского Совета»². К лету 1917 года ГКНО разработал «Тезисы о преподавании религии в школе»³, в которых отмечалось, что «с социально-психологической и педагогических точек зрения» религия не может входить в школьную программу в качестве обязательного предмета⁴. Предлагалось предоставить родителям право отказываться от обучения детей Закону Божию в школе, а по достижении 16 лет – и самим детям. Авторы тезисов намеревались исключить законоучителей из состава педагогического совета и определить для этой должности только одну финансируемую из госбюджета ставку на школу⁵. Также рекомендовалось вообще проводить уроки Закона Божия «вне учебных

¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 7 июля. С. 3. Газета даже написала о якобы имевшем место постановлении Синода не передавать церковно-приходские школы в Министерство народного просвещения до созыва Всероссийского Поместного Собора. В частности, о недопустимости передачи школ из церковного ведомства писали 16 августа 1917 года в Министерство исповеданий жители города Гагры. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 84.

² Об «одном министерстве» // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 18 апреля.

³ Подготовленные «Тезисы» так и не прошли рассмотрения общим составом ГКНО.

⁴ Государственный комитет по народному образованию. С. 199.

⁵ То есть при «смешанном вероисповедном составе» учащихся в случае необходимости преподавания разных религий несколько законоучителей должны были делить оклад между собой. «Дофинансирование» могли производить соответствующие религиозные общины.

занятий или вне школы в храмах и молитвенных домах»¹. В свои проекты положений «О единой общественной общеобразовательной школе», «Об общих средних училищах», «Об общественных высших училищах» и «Об учительских семинариях» ГКНО внес специальную оговорку, что преподавание «учения веры» регулируется «на основании постановлений Временного правительства», но местным земским и поселковым собраниям, городским думам и органам сельского самоуправления предоставляется право открывать новые учебные заведения, в которых Закон Божий не преподается². В проекте «Временного положения о вольных школах, классах и курсах и о частных учебных заведениях» говорилось, что все предметы в них, включая «учение веры» «могут быть как обязательными, так и необязательными для учащихся»³. На однодневной «экстренной» сессии ГКНО 3 августа 1917 года большинство его членов высказалось за факультативность Закона Божия и возложение оплаты труда законоучителей на религиозные общины⁴.

В противовес этому многие церковные организации выдвинули требование обязательности Закона Божия в школах, где учатся дети православных родителей. И если при обсуждении судьбы церковно-приходских школ мнения внутри самой Православной церкви разделились, то в вопросе о Законе Божиим клир и паства были единодушны. Июньский Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве принял резолюцию о том, что Закон Божий должен быть обязательным для всех православных учеников, включаться в общую сетку учебных предметов не менее двух уроков в неделю. При этом делегаты оговорили необходимость реформирования постановки преподавания Закона Божия «сообразно с особенностями и потребностями детской природы и состоянием современной педагогики». Эти задачи съезд возложил на Законоучительскую комиссию Учебного комитета при Святейшем Синоде⁵. Но страсти накалялись.

¹ Там же. С. 199–200.

² Там же. С. 238, 249, 268, 303.

³ Там же. С. 291.

⁴ ВЦОВ. 1917. 9 августа.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 1 – 1 об.

«Православные! Спасайте преподавание Закона Божия во всех ваших школах, особенно в приходских», – писал во ВЦОВ епископ Уфимский Андрей¹. В Синод и Канцелярию обер-прокурора поступало огромное количество писем и телеграмм подобного содержания. Например, приходское собрание села Батраков Сызранского уезда Симбирской епархии заявляло: «Хозяин школы – народ (даже старообрядцы) настойчиво требует оставить во всех школах прихода религиозно-нравственное обучение детей по руководству Св. Церкви обязательно»². Креславский приходской совет Двинского уезда Витебской губернии также требовал сохранения Закона Божия, «чтобы и впредь не лишать детей наших этой здоровой духовной пищи, так как мы уверены, что заменить ее никто никогда и ничем другим не сможет»³.

Принятый 14 июля 1917 года Закон о свободе совести, предоставлявший детям старше 14 лет право объявлять о своем выходе из православия и, тем самым, отказываться от изучения Закона Божия⁴, вызвал резко негативную реакцию церкви. Духовенство и верующие миряне усилили свой нажим на правительство с целью признания обязательности этого предмета для православных детей до момента окончания ими средней школы. В столицу направлялись резолюции съездов, приговоры общин, личные протесты⁵. В июле 1917 года за сохранение Закона Божия в школе высказались Всероссийский съезд родителей в Москве и Всероссийский законоучительский съезд (на котором присутствовали и представители объединенных родительских организаций)⁶. 21 июля о «безусловном и обязательном» преподавании Закона Божия заявил Екатеринбургский уездный комитет православной церкви⁷. 23 июля «Собрание свободных граждан города Ржева» проголосовало за то, чтобы эта дисциплина

¹ ВЦОВ. 1917. 25 мая.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 68.

³ Там же. Л. 72 – 72 об.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 94–95.

⁵ См. приговоры крестьян разных уездов о необходимости обязательности Закона Божьего: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 133–138.

⁶ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 26 июля. С. 3.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 66.

занимала «место первостепенной важности обязательного предмета и преподавание его было поручено священникам». К заявлению прилагалась подшивка приговоров с сотнями подписей¹. 30 июля последовал аналогичный протест от нескольких сотен прихожан церкви Всех Святых Ростова-на-Дону². 7 августа Екатеринбургский епархиальный съезд духовенства и мирян постановил, что «Закон Божий должен быть обязательным предметом для учеников начальной и средней школы», а «учитель, которому вверяется воспитание православных детей, должен быть религиозен»³. 17 августа свое требование обязательности Закона Божия направили министру исповеданий Юрьев-Подольский торгово-промышленный комитет⁴ и Съезд духовенства, мирян и родителей учащихся 3-го Старицкого округа Тверской епархии⁵. 11 сентября архиепископ Новгородский переслал А.В. Карташеву пачку подобных актов и постановлений окружных, благочиннических и приходских советов своей епархии. Судя по одинаковым формулировкам, кто-то централизованно занимался их составлением⁶. Харьковский епархиальный съезд законоучителей, представителей педагогических и церковно-приходских советов, а также родительских комитетов (30 августа – 2 сентября 1917 года) заявил о «недопустимости необязательности» Закона Божия, а в постановлении от 14 июля он усмотрел «вредную для Православной церкви неопределенность»⁷. По мнению съезда, «обязательность Закона Божия для православных учащихся в школе, средней и низшей, требуется не только церковью, но и правовым государством, которое должно заботиться о всесторонности и гармоничности образования и воспитания учащихся, как будущих граждан и деятелей общественно-государственной жизни»⁸. Направляя резолюцию съезда министру исповеданий, Архиепископ Харьковский Антоний

¹ Там же. Л. 24–36.

² Там же. Л. 110 – 113 об.

³ Там же. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 158.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 241 – 266 об.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 8.

приписал от себя, что, хотя не присутствовал там, но «с постановлением его... со своей стороны солидарен»¹. 15 октября 1917 года прихожане Малонемнужского прихода Пинежского уезда постановили: «ввиду близости Учредительного собрания, не возражая против программ социалистических партий в вопросах государственного управления, в религиозном вопросе не желаем отделения церкви от государства и школы от церкви, а желаем, чтобы Закон Божий был в школах обязательным предметом для православных детей и содержание православному духовенству было отнесено на счет государства». Данную резолюцию епископ Пинежский Павел прислал в Министерство исповеданий 15 ноября 1917 года². Незадолго до этого, 23 октября, митрополит Петроградский Вениамин направил в министерство два близких по содержанию приговора крестьян из Лужского уезда³. В вопросе сохранения церковно-приходских школ и Закона Божьего духовенство и верующие миряне возлагали огромные надежды на открывшийся 15 августа 1917 года Поместный Собор, рассчитывая, что столь авторитетный орган заставит правительство пересмотреть место религии в народном образовании в выгодном для церкви и, как им казалось, народа, смысле.

Еще одним немаловажным аспектом государственно-церковных отношений весной-летом 1917 года являлась проблема обеспечения личной безопасности духовенства и неприкосновенности церковного имущества. В советской историографии эта тема разрабатывалась исключительно в свете антиклерикального движения, хотя при этом авторы часто ставили в один ряд широкий круг совершенно разных процессов и явлений. Так, П.Г. Рогозный отметил, что нередко под этим понятием скрывались проявления так называемой «церковной» (или «епархиальной») революции, то есть протеста низов духовенства против епархиальных властей⁴. И действительно, такие факты, как

¹ Там же. Л. 193.

² Там же. Л. 281–284.

³ Там же. Л. 277.

⁴ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 19.

аресты и изгнание духовных лиц, а также покушение на церковное и монастырское имущество, часто являлись следствием разных причин, которые сложно свести к какому-либо единому знаменателю. В частности, имел место и банальный грабеж. Например, согласно отчетам Петроградской городской милиции, 21 июля 1917 года в здание Святейшего Синода вломились «экспроприаторы», которые «перевязали служащих, стояли над ними с браунингами, разгромили Екатерининский зал, похитили массу вещей, пригрозив браунингами оставив их со связанными ртами ушли»¹. Это вряд ли можно назвать «антиклерикальным движением». Существовали также конфликты между православными священниками и мирянами, с одной стороны, и представителями других конфессий, с другой. Своеобразным явлением, также притянутым к «антиклерикальному движению» масс, стала самодеятельность местных властей, пытающихся взять под свой контроль церковную жизнь по всевозможным поводам, как правило, исходя из представления о церкви как о части государственного аппарата. Собственно «антиклерикальные выступления» также можно разделить на несколько категорий: негативное отношение к вере и религиозным организациям вообще (встречалось, прежде всего, в столицах и в солдатской среде и гораздо реже в провинции), протест против конкретных служителей церкви и имущественные претензии к церковным учреждениям и монастырям (в том числе, в вопросе о земле). В некоторых ситуациях указанные явления оказывались соединены вместе, порою переходя одно в другое. Фактически же речь идет о наборе конкретных случаев, когда нарушались или ограничивались личные права представителей духовенства, создавалась угроза их безопасности или предъявлялись претензии на принадлежащую им и Синодальному ведомству в целом движимое или недвижимое имущество. Временное правительство в лице обер-прокурора и его канцелярии (с августа 1917 года – в лице возглавляемого А.В. Карташевым Министерства исповеданий) пыталось реагировать на каждый зафиксированный случай подобного нарушения установленного порядка. Соответствующие запросы тут же передавались в МВД

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 9. Л. 36 – 36 об.

или другие органы власти, которые давали указания своим учреждениям на местах разобраться в конфликтных ситуациях. Впрочем, в большинстве случаев возможности правительства оказывались крайне ограниченными.

Аресты и высылка представителей духовенства начались сразу после Февраля 1917 года. Как правило, они происходили по инициативе новообразованных местных властей (всевозможных общественных комитетов и советов) под предлогом реакционной деятельности епископов и священников. Наиболее известными являются факты преследования местными властями православных архиереев. Исследовавший феномен «церковной революции» П.Г. Рогозный отметил, что наиболее конфликтные ситуации у епархиальных архиереев возникали с различными светскими общественными комитетами и советами, видевшими в епископах агентов старого режима. Часто местные власти упорно старались выпроводить неугодных им владык в Петроград в распоряжение обер-прокурора или даже в столичный совет¹. Так, арестам подверглись 8 епархиальных архиереев (Питирим (Окнов), Макарий (Невский), Василий (Богоявленский), Тихон (Никаноров), Серафим (Голубятников), Феодор (Поздеевский), Иоаким (Левицкий) и Палладий (Добронравов), при чем только последнего местный Саратовский военный комитет арестовал не по собственной инициативе, а по запросу епархиального духовенства².

Конечно, не всегда дело заканчивалось арестами преосвященных. Так, вскоре после Февральского переворота на имя министра-председателя, министра внутренних дел, обер-прокурора Синода, а также «ЦК Совета депутатов» пришла телеграмма от Томского «временного комитета» о том, что 11 марта епископ Анатолий (Каменский) «освятил знамя Союза русского народа, указав место его хранения», а сейчас «распространяет книгу печаль земли русской указанием убитых губернаторов старого строя качестве жертв». Добавлялось, что «священнослужители терроризированы», и, если не последует решительных мер из центра в течение 5 суток, комитет будет вынужден устранить Анатолия с

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 74, 208.

² Там же.

занимаемой должности¹. На самом деле Анатолий – сам член IV Государственной думы – разрешил освятить иконы на знаменах-хоругвях, присланных из Петроградского отдела «Союза Михаила Архангела» поддержавшим переворот В.М. Пуришкевичем. П.Г. Рогозный пишет, что одним из инициаторов пристального внимания со стороны Исполнительного комитета к преосвященному был вошедший в его состав псаломщик села Павловского И.М. Смирнов. С его подачи представители Комитета с «полдюжиной вооруженных солдат-милиционеров» даже явились на открывшийся 25 мая 1917 года епархиальный съезд, где оказывали очевидное давление на собравшихся в пользу вынесения решения против Анатолия². Интересно, что возглавил антиепископскую партию секретарь духовной консистории С. Шалаев, предоставивший съезду материалы из делопроизводства епархиального управления. В результате голосования 73 делегата против 34 выразили недоверие преосвященному. Кроме этого, секретарь также отослал два порочащих епископа рапорта обер-прокурору Синода, в результате чего 21 июля 1917 года архиепископ Сергей (Страгородский) предложил Анатолию написать прошение об увольнении на покой. Томский епископ не стал сопротивляться, подписал требуемое заявление, но при этом попросил все же провести объективное расследование его деятельности. Синод отставки не утвердил, а по окончании первой сессии Поместного Собора в декабре 1917 года Анатолий вернулся в свою епархию³.

18 марта и 14 апреля 1917 года В.Н. Львову и в Петроградский Совет поступили телеграммы от Забайкальского областного комитета общественной безопасности, требовавшего удаления на покой в один из монастырей «вне Забайкалья» епископа Селенгинского Ефрема (Кузнецова) «как активного черносотенца»⁴. Н.С. Чхеидзе переправил копию полученного донесения обер-

¹ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 60-61.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 93.

³ Там же. С. 93–96.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 54.

прокурору, однако Львов поставил на нем резолюцию «повременить». Вскоре о «контрреволюционности» Ефрема доложил и комиссар Временного правительства Н.К. Волков, после чего обер-прокурор потребовал предоставить ему дополнительные сведения о епископе¹. 25 апреля местная милиция провела у Ефрема обыск, изъяв 5124 экземпляра книг и брошюр, признанных «черносотенными», а также нашла список членов Палаты Михаила Архангела и компрометирующую переписку². Не дождавшись ответа из Петрограда, 14 мая Забайкальский комитет выслал Ефрема в столицу в распоряжение обер-прокурора и попросил срочно распорядиться об увольнении епископа, «не допуская возвращения его хотя бы временного в отпуск в область»³. Но никаких репрессивных действий в отношении епископа центральная власть предпринимать не стала. Сам Ефрем до Петрограда так и не добрался, заявив, что не видит никаких оснований для этого, и попросил Синод расследовать обстоятельства дела. Последний к неудовольствию Комитета безопасности 30 августа 1917 года разрешил епископу вернуться в Забайкальскую епархию⁴. Ефрем приехал в Читу 13 ноября, а в ночь с 14 на 15 декабря 1917 года его снова арестовали и выслали из области⁵.

29 марта 1917 года обер-прокурору, а также «Керенскому, Чхеидзе» пришла телеграмма от Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов с просьбой устранить викария Омской епархии епископа Петропавловского Мефодия (Красноперова) «ввиду прошлой настоящей реакционной деятельности... угрожающей общественному спокойствию»⁶. По объяснению самого епископа от 13 апреля, Февраль он встретил в Уфе, а в Петропавловск

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 74.

² Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. С. 17.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 54.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 74.

⁵ См. Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 19. В сентябре 1918 года епископ Ефрем стал одним из фигурантов возбужденного Московским революционным трибуналом и ВЧК дела «группы попа Восторгова» и был приговорен к расстрелу.

⁶ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 51.

вернулся только вечером 23 марта 1917 года. И уже 25 марта к нему явились представители местного совета (20 рабочих и солдат) и произвели обыск, как в архиерейском доме, так и в прилегающем женском монастыре и церкви. Искали погромную литературу, сахар, махорку и мануфактуру, которые, по слухам, были спрятаны там в огромном количестве. Солдаты «в церковь входили с ружьями, прикасались к престолу», но ничего не нашли. Епископ рассказал о случившемся прихожанам в церкви, после чего к нему явился «ИК городской» с обвинениями в том, что преосвященный «будоражил народ с церковного амвона». Мефодий объяснил, что произошло, после чего «комиссар извинился за ошибки»¹. Впрочем, ситуация вокруг епископа оставалась напряженной, так как 26 апреля В.Н. Львов написал преосвященному Омскому Сильвестру, что Собрание окружного духовенства Омской епархии сообщило о «несоответствии переживаемому времени деятельности епископа Мефодия», хотя сам епископ этого и не признавал. Кроме того, Совет рабочих города² телеграммой запросил обер-прокурора об удалении Мефодия из епархии³. Преосвященный ответил в Синод, что не понимает выдвигаемых против него обвинений: он не состоял членом «Союза русского народа», призывал к подчинению Временному правительству, «к миру и любви»⁴.

23 марта 1917 года по прибытии тогда еще действующего члена Синода архиепископа Нижегородского Иоакима в свою епархию Нижегородский городской исполнительный комитет направил обер-прокурору телеграмму с просьбой удалить преосвященного на покой, поскольку он – черносотенец, дружен с охранным отделением и при выборах в IV Государственную думу при поддержке бывшего губернатора А.Н. Хвостова оказывал давление на духовенство⁵. В.Н. Львов в ответе от 31 марта 1917 года попросил Исполнительный комитет прислать в Петроград депутацию от духовенства «для

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 96–98.

² Так организация именуется в тексте документа.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 75.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 84.

ходатайства перед Синодом»¹. Вскоре Иоаким сам приехал в столицу для участия в его заседаниях, но после отпуска «зимней сессии» вновь возвратился в свою епархию. На следующее утро после прибытия в Нижний Новгород, а именно 21 апреля 1917 года, Иоакима по постановлению Нижегородского городского исполнительного комитета подвергли домашнему аресту. Об этом секретарь местной духовной консистории тут же проинформировал В.Н. Львова². Против архиерея выступили и местное духовенство и верующие миряне, проголосовавшие на своем съезде за устранение преосвященного с кафедры. Не дожидаясь эксцессов, Иоаким попросил у Синода отпуск и уехал в Крым, а В.Н. Львов направил в Нижний Новгород своего ревизора, члена Государственной думы священника А.Г. Альбицкого. Как это происходило практически со всеми ревизиями в духовном ведомстве, расследование свелось к изучению хозяйственной части архиерейского дома, в то время как обвинения имели под собой явно политическую подоплеку. И только 1 августа Синод запросил у Иоакима, не найдет ли он возможным написать заявление об увольнении на покой³. Возможно, церковные власти тянули с отставкой архиепископа, надеясь, что шумиха вокруг него пойдет на спад. Но этого не происходило. Так, 3 августа 1917 года об удалении Иоакима Синод попросил даже Всероссийский Совет крестьянских депутатов⁴. В итоге 14 сентября 1917 года архиерей написал прошение уволить его «вследствие неблагоприятно сложившихся условий служения» и назначить настоятелем Симонова монастыря. Однако Синод медлил, и Иоаким формально продолжал возглавлять епархию до 10 апреля (28 марта) 1918 года⁵.

25 апреля глава правительства Г.Е. Львов передал В.Н. Львову телеграмму от Городского исполнительного комитета, Совета воинских депутатов и Совета рабочих депутатов города Житомира, требовавших увольнения на покой

¹ Там же. Л. 85.

² Там же. Л. 83.

³ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 77–79.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 88.

⁵ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 79.

Волынского архиепископа Евлогия¹. Но за архиерея вступился сам обер-прокурор. В своем письме главе правительства он писал, что Евлогий «никогда к крайне правым организациям не принадлежал и тем более к Союзу русского народа. Состоя же членом Государственной Думы III созыва, всегда примыкал... к умеренным группам... и пользовался полным уважением левых партий». Это, по словам В.Н. Львова, стало причиной запрета Евлогию баллотироваться в IV Думу². Как уже говорилось, архиепископа поддержал и епархиальный съезд духовенства и мирян, высказавшийся за оставление его на кафедре.

Одним из самых громких случаев вмешательства местных советов в церковную жизнь стал арест архиепископа Воронежского Тихона (Никанорова). 8 июня 1917 года к нему явился председатель Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Кобытченко, сопровождаемый «толпой» солдат и рабочих. Увидев на стене портреты Романовых, Кобытченко приказал их снять. Потом произвели обыск, изъяв текущую документацию и личную переписку владыки, а также около 90 рублей серебряными монетами. Тихону объявили, что он арестован и должен в сопровождении солдата отправиться в Петроград в Таврический дворец. Архиепископ собрал вещи и в полночь выехал в столицу. Появление архиерея в Исполнительном комитете Петроградского Совета, видимо, вызвало недоумение его членов. Просидев около 5 часов в комнате Исполнительного комитета, Тихон попросил доставить его в Александро-Невскую Лавру, что и было вскоре выполнено. Сопровождающими отправились один член комитета и один солдат³. В материалах Петроградского Совета сохранилось датированное 11 июня 1917 года предписание от Исполнительного комитета настоятелю Александро-Невской Лавры о том, что архиепископ Тихон препровождается в его «временное распоряжение»⁴. Рассмотрев обстоятельства дела, обер-прокурор и Синод объявили, что не нашли законных оснований для

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 36. Название организаций указано по тексту телеграммы.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 79–80.

³ См. подробнее об этом инциденте: Там же. С. 76–77.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 11, 42, 47.

привлечения архиепископа к ответственности. По поводу царских портретов в своих покоях Тихон оправдался, что не было распоряжения не иметь таковых, а, кроме того, портреты служили украшением комнаты¹. В результате, несмотря на полученную от Кобытченко телеграмму о недопустимости возвращения Тихона в Воронеж, В.Н. Львов вернул его, обратившись к местному губернскому комиссару с просьбой «оградить владыку от обид и оскорблений и устроить ему достойную встречу». Впрочем, как докладывал секретарь Воронежской духовной консистории, во время июньского ареста архиепископ уже обращался за помощью к губернскому комиссару, но «принятые меры не имели успеха»². Примечательно, что пребывание архиепископа Тихона в Петрограде впоследствии вызвало бюрократическую неразбериху в судебном ведомстве. 23 июня Первый департамент Министерства юстиции запросил прокурора Петроградского суда о том, «освобожден ли из-под стражи арестованный по постановлению Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов архиепископ Воронежский и Задонский Тихон, отправленный в сопровождении диакона, келейника и делегата Совета рабочих и солдатских депутатов в Таврический дворец?»³ На документе стоит рукописная резолюция, что «никаких сведений об архиепископе Воронежском и Задонском Тихоне в камере Прокурора Судебной Палаты не имеется. 28.VI.17»⁴. А 30 июня 1917 года комендант Таврического дворца вообще сообщил прокурору Петроградского окружного суда, что архиепископ во дворец не доставлялся, и «где он находится, никому не известно»⁵.

Многочисленны случаи арестов и изгнания рядовых священнослужителей. Причем, если в марте обер-прокурор Синода рассматривал подобные сообщения как проявления борьбы революционного народа против отдельных клириков-

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 77. Отметим, что это не единственный случай, когда в личных покоях православных архиереев продолжали висеть царские портреты. Например, 23 августа 1917 года грузинские милиционеры обнаружили портреты представителей Дома Романовых в покоях первоприсутствующего в Святейшем Синоде экзарха Грузинского Платона (Рождественского). См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 2 – 2 об.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 77.

³ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2679. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 2.

«черносотенцев», и даже поддерживал их удаление из приходов, то со временем чиновник начал корректировать свою позицию. В циркуляре епархиальным преосвященным от 20 апреля 1917 года В.Н. Львов констатировал, что аресты местными исполнительными комитетами священников за их негативные по отношению к новому строю высказывания происходят вследствие «порвавшейся духовной и нравственной связи» пастырей с прихожанами и недостаточной чуткости епископов к заявлениям граждан. Ввиду этого Львов предписывал прислушиваться к жалобам на священнослужителей и «стараться избегать обострений»¹. Кроме того, обер-прокурор учредил при себе комиссию, которой поручил разбирать случаи незаконного лишения священников права служения и их арестов².

«Гонения» отнюдь не всегда обуславливались политической позицией духовных лиц. Вполне могли иметь место и какие-то личные счёты или неприязнь. Например, священник села Бродецкого Звенигородского уезда Мозерницкий пожаловался Временному правительству, что его «притесняет» некий уклоняющийся от службы Андрей Гурский, который хочет выселить священника с семьёй на улицу. Прошение переправили Киевскому губернскому комиссару³. Обер-прокурор чаще всего старался обеспечить представителям клира защиту, за исключением совсем уж одиозных – по мнению Львова – монархистов. Так, 6 апреля 1917 года он попросил товарища министра внутренних дел «оградить от бесчинств толпы» священника церкви села Ильинского-Змиева Крапивенского уезда Тульской епархии Александра Щадилова⁴. А 20 мая обер-прокурор «препроводил» Г.Е. Львову прошение представителя съезда духовенства Симбирской епархии протоиерея Иоанна

¹ См. Емелях Л.И. Указ. соч. С.84. Снигирева Э.А. От Февраля к Октябрю (церковь и политика) // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 98.

² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 204.

³ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 156. Л. 18 – 18 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 2.

Благовидова о содействии к ограждению духовенства «во многих приходах от произвола со стороны темных масс населения»¹.

Изгнание и притеснения представителей духовенства достигли такого размаха, что 18 мая 1917 года глава правительства князь Г.Е. Львов даже отправил губернским комиссарам циркуляр, в котором отметил, что «самовольное вмешательство сельских, волостных, уездных и губернских общественных комитетов в церковную жизнь, определяемую лишь церковными законами, является недопустимым и незаконным»². Но это предписание имело мало действия. Так, в июне 1917 года следственная комиссия Тульского губернского временного исполнительного комитета выслала священника села Ивица Николая Смирнова к его отцу в Тверскую губернию за «контрреволюционное направление» деятельности и «натравливание» одной части населения на другую «и лиц левого направления». На просьбу консистории объяснить, в чем же именно провинился священник, Временный исполнительный комитет ответа не дал. Тогда управляющий Тульской епархией епископ Каширский Иувеналий (Масловский) обратился за помощью к обер-прокурору Синода, а тот связался с МВД³. На его запрос губернский комиссар прислал «отписку», гласящую, что Смирнов не выслан из епархии, а «взят на попечение его отцом»⁴. При этом в августе 1917 года священник ходатайствовал перед епархиальным начальством «об облегчении его тяжелой участи, ввиду его невиновности», а супруга Смирнова просила Министерство исповеданий помочь скорейшему возвращению ее мужа в приход в Ивице, «откуда его незаконно выслали»⁵.

Иногда вмешательство правительства все-таки помогало священнослужителям сохранить свое положение. Например, 14 июня 1917 года Синод через обер-прокурора обратился к Г.Е. Львову с просьбой пересмотра

¹ Там же. Л. 13.

² Сборник циркуляров МВД за период март–июнь 1917. С. 35–36.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 25. Л. 1 в – 1 в об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15–16.

решения Новгородского губернского комиссара о запрещении богослужений священнику Боровичского собора Ермолову, подозреваемому в промонархических симпатиях¹. 27 июня премьер написал губернскому комиссару в Новгород: «Признавая со своей стороны нежелательным всякое нарушение правильного отправления богослужения, так как с этим связано лишение прихожан возможности удовлетворять их религиозные потребности, я прошу Вас срочно сообщить мне Ваше заключение по вопросу о допущении протоиерея Ермолова к выполнению архипастырских обязанностей...»² 14 июля запрет в богослужении со священника сняли³.

18 июня В.Н. Львов сообщил епископу Острогжскому Владимиру (Соколовскому) о том, что Воронежскому губернскому комиссару поручено принять меры «к ограждению личности и права беспрепятственного проживания в селе Еланском священника Боголюбского и исполнению последним своих обязанностей», а также разъяснить «местному комитету» и его председателю, что содержание под арестом без постановления судебной власти является незаконным⁴. 29 июня товарищ обер-прокурора информировал епископа Бельского Серафима (Остроумова) о том, что Орловский губернский комиссар защитит священника церкви села Ровнецо Ливенского уезда Зернова с семейством «от притеснения его со стороны псаломщика, а ныне волостного комиссара Николая Евфимова» и разъяснит, что незаконные действия «в особенности недопустимы для комиссара»⁵.

Но вмешательство представителей местных властей в церковную жизнь не прекращалось. Например, в селе Шкаревке Киевской губернии уездный комиссар по требованию уволенного священником церковного старосты удалил самого священника. После этого 30 сентября товарищ министра исповеданий попросил

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 20 – 21 об.

² Там же. Л. 24 – 24 об.

³ Там же. Л. 60.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

министра внутренних дел «принять зависящие меры к прекращению административной деятельности местных органов управления в вышеуказанном (антицерковном – А.С.) направлении...»¹ А прибывший 9 июля 1917 года в Тамбовский Тулиновский Софийский монастырь председатель местного Совета рабочих и солдатских депутатов взял на себя роль судьи, разбирая жалобы пригласивших его послушниц. 16 октября председатель снова приезжал в обитель и без ведома настоятельницы произвел допрос некоторых сестер, «о чем неизвестно»².

Трагично сложилась судьба настоятеля Храма святого благоверного князя Михаила Тверского в Тифлисе протоиерея С.Д. Городцова³. Будучи изгнанным из своего прихода за «промонархическую» деятельность, он бежал в Могилевскую губернию, однако не терял связи с причтом и прихожанами. Когда на Кавказ прибыл уполномоченный Временного правительства В.Н. Бенешевич, его посетила депутация верующих, попросивших вернуть Городцова на место служения. Бенешевич пообещал «полное содействие к благополучному исходу дела», однако после его отъезда в Петроград ничего не изменилось. Не помог и составленный прихожанами письменный приговор, врученный главе Особого Закавказского комитета Временного Правительства (далее – ОЗАКОМ) В.А. Харламову. 31 июня 1917 года сам Городцов обратился к архиепископу Платону (Рождественскому) с просьбой разрешить ему вернуться на Кавказ⁴. В соответствии с этим преосвященный попросил 14 августа министра исповеданий Карташева вернуть Городцова в его приход, так как протоиерей «не заслуживает такой участи (скитальца – А.С.) ни по личным качествам, ни по своей пастырской деятельности»⁵. Очевидно, разрешение было получено, но по прибытии в Тифлис

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 239.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 155. Архиепископ Тамбовский сообщил о случившемся в отношении на имя министра исповеданий 6 ноября 1917 года.

³ Будущего митрополита Новосибирского и Барнаульского Варфоломея, 1866–1956. См. о нем: Косик О.В., прот. Борис Пивоваров. Варфоломей (Городцов Сергей Дмитриевич) // Православная энциклопедия. Том VI. М., 2003. С. 713–715.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 – 3 об, 14 – 15 об.

⁵ Там же. Л. 4 – 4 об.

Городцова тут же арестовал местный Военно-Революционный Комитет, сформированный после Корниловских событий. Об этом экзарх Платон пожаловался в телеграмме Керенскому от 4 октября 1917 года¹, а 16 октября архиерей попросил Карташева оказать «решительное срочное содействие» освобождению протоиерея Городцова из тюрьмы². Аналогичную просьбу направили и в ОЗАКОМ на имя А.И. Чхенкели, но безрезультатно. Посетивший в начале октября Тифлис протоиерей А.П. Рождественский добился свидания с Городцовым в тюрьме. По версии последнего основной причиной его ареста являлось то, что он русский. Городцов считал, что его просто-напросто изолировали на время формирования списков в Учредительное собрание, так как никаких обвинений ему не предъявили³. Однако ситуация не изменилась и после падения Временного правительства и обособления Закавказья от Совнаркома. В конце ноября 1917 года несколько членов Поместного Собора ходатайствовали о судьбе протоиерея перед патриархом Тихоном⁴. После этого 28 ноября Тихон отправил в Тифлис Чхенкели телеграмму с просьбой содействовать освобождению Городцова. Одновременно Святейший Синод постановил выплатить протоиерею единовременное «воспомоществование» в размере 800 рублей⁵. В итоге Городцов вышел на свободу, но из-за крайне негативного отношения к нему представителей Грузинской церкви был вынужден тут же выехать в Баку.

Как уже отмечалось ранее, представляется сомнительным, чтобы православное духовенство после Февраля действительно активно занималось какой-то «противоправительственной» деятельностью. Кроме единичных случаев, все священно- и церковнослужители признали новую власть. Негативное отношение со стороны прихожан и местных комитетов, скорее всего, было обусловлено тем, что люди а priori считали духовных лиц верными слугами

¹ Там же. Л. 5 – 5 об.

² Там же. Л. 8.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 336.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 – 1 об.

⁵ Там же. Л. 11, 13.

павшей династии. Наивная психология обывателей требовала того, чтобы самвоны храмов обязательно прославлялись революция и ее идеалы и не допускала возможности даже какой-либо нейтральной позиции. В сознании масс церковь не была отделена от государства, а прежняя служба духовенства монархии не забывалась. Следствием этого стали, с одной стороны, поток жалоб на контрреволюционность священно- и церковнослужителей, а с другой попытка найти среди клира своих борцов за свободу и объявить их «истинными пастырями».

Известно как минимум два случая, когда органы власти на местах даже назначили своих «комиссаров духовных дел», пытавшихся активно участвовать в церковной жизни. Так, в Екатеринославе Исполнительный комитет избрал своего уполномоченного по наблюдению за деятельностью епархиальных учреждений. А в первые недели марта 1917 года представители комитета во время визита в Петроград попросили главу Временного правительства устранить с Екатеринославской кафедры епископа Агапита (Вишневого), так как тот «раздражает своими действиями все население Екатеринослава». На этом прошении, переданном князем Львовым обер-прокурору, последний поставил резолюцию «обратить внимание на преосвященного Агапита». В связи с этим епископу пришлось тоже посетить столицу, и после личных объяснений он был отпущен с миром к месту служения¹.

Гораздо более активно действовал «комиссар духовных дел» в Харькове. Как сообщил в Синод архиепископ Антоний (Храповицкий), 5 марта к нему явился некто В.И. Рапп и от имени Исполнительного комитета потребовал «внушить священникам сельских приходов, чтобы не противодействовали признанию со стороны народа Временного правительства». На это Антоний выразил сомнение в возможности выступлений духовенства с проповедями на политические темы. Спустя несколько дней Рапп прибыл уже с мандатом «комиссара по духовным делам всех вероисповеданий местной губернии» и

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 82–83.

потребовал собрать священно- и церковнослужителей города для составления рапорта обер-прокурору Синода. Антоний ответил, что не будет препятствовать, так как все равно уходит на покой. 23 марта духовенство Харькова собралось, но Раппу не удалось навязать ему свои порядки: клир категорически отказался от предложения «комиссара» избрать в председатели двух священников, попавших в 1905 году под суд за революционные выступления. Кроме этого, духовенство приняло резолюцию устраивать последующие собрания только в присутствии епархиального архиерея и попросило Антония отказаться от оставления кафедры. Тогда Рапп собрал ночью дьяконов и псаломщиков, надеясь заручиться их поддержкой, но безрезультатно. Кроме того, по сообщению Антония, «комиссар» назначил «особый судебный трибунал» над священником Михаилом Слущким за «агитацию» и «некорректности», запретив ему служить в церкви и требуя покинуть епархию до 10 апреля 1917 года. Как выяснил архиепископ, Рапп – присяжный поверенный, призывавший в 1905 году использовать православные храмы для революционных собраний, а потом сидел в тюрьме и лежал в психлечебнице, «открыто признает себя неверующим». Антоний попросил Синод избавить Харьковскую епархию от такого «обер-архиерея»¹. 15 апреля В.Н. Львов переправил письмо архиепископа министру внутренних дел с пометкой «секретно». От себя обер-прокурор добавил, что не считает возможным напрямую связываться с Раппом, так как никакого комиссара для Харькова не назначал². МВД запросило отзыв от губернского комиссара, и 8 мая 1917 года Харьковский губернский общественный комитет выслал ответ, опровергавший донесение Антония. В документе сообщалось, что В.И. Рапп был назначен комитетом «для переговоров с архиепископом и для увещевания отдельных священников», которые вели «недопустимую агитацию против нового строя». Чтобы придать этим переговорам более официальный характер, Раппу присвоили звание «комиссара по духовным делам». При этом он вел себя предельно корректно и на все свои действия запрашивал разрешения преосвященного. Об осужденном

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 24. Л. 1 – 4 об.

² Там же. Л. 5 об.

священнике Слуцком комитет сообщил, что тот «известен всему Харькову как профессиональный доносчик», «сеял постоянную вражду и смуту и злоупотреблял своей любовью и способностью к сыску». Комитет также просил довести до сведения обер-прокурора Львова, что «все комиссары никем не назначаются, а выбираются местными общественными комитетами... Только благодаря вмешательству комитета и в частности комиссара по духовным делам острые моменты закончились более или менее благополучно, а личность священника Слуцкого и самого архиепископа Антония остались неприкосновенными»¹. Ситуация в епархии оставалась неоднозначной, так что 6 мая 1917 года товарищ министра внутренних дел Д.М. Щепкин даже запросил Харьковского губернского комиссара Ковалевского, не станет ли решение Синода об отставке Антония причиной каких-либо беспорядков в губернии². Архиерей покинул кафедру³, а Харьковский губернский общественный комитет предпринял активные попытки вмешаться в подготовку выборов преосвященного, стараясь не допустить возвращения Антония. Но все оказалось напрасно. Пользовавшийся поддержкой местного духовенства архиепископ сумел победить на выборах и вновь занял Харьковскую кафедру уже как народный избранник⁴.

После Февраля 1917 года открытым оказался вопрос о церковном (включая монастырское) движимом и недвижимом имуществе. Надо отметить, что и при Романовых его статус не был четко определен законом. Фактически, поскольку главой церкви являлся император, то и все, принадлежавшее духовному ведомству, также находилось в руках государства. Даже Хозяйственное управление Синода подчинялось светскому чиновнику – обер-прокурору, а не православным иерархам. При этом конкретными владельцами той или иной собственности признавались отдельные духовные учреждения, епархиальные

¹ Там же. Л. 7 – 7 об.

² Там же. Л. 3.

³ Определение Синода об увольнении Антония с кафедры вышло 1 мая 1917 года. Местожительством архиепископу назначили Валаамский Спасо-Преображенский монастырь. См.: Церковные ведомости. 1917. № 18–19 от 6 мая. С. 117.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 180–181.

управления, церкви и монастыри. Но если в условиях монархии, когда церковь была включена в государственную систему, эта неопределенность не вызывала особых затруднений, то после отстранения Романовых проблема стала необычайно актуальна. Особенную остроту ей придавали предположения о скором отделении церкви от государства.

Временное правительство не стало как-либо изменять или прояснять статус церковного имущества, в том числе и недвижимого. Контроль государства за ним сохранялся. Так, летом 1917 года епархиальные начальства через обер-прокурора обращались в правительство за разрешением провести те или иные сделки с недвижимостью¹. В то же время после Февраля повсеместно активно стали распространяться идеи о необходимости «возвращения народу» богатств церкви, накопленных «живущим в праздности» духовенством. В некоторых местах органы власти начали принимать постановления о реквизиции имущества духовного ведомства.

Одним из самых громких случаев подобного рода стало решение Слуцкого уездного комиссара Р.К. Островского занять помещения расположенного в этом городе мужского монастыря и открыть в них светскую гимназию. Островский даже заручился разрешением министра народного просвещения Мануйлова (правда, тот оговорил необходимость согласования вопроса с духовным начальством). В ночь с 21 на 22 мая 1917 года обитель подверглась неожиданному обыску солдатами и гражданскими лицами. Присланный из столицы В.Н. Львовым помощник императорского наблюдателя церковно-приходских школ М.Н. Руднев заключил, что причиной нападков на монастырь является его настоятель архимандрит Афанасий, подозреваемый «в крайнем несочувствии католической и еврейской части населения». Руднев предложил немедленно удалить Афанасия из города, а во избежание реквизиции назначить обитель

¹ См. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1445. Л. 3, 13–17.

местопребыванием викарного епископа¹. Не в пользу монастыря говорила и его малонаселенность: братия состояла всего из 21 человека.

2 июля Островский выступил на Слуцком уездном крестьянском съезде, сообщив, что ему поручено организовать к 1 сентября «комплект учащихся», а на ремонт помещений губернский комиссар выделил солидную сумму в 80 000 рублей. Съезд дал свою санкцию на реквизицию монастыря, после чего 13 июля уездный комиссар в сопровождении милиционера и двух солдат арестовал настоятеля, отвез его в автомобиле в соседний город Бобруйск и оставил там на вокзале. Кроме всего прочего, Островский предъявил бумаги от Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Слуцка², в которых Афанасий обвинялся в издании погромной литературы (жития священномученика Гавриила) и противодействии «начинаниям социалистических организаций» (устройство гимназии)³. Через два дня из Слуцка также выслали «без права возвращения» монаха Ефросина, который при обыске заявил, что погромных брошюр больше не имеется, а 14 июля их нашли «в большом количестве»⁴. Сам Афанасий обвинил в произошедшем лично комиссара Островского, говоря, что он – «чистокровный поляк под ширмой православного»⁵.

Но самое интересное началось после отъезда архимандрита. Братия вопреки действующим правилам самостоятельно избрала себе нового настоятеля – иеромонаха Елпидифора, который издал 15 июля листовку-воззвание «ко всем гражданам Слуцкого уезда». В ней объявлялось, что Афанасий «отбыл» по постановлению ИК Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов за его «контрреволюционную» деятельность, и что «никакого насилия со стороны Совета... по отношению к о. Афанасию учинено не было...» Чтобы хоть как-то обосновать законность произошедшего, Елпидифор подчеркнул, что и «со

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 305. Л. 17–18.

² Так в тексте документа.

³ Там же. Л. 7 – 8 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 5 – 6 об.

стороны духовного ревизора из Петрограда признана необходимость перевода о. Афанасия из Слуцка». Далее иеромонах объявлял о готовности братии предоставить «свободные пустующие» помещения для гимназии: «пусть под сению святого монастыря дети белорусского православного народа, получивши первые зачатки познания истины, правды и любви к ближнему, послужат гордостью и славой нашего края»¹. В дело вмешался Синод. 26 июля он постановил перевести архимандрита Афанасия в Ладанский Благовещенский монастырь, иеромонаха Елпидифора запретить в священнослужении с назначением расследования, а «для спасения Слуцкого Свято-Духова монастыря как исторической святыни» немедленно поселить в нем викария Минской епархии епископа Слуцкого на правах настоятеля².

Интересно отметить, что, если на местах советы открыто высказывали свое негативное отношение к церкви и, соответственно, не видели ничего предубедительного в отчуждении ее собственности для «народных» целей, то среди высших советских деятелей в Петрограде и Москве иногда звучали призывы к необходимости соблюдения законности и недопустимости произвольных реквизиций. В этой связи характерен случай с попыткой занятия здания Варнавинского народного общества трезвости на Семеновской площади в Москве, вызвавший разбирательство в Московском Совете рабочих депутатов. После Февраля руководители Общества – иеромонах Алексей и миссионер Н.Ю. Варжанский – предоставили помещение Общества для периодических заседаний Благуше-Лефортовского районного Совета рабочих депутатов. Злые языки говорили, что этим духовные отцы пытались избежать закрытия общества и преследований за их прежнюю промонархическую деятельность. Вскоре в совет поступил донос о том, что в зале Общества собираются черносотенцы, и там «можно встретить мужчин со служащими чайной девушками в очень неловком положении», хотя в доме молитвы «не должно быть разврата». По словам

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 15 – 15 об. В 1917 году имелись и другие случаи, когда руководство монастырей сменялось при помощи вмешательства местных властей, причем иногда инициаторами этих событий выступали сами монахи. См.: Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 63.

доносчиков, миссионер Варжанский называл социалистов «сатаниными слугами и немецкими шпионами, очень гнусно отзывался об Чхеидзе, Чхенкели, Толстом и Керенском». А иеромонах Алексей якобы освятил аудиторию после заседания Совета рабочих депутатов, чтобы изгнать «сатанинский и хулиганский» дух. В доносе также значилось, что Варжанский разбил членов общества на дружины по 5 человек («видимо для погромов»), заявив, что «они» пойдут со своими «стягами» и запоют «то-то», а мы возьмем «свои» стяги и запоем Пресвятая Владычице Богородице и к нам все присоединятся, потому что у всякого христианина сердце еще «чисто»»¹.

Благуше-Лефортовский Совет решил установить за Варнавинским обществом надзор: член его Исполкома Степанов направился 24 апреля 1917 года на проводимое обществом собрание и конспектировал услышанное. Сначала там выступал с лекцией широко известный в церковных кругах присяжный поверенный Н.Д. Кузнецов, а потом начались прения, в процессе которых ораторы призвали присутствующих «не вступать ни в какие профессиональные союзы и партии, так как это все крамольники и мятежники... и лишь в православной церкви должно произойти объединение верных сынов родины и православия». Кто-то из присутствовавших даже выразил сожаление по поводу свержения монархии, так как «только царь являлся сторонником церкви и духовенства»². Степанов попробовал возразить, но Варжанский предложил ему уйти. Тогда Степанов отправился напрямик в Исполком районного совета, который тут же постановил о немедленной реквизиции помещения общества. Вместе с милиционерами Степанов вернулся на Семеновскую площадь, разогнал «сборище» и задержал докладчика Н.Д. Кузнецова и миссионера Н.Ю. Варжанского, а у иеромонаха Алексея провели обыск³. Кузнецова и Варжанского вскоре освободили, но на следующий день ИК районного совета направил своего

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 1 – 1 об.

² Там же. Л. 7. При этом в деле имеется листок с короткими записями, скорее всего сделанными Степановым на заседании Варнавинского общества 24 апреля. Там отмечено, что «как говорил один священник, что церкви должны быть переданы в руки народа». Ничего контрреволюционного в этом, конечно же, не имелось. См.: там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 7.

представителя в Реквизиционную комиссию Московского Совета рабочих депутатов с просьбой о санкционировании произведенного «захвата» для размещения районного Народного дома. Об этом же запросили и Комитет общественных организаций города Москвы¹. Однако дело приняло скандальный оборот. Возмущенный случившимся Кузнецов встретился с гражданским комиссаром Москвы меньшевиком А.М. Никитиным, после чего тот на заседании Комитета общественных организаций назвал действия милиции «прискорбным случаем» и предложил помощнику районного начальника милиции подать в отставку². Кузнецов также дал интервью газете «Русское слово», в котором заявил, что лекцию прервали «неизвестные вооруженные лица в одежде солдат, милиционеров и рабочих». А 1 мая присяжный поверенный обратился в Московский Совет рабочих депутатов, отметив, что «демократия уже ради успеха провозглашенных революцией идей должна бы не только уважать чисто церковную общественную деятельность, но и всячески ей помогать», а подобные случаи дискредитируют новую власть и вносят в народ раздор³. Протест был передан и обер-прокурору Синода, который направил его в Главное управление по делам милиции. Правда, В.Н. Львов несколько преувеличил, добавив, что кроме разгона собрания и запечатывания дверей общества также закрыли и храм при нем, чего на самом деле не было⁴. В результате Московский Совет назначил комиссию в составе И. Кочергина, Е.Н. Игнатова и Розенблюма для расследования случившегося, а московские «Известия» поместили статью, осуждающую поступок милиционеров⁵.

Тем временем, председатель Исполкома Совета рабочих депутатов Благушинско-Лефортовского района С.А. Егоров подготовил свой доклад о произошедшем 24 апреля, в котором подчеркнул контрреволюционную деятельность Варнавинского народного общества, о чем якобы неоднократно

¹ Там же. Л. 8–10, 12.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 15–18.

⁴ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 589. Л. 12 – 13 об.

⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 13 об.

сообщали комиссару города Москвы Н.М. Кишкину. Егоров доказывал, что «была прервана не лекция, а агитация отдельных лиц в пользу возвращения к старому строю»¹. Члены районного совета единодушно одобрили тезисы председателя, постановив просить ИК Московского Совета ускорить следствие, а также напечатать доклад Егорова в «Известиях». Кроме того, было решено заявить А.М. Никитину, что он как член Президиума Совета рабочих депутатов не имел нравственного права порицать действия милиционеров, а тем более «увольнять их» до окончания следствия, проводимого Московским Советом².

9 мая свой доклад для ИК Московского Совета подготовил И. Кочергин. После изучения обстоятельств и опроса свидетелей он тоже назвал действия районного совета незаконными и предложил подыскать для его нужд другое помещение. Тем не менее, по поводу милиционеров Кочергин заключил, что «действовали лица, не банда, не толпа, а сознательные товарищи, работающие в разных общественных рабочих организациях, и даже состоящие в разных социалистических партиях – это видно не только из того, что при обыске ничего не было с целью присвоения вещей взято, но и из того, что все т.т. действующие не скрывают своего участия: но действия их с организационной стороны считаю неправильными». Кочергин подтвердил наличие слухов о контрреволюционности Н.Ю. Варжанского, иеромонаха Алексия и некоторых других членов Варнавинского общества и рекомендовал «компетентным представителям» установить за этой организацией надзор «с точки зрения научного богословия». Следователь также отметил, что «относительно проф. Кузнецова ни с какой стороны... не слышал обвинения его в контрреволюционности»³.

Члены ИК Московского Совета согласились с мнением о неправильности действий районного совета, но посчитали, что оставлять Варнавинское народное общество в покое не следует. 24 мая 1917 года Исполнительный комитет за подписью А.И. Рыкова запросил Комитет общественных организаций о

¹ Там же. Л. 5–6.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 13 – 14 об.

реквизиции «в срочном порядке» здания общества для нужд местного совета, добавив, что речь идет лишь о части помещения, не прилегающей к церкви¹. Вслед за этим в июне 1917 года в реквизиционной комиссии при Исполкоме Московских общественных организаций состоялось слушание, на которое пригласили и представителей Варнавинского народного общества во главе с Варжанским и Кузнецовым. Сторонники реквизиции называли общество «очагом контрреволюции – местом, откуда исходит открытая погромная пропаганда» и даже предлагали передать дело на рассмотрение Комиссии по обеспечению нового строя. Но в результате голосования вопрос о реквизиции был решен отрицательно². Только 14 августа 1918 года Президиум Благуше-Лефортовского Совдепа проинформировал Президиум Московского Совета, что им постановлено реквизировать помещения Варнавинского общества как очага контрреволюции для клуба рабочей молодежи «Заря новой жизни» под устройство детской столовой. При этом оговаривалось, что «церковь, находящаяся там же остается»³. Думается, главной причиной сохранения недвижимости Варнавинского общества в 1917 году являлось участие в этом деле Н.Д. Кузнецова – блестящего юриста, который впоследствии выступал защитником церковных интересов от имени Поместного Собора как перед Временным правительством, так и перед Советом Народных Комиссаров.

Довольно широкое распространение получили случаи захвата различными революционными организациями церковных типографий. В условиях 1917 года, когда с внезапным обретением неограниченной свободы печати возникла необходимость ведения активной агитационной деятельности, духовное ведомство – идеологическая опора павшего самодержавия – рассматривалось как своего рода донор. Уже в марте 1917 года Совет рабочих депутатов Рязани постановил взять в свое ведение типографию братства Святого Василия и

¹ Там же. Л. 45–46.

² Вечерние новости. 1917. 14 июня.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 47.

приспособить ее для своих нужд¹. Нередко реквизицию поддерживали сами рабочие типографий, проникшиеся социалистическими идеями. Так, 7 мая 1917 года рабочие Лаврской типографии Сергиева Посада, заручившись поддержкой ИК местного Совета рабочих и солдатских депутатов и полкового комитета 29-го запасного полка, обратились в Исполком Московского Совета с предложением забрать типографию для своих нужд². Московский Совет медлил, а администрация Лавры пыталась пресечь инициативы рабочих. Тогда они 24 мая связались с Московским комитетом и Московской военной организацией РСДРП, предложив им овладеть типографией для партии. Что самое интересное, главной причиной этого обращения являлись не политические, а экономические мотивы: рабочие надеялись, что социалисты обеспечат их заказами и, соответственно, повысят их доходы. Об этом напрямую свидетельствует жалоба рабочих на монастырское руководство, якобы не использовавшее типографию на полную мощность. Организации РСДРП попросили 26 мая санкцию на реквизицию у Исполкома Московского Совета рабочих депутатов³, после чего в начале июня 1917 года губернский комиссар А.А. Эйлер проинформировал Троицко-Сергиеву Лавру о переходе ее типографии в ведение издательской комиссии Московского Совета в составе В.Г. Черткова, Г.В. Плеханова и П.А. Кропоткина. При этом, по словам Эйлера, комиссии поставили условие, чтобы в типографии не печатали сочинений антирелигиозного содержания, хотя тут же стало известно, что Чертков подготовил к печати ранее не издававшиеся рукописи Л.Н. Толстого⁴.

Обер-прокурор Синода и сменивший его в августе 1917 года министр исповеданий пытались противодействовать изъятию типографий. 13 июля В.Н. Львов сообщил князю Г.Е. Львову об «отобрании» типографии Почаевской Лавры, конфискованной по распоряжению Бердичевского ИК и уже частично

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 11.

² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 828. Л. 2. Подписали рабочие Ливай и Н.Н. Воронин.

³ Там же. Л. 1.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 45. Л. 189.

перевезенной в город Бердичев¹. 14 июля В.Н. Львов по просьбе Синода предложил Временному правительству принять специальное постановление «Об оставлении в распоряжении духовных учреждений всех типографий, на которые советами солдатских и рабочих депутатов предъявлены доселе притязания». Заявлялось, что «в настоящее время необходимо всемерно усилить издательскую деятельность церкви и всех учреждений, работающих на защиту и укрепление церковного учения»². В записке министра исповеданий от 23 августа 1917 в числе «вынужденно работающих почти исключительно на нецерковные организации» числились также Синодальные Петроградская и Московская типографии, Почаевская, Киевская и Троице-Сергиевской Лавры³. Вскоре пришло сообщение о захвате Сухумским Советом солдатских и рабочих депутатов⁴ типографии и переплетной Драндского монастыря⁵. Во всех случаях реквизиции типографий соответствующие отношения направлялись в МВД Временного правительства, которое в свою очередь передавало их губернским комиссарам. Однако, на этом дело, как правило, и заканчивалось.

Имели место и межконфессиональные трения. В западных районах страны после Февраля возникла напряженность между православными и католиками. Причем последние, как правило, заявляли о необходимости возвращения им имущества, ранее принадлежавшего Римско-католической церкви. Так, 1 мая 1917 года к священнику Павлу Янушевичу Друйской Преображенской церкви Дисненского уезда Виленской епархии явилась группа местных католиков, потребовавшая в 10-дневный срок освободить причтовый дом и усадьбу на том основании, что 100 лет назад они принадлежали уже несуществующим костелу и

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 56. По другим данным, реквизиция типографии Почаевской лавры происходила по постановлению Украинской Центральной Рады. Об этом писал в Синод типограф архимандрит Михаил. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 24. Л. 9.

² Цит. по Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958. С. 89–90.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 36. Л. 7 – 7 об. Определение Синода с просьбой к Министерству внутренних дел об освобождении типографий было опубликовано в газете «Вестник Временного правительства» от 4 августа 1917 года. А 21 августа по этому поводу обратился к Временному правительству Поместный Собор. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. Деяния VI – XVI. Петроград, 1918. С. 78–79, 81–82.

⁴ Так в тексте.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 7 об.

монастырю. В.Н. Львов 14 июня проинформировал об этом Д.М. Щепкина¹. По поручению Главного управления по делам милиции Виленский губернский комиссар вмешался в ситуацию, найдя оригинальный выход из конфликта: 11 сентября МВД доложило, что в доме Павла Янушевича теперь проживает комендант города Друи капитан Попов, а священник переселился в училище в том же здании, и что католики никаких прав на недвижимость более не предъявляют².

20 апреля настоятельница Ивенецкого Свято-Троицкого монастыря игуменья Мария написала обер-прокурору об агитации против обители, ведущейся среди местного населения ксендзом³. Львов решил перепроверить сведения, запросив 4 мая отзыв у епархиального преосвященного. Ответ поступил только 15 ноября 1917 года: епископ Георгий докладывал, что «до настоящего времени... никаких серьезных реальных выступлений со стороны ксендзов и местного католического населения против Ивенецкого монастыря, его насельниц и принадлежащей монастырю имущественной собственности не было»⁴.

3 июля 1917 года в Департамент духовных дел МВД обратились жители селения Бриги Яновольской волости Люцинского уезда с сообщением о намерении открыть римско-католический приход. Для этого они попросили передать им здание местного православного храма, который до 1866 года являлся костелом⁵. Данное заявление переправили на согласование епархиальным властям, но 10 ноября епископ Двинский Пантелеймон ответил Министерству исповеданий, что по соседству уже имеются три костела, а церковь в селении Бриги отремонтирована и содержалась последние 50 лет на деньги православных жертвователей, поэтому передача невозможна⁶. В селении Вольма Минского уезда местные жители-католики не стали ждать разрешения начальства: 29 октября 1917 они захватили бывший когда-то костелом православный храм,

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отдел. 5 Стол. Д. 14. Л. 28 – 28 об.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. Л. 5 – 7 об.

⁴ Там же. Л. 4

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 2.

иконостас сломали, а иконы и церковную утварь сложили в соседнем здании церковно-приходской школы. Священника насильственно вытурили из села. 11 ноября 1917 года епископ Минский и Туровский Георгий доложил об этом в Министерство исповеданий с просьбой о «восстановлении прав» православных Волмского прихода, лишившихся своего храма¹.

Столкновения происходили и с мусульманами. 14 июня В.Н. Львов сообщил в МВД, что в Казани за неделю до этого местные татары решили отобрать монастырские земли, на что в свою очередь «русские крестьяне не согласны»². Через месяц обер-прокурор доложил Керенскому о донесении епископа Уфимского Андрея о том, что казанские татары-мусульмане «ведут сильнейшую пропаганду идеи ”татарского ханства” в Приволжье. Мелкие инородцы татарами чрезвычайно терроризируются и русская государственная идея во всем Приволжья переживает тяжелейший кризис. Сейчас еще можно положить этому предел и это необходимо»³. Вслед за этим 9 октября председатель Поместного Собора митрополит Тихон пожаловался министру исповеданий, что в Казани татарское население притесняет Братство Святителя Гурия, «кошунственно свергнут» православный крест с исторической башни Сююмбике и начаты работы по поднятию на эту башню полумесяца. Данное сообщение незамедлительно переправили министру внутренних дел⁴.

Имелись и жалобы со стороны неправославного духовенства. Например, 9 апреля 1917 года «Совет по упорядочению дел свободоверцев-баптистов и евангельских христиан Кавказского района» доложил обер-прокурору, что местный православный миссионер В. Рождественский «неоднократно врывается в молитвенные собрания пятигорских христиан и кошунственно относясь к их богослужениям прерывал таковые, шумел, кричал и вообще творил всякие безобразия, чем доводил дело к неминуемому избиению и погрому молящихся».

¹ Там же. Л. 1.

² Там же. Л. 40.

³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 61.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 119–121

Сообщалось, что до Февраля миссионер неоднократно приводил с собой «ватагу черносотенцев» и не утихомирился даже после «Славной Великой Революции России». По этому поводу епископ Владикавказский Макарий (Павлов) доложил в Министерство исповеданий, что это все наветы, а отец Рождественский всегда вел себя предельно корректно, к черной сотне не принадлежал и не принадлежит¹.

Наиболее болезненной для церкви являлась проблема захвата крестьянами ее сельскохозяйственных угодий. Вопрос о земле являлся в то время одним из самых острых в России, он обсуждался на всех уровнях, однако центральная власть (и Временное правительство, и поддержавшие его Петроградский Совет, а затем ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, а также Всероссийский Совет крестьянских депутатов) объявили о том, что окончательное решение будет вынесено Учредительным собранием. Между тем, с весны 1917 года страну охватили аграрные беспорядки, направленные на передел земельной собственности. Под ударом оказались, прежде всего, крупные землевладельцы и, в том числе, монастыри и церкви. Хотя, конечно же, ни в коем случае нельзя говорить о том, что крестьяне вмиг стали атеистами, тем не менее, в народе получило широкое распространение представление о монахах и попах, как о тунеядцах, забывших христианские заветы нестяжательства. Особое недовольство у населения вызывали факты сдачи церковной и монастырской земли в аренду, что воспринималось как своего рода ростовщичество, и в условиях нарастающего «аграрного хаоса» приводило к неминуемым эксцессам. После Февраля также стали активно распространяться и поставленные на научную основу лозунги социалистов о необходимости экспроприации вообще всех церковных и монастырских владений. В доставленных с мест и доработанных эсерами в августе 1917 года 242 крестьянских наказах, легших впоследствии в основу «Декрета о земле», содержалось требование безвозмездного отчуждения земель – в том числе церковных и монастырских – во «всенародное достояние» и передачи ее «в пользование всех трудящихся на ней»². Правда, эсеры вписали в наказаы

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 57. Л. 1 – 2 об.

² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 19 августа. С. 3–4.

такие свои программные требования, как отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого гражданина, а также отделение школы от церкви. Представляется сомнительным, чтобы крестьяне самостоятельно сформулировали такие положения. Кроме этого, в наказах говорилось о преобразовании «церковно-приходских училищ» в народные училища¹. Вместе с тем, крестьяне не оспаривали ценности института церкви как таковой, хотя и часто выступали против конкретных ее представителей (например, изгоняя непопулярных приходских священников) или существовавшей, по их мнению, имущественной несправедливости. Видимо, из-за последнего обстоятельства в наказах появилась фраза о немедленной конфискации церковных и монастырских капиталов, дополненная редакторами комментарием, что эти богатства «создала тьма народная и теперь они должны пойти на просветление народа»².

По данным МВД с апреля по октябрь 1917 года захват крестьянами монастырских и церковных угодий имел место в 51 губернии³. Наиболее распространенным и, возможно, самым безобидным проявлением «антиклерикальных» аграрных беспорядков было использование церковных лугов для заготовки сена и вырубка леса, а также выпас скота. Например, 19 июля 1917 года секретарь Воронежской духовной консистории Петр Белавин доложил обер-прокурору Синода о том, что крестьяне села Селявного Коротоякского уезда захватили принадлежащий монастырю тальник площадью 7 десятин и скосили монастырский луг⁴. 27 июля обер-прокурор проинформировал товарища министра внутренних дел Щепкина о действиях крестьян села Башкович Духовщинского уезда Смоленской епархии, захвативших и скосивших причтовый луг⁵. Оградить свои права на пользование церковным сенокосом в августе 1917

¹ Там же.

² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 20 августа. С. 4.

³ Емелях Л.И. Указ. соч. С. 127; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917 – 1921 гг.). М., 1975. С. 17; Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 22.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 92.

⁵ Там же. Л. 87.

года попросили Министерство исповеданий члены причта Барколабовской церкви Быковского уезда Могилевской епархии¹. А 19 августа министр исповеданий Карташев написал главе МВД Н.Д. Авксентьеву о том, что крестьяне деревни Заборовье Тверского уезда «насильственным способом скосили самый лучший покос Вознесенского Оршина монастыря»². Вслед за этим 27 августа в МВД поступила информация о самовольных порубках и потраве крестьянами леса, принадлежавшего Варшавинскому женскому монастырю Нижнедевицкого уезда³. А 3 ноября на имя министра исповеданий пришло отношение от секретаря Тульской духовной консистории о том, что крестьяне самовольно рубят лес Новосильского Свято-Духова монастыря⁴.

Значительно более существенным ущербом для духовенства оказывались решения крестьянских комитетов об изъятии церковной земли, что практически лишало причты средств к существованию. Нередко это сопровождалось постановлением об уменьшении или полном прекращении церковных сборов. Так, 23 марта 1917 года к настоятельнице Чиликского женского монастыря явились местные жители во главе с помощником волостного старшины Абдрахманом Мусиным, которые забрали себе сберегательную книжку обители, описали все имущество и объявили, что будут обрабатывать монастырскую землю «для себя»⁵. 30 апреля священник Ярцев от имени Благочиннического съезда 4-го округа Иркутского уезда сообщил телеграммой обер-прокурору, что местный съезд крестьянских депутатов постановил отнять от сельского духовенства все земельные угодья. В связи с этим Ярцев просил установить им денежную компенсацию из средств Государственного казначейства⁶. Епископ Псковский Евсевий (Гроздов) писал 13 мая обер-прокурору, что по донесению ряда причтов крестьяне отобрали себе церковно-причтовую землю «без всякого за нее

¹ Там же. Л. 91.

² Там же. Л. 114.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Там же. Л. 137.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 8.

вознаграждения», а также вырубил 255 деревьев строевого леса на принадлежащей Псково-Печерскому монастырю даче «Мустищево»¹. В Калужской губернии крестьяне захватили земли Казанской Амвросиевской женской пустыни, о чем 20 июля Главное управление по делам милиции проинформировало Калужского губернского комиссара². Отношением от 25 мая В.Н. Львов докладывал министру внутренних дел, что по сообщению епископа Уральского Тихона (Оболенского) в некоторых населенных пунктах прихожане решили занять и распахать причтовую землю, а в поселке Знаменском они постановили отобрать и израсходовать на свои нужды церковные деньги. Кроме того, во многих переселенческих поселках жители отказали причтам в найме квартир, что поставило под сомнение возможность их проживания в этих местностях³. 8 июля делегат Якутского епархиального съезда телеграфировал В.Н. Львову, что местные жители изгоняют православное духовенство и насильно отнимают покосы. Ввиду этого Главное управление по делам милиции «предложило» Якутскому областному комиссару «принять решительные меры к прекращению самоуправства прихожан Якутской епархии»⁴. В ряде населенных пунктов крестьяне установили определенные таксы за требы, венчание и отпевание⁵. А в Западной Сибири прихожане стали активно добиваться права инспекции церковных сумм: сельские и волостные комитеты требовали от церковных старост ключи от свечных ящиков и приходно-расходные книги, угрожая арестами. Крестьяне были уверены, что члены причта присваивают себе приходские деньги, что оборачивалось актами насилия в отношении священно- и церковнослужителей и захватами причтовых земель⁶. При похожих обстоятельствах в селе Корноухове Казанской губернии прихожане потребовали от священника Николая Малиновского снести его личный дом, построенный – с

¹ Там же. Л. 20–22.

² Там же. Л. 30–31.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 58, 60.

⁵ Емелях Л.И. Указ. соч. С. 72–91, 149–150.

⁶ Коголь Т.Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005. С. 46–47.

разрешения епархиального начальства – на церковной земле. При содействии местного губернского комиссара между священником и крестьянами было достигнуто соглашение о продаже дома за 3500 рублей под снос¹.

Разжигателями «антиклерикальных» настроений нередко оказывались люди, только что приехавшие в еще недавно спокойные уезды. Например, 12 мая епископ Орловский Макарий сообщил В.Н. Львову, что во многих селах «солдаты, прибывшие с фронта в большинстве дезертирами в огромном количестве на Пасху, возмутили общества прихожан против духовенства», установили мизерную плату за требы, а в селе Жадине отобрали церковную землю и продали ее. Одного священника арестовали за то, что он попросил с прихожанки рубль за составление телеграммы и «удостоверение болезни» ее свекра, и отправили под конвоем 30 километров пешком в город Севск к уездному комиссару. Тот передал клирика судье, который, впрочем, тут же распорядился об освобождении. В это время в доме священника провели обыск и изъяли рожь. «Положение духовенства в округе в настоящее время самое критическое. Положительно придираются к каждому слову и наносят возможные оскорбления. Комиссары, избранные... из подонков общества, распоряжаются бесконтрольно духовенством, заставляют их делать все по своему усмотрению, не признают никаких канонических правил...» – добавлял Макарий².

Варьировались и меры принуждения, принимавшиеся местным населением к духовенству и его имуществу. Так, 28 июня обер-прокурор проинформировал МВД, что Грушский волостной ИК Ушицкого уезда Подольской епархии постановил обложить церковные земли денежным мирским сбором на нужды комитета, и что то же произошло в соседних Межировской и Перемийской волостях³. А Латанский (Латновский) сельский комитет Воронежской губернии 2 августа 1917 года постановил «удалить от пользования церковной землей весь церковный штат, оставив им по 2 десятины каждому за исключением о. диакона

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 141, 143.

² Там же. Л. 7–18.

³ Там же. Л. 49.

Чуева, землю отобрать по своему желанию». Кроме того, было решено «прекратить ввиду тяжкого времени, всему церковному штату приходские сборы со дня получения настоящего постановления»¹. В результате «захватного» движения крестьян монастыри и причты несли значительные убытки, в том числе, связанные с нарушением стабильного поступления платы от арендаторов. 25 июня архиепископ Пензенский Владимир даже попросил Синод освободить монастыри его епархии от обязательного взноса на общецерковные нужды (14 759 рублей)².

Иногда столкновения из-за церковных угодий происходили и между самими крестьянами. Например, на имения Владимиро-Екатеринского женского монастыря позарились жители сразу трех близлежащих деревень: Митино (Смоленская губерния), Межутино и Уваровки (Московская губерния). Руководство монастыря договорилось с митинскими крестьянами о сдаче им 175 десятин сенокоса и лугов под выгон скота, а также разрешило рубить лес по 10 копеек за воз. Межутинцам и уваровцам отказали как «не местным». В ответ последние пригнали на монастырские поля свой скот и отмерили себе часть лесной дачи. По сообщению епископа Смоленского Феодосия (Феодосиева) «крестьяне были распропагандированы большевиками и даже угрожали насилием, заявили, что действуют на основании постановлений Поречского волостного земельного комитета Можайского уезда». Когда настоятельница монастыря призвала на помощь милиционеров из Можайска, те сказали крестьянам: «берите все, а монастырь пусть грызет коренья». По этому поводу епископ Феодосий заявил, что «во имя принципа “земля трудящемуся” необходимо выступить на защиту земельных прав монастыря, так как гибнет “культурный уголок с правильным землепользованием и рассадником хорошего скотоводства”»³.

Похожая ситуация сложилась у Кузьминской и Пулковской церквей под Петроградом, владевших «нераздельным участком» в 63 десятины в районе

¹ Там же. Л. 131.

² Там же. Л. 128.

³ Там же. Л. 117 об – 118 об.

железнодорожной станции «Славянка». Землю сдавали крестьянам деревни Гарр под сенокос за 270 рублей. В 1917 году крестьяне потребовали от причтов заключить договор аренды на прежних условиях на 12 лет, но жители деревни Кузьминки предложили большую цену – 500 рублей, – и духовенство договорилось о продаже сена им. В ответ на это гаррские крестьяне добились постановления Царскосельского Совета рабочих и солдатских депутатов о передаче им церковной земли и дважды – 10 и 11 июля – прогоняли кузьминских косцов. Причты обратились в совет, но один из его членов заявил, что «постановление Совета о передаче церковной земли гаррским крестьянам состоялось и о сем послано 2 копии в Кошелевское (волостное) управление». В связи с этим 13 июля 1917 года Петроградская духовная консистория попросила Царскосельского уездного и Петроградского губернского комиссаров «восстановить права» духовенства. Итоги этого обращения источники не сообщают¹. В Гдовском уезде 3 июля 1917 года крестьяне деревни Колядухи захватили 34 десятины покоса, принадлежавшие Кубасовской Николаевской церкви. Причтовые земли охраняли прихожане храма – жители деревни Гористы, но их прогнали. 19 июля Петроградская духовная консистория пожаловалась об этом Петроградскому губернскому комиссару².

Некоторые сельские власти выдвигали требования отчуждения земель в качестве оформленной законодательной инициативы. Например, 8 июля 1917 года Сурковский сельский комитет Троицкой волости Ново-Оскольского уезда Курской губернии постановил: «все земли кабинетные и удельные, казенные, монастырские, церковные, помещичьи и частновладельческие подлежат отобранию безо всякого выкупа, и должны перейти в руки рабочих граждан, тем, которые ее своим личным трудом обрабатывают». Эту резолюцию направили в Петроградский Совет с просьбой «приобщить к делу», чтобы постановление «имело силу во Всероссийском Учредительном собрании»³.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 49. Л. 1–4.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 51. Л. 3–4.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 652. Л. 16 – 17 об.

В ряде случаев крестьян все же удавалось урезонить ссылками на закон. Так, в селении Нижняя Мельница Короткоякского уезда Воронежской губернии в июле–августе 1917 года разразился конфликт между местными жителями и причтом Петропавловской церкви из-за пользования лугами. Прихожане объявили, что покосы захвачены церковью незаконно, и обратились с письмом к министрам-эсерам Керенскому и Чернову со словами: «до каких же пор... мы граждане землеробы будем терпеть насилие со стороны буржуазных классов кулаков священников»¹. Воронежский губернский комиссар направил в Нижнюю мельницу своего представителя, который сумел наладить диалог между сторонами, в ходе которого духовенство документально доказало свое право владения лугами с помощью межевых книг и прилагавшихся к ним планов. В итоге заключили примирительную сделку, по которой причт воспользовался травой с нетронутых 5,5 десятин лугов, а за уже собранное крестьянами сено последние заплатили².

К августу 1917 года «аграрные беспорядки» только расширялись. Так, 31 июля Кошелевский волостной земский комитет отвечал Казанскому губернскому комитету, что он не может выполнить требования вернуть церкви и помещикам разделенные между крестьянами земли, а в отдельных селах Слуцкого и Минского уездов Минской губернии крестьяне не допустили духовенство к пользованию церковными угодьями. Архиепископ Казанский Иаков докладывал в Синод, что в селе Порфировка крестьяне самовольно захватили церковную причтовую землю и поделили ее между собой³. В августе 1917 года священник церкви села Хальзево Мерцалов и псаломщик Мичулин обратились телеграммой к министру исповеданий с просьбой о содействии к возвращению полторы десятины огородной церковной земли и половины урожая, «захваченных арендаторами вопреки заключенным условиям»⁴. 23 августа министр исповеданий

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 54.

² Там же. Л. 52–53.

³ Емелях Л.И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г.// Вопросы истории религии и атеизма. 1958. Вып. 5. С. 70.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 100.

Карташев доложил в МВД о захвате крестьянами деревень Пруды и Запрудное Тверской епархии принадлежащей Свято-Троицкому Ильинскому женскому монастырю лесной дачи: начались самовольные порубки и выпас скот¹. Вслед за этим 31 августа министр направил сообщение о действиях крестьян деревень Пановки и Плещеевки Саратовской епархии, которые «проявляют насилие к администрации Пановского женского монастыря и посягают на имущество сего последнего»². В сентябре 1917 года причт церкви села Долотецкого Бердического уезда Киевской епархии сообщил в Министерство исповеданий о том, что местные крестьяне завладели церковным хутором, скосили сено, забрали выкопанный картофель и удержали половину кружечного дохода³. А 16 сентября МВД переслало Воронежскому губернскому комиссару поступившее прошение священника Богословской церкви Острогоженского уезда Константина Григорьевского о содействии к возврату церковной земли, отобранной местными крестьянами, и к защите от притеснений со стороны прихожан, «подстрекаемых учителем земской школы и его женою»⁴. 23 октября Министерство исповеданий проинформировало МВД о том, что прихожане Михаило-Архангельской церкви села Камыш Бугурусланского уезда Самарской губернии отобрали у причта землю, оставив его без обеспечения⁵. Решения о конфискации монастырских и уездных земель летом 1917 года приняли губернские и уездные съезды крестьян в Иркутске, Пензе, Перми, Самаре, Чебоксарах и других городах⁶. Как подсчитал П.Н. Зырянов, пострадало 11 монастырей, из которых 8 – совсем молодые, возможно, получившие бывшие крестьянские земельные «отрезки»⁷.

Участвовали в «земельном законотворчестве» и советы, причем не только крестьянские. Например, Совет рабочих и солдатских депутатов Глазовского

¹ Там же. Л. 111–113.

² Там же. Л. 116.

³ Там же. Л. 132.

⁴ Там же. Л. 123–125.

⁵ Там же. Л. 138.

⁶ Корзун М.С. Указ. соч. С. 230.

⁷ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 276. Автор также сделал вывод об отсутствии случаев физического насилия над монахами со стороны крестьян.

уезда Вятской губернии постановил передать церковную землю «в ведение государства»¹. 13 апреля 1917 года епископ Старицкий Арсений (Смоленец) доложил в Петроград, что Осташковским Советом солдатских депутатов самовольно начата ревизия хозяйства Ниловой пустыни. Главное управление по делам милиции сделало распоряжение Тверскому губернскому комиссару о принятии мер «к ограждению» монастыря и «законных прав Тверского епархиального начальства»². В августе 1917 министр исповеданий Карташев проинформировал министра внутренних дел Авксентьева о решении местного совета солдатских депутатов отобрать землю у Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря Владикавказской епархии³.

Некоторые жалобы духовенства с мест оказывались на самом деле безосновательными и являлись скорее следствием недоразумений. Так, Казанская губернская земская управа в ответ на «донос» Покровской общины об отобрании у нее земель информировала Губернского комиссара, что волостной комитет взял в свое пользование 7 десятин монастырской земли с согласия обители. По его мнению, руководство общины просто опасалось, что «заодно» к рукам приберут и оставшиеся 45 десятин, на которые на самом деле никто не претендовал⁴. Другие сообщения о притеснениях церкви были вызваны действиями продовольственных комитетов, стремившихся поставить на учет все имевшиеся съестные запасы. Епископ Алексей (Симанский) писал 10 июля 1917 года о том, что в некоторых новгородских монастырях «были обыски и, пока, – перепись запасов»⁵. А настоятельница Бежецкого монастыря Тверской епархии доложила в июне 1917 года обер-прокурору, что у них произведен обыск «неизвестными лицами». Однако по запросу Главного управления по делам милиции Тверской губернский исполнительный комитет сообщил, что речь шла вовсе не о самоуправстве. Из-за распространившихся слухов о сокрытии в обители пшеничной муки Городской

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 25.

² Там же. Л. 43, 45.

³ Там же. Л. 88. См. также: Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 278.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 42 – 42 об.

⁵ Письма патриарха Алексея своему духовнику. М., 2000. С. 44.

продовольственный комитет назначил особую комиссию из 6 человек, которые провели в Бежецком женском монастыре «обследование продуктов первой необходимости» в присутствии члена бюро уездного ИК и председателя Бежецкой продовольственной управы. Комиссия составила опись имеющихся запасов, предъявленных администрацией, однако рядовые монахини сообщили прибывшим, что есть еще скрытая пшеничная мука. И только после этого вследствие «неудовлетворительных» объяснений казначея обители комиссия решила провести обыск, в ходе которого на скотном дворе в сарае нашли зарытыми в сено дополнительно 11 мешков муки¹. По сообщению газеты «Волжский день» от 25 августа 1917 года, похожая ситуация возникла в Бузулукском женском тихвинском монастыре. 15 сентября съезд уполномоченных местного продовольственного комитета постановил передать в общественные амбары все излишки хлеба, однако монахини отказались предоставлять информацию о запасах обители. Тогда был проведен обыск, в процессе которого обнаружили 20 тысяч пудов зерна, много муки и отрубей².

Только усугубило ситуацию постановление Временного правительства от 21 апреля 1917 года об учреждении земельных комитетов: Главного при Министерстве земледелия, а также местных (губернских, уездных и волостных). Их целью изначально объявлялись подготовка сведений и «составление общего проекта» земельной реформы, которую, как предполагалось, проведет Учредительное собрание³. В выпущенном по этому поводу воззванию к населению говорилось, что «большая беда грозит нашей Родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за переустройство земельного строя»⁴. В задачи местных земельных комитетов помимо сбора данных об имеющихся угодьях, входило регулирование земельных

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 36 – 38 об.

² Цит. по Славский Вениамин. Деяния Собора и деяния духовенства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 января. С. 1.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 327–331.

⁴ РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 505. Л. 66.

вопросов «в пределах существующих законоположений и постановлений Временного правительства»¹. Однако данная оговорка нередко оказывалась забыта, так как избираемые на местах комитеты начали принимать постановления о переделе и реквизиции земли, превышая данные им правительством полномочия. Например, по сообщению причта Перемышльского Успенского собора от 16 июня 1917 года земельный комитет разрешил крестьянам разделить церковную соборную землю². В Полоцкой епархии в августе волостной земельный комитет отобрал и раздал крестьянам землю причта Язно-Богородицкой церкви Невельского уезда³. В Воронежской епархии Старомеловатский волостной комитет 9 июля 1917 года постановил всю церковную землю слободы Старой Меловой (373 десятины пахотной и 63 десятины луговой) изъять без всякого выкупа и разделить между солдатами, не имеющими наделов. При этом духовенство все-таки не оставили совсем ни с чем: ему решили выдать по 10 десятин луговой и 4 десятины пахотной земли на человека⁴. А 14 октября 1917 года священник Криговско-Николаевской церкви Чериковского уезда Могилевской губернии сообщил Временному правительству, что местный земельный комитет отдал причтовые угодья «на растерзание арендаторов» и тем лишил причт «насущенного куска хлеба»⁵.

Подобные действия расценивались в столице как самоуправство. Так, 28 июня товарищ министра внутренних дел Н.Н. Авинов сообщил Могилевскому губернскому комиссару, что сельский комитет села Старого Рогачевского уезда отнял у священника Александра Корноницкого церковный луг площадью 2,25 десятин. При этом Авинов так прокомментировал случившееся: «принимая во внимание, что изъятие земельных угодий из пользования их владельцев постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 года не предоставлено ни уездным, ни тем более волостным земельным комитетам и что

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 329.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 81–82.

³ Там же. Л. 95.

⁴ Там же. Л. 96.

⁵ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 395. Л. 1.

сельские земельные комитеты означенным постановлением вовсе не предусмотрены, надлежит признать... действия комитета незаконным»¹. А 14 октября 1917 года Главный земельный комитет предписал земельному комитету города Харькова провести срочное расследование действий волостного комитета слободы Сенной, захватившего причтовую землю двух церквей и обязав арендаторов отныне вносить плату в комитет. В предписании из столицы указывалось, что согласно «закону от 11 апреля»² и инструкции земельным комитетам от 16 июня «на учет поступает и распределяется лишь та пахотная земля, которая не может быть обработана средствами владельца» и при этом земельные комитеты «не имеют права расторгать уже заключенных арендных договоров». Присвоение платы за аренду причтовых участков Главный земельный комитет назвал недопустимым³.

В условиях, когда обращения к начальству и в органы внутренних дел не давали результатов, клир стал искать другие пути защиты церковной собственности. Один из таких способов А.В. Карташеву озвучил 20 сентября 1917 года архиепископ Таврический Димитрий. Сославшись на решения Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Таврической епархии 8–10 августа, преосвященный попросил ходатайствовать перед Временным правительством о включении в состав земельных комитетов представителей духовенства⁴. Другой вариант действий подсказали события вокруг Новгородского Званского Знаменского женского монастыря, часть владений которого находилась на противоположном от него берегу реки Волхов. Именно на эти земли стал претендовать Высоковский волостной комитет, изъявший их 25 июня под

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 80.

² 11 апреля 1917 года Временное правительство приняло постановление «об охране посевов», в соответствии с которым местным (губернским, уездным и волостным) продовольственным комитетам поручался контроль над сохранностью урожая. В том числе оговаривалось, что в случае отказа владельца засеивать принадлежащую ему пахотную землю, она автоматически переходила в распоряжение продовольственных комитетов, которые или передавали участки в аренду или сами организовывали посев. Арендная плата за такие изъятые земли, тем не менее, должна была поступать владельцу. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 276.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 103–105, 107, 110.

⁴ Там же. Л. 149 – 149 об.

крестьянские покосы. 27 июня это постановление закрепил Новгородский уездный земельный комитет, отметив, что спорный участок «не под руками у монастыря» и вклинивается в земли деревни Крупичино, жители которой нуждаются в покосе, а также что у монастыря имеются еще покосы в количестве 68 десятин, отданные в аренду. По жалобе обители 5 июля Новгородский губернский земельный комитет отменил решение уездного, но крестьяне все равно скосили всю траву с полей за рекой. Монастырь обратился за помощью в Новгородский комитет объединенного духовенства и мирян, который возбудил в окружном суде дело о привлечении крестьян деревни Крупичино к ответственности по статье 261 Уложения о наказаниях, а монахиам предложил требовать судебным порядком возмещения¹. Вообще о необходимости в случае крестьянских захватов подавать иски в суд заговорили многие священники. Хотя было очевидно, что в условиях милицейского бессилия гражданской власти рассчитывать на исполнение решений суда не приходилось, но зато духовенство могло получить юридическое и, самое главное, и моральное подтверждение своих прав и этим убедить «распропагандированных» крестьян в недопустимости их образа действий. Священник К. Семенов писал в «Известиях по Петроградской епархии», что «на помощь причту идет судебное ведомство – окружные и мировые суды, в решениях и постановлениях которых восстанавливаются нарушенные захватчиками права на земельные угодья. Постановление суда имеет моральное значение и действует на крестьян. Для обеспечения исполнения судебных решений епархиальные власти должны через обер-прокурора войти во Временное правительство о том, чтобы чины исполнительной власти на местах под страхом уголовной ответственности всеми мерами проводили в жизнь определения суда, а земельные или иные комитеты отвечали пред судом за те распоряжения, которыми нарушаются права собственности, до сих пор не упраздненной, и несли бы ответственность за превышение власти»².

¹ Там же. Л. 133 – 136 об.

² Семенов К., священник. Захваты // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 34 от 14 августа. С. 8.

К осени 1917 года «аграрные беспорядки» стали перерастать в анархию. Все чаще прослеживались случаи банального грабежа, причем похищали уже не только продовольствие или хозяйственный инвентарь, но и собственно богослужебные предметы. Так, в сентябре Поместный Собор известил Временное правительство о нападении «разбойников» на Выдубицкий монастырь Киевской епархии и Китаевскую пустынь¹. А по сообщению кадетской «Речи» в ночь на 2 октября 1917 года неизвестные пробрались в Высокопетровский монастырь, взломали хранившиеся там сундуки с ценностями, эвакуированными из оккупированных западных областей, и похитили кресты, иконы и хоругви, осыпанные драгоценностями. «Выбрав драгоценные камни, грабители бросили иконы под откос»². Кроме того, 20 октября в ходе разгрома имения княгини Урусовой около села Лапоткова в Тульской епархии разорили храм-усыпальницу во имя Архистратига Михаила, разрушили и разбили престол, жертвенник, иконостас, а антиминс, дарохранительницу, крест, евангелие, хоругви, сосуды и иконы унесли. Гробницу в усыпальнице разбили, так что оказались «обнажены части трупа покойного князя Урусова», погибшего недавно на фронте³.

В некоторых местах немедленное изъятие церковной и монастырской земли поддержали не только волостные, но и уездные и даже губернские органы власти. Ярким примером этого стала Тамбовская губерния. Там сначала Лебедянское городское самоуправление потребовало у Троицкого монастыря уступить 2 десятины леса. На жалобу монахов губернский комиссар ответил 22 августа в духовную консисторию, что согласно закону от 11 апреля 1917 года о реквизиции лесов для нужд городов, «монастырские леса реквизируются в первую очередь, предпочтительно перед частными, при чем реквизиция может взять 10-ти летнюю пропорцию разрешенного к срубке леса»⁴. Потом крестьяне без всяких

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 37; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 200. Л. 58.

² Речь. 1917. 3 октября.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 167.

⁴ Там же. Л. 152 – 153 об. П.Н. Зырянов сделал предположение, что упомянутый закон приняло Временное правительство. См.: Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 277. Однако в журналах его заседаний такого постановления не

обоснований захватили у Знаменского Сухотинского женского монастыря 30 десятин земли. Вслед за этим Тамбовские Губернские учреждения и организации (объединенные ИК Губсовета крестьянских депутатов, Совет рабочих и солдатских депутатов, Губернская продовольственная управа, Бюро губернского Исполнительного комитета, Губернская земская управа, Губернская земельная управа, Прокурор тамбовского окружного суда и губернский комиссар) издали 13 сентября 1917 года «распоряжение № 3», где говорилось, что Учредительное собрание «несомненно передаст всю землю трудовому народу, отменит частную собственность на землю». Ввиду этого объявлялось, что «земельные и продовольственные комитеты совместно должны немедленно произвести полный и точный учет всем, находящимся в их районе, частновладельческим имениям... и согласно инструкциям, которые будут даны Губернской земельной управой, взять имения под свое ведение»¹. На основании этого постановления местные комитеты потребовали от Корниловской Общины и Сезеновского женского монастыря передачи принадлежащих обителям имений со всем инвентарем². А 14 ноября 1917 года архиепископ Новгородский Арсений направил в Министерство исповеданий просьбу посодействовать в охране церковного достояния от насильственных захватов в городе Кустанае Тургайской области, где Соединенное заседание Кустанайской уездной земской управы, Исполнительного комитета Совета крестьянских и киргизских депутатов и Гражданской управы приняли постановление об отобрании церковных и монастырских земель («если таковые не обрабатываются собственным трудом») в распоряжение волостных земельных комитетов³.

29 сентября 1917 года Временное правительство «слушало» устный доклад заместителя министра-председателя о мерах борьбы с растущей анархией в стране и, в особенности, с аграрными беспорядками, «возникшими в некоторых районах

значится. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 267–280. Видимо, речь идет о каком-то местном распоряжении.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 154 а – 154 б об.

² Там же. Л. 151 – 153 об.

³ Там же. Л. 159.

Европейской России». Решили образовать на местах особые комитеты из властей и общественных организаций для принятия мер к ликвидации беспорядков, что, по сути, являлось признанием в полном бессилии правительства¹. После этого 30 сентября А.В. Карташев обратился в Синод с письмом, в котором сообщил о результатах своих переговоров с министром внутренних дел А.М. Никитиным. Оба министра констатировали, что Временное правительство на тот момент уже не могло обеспечить неприкосновенность церковного имущества, и поэтому рекомендовали «преподать епархиальным преосвященным соответствующие указания о необходимости обращения приходских пастырей к прихожанам с призывом организовать возможную на местах охрану церквей и их достояния»². В соответствии с этим Синод издал 14 октября 1917 года указ, предписывавший кроме имеющихся церковных сторожей, организовать еще охрану из прихожан³. Свое обращение по поводу незаконных захватов 7 октября выпустил и Поместный Собор⁴.

Тем не менее, по просьбе Министерства исповеданий 7 октября Главное управление по делам милиции разослало на места циркуляр о мерах по защите церковной и монастырской собственности, но он остался только на бумаге⁵. А 24 октября 1917 года Министерство исповеданий подготовило пространное представление Синоду, предлагавшее высшей церковной власти немедленно обратиться в Главный земельный комитет и Министерство земледелия (а в будущем – и в Учредительное собрание) с петицией в защиту монастырского землевладения. Документ сообщал, что с мест поступают многочисленные требования конфискации этих угодий, и подобную точку зрения уже занял Совет

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 231–232.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 148; Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции // Антиралигиозник. 1937. № 10. С. 27.

³ Определение именовалось «О мерах к поднятию в воинских частях и в народе религиозно-нравственного сознания и патриотического долга...». В том числе там указывалось, что благотворное влияние могло бы иметь «образование христианских организаций, в виде кружков ревнителей за православие, веру и церковь, крестоносных обществ и дружин, мужественно поднимающих знамя веры...» См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 148; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 36. Л. 3.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 43–45. С. 393–401.

⁵ См. Редькина О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 82; Русские ведомости. 1917. 16 октября. С. 4.

крестьянских депутатов. Министерство исповеданий предлагало обосновать необходимость сохранения монастырской земли тем, что за счет нее содержатся многочисленные благотворительные и просветительские учреждения (школы, богадельни, больницы, лазареты и т. д.), а также тем, что монастыри по существу являются трудовыми общинами и должны защищаться при социалистическом строе. Подсчитав соотношение между количеством монастырских насельников (94 629 человек по данным 1914 года) и общим размером земельных владений (802 436 десятин и 2048,19 квадратных сажень), авторы документа заключили, что оно не превышает среднюю трудовую норму для всей России. Подписать данный документ Карташев уже не успел¹.

Итак, Временное правительство отказалось от идеологической связи с Православной церковью (за исключением деятельности военных священников), предприняв ряд шагов по размежеванию государственных и церковных структур в сфере гражданского права и народного образования. При этом весной – осенью 1917 года церковь столкнулась с настоящей катастрофой, связанной с многочисленными случаями удаления и арестов представителей духовенства местными властями, а также захватов церковной и монастырской земли и другого имущества. Временное правительство признавало эти случаи незаконными, но оказывалось не способно противодействовать им. В значительной мере нарушение личных и имущественных прав служителей церкви и ее учреждений являлось следствием правового нигилизма и идей «справедливого передела», охвативших российское общество. Но в то же время данные явления свидетельствовали и об отсутствии авторитета у православного духовенства, восприятию его населением как «тунеядцев» и «агентов павшего режима». Вместе с тем сводить все исключительно к проявлениям «антиклерикального» движения тоже нельзя. Имели место также проявления «епархиальной революции» (противостояния церковных низов и верхов), межконфессиональные

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 146 об – 147, 126 – 126 об.

столкновения, сведение личных счетов и просто грабежи. Тем не менее, идея необходимости конфискации монастырских и церковных земель, декларируемая социалистическими партиями, получала все большую поддержку на местах, в том числе и у органов, представлявших Временное правительство. В значительной мере такие воззрения базировались на утверждении о том, что богатства церкви обеспечены ей государством и должны быть возвращены народу.

3.2. Государство и центробежные тенденции в церкви: автокефальное движение в Грузии и Украине

Невероятно усилившиеся после Февраля 1917 года центробежные тенденции в государстве не могли не отразиться в церковной сфере и проявлялись в требованиях автономии или даже автокефалии религиозных учреждений. Подобные настроения имели место среди православного духовенства и верующих в Бессарабии, Прибалтике и Финляндии, но в 1917 году наиболее сильно они проявились в Грузии и Украине. Проведение анализа всех причин появления и распространения таких настроений является предметом отдельного исследования, но, в любом случае, речь идет о целом комплексе факторов, в основе которого лежит кризис самоидентификации населения. Перестав быть подданными империи, люди разбивались по региональному, национальному, религиозному признакам, стремясь укрепиться и самоутвердиться в новых реалиях. Одновременно слабость центральной государственной власти способствовала созданию и усилению отдельных местных кланов, которые могли использовать в своих интересах, в том числе, и религиозный вопрос.

В украинских губерниях начавшееся после Февраля 1917 года движение за политическую автономию изначально не было связано с церковным. Во-первых, украинской автокефальной Православной церкви до этого никогда не существовало, и, следовательно, не мог возникнуть красивый лозунг о восстановлении когда-то утраченной церковной независимости. Во-вторых, в органах власти в Украине (в возглавляемой эсером М.С. Грушевским Центральной раде и в образованном 15 июня 1917 года под председательством социал-демократа В.К. Винниченко Генеральном секретариате) доминировали социалисты, и их отношение к церкви было прохладным¹. Все это привело к тому, что до осени 1917 года украинизация Православной церкви в юго-западных епархиях шла достаточно стихийно и касалась, главным образом, вопроса о

¹ Ульяновский Василь. Церква в Українській Державі. 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). Київ, Либідь. 1997. С. 42.

языке¹. Инициаторами украинизации выступали, прежде всего, низшие священники и солдатская масса – вчерашние крестьяне, которые оказывали влияние и на «Совет» (Раду) в Киеве². Так, 22 марта 1917 года в своем обращении «К Украинскому народу» Центральная рада заявила о необходимости употребления духовенством украинского языка³. А 2 апреля украинцы в Петрограде обратились к премьер-министру Г.Е. Львову с прошением осуществить «украинизацию» духовенства и церковной администрации в Украине, а также обязать пастырей читать проповеди на украинском языке⁴. При этом Секретариат просвещения в Киеве предложил епархиальным архиереям немедленно ввести в школах духовного ведомства преподавание украинского языка, литературы, истории и географии за счет учебных часов латыни, греческого и русского языков и письма. На уроках пения рекомендовалось популяризировать народные украинские песни⁵. Имелись и очевидные настроения в пользу замены епархиальных преосвященных на епископов-украинцев. Даже Грушевский 1 мая 1917 года сообщил в Центральной раде, что Петроградский Совет намечает кандидатуры Никона (Бессонова) на Волынь и Парфения (Левицкого) в Полтаву⁶. На самом деле никаких упоминаний об этом в материалах Петроградского Совета нет. 8 мая на заседании Центральной рады выступил делегат Н. Ковалевский с сообщением о только что прошедшем съезде духовенства и мирян Подольской епархии. По его информации съезд принял резолюции о федеративной автономии Украины, немедленной передаче земли крестьянам, а также «щоб духовенство говорило виключно по укр[аїнському],

¹ Анализируя события церковной жизни весны-лета 1917 года на Волыни и в Киеве, И.В. Завитновский и П.Г. Рогозный не без удивления отметили, что украинский вопрос не имел там первостепенного значения. См.: Завитновский И.В. Церковная революция и церковное украинство // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. СПб., 2001. № 2 (5). С. 15–31; Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 73.

² Председатель Религиозно-философского общества в Киеве В.В. Зеньковский вспоминал, что в марте-апреле 1917 года украинский церковный вопрос в их городе вообще не поднимался. Чуть ниже Зеньковский отметил, что «церковное украинство особенно сильно в деревне» среди «деревенских батюшек». См.: Зеньковский Василий, протопресвитер. Указ. соч. С. 36, 39.

³ Ульяновский Василь. Указ. соч. 1997. С. 46.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

щоб був один народ, а не два». Также Подольский съезд постановил о необходимости вернуться к старому порядку избрания Киевского митрополита независимо от руководства Российской церкви, и избирать в епископы не только из числа духовенства, но и из мирян. Сообщение Ковалевского Рада приняла к сведению¹. При обсуждении инструкции для делегатов Рады, направляемых в Петроград, некий «солдат с места» и священник Павло Погорелко предложили добавить пункт с требованием об автокефалии Украинской церкви. В окончательном же варианте инструкции содержалась более развернутая формулировка: сначала планировалось «устранение епископов-великороссов, а также тех, кто не приемлет выборного устройства украинской церкви», а затем – автокефалия Украинской церкви и освобождение ее из-под власти Синода. 22 марта в состав делегации избрали двух священников – П. Погорелко и А. Ходзицкого. В самой Центральной раде депутат от Киевского духовенства Ходзицкий 17 мая выступил с предложением кооптировать в ее состав одного епископа-украинца (Димитрия (Вербницкого)). Однако в обновленном составе Рады, утвержденном 8 августа 1917 года, осталось только одно духовное лицо – П. Погорелко². В целом, социалистическая Рада практически не проявила интереса к идее использования религиозного момента в процессе «национального строительства».

Тем не менее, собравшийся в апреле 1917 года Киевский епархиальный съезд духовенства и мирян устами своего председателя Василя Липковского объявил себя «Всеукраинским», выразив претензии на обособление юго-западных епархий³. Требования о признании автокефалии украинской церкви озвучили некоторые делегаты и на Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве в июне 1917 года⁴. Однако эту идею не поддержал практически весь наличный епископат украинских епархий. В Киеве митрополит Владимир (Богоявленский) и

¹ Там же.

² Там же. С. 48.

³ Зеньковский Василий, протопресвитер. Указ. соч. С. 37–38.

⁴ Цыпин В. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917 – 1999 гг. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 134.

его правая рука епископ Чигиринский Никодим (Кротков) выступали против каких бы то ни было форм сепаратизма. Такую же позицию заняли и такие влиятельные архиепископы как Харьковский Антоний и Волынский Евлогий. В итоге, сторонники автокефалии не смогли найти себе «каноничного» архипастыря, которого можно было бы провозгласить лидером движения. И даже либеральная общественность в Киеве, которая весной 1917 года относилась к украинскому национальному движению с симпатией, к лету – после заявления Рады о территориальной автономии и необходимости украинизации – изменила свою позицию. Так, профессура Киевской духовной академии сначала даже жертвовала средства в Украинский национальный фонд, но затем резко выступила против предложенного ей Радой курса «украинознания» и вообще против «насильственной украинизации»¹.

Святейший Синод определением от 14 июня – 10 июля 1917 года объявил, что «не встречает препятствий введению в местностях с малорусским населением малорусского языка в церковной проповеди и церковно-приходских школах». Кроме этого, с мая 1917 года началась подготовка издания Священного Писания на украинском языке², хотя отношение к этому было довольно-таки скептическим: ведь в храмах звучал церковно-славянский язык, поэтому заявления об ущемлении русскими украинцев выглядели совершенно нелепо³. А в конце июля только что назначенный на пост обер-прокурора Синода А.В. Карташев прямо отказался санкционировать проведение Всеукраинского Церковного Собора накануне открытия намеченного на 15 августа Всероссийского Поместного Собора⁴.

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 73.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 65.

³ Некоторые обращали внимание на то, что церковно-славянский язык более подходит для богослужений по своим эстетическим качествам. Митрополит Евлогий (Георгиевский) сокрушался, что украинцев не коробил возглас «Грегочи, Дивка Непросветанная» вместо «Радуйся, Невеста Невестанная». См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Церковный Собор (1917 – 1918) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 556.

⁴ Ульяновский Василь. Указ. соч. С. 149.

Совсем иначе обстояло дело на другой православной окраине империи: в Грузии. Здесь автокефальное движение получило поддержку со стороны обер-прокурора В.Н. Львова, пытавшегося таким образом провести «демократизацию» церкви вопреки позиции «реакционного» Святейшего Синода. Вопрос о независимости Грузинской церкви возник задолго до Февраля. Она вошла в качестве экзархата¹ в состав Православной Российской церкви после присоединения Грузии к Империи в 1801 году. Пост католикоса-патриарха был упразднен и заменен экзархом, первым на эту должность назначили в 1811 году митрополита Варлаама (Эристави). В состав Грузинского экзархата в начале XX века входили четыре епархии: Грузинская, Гурийско-Мингрельская, Имеретинская и Сухумская. Первую из них возглавлял сам экзарх, остальные три имели своих канонически подчиненных ему епископов. Кроме чисто грузинских приходов в экзархате имелись также русские, греческие, айсорские (ассирийские), осетинские, абхазские и смешанные. В 1905 году после выхода манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» в Комитет министров поступила петиция духовенства Грузинского экзархата за подписью 412 священно- и церковнослужителей с просьбой «возвращения Иверской церкви автокефальных прав и восстановления Мцхетско-Иверского католикосата в прежних его пределах во главе с католикосом»². С этого момента начались дискуссии по вопросу о независимости Грузинской церкви. В 1906 году эта тема стала предметом обсуждения Предсоборного Присутствия³. Апофеозом автокефального движения стало убийство в 1908 году в Тифлисе тогдашнего экзарха Грузинского архиепископа Карталинского и Кахетинского Никона (Софийского). Одним из подозреваемых в организации террористического акта числился епископ Сухумский Кирион (Садзаглишвили), но все обвинения с него впоследствии были сняты⁴.

¹ Экзархат – в православной церкви – административно-территориальная единица либо за рубежом, либо специально выделенная в силу каких-то особых условий.

² Духовный вестник Грузинского экзархата. 1905. № 23–24. С. 24–31.

³ См. Георгадзе, Рамаз. Обсуждение на Предсоборном присутствии возможности предоставления автокефалии Грузинской церкви // XIX ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2009. С. 395–398.

⁴ См. Скурат П.Е. История поместных православных церквей. В 2-х томах. Т. 1. М., 1994. С. 51–63.

17 февраля 1916 года состоялся епархиальный съезд депутатов от духовенства Гурийско-Мингрельской епархии, который экстренно обсудил газетные слухи о том, что Синод вообще хочет ликвидировать экзархат, преобразовав его в митрополичий округ, и, тем самым, закрыть вопрос об автокефалии. По поручению съезда епископ Гурийско-Мингрельский Леонид (Окропиридзе) «как сын грузинской церкви» попросил действующего экзарха архиепископа Карталинского и Кахетинского Платона (Рождественского) «вступить за рыдающую грузинскую паству» и «убедить кого следует»: или признать автокефалию, или оставить ситуацию без изменения до предстоящего Поместного Собора¹. А в начале сентября 1916 года в Тифлисе состоялось собрание «различных групп и политических партий», высказавшееся за необходимость объявления автокефалии, о чем через представителя дворянства доложили помощнику наместника Его Императорского Величества на Кавказе князю В.Н. Орлову. 14 сентября состоялось второе собрание «автокефалистов», созванное по инициативе профессора А.А. Цигарели, которое заключило, что, если русское правительство откажется признать независимость Грузинской церкви, Синод будет не вправе рассматривать данный вопрос. В этом случае «все грузинское духовенство должно собраться во главе со своими епископами и, объявив Грузинскую церковь автокефальной, прервать всякие сношения с Святейшим Синодом, не уклоняясь однако от возложенных государством обязанностей по составлению метрик, отправлению духовных треб и проч.»² Синод приказал известить об этом МВД и экзарха Грузии Платона.

Сразу после Февраля постановление от 14 сентября 1916 года провели в жизнь: 12 марта 1917 года на Соборе в городе Мцхете часть духовенства Грузинского экзархата в одностороннем порядке объявила о восстановлении автокефалии Грузинской церкви и выходе из подчинения Синоду. Вместе с тем, Мцхетский собор объявил, что «Грузия краеугольным камнем своего существования признает полную солидарность с новым русским правительством»

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. II Отд. 2 Стол. Д. 113. Л. 1 – 1 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 2 – 2 об.

и отслужил благодарственный молебен о его укреплении, постановив обратиться к М.В. Родзянко, Г.Е. Львову, В.Н. Львову и местному комиссару в Тифлисе с заявлением о том, что «в России установилась новая форма государственного управления, с которой не гармонирует бесправное существование грузинской церкви». Избранный собором местоблюститель католикоса епископ Гурийско-Мингрельский Леонид разослал соответствующие телеграммы, одна из которых, адресованная князю Г.Е. Львову, хранится в фонде Канцелярии Временного правительства¹, а копия другой – на имя обер-прокурора – в архиве Синода². Леонид, в том числе, писал, что духовенство и миряне Грузии приступили «согласно объявленной Временным правительством свободе совести, к фактическому осуществлению автокефальных прав Грузинской церкви, искони ей принадлежащих»³.

14 марта местоблюститель католикоса в сопровождении епископов Горийского Антония (Гиоргадзе) и Алавердского Пирра (Окропиридзе) прибыли к экзарху Платону и объявили, что он «юридически и фактически» перестает быть экзархом Грузии, лишается права распоряжаться грузинскими епархиями и приходами, а управление местной церковью до выборов католикоса будет осуществлять епископ Леонид⁴. Платон ответил, что не подчинится постановлению Мцхетского собора, и что только высшая духовная власть может лишить его должности, «а не их собор из канонически подчиненных мне иерархов, клира и мирян, отложившихся притом от подчинения не только мне, но и Святейшему Синоду»⁵.

После посещения местоблюстителя католикоса Платон провел в тот же день заседание Грузино-Имеретинской синодальной конторы в Тифлисе, где подчеркнул, что он не против церковной автокефалии, но против

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 13–15. Примечательно, что грузины именовали М.В. Родзянко «председателем правительства», князя Г.Е. Львова «председателем Совета министров».

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 60.

³ Там же. См. также Егоров В.Н., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., Синодальная типография, 1917. С. 10

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 61 – 61 об.

⁵ Там же. Л. 8.

«ультимативных» методов ее сторонников. Кроме того, вопрос разделения церковного имущества и капиталов, по словам экзарха, «...настолько сложен..., что разрешить его в столь легкой форме как предлагает преосвященный Леонид, не позволит мне ни Святейший Синод, ни Временное правительство, не отменившее относящихся к этому церковных и гражданских узаконений». В ответ епископ Горийский Антоний заявил, что против экзарха лично они ничего не имеют и отдают должное его «личности и действиям», но «народ от них, иерархов, требует восстановления канонического строя церковной жизни»¹. Это было последнее общее русско-грузинское заседание Грузино-Имеретинской синодальной конторы. После этого дня грузины больше не посещали ее собраний².

14 марта Платон отправил телеграмму в Синод с просьбой указания дальнейших действий, но ответа не последовало. Не было реакции и на вторую телеграмму от 18 марта³. С 19 марта Леонид занял для богослужений кафедральный Сионский собор, вследствие чего Платон, чтобы не вызывать эксцессов, «перебрался» в Александро-Невский военный собор. 22 и 23 марта состоялись собрания русского духовенства и служащих духовных учреждений в Закавказье, которые постановили сохранить самостоятельность Русской церкви в регионе в подчинении Синода и избрали свой Исполнительный комитет. 27 марта он принял решение о необходимости срочного созыва Поместного Русского Собора Закавказья с приглашением всех негрузинских православных приходов (греческих, осетинских, ассирийских и др.) и образования на Кавказе русского экзархата, а также создания комиссии для раздела имущества. В тот же день экзарх Платон отправил в Петроград третью телеграмму с пространном докладом⁴.

¹ Там же. Л. 9 об.

² Членами Синодальной конторы являлись грузины епископ Горийский Антоний (Гиоргадзе), протоиерей Корнелий Кекелидзе, архимандрит Назарий и протоиерей Марк Ткемаладзе. Рядовые служащие конторы (например, секретари канцелярии А. Давыдов и С. Церители, казначей Давид Нахуцаров) продолжали работать, занимаясь, преимущественно, грузинскими вопросами.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Доклад экзарха Платона от 27 марта 1917 года хранится в РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 8–10.

В ответ на позицию русского духовенства, Временное управление Грузинской церковью (далее – ВУГЦ) 23 марта подало в Особый Закавказский Комитет Временного правительства (ОЗАКОМ) декларацию, согласно которой русским приходам на Кавказе предлагалась «полнейшая свобода церковного самоопределения в лице автономного русского епископа, канонически лишь зависимого от главы Грузинской церкви»¹. Со своей стороны 27 марта представители Временного ИК русского духовенства и мирян города Тифлиса также связались с ОЗАКОМ и просили его председателя В.А. Харламова, во-первых, получить от центральной власти «немедленных руководящих указаний», а во-вторых, стать посредником в общении с ВУГЦ для создания согласительной комиссии и урегулирования спорных вопросов. Харламов выразил готовность помочь².

Как выяснилось позже, обер-прокурор Святейшего Синода Львов получил все три сообщения от экзарха Платона, но не стал информировать о них синодальных архиереев. В эти дни между ними и Львовым разгорался открытый конфликт, и обер-прокурор решил «узурпировать» решение кавказского вопроса. Архиереи рассказывали впоследствии, что о событиях в Тифлисе в марте 1917 года они узнавали лишь из газет. Даже близкий к обер-прокурору епископ Уфимский Андрей с негодованием писал Львову летом, что «с 12 марта 1917 года по 28 июня Святейший Синод ничего не знал о событиях в Грузии. Причины такой удивительной неосведомленности Синода для меня непонятны»³. Между тем, Львов в ответной телеграмме в адрес ВУГЦ сообщил, что согласен с мнением православных Грузии, но что автокефалию необходимо оформить каким-то каноническим актом⁴. Для обсуждения документа обер-прокурор образовал комиссию, в которую, по информации ВЦОВ, вошли А.В. Карташев⁵, епископ

¹ См. Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 18; РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 66 об.

² Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 17.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 39.

⁴ Карташев А.В. Революция и Собор 1917–1918 гг. С. 79.

⁵ Д.В. Философов писал 18 марта 1917 года в своем дневнике, что накануне В.Н. Львов «похитил» Карташева, долго с ним обсуждал положение дел, а затем «Львов зовет его к Бенешевичу, которого отправляют в Грузию». См.: Философов Д.В. Указ. соч. // Звезда. 1992. № 3. С. 148.

Уфимский Андрей, профессор Петроградской Духовной Академии А.И. Бриллиантов, академик Н.Я. Марр и профессор Петроградского университета В.Н. Бенешевич¹. Было решено, что, поскольку присоединение Грузинской церкви к Российской произошло по указу верховной светской власти – императора Александра I, то и отделение можно санкционировать тем же порядком – постановлением Временного правительства. Это также избавляло В.Н. Львова от необходимости получать одобрение Синода². Таким образом, Православная Российская церковь в лице своих официальных предстоятелей оказалась фактически устранена от участия в принятии решения по вопросу о выходе из ее состава грузинских приходов. По высказанному в докладе Поместному Собору в октябре 1917 года мнению священника В.Н. Егорова, «многих скорбных обстоятельств могло и не произойти», если бы Синод сразу в марте сказал свое веское слово, и «церковный грузинский народ мог еще и не пойти за зачинщиками церковного мятежа»³.

При прохождении законопроекта через Юридическое совещание при Временном правительстве его члены высказали сомнение в целесообразности поспешного на их взгляд признания автокефалии. Возникал целый комплекс вопросов организационного порядка, которые необходимо было урегулировать предварительно. Юристы предложили пока просто поместить в официальных изданиях информационное сообщение о Мцхетском Соборе, а на Кавказ направить уполномоченного для составления проекта о положении Грузинской церкви в России⁴. Однако, в дело включилась столичная «грузинская колония», настоявшая на необходимости издания правительственной декларации⁵. Разумеется, свою роль сыграл и решительный «реформаторский» настрой обер-прокурора.

¹ ВЦОВ. 1917. 7 апреля.

² На чье-то замечание о необходимости хотя бы выслушать мнение синодальных архиереев по вопросу о восстановлении автокефалии Грузинской церкви В.Н. Львов заявил: «это Св. Синода не касается, я его близко не подпущу к этому делу». См.: Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 27.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 12 об.

⁵ Петроградские ведомости. 1917. 14 мая (№74).

В итоге 27 марта 1917 года был издан акт «Об установлении правовых последствий, связанных с восстановлением автокефалии древней Православной Грузинской церкви с Мцхетским Католикосом во главе»¹. Найденная формула, с одной стороны, удовлетворяла автокефальные требования грузин, не позволяя им развиться в крайние формы сепаратизма², а, с другой, обеспечивала возможность мирного «канонического» разделения Грузинской и Русской церквей на предстоящем Поместном Соборе. В акте от 27 марта Временное правительство признало самостоятельность новообразованной церкви и поручило ей в кратчайшие сроки разработать основные начала ее правового положения в государстве, после чего вынести их на утверждение светской власти. До этого момента церковное управление на Кавказе должно было осуществляться прежним порядком. Также оговаривалось, что «окончательно установление и закрепление правоположения Православной Грузинской церкви в Русском государстве принадлежит Учредительному собранию», и что данное постановление «не касается канонической стороны», так как «закрепление церковно-канонических основ великого акта самоопределения Грузинской церкви совершится в духе церковного мира и любви, по сношении Церкви Грузинской с Православной Русской Церковью»³. Заметим, что до этого момента единая Православная церковь именовалась в государственных актах «Российской», а с 27 марта 1917 года их появилось две: «Русская» и «Грузинская» (при этом сама русская церковь во главе с Синодом продолжала и далее именовать себя «Российской»). Еще один важный момент этого постановления заключался в том, что автокефалия объявлялась не географическая, а национальная, поскольку предполагалось оставить на Кавказе и приходы Русской церкви для того, чтобы каждый прихожанин сам выбирал, к какой именно церкви принадлежать. Как сообщил

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 178.

² В Петрограде понимали, что стремление грузин к церковной автокефалии могло предшествовать требованию государственной независимости. Так, Д.В. Философов писал 18 марта 1917 года: «Грузия объявила себя автокефальной и, кажется, метит в самостоятельную «республику». См.: Философов Д.В. Указ. соч. // Звезда. 1992. № 1. С. 148. Хотя в условиях войны и близости турецкого фронта сепаратистские настроения имели свои границы.

³ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 306.

позднее Синоду В.Н. Львов, существовало «категорическое решение Временного правительства... о недопущении... общей территориальной автокефалии»¹. Предполагалось, что признание юрисдикции грузинских церковных властей над конкретной территорией могло стать шагом, поощряющим дальнейшее развитие сепаратизма.

На следующий день 28 марта по представлению обер-прокурора правительство назначило своим «временно-уполномоченным по делам Грузинской православной церкви» профессора В.Н. Бенешевича и командировало его с двумя помощниками в Тифлис для осуществления «правительственной линии». На эту поездку выделили значительную сумму в размере 8 000 рублей из государственных средств². Кандидатуру Бенешевича выбрали не случайно. Известный историк-византист в 1909–1911 годах издал тексты евангелий по древнегрузинским спискам³, после чего занимался изучением Большого грузинского номоканона⁴ и к 1917 году уже успел опубликовать результаты своих трудов в журнале «Христианский восток»⁵. Авторитет профессора, а также его знания в области истории и традиций грузинской церкви могли помочь Бенешевичу уговорить лидеров грузинского духовенства умерить их радикальный настрой.

Однако акт от 27 марта мало устроил грузинскую сторону, так как оставлял на Кавказе приходы, подчиненные Синоду, а, следовательно, и вызывал необходимость разделения церковного имущества. Епископ Леонид направил 29 марта в адрес Временного правительства и председателя Государственной думы протест, в котором отметил, что «признание за Грузинской церковью характера национальной, а не территориальной автокефалии, не имея прецедента в истории,

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 40.

² Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 190. В фонде Министерства финансов даже Временного правительства имеется специальное дело об отпуске средств на командировку Бенешевича. См.: ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 194. Л. 1–15.

³ Четвероевангелие в древнем грузинском переводе по рукописям 913 и 995 гг. Вып. 1–2. Спб., 1909–1911.

⁴ Свод государственно-церковных правил, ведущий свое начало из Византии.

⁵ См. Грузинский великий номоканон по спискам Тифлисского церковного музея // Христианский восток. Т. 2. Вып. 3. 1913. С. 349–377; Т. 5 (1916). Вып. 2. 1917. С. 112–127.

решительно противоречит канонам», и теперь «воинствующим представителям Русской Церкви открывается возможность создания среди грузин церковного русского прозелетизма... Автокефалия Грузинской Церкви должна быть признана на территориальной основе в пределах древнегрузинского Католикосата»¹. Со своей стороны, 30 марта ИК русского духовенства и мирян постановил выразить «полное удовлетворение» постановлением Временного правительства².

Ситуация на Кавказе обострялась и требовала немедленного вмешательства представителей правительства, не дожидаясь приезда Бенешевича. 4 апреля под председательством В.А. Харламова состоялось совместное совещание ВУГЦ и ИК русского духовенства и мирян с участием еще одного члена ОЗАКОМ М.И. Пападжанова. Во вступительной речи Харламов выразил беспокойство тем, что церковные неурядицы будоражат армию, которая недовольна действиями «воинствующей автокефальной Грузинской церкви», а это угрожает «правильному и мирному строительству на новых началах государственной жизни в Закавказье». Он заключил, что необходимо «мирное размежевание интересов двух братских единоверных народов». Епископ Горийский Антоний в ответ выразил удивление тому «возбуждению», которое вызывает автокефалия, на что священник В.Н. Егоров заметил, что оно обусловлено стремлением ВУГЦ подчинить себе и русское духовенство, желающее остаться в ведении Синода. Антоний заверил, что они не питают агрессивных намерений³. В результате Харламов постановил создать согласительную комиссию из представителей обеих сторон под своим руководством для решения имеющихся конфликтных вопросов⁴. Однако указанная комиссия так и не собралась.

11 апреля в Тифлис приехал уполномоченный Временного правительства профессор Бенешевич⁵. Грузинская пресса встретила его с восторженным

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 66 – 66 об.

² Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 18–19.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 7 апреля.

⁵ По всей видимости В.Н. Бенешевич приехал в Тифлис один, об упомянутых в правительственном постановлении двух помощниках источники не упоминают.

приветствием, однако вскоре это настроение сменилось на негативное¹. Как писал Егоров, прибывший «вызвал к себе неприязнь со стороны грузин», поскольку они полагали, что он тотчас же «осуществит их желания», а этого не произошло². Сам Бенешевич пытался оценивать происходящее беспристрастно с точки зрения имеющихся юридических актов, прежде всего исходя из постановления от 27 марта, согласно которому до принятия государственной властью положения о Грузинской церкви управление духовными учреждениями на Кавказе должно осуществляться прежним порядком, то есть действующим экзархом Платоном и Грузино-Имеретинской синодальной конторой. Главной своей задачей профессор считал подготовку на месте проекта «Основных начал» о положении Грузинской церкви в Российском государстве. Об этом, а также о своих наблюдениях и переживаниях Бенешевич сообщал в письмах, направляемых из Тифлиса в Петроград обер-прокурору Синода Львову³. Всего обнаружено 4 письма, из которых первое составлено около 15 апреля, второе начато 18 и закончено 21 апреля, третье – 2 мая, четвертое – 21 мая 1917 года. В последнем профессор упомянул, что уже отправил «четыре больших письма и несколько телеграмм», но не получил на них никакого ответа⁴. Данное обстоятельство не могло не беспокоить профессора, справедливо рассчитывавшего на поддержку обер-прокурора. Однако, создается впечатление, что В.Н. Львов пытался вести какую-то свою игру, или «заигрывая» с грузинами против Синода, или подчеркивая, что вовсе не Бенешевич, а он, обер-прокурор, – последняя инстанция в решении церковных вопросов. Так, еще направляясь в Тифлис, профессор узнал, что одновременно с ним туда же направлен бывший лидер автокефального движения епископ Кирион (Садзаглишвили), и от него также ожидается помощь в деле «совладания» с ВУГЦ. А уже на месте Бенешевич с удивлением обнаружил, что кроме Кириона приехали и два представителя петроградской диаспоры:

¹ «Рупором» автокефалистов была тифлисская газета «Возрождение».

² Егоров В., священник. Указ. соч. С. 22.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 1 – 18 об.

⁴ Там же. Л. 18.

архимандрит Амвросий¹ и священник Чиджавадзе, причем последнему обер-прокурор поручил расследовать деятельность священников-монархистов С.Д. Городцова и И.И. Восторгова. Профессор написал В.Н. Львову, что такой порядок «поручений» и «командировок» недопустим: «это сделано помимо представителя Временного правительства, то есть меня. Мой авторитет сильно подрывается таким назначением, так как народ видит, что несмотря на мое присутствие, через петроградских можно действовать, как и прежде...»² Бенешевич приписывал действия Львова «дурным влияниям» со стороны и умолял: «не верьте никому без моего доклада и ни с кем не сноситеесь помимо меня. Иначе все пропало. Не беспокойтесь и не пугайтесь, когда Вас отсюда или в Петрограде будут пугать чем-нибудь: это обычная манера здешних политиков шарлатанов и простаков, далеких от реальности»³. Профессор просил обер-прокурора не показывать никому его писем до его возвращения в Петроград⁴, а о предполагавшемся «помощнике» написал, что «епископ Кирион у меня не был и влияния его нигде не видно ни в чем; отдельные члены временного управления мне даже говорили, что его приезд излишен, так как мне будто бы больше доверяют, чем ему. Во всяком случае, он мне не помогает, а что делает его свита, не знаю»⁵.

Сразу после приезда 11 апреля 1917 года Бенешевич направился к председателю ОЗАКОМ Харламову, но не застал его на месте. Тогда профессор посетил местоблюстителя епископа Леонида, у которого собрались почти все члены ВУГЦ, в один голос заявившие о своем «мирном настроении» и об отсутствии у народа агрессивных стремлений по отношению к русским церковным учреждениям. При этом грузины сразу сообщили, что с экзархом Платоном дела иметь не могут, и что он «торжественно» отстранен ими 14 марта. Бенешевич «мимоходом, но решительно» отметил неправильность утверждения о

¹ Скорее всего, речь шла об архимандрите Амвросии (Хелая), будущем католикосе-патриархе Грузинской церкви, который с 1910 года являлся настоятелем Старорусского монастыря Новгородской епархии.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 11 об – 12.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 10.

смещении экзарха. Потом профессор навел на самого Платона, который сообщил о дружественном отношении к автокефалистам¹.

Утром 12 апреля состоялось совместное заседание Бенешевича и ВУГЦ. Последнее предложило составить комиссию из трех грузин и трех русских для ведения неотложных дел по свечному заводу, епархиальному и окружным училищным советам и духовно-учебным заведениям. Профессор расценил это как нарушение постановления Временного правительства о сохранении действующего порядка церковного управления и ответил отказом. Тем не менее, какие-то сомнения у него все-таки остались, и он решил заручиться поддержкой Харламова. При выходе из гостиницы профессор стал свидетелем сцены, когда прибывшие к нему одновременно епископ Леонид и экзарх Платон стали демонстративно выказывать друг к другу всяческое дружелюбие и даже уехали вместе в экипаже Платона, хотя у Леонида имелась своя карета. Впрочем, как следует из писем Бенешевича, он не очень-то обманулся наигранным примирением, а Харламов подтвердил «невозможность и опасность» комиссии². После этого 13 апреля Бенешевич официально объявил ВУГЦ: «пункт 3 постановления Временного правительства обязывает меня предложить лицам и учреждениям, прекратившим сношения с экзархатом, приступить к несению лежащих на них обязанностей ради успеха моей миссии и пользы общей»³.

Следующие несколько дней ушли на обсуждение проекта о правовом положении Грузинской церкви в российском государстве. Как выяснилось, грузины все же внесли в него упоминание о территориальном принципе организации католикосата, и Бенешевичу пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить их изменить этот абзац. К 17 апреля документ был готов и его по телеграфу отправили в Петроград⁴.

18 апреля Бенешевич написал обер-прокурору, что, «установив принцип национальной автокефалии, Временное правительство удачно разрешило вопрос

¹ Там же. Л. 3 об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 85 об.

и не только с политической стороны: церковно-каноническая предрешена в том же смысле». Профессор сообщил, что вскоре откроется съезд греческого духовенства и мирян, где будут представители со всей России, и греки также хотели объединить свои приходы в епархии, подчиненные Синоду. Такие же намерения имелись и у осетин. Сложнее ситуация в Абхазии, там, по словам уполномоченного, «верховодят мингрельцы»¹.

Вместе с тем, профессор с тревогой задумывался о своем дальнейшем пребывании в Тифлисе. «Крайне необходимо мне теперь получить инструкцию от Временного правительства о том, как мне действовать после утверждения им основных начал, – писал Бенешевич В.Н. Львову. – Ведь тогда пункт 3 декларации отпадет, но останется в силе заявление, что церковно-канонические основы должны быть закреплены через прямое сношение грузинской церкви с русской». Уполномоченный считал, что убедить грузин связаться с Синодом можно лишь «особой бумагой» от обер-прокурора на имя епископа Леонида. «Проведение основных начал в жизнь, – продолжал Бенешевич, – неизбежно повлечет за собой вторжение в церковно-каноническую область, которого так ревниво желает избежать Временное правительство, и что мне делать не знаю»².

После долгого раздумья 19 апреля Бенешевич решил уехать в Петроград. Вечером он зашел к епископу Леониду проститься, а потом отправился к Харламову, чтобы получить билет на поезд. Однако председатель ОЗАКОМ стал активно уговаривать Бенешевича остаться. Именно Харламов оказался единственным человеком, кровно заинтересованным в скорейшем урегулировании церковного вопроса на Кавказе, от которого профессор ощущал реальную поддержку. Харламов заявил, что готов ко всем действиям Бенешевича «приложить штампель Особого Закавказского комитета» и даже, если понадобится, дать деньги на организацию учреждения для временного управления церковными делами. После подобных уговоров профессор решил пока не покидать Тифлис. Он тут же вернулся к Леониду и просил к 7 часам

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 9 – 9 об.

² Там же. Л. 9 об – 10.

вечера 20 апреля прислать представителей ВУГЦ в согласительную комиссию по разделу церковных учреждений и имуществ¹.

Надо отметить, что профессор допустил ряд ошибок, разрушивших в глазах грузин его статус «нейтрального арбитра». Прежде всего, 18 апреля в связи с приглашением экзарха Платона в столицу для участия в работах Синода, ВУГЦ попросила уполномоченного правительства передать освобождающийся экзарший дом в Тифлисе местоблюстителю католикоса-патриарха и учредить Особый комитет для управления делами в «смешанных» учреждениях духовного ведомства. По версии грузинской стороны, Бенешевич сначала даже согласился, однако в тот же день перебрался из гостиницы в дом экзарха, что было расценено грузинами как откровенный переход «посредника» на сторону защиты «русских интересов»². Сам профессор объяснил свой переезд, тем, что «в гостинице промучился 7 дней и ночей от шума, а во дворце наместника помещения не оказалось». Он сообщил обер-прокурору и другую причину: «грузины хотели бы по отъезде экзарха влезть в его дом, а при мне это труднее»³. Однако Платон уехал только 3 мая, а после него в доме поселился его заместитель, так что проживание в одном здании уполномоченного правительства и русского преосвященного только раздражало грузин. 19 апреля уполномоченный отказался от предложений ВУГЦ, вновь подчеркнув, что согласно правительственному постановлению управление церковью на Кавказе пока должно осуществляться прежним порядком, а не «смешанной комиссией»⁴. ВУГЦ тут же направило Временному правительству телеграмму с просьбой назначить нового комиссара, так как проживание Бенешевича у экзарха «исключало возможность дальнейшей работы с ним»⁵.

¹ Там же. Л. 10 об.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 269 об.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 12.

⁴ 6 июня прокурор Грузино-Имеретинской Синодальной конторы Попов доложил, что никто из ее четырех членов-грузин, а именно епископ Горийский Антоний, протоиерей Корнелий Кекелидзе, архимандрит Назарий и протоиерей Марк Ткемаладзе, с марта 1917 года не являлся на заседания, и только двое последних продолжают работать в канцелярии, хотя жалование получают все в полном объеме. См.: там же. Л. 62.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 269 об.

Далее, около 20 апреля Бенешевич присутствовал в Сионском соборе, где епископ Леонид полагал в сан священника-грузина. В тот момент уполномоченный ничего не сказал против совершаемого действия, но 21 апреля, тщательно все обдумав, «официально» заявил, что «посвящение мог бы и должен был бы совершать Владыка Платон, которого Временное правительство до сих пор называет экзархом Грузии, или и епископ Леонид с его разрешения»¹. ВУГЦ не преминуло обвинить профессора в непоследовательности.

Началась «игра» с затягиванием начала работ Согласительной комиссии. 21 апреля за несколько часов до намеченного первого заседания уполномоченный получил от ВУГЦ ультимативное требование: «все грузинские дела решаются только местоблюстителем католикоса, все чисто русские – русским иерархом», поэтому комиссия будет рассматривать только «смешанные дела», а все ее заключения немедленно протоколируются и подписываются Бенешевичем и представителем грузин². Профессор ответил на это простым повторением приглашения явиться в помещение Синодальной конторы на совместное заседание³. Через некоторое время прибыли епископ Горийский Антоний и еще 5 представителей грузинского духовенства. От Временного ИК русского духовенства и мирян города Тифлиса тоже присутствовало 5 человек. Выслушав приветственную речь Бенешевича, призвавшего к продуктивной совместной работе, грузины заявили, что покинут собрание, если не получат от профессора письменного ответа на присланное ими требование. Тогда профессор назвал неприемлемым сам факт выставления ему каких-либо условий, а «единственной возможной формой» церковного управления указал Синодальную контору «в пополненном составе». После этого грузины поднялись и ушли⁴. 22 апреля Бенешевич написал в ВУГЦ, что он – «представитель Временного правительства, которому всякий гражданин обязан содействовать и повиноваться, и которому невозможно ставить условия для совместной работы», и сам ультимативно

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп.1. Д. 179. Л. 2 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 70.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 11 об.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

потребовал от грузин явиться в Синодальную контору на заседание комиссии¹. ВУГЦ ответило, что «по непредвиденным обстоятельствам» они не смогут прибыть 23-го, а ответ дадут 24-го². После некоторых размышлений, грузины все-таки пошли на попятную, попросив члена ОЗАКОМ А.И. Чхенкели передать профессору, что никакого ультиматума в их обращении от 21 апреля нет, «только допущена была неудобная, быть может, форма обращения»³. Бенешевич ответил Чхенкели, что в таком случае ВУГЦ просто должно уточнить у него время начала совместных заседаний.

Таким образом, после долгих переговоров комиссия собралась 26 апреля и работала до 3 июня (всего состоялось 19 заседаний, включая первое, прошедшее 21 апреля). Все это время перепалка между уполномоченным правительства и ВУГЦ не прекращалась. 22 апреля Исполнительный комитет эллинов Тифлисской губернии постановил направить в комиссию двух своих представителей, Х.А. Сингаревса и К.Г. Налпаниса⁴. Узнав об этом, грузины, потребовали увеличения своего числа до 8 человек⁵. Бенешевич ответил согласием, так как «все равно вопросы в комиссии не решаются большинством голосов». Он также отметил, что никто больше не требует равного представительства своей нации, и, если пригласят осетин, их будет «не более двух, а не 16 (т.е. 3+6+2)»⁶. Кроме всего прочего, грузины возмущались присутствием на заседаниях прокурора Синодальной конторы М.Г. Попова, который «восседал за прокурорским столом, как будто... дело шло не о разграничении русско-грузинских церковных дел под председательством правительственного комиссара, а суд над грузинской

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 71.

² Там же. Л. 73.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 20 об. Надо отметить, что, хотя А.И. Чхенкели и принадлежал к меньшевикам, но в отличие от украинских социалистов уделял большое внимание проблеме «национализации» Православной церкви в Грузии. Возможно, в этом проявлялась его личная позиция.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 1. 14 мая 1917 года председатель Первого краевого съезда эллинов Закавказья А. Кундуков проинформировал В.Н. Бенешевича, что греки избрали свой Комитет по церковным делам из 11 лиц, которые выделили 5 человек для участия в комиссии. См.: там же. Л. 9.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 77.

⁶ Там же. Л. 78.

церковью»¹. На это Бенешевич возразил, что Попов ему нужен «как сведущее частное лицо»². В составленной для Временного правительства записке ВУГЦ обвиняло русскую часть комиссии и лично Бенешевича в некорректном и даже вызывающем поведении. По их версии, грузин взбудоражило заявление одного из русских членов комиссии «зачем нам делиться, может быть все останется по-старому». Подобное же замечание по их версии высказал и сам Бенешевич представителю ВУГЦ Д. Нахуцарову³ в личной беседе. Грузины заявляли, что профессор намеренно пытался поставить их в такие условия, при которых они бы отказались от совместной работы и, «воспользовавшись этим, выехать в Петроград, куда он так стремиться, взвалив вину, конечно, на грузин»⁴. Однако, как следует из архивных документов, последние также вели себя отнюдь не примерно. Так, 30 апреля Бенешевич написал местоблюстителю католикоса епископу Леониду, что отец Цицкишвили вносит в комиссию «сильное расстройство» и «не подчиняется указаниям председателя и притом в крайне неуважительной форме»⁵. 5 мая Леонид ответил, что он сделал Христофору Цицкишвили «надлежащее внушение вести себя на занятиях хорошо»⁶. Одно можно сказать совершенно определенно: совместная работа осуществлялась в крайне нервозной обстановке.

Как следует из писем Бенешевича, он, познакомившись с представителями ВУГЦ и их манерой поведения, действительно начал сомневаться в правильности Акта от 27 марта. «Для меня совершенно ясно, – писал профессор 21 апреля, – что кучка автокефалистов, группирующихся в виде временного управления, авторитетность которой весьма сомнительна, старается вознаградить себя за потерю основной позиции – территориальной автокефалии. Она старается дискредитировать меня здесь через газеты и в глазах Временного правительства

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 27.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 78.

³ Давид Нахуцаров состоял действующим казначеем Грузино-Имеретинской Синодальной конторы.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 28 – 28 об.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 80.

⁶ Там же. Л. 79.

телеграммами. От меня теперь требуют таких действий, которые бы заслужили их доверие...», то есть однозначно принять их сторону, в то время как уполномоченный должен «стоять прямо на страже права и справедливости». Далее Бенешевич сообщал о своем впечатлении о том, что «подлинная автокефалия грузинской церкви с наблюдаемою нами ничего общего не имеет, и было бы лучше, если бы начатое пока предприятие было оборвано, а вместо того Грузия должна бы создать культурную почву для своей церкви, а не мечтание бы о простом восстановлении порядка отжившего свой век»¹.

2 мая 1917 года Бенешевич действительно направил ВУГЦ эмоциональное послание, фактически перечеркивавшее все «завоевания» Мцхетского Собора. В частности, он просил объяснить, почему четыре епископа Русской церкви названы «грузинскими архипастырями», если они «до сих пор пользуются всеми правами и преимуществами своего положения, поскольку состоят епископами русской церкви». Далее уполномоченный спрашивал, «что именно произошло 12 марта» и проводились ли к этому собранию какие-либо выборы, а также как и когда произошло избрание местоблюстителя и т. д. В заключение Бенешевич просил проинформировать, будут ли ВУГЦ предприняты шаги к «установлению сношений» с русской церковной властью «согласно ожиданиям Временного правительства»². В ответном письме грузины назвали данное послание «глубоко скорбным по содержанию и обидным для церковного сознания грузин». Они заявили, что «ставить вопрос о закономерности термина “Грузинская церковь”, а равно Мцхетского акта 12 марта, после декларации правительства и месячной работы Вашей совместно с Временным управлением названной церкви не только поздно, но, пожалуй, и опасно, ибо это есть не что иное, как попытка реставрировать сверженный уже церковный режим»³.

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 11 об – 12.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 29–30.

³ Там же. Л. 30 – 30 об

Согласительная комиссия под председательством Бенешевича поделила церкви Тифлиса на грузинские (11), русские (5) и спорные (15)¹, а также составила список храмов и монастырей экзархата для дальнейшего разграничения. Некоторые из них также без прений были признаны принадлежащими одной из сторон. Так, о Василиско-Златоустовском монастыре в Сухуме все единодушно сошлись во мнении, что «оный безусловно является русским и ничего грузинского там не имеется»². О некоторых «объектах» шли долгие споры, причем в качестве доводов рассматривали, на чьи деньги он построен и содержится ныне, кто был настоятелем и кто сейчас, кто составляет братию или причт, кто посещает и так далее. Например, о Дидубийской церкви Х. Цицкишвили заявил, что русские туда ходят только потому, что поблизости нет других храмов: «грузины оказали гостеприимство, приняв русских по братски в свою церковь»³. По настоянию грузинской стороны рассматривали даже давно заброшенные и разрушенные памятники. Как сказал 5 мая протоиерей Корнелий Кекелидзе, «каждый камень имеет значение для Грузинской церкви. Может быть, русские и лучше будут охранять грузинские святыни, но это не может служить критерием для решения вопроса о принадлежности развалин и камней Грузинской церкви»⁴.

Со 2 мая в заседаниях участвовал представитель осетин священник Ф. Санакоев⁵. Он зачитал список из 19 храмов, которые осетины признали своими. Примечательно, что на выручку грузинам пришел столь ненавистный им прокурор Синодальной конторы Попов, сообщивший, что по официальным данным в экзархате имелось всего 16 осетинских приходов⁶. Решили провести дополнительный сбор сведений. В связи с этим в благочиния Горийского округа

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 55. В списке оговаривалось, что «неизвестное количество» храмов «при учреждениях всякого рода» также являются спорными.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 164.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 168.

⁵ На заседании 8 мая также присутствовали осетины Христофор Джюев (председатель педагогического совета Тифлисского епархиального женского училища) и благочинный Александр Бегизов.

⁶ Там же. Л. 141.

Бенешевич разослал для заполнения специальную анкету с просьбой ответить на следующие вопросы: «1. Кто, когда и на чьи средства построил в приходе церковь? 2. Сколько домов в приходе осетин и грузин? 3. Сколько исповедовалось за 3 последних месяца тех и других? 4. Сколько крещений, браков и погребений за последние три года осетин и грузин? 5. Если имеется школа, то сколько обучается в ней осетин и грузин? 6. Из кого состоит коренное население прихода?»¹ 10 мая благочинный 1-го округа Горийского уезда рапортовал Бенешевичу, что у них все приходы – грузинские, за исключением двух смешанных грузино-осетинских, с преобладанием последних. Благочинный отметил, что там «число крещений, браков и погребений у осетин больше»². Очевидно, подобные анкеты рассылались по всему экзархату: 22 и 24 мая Бенешевичу поступили отчеты из Гурийско-Мингрельской и Имеретинской епархий. В первой, кроме грузинских, имелись 5 греческих, 5 смешанных и 1 русская церкви, а вторую составляли почти только грузинские приходы кроме двух грузино-осетинских³. Кое-кто сам пытался определить свое будущее: например, заведующий Троицким и Преображенскими скитами иеромонах Михаил обратился к Бенешевичу с просьбой оставить их в ведении русского духовенства⁴.

По вопросу об имуществе Сухумской епархии 29 мая в комиссию пригласили настоятеля Сухумского приходского собора протоиерея Георгия Голубцова. По его информации половину епархии составляли абхазские приходы, а чисто грузинских там не имелось вообще. Члены комиссии решили собрать еще дополнительные сведения, а на следующем заседании епископ Антоний подчеркнул, что «решение нашей комиссии не окончательное, оно имеет значение только осведомительное»⁵.

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 52.

² Там же. Л. 9.

³ При Кударовской Георгиевской и Кобиетской Архангельской церквях. См.: Там же. Л. 22, 24.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–4.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 387.

Особняком стоял вопрос о свечном заводе. 13 мая Согласительная комиссия постановила избрать группу лиц для сбора сведений о «порядке и способах размежевания». 29 мая перечень фамилий сообщили в заводоуправление для предоставления им всей необходимой информации¹. Однако ни к чему конкретному делегаты так и пришли. 14 июня 1917 года настоятель Карсского епархиального Преображенского собора писал Бенешевичу, что «главными покупателями свечей являются русские и греческие приходы Бакинской губернии Карской области, Тифлисской, Елисаветпольской и Эриванской областей». И даже когда весной 1917 года на окружных съездах духовно-учебных заведений затронули вопрос о совместном финансировании Тифлисского духовного училища, грузины предложили установить долю участия сторон исходя из количества продаваемых в церквях свеч. Но русские и греки не согласились, зная, что в их приходах свечей продается гораздо больше, и заявили, что считать нужно по количеству подаваемых треб. На это уже были не согласны грузины².

Занятия совместной комиссии продолжались, а грузины приступили к постепенному захвату церковных учреждений. Епископ Леонид даже пытался убедить Государственное казначейство, чтобы оно выдавало отпущенные на нужды экзархата деньги по его запискам. Обращение Бенешевича через газеты от имени Временного правительства о том, что юридически власть принадлежит действующему экзарху Платону, а не Леониду, а также просьба содействовать «восстановлению и сохранению обычного порядка в церковном управлении» никак не подействовали на «автокефалистов»³. 2 мая Бенешевич писал обер-прокурору, что постарается в течение недели закончить дела и покинуть Тифлис: «обстоятельства внешние и внутренние таковы, что понимаешь силу евангельского выражения “душа скорбит смертельно”»⁴.

И действительно, 10 мая уполномоченный объявил Согласительной комиссии, что вскоре отправится в столицу «посодействовать» утверждению

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 220. Л. 3.

² Там же. Л. 1–2.

³ Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 25.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 15 об – 16.

«Основных начал» Грузинской церкви Временным правительством, и предложил организовать временное управление экзархатом следующим образом: в составе Грузино-Имеретинской синодальной конторы выделить две секции, русскую и грузинскую, по 4 человека. Каждая будет решать свои дела самостоятельно, а для «смежных» вопросов собираться «соединенным присутствием». Бенешевич, видимо, умышленно не акцентировал внимание на том, что *de jure* Синодальная контора подведомственна Синоду, в то время как грузины ничего и слышать не хотели о своей подчиненности ему. Грузины тут же разгадали уловку профессора. С.Р. Горгадзе заявил, что они согласны с предложением, но при условии, что постановления их секции будут утверждаться местоблюстителем, а русской – Синодом. На это Бенешевич повторил, что «никакие ультимативные требования не могут быть предъявлены и приемлемы при сношении с представителем Временного правительства»¹. Профессор также заметил, что «независимой Грузинской церкви юридически еще не существует» и отложил отъезд². Вероятно, несмотря на всю тяжесть возложенной на него миссии, уполномоченный не хотел покидать Кавказ, оставив вопрос о церковной власти там хотя бы без временного решения.

К середине мая 1917 года Бенешевич окончательно утвердился в убеждении, что «самоуверенность» ВУГЦ опирается на покровительство одного из членов ОЗАКОМ, и что последний далек от внутреннего единства. «Трудно иметь дело с грузинами, – писал профессор обер-прокурору Синода 20 мая 1917 года, – а особенно еще и потому, что их руку держит А.И. Чхенкели, за которым должен идти и весь Закавказский комитет. Выходит теперь так, что я веду дело, а меня ведут грузины. Особого толку от этого я не жду, и его не вышло до сих пор»³. К огорчению уполномоченного, в среде русского духовенства также обнаружились корысть и раздор. Так, еще в апреле в Петроград обер-прокурору поступил донос на экзарха Платона, обвинявшей его в черносотенстве и боязни

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 271.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 31 – 31 об.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 18.

самоорганизации русского клира. «Лишь Владыка Дамиан, епископ Эриванский, только и утешает прихожан своими благолепными службами и умными поучениями», – сообщал автор доноса, прося назначить Дамиана на место Платона¹. Бенешевич выяснил, что инициатором интриги являлся сам епископ Дамиан (Говоров), и просил В.Н. Львова «отослать» владыку «на жительство в Эриван и Карс, где он прямо необходим, тогда как здесь он готовит скандал в Александро-Невской церкви. Я сам с ним разговаривал, да толку не вышло...»²

17 мая прошел съезд греческого духовенства, передавший Бенешевичу резолюцию о «пребывании» в союзе с Русской церковью, но во главе с епископом-греком³. 25 мая 1917 года в Тифлисе открылся Закавказский Русский Церковный Собор, о чем прокурор Грузино-Имеретинской синодальной конторы оповестил обер-прокурора Львова телеграммой⁴. Собор работал 5 дней и постановил, что «только Всероссийский Собор вынесет свое высокое решение по обстоятельствам восстановления грузинской автокефалии», а также заявил, что «Закавказская Российская церковь останется независимой от Грузинского католикосата как часть Всероссийской православной церкви». Собравшиеся составили проект «Основных правил» положения Русской церкви в Закавказье, переданный впоследствии в Синод⁵. В качестве постоянно действующего органа делегаты избрали Исполнительный комитет закавказского русского духовенства и мирян, перенявший полномочия от ИК русского духовенства и мирян города Тифлиса. Практически одновременно состоялись также съезды осетин и абхазов.

Вероятно, именно консолидация негрузинской части духовенства дала Бенешевичу моральное право всерьез задуматься об отъезде. По крайней мере, 31 мая он снова сообщил об этом намерении ВУГЦ, предложив им, по словам грузин, «абсолютно неприемлемую схему временного управления»⁶. ВУГЦ в

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–2.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 18 об.

³ Там же. Л. 18 об.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. II Отд. 2 Стол. Д. 113. Л. 6.

⁵ Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 26.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 32 об.

ответ выразило крайнее огорчение, что, «провозившись два почти месяца с размежеванием только церквей и монастырей в Грузии и не сумевши довести до конца даже и этого дела», уполномоченный вообще не коснулся «самого животрепещущего»: разделения духовно-учебных заведений¹.

На последнем заседании Согласительной комиссии 3 июня 1917 года Бенешевич выслушал со стороны грузин целый набор упреков и обвинений. Ректор Тифлисской духовной семинарии протоиерей Кекелидзе прямо заявил, что разочарован деятельностью профессора, при котором дело «не продвинулось и не определилось», а С.Р. Горгадзе добавил, что это – мнение «всего грузинского народа». Бенешевич ответил, что не виноват в замедлении работы, и что его отъезд не замедлит решения вопросов: «надежды грузин не будут обмануты»².

В первых числах июня 1917 года уполномоченный вернулся в Петроград. Свой отъезд он представил как нечто временное, заявив участникам Согласительной комиссии, что должен, во-первых, отчитаться об уже сделанном, а, во-вторых, способствовать принятию положения о Грузинской церкви («Основных начал»). Для проведения закона в жизнь, по мнению профессора, потребуются «особые полномочия», которые будут даны ему или кому-то еще³. Егоров писал, что профессора срочно вызвало в столицу правительство, но никаких подтверждений этому найти не удалось⁴. Скорее всего, Бенешевич поспешил на занятия открывшегося 12 июня Предсоборного Совета. С формальной точки зрения он мог считать себя отчасти справившимся с порученным ему заданием, так как уже направил в столицу проект «Основных начал». Однако поездка профессора не оправдала надежд на смягчение церковного конфликта на Кавказе, вследствие чего Карташев назвал миссию Бенешевича «неуспешной»⁵. Не удалось уполномоченному наладить и временное

¹ Там же. Л. 32 об – 33.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 179. Л. 403 – 403 об.

³ Так же. Л. 387 об – 388.

⁴ В своем письме обер-прокурору Синода от 2 мая 1917 года В.Н. Бенешевич действительно просил вызвать его в Петроград телеграммой, чтобы заставить грузин работать активнее, но никакого ответа не получил. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 16, 18.

⁵ Карташев А.В. Указ.соч. С. 80.

церковное управление в экзархате. Согласительная комиссия после отъезда профессора больше не собралась, а пропасть между русским и грузинским духовенством все более ширилась. Подтверждением «неуспеха» миссии Бенешевича может служить также отказ грузин послать своего представителя в Предсоборный Совет, хотя его присутствие изначально планировалось¹. 29 июля 1917 года Временное правительство постановило «освободить» профессора Бенешевича от обязанностей временного уполномоченного «за исполнением возложенного на него поручения»².

К лету 1917 года все четыре епархии экзархата оказались вовлечены в процесс церковного размежевания. В Имеретинской епархии автокефальное движение тесно переплелось с проявлениями «епархиальной революции». Ее глава епископ Георгий (Аладашвили) направил 6 мая 1917 года В.Н. Львову прошение об увольнении на покой и назначении «усиленной пенсии». 8 мая Георгий также написал из Тифлиса директору Канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевичу, умоляя его походатайствовать перед Львовым. По словам епископа, он вынужден был покинуть свою кафедру в Кутаиси, так как все управление в епархии узурпировал Исполнительный комитет местного духовенства, оставив преосвященному «право утверждать и непременно утверждать все его постановления». По словам епископа, поступиться совестью он не мог, начались конфликты и он уехал «с тем, чтобы больше не возвращаться»³. 23 мая Львов обратился к экзарху Платону с тем, чтобы тот написал свой «отзыв по содержанию прошения», так как Георгий хотел получать пенсию из государственной казны⁴. Впрочем, увольнения на покой так и не последовало, а Георгий нашел общий язык с ВУГЦ. В декабрьском послании патриарха Тихона епископ Георгий значился в списке архиереев, «отпавших» от подчинения Синоду⁵.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. С. 5.

² Журналы заседаний Временного правительства. Том 3. С. 202.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 104–105.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Церковные ведомости. 1918. № 3–4 от 31 января. С. 13–18.

В Сухумской епархии, состоявшей преимущественно из абхазских и русских приходов¹, объявление автокефалии Грузинской церкви также вызвало центробежные тенденции. В мае 1917 года Сухум посетила делегация ВУГЦ, убеждавшая местное духовенство присоединиться к ним². Однако абхазы отказались войти в состав самостоятельной Грузинской церкви, и провели свой «Съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа». По его итогам 2 июля в Петроград направили телеграмму за подписью «представителя народа Симона Бассария»³, сообщившего, что абхазские приходы в лице духовенства и делегатов от мирян «признали своим религиозным правом» объявить Абхазскую церковь «независимой вполне самостоятельной» с пребыванием избранного от абхазского народа епископа в городе Сухуми⁴. В ответной телеграмме главе местного Комитета общественной безопасности (органа Временного правительства) князю А.Г. Шервашидзе от 21 июля 1917 года Синод просил «объявить абхазскому народу», что вопрос об автокефалии их церкви передается на рассмотрение Поместного Собора, открывающегося 15 августа⁵. Действующим Сухумским преосвященным оставался епископ Сергей (Петров).

Хотя ВУГЦ и объявило о своей независимости от Синода, но административную власть обер-прокурора оно продолжало признавать. Например, 9 июня 1917 года епископ Леонид направил В.Н. Львову послание с просьбой организовать содержание за счет государства планируемых к созданию 9 епархий Грузинской церкви⁶. Во втором письме от того же 9 июня Леонид

¹ По данным протоиерея Г. Голубцова (представителя епископа Сухумского Сергея на Поместном Соборе) в 1917 году в Сухумской епархии имелось 125 приходов, из них 36 русских, 61 абхазский, 16 греческих, 4 мингрело-грузинских и 8 смешанных русско-греческих и русско-мингрельских. См.: Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на Всероссийский церковный собор // Российская церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С. 122.

² Там же. С. 122–123.

³ Имелся в виду С.П. Басария, председатель Абхазского Народного совета (1917–1918).

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 250. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 3. Направляясь на Поместный Собор в январе 1918 года, протоиерей Г. Голубцов сетовал, что эта телеграмма была последним знаком внимания к абхазам со стороны Синода. См.: Голубцов Георгий, протоиерей. Указ. соч. С. 123.

⁶ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 174. Л. 1 – 1 об.

жаловался обер-прокурору, что вынужден «ютиться» на частной квартире и просил издать следующие распоряжения: 1). «Освободить» для местоблюстителя католикоса-патриарха покои «бывших экзархов»; 2). Передать в ведение ВУГЦ помещения и штаты экзаршей канцелярии, Синодальной конторы и архива; 3). Отпустить на содержание католикоса жалование, «соответствующее его высокому чину»¹. Оба письма остались без ответа.

С отъездом Бенешевича из Тифлиса центр решения кавказского церковного вопроса переместился в столицу. И ВУГЦ и ИК закавказского русского духовенства и мирян направили в июне 1917 года в Петроград своих представителей. Первой прибыла грузинская делегация во главе с епископом Горийским Антонием. 17 июня их принял обер-прокурор, пообещавший «устроить» утверждение «Основных начал» в ближайшее время². Тем временем оставшийся на Кавказе епископ Леонид отослал 25 июня по телеграфу председателю правительства жалобу на власти экзархата. Он писал, что заместитель Платона епископ Бакинский Григорий (Яцковский) направил в Бодбийский женский монастырь русского духовника и начал изгонять оттуда грузин³. В вину Григорию также вменялось «смещение без следствия» настоятеля «смешанной» тифлисской Авлабарской Михаило-Архангельской церкви протоиерея Иаева, и назначение на его место священника Карташева. 17 и 18 июня даже произошли столкновения между прихожанами – грузинами и русскими, в ходе которых последние вызвали для умиротворения солдат. «Епископ Бакинский Григорий, – сообщал местоблюститель католикоса, – опирающийся на Синодальную контору, ведет планомерную захватную политику явным расчетом поставить правительство к моменту окончательного

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 19–20.

² Там же. Л. 33 об.

³ На самом деле ситуация с Бодбийским монастырем была гораздо более сложной. Весной грузины объявили обитель своей, началась травля русской настоятельницы Анастасии. ИК русского закавказского духовенства и мирян хоть и признал право ВУГЦ на монастырь, но высказался категорически против притеснения монахинь по национальному признаку. 10 июля Синод решил основать новый монастырь в экзаршем имении «Малые Уруты», куда переселить всех русских из Бодбийского монастыря. См.: там же. Л. 45.

размежевания русско-грузинских церковных интересов перед свершившимся фактом»¹.

В Петрограде епископ Антоний, не желая «унижаться» перед Синодом, обращаясь к нему, попросил как бы в частном порядке епископа Уфимского Андрея организовать перед иерархами его выступление от имени независимой Грузинской церкви. Однако когда Андрей на заседании 28 июня сообщил об этом другим архиереям, его прервали и посвятили весь день слушанию пространного доклада Бенешевича о событиях в Тифлисе. Из сообщения профессора стало понятно, что грузины настроены самым решительным образом, и вопрос о судьбе местных приходов и церковной собственности на Кавказе для них уже однозначно решен вне зависимости от мнения предстоящего Поместного Собора. Как писал епископ Андрей, после этого «раздалось в Синоде страшное слово схизма»².

28 июня Антоний Горийский подал уже обер-прокурору свое письменное прошение ходатайствовать перед Синодом об «особой аудиенции для извещения о восстановлении Грузинской церкви в автокефальных правах и выслушивания братского приветствия от святой Церкви грузинской»³. Убеждая архиереев в необходимости принять Антония, Львов от имени Временного правительства заявил, что русская государственная власть «ничего не имеет против автокефалии Грузинской церкви, тем более что фактически она уже существует, и что таким образом Св. Синоду приходится считаться с свершившимся фактом»⁴. После этого 29 июня Синод постановил выслушать грузин, оговаривая, что он признает «создавшийся факт независимой организации Грузинской церкви в качестве определяющего условия нового устройства русского церковного управления

¹ Там же. Л. 30 – 30 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 39. Схизма – раскол в церкви.

³ Там же. Л. 11 – 11 об. Антоний также еще раз просил ускорить принятие «Основных начал». См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 33 об.

⁴ Биржевые ведомости. 1917. 1 июля (утренний выпуск).

делами Закавказья», а также оставляет вопрос о «правомочности» произошедшего до Поместного Собора¹.

30 июня 1917 года в отсутствие экзарха Платона делегатов-грузин приняли члены Синода во главе с архиепископом Сергием (Страгородским). Сергей заявил, что «русскому церковному сознанию никогда не была чужда мысль о необходимости вернуть Грузинской церкви ее прежнее устройство», и предстоящий Поместный Собор решит все вопросы². По сообщению газеты «Биржевые ведомости», в ходе переговоров при активном дипломатическом участии епископа Уфимского Андрея грузины отказались от крайних «захватных» позиций и приняли точку зрения Синода – мягкой, узаконенной автокефалии, а не схизмы³. В интервью сотруднику этой же газеты В.Н. Львов удовлетворенно отметил, что ему «удалось провести настоящую реформу», и что «никто из членов Св. Синода этой реформе не противился». В конце разговора обер-прокурор сообщил: «в настоящее время мною разрабатывается проект для внесения во Временное правительство об осуществлении постановления Синода по поводу Грузинской церкви»⁴. Тут, конечно же, Львов умышленно подменял понятия, создавая иллюзию, что автокефалия свершилась по воле церковной власти. На самом деле речь, очевидно, шла о законопроекте о правовом положении Грузинской церкви в России, присланном Бенешевичем из Тифлиса.

Однако 1 июля Синод все же расставил точки над «i», приняв еще одно определение (№ 4259), в котором подчеркнул, что не может признать создавшееся положение «канонически обоснованным» и не считает себя правомочным признать уже провозглашенную 12 марта автокефалию Грузинской церкви (откладывая вопрос до Собора). Вместе с тем, ввиду чрезвычайно сложной обстановки на Кавказе архиереи просили обер-прокурора «ныне же» направить на

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 12.

² А.В. Карташев вспоминал, что встреча «была довольно напряженной и краткой, обе стороны провели ее стоя на ногах». См.: Карташев А.В. Революция и Собор 1917 – 1918 гг. // Дело великого строительства церковного. С. 499–500.

³ Биржевые ведомости. 1917. 1 июля (вечерний выпуск).

⁴ Биржевые ведомости. 1917. 1 июля (утренний выпуск).

утверждение Временного правительства проект временных правил об устройстве Русской церкви на Кавказе¹.

Вслед за грузинами в Петроград прибыли члены ИК закавказского русского духовенства и мирян А.П. Разумовский и А.Г. Ногатырев. 1 июля они подали экзарху Платону бумагу с перечнем мер, которые, по их мнению, нужно срочно провести в экзархате. Прежде всего, они предлагали реформировать Синодальную контору, переименовав ее в «Церковное управление Кавказского экзархата» и уволив давно уже не посещающих заседания членов-грузин. Во-вторых, создать новый ревизионный комитет для контроля средств, поступающих в экзархат с тем, чтобы не допустить их «присвоения» ВУГЦ. В-третьих, объявить, что экзарший дом в Тифлисе, а также Тифлисская духовная семинария (новое здание), духовное училище и Иоанникиевское епархиальное женское училище остаются в ведении экзарха. И, в-четвертых, срочно утвердить то распределение, которое уже успела сделать в Тифлисе Согласительная комиссия под председательством Бенешевича².

Однако эти меры не были приняты, видимо, потому что все внимание участников событий оказалось сконцентрировано на обсуждении законопроектов о положении обеих церквей на территории экзархата. Для этого в начале июля при Синоде стали проводиться специальные совещания. 1 июля оно состоялось под председательством В.Н. Львова с участием представителей грузин во главе с епископом Антонием. Туда также пригласили главу «грузинской колонии» в Петрограде князя З.Д. Авалова³. На втором заседании 6 июля председательствовал А.В. Карташев⁴. С 7 июля для рассмотрения проектов образовали комиссию под председательством того же Карташева, в которую вошли уполномоченный Временного правительства Бенешевич, юрист Н.Д.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л.33.

² Там же. Л. 50 – 50 об.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 89.

Кузнецов, представители ИК закавказского русского духовенства и мирян Разумовский и Ногатырев и другие¹.

В своем заключении комиссия констатировала, что оба законопроекта (о Грузинской и Русской церкви на Кавказе) должны носить «временный» характер (до Учредительного собрания и Поместного Собора), а также, что с канонической точки зрения автокефальной Грузинской церкви «в настоящее время не существует» и никто, кроме Русской православной церкви, «даже само Временное правительство, дать этой автокефалии не сможет». Ввиду этого из грузинского проекта изъяли слово «автокефальная». Комиссия также сформулировала основной посыл, из которого необходимо исходить, оценивая сложившуюся ситуацию: «решение Грузинского вопроса носит в настоящее время характер как бы некоторой сделки. Государство, не ставя Грузинскую православную церковь на один уровень с Русской православной церковью, тем не менее соглашается дать ей некоторые государственные права, как бы признать за нею значение публичного правового института, и в то же время Русская православная церковь, не входя в каноническое общение с Грузинской церковью, не уклоняется от встречи с нею на почве чисто делового характера, на почве размежевания интересов»². После рассмотрения комиссией один из законопроектов – измененный о Грузинской церкви – направили в Юридическое совещание Временного правительства, а другой – о Русской церкви в Закавказье – передали сначала на утверждение Святейшего Синода.

Второй документ архиереи приняли уже 14 июля 1917 года, издав его в виде своих «Временных правил по управлению русскими приходами на Кавказе». Не касаясь частных моментов разделения, правила декларировали существование на территории католикосата приходов, подчиненных Синоду, во главе с экзархом Кавказским³. ВУГЦ тут же выразило протест против такой постановки вопроса, в том числе против совместного нахождения в Тифлисе и патриарха-католикоса, и

¹ Там же. Л. 41.

² Там же. Л. 42.

³ Церковные ведомости. 1917. № 30. С. 236.

представителя русской духовной власти. Грузины также объявили о желании в ближайшее время созвать свой отдельный собор¹.

При рассмотрении грузинского законопроекта наиболее спорным моментом оказался титул будущего главы Грузинской церкви. Как писал В.Н. Львову 12 июля епископ Антоний, в первоначальном варианте, составленном и подписанном «обеими сторонами» в Тифлисе 17 апреля, католикос-патриарх именовался «архиепископом Мцхето-Тифлиским», а Синод «хочет» сократить формулировку до «архиепископа Мцхетского», очевидно, желая титуловать «тифлиским» русского митрополита. Антоний сообщил, что они уже обсуждали в Тифлисе с Бенешевичем вероятность того, что ИК закавказского русского духовенства и мирян решит так назвать своего епископа. В этом случае, по заявлению ВУГЦ, грузины будут вынуждены тоже учредить кафедру своего тифлиского митрополита, что приведет к нахождению сразу трех архиереев (включая самого католикоса) в одном городе, а это абсурд². Уезжая на Кавказ, грузины оставили «памятную записку», где еще раз просили ходатайствовать перед Юридическим совещанием сохранить титул католикоса «Мцхето-Тифлиского», а также просили командировать «возможно в скором времени членов размежевательной комиссии в Тифлис»³.

Тем не менее, 12 июля 1917 года Юридическое совещание Временного правительства рассмотрело внесенный обер-прокурором проект и приняло его с некоторыми изменениями, в том числе, с сокращенным титулом католикоса⁴. Совещание вычеркнуло также сомнительную с правовой точки зрения формулировку о том, что Грузинская церковь находится «в одинаковом юридическом положении» с Русской. Далее документ передали на утверждение правительства, но из-за министерского кризиса он долго не мог попасть в повестку дня. В этой связи 22 июля председатель ОЗАКОМ Харламов спешно телеграфировал в Петроград, что необходимо как можно скорее принять

¹ Русская воля. 1917. 23 июля; Биржевые ведомости. 1917. 27 июля.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 85 – 85 об.

³ РГИА. Ф. 797. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 25 об.

⁴ День. 1917. 14 июля.

«основные начала», так как «неопределенное отношение между Грузинской автокефальной и синодальной церквами ежедневно выливается в нежелательные конфликты»¹.

Одно из таких столкновений произошло 11 июля, когда епископ Бакинский Григорий попытался не пустить в помещение Синодальной конторы членов ВУГЦ, которые, как обычно, пришли туда на свое заседание. Грузины подняли скандал, обратились к А.И. Чхенкели, который тут же позвонил епископу и потребовал выдать ключ ВУГЦ. Григорий ответил, что сделает это только под личную ответственность самого Чхенкели, на что тот согласился². Вскоре в грузинской газете «Возрождение» появилась гневная статья, направленная против заместителя экзарха и озаглавленная «Наглость или провокация»³.

Только 25 июля, собравшись уже в обновленном составе (так называемая, «Вторая коалиция»), Временное правительство издало «Временные правила о положении Грузинской Православной Церкви в Российском государстве» в варианте, доработанным Юридическим совещанием⁴. Признавалось существование автокефальной Грузинской церкви, объединяющей «всех православных картвельского племени, живущих в пределах всего Российского государства» во главе с католикосом Мцхетским в Тифлисе. Государство обязывалось обеспечивать содержанием грузинские церковные учреждения и духовенство «на основаниях и в размере, которые имеют быть установлены законом». Учреждениям новообразованной церкви предоставлялись права юридических лиц, а учебным заведениям мог быть предоставлен статус правительственных. Внутреннее канцелярское делопроизводство всех учреждений «грузинского католикоса» и преподавание в духовно-учебных заведениях отныне велось на грузинском языке. Вместе с тем, принимая во внимание, что требование грузинами церковной автономии являлось, в том числе, проявлением все нарастающих сепаратистских настроений, правительство

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 88.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 59 об – 60 об.

³ Возрождение. 1917. 13 июля.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 3. С. 155.

ограничило рядом положений суверенитет новой церкви. Так, «расписание» епархий и приходов грузинской церкви должно было устанавливаться высшей государственной властью, она же утверждала в должности католикоса, а сношение со всеми автокефальными церквями, находящимися за пределами России могло осуществляться только через Министерство иностранных дел¹. Разумеется, ничего подобного в первоначальном законопроекте, подготовленном ВУГЦ, не было.

В постановлении об издании «Временных правил...» оговаривалось, что за обер-прокурором Синода временно сохранялись в отношении Грузинской православной церкви те права, которые принадлежали ему в отношении Грузинского экзархата. Объявлялось, что для выработки предложений по разделу церковного имущества и кредитов на Кавказе между грузинскими и русскими приходами будет создана Особая комиссия, заключения которой впоследствии пойдут на рассмотрение Временного правительства. Указанной комиссии также поручалось представить свои соображения о размерах государственных ассигнований Грузинской церкви².

Оставшись неудовлетворенными принятым правительством документом, но, тем не менее, ссылаясь на него, грузины стали издавать распоряжения в корне ему противоречащие. Так, они объявили, что согласно «декрету 25 июля» экзархат полностью упразднен, после чего составили в августе 1917 года требование о передаче в их полное распоряжение местных учреждений духовного ведомства, Грузино-имеретинской синодальной конторы и Канцелярии экзарха с архивами и всеми кредитами. При этом ВУГЦ заявило о необходимости установления резиденции для русского иерарха вне пределов Грузии – во Владикавказе или Баку – с запретом Платону приезжать в Тифлис и требовало не именовать русских иерархов теми же титулами, что носят грузинские³. В середине

¹ Там же. С. 155–156.

² Там же. С. 155.

³ Егоров В.Н., священник. Указ. соч. С. 30. Протоиерей Голубцов писал в своем дневнике о том, что экзарх Платон подумывал о переносе своей кафедры в Новый Афон, что вряд ли устроило бы грузинскую сторону: архиерей мог оттуда оказывать влияние на абхазские приходы, на которые претендовали грузины. См.: Голубцов Георгий, протоиерей. Указ. соч. С. 126–127.

августа 1917 года в Тифлис съехались делегаты Предсоборного Присутствия готовящегося Грузинского Церковного Собора, которые единогласно избрали митрополитом Тифлисским и заместителем католикоса епископа Гурийско-мингрельского Леонида (Окропиридзе) и послали «братское приветствие» Всероссийскому Поместному Собору¹. Вместе с тем, грузины отказались от приглашения участвовать в нем и продолжали игнорировать призывы к переговорам.

Получив своего «законно» избранного архиерея, члены автокефальной церкви посчитали более невозможным для себя мириться с наличием в Тифлисе резиденции «бывшего» экзарха, представлявшей собой своего рода символ русской церковной власти на Кавказе. Дождавшись временного отъезда епископа Бакинского Григория, 23 августа митрополит Леонид составил предписание эконому экзаршеского дома иеромонаху Серафиму «сдать здание». При этом оговаривалось, что первый этаж отводится пока для проживания русских «насельников»². Около 5 часов вечера с этой бумагой к дому митрополита Платона прибыла группа грузин (около 30 человек) во главе с бывшим помощником экзаршей канцелярии Д. Давидошвили. По свидетельству Серафима, в числе подошедших имелся слесарь-мирянин с ящиком инструментов для взлома³. Дверь им открыли, но на требование сдать ключи от всех комнат ответили отказом. Тогда грузины ушли и вскоре вернулись в сопровождении помощника начальника тифлисской милиции А.И. Татиева (также грузина по национальности) и рядовых милиционеров. В это же время приехали иерархи Грузинской церкви во главе с митрополитом Леонидом. Епископы разместились на балконе, ожидая завершения «реквизиции», а все остальные «расползлись» по зданию. Татиев обратился к эконому Серафиму со следующими словами: «Я, как помощник начальника милиции революционной власти, предлагаю Вам сдать все

¹ Свободный народ. 1917. 17 августа. Строго говоря, создание кафедры грузинского митрополита Тифлисского противоречило «Правилам...», утвержденным Временным правительством 25 июля 1917 года, предусматривавшим, что изменение действующей структуры церковного управления должно согласовываться с государственной властью.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 52 об.

³ Там же. Л. 83 – 83 об.

церковное и экономическое имущество экзаршеского дома со всеми документами и капиталами представителям грузинской церкви». На это Серафим ответил, что без разрешения экзарха, «также утвержденного революционным правительством митрополитом Тифлисским и экзархом Кавказским»¹, ничего делать не будет, тем более что и так все двери уже взломаны. Тогда Татиев потребовал у эконома опись всего имущества, это Серафим выполнил. Далее помощник начальника милиции попросил указать личные вещи Платона, и они с экономом направились в покои экзарха. Однако выяснилось, что ведущие туда двери уже взломаны и по вещам кто-то «лазал». Татиев грозно спросил у присутствовавших, кто открыл дверь, но ответа не получил. Тогда, не углубляясь в разбирательство, он предложил Серафиму принять на хранение личное имущество митрополита. Эконом ответил, что не может этого сделать, так как не ручается, что что-нибудь не пропало. Татиев велел снять со стены висевшие там портреты и присовокупить их к вещам Платона для последующего возврата преосвященному. Отметим, что в рапорте Серафима не говорится, о каких именно портретах шла речь². Следующим шагом Татиева стала попытка выяснить у эконома, какое имущество являлось церковным. Получив отказ, он удалился на некоторое время на балкон посоветоваться с грузинскими епископами. Вернувшись, он приказал опечатать все двери, а от Серафима потребовал указать, где находятся деньги и документы дома. Эконом отказался, а Татиев снова отправился советоваться к епископам. Всех задержанных в здании свели в одну комнату, среди них оказались пришедшие в гости к проживающим в доме, а также несколько молельщиков из домово́й церкви. События не остались незамеченными в городе: вскоре по распоряжению коменданта Тифлиса в дом экзарха приехал помощник коменданта с приказом выяснить, в чем дело. Однако, переговорив с Татиевым, он посчитал наилучшим для себя удалиться. Помощник коменданта заявил, что он «ни русский, ни грузин, а армянин», но перед уходом все же приказал выпустить

¹ 19 августа 1917 года Временное правительство действительно утвердило определение Синода «о бытии» архиепископу Платону (Рождественскому) митрополитом Тифлисским, экзархом Кавказским. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 307.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 95–96.

задержанных молельщиков. Остальных освободили только в 2 часа ночи 24 августа. Эконом оказался арестованным на несколько суток, так как отказался передать грузинским милиционерам ключи от кассы, заблаговременно оставленные им в ИК закавказского русского духовенства и мирян. Когда на следующий день Серафима под конвоем доставили в Исполнительный комитет, его члены также не отдали ключей¹.

24 августа председатель Тифлисского церковно-епископского совета протоиерей Иоанн Михайловский (он же – председатель ИК закавказского русского духовенства и мирян) обратился к председателю ОЗАКОМ Харламову с просьбой принять меры к «восстановлению права собственности» на захваченное имущество, «принадлежащее Святейшему Синоду, экзарху»². Михайловский сообщил, что в 11 часов утра 24 августа к нему явился рассыльный канцелярии экзарха М.М. Немцев, рассказал о захвате, а также о том, что «все прежние обитатели экзаршеского дома и пришедшие сегодня на службу задержаны и не выпускаются на улицу». Сам Немцев как-то сумел выбраться «тайком». В 12 часов к Михайловскому явился эконом иеромонах Серафим, отпущенный на два часа для доклада своему духовному начальству. Серафим подтвердил, что он вместе с другими обитателями экзаршеского дома находился под арестом³. ИК составил некий сводный опрос очевидцев, акцентируя внимание на действиях милиции, из которого следовало, что «масса милиционеров и вольных, вооруженных револьверами и шашками оцепили кругом весь дом и арестованных не выпускали». На просьбу предъявить обвинения, представители власти отвечали, что «это не арест, а так нужно, и Вы не должны оказывать никакого сопротивления, в противном случае Вам хуже будет». Арестованных отпустили только около 10 вечера 23 августа. Обращение с ними было грубое, а «некто

¹ Там же. Л.96 об – 97 об. Эконом в том числе отказался передать милиции приходно-расходные книги экзаршеского дома. Возможно, они тоже хранились в кассе.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 4–4 об.

³ Там же.

Давыдов – грузин, грозил иеромонаху Ираклию кулаком говоря: “смотри, много не рассуждай, а то так и заеду в морду”»¹.

Глава ОЗАКОМ Харламов, пытаясь хоть как-то урегулировать последствия произошедшего «захвата», предложил 24 августа, чтобы очередная согласительная комиссия из представителей обеих церквей провела опись имущества дома, но ИК русского духовенства и мирян отказался в ней участвовать². 25 августа представители митрополита Леонида взломали каретный сарай экзарха и забрали себе его экипаж³.

Проведенное Харламовым изучение обстоятельств случившегося практически ничего не принесло. Глава ОЗАКОМ дважды пересылал в Петроград собранные им материалы: 31 августа – протоколы ИК русского духовенства и мирян и рапорт начальника городской милиции Тифлиса Качухова⁴, а 8 сентября копию «сношения» с митрополитом Леонидом⁵. Местоблюститель католикоса объяснял, что «никакого беззакония не было», епископ Григорий выехал в Москву, дом пустовал, и грузины заняли его по праву, так как Грузинского экзархата больше не существует. «Вселение» произошло в присутствии милиции, двери не взламывали, и «никаких эксцессов и арестов, как о сем писалось в газетах» не было⁶. Начальник милиции Качухов в своем рапорте от 24 августа 1917 года на имя члена ОЗАКОМ Чхенкели заявил, что накануне к нему обратился митрополит Леонид с просьбой командировать «правомочное лицо» для описи имущества дома «бывшего» экзарха, а также «прислать достаточную для ограждения живущих ныне в этом доме лиц охрану». Ссылаясь на принятые Временным правительством «Основные начала правового положения Грузинской

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 49–51. Документ именовался «Подробное изложение очевидцев насильственного занятия экзаршеского дома грузинским духовенством и мирян с участием чинов городской милиции и помощника начальника милиции», подписал «писарь Басов».

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 97 об.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 39, 50.

⁶ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 56–57.

церкви в Российском государстве»¹, Леонид заявил, что теперь «должность экзархов Грузии упразднена», здание освободилось и фактически, и юридически, и, как приобретенное в 1849 году на средства Грузинского церковного казначейства, переходит к ВУГЦ для размещения будущего католикоса-патриарха. На нижнем этаже, по мнению местоблюстителя, можно временно поселить и представителя Русской церкви до тех пор, пока не закончится распределение церковного имущества². Как писал Качухов, в 5 часов вечера того же дня он командировал в дом экзарха одного из своих помощников, «уведомив предварительно об этом председателя Краевого центра Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и «уполномоченного члена Особого закавказского комитета» (кого именно – не уточнялось). Прибыв на место, милиция приняла следующие меры: «в целях охранения имущества, впредь до размежевания русско-грузинских церковных интересов, опечатала Крестовую церковь при Экзаршем доме, в коей хранятся драгоценности, привела в известность все имущество, принадлежащее лично бывшему экзарху Грузии Платону, сложила таковое в отдельную комнату и также опечатала». Опечатали в том числе и комнату со всей документацией и несгораемым сундуком, так как эконо́м Серафим «категорически отказался указать имущество принадлежащее дому, приходно-расходные книги и кассу с деньгами и ценными бумагами». Далее Качухов в своем рапорте принялся всячески сгущать краски, перечисляя сведения, очерняющие обитателей здания. Во-первых, по словам Качухова, иеромонах Серафим «покушался положить себе в карман два больших свертка с деньгами», вынутых им из несгораемого сундука³, но был вовремя замечен. Ввиду этого над ним установили «особо бдительный надзор, в целях предупреждения расхищения церковного имущества». Во-вторых, имелось характерное для 1917 года обвинение в промонархических симпатиях прежнего владельца здания, так

¹ Так в документе. На самом деле правила именовались «Временными», а не «Основными». См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 140.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–2.

³ Согласно отчету Серафима, ключи от кассы он заблаговременно оставил в Исполнительном комитете закавказского русского духовенства и мирян. Если так, он не мог открыть несгораемого сундука и вынуть деньги. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 95 – 97 об.

как на стенах гостиной и других комнат «обнаружено» 5 портретов представителей дома Романовых (Александра III, Марии Федоровны, Николая II, царевича Алексея и Николая Николаевича). И напоследок начальник милиции отметил, что в момент появления его сотрудников в гостях у иеромонаха Серафима находились «два гражданина и две монашки Момкадского монастыря. Указанные лица сидели за столом и вместе с монахами распивали вино»¹. Подобное описание моральной нечистоплотности жителей дома, конечно же, не может не наводить на мысль, что действия милиционеров все же не были вполне законными, раз их понадобилось подкреплять таким образом. А сообщение Качухова о том, что 23 августа никто в доме экзарха не арестовывался, и всем, находившимся в здании, предоставили свободный выход, опровергается данными других источников, и, скорее всего, совершенно не соответствовало действительности². Последняя фраза рапорта звучит следующим образом: «Принятие милицией мер к составлению описи имущества санкционировано председателем Особого закавказского комитета В.А. Харламовым»³. Этим, видимо, подразумевалось, что всякая дальнейшая ответственность за эксцессы межцерковного конфликта перекладывалась с милиции на вышестоящее руководство.

Комментируя произошедшее, грузинские газеты представляли ситуацию, как будто ничего особенного не случилось, и просто информировали читателей о переселении митрополита Леонида. При этом они дружно пересказывали сюжет о застигнутых в экзаршем доме монахинях и портретах Романовых на стенах в покоях Платона⁴. «Кавказское слово» вообще перевернуло все с ног наголову, сделав основной акцент именно на «контрреволюционности» экзарха⁵.

Сам митрополит Леонид отправил в Петроград министру исповеданий А.В. Карташеву длинную объяснительную телеграмму. По версии преосвященного,

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 2-2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Республика. 1917. 25 августа; Возрождение. 1917. 25 августа; Тифлисский листок. 1917. 25 августа.

⁵ Кавказское слово. 1917. 25 августа.

«произошло вступление законного владельца в принадлежащий ему пустующий дом в присутствии законной власти с соблюдением необходимых формальностей. Дом этот куплен на средства грузинской церкви для проживания в нем экзархов Грузии. Раз после утверждения грузинской автокефалии экзархов Грузии больше не существует, он естественно должен отойти к тому кто отныне будет заменять экзархов...» Далее Леонид просил скорейшей присылки в Тифлис правительственной разграничительной комиссии¹.

Очевидно, органы Временного правительства оказались не в состоянии воспрепятствовать произошедшей экспроприации, поскольку ВУГЦ поддерживала часть представителей власти и местное население. Более того, грузины, по всей видимости, воспользовались разногласиями внутри самого ОЗАКОМ: Качухов упоминал, что один из членов Комитета был проинформирован о готовящейся акции. Видимо, речь шла о сочувствовавшем ВУГЦ Чхенкели. С другой стороны, юридически статус дома экзарха являлся неопределенным, его еще должна была рассмотреть правительственная разделительная комиссия. И хотя события 23 августа носили характер произвола со стороны грузин, тем не менее, русское духовенство также не имело оснований считать здание исключительно своим. Возможно, в том числе и это удерживало правительство от принятия каких-либо решительных мер.

25 августа митрополит Платон выступил на Поместном Соборе, заявив, что «мы не имеем права уступить никому и ничего из имущества, принадлежащего православной церкви на Кавказе». На это товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский ответил, что такие методы грузин недопустимы и Министерство исповеданий примет все возможные меры, чтобы не допустить подобных происшествий в будущем. Однако Котляревский добавил, что делить имущество все-таки необходимо, для чего в скорейшем времени будет создана согласительная комиссия². Необходимо также добавить, что русские

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 55 об.

² День. 1917. 26 августа; Ростовская речь. 1917. 27 августа.

«населенники» продолжали жить на первом этаже экзаршего дома в Тифлисе как минимум до начала 1918 года.

События, связанные с захватом дома экзарха, заставили министра исповеданий вплотную заняться вопросом о размежевании церквей. 2 сентября он убедил заместителя премьера М.И. Терещенко вне правительственного заседания подписать указ о создании Особой комиссии по разделению церковных имуществ на Кавказе во главе с членом Юридического совещания профессором Б.Э. Нольде при правителе дел чиновнике особых поручений Министерства исповеданий С.Д. Бондаре. В состав комиссии также должны были войти по три представителя от Грузинской церкви и ИК закавказского комитета русского духовенства и мирян¹. В телеграмме от 6 сентября 1917 года на имя митрополита Леонида Карташев подчеркнул, что не Поместный Собор, а Временное правительство будет решать вопрос разделения церковного имущества и капиталов на Кавказе: «собор русской церкви не коснется разграничения грузинско-русских интересов». Министр просил ВУГЦ прислать в столицу трех представителей для участия в работе правительственной Особой комиссии, которая «начнет работу в Петрограде, закончит в Тифлисе. Только комиссия решит судьбу учебных заведений. Захваты и самовольное распоряжение недопустимы»². В тот же день, 6 сентября, Карташев отправил председателю ОЗАКОМ Харламову сообщение: «убедите грузин не безумствовать в захватах и беззакониях. Пусть верят в правосудие правительственной комиссии и беспристрастие Временного правительства. Комиссия учреждена»³. Таким образом, министр пытался сделать то, что не удалось Бенешевичу: развести две спорящие стороны, представив правительство высшим и справедливым арбитром.

7 сентября 1917 года постановление о создании разделительной Особой комиссии утвердило Временное правительство в своем полном составе⁴. Постановлением от 14 сентября правителем дел Особой комиссии назначили

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 22.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 7.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 4. С. 63–64.

прапорщика М.В. Николаева, так как Бондарь перешел на службу в Департамент инославных и иноверных исповеданий на должность заместителя директора¹. 10 сентября Карташев направил управляющему делами Временного правительства проект указа о выделении для комиссии Нольде 13 400 рублей, которые предполагалось потратить на ее работу в течение двух месяцев, включая «предстоящие неизбежно» поездки на Кавказ². 11 октября Совет товарищей министров постановил выделить указанную сумму из наличных средств Государственного казначейства³. В Особую комиссию также передали все материалы о положении дел в экзархате⁴ и подробную смету выдаваемых на Кавказ из государственного бюджета кредитов, которые предстояло поделить между католикосом и русским экзархом (общая сумма составляла в 1917 году 1 606 234,22 руб.)⁵ Таким образом, все предварительные мероприятия для начала работ комиссии были проведены.

Тем временем ситуация продолжала обостряться. В конце августа 1917 года заместитель местоблюстителя католикоса епископ Горийский Антоний направил в духовно-учебные заведения (Тифлисскую духовную семинарию, Тифлисское мужское духовное училище, Тифлисское епархиальное женское училище и церковно-учительскую школу при Бодбийском монастыре) предписание «немедленно приступить к работам по национализации». В документе сообщалось, что обер-прокурору уже направлена телеграмма об «отозвании» из католикосата всех русских преподавателей, не знающих грузинского языка. В Тифлисском епархиальном женском училище постановлением ВУГЦ оказались уволены председатель педагогического совета осетин протоиерей Христофор Джигоев (владевший грузинским языком) и член педсовета священник Иоанн Соломонов⁶. Предполагалось провести подобную «национализацию» и среди

¹ Там же. С. 167; Вестник Временного правительства. 1917. 3 октября.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 40–41.

³ Там же. Л. 37 (Журнал заседаний Малого совета № ССХII)

⁴ Там же. Л. 38 – 38 об.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 166. Л. 14–17.

⁶ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 163. Л. 5

учащихся. По подсчетам ИК закавказского русского духовенства и мирян, в результате этого на улице могли оказаться 25% воспитанниц епархиального женского училища, 55% воспитанников мужского училища и 65% обучаемых в Бодбийской церковно-учительской школе. Исполнительный комитет заявлял, что русская прислуга тоже теряет рабочие места в учебных заведениях, и что «такой националистический шовинизм... выступает за пределы государственной терпимости даже в рамках самых широких демократических свобод»¹.

Безапелляционные действия грузин вызывали «шум» даже там, где, казалось бы, все уже было решено. Так, в Бодбийский женский монастырь, о переходе которого к ВУГЦ стороны договорились, 27 августа явилась группа грузинского духовенства и мирян в сопровождении нотариуса, огласившая предписание митрополита Леонида «немедленно избрать» игуменьей обители Нину Вагнадзе, настоятельницу Теклятского монастыря. 30 монахинь подписались «за», остальные смутились подобной постановкой вопроса и отказались².

8 сентября 1917 года на Священном Соборе Грузинской церкви состоялось избрание католикоса-патриарха. Им стал уже посещавший Тифлис в апреле 1917 года епископ Кирион (Садзаглишвили), получивший 230 избирательных голосов против 206 неизбирательных (у митрополита Леонида – соответственно 230 и 218 голосов). Далее состоялись выборы других грузинских архиереев: епископ Горийский Антоний (Гиоргадзе) стал митрополитом Кутаисским, архимандрит Амвросий (Хелая) – епископом Чкондидским, епископ Винницкий Давид (Качахидзе) – епископом Урбнисским, а епископ Алавердский Пирр (Окропиридзе) возглавил теперь уже самостоятельную Алавердскую епархию. Собор назначил своими «комиссарами Синодальной конторы» протоиерея Н. Талаквадзе и некоего Капанадзе, а «комиссаром канцелярии экзарха» – Иванецкого. Новоизбранный католикос тут же определил своим ордером на пост

¹ Там же. Л. 6 – 6 об.

² Там же. Л. 5 об.

председателя Тифлисского духовного училища архимандрита Иоанна (Марчиева)¹.

Необходимо дополнить, что католикос Кирион числился до 1 августа преосвященным Полоцким и Витебским. За полтора месяца до выборов, 26 июня 1917 года, он обратился к церковным властям с прошением об увольнении его с должности с 1 августа ввиду «расстроенного» здоровья. Вслед за этим 12 июля Кирион прислал в Синод телеграмму, где заявил, что по совету врачей ему «необходимо отправиться на юг»². Скорее всего, одной из причин оставления им кафедры являлось желание вернуться в Грузию и участвовать в устройстве автокефальной церкви. О состоявшемся избрании Священный Собор телеграммой проинформировал А.Ф. Керенского и А.В. Карташева³. В соответствии с действующими «Временными правилами...» 25 сентября 1917 года епископа Кириона на посту католикоса-патриарха утвердило Временное правительство⁴, а 1 октября состоялась торжественная интронизация.

В то же время, Временное правительство 6 октября утвердило «Положение об устройстве Русской православной церкви на Кавказе»⁵, уже принятое Синодом в июле и переданное обер-прокурору для представления верховной власти. Согласно документу из всего русского православного населения Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской, Эривенской, Кутаисской и Черноморской губерний, а также Карской, Батумской и Закаспийской областей образовывался экзархат русской церкви во главе с митрополитом Тифлиским⁶. Указывалось, что в экзархат по своему желанию могут входить и другие православные приходы и отдельные лица, не принадлежащие к картвельскому племени. Местопребыванием русского экзарха назначался Тифлис, а полный его титул

¹ Егоров В.Н., священник. Указ. соч. с.32.

² См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 96

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 55 об.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 4. С. 212.

⁵ См. копию данного постановления Временного правительства: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 30 – 30 об. А.В. Карташев направил документ в Юридическое совещание еще 8 сентября. См.: ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 – 3 об.

⁶ Церковные ведомости. 1917. № 48–49. С. 432.

должен был звучать как «митрополит Тифлиссский, экзарх Кавказский». В его распоряжение переходили все кредиты и имущество, принадлежавшие ранее Грузинскому экзархату и не перешедшие в ведение Грузинской православной церкви. Раздел церковного имущества и активов на Кавказе поручался Особой комиссией во главе с бароном Б.Э. Нольде¹. После заседания правительства Карташев тут же телеграммой сообщил об утверждении «Правил» экзарху Платону, а также добавил, что новое название Синодальной конторы – «Кавказская Святейшего Синода контора»².

На ускорение принятия данного постановления правительства, возможно, повлияла телеграмма Платона, отправленная им из Москвы на имя Керенского 4 октября 1917 года. Митрополит жаловался на притеснения со стороны грузин, арест тифлисским ВРК протоиерея С. Городцова, и «окончательное стеснение» русской братии в захваченном экзаршеском доме в Тифлисе. «Семь месяцев мы страдаем не видя конца страданиям и не зная причин их, – писал Платон. – Представитель русской иерархии на Кавказе не имеет храма и крова»³.

Продолжалась «схватка» за синодальную контору в Тифлисе. Указом от 20 сентября 1917 года католикос Кирион «согласно декрету от 25 июля» объявил о ее упразднении и превращении в орган управления Грузинской церковью. Однако члены конторы отказались подчиниться распоряжению, исходя из того, что в соответствии с июльским постановлением Синода, контора являлась учреждением русского Кавказского экзархата. Это же закрепило и постановление Временного правительства от 6 октября 1917 года, но официальное опубликование документа запаздывало⁴. 10 октября «комиссары совета католикоса» не пустили русских членов синодальной конторы на заседание, а 12 октября Синод постановил уволить от присутствия в ней давно уже не являвшихся членом-грузин, перестав выплачивать им жалование из синодальных

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 55 об.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 160. Л. 3.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 63 об.

средств¹. Вместо них оклады назначили «приглашенным в контору» и реально работавшим в конторе епископу Бакинскому Григорию и протоиерею Иосифу Орехову². Но имелись еще и рядовые служащие-грузины (например, секретари А. Давыдов и С. Церители), которые выступили на стороне католикоса. Казначей конторы Давид Нахуцаров даже отказался выплачивать содержание эконому дома экзарха Серафиму, мотивируя это тем, что дом отошел к Грузинской церкви. Нахуцаров самовольно передал деньги Кириону, а когда Серафим обратился к католикосу за зарплатой, тот ответил, что иеромонах в его штате не числится. Члены Кавказской конторы срочно назначили другого исполняющего обязанности казначея, которому приказали выплатить Серафиму причитающуюся ему сумму³. Данный случай был не единичный: настоятель Марткабского Св. Антония монастыря иеромонах Климент сообщал, что его казначей самовольно передал в октябре в распоряжение католикоса около 4000 рублей⁴.

Министерство исповеданий пыталось решать проблемы притесняемого русского духовенства и работников церковных учреждений на Кавказе. Русским служащим духовной семинарии в Кутаисе «Сибирскому, Вишневному и Иваненко», лишенным зарплаты по вине грузин, министр исповеданий телеграфировал 6 сентября, что жалование им будет возмещено «за счет незаконно лишивших его вас»⁵. Не имея на деле возможности освободить занятый грузинами тифлисский Сионский собор, Карташев 17 сентября просил протопресвитера армии и флота Г.И. Шавельского официально предоставить митрополиту Платону для богослужений Александро-Невский Военный Собор в Тифлисе, так как он «соответствует величию Православной Российской церкви»⁶.

¹ Там же. Л. 57 об.

² Там же. Л. 61 – 61 об.

³ Там же. Л. 63 об. Русские продолжали проживать на первом этаже экзаршего дома и в 1918 году. 14 января 1918 года Синодальная контора в Тифлисе запросила Синод выделить эконому Серафиму дополнительное жалование 4000 рублей, так как католикос Кирион не только запретил выдавать ему дрова, но и затребовал у всех арендаторов дома (в аренду сдавались Ахалсопельский сенокос и участки земли по Воронцовской улице в Тифлисе) передавать плату Грузинской церкви. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 57.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 8.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 237; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 44.

Со своей стороны изучением ситуации в Грузии занялся Поместный Собор. В его составе сформировали специальный отдел об устройении Православной церкви в Закавказье под руководством архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия (Абашидзе). 4 сентября отдел постановил собрать все документы по делу, чтобы рассмотреть его «во всей полноте канонических и исторических данных», поручив теперь уже помощнику секретаря Собора Бенешевичу составить соответствующий доклад. К присутствию в заседаниях отдела пригласили также приехавшего в Москву прокурора Грузино-Имеретинской синодальной конторы М.Г. Попова¹.

Тем не менее, основное внимание как членов Собора и Синода, так и чиновников Министерства исповеданий было приковано к Особой комиссии по разделению церковных имуществ на Кавказе. Из членов ИК закавказского русского духовенства и мирян, находившихся в Москве, в нее избрали М.Г. Попова, В.Н. Егорова и А.П. Разумовского: 11 сентября Карташев сообщил эти имена барону Нольде². 23 сентября экзарх Платон телеграммой попросил епископа Эриванского Дамиана получить подтверждение их мандата у «других членов Исполнительного комитета»³, после чего 28 сентября полномочия Попова, Егорова и Разумовского закрепил своим определением Святейший Синод⁴. 3 октября 1917 года С.А. Котляревский подписал им специальные удостоверения для проезда из Москвы в Петроград⁵. Таким образом, для начала работ не хватало только представителей грузин.

Но с этим возникла проблема. Прежде всего, ВУГЦ еще в июле проинформировало русских коллег, что «Согласительная комиссия», по их

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 92.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 57. Синод первоначально планировал направить в комиссию не В.Н. Егорова, а священника А.Г. Ногатырева, и даже издал 12 сентября соответствующее определение. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 24. Однако Ногатырев отказался (либо сам, либо согласившись с постановлением членов ИК закавказского русского духовенства и мирян).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 281. Л. 94.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 45 – 45 об. Эти кандидатуры были определены Синодом еще 12 сентября 1917 года.

⁵ Там же. Л. 47–48.

мнению, должна находиться в Тифлисе¹. Однако ее глава, Б.Э. Нольде, заявил, что не собирается покидать столицу, так как «обстановка и настроения» на Кавказе «не давали уверенности в спокойной работе»². Тогда грузины, ощущая, что Временное правительство все меньше и меньше способно контролировать ситуацию в стране, стали затягивать с отправкой своих делегатов. При этом между министром исповеданий и руководством Грузинской церкви шла активная переписка. 12 сентября Карташев направил в Тифлис свои пожелания «успеха в трудах» открывающемуся Собору Иверской церкви», а также высказал уверенность, что последний «пойдет по пути, приличествующем церкви в размежевании с русской церковной властью»³. На следующий день 13 сентября 1917 года Карташев попросил руководство Грузинской церкви «срочно сообщить», когда выезжают в Петроград три представителя для участия в Особой комиссии⁴. 2 октября министр исповеданий телеграммой еще раз запросил католикоса Кириона об этом и добавил, что в случае неявки грузин до 20 октября комиссия «будет вынуждена» приступить к своим занятиям без них⁵. Реакции не последовало, а грузины предприняли попытку «национализации» Тифлисской духовной семинарии. В ответ на это Министерство исповеданий постановило «закрывать кредиты», выдаваемые на Кавказ, до решения вопроса Особой комиссией⁶.

Со своей стороны представители Русской церкви наоборот всячески торопили правительство с началом работ комиссии. 12 октября первоприсутствующий в Синоде митрополит Платон обратился к Карташеву с запиской, в которой просил «о скорейшем содействии к [ее] скорейшему учреждению»⁷. Ожидание окончилось 17 октября 1917 года, когда католикос-

¹ Там же. Л. 25 об.

² ВЦОВ. 1917. 25 октября.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 50.

⁶ ВЦОВ. 1917. 25 октября.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 351 – 351 об.

патриарх Кирион телеграммой проинформировал министра исповеданий, что грузины отказываются от участия в Особой комиссии и не будут направлять в нее своих представителей¹. После этого 20 октября 1917 года Временное правительство постановило созвать комиссию в другом составе – вообще без приглашения духовенства – под председательством Б.Э. Нольде, с участием сенаторов С.В. Безобразова и З.Д. Авалова при правителе дел М.В. Николаеве². Возможно, подразумевалось, что князь Авалов (Авалишвили) – будет представлять интересы грузин³.

21 октября секретарь Поместного Собора В.П. Шеин сообщил его членам, что грузинами образована своя собственная комиссия для распределения имущества, «без ведома Православной церкви, вопреки постановлению Временного правительства и Собора». Вслед за этим священник В.Н. Егоров выступил с критикой правительственных действий, из-за медлительности которых «грузинский мятеж» «продолжается и совершается»: «движение закончилось избранием патриарха, который не только получил утверждение Временного правительства, но и коронован». Егоров отметил, что в новой комиссии, состоящей из барона Нольде и двух сенаторов, вообще нет представительства Русской церкви, и «у этой комиссии нет и материалов для суждения об этом деле. Будет проведен дележ имущества Русской церкви без ее ведома». По инициативе священника Поместный Собор постановил незамедлительно обратиться через министра исповеданий к правительству с протестом, о чем уже 24 октября проинформировали А.В. Карташева⁴. Кроме того, Собор решил создать свою «разделительную» комиссию под председательством В.Н. Бенешевича, материалы которой передать потом Б.Э. Нольде⁵. В этот момент в столице произошло

¹ ВЦОВ. 1917. 25 октября.

² Там же. По данным Собора, в комиссии также участвовал секретарь Кавказской синодальной конторы А.А. Давыдов (грузин). См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 331.

³ Глава «грузинской колонии» Петрограда князь З.Д. Авалов также являлся автором книги «Присоединение Грузии к России», впервые изданной в Санкт-Петербурге в 1901 году и переизданной в 1906. См.: Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 2009.

⁴ ВЦОВ. 1917. 3 ноября; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 63 – 63 об.

⁵ Там же.

Октябрьское вооруженное восстание, и Временное правительство, на которое так рассчитывали члены Собора, перестало существовать.

Таким образом, мы видим, что прямым следствием ослабления государственной власти в 1917 году стали центробежные тенденции внутри Православной Российской Церкви. В условиях, когда государство и церковь все еще номинально оставались единым целым, Временному правительству пришлось взять на себя регулирование вопросов, связанных с автокефальным движением. Последовавшие события показали, что его способности и возможности в этом оказались крайне ограниченными.

3.3. Обер-прокуратура В.Н. Львова: церковные реформы (апрель-июль 1917 г.)

Одним из важнейших аспектов государственно-церковных отношений в России весны–лета 1917 года являлись мероприятия правительственных органов – обер-прокурора и Святейшего Синода – в отношении набравшей обороты «епархиальной» (или «церковной») революции. С марта 1917 года на местах стали проводиться многочисленные собрания сначала городского, а потом и сельского духовенства с привлечением верующих мирян. В апреле–мае по стране прокатилась череда епархиальных съездов, в ходе которых создавались параллельные (выборные) органы управления епархиями, чаще всего вступавшие в конфликт с правящими архиереями и духовными консисториями. Поток делегаций и требований с мест устремился в столицу, обрушившись на В.Н. Львова и обновленный Синод. И, несмотря на весь реформаторский запал обер-прокурора, даже ему пришлось прилагать усилия для обеспечения устойчивости церковной организации, и – в некоторых случаях – защищать архиереев от низшего духовенства и мирян, требующих отставки преосвященных.

Вместе с тем, все это не мешало Львову пытаться концентрировать в своих руках церковную власть. Говоря о его положении во Временном правительстве, необходимо констатировать, что осуществление государственной политики во внутрицерковной сфере весной–летом 1917 года сосредоточилась почти исключительно в руках обер-прокурора. Это объяснялось, прежде всего, огромным объемом самых разнообразных вопросов, с которыми с первых же своих заседаний столкнулось правительство. Организация его работы происходила по ходу дела, что приводило к неразберихе: решения принимались в атмосфере чрезвычайной спешности¹. Именно этим объясняется тот факт, что премьер князь Г.Е. Львов и другие министры предоставили В.Н. Львову широкую возможность инициативы. Из-за конфликта с Синодом в марте–апреле 1917 года

¹ Гайда Ф.А. Механизм власти Временного правительства (март–апрель 1917 года) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 144.

обер-прокурор все же регулярно оповещал других членов Временного правительства о проблемах своего ведомства. Так, за первые два месяца после Февральского переворота обер-прокурор выступил на правительственных заседаниях с 10 докладами¹ и внес в Канцелярию Временного правительства не менее четырех представлений по будущим церковным законам².

Со второй половины апреля ситуация изменилась. Начало работ летней сессии Синода (первое заседание состоялось 25 апреля 1917 года) совпало с первым правительственным кризисом, в результате которого 5 мая образовалась «Первая коалиция». В нее вошли представители социалистических партий, в программах которых имелось требование отделения церкви от государства. Усилились позиции А.Ф. Керенского, который теперь председательствовал на заседаниях правительства в случаях отсутствия князя Львова³. Однако, министры-социалисты не спешили реализовывать свои программные положения в отношении религии, да и в целом интерес нового состава правительства к церковным проблемам ощутимо снизился. В результате этого сохранивший свой пост В.Н. Львов в значительной степени сократил отчетность перед верховной властью. В мае–июле обер-прокурор выступал в правительстве с докладами по своему ведомству всего 3 раза, главным образом по вопросу о награждении духовенства за боевые отличия⁴. Все постановления Синода по церковному реформированию, вышедшие в апреле–июле 1917 года, не получили официальной санкции со стороны Временного правительства и утверждались только обер-прокурором.

¹ Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. Том 1. Март–апрель 1917 года. М., 2001. С. 43, 71, 100, 107-108, 155, 165-166, 178, 190, 291, 347.

² 16 марта 1917 года – законопроект об отмене ограничений в правах представителей духовенства, добровольно или по суду снимающих с себя духовный сан (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 179); 25 марта – представление об увеличении основного оклада жалования учителям церковно-приходских школ (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 195); 27 марта – законопроект об автокефалии Грузинской православной церкви (Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. С. 178); 25 апреля – предложение об изменении порядка назначения пенсий военному духовенству (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1442).

³ Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. Том 2. Май–июнь 1917 года. М., 2002. С. 46, 234, 251, 270, 315.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 2. С. 55–56, 231; Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. Т. 3. Июль–август 1917 года. М., 2004. С. 23.

При этом Львов противился и прямым контактам членов Синода с правительством. Первые трения с иерархами на этой почве возникли у обер-прокурора сразу после окончания апрельского кризиса. 5 мая епископ Уфимский Андрей и протоиерей Ф.Д. Филоненко стали настаивать на том, что новый Синод должен обязательно представиться Временному правительству, указом которого он был призван. Львов ответил, что «он сочувствует этому и доложит об этом Временному правительству», но реально ничего не предпринял¹. Обер-прокурора выручил архиепископ Финляндский Сергей, который возразил, что необходимо дождаться приезда с Кавказа первоприсутствующего в Синоде экзарха Платона. Несмотря на это, епископ Андрей все же добился в первых числах мая личной встречи с Керенским, и заявил ему, что «...отделить в России государство от церкви – это значит отделить народ от его совести, лишить его жизнь всяких нравственных устоев»². Керенский внешне согласился с Андреем, ответив, что власть должна находиться в руках «безукоризненно чистых» людей, понимающих «религиозную психологию народа»³.

Когда 25 мая 1917 года (уже после прибытия в Петроград архиепископа Платона) иерархи предложили обер-прокурору просить правительство издать указ о введении в состав Синода избранного архиепископа Петроградского Вениамина (Казанского), Львов заявил, что он «ни за что не допустит унижения Св. Синода перед Временным правительством». Обер-прокурор отклонил и инициативу архиепископа Платона о введении Вениамина в Синод постановлением самого Синода: Львов заявил, что он этого постановления не подпишет. После заседания обер-прокурор объяснил епископу Андрею и протопресвитеру Любимову свое нежелание допустить обращение от имени Синода к правительству тем, что оно «в значительной мере состоит из людей неверующих, относящихся даже прямо с презрением к церкви»⁴. Возможно, здесь отчасти сыграло свою роль и недовольство Львова избранным епархией архиепископом Вениамином. Однако,

¹ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 63.

² Заволжский летописец. 1917. № 16. С. 438.

³ Там же. С. 439.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 73–74.

в любом случае, обер-прокурор стремился оставить все сношения с правительством за собой, а внимание Синода сосредоточить на решении собственно церковных проблем.

Не была реализована и идея привлечения к участию в высшем церковном управлении думских организаций. «Совещание членов Государственной думы по делам Православной церкви» после 14 апреля 1917 года перестало быть интересным для обер-прокурора, так как выполнило свою основную миссию. Вместе с тем, А.В. Карташев утверждал, что «Совет по делам Православной церкви» прекратил свою деятельность только в июле 1917 года, когда многие его участники перешли в открывшийся тогда Предсоборный Совет¹. В последнем числились 4 депутата IV Государственной думы: А.В. Смирнов и Ф.Д. Филоненко как члены Синода, а также Е.П. Ковалевский и В.П. Шеин из числа лиц, приглашенных Синодом². Возможно, эти четверо и есть те самые «многие члены» «Совещания», о которых говорил Карташев.

Информация о проведении частных заседаний депутатов Государственной думы с обсуждением церковных вопросов в конце апреля – начале мая 1917 года имеется и в других источниках. Лидер обновленческого движения А.И. Введенский писал, что «Государственная дума, оказавшаяся не у дел, устраивает ряд заседаний по церковным вопросам». По его сообщению, в заседании 20 апреля обсуждался вопрос об удалении прихожанами, уездными и губернскими исполнительными комитетами священников. «Совещание признало совершенно ненормальным и недопустимым самовольное удаление священников, и особенно арест без суда и следствия. Было решено через Синод обратиться с призывом к губернским комитетам, а через них и к уездным, чтобы впредь не допускались подобные действия»³. О связи «Совещания членов Государственной думы по

¹ Карташев А.В. Революция и собор 1917–18 гг. Париж, 1942. С. 82. Здесь имеется некоторая неточность, поскольку последний начал свою работу уже 12 июня (а не июля) 1917 года.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 1. Москва, 1918. С. 5–6. Однако, видимо, Е.П. Ковалевский на деле не участвовал в заседаниях Предсоборного Совета, поскольку он не упоминается в числе его членов, включенных в состав Поместного Собора. См.: там же. С. 29–30.

³ Введенский А.И. Церковь и государство (очерк взаимоотношений церкви и государства в России в 1918–1922). Москва, 1923. С. 35–36. Как уже говорилось, что 18 мая глава правительства князь Г.Е. Львов действительно отправил губернским комиссарам подобный циркуляр.

делам Православной церкви» с теми думскими заседаниями, которые регулярно проводились под председательством М.В. Родзянко, свидетельствует сообщение в «Вестнике Временного правительства» от 23 апреля 1917 года. Там говорилось, что накануне состоялось думское собрание с участием М.А. Караулова, П.П. Гронского, И.П. Демидова и других, где «священник Филоненко сделал доклад о работах Синода»¹. Вместе с тем, в материалах других заседаний под руководством Родзянко церковная тематика отсутствует². Не указано «Совещание» и среди учреждений ВКГД, «официально» перечисленных в первом номере его «Известий»³.

Еще об одном «церковном» заседании думцев повествует запись в дневнике протопресвитера Любимова. По его сообщению, 4 мая состоялось собрание «думского духовенства», по поручению которого Ф.Д. Филоненко 5 мая выступил в Синоде с предложением разрешить работать в городских или сельских учреждениях лицам духовного сана, вынужденным оставить службу по постановлениям сельских или городских приходских приговоров. Синод это определение принял. Далее Филоненко высказался за распространение данного постановления на всех представителей духовенства, даже находящихся на службе, что позволило бы им иметь дополнительный заработок и улучшить материальное положение, а также за разрешение носить на этой сторонней светской службе светское платье. При этом Филоненко «ссылался на думское духовенство и на мнения членов Государственной Думы вообще, причем называл фамилии и имена известных ему сотоварищей по Думе». Однако А.В. Смирнов выразил категорическое несогласие: «Я не могу себе представить, чтобы с этим примирились даже, например, многие члены Думы Государственной». В ответ Филоненко заявил, что «не ожидал подобных речей от А.В. Смирнова»⁴. И

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля. Необходимо отметить, что, поскольку полноценные занятия новой сессии Синода начались только 25 апреля, Филоненко мог говорить лишь о планируемых мероприятиях.

² См. Известия ВКГД. 1917. 27 апреля – 28 августа; Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.–Л., 1932.

³ Известия ВКГД. 1917. 27 апреля.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 54–58.

Смирнов, и Филоненко апеллировали к состоявшемуся накануне заседанию, являвшемуся, скорее всего, ни чем иным как «Совещанием членов Государственной думы по делам Православной церкви», причем оно выступило уже в роли законосовещательного органа при Синоде.

Имеется еще одно свидетельство о задуманном, но не реализованном начинании в центральном аппарате Ведомства православного исповедания, связанном с привлечением Думы. 21 марта 1917 года председатель епархиального съезда Ставропольской губернии Иоанн Гревцов проинформировал, что вместо существовавшего ранее назначенного архиереем ревизионного комитета съезд избрал трех лиц из своей среды и просил благословить их работу¹. Письмо долго оставалось без ответа, хотя еще 20 марта 1917 года вышло постановление Временного правительства о введении в состав общих присутствий всех учреждений ведомства Государственного контроля представителей губернских земств и губернских (областных) городов, а в Совет государственного контроля – по одному представителю от обще-земского и обще-городского союзов². 21 апреля В.Н. Львов составил «предложение Св. Синоду», подписанное также главой синодального Контроля М.А. Дьяконовым, в котором настаивал на необходимости утвердить постановление Ставропольского съезда и поручить другим епархиальным съездам приглашать «к участию в ревизионной деятельности епархиальных комитетов представителей от епархии». Кроме того, ссылаясь на постановление правительства от 20 марта 1917 года, обер-прокурор предложил пригласить в состав общего присутствия Контроля при Святейшем Синоде двух представителей «из состава членов церковного совещания при Государственной думе» – зачеркнуто, и далее приписано «от Государственной думы из числа духовных... ее членов...»³ К сожалению, судьба этой инициативы неизвестна.

¹ РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

² ВЦОВ. 1917. 11 апреля.

³ РГИА. Ф. 801. Оп.1. Д. 21. Л. 3–4. Ввиду этого представления члены Тверского епархиального ревизионного комитета даже запросили 27 апреля 1917 года Синодальный контроль, могут ли они продолжать свою деятельность в старом составе, так как недавно прошедший съезд не успел провести их пере выборы. См.: там же. Л. 7.

Прибывшие на летнюю сессию епископы и представители белого духовенства оказались более сговорчивыми и готовыми к проведению церковных реформ. Отчасти это было связано с самим фактом их назначения Временным правительством (которое могло так же быстро их отправить обратно в епархии), но в значительно большей степени – с происходящими в церковной жизни событиями¹. 25 апреля, когда большинство иерархов уже собрались в Петрограде, перед ними выступил обер-прокурор. Оправдываясь за роспуск зимней сессии Синода, он заявил, что не может пока отказаться от вмешательства в церковные дела и «не проявлять здесь даже, пожалуй, некоторого самовластия». Причиной этого Львов назвал поведение православного епископата, стремящегося узурпировать власть в церкви². Выступивший вслед за обер-прокурором протопресвитер Любимов приветствовал его «искреннее пожелание поскорее раскрепостить Русскую православную церковь и предоставить ей полную свободу самоопределения и развития созывом Всероссийского Поместного Собора»³. На зачитанный после этого архиепископом Сергием акт зимней сессии о необходимости составления высшего церковного управления на канонических основаниях Синод никак не реагировал⁴. Символом примирения церковной и правительственной власти стало перенесение заседаний Синода в другую залу. Кроме того, если раньше иерархи сидели за одним длинным столом, а обер-прокурор со своим товарищем за меньшим в стороне, то теперь все сидели «дружно» (с одной стороны стола иерархи, с другой – обер-прокурор и его товарищ)⁵.

29 апреля 1917 года члены Синода утвердили составленное А.В. Смирновым и А.П. Рождественским послание «Ко всем чадам Церкви православной», в котором приветствовался Февральский переворот и выражались

¹ Архиепископ Агафангел (Преображенский) назвал приглашение в Синод «долгом, который необходимо исполнить». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 65. Л. 82.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Карташев А.В. Указ. соч. С. 78.

надежды на освобождение церкви от государственной опеки. Своей первой и неперемнной задачей Синод объявил созыв Всероссийского Поместного Собора, но при этом признавал, что некоторые церковные реформы в русле введения в церкви выборного начала необходимо произвести немедленно¹. Ситуация сама активно подталкивала к этому.

В конце апреля по окончании весенней распутицы по России прокатилась волна епархиальных съездов духовенства и мирян. Уже 28 апреля 1917 года на заседании Синода выступили делегаты с только что с шумом прошедшего Тверского епархиального съезда. Они потребовали утвердить выработанную в Твери систему управления епархией, власть в которой предполагалось передать избранному на съезде совету². Полномочия епископа сводились к тому, что он мог накладывать свое вето на решения совета (в этом случае дело уходило в Синод), а духовную консисторию предполагалось вообще упразднить³. Синод заявил делегатам из Твери, что их постановления «не могут быть признаны Временным правительством», поскольку они «внесут дезорганизацию в Государственное дело». Карташев открыто сравнил решения тверского съезда с «чем-то вроде мародерства в тылу, или действием рабов, спущенных с цепи, хотя, по его же словам, психология такого действия внешне понятна»⁴. Синод постановил как духовную консисторию, так и благочинных в Твери оставить, но контроль за их деятельностью передать епархиальному и благочинническим советам. Утверждение решений последних поручалось местному преосвященному⁵.

Постановления, подобные тверским, принимались на съездах и в других епархиях. Настоящей общественной ревизии подверглись духовные консистории. На съезде в Екатеринославе решили вообще упразднить их или, по крайней мере,

¹ Церковные ведомости. 1917. № 18–19 от 6 мая. С. 102.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 23; Тверской епархиальный съезд духовенства и мирян, Протоколы Чрезвычайного епархиального съезда духовенства и мирян Тверской епархии 20–25 апреля 1917 года. Тверь, 1917.

³ Русское слово. 1917. 23 апреля.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 24.

⁵ Там же. С. 25.

переформировать на выборном начале¹. В своей телеграмме в конце апреля 1917 года члены Тамбовской консистории просили у В.Н. Львова провести срочную ревизию их деятельности, так как епархиальное собрание духовенства Тамбова выразило им недоверие². Состоявшийся в мае Орловский съезд переизбрал членов консистории, после чего у ее секретаря силой отобрали «справочные книги»³. На вопрос Екатеринбургской консистории о том, возможна ли ее совместная деятельность с епархиальным съездом, обер-прокурор однозначно ответил: «совместная деятельность обязательна»⁴. Съезды требовали также переизбрания и более низких ступеней церковной организации: благочинных и отдельных священников.

Реформаторская деятельность Синода была направлена на то, чтобы придать законные рамки движению духовенства и мирян. 29 апреля Синод передал в епархии все дела, разрешение которых могло состояться на местах⁵. 1–5 мая 1917 года вышло определение «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении»⁶. Этим актом Синод легализовывал уже повсеместно происходившие приходские собрания, благочиннические, уездные и епархиальные съезды. Определение признавало законным активное участие в них мирян, а также разрешало создание кружков, союзов и обществ, «по уставам, не встретившим возражений со стороны епископской власти». Устанавливалась четкая выборная вертикаль, по которой благочиннические съезды могли избирать местных благочинных, уездные съезды – членов уездных отделений епархиальных училищных советов и других уездных церковно-административных учреждений, а епархиальные съезды – членов духовных консисторий, епархиальных училищных советов, епархиальных попечительств о

¹ Деяния Екатеринбургского Епархиального собрания представителей клира и мирян Православной Церкви 21 и 22 марта 1917 года. Екатеринбург, 1917.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 30.

³ Rogoznyy P.G. Указ. соч. СПб., 2008. С. 118.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 28.

⁵ Сборник указов и постановлений Временного правительства. 1917 г. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая. С. 306–308; Церковные ведомости. 1917. № 18–19 от 6 мая. С. 105–107.

⁶ Церковные ведомости. 1917. № 16–17. С. 111–114.

бедных духовного звания и остальных епархиальных учреждений. При этом особо оговаривалось, что избранные съездами лица все-таки должны утверждаться либо местным преосвященным, либо Синодом. К определению от 1–5 мая прилагались два «Временных положения»: о епархиальном и благочинническом советах¹. Эти органы, избираемые на 3 года соответственно епархиальным и благочинническим съездами, вовсе не заменяли собою старую церковную администрацию на местах. Определение Синода от 1–5 мая не только не упраздняло институт благочинных и духовные консистории, но и включало их на новых началах выборности в общую структуру епархиального управления².

16–18 мая 1917 года вышло определение Синода «О некоторых изменениях в существующей ныне организации епархиального управления». Объявлялось, что в члены духовных консисторий могут избираться не только лица пресвитерского сана, но также и диаконы, псаломщики и миряне в числе, не превышающем лиц пресвитерского сана. Кроме того, в тех епархиях, где не были созданы епархиальные советы, их функции передавались духовным консисториям под председательством епископа³.

Определениями от 1–5 мая и от 17–21 июня 1917 года вводилась выборность церковно- и священнослужителей⁴. Впрочем, процедура избрания членов причта могла варьироваться по епархиям. Так, Церковно-епархиальный совет в Петрограде выработал 20 и 27 июня дополнительные «Временные правила замещения членов клира при приходских храмах епархии», предусматривавшие две процедуры: или прихожане сразу избирали кандидатуру священника на вакантное место⁵ или заявляли архиепископу о необходимости подыскания кого-

¹ Там же. С. 114–115.

² Там же.

³ Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 141.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 112 (Раздел определения «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении», посвященный замещению прихожанами вакансий священнослужителей); Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191–192 («Временное положение о православном приходе»). Выборность священников отменили постановлением Поместного Собора от 14 (1) апреля 1918 года: после этого они стали назначаться епархиальными преосвященными. См.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.

⁵ Например, 3 июня 1917 года Волковский сельский сход Московской волости Петроградского уезда избрал на освободившуюся священническую должность в Волково-Кладбищенской Воскресенской церкви Г.Н.

то со стороны. В последнем случае размещалось объявление в «Известиях по Петроградской епархии» и в месячный срок собирались заявки на участие в конкурсе. Далее преосвященный утверждал список кандидатов, имея возможность вычеркнуть недостойных, и направлял его для проведения выборов в приходской совет¹.

Разнились по епархиям и правила составления «приговоров», свидетельствовавших об избрании священно- и церковнослужителей. Так, в Калуге Церковно-епархиальный совет утвердил дьякона на должность в одном «богатом приходе» на основании постановления светского волостного собрания, что вызвало критику у духовенства и мирян. Было заявлено, что избирать нужно «приходской общиной», а «не случайно собравшейся кучкой прихожан»². Иногда обращались даже в Петроградский Совет. Так, в апреле 1917 года уполномоченный от прихожан Долосчанской церкви Андрей Климов сообщил Петроградскому Совету об избрании ими священника. На это Юридический отдел совета оповестил, что дело переправлено обер-прокурору Синода и рекомендовал «немедленно возбудить ходатайство перед местным архиереем о рукоположении лица, избранного Вами в священники»³. А в июле 1917 года Юридический отдел Петроградского Совета сообщил некоему дьякону Льву Сапрыкину, что «прихожанам, желающим иметь Вас в качестве священника [следует] обратиться с ходатайством на имя обер-прокурора Святейшего Синода. При прошении необходим приговор соответствующего крестьянского общества»⁴.

Активизация церковных учреждений на местах имела и свою обратную сторону. 20 июня 1917 года Синод слушал телеграмму от одного из епархиальных преосвященных о том, что от окружных и сельских исполнительных комитетов и приходов поступили заявления о прекращении выплат от церквей на

Павинского, о чем составили соответствующий приговор, направленный епархиальному преосвященному Вениамину (Казанскому). См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 8. Л. 32.

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 30–31 от 27 июня. С. 3–4.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 25. Л. 7 об – 8.

³ ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 32.

епархиальные нужды. Члены Синода в связи с этим постановили, что «существующие ныне взносы на духовно-учебные заведения и другие епархиальные и общецерковные нужды являются обязательными», так как «начавшееся с переменою государственного строя оживление как приходской, так и общецерковной жизни должно повести... к увеличению и дальнейшему развитию в церкви культурно-просветительных и благотворительных учреждений»¹.

Уступая съездам во многих вопросах, обер-прокурор старался сохранить строгую подчиненность себе секретарей духовных консисторий. В некоторых случаях ему даже пришлось вступить в конфликт с епархиальными съездами. Так, 26 мая епископ Полтавский Феофан (Быстров) отправил обер-прокурору телеграмму с просьбой заменить секретаря консистории Гречулевича на избранного съездом А.М. Богоцкого². На следующий день в Петроград отрапортовался об этом и сам Гречулевич³. 1 июня Львов ответил ему: «Секретарь есть орган государственной власти. Назначение его зависит от обер-прокурора. Вмешательство других лиц недопустимо. Вы должны остаться на месте при исполнении обязанностей»⁴. Епископу Феофану обер-прокурор телеграфировал, что если Богоцкий действительно хочет стать секретарем духовной консистории, он должен подать обер-прокурору соответствующее прошение⁵. Ситуация осложнялась тем, что Гречулевич являлся исполняющим обязанности секретаря на время отсутствия призванного на военную службу А. Грабенко. Тем не менее, 14 июля В.Н. Львов все же «признал необходимым» освободить Гречулевича от исполнения обязанностей секретаря Полтавской духовной консистории и предложил откомандировать его в канцелярию Святейшего Синода⁶. Место Гречулевича временно, до возвращения А. Грабенко,

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 34 от 14 августа. С. 1.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 73.

³ Там же. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 72.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 39. Л. 1.

занял избранный епархиальным съездом Богоцкий¹. Летом 1917 года к В.Н. Львову обратился временно управляющий Орловской епархией епископ Серафим (Остроумов) с просьбой разрешить сменить секретаря духовной консистории, так как предыдущий – Пятницкий – вступил в конфликт с «союзниками» Серафима из самопровозглашенного Исполнительного комитета объединенного духовенства. И хотя Серафим пользовался благожелательным отношением обер-прокурора, тем не менее, тот отклонил предложенную епископом кандидатуру столоначальника этой же консистории Лебедева, так как последний окончил духовную семинарию только по второму разряду. В итоге Лебедева сделали временно исполняющим обязанности секретаря².

Доминирующим в работе большинства епархиальных съездов оставался вопрос о доверии или недоверии к местным епископам. И если раньше против них выступали главным образом всевозможные общественные комитеты и советы, то теперь к этому присоединились местное духовенство и верующие миряне. Т.Г. Фруменкова, которая одна из первых специально обратилась к вопросу о судьбе действующего православного епископата в 1917 году, подсчитала, что в это время сменилась значительная часть епархиальных архиереев, а многим из них с большим трудом удалось удержаться на месте³. Блестящий анализ борьбы за власть в епархиях, а также выборов архиереев в 1917 году сделал П.Г. Рогозный⁴, поэтому в рамках настоящей работы представляется важным остановиться только на тех аспектах, которые непосредственно связаны с взаимоотношением государства и церкви. Так, Рогозный отметил, что во многих случаях возможность епископа остаться на своей кафедре зависела не от его политических убеждений и даже не от отношения к нему со стороны государственной власти, а от того, насколько владыке удавалось наладить диалог с клиром и паствой. Вместе с тем, в историографии существует мнение, берущее свое начало с дискуссий на

¹ Синод утвердил это своим определением 21 сентября 1917 года. См.: там же. Л.2, 3.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 164.

³ Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г.// Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 74–94.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 61–206.

Поместном Соборе 1917–1918 годов, о том, что главным инициатором изгнания архиереев в 1917 году являлся лично обер-прокурор В.Н. Львов. В частности архиепископ Евлогий (Георгиевский) писал, что Львов «держался диктатором и переуволил немало архиереев»¹. А современный церковный автор протоиерей Владислав Цыпин еще более сгустил краски, заметив, что «низвержение архипастырей, самочиние и самоуправство в епархиях... радовали бесшабашного обер-прокурора; в упоении от своих подвигов он говорил тогда: "Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую. Я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует"»². Однако такая оценка не соответствует действительности. Прежде всего, обер-прокурор не обладал полномочиями увольнять архиереев, решение в любом случае принималось Синодом. Сам Львов, конечно же, неоднократно заявлял о своем желании провести чистку «распутинского» епископата и вообще снизить роль епархиальных преосвященных в жизни церкви, однако начавшаяся стихийная «епархиальная революция» *de facto* опередила намерения обер-прокурора и поставила под удар даже тех, кого Львов считал «прогрессивными деятелями» (например, архиепископа Тверского Серафима (Чичагова)). Так что обер-прокурору волей-неволей пришлось спасать систему церковного управления от полного распада и даже помогать многим архиереям удержаться на плаву. Прямое деятельное участие Львова в «изгнании» епископов можно констатировать только в отношении ограниченного числа увольнений, произошедших в марте 1917 года. Речь идет о наиболее одиозных по представлению современников «распутинцах» (митрополит Макарий, епископы Исидор и Варнава, а также епископ Рязанский Димитрий³). В ряде случаев обер-прокурор лишь активно поддержал заявленное местными съездами духовенства и мирян требование о смене преосвященного (Саратовская и Черниговская епархии). В других обстоятельствах обер-прокурор проводил доскональное изучение поступков того или иного иерарха, причем

¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 267.

² Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. С. 10.

³ Димитрий впоследствии признался, что написать прошение об увольнении его вынудил обер-прокурор в своем кабинете. См.: Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 193.

основополагающим при принятии решения являлся вопрос о лояльности Временному правительству (или лично В.Н. Львову).

Наиболее конфликтные ситуации у местных преосвященных с епархиальными съездами сложились в Орле, Саратове и Твери. Так, несмотря на то, что архиепископ Тверской Серафим активно приветствовал свержение самодержавия, тем не менее, открывшийся 20 апреля 1917 года епархиальный съезд выразил архиерею свое недоверие¹. Прибывший в Синод в конце апреля 1917 года председатель Тверского съезда бывший член II Государственной думы Ф.В. Тихвинский заявил, что «съезд еще единогласно постановил ходатайствовать пред Синодом об удалении архиепископа Серафима не только с кафедры, но и вообще из пределов Тверской епархии»². Более благосклонно съезд отнесся к выразившему согласие сотрудничать с «массаами» викарному епископу Арсению (Смоленцу). Вероятно, обер-прокурор оказался перед нелегким выбором: с одной стороны его давний знакомый архиепископ Серафим в личном письме просил о поддержке, с другой – постановления Тверского съезда не могли не импонировать В.Н. Львову своим «обновленческим» радикализмом. Львов пообещал делегатам из Твери, что епископ в епархию не вернется, но Серафим отказался подавать прошение об увольнении. Тогда Синод назначил ему 10 мая двухмесячный отпуск, продленный потом еще на два месяца, а временно управляющим назначили викария Арсения. Так архиепископ формально сохранил свой пост, хотя на деле не имел возможности вернуться в епархию. Примечательно, что для достижения своих целей по удалению преосвященного избранный апрельским съездом Епархиальный совет обратился за помощью в Тверской губернский Совет крестьянских депутатов: 12 июня на заседании его Бюро выступили священник Вихлин, дьякон Крылов и псаломщик Воскресенский. После этого совет в ультимативном порядке потребовал от обер-прокурора удовлетворить постановления съезда духовенства и мирян, но В.Н. Львов проигнорировал это

¹ См. также об этом съезде: Завитновский И.В. Тверской епископат и «весна церковной революции» 1917 года // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 78–82.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 25.

требование¹. На проходившем в присутствии присланного Синодом архиепископа Самарского Михаила (Богданова) Чрезвычайном съезде 8 августа большинство представителей епархии вновь высказалось за отставку Серафима. Тем не менее, 11 сентября Синод постановил перевести из Твери викарного епископа Арсения, которого преосвященный считал одним из главных своих противников, что создало для Серафима видимость победы. Но в декабре 1917 года ИК Совета рабочих и солдатских депутатов потребовал от Серафима до 1 января 1918 года сдать все дела по управлению Тверской епархией Епархиальному совету и покинуть пределы губернии со следующей мотивировкой: «принимая во внимание постановления Чрезвычайного съезда духовенства 20–25 апреля и результаты баллотировки 8 августа». После этого архиепископ уехал в Москву².

В еще более ярко выраженное противостояние викарного епископа с действующим главой епархии вылилось церковное движение в Саратове: там произошел открытый раздор между преосвященным епископом Палладием (Добронравовым) и викарием Леонтием (Випфеном). Леонтий обвинял Палладия в том, что тот после революции «растерялся, страшно боялся ареста, бездействовал, прятался», а в письме обер-прокурору открыто назвал Палладия «распутинцем». Это, разумеется, не могло не вызвать кривотолков о том, что Леонтий сам хочет занять место главы епархии. В итоге епархиальный съезд в апреле 1917 года постановил удалить обоих епископов. При этом представители духовенства обратились в один из органов местной власти – Военный комитет, который 23 апреля арестовал Палладия и под конвоем отправил в Петроград в распоряжение обер-прокурора Синода³. Побывавший в Саратове ревизор – чиновник Ф.И. Виноградов – доложил 5 мая Синоду, что в склоке виноват интриган Леонтий, а Палладий – лишь жертва наветов. Однако у В.Н. Львова имелось свое мнение на этот счет: он заявил, что «Палладий – несомненный

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 102.

² Там же. С. 104–107.

³ Там же. С. 89–91.

распутинец, что он сам сознался в своей близости к Распутину»¹. В результате Синод подтвердил решение епархиального съезда, отправив на покой обоих епископов (причем викарий увольнялся без назначения ему пенсии)². Леонтий попробовал протестовать и даже пожаловался премьер-министру князю Львову на то, что отставка была произведена насильно и без каких-либо веских оснований. На последовавший запрос главы правительства обер-прокурор ответил, что Леонтий проявил крайне враждебное отношение к епархиальному преосвященному Палладию. По словам В.Н. Львова, местное духовенство телеграммой просило Святейший Синод прекратить распрю между епископами, а Саратовский губернский комиссар Н.И. Семенов в ходе специального расследования выяснил, что в сложившемся конфликте виновен именно Леонтий, в то время как Палладий являлся лишь пассивной стороной³.

Лишился кафедры и назначенный незадолго до Февраля 1917 года глава Орловской епархии епископ Макарий (Гневушев). Хотя в своем архипастырском послании в начале марта он призвал всех повиноваться Временному правительству, но сразу после этого, вероятно, желая переждать смутные дни, епископ «неожиданно» заболел почти на месяц воспалением легких, передав дела викарному епископу Павлу (Вильковскому). Тем временем в городе образовался Временный исполнительный комитет Орловского объединенного духовенства и мирян под руководством священника Сергея Аракина, начавший борьбу против Макария, называя его «ревнителем старого строя». Комитет Аракина нашел общий язык с гражданской революционной администрацией города, которая, по словам епископа Павла, оказалась готова «предоставить нашим объединителям сколько угодно физической силы (милиция и пр.)» Макарий жаловался в Синод, что среди духовенства «появились лица, которые приняли на себя обязанности земских комиссаров... разъезжают по приходам и потворствуют толпе, сеют семена вражды к землевладельцам и призывают к т.н. отобранию земельных

¹ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 62.

² Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 91.

³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 53 – 54 об.

имуществ». Прошедший 10–18 мая 1917 года епархиальный съезд выразил недоверие преосвященному, после чего Аракин ходатайствовал перед городской думой об удалении архиерея¹. Как свидетельствует дневник протопресвитера Н. Любимова, обер-прокурор и ряд членов Синода не сомневались в «черносотенности» Макария и не верили в возможность его конструктивной деятельности в новых условиях². При этом В.Н. Львов, вероятно, хотел придать делу большой резонанс, так как запросил материалы ревизии Киевской епархии 1908 года, где Макарий занимался церковным строительством (и где якобы имелись неоправданные растраты). Однако компромата найти не удалось, и в итоге Синод просто уволил епископа на покой, используя в качестве основания фразу из личного письма преосвященного, где тот допускал возможность отставки³. Впоследствии, в ноябре 1917 года Судная комиссия Поместного Собора признала, что епископ был изгнан из епархии «совершенно неповинно», а виновником этого объявила Сергея Аракина и возглавляемый им комитет⁴.

Собравшийся 3–6 мая 1917 года съезд духовенства и мирян Владимирской епархии высказался за удаление архиепископа Алексия (Дороднищина). Съезд назвал «фальшивыми» его заявления о поддержке нового строя, так как достоянием общественности стали подаренные Г.Е. Распутину книги Алексия с авторскими дарственными надписями. Кроме того, архиепископа обвинили в грубости, деспотизме и карьеризме. Требования отставки Алексия делегаты из Владимира озвучили и на Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве в июне 1917 года. Синод не стал защищать архиерея, и, подождав некоторое время, 1 августа 1917 года уволил его с владимирской кафедры. При этом Алексею даже не разрешили выступить лично с оправданиями, сообщив, что «документы,

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 110–118.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 79.

³ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 119–122. Об обсуждении отставки Макария в Синоде см. Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 79–80.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 169.

относящиеся к делу Распутина и лицам, близким к нему, вытребованы Чрезвычайной следственной комиссией»¹.

В некоторых беспокойных епархиях епископам благодаря личному авторитету удалось удержать ситуацию под своим контролем. Так произошло, например, в Тобольске. 15 мая 1917 года В.Н. Львов написал недавно назначенному туда епископу Гермогену (Долганову) о том, что местное духовенство жалуется на него, обвиняя в противодействии созыву епархиального съезда. По версии клира, епископ укорял их, что они мешают ему «заниматься делом», что привело к выступлениям духовенства на улицах². Тобольский съезд прошел 20–27 мая 1917 года, но позиции Гермогена не пошатнулись, и епархия в целом оставалась спокойной все последующие революционные месяцы³. В Житомире созванный с благословения архиепископа Евлогия (Георгиевского) епархиальный съезд первым делом поднял вопрос о его удалении. Однако большинство поддержало преосвященного. В итоге делегаты съезда написали письмо В.Н. Львову с просьбой оставить Евлогия на Волынской кафедре, как архипастыря «любимого, уважаемого и искренно-православным людям желанного»⁴.

Удалось удержаться на кафедре и члену обновленного Синода архиепископу Ярославскому Агафангелу (Преображенскому). Несмотря на то, что прошедший в мае 1917 года епархиальный съезд духовенства и мирян выразил ему свое недоверие, Агафангел сумел мобилизовать своих сторонников и провести в епархии «усиленную агитацию», дезавуировав результаты голосования. В итоге, Синод, постановивший 6 июня направить в Ярославль своего ревизора архиепископа Платона, 21 июля отменил эту командировку⁵.

В Екатеринославе, где первый епархиальный съезд в конце марта 1917 года не стал выдвигать требований по смене преосвященного, тем не менее, также

¹ Там же. С. 86–89.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 103.

³ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 63.

⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 264–265.

⁵ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 80–81.

сложилась сильная оппозиция к епископу Агапиту (Вишневному). Ее возглавил председатель образовавшегося после переворота местного комитета духовенства и мирян ректор духовной семинарии протоиерей И.П. Кречетович¹. После неудачной попытки Екатеринославского исполнительного комитета удалить архиерея через главу Временного правительства, противники епископа стали слать в Синод письма с обвинениями и доносами на Агапита, на которые владыка отвечал встречными обвинениями. Интересно отметить, что в своей борьбе с епископом Кречетович не преминул использовать и местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Ректор жаловался на Агапита и местному комитету РСДРП, а 8 июля 1917 года протоиерей выступил в качестве гостя на Губернском съезде Советов, где рассказал о «контрреволюционной» деятельности преосвященного. После этого собравшиеся постановили ходатайствовать об удалении епископа. На это Агапит ответил обширным посланием на имя председателя Совета рабочих и солдатских депутатов, где подчеркнул, что руководствуется «единственно провозглашенным народом принципом общественности» и призвал «Божье благословение на высокополезную деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов». 17 июля Синод постановил направить в Екатеринослав своего ревизора – архиепископа Платона. Вернувшись, 10 августа Платон заверил членов Синода, что ситуация в Екатеринославской епархии спокойная. На это Кречетович тут же сообщил в письме обер-прокурору, что Платон – приятель Агапита, и всячески его поддерживает, а 25 августа Губернский исполнительный комитет общественных рабочих, солдатских и крестьянских организаций выразил недоумение по поводу игнорирования Петроградом просьб об удалении епископа². Тем не менее, Агапит сохранил свой пост.

В Киеве хотя положение митрополита Владимира (Богоявленского) весной 1917 года серьезно оспорено не было, но и там в церковных структурах сложилась

¹ Впоследствии – обновленческий архиепископ. См. о нем: Боже В.С. «И.П. Кречетович: жизнь и труды» // Исторические чтения: Материалы региональной научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Имена уходящего века» (1999). Вып.6 / Сост. Э.Б. Дружинина. Челябинск. 2003. С. 138–141.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 102.

ситуация многовластия: с одной стороны продолжали действовать глава епархии и консистория, с другой им противостояли сформированный еще в марте комитет духовенства, а также выбранный епархиальным съездом совет. Комитет даже назначил своего «комиссара по духовным делам» – священника Пospelовского, который пытался вмешиваться в дела епархиального управления, но безуспешно. Тогда «комиссар» обратился с жалобами в Синод, но тот принял в середине лета постановление о «незакномерной» деятельности Пospelовского¹. Таким образом, митрополиту Владимиру и его викарию епископу Чигиринскому Никодиму первое время удавалось более или менее успешно справляться с радикальным движением. Однако в дело вмешался В.Н. Львов, который узрел в Никодиме «агента павшего режима» и начал убеждать Синод принять определение о переводе епископа из Киева. В качестве главного обвинения обер-прокурор использовал информацию о том, что незадолго до Февраля Никодим поставил свою подпись на обращении киевских монархистов к Николаю II. После долгих споров иерархи постановили назначить епископа вторым викарием в Самарскую епархию, а вместе с ним переправить туда же и секретаря Киевской духовной консистории Лузина. Впрочем, вскоре это решение пересмотрели: 17 июня 1917 года обер-прокурор и Синод решили и епископа, и секретаря оставить в Киеве².

Ряд увольнений глав епархий в 1917 году произошел на основании поданных ими прошений без видимого давления с чьей бы то ни было стороны. Так, 23 мая 1917 года «по болезни» ушел на покой архиепископ Тульский Парфений (Левицкий), а 1 августа – епископ Полоцкий Кирион (Садзаглишвили)³. Кроме того, 23 июня 1917 года Синод предоставил длительный отпуск архиепископу Херсонскому и Одесскому Назарию (Кириллову)⁴.

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 72–73.

² Там же. С. 70–71.

³ Там же. С. 96.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 254. Л. 2. 28 сентября 1917 года Синод все же уволил Назария «согласно прошению» от управления епархией, назначив членом Московской синодальной конторы. См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 96.

С мая 1917 года замена уволенных на покой преосвященных стала происходить в том числе путем выборов, в которых участвовали представители клира и мирян. Если до революции епископов как «чиновников от религии» назначал царь из числа лиц, указанных в подготовленном Синодом списке, то после свержения самодержавия практика назначений стала восприниматься крайне негативно. В связи с этим В.Н. Львов даже особо отметил в одном из своих интервью журналистам, что он «всецело на стороне выборного начала»¹. Возможность избрания епископов была задекларирована в послании Синода от 29 апреля 1917 года, однако никаких конкретных процедур там не оговаривалось. Возможно, обер-прокурор и Синод исходили из того, что правила отбора кандидатов и проведения баллотировок могут варьироваться в епархиях в зависимости от местных условий и предпочтений. В любом случае, инициатива предоставлялась низам, и вскоре необходимый прецедент состоялся. Так, близкий к обер-прокурору ВЦОВ объявил, что первым случаем «демократической» смены местного архиерея стали выборы, прошедшие на епархиальном съезде в Чернигове, в ходе которых архиепископ Василий вынужден был передать кафедру епископу Пахомию (Кедрову)². Однако на самом деле это был всего лишь своего рода пропагандистский ход, поскольку такие же «выборы» явочным порядком состоялись и в ряде других епархий (например, в Твери), но Синод не утвердил их итогов. Скорее всего, исключительность Черниговского съезда заключалась в том, что в отношении архиепископа Василия – члена распущенной синодальной сессии – обер-прокурор пытался произвести «резонансное расследование», правда, безрезультатно. Так что увольнение владыки с кафедры по требованию епархиального съезда пришлось для Львова как нельзя кстати. И что самое главное, санкционирование Синодом выборов нового Черниговского архиерея создавало необходимый прецедент на будущее³. В итоге, направленная в

¹ Новое время. 1917. 16 марта.

² ВЦОВ. 1917. 14 мая.

³ В этой связи П.Г. Рогозный также отметил, что выборы в Чернигове «значительно отличались от последующих. Здесь не было ни выдвижения кандидатов, ни разработки правил избрания, ни тайного голосования». См.: Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 157.

мае 1917 года в Петроград делегация духовенства из Чернигова, ходатайствовавшая о поставлении на кафедру избранного съездом епископа Пахомия, тут же получила от нового Синода соответствующее постановление. А газеты даже писали, что Временное правительство прислало Пахомию в дар архиерейское облачение, «не в пример прочим, как первому избраннику народа»¹. На самом деле никаких правительственных распоряжений по поводу возведения Пахомия не издавалось, а основная инициатива раздувания значимости данного события принадлежала обер-прокурору².

Первое реальное опробование демократического способа поставления местного архиепископа со всей необходимой подготовкой (выработкой правил, отбором кандидатов, баллотировкой и пр.) прошло в Петрограде, причем обер-прокурор всячески пытался поставить процесс под свой контроль. 19 марта собрание петроградского духовенства сформировало Исполнительный комитет по организации выборов во главе с протоиереем П.Н. Лахостским. Как сообщал протоиерей Острогорский, столичные клирики изначально открыто заявили о недопустимости вмешательства обер-прокурора в их работу. Однако полностью абстрагироваться от него не удалось. В частности, когда 1 мая Лахостский представил Синоду проект правил выборов столичного архиерея, Львов настоял на внесении в него некоторых правок, в том числе о том, что епископов к выборам приглашает Синод, а избранная кандидатура утверждается не Временным правительством, а тем же Святейшим Синодом. И хотя таким образом нарушался принцип системы Духовного регламента, согласно которой архиереи поставлялись высшей государственной властью, но это соответствовало занимаемой обер-прокурором позиции: он фактически оставлял за собой контроль как над подбором кандидатов на архиерейскую кафедру, так и над утверждением победителя. Еще одно вмешательство представителя государственной власти в

¹ Цит. по Rogoznyy P.G. Указ. соч. С. 160.

² Архиепископ Василий уволен с черниговской кафедры определением Синода № 2855 от 6 мая 1917 года с назначением управляющим на правах настоятеля Терebenскою пустыню Тверской епархии. См.: Церковные ведомости. 1917. № 20–21 от 20 мая. С. 134. В соответствии с определением № 3204 «согласно единодушно выраженному желанию духовенства и мирян Черниговской епархии на епархиальном съезде» епископом Черниговским и Нежинским назначили епископа Стародубского Пахомия. См.: Церковные ведомости. 1917. № 22–23 от 3 июня. С. 148.

ход выборов петроградского митрополита имело место накануне голосования, 23 мая 1917 года. В этот день на открытое совещание «выборщиков» от приходов в здание Исидоровского епархиального училища прибыл председатель Государственной думы М.В. Родзянко, выступивший с призывом избрать на столичную кафедру епископа Уфимского Андрея за его антираспутинскую позицию до революции. Родзянко встретили с большим воодушевлением, пропели ему «многие лета», но по поводу его позиции протоиерей Лахостский заметил, что против Распутина выступали не только епископ Андрей, но и многие другие архиереи. Надо оговориться, что Родзянко действовал от своего собственного имени, поскольку также получил полномочия выборщика¹.

Избрание петроградского архиепископа состоялось 24 мая 1917 года в Казанском соборе. После литургии и молебна прошла сначала первая баллотировка, в результате которой из всего списка кандидатов отобрали троих наиболее популярных архиереев: управляющего Петроградской епархией епископа Гдовского Вениамина (Казанского), архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) и епископа Уфимского Андрея (Ухтомского). По итогам вторичной баллотировки голоса выборщиков распределились следующим образом: епископ Вениамин получил 976 утвердительных голосов и 585 отрицательных; архиепископ Сергий – 625 утвердительных голосов и 911 отрицательных; епископ Андрей – 344 утвердительных голосов и 1173 отрицательных².

Бесспорным победителем выборов стал епископ Вениамин, что весьма огорчило В.Н. Львова, поддерживавшего кандидатуру Андрея Уфимского. Обер-прокурор дважды переспрашивал, не поступали ли какие-либо протесты по итогам голосования, но был вынужден смириться³. В итоге 25 мая Синод утвердил назначение Вениамина архиепископом Петроградским и Ладужским⁴.

¹ Новое время. 1917. 25 мая.

² ВЦОВ. 1917. 24 мая.

³ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 72.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 148. Чуть позже этот титул поменяли на «архиепископа Петроградского и Гдовского».

Поступившее тут же от членов Синода предложение ввести Вениамина в состав этого органа высшего церковного управления Львов категорически отверг. Как справедливо отметил П.Г. Рогозный, «аполитичный Вениамин не вписывался в планы революционного обер-прокурора»¹.

Авторитет первого свободно избранного столичного архиерея оказался очень высок. 3 июня Вениамин отправился в Кронштадт, проигнорировав слухи о крайне враждебном отношении к церкви со стороны местного совета. Напротив, узнав о намерении архиепископа отслужить панихиду на могиле борцов за свободу, Исполнительный комитет Кронштадского Совета рабочих и солдатских депутатов предоставил Вениамину автомобиль. А в воскресенье 4 июня в городе состоялся масштабный крестный ход, во время которого новоизбранный архипастырь посетил все храмы Кронштадта².

Вслед за Петроградом выборы прошли и в Москве. С этой целью 19 июня там открылся Чрезвычайный епархиальный съезд. В устных выступлениях внушительная часть делегатов поддержала кандидатуру бывшего обер-прокурора А.Д. Самарина. Главным его соперником стал недавний член Синода архиепископ Литовский Тихон (Белавин). Во время пробной баллотировки оба кандидата получили по 297 голосов, далее с большим отрывом следовали епископ Уфимский Андрей (51 голос) и архиепископ Платон (23 голоса). 21 июня в Храме Христа Спасителя при окончательном голосовании архиепископ Тихон получил 481 голос, а Самарин только 303³.

Выборы в Петрограде и Москве показали, что представители епархий с большой осторожностью относились к радикальному обновленческому движению и той во многом непредсказуемой реформаторской линии, которой придерживался обер-прокурор. Об этом говорит тот факт, что епископ Андрей, хотя и вошедший в обоих городах в тройку «лидеров», получил подавляющее большинство «отрицательных» голосов. Дипломатично сотрудничавшие с новой

¹ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 154.

² Посещение архиепископом Вениамином г. Кронштадта // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 24–25 от 20 июня. С. 8–9.

³ ВЦОВ. 1917. 23 июня; ВЦОВ. 1917. 1 июля.

властью архиепископы Сергей и Платон следовали в этом плане за епископом Андреем с большим отставанием, хотя, например, и у Сергея баланс утвердительных и отрицательных отзывов на петроградских выборах оказался минус 286. Духовенство и миряне в лице выдвигаемых на выборах архиереев хотели получить противовес нестабильному и непредсказуемому государству. «...Времена трудные, политика сложная. Мы и решили, чтобы не впутывать нашу епархию в темные дела, лучше выберем молитвенника Вениамина», – говорил один из представителей столичного духовенства¹. По свидетельству «Московских ведомостей» архиепископа Тихона также избрали московским преосвященным именно за его независимую от светских властей позицию².

Выборы архиепископов в Петрограде и Москве носили характер чрезвычайности и исключительности. Лишь 5 июля 1917 года Синод выпустил официальное определение о выборности епископата³. После этого выборы состоялись в ряде епархий, причем не везде высшая церковная власть их признала. В Туле 22–23 июля на пост главы епархии избрали епископа Иувеналия (Масловского)⁴. В Орле при баллотировке 12 августа 1917 года победил назначенный Синодом временно управляющим епархией епископ Серафим (Остроумов). В своей борьбе против сторонников ранее возглавлявшего епархию епископа Макария и викарного епископа Павла (Вильковского) Серафим опирался на самопровозглашенный Комитет Объединенного духовенства во главе со священником Сергеем Аракиным, который к тому моменту сумел поставить под свой контроль практически все епархиальное управление. Надо отметить, что местный губернский комиссар Временного правительства Ровинский, вероятно, в целях обеспечения «церковного успокоения» также взаимодействовал с Аракиным: 3 июня они вместе встречали прибывшего епископа Серафима на вокзале⁵.

¹ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1995. С. 151.

² Московские ведомости. 1917. 23 июня.

³ Церковные ведомости. 1917. № 29. С. 219.

⁴ Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 185.

⁵ Там же. С. 160–167.

В Курске первый епархиальный съезд 10–19 мая 1917 года определил только временно управляющего епархией вместо попросившегося на покой епископа Тихона (Василевского). На выборах 9 августа, в которых приняли участие депутаты курского «Губернского Народного Совета», победил епископ Феофан (Гаврилов)¹. В тот же день на кафедру во Владимире избрали архиепископа Сергия (Страгородского)². По итогам выборов 11 августа на Харьковскую кафедру вернулся архиепископ Антоний (Храповицкий)³. А 14 августа съезд в Саратове избрал епископа Досифея (Протопопова)⁴.

В двух епархиях – Екатеринбургской и Рязанской, из которых в марте 1917 года по настоянию Исполнительных комитетов изгнали архиереев, выборы преосвященных не увенчались успехом и обернулись длительными скандалами. В Екатеринбурге в мае 1917 года Синод, по-видимому, хотел повторить опыт Чернигова, телеграммой разрешив открывшемуся Екатеринбургскому съезду духовенства и мирян (заседания проходили с 16 по 25 мая 1917 года) избрать архиерея, одновременно проинформировав об увольнении на покой епископа Серафима (Голубятникова). Однако неподготовленность выборов дала о себе знать: кандидатов выдвинули заочно, даже не заручившись их согласием. В результате спешной баллотировки большинство голосов получил инспектор Пермской семинарии Н.И. Знамировский, который вскоре отказался в пользу второго кандидата, ректора Иркутской семинарии архимандрита Софрония (Арефьева). Но и он тоже не спешил дать свое согласие, прислав двусмысленную телеграмму. 14 июня Синод признал выборы несостоявшимися. Следующее голосование, прошедшее 8 августа, вновь не выявило победителя, поскольку указанный в предварительно выработанных правилах второй тур почему-то не провели. Не признал Синод и результатов третьей баллотировки, прошедшей 25–26 октября 1917 года, и 20 ноября высшая церковная власть административным

¹ Там же. С. 175–177.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

порядком назначила в Екатеринбург бывшего епископа Бакинского Григория (Яцковского)¹.

В Рязани первая попытка избрания преосвященного состоялась 22 июня 1917 года, победил архимандрит Серафим (Руженцев), но Синод не признал законности этих результатов. 9 августа прошли новые выборы под наблюдением архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова), но и они не были утверждены. Главным противником победившего при баллотировке архимандрита Серафима являлся управляющий епархией викарный епископ Павел (Вильковский), выступавший за возвращение на кафедру уволенного епископа Дмитрия (Сперовского). Такой исход событий представлялся вполне вероятным, так как 1 сентября 1917 года Губернский комитет спасения революции Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов заявил о недопустимости возврата в епархию Дмитрия. В итоге 11 ноября 1917 года Синод назначил в Рязань архиепископа Иоанна (Смирнова)².

Важной вехой в реформировании церковной организации стало обсуждение в Синоде вопроса о православном приходе. Сам обер-прокурор уже многие годы занимался этой проблемой в Государственной думе. Да и в Синоде немало говорили о ней в связи с выходом царского указа от 4 марта 1916 года «О необходимости возрождения приходской жизни». Однако только после Февраля появилась реальная возможность каких-либо подвижек в рассмотрении дела. К середине мая 1917 года Синод подготовил проект «Временного положения о православном приходе», однако ввиду важности вопроса иерархи признали необходимым получить оценку документа в Юридическом совещании Временного правительства. 20 мая епископ Уфимский Андрей направил проект Г.Е. Львову, приписав от себя: «усердно прошу, князь, поскорее закончите это великое святое дело, все будут молиться о Вас»³. Только после согласования с юристами указанное «Временное положение» 21 июня 1917 года утвердил

¹ Там же. С.170–175.

² Там же. С. 188–200.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 6.

Святейший Синод. Православный приход объявлялся «особой церковной общиной», состоящей через своего епископа «в тесной связи со всею единою, святою, соборною и апостольскою Церковью...» Новшеством являлась статья 4, допускавшая выборы прихожанами священников. Приходское самоуправление осуществлялось через созываемое не реже двух раз в год Приходское собрание и избираемый на нем Приходской совет из 12 лиц. В обязанности прихода вменялось: вести суд совести по делам, могущим окончиться примирением, если обе стороны обратятся к этому суду; ограждать церковь от антирелигиозных учений и сект; заботиться об охране и благолепии храма; заведовать церковно-приходскими школами, библиотекой, читальней, приютами и пр. Приход мог иметь свои капиталы, составляемые в основном из пожертвований¹.

В начале мая 1917 года новый Синод рассматривал вопрос об управлении высшими церковными учебными заведениями – духовными академиями, к чему так и не решилась подступить зимняя сессия. Основное недовольство, как у профессоров, так и студентов, вызывали произвольно назначенные сверху в распутинские времена ректоры – «ученые» монахи. Положение усугублялось тем обстоятельством, что некоторые навязанные подобным образом главы академий не отличались ни подлинной «ученостью», ни даже элементарной этичностью поведения². После скандала, связанного с уволенным на покой митрополитом Макарием, В.Н. Львов направил в Москву профессора Б.В. Титлинова для проведения ревизии в Московской духовной академии. По материалам Титлинова Львов сообщил членам Синода, что ректор академии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) «подбивал митрополита Макария на его "бунт", редактировал его послания и даже подставил в нужных случаях цитаты из "книги правил"»³. Синод постановил уволить Феодора от ректорства в Московской духовной академии и назначил его управляющим Даниловым монастырем на правах настоятеля. 5–6 мая Синод принял определение «О некоторых изменениях

¹ Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191–192.

² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 152–162.

³ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 37.

в строе духовных академий». Им предоставлялось право самим избирать как ректора и его помощника (на 4 года), так и преподавательский состав с последующим утверждением их высшей церковной властью. Ученые степени теперь присуждались советами академий, и утверждения их Синодом не требовалось¹. Надо добавить, что новый устав духовных академий осенью 1917 года был передан на утверждение Временного правительства, но рассмотреть его министры не успели из-за Октябрьского восстания².

Обер-прокурор и вызванные на летнюю сессию иерархи, конечно же, не могли обойти вниманием бедственное положение простых священно- и церковнослужителей. Однако о повышении им казенного содержания речи не шло³. Вопрос пытались решить путем облегчения выхода из духовного сословия, сокращением административных взысканий и даже предоставлением возможности дополнительного заработка на стороне. Так, в связи с постановлением Временного правительства от 25 марта об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно слагающих с себя духовный сан, 26 апреля Синод постановил автоматически закрыть все накопившиеся подобные дела, возбужденные по ходатайству бывших священников и монахов⁴. 28 апреля всем священникам, лишившимся сана за их политические убеждения, «предоставлялось войти в Синод» с ходатайством о пересмотре их дел⁵. 29 апреля – 1 мая Синод сократил взыскания, положенные по духовному ведомству⁶. 5 мая священникам, вынужденным по не зависящим от них обстоятельствам покидать приходское место, разрешили занимать на

¹ Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 114–115.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2–3.

³ Оклады причта в 1917 году составляли 294 руб. священнику, 147 – дьякону и 98 – псаломщику. См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. С. 27. О необходимости повышения денежного содержания причтам активно говорили накануне Первой мировой войны. См. например: Марченко А.Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918 – 1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 105.

⁴ Например, были удовлетворены прошения мещанина Виктора Скокова, оставившего один из монастырей в Московской епархии, бывшего иеромонаха Воронежского Алексеевского монастыря Михаила (Якова Яценко), бывшего священника Омской епархии Алексея Хрусталева и других, всего около двух десятков. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 757. Л. 52–53.

⁵ Новое время. 1917. 29 апреля; Биржевые ведомости. 1917. 29 апреля.

⁶ Церковные ведомости. 1917. № 18–19 от 6 мая. С. 111.

государственной, общественной и частной службе светские должности, несение которых не противно священному сану. Определением Синода от 26 мая – 6 июня в послужных списках духовенства в клировых ведомостях исключили графу о поведении, а вслед за этим священнослужители получили право поступать в светские высшие учебные заведения¹. При этом, несмотря на неоднократные обращения, Синод так и не принял решения о возможности ношения священниками светской одежды².

Опору церковным реформам В.Н. Львов надеялся найти на Всероссийском съезде духовенства и мирян, прошедшем в Москве 1 – 11 июня 1917 года. По мысли обер-прокурора, предстоящее собрание должно было стать предтечей вновь воссоздаваемого Предсоборного Присутствия и продемонстрировать последнему популярность и глубину идей церковного обновления³. Исходя из установки на «левизну» московского съезда, Львов попытался через Синод провести постановление о нежелательности приглашения в Москву епископов. Однако иерархи и товарищ обер-прокурора высказались резко против такой инициативы⁴. Но православные архиереи сами проигнорировали съезд: из них туда прибыли только представлявшие Синод архиепископ Платон и епископ Андрей, а так же – в частном порядке – несколько епископов, не являвшихся главами епархий. Любопытно отметить, что не только в среде епископата были противники намеченной Львовым программы съезда. Петроградское духовенство направило в Москву открытого врага обер-прокурора протоиерея И. Острогорского для того, чтобы тот противодействовал «диктаторским методам» В.Н. Львова⁵.

30 мая обер-прокурор объявил Синоду о своем намерении предложить к обсуждению на съезде вопрос о немедленном реформировании высшего

¹ Церковные ведомости. 1917. №27 от 24 июня. С. 175–176.

² Так, в начале января 1918 года Синод отправил на рассмотрение Поместного Собора предложение епископа Оренбургского и прошение протоиерея Виноградова из Перми о разрешении духовным лицам на гражданской службе носить светский костюм и подстригать волосы. См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

³ Карташев А.В. Указ. соч. С. 82.

⁴ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 21–22.

⁵ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 35 от 25 августа. С. 4–8.

церковного управления. По мнению обер-прокурора, Всероссийский съезд в Москве должен выбрать членов нового Синода (председателя и семь епископов) и составить при нем постоянный совет из 12 лиц: 4 епископов, 4 пресвитеров и 4 мирян¹. Всегда лояльный Синод буквально взорвался. Иерархи заявили, что они подчинятся только Временному правительству, а решение съезда для них ничего значить не будет. Из всех членов Синода лишь архиепископ Сергей (Страгородский) как всегда поддержал обер-прокурора, сказав, что защищать сейчас Синод – значит защищать свои корыстные интересы. В результате Львов вынужден был поддаться общим уговорам и отказаться от своей идеи².

Всероссийский съезд духовенства и мирян начал свою работу 1 июня в Епархиальном доме в Москве. Первоначально на нем присутствовало около 700 делегатов, но вскоре их число достигло 1200 человек. Общецерковным представительством его, конечно же, назвать было нельзя. Особенно сильными являлись левое крыло (представители ВСДПДиМ профессор Б.В. Титлинов, И.Ф. Егоров) и «центр» (члены Синода архиепископ Платон, епископ Андрей, протоиереи Ф.Д. Филоненко и А.П. Рождественский и протопресвитер Н.А. Любимов), а их главными оппонентами выступили, как это ни странно, светские делегаты (профессор С.Н. Булгаков, князь Е.Н. Трубецкой и др.)³

Первый день работы съезд посвятил организационным мероприятиям. Собравшиеся торжественно пропели «вечная память» всем борцам, павшим за свободу⁴. Здесь же были прочитаны и две речи, впоследствии опубликованные в виде отдельных листовок для распространения в епархиях: первая – князя Е.Н. Трубецкого, вторая – С.Н. Булгакова. Трубецкой в общих словах высказал мысль о том, что России необходимо обратиться к источнику своей духовности – Православной церкви, поскольку страна «больна духовно». Булгаков призвал

¹ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 89.

² Там же. С. 90.

³ См. о съезде: Каиль М.В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. Публикация М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255; Потехин С.М., протоиерей. Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве по личным впечатлениям. Киев, 1917.

⁴ ВЦОВ. 1917. 4 июня.

собранных уберечь церковь от нового идола – демократии¹. Предостерегая, таким образом, от возможных решений в духе обновленческой обер-прокурорской политики, Булгаков закончил свое выступление заявлением о том, что Российское государство, если оно не хочет отрывать себя от своих духовных и исторических корней, само должно охранять первенствующее положение Православной церкви². Речь Булгакова съезд встретил аплодисментами, и даже В.Н. Львов, во многом не согласный с высказанной докладчиком позицией, промолчал. Когда же о том, что христианство в сущности не равно демократии, заговорил делегат от Петрограда миссионер И.Г. Айвазов, обер-прокурор, поддерживаемый частью зала, разразился бурными протестами. Львов закончил свое выступление под аплодисменты словами: «...Народ свергнул старую власть и провозгласил демократию потому, что она способна эти христианские идеалы, эти лозунги (свобода, равенство, братство) – провозгласить и осуществить в жизни»³.

Однако съезд показал, что рядовое духовенство достаточно настороженно относится к продвигаемым обер-прокурором «обновленческим» идеям. Отчасти это можно объяснить и неприятием самого чиновника, довольно-таки настойчиво вмешивавшегося в церковную жизнь. В итоге своих заседаний съезд принял общее положение о составе предстоящего Собора (с довольно-таки сильными позициями епископов), высказался за передачу церковно-приходских школ в ведение приходов и учредил Всероссийский союз епархиальных и всероссийских съездов духовенства и мирян. При обсуждении проекта реформы церковного управления прозвучали слабые голоса о необходимости восстановления патриаршества. Большинство съезда высказалось резко против этого, зато приветствовало проведенную Синодом реформу епархиального управления. В конце работы Московского съезда, 11 июня, на нем вновь выступил обер-

¹ Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. М., 1997. Т. 2. С. 288.

² Там же. С.294.

³ ВЦОВ. 1917. 9 июня; Любимов Н.А., протопресвитер Указ. соч. С. 94–98. Об этом В.В. Зеньковский написал в своих мемуарах: «Помню и съезд очень красочный, ненормального В.Н. Львова, тогда еще обер-прокурора, его демагогическую, нецерковную речь при открытии съезда». См.: Зеньковский Василий, протопресвитер. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.) Воспоминания. М., 1995. С. 38.

прокурор с длинной речью, в которой прояснил делегатам свою позицию и оправдывался за политику против высшей церковной иерархии. Закончил свою речь обер-прокурор довольно оптимистичной оценкой ситуации: «Церковь не только возрождается, но она встала уже на свои ноги, когда государство еще продолжает мучаться муками рождения»¹.

Особое внимание московский съезд уделил выработке желательной формулы государственно-церковных отношений в постреволюционной России. Этот вопрос активно обсуждался на собраниях православного духовенства и мирян уже с марта 1917 года². Так, на первом епархиальном съезде в Екатеринославе 21–23 марта выступил профессор Варшавского университета и автор многих работ по истории церковного права П.В. Верховской³, который прочитал доклад по теме «О необходимости введения в России свободы совести и культов с сохранением за Православной церковью значения первой между равными». Это была первая озвученная после переворота хорошо разработанная и четко сформулированная система церковно-государственных отношений, вполне отражающая характер перемен в стране и обществе. Пункт первый доклада гласил: «... Православная Церковь, при всякой форме правления, должна обладать свободой внутреннего самоопределения в отношении своего устройства, управления, учения и жизни», – здесь как будто намечалось отделение церкви от государства. Но в то же время в пункте 2 говорилось: «... Надлежит признать Православную Церковь первой между равными», поскольку это религия большинства населения и исторически первенствующая духовная сила России. Верховской предложил ввести в Основные Законы положение о том, что конституционный монарх или президент страны должны быть православными. Правительственную деятельность и всю государственную жизнь, по мнению профессора, необходимо строить на православно-христианских началах, при этом

¹ ВЦОВ. 1917. 8 июня.

² Об обсуждении духовенством и верующими будущей системы государственно-церковных отношений в 1917 году см.: Ковырзин К.В. Поместный Собор 1917-1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.

³ Его труды: Верховской П.В. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916; Верховской П.В. Правовое положение христианских церквей на Западе и в России. Варшава, 1911.

как за православием, так и за всеми другими церквями и сектами должно признаваться значение «установлений публично-правового характера, которым государство оказывает поддержку и покровительство как высшим духовным ценностям». За этой фразой скрывалась возможность сохранения финансирования церкви из казны (как «религия большинства населения» православие могло рассчитывать на большую сумму, нежели другие «церкви и секты»). Верховской намечил и непосредственные шаги по реформе высшего церковного управления: в частности, он предложил упразднить пост обер-прокурора, заменив его министром исповеданий, «которому поручить лишь исполнение внешнего надзора за всеми религиями в России»¹.

Тезисы доклада профессора Верховского были впоследствии напечатаны во ВЦОВ и приняты за основу к обсуждению на съездах в других епархиях. На многих из них собравшиеся высказались за отделение церкви от государства или, по крайней мере, за их максимальное «размежевание». Наиболее умеренные требования прозвучали на епархиальном съезде в Иркутске 29 мая – 11 июня 1917 года. Там заявили о необходимости устранения вмешательства светской власти в церковные дела, но полный разрыв «союза русского государства и церкви» и переводение ее на положение частного общества назвали неприемлемым². В Вятке участники съезда (первая половина июня 1917 года) признали желательным отделение церкви от государства, но при этом заявили, что глава России должен быть православным, а обер-прокурор Синода – членом Временного правительства³. За полное отделение проголосовали съезды в Орле⁴ и в Крыму. Делегаты последнего объявили, что «духовенство не страшится» отделения церкви от государства и считает его «высшим и идеальным выражением политической свободы Христовой церкви»⁵. Полтавский епархиальный съезд

¹ ВЦОВ. 1917. 14 апреля.

² См. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. С. 16.

³ Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 33–34.

⁴ См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 117.

⁵ ВЦОВ. 1917. 28 мая.

принял весьма обтекаемую формулировку: «В свободном государстве должна быть свободная церковь, свободно устрояющая свою жизнь на началах соборности и выборности»¹. На Пермском епархиальном съезде 28 мая 1917 года докладчик Н.И. Колосов заявил, что пока государство финансирует церковь, нельзя говорить о ее свободе: «...за те 20 млн. рублей, которые церковь получала и будет получать от государства, нет достаточных оснований снова отдавать церковь в рабство государству»². Тем не менее, съезд постановил, что «отделение церкви от государства в материальном плане нежелательно»³. Съезд в Забайкальской епархии 17–19 апреля 1917 года сначала высказался за сохранение союза государства и церкви, но, собравшись вновь в конце мая, делегаты проголосовали за полное отделение, оговорив необходимость создания «церковного фонда», который бы обслуживал «все стороны православной христианской религии»⁴. Таким образом, понимание пределов «отделения» весьма различалось по епархиям: от полного отделения (Орловский и Таврический съезд) до «освобождения церкви от опеки государства с сохранением за государством обязанности поддержки» (Екатеринослав).

На Всероссийском съезде духовенства и мирян 8-й отдел, занимавшийся проблемой государственно-церковных отношений, возглавил профессор церковного права Томского университета П.А. Прокошев. Примечательно, что в мае 1917 года профессор состоял членом с правом совещательного голоса в Комиссии по церковным делам при Томском Губернском народном собрании, и заявленная Прокошевым в Москве позиция кардинально отличалась от документа, подготовленного при его участии в Томске⁵. Так, 7 июня профессор объявил на общем собрании съезда, что его секция признала отделение церкви от государства недопустимым. Соглашаясь с тем, что Православная церковь не

¹ ВЦОВ. 1917. 16 мая.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Л. 74 об – 75.

³ Там же. Л.66.

⁴ См. Цыремпилова И.С. Указ. соч. С. 16.

⁵ Как уже упоминалось, в выработанном в Томским губернским собранием законопроекте провозглашалось немедленное отделение церкви от государства. См.: РГИА. Ф.796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 529. Л. 8 – 11 об.

может сохранять свое господствующее положение, члены 8-го отдела предложили предоставить ей первенство среди других вероисповеданий¹. В целом резолюция секции очень напоминала тезисы П.В. Верховского: свобода вероисповедания и культа объявляется для всех церквей, но православная вера пользуется преимуществом во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии; глава русского государства и министр исповеданий должны быть православными от рождения; Православная церковь наряду с другими является институтом публично-правового характера, которому государство оказывает покровительство в законах и материальную поддержку².

После выступления Прокошева начались дебаты, так как ряд делегатов признали формулу 8-го отдела слишком консервативной. Прения резюмировал обер-прокурор компромиссным вариантом, сводившимся к тому, что отделение церкви от государства необходимо, но для этого нужна долгая подготовительная работа. Львов даже предложил мини-программу из трех пунктов: «1). Дарование Церкви свободы; 2). Разграничение сфер церковной и государственной; 3). Через очень долгий промежуток времени полное отделение Церкви от государства». В результате голосования тезисы секции Прокошева полностью приняли³.

Сразу по окончании Всероссийского съезда духовенства и мирян в столице начал свои заседания Предсоборный Совет⁴. Еще 29 апреля 1917 года Синод заявил о необходимости его немедленного образования, но только 8 мая определились конкретные место и дата открытия. В состав Совета вошли весь Синод, обер-прокурор и его товарищ, 7 епископов, выбранных архиереями из своей среды, 8 делегатов от Всероссийского съезда духовенства и мирян, 4 делегата от духовно-учебных заведений, 8 делегатов от духовных академий, 3 делегата от съезда монашествующих, 1 представитель Грузинской церкви, 1

¹ ВЦОВ. 1917. 11 июня.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Действовал с 12 июня по 1 августа 1917 года. Название «Совет» предложил А.В. Карташев, поскольку это слово наиболее соответствовало духу переживаемого момента.

представитель единоверцев и 18 лиц по особому приглашению Синода¹. В качестве последних 25 мая в Совет были включены профессора В.Н. Бенешевич, С.Н. Булгаков и П.В. Верховской, а также профессор Петроградской духовной академии И.Н. Соколов, член Государственной думы В.П. Шеин и другие, – в основном преподаватели высших учебных заведений². Всероссийский съезд духовенства и мирян среди прочих выдвинул в Предсоборный Совет князя Е.Н. Трубецкого. Интересен и список выбранных в Совет епископов: наиболее «популярным» среди православных архиереев оказался архиепископ Новгородский Арсений (83 голоса), второй после него – архиепископ Литовский (с июня – Московский) Тихон (58 голосов), и далее следовали митрополит Киевский Владимир, архиепископ Тамбовский Кирилл, архиепископ Волынский Евлогий, епископ Пермский Андроник и епископ Минский Георгий³. Таким образом, в Предсоборный Совет попало большинство членов распущенной 14 апреля зимней сессии Синода.

Торжественное открытие работ Предсоборного Совета состоялось 12 июня, в понедельник. Участники заседаний разделились на отделы, в которых и сосредоточилась вся основная работа. Председателем I-ой секции – самой важной, по мнению членов Совета («О производстве выборов на Всероссийский Поместный Церковный Собор, его организации и составлении наказа для него»), стал протопресвитер Н.А. Любимов, поскольку в составе секции не оказалось ни одного епископа. Наиболее горячие споры развернулись вокруг двух вопросов: времени созыва Собора и порядка выборов на него. По постановлениям Предсоборного Присутствия 1906 года клириков и мирян в Собор должны были избирать епархиальные преосвященные из 20–30 кандидатов, представленных им благочинническими собраниями епархии. Такой порядок, конечно же, не мог удовлетворить членов Совета, особенно в условиях, когда на местах низшее духовенство и миряне уже принимали активное участие в церковной жизни.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. С. 5–6.

² Там же. С. 6.

³ Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 111.

Однако часть православных архиереев продолжала сопротивляться этой, по их мнению, неканоничной ситуации. В частности, в июле среди духовенства стала распространяться листовка епископа Пантелеймона¹, опубликованная затем в некоторых газетах. Под громким заголовком «Замена Божественной Благодати подсчетом голосов» Пантелеймон доказывал, что «единственно компетентным» в разрешении важнейших церковных вопросов является только «собор из епископов», а не «большевики рабочих депутатов или неканоническое сходыще мирян и клириков, которые могут иметь лишь значение грубой силы, но никакого морального значения не имеют, как бы они свое сходыще высоко не именовали»². Ряд церковных изданий (прежде всего, «Московские епархиальные ведомости») в завуалированной форме поддерживали мнение епископа Пантелеймона, предлагая предоставить мирянам на Соборе лишь совещательный голос. Члены Совета отвергли эти предложения и сошлись на том, что в выборах и работе Собора должны принимать активное участие как епископы, так и клирики и миряне.

I-ый отдел решил назначить открытие Собора на 15 августа, день Успения Богородицы. Эта дата напрямую связывалась с возможным началом работ Учредительного собрания 30 сентября 1917 года и необходимостью до этого решить на Соборе вопрос о в будущем отношении церкви к государству³. На общем заседании Совета 4 июля П.И. Астров необычайно эмоционально отстаивал скорейший созыв Собора: «...С 1 января 1918 года должен войти в силу новый бюджет, – говорил Астров, – и, если не принять мер, ассигнования на церковь из казны могут быть прекращены»⁴. 5 июля Синод утвердил своим определением принятое накануне решение общего заседания Предсоборного Совета «назначить открытие Поместного Собора Православной Российской Церкви в день честного Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1917 года в

¹ К сожалению, точно не удалось установить, кто именно являлся автором листовки. Возможно, это был епископ Двинский Пантелеймон (Рожновский).

² Пантелеймон, епископ. Замена Божественной Благодати подсчетом голосов. М., 1917. С. 1–4; ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 208. Л. 3–6.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 233. Л. 16. 9 августа Временное правительство перенесло дату открытия Учредительного собрания на 28 ноября 1917 года.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 234. Л. 18.

богоспасаемом граде Москве»¹. К определению прилагалось «Положение о выборах», согласно которому Собор делился на членов по должности (весь Предсоборный Совет, все преосвященные архиереи) и по избранию (от епархий по 5 человек: 2 от духовенства и 3 мирянина, также от монастырей, от военного и морского духовенства, от духовных академий и т.д.) Кроме того, некоторые научные учреждения (Академия наук и университеты) могли посылать от себя по одному делегату. Православным членам Государственной думы и Государственного совета уделялось 20 мест, а представителям восточных патриархов и православных автокефальных церквей предоставлялось право присутствовать на Соборе в качестве его членов². Выборы в епархиях проходили в три ступени: в приходских, благочиннических и епархиальных собраниях (соответственно 23, 30 июля и 8 августа), с тем, чтобы к 15 августа все избранные делегаты могли прибыть в Москву. По случаю созыва Собора Синод выпустил специальное обращение «Ко всем архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви»³.

Оставался открытым вопрос о внутренней структуре Собора. По постановлениям Предсоборного Присутствия 1906 года клирикам и мирянам предоставлялся только совещательный голос, что никак не могли принять в 1917 году. Вместе с тем в противоположном случае епископский авторитет оказывался «задавленным» простым большинством голосов, что признавалось также неприемлемым. Предсоборный Совет решил эту задачу, предоставив клирикам и мирянам такое же право голоса, как и епископам, но наделив последних правом отвергать неудобные им решения общего собрания Собора. Согласно подготовленному Советом «Уставу» все присутствующие на Соборе епископы образовывали особое Совещание епископов, обладающее правом «вето»⁴.

¹ Церковные ведомости. 1917. № 29 от 15 июля. С. 210.

² Боголепов А.А. От Святейшего Синода к Священному Собору Православной Российской Церкви // В кн. На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. С. 95–158.

³ Церковные ведомости. 1917. № 29 от 15 июля. С. 207–209.

⁴ Боголепов А.А. Указ. соч. С. 139.

Подобное решение вызвало бурю возмущений со стороны ВСДПДиМ¹, однако инициатива разделения, как ни странно, принадлежала обер-прокурору. Уже на первом заседании I-ого отдела Предсоборного Совета 13 июня 1917 года Львов заявил, что совместная работа клира, мирян, с одной стороны, и епископов, с другой, на Соборе невозможна, и поэтому необходимо создать две соборные курии². Тем не менее, профессор Титлинов обрушился со страниц ВЦОВ с критикой на авторов Соборного устава, что, естественно, не осталось незамеченным для Совета. Его члены потребовали от Титлинова объективно освещать проходившие дискуссии. На это профессор ответил, что он решительно протестует против вмешательства в дело редактирования ВЦОВ, «коим, по праву, распоряжается совершенно независимо редакция»³. В конфликт вмешался В.Н. Львов, написавший специальную записку в Совет: «Признать желательным, чтобы во В.Ц.О.В., в дополнение к информации, излагающей мотивировку мнения меньшинства, была напечатана информация, заключающая изложение мотивов мнения большинства, – и прения прекратить»⁴. К слову, это был не первый случай, когда официальные церковные власти прибегали к помощи обер-прокурора или его товарища, чтобы добиться публикации своих материалов во ВЦОВ. В начале июня заведующий канцелярией Училищного совета П.Н. Луппов получил от редакции газеты отказ в печати статьи о церковно-приходских школах. Ввиду этого Консультация при обер-прокуроре 6 июня 1917 года постановила «просить» А.В. Карташева «оказать содействие к напечатанию» указанной статьи в газете⁵. На последнем заседании Предсоборного Совета 30 июля снова подняли вопрос об очередной «хамской» заметке Титлинова во ВЦОВ, несогласной с постановлениями Совета. Присутствовавший на этом заседании С.П. Каблуков записал в своем дневнике, что, хотя председательствовавший архиепископ Сергей пытался замять вопрос, «все же

¹ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 91.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 119–120.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 233. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 51.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 60. Л. 42.

собаке Титлинову пришлось долго оправдываться и нагло ругаться и выслушивать немало неприятного не только от меня и Вас. П. Шеина, но даже от Высоцкого, Бенешевича, Астрова и Рункевича»¹. Устав Собора в его двухпалатном виде Синод утвердил определением от 10–11 августа 1917 года².

Вопрос о правовом положении церкви в государстве рассматривался VIII-ым отделом Предсоборного Совета, в состав которого входили архиепископ Новгородский Арсений (председатель), П.И. Астров, В.Н. Бенешевич, И.М. Громогласов, П.В. Гурьев, А.В. Карташев, Н.Д. Кузнецов, В.Н. Львов, Н.И. Лазаревский, Ф.И. Мищенко, И.М. Покровский, В.И. Яцкевич и другие. Отдел начал свою работу 13 июня. В этот день профессору Мищенко поручили подготовить небольшой доклад о формах церковно-государственных отношений в истории. На следующем заседании, 20 июня, Мищенко сообщил, что из двух новых систем взаимоотношения церкви и государства – системы отделения (Франция) и системы государственного верховенства над церковью (Германия), следует отдать предпочтение второй, как «системе будущего», отвечающей при том «существующим у нас условиям». По мнению профессора, в России не имелось тех причин, которые вызвали в некоторых странах отделение церкви от государства³. Такую точку зрения не поддержал председатель отдела архиепископ Арсений. Он заметил, что «системой будущего» правильнее все-таки назвать систему отделения церкви от государства, «как последнюю стадию в историческом процессе постепенного разграничения светской и духовной областей». Арсений выделил 4 вида церковно-государственных отношений: католический (где церковь и государство существуют параллельно), протестантский (где церковь является частью государства), частно-правовой (где церковь низводится на положение частного общества) и византийский («симфония» церкви и государства). Архиепископ высказался и против «симфонии», и против французской модели отделения, заявив, что «государство

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 48. Л. 57, 62 – 62 об. С.П. Каблуков назвал Б.В. Титлинова «креатурой сумасшедшего Львова».

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 1. С. 37.

³ ВЦОВ. 1917. 27 июня.

должно признать за церковью великую культурную силу и оказывать ей всяческую поддержку»¹. После продолжительных прений Отдел образовал особую комиссию для разработки законопроекта об отношении церкви к государству, в которую вошли профессора В.П. Шеин, В.Н. Бенешевич и Ф.И. Мищенко.

При сравнении первоначального² и окончательного вариантов законопроекта VIII-го отдела³ видно, что хотя в целом Отдел склонялся к точке зрения архиепископа Арсения (автономия церкви при всесторонней поддержке государства), но от некоторых перегибов, оставшихся от старых привилегий, представители церкви готовы были отказаться. Так, пункт 4 первоначального положения гласил: «Обязательность церковных постановлений для всех лиц, исповедующих православие в России и состоящих в русских заграничных приходах, монастырях и миссиях, поддерживаются силой государственных законов. В той же мере поддерживаются и решения церковных судов»⁴. В окончательном варианте столь неприкрытое государственное покровительство несколько нивелируется: «Постановления, издаваемые для себя Православной Церковью в установленном ею самом порядке, со стороны государства признаются нормами права, имеющими, со времени обнародования их церковной властью, обязательное значение для всех лиц и установлений, принадлежащих к Православной Российской Церкви, находящихся как в России, так и за границей». Также в окончательном варианте из фразы «глава государства и министр исповеданий должны быть православными от рождения» вычеркнули последнюю часть («от рождения»). В целом же первоначальный дух законопроекта в процессе редактирования не изменился.

13 июля итоги работы VIII-го отдела рассматривались на общем собрании Предсоборного Совета. Архиепископ Арсений произнес небольшую речь, сравнив французскую и американскую систему отделения церкви от государства, и

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 84. Л. 54–58.

³ ВЦОВ. 1917. 14 июля.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 84. Л. 55.

показав их различные истоки. По заключению архиерея, во Франции закон об отделении церкви от государства приняли в 1895 году на почве резкой враждебности между церковью и республикой и «при провозглашении свободы церковь стала гонимой». В США отделение церкви от государства произошло вследствие разноверия населения республики¹ и вылилось в дружелюбное отношение государства и церкви. Там почитаются религиозные праздники «и бывают случаи, что водворение президента в Белый дом откладывалось только потому, что совпадало с воскресным днем...»² Арсений особо подчеркнул, что лозунг «верховенства государства» тоже неприемлем, так как уже существовал на практике в течение последних 200 лет. Архиепископ заключил, что его отел остановился на принципе «Свободная церковь в свободном государстве», при котором церковь перестанет быть ведомством и ее союз с государством будет не внешним, а внутренним³.

После постатейного чтения Совет принял проект VIII-го отдела и направил документ для публикации в газетах. В конечном итоге он принял следующий вид: «1. В Русском государстве Православная Церковь должна занимать первое среди других религиозных исповеданий, наиболее благоприятствуемое в государстве публично-правовое положение, приличествующее ей, как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения. В соответствии с признанной в новом государственном строе России свободой религиозной совести и вероисповеданий, Православная Церковь должна обладать этой свободой во всей ее полноте». Пункты 2 и 3 законопроекта провозглашали автономию церкви в ее внутренних делах, а в пункте 4 оговаривалось, что «действия органов Православной Церкви подлежат надзору государства исключительно в отношении их соответствия законам государства, причем эти органы ответственны пред государством только в судебном порядке». Документ заявлял, что государство со своей стороны должно

¹ Согласно протоколам выступления, архиепископ подчеркнул вместо слова «государство» несколько раз употребил термин «республика», как бы намекая на ситуацию, складывавшуюся в России.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Л. 35 об.

³ Там же.

признать церковную иерархию и церковные установления и сохранить за ними некоторые старые привилегии (освобождение духовенства от воинской повинности; отсутствие налогов с церковных имуществ, не приносящих чистого дохода; во всех светских государственных и частных школах, в которых учатся дети православных родителей, обязательно преподавание Закона Божия, а законоучители должны содержаться за счет казны). Провозглашалось, что церковь сохранит за собой ведение метрических книг, венчание и развод, имеющих значение актов гражданского состояния (пункты 7–9). Наиболее близкими к позициям старого «цезаре-папизма» являлись пункты 11 (признание государством церковных праздников), 12 («глава Русского государства и министр исповеданий должны быть православными») и 13 («Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимущественно пользуется Православная Церковь»). Церковным школам посвящалось целых два пункта, в которых, в частности, отмечалось, что «существующие ныне установления Православной Церкви... не могут быть упразднены и имущество не может быть от них отобрано без согласия церковной власти». В последнем 18-ом пункте декларировалось, что Православная церковь продолжит получать из средств Государственного казначейства ежегодные ассигнования под условием отчетности в полученных суммах¹.

Таким образом, проект отношения церкви и государства, выработанный в Предсоборном Совете, во многих позициях совпадал с тезисами П.В. Верховского, высказанным на Екатеринославском епархиальном съезде, и постановлением Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве. Отношения церкви и государства предполагалось построить таким образом, чтобы свести к минимуму прямую административную зависимость церкви от светских властей, сохранив одновременно все преимущества ее прежнего подведомственного состояния. Явным анахронизмом была позиция о православии главы государства, однако, в Предсоборном Совете серьезных противников этого пункта не нашлось. Примечательно и то, что представители Временного

¹ ВЦОВ. 1917. 13 июля.

правительства (обер-прокурор и его товарищ) в целом согласились с позициями данного документа. Карташев констатировал, что выработанное Предсоборным Советом положение об отношении церкви и государства – «конечно не система "отделения" церкви от государства, а лишь система "отдаления" двух сторон друг от друга на такое расстояние, которое давало бы и церкви свободу и Государству позволяло быть светским, а не односторонне конфессиональным»¹.

Подводя итоги работы Предсоборного Совета, необходимо отметить, что своей результативностью он обязан, прежде всего, тем материалам, которые уже подготовили Предсоборное Присутствие и Предсоборное Собрание. Свое влияние оказала и напряженная внутривластная ситуация, поскольку надежды на ее изменение церковники возлагали на Собор (нельзя забывать, что Совет заседал под звуки выстрелов во время июльских событий в Петрограде). Определением от 14 июля 1917 года Синод предписал Предсоборному Совету закончить работы к 1 августа². В оставшиеся после этого две недели до открытия Собора Синод предполагал утвердить еще нерассмотренные им положения Совета, а также решить все организационные и технические вопросы. Всего Предсоборный Совет выпустил 12 законченных и 9 незаконченных законопроектов по всем областям церковной жизни³.

Итак, весна-лето 1917 года стали для Православной церкви временем значительных внутренних потрясений, причем государственная власть в лице обер-прокурора оказывала как стабилизирующее, так и деструктивное влияние. Последнее проявлялось, прежде всего, в декларируемом В.Н. Львовым намерении провести «обновление» или «демократизацию» церковных структур путем повсеместного введения выборного начала и ограничения власти епископата. Однако набиравшая размах «епархиальная революция» вынудила как обер-прокурора, так и Синод, легализовав участие клира и мирян в церковном

¹ Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 21.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 1. С. 29.

³ Там же. С. 33–37.

управлении, сконцентрироваться на задачах сохранения церковных структур, не допуская на местах полной самостоятельности и анархии. Это нашло свое отражение в проведенных в конце апреля – июле 1917 года реформах. Вместе с тем, необходимо заключить, что в указанные месяцы фактически началось формирование самостоятельной церковной организации, независимой от государства. Важными вехами этого стали постановления Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, а затем Предсоборного Совета. Временное правительство не контролировало и не собиралось контролировать их работу, а принимавшие в них участие государственные чиновники действовали скорее как частные лица. Так что речь уже шла не просто о «Ведомстве Святейшего Синода». Начавшая обретать реальность консолидированная позиция всех членов церкви – и духовенства, и верующих мирян, – впоследствии получила свое воплощение на Поместном Соборе.

3.4. Министерство исповеданий и Поместный Собор

После июльского кризиса премьер-министр князь Г.Е. Львов подал в отставку, и формированием правительства занялся А.Ф. Керенский. Спустя три недели сложных переговоров, консультаций и согласований, 24 июля 1917 года, он объявил о создании «Второй коалиции». В ней участвовали представители эсеров (В.М. Чернов, С.Н. Прокопович, Н.Д. Авксентьев и сам А.Ф. Керенский), меньшевиков (М.И. Скобелев, А.М. Никитин), прогрессистов (И.Н. Ефремов), кадетов (Ф.Ф. Кокошкин, П.П. Юренев, А.В. Карташев) и беспартийных (М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов).

Бывший обер-прокурор В.Н. Львов, придерживавшийся более правых политических взглядов¹, был уволен, а на его место Керенский пригласил А.В. Карташева². Видимо, главной причиной такого решения нового министра-председателя стала их дружба в дореволюционные годы. Так, в ноябре 1915 года Карташев даже привел мало интересовавшегося церковными вопросами Керенского на заседание Петроградского религиозно-философского общества. Там будущий глава Временного правительства выступил с речью о необходимости реформирования церкви, так как «равенство, свобода и братство... проповедают не только христианские мыслители, но мыслители социалистические»³. По свидетельству управляющего делами Временного правительства А.Я. Гальперна Карташев и Керенский являлись членами политической масонской организации – Великого Востока Народов России (ВВНР) – и в течение нескольких лет состояли в одной ложе⁴. Гальперн добавлял,

¹ Как уже упоминалось, в III и IV Государственной думе В.Н. Львов сменил друг за другом фракции октябристов, националистов и центристов.

² См. о нем: Князев А.П. Памяти А.В. Карташева // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж – Нью-Йорк). 1960. № 58/59 С. 68–70; Мейндорф И. А.В. Карташев – общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169–172; Пешков А.А. Антон Владимирович Карташев – либеральный консерватор // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2011. № 16. С. 239–248; Сахаров А.Н. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 89–107 и др.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2176. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

⁴ Русское политическое масонство. 1906–1918 г.г. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). Комментарии В.И. Старцева // История СССР. № 1. 1990. С. 142–144, 147, 149.

что в 1917 году А.Ф. Керенский, А.В. Карташев, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов, Н.Д. Соколов и Н.С. Чхеидзе составляли руководящий всеми ложами Верховный Совет ВВНР¹. Впрочем, других свидетельств о принадлежности Карташева к масонам нет.

Немаловажную роль в приглашении Карташева в правительство сыграла и его прежняя общественная и государственная деятельность, а также благожелательное отношение к нему православного духовенства. Например, член Синода протопресвитер Н.А. Любимов признавался в своем дневнике, что в процессе совместной работы в Синоде «все больше и больше влюбляется» в Карташева², а архиепископ Волынский Евлогий отметил в своих мемуарах, что замена Львова Карташевым в период работ Предсоборного Совета «пришлась вовремя»³. Сам Керенский, заявлял, что предстоящее открытие Поместного Собора «требовало от прокурора особого такта и деликатности, а также глубокого знания истории Церкви. Нам казалось, что на такой пост более подходит видный член Петербургской академии А.В. Карташев»⁴.

О том, что Карташев действительно пользовался уважением Керенского, свидетельствует рассказанный товарищем министра юстиции А.А. Демьяновым эпизод, когда в марте 1917 года во время «чистки» департаментов Сената простое ходатайство тогда еще только что назначенного товарища обер-прокурора спасло одного из старых сенаторов от увольнения⁵. Особое положение Карташева при Керенском подтверждается и ранее небывалой для Ведомства православного исповедания формой принятия правительственных указов. В случае особой спешности сначала издавалось постановление за подписью только министра-председателя (или его заместителя) и самого Карташева, и лишь потом оно

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 71.

² Любимов Н.А., протопресвитер. Указ. соч. С. 24.

³ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 269.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 238. А.В. Карташев преподавал в Петроградской духовной академии до 1905 года, и в 1917 году он не являлся ее «видным членом».

⁵ Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 2 (3–4). М., 1991. С. 68.

утверждалось правительством в полном составе. Таких указов имеется как минимум два: о наделении Синода правом самостоятельно возводить представителей духовенства в архиепископы и митрополиты (14 августа подписали сначала только Керенский и Карташев¹, а 19 августа остальные министры²) и об учреждении Особой комиссии по разграничению Русско-Грузинских церковных интересов (2 сентября подписали М.И. Терещенко и Карташев³, а 9 сентября все Временное правительство⁴). При этом формальная законность оказывалась так или иначе соблюдена.

Вместе с тем слишком переоценивать влияние Карташева на министра-председателя тоже не стоит. Так, в дни Директории 10 сентября Карташев подал заместителю премьера Терещенко заявление об уходе в отставку «ввиду ясно определившегося засилия социалистов над Временным правительством и невозможности подлинной коалиционной структуры кабинета»⁵. Терещенко просил министра отказаться от заявления или, по крайней мере, дождаться возвращения из Ставки Керенского, но Карташев стоял на своем. Газетам он заявил, что «социалистическая проповедь... внесла полный разврат в душу русского народа. И народ стал предателем своего государства»⁶. В связи с возможной отставкой Карташева Синод объявил 12 сентября, что «созидательной работе и всей жизни Церкви угрожает великая опасность», так как его место могут занять люди «чуждые» или даже «прямо враждебные» церковным интересам. Синод опасался, что может быть объявлено о «разрыве между Русской церковью и Русским государством», а это станет «новым великим бедствием для России». Иерархи постановили срочно командировать в Петроград первоприсутствующего члена митрополита Платона (Рождественского) для

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 29.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 307.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 22.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 63–64.

⁵ Речь. 1917. 12 сентября; Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 13 сентября. С. 6.

⁶ ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 47. Л. 330.

выступления во Временном правительстве¹. Впрочем, с окончанием очередного правительственного кризиса Карташев остался на своем посту и занимал его вплоть до ареста вместе с другими министрами в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 года.

Заместителем Карташева 29 июля 1917 года был назначен кадет С.А. Котляревский с сохранением за ним должности комиссара по делам инославных и иноверных исповеданий МВД². Скорее всего, сближение этих деятелей произошло весной 1917 года во время совместной работы над законом «О свободе совести»³. А уже с начала лета 1917 года состоящие в разных ведомствах Карташев и Котляревский стали координировать свою деятельность, пытаясь выработать единую линию правительственной политики в отношении религиозных организаций. Видимо именно Котляревский убедил в июне 1917 года товарища обер-прокурора вступить в партию народной свободы в качестве специалиста по церковным вопросам⁴. А когда начались заседания VIII-го отдела Предсоборного Совета, занимавшегося проблемой правового положения Православной церкви в России, Карташев пересылал его материалы Котляревскому, согласовывая основные положения и формулировки. Так, на одном из хранящихся в Российском государственном историческом архиве экземпляре законопроекта VIII-го отдела имеется приписка: «Подлежит обсуждению на заседании отдела в воскресенье 2 июля в 2 часа дня. Литейный 62... Его Превосходительству С.А. Котляревскому. Тверская ул. 4, кв. 7»⁵. 10 июля Котляревского включили в состав Предсоборного Совета⁶.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 380. Л. 1 – 1 об.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 202.

³ С.А. Котляревский также состоял членом русских масонских лож, но до их самороспуска в 1910 году. Прямых свидетельств о его участии в Великом Востоке народов России не имеется. См.: Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 43. См. также о С.А. Котляревском: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. М., 2007. Т. 1. С. 400–401.

⁴ См. Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь. С. 23.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 85. Л.54, 56 об.

⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 1. С. 22.

2 июля 1917 года от имени МВД был опубликован «Проект урегулирования взаимоотношений между религиозными обществами и государственными установлениями». Основными позициями этого документа стали, во-первых, создание общей законодательной базы для определения правового положения всех церквей и сект в России и, во-вторых, учреждение Министерства исповеданий как единого государственного органа, ведающего этими вопросами (пост обер-прокурора Синода предлагалось упразднить). Также заявлялось о необходимости максимального устранения светских органов от вмешательства в деятельность церковных властей при сохранении материальной поддержки конфессиональным организациям постольку, поскольку религия есть духовная ценность российских граждан. Публикацию сопровождало пояснение, что подготовкой законопроекта кроме сотрудников МВД занимались также некоторые члены Предсоборного Совета (скорее всего непосредственными авторами являлись Котляревский и Карташев)¹. Обер-прокурор В.Н. Львов проигнорировал данный документ, но заложенные в нем идеи заметно повлияли на ход дебатов в Предсоборном Совете и выработанный им окончательный законопроект².

В конце июля Котляревский и Карташев поспешили закрепить выработанные Предсоборным Советом тезисы в виде политических требований своей партии. С этой целью Котляревский совместно с профессором П.И. Новгородцевым составил соответствующие предложения по изменению кадетской программы на IX-м съезде (23–28 июля 1917 года). 26 июля Новгородцев выступил там с докладом по церковному вопросу, заявив, что его выводы основываются, с одной стороны, на мнении православного духовенства, а с другой, на постановлениях совещаний партии народной свободы. По мнению докладчика, государственной власти необходимо придерживаться основополагающего принципа «свободного самоустроения церкви на начале

¹ ВЦОВ. 1917. 2 июля.

² ВЦОВ. 1917. 14 июля.

соборности и независимости от государственной опеки»¹. Новгородцев предложил включить в программу партии следующие положения: отношение государства к Православной церкви и к другим вероисповеданиям должны определяться последовательно проведенным началом свободы вероисповедания и культа; православие, как исповедание большинства населения, занимает в России первенствующее положение; Православная церковь признается институтом публично-правового характера и наряду с другими религиозными организациями пользуется покровительством и материальной поддержкой государственной власти; Православная церковь пользуется правом самоустроения согласно учению самой церкви и постановлениям Поместного Собора; все узаконения, ставящие высшее церковное управление в положение подчиненного органа государственного управления и придающие ему характер ведомства, отменяются; надзор государственной власти ограничивается лишь наблюдением за законностью актов церкви; для этого, а также для осуществления государственной поддержки и покровительства религиозным организациям учреждается должность министра исповеданий; с духовенства снимаются права и обязанности по ведению всяких актов гражданского состояния (метрических, брачных, по воинской повинности, статистических и др.) и по объявлению с церковной кафедры манифестов, указов и других чисто государственных распоряжений. Анализируя суть доклада Новгородцева, О.Ю. Редькина усмотрела в нем компромисс «между передовыми по тому времени взглядами на вопросы свободы совести и вероисповеданий и боязнью резкого слома традиционных государственно-церковных отношений»². Однако можно предположить, что объяснение видимого противоречия лежит в области стратегии и тактики кадетов. Если реализация модели внеконфессионального государства являлось стратегией партии народной свободы, то внешний союз с православием – тактикой. Новая церковная программа партии призвана была стать выполнимой в ближайшее

¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. С. 704–705.

² Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль – октябрь 1917 года). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16.

время. На это вслед за выступлением Новгородцева указал Котляревский. По его словам, озвученные тезисы соответствовали постановлениям Предсоборного Совета и Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, и это «дает основания полагать, что, в общем, они будут приняты и на грядущем Соборе»¹. Этот довод, по-видимому, стал решающим, и после недолгих обсуждений тезисы Новгородцева в неизменном виде вошли в новую кадетскую программу². Таким образом, Карташев и Котляревский в дальнейшем следовали уже официально закрепленным установкам партии народной свободы, при том, что сами являлись их творцами³.

Сразу после своего назначения на должность обер-прокурора Синода Карташев дал журналистам интервью, в котором поведал, что правительство намерено уже в ближайшее время учредить Министерство исповеданий, в ведение которого перейдут учреждения Святейшего Синода и Департамент духовных дел МВД. Задачей министерства, по словам Карташева, станет «снятие стеснительных пут с православной церкви и предоставление ей свободной внутренней жизни, конечно, поскольку это разрешат интересы государства, поскольку церковь не будет выходить из пределов своих церковных дел». Новый обер-прокурор добавил, что статус Министерства исповеданий будет временный, «да иначе и не может быть»: «Теперь нет помазанников, нет помазанной власти и даже необязательно, чтобы она была православной. А потому и необходимо... пересмотреть отношение государственной власти и православной церкви и обратно». Себя на предстоящем Поместном Соборе Карташев видел в положении «доброего советчика», предупреждающего от опрометчивых и нетактичных решений по отношению к государству, а всякие иные вмешательства

¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 705–706.

² Там же. С. 724–725.

³ А.В. Карташев прямо написал о том, что данная интрига, как бы связавшая церковь с кадетами, была осуществлена С.А. Котляревским и П.И. Новгородцевым. «Неудивительно поэтому, что и в программу этой культурнейшей партии, пересмотренную на партийном съезде в Москве (июль 1917 г.), были внесены вновь разработанные пункты о взаимоотношениях церкви и государства, по существу и даже букве совпадавшие с тем, что сформулировано было и на Предсоборном Совете в С. Петербурге», – отметил Карташев. См.: Карташев А.В. Указ. соч. С. 20.

государственной власти в труды собора – недопустимы¹. 25 июля Карташев посетил своего друга С.П. Каблукова и отметил, что «в свою долговечность в должности министра... не верит». Далее они говорили «о его опасном положении, о том, что следовало бы ему теперь причаститься. Он сказал, что и сам об этом думал...»²

На первом заседании нового состава правительства 25 июля А.В. Карташев выступил с инициативой упразднения обер-прокуратуры Синода, как пережитка времен цезаре-папизма. В своем письменном представлении Карташев отметил, что «...в силу общего характера совершившегося преобразования государственного строя России утратилось реальное основание к тому глубокому разъединению, которое существовало между порядком управления делами православного и прочих исповеданий». Поэтому, по мысли Карташева, сношение со всеми исповеданиями необходимо объединить в одном центральном органе, который «при всех формах отношений государства и церкви, вплоть до их взаимного разделения, понадобится учредить как для выработки соответствующих основных законов, так и для дальнейшего заведования делами культа в тех областях государственной жизни, где вопросы веры будут соприкасаться с суверенитетом государства»³. Временное правительство одобрило идею Карташева, и вскоре по его поручению чиновники Канцелярии Синода С.Г. Рункевич и П.В. Гурьев составили проект положения об учреждении Министерства исповеданий. Обер-прокурор самолично отвез документ в Юридическое совещание, где его доработали В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде⁴. На заседании правительства 5 августа председатель Юридического совещания Н.И. Лазаревский зачитал законопроект, после чего его утвердили министры⁵. По устному предложению Керенского было решено с этой минуты именовать Карташева «министром исповеданий», а его заместителя Котляревского

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 47. Л. 24–25.

² Там же. Л. 27.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 243 об – 244.

⁴ Карташев А.В. Указ. соч. С. 23.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 256–258.

«товарищем министра исповеданий»¹. Министр внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев охотно подписал акт о передаче в новое министерство Департамента духовных дел иностранных исповеданий, сказав при этом Карташеву: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!»² Вообще позиция министров-эсеров (Керенского, Авксентьева и других) по отношению к новому министерству выглядит довольно странной, поскольку предлагаемая реформа была весьма далека от их партийного лозунга о «религии как частном деле каждого». Однако, возможно, все объясняется наметившимся после июльских событий поправением политических настроений, проявившихся, в том числе, на Государственном совещании 12–15 августа 1917 года. Также можно предположить, что церковные вопросы в правительстве Керенского были переданы на усмотрение Карташева как представителя партии кадетов в рамках коалиционной структуры распределения ответственности между министрами.

Согласно принятому 5 августа положению о создании Министерства исповеданий, в нем объединялись существовавшие ранее Канцелярия обер-прокурора Синода (переименованная в Департамент по делам Православной церкви) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (отныне именуемый Департаментом инославных и иноверных исповеданий). Должности обер-прокурора и его товарищей упразднялись, вместо них учреждались соответственно должности министра исповеданий и двух его товарищей по двум департаментам. При этом оговаривалось, что министр и его заместители должны исповедовать православие. Этим подчеркивалась особая «государствообразующая» роль этой конфессии в России. У министра исповеданий временно – до принятия государственной властью нового закона о положении Православной церкви в стране – сохранялись права и обязанности обер-прокурора Святейшего Синода³. Таким образом, создание Министерства исповеданий стало следующим, после указа о свободе совести, шагом в русле

¹ Там же.

² Карташев А.В. Указ. соч. С. 21.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 10 августа; Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 августа.

построения в России внеконфессионального государства. В министерстве воплотилась идея единого государственного органа, ответственного за контакты со всеми религиозными организациями. При этом ряд преимуществ у Православной церкви все же оставался: ее делами занимался отдельный департамент, министр и его товарищи исповедовали православие. Упразднение обер-прокуратуры имело и важный моральный смысл. «Неприлично было, – писал впоследствии Карташев, – в виду приближающегося срока открытия Собора, сохранять старую должность и старое имя обер-прокурора»¹. В день выхода постановления об учреждении Министерства исповеданий он заявил Синоду, что отныне де-факто объявляет его работу совершенно автономной, и что Временное правительство с нетерпением ждет Собора, чтобы снять со своего министра остаток его обер-прокурорских полномочий².

Значительная часть времени работы нового министерства оказалась посвящена организационным вопросам, хотя оно и комплектовалось старыми кадрами из вошедших в его состав подразделений. Департамент по делам Православной церкви возглавил бывший директор Канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевич, а во главе Департамента по делам инославных и иноверных исповеданий стал Г.Н. Тарановский³. Кроме Котляревского второго заместителя министра так и не назначили. Более того, министерство так и не успело получить самостоятельной финансовой сметы, и жалование его чиновникам продолжало поступать через бюджеты Синода и МВД. Проект штатов нового Министерства исповеданий Карташев внес на рассмотрение правительства 6 сентября 1917 года⁴. Подчеркивая особую важность задач Департамента по делам Православной церкви, министр исповеданий отмечал, что, с одной стороны, департаменту будет поручено проведение государственной политики в отношении исповедания большинства населения, а, с другой, православных церквей в России уже не одна,

¹ Там же.

² Карташев А.В. Революция и Собор 1917 – 1918 г. С. 86.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 329. Л. 229–230.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 640.

а две: Русская и Грузинская. По словам Карташева, «современное положение обеих церквей таково, что требует постоянного внимания со стороны государственной власти»¹. Министр исповеданий также предположил, что на департамент ляжет задача подготовки сначала для Учредительного собрания, а потом и для будущих законодательных учреждений материалов, касающихся отношения церкви и государства. В рамках департамента планировалось образовать следующие отделы: инспекторский (утверждение в должности или увольнение церковных служащих со стороны государственной власти постольку, поскольку сама церковь будет нуждаться в этом), финансовый (хозяйственные дела департамента, отчеты Государственному контролю по ассигнованию и выдаче кредитов церковным организациям), статистический (сбор данных о той или иной стороне церковно-общественной жизни православного населения), информационный (сбор нецифровых сведений, включая обзор печати), юрисконсультский и два отдела, занимающиеся непосредственно делами Русской и Грузинской православных церквей. В штате департамента также были предусмотрены должности чиновников особых поручений (4 человека)². Таким образом, департамент должен был стать органом, отражающим новый порядок государственно-церковных отношений и оперативно реагирующим на все события православной жизни страны (целых два отдела занимались сбором информации!) Как справедливо отметила Н.В. Белошапка, комплектование нового ведомства планировалось по типу других министерств, созданных правительством: за основу были взяты штатные расписания Министерства народного просвещения и Министерства труда³. Также нужно подчеркнуть, что Карташев предполагал оставить за Министерством исповеданий контроль за государственными ассигнованиями религиозным учреждениям, что представляло собой серьезный механизм воздействия на них.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 265.

² Там же. Л. 271–273.

³ Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 143.

Законопроект о штатах нового министерства долго не мог попасть в повестку дня правительства. От их скорейшего принятия напрямую зависели порядок и размер выплаты сумм, поступающих в министерство из государственного казначейства. 4 октября Карташев направил В.И. Яцкевичу телеграмму, в которой сообщил, что Министерство финансов просит не позднее 15 октября прислать смету Министерства исповеданий (или, в крайнем случае, «установленные цифры»), поскольку в противном случае смета до начала 1918 года вообще не будет утверждена¹. Среди архивных документов имеется несколько проектов «расписания» окладов служащих Департамента по делам Православной церкви, и во всех них в результате предполагаемой реорганизации жалование сотрудников уменьшалось по сравнению с Канцелярией обер-прокурора Синода. Например, по проекту, предварительно составленному Яцкевичем, ему самому полагалось 12 100 рублей в год вместо прежних 14 400 рублей, вице-директору П.И. Исполатову и юрисконсульту В.В. Радзимовскому – 9 800 рублей вместо 10 382,48 рублей, старшим столоначальникам Н.П. Шарапову, Ф.И. Виноградову и И.В. Преображенскому – 6 300 рублей вместо 6 669,25 рублей² и т.д. Это объяснялось тем, что в Канцелярии обер-прокурора Синода служащие получали «двойное» жалование: из государственной казны и из специальных синодальных средств³. Теперь второй источник выплат предполагалось полностью исключить.

В проекте штатов Министерства исповеданий, внесенных в Канцелярию правительства 6 сентября⁴, размер жалования служащих еще более сокращался. В прилагаемой смете зарплата директора департамента составляла 11 000 руб., двух вице-директоров по 7 000 руб., 6 делопроизводителей по 4 500 руб., 12

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 344.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 42. Л. 13 – 14 об.

³ Так, на зарплаты сотрудников канцелярии обер-прокурора Синода до создания Министерства исповеданий выделялось 99 295 руб., из них 60 500 руб. – из казенных средств и 38 795 руб. из специальных средств Святейшего Синода. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 42. Л. 15 – 15 об.

⁴ Обнаружены две копии этого представления: одна в бумагах Министерства исповеданий (РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 300–310), другая – среди материалов Канцелярии Временного правительства (РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 640. Л. 1–57).

делопроизводителей по 3 000 руб. в год и т.д. Всего предполагалось выделять по 311 335 руб. в год (168 740 руб. Департаменту по делам Православной церкви и 142 595 руб. Департаменту инославных и иноверных исповеданий), а до конца 1917 перечислить Министерству исповеданий 36 471 руб.¹ Чтобы обеспечить сохранение существующего уровня зарплат, законопроект отдельной строкой предлагал выплачивать персональные прибавки тем чиновникам, у кого в результате реформы оклад уменьшался².

Только 11 октября 1917 года Малый совет министров рассмотрел и принял штаты Министерства исповеданий. Постановление упраздняло Департамент духовных дел и его смету, до сих пор являвшуюся частью калькуляции МВД. Всего на 1918 год Министерству исповеданий отводилось 33 860 476 рублей, почти все эти средства должны были идти на содержание учреждений имевшихся в России конфессий, прежде всего Православной церкви. На само министерство выделялось 436 894 рубля (из них 201 606 рублей Департаменту по делам Православной церкви, 187 853 рубля Департаменту инославных и иноверных исповеданий и 47 435 рублей на награды и пособия служащим)³.

После утверждения штатов Министерства исповеданий Карташев незамедлительно направил копию журнала этого заседания Малого совета министру юстиции с просьбой как можно скорее опубликовать постановление⁴. Однако из-за Октябрьских событий Сенат не успел этого сделать, и штаты так и не вступили в силу⁵. Видимо, поэтому Карташев 29 октября 1917 года написал из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости С.П. Каблукову, что «штаты Министерства исповеданий все еще не прошли во Временном правительстве. Прошли лишь по Малому совету»⁶. Таким образом, окончательное оформление структуры нового министерства так и не завершилось.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 308–309.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 640. Л. 1–57.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 299.

⁴ Там же. Л. 347.

⁵ Там же. Л. 358.

⁶ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 329.

Политика Министерства исповеданий в отношении Православной церкви характеризовалась прекращением административного регулирования внутрицерковных вопросов. Первоначально Карташев даже предполагал немедленно отказаться от контроля над имуществом и финансами духовного ведомства. Среди бумаг Департамента по делам Православной церкви имеется рукописная записка, предлагавшая незамедлительно освободить министра исповеданий от церковно-хозяйственных функций, подчинив Хозяйственное управление Синода непосредственно самим архиереям. Одновременно рекомендовалось назначить во Временное правительство особого представителя церкви по делам церковного хозяйства и имущества¹. Однако схема получалась слишком громоздкой, и от нее решили отказаться. Министр исповеданий, а потом его заместитель до конца 1917 года контролировали хозяйство Синода постольку, поскольку последний все еще *de jure* являлся органом государственной власти и финансировался из Государственного казначейства. Так, 5 октября Котляревский направил в Синод ведомость об имеющихся в Синодальном казначействе на 1 октября 1917 года капиталов и знаков отличия для духовенства, а также о свободном остатке по смете специальных средств. Иерархи изучили и «приняли к сведению» данный документ 30 ноября 1917 года².

При том, что с августа Временное правительство в лице Министерства исповеданий фактически устранилось от вмешательства во внутренние дела церкви, внешнюю «формальную» сторону принятия актов церковного управления Карташев все же старался соблюдать: те постановления Синода, которые согласно действующим законоположениям требовали санкции верховной власти, министр передавал на рассмотрение правительства. Среди архивных бумаг Карташева удалось даже найти «реестр определений Св. Синода, подлежащих внесению на утверждение Временного правительства», где, в том числе, значились постановления о созыве Поместного Собора, об изменении устава духовных консисторий в главе о прекращении и расторжении браков, о передаче дел из

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 247.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 111.

Синода в епархии и т.д.¹ В документе имелась специальная графа, в которой отмечалось, где эти постановления опубликованы («Вестнике Временного правительства» или «Собрании узаконений»), поскольку только после публикации правительственные распоряжения получали силу закона. Такой подход кардинально отличал Карташева от его предшественника, В.Н. Львова, который с момента формирования «Первой коалиции» стремился не допускать других министров к обсуждению проблем своего ведомства. В этом смысле показательны следующие цифры: если в июне – конце июля 1917 года вопросы Православной церкви по инициативе обер-прокурора обсуждались на заседаниях правительства всего 1 раз², то только за последние несколько дней июля – август 1917 года церковным проблемам было уделено внимание на 9 заседаниях министров³. В сентябре по представлениям Карташева вопросы православия поднимались на 5-ти заседаниях Временного правительства⁴, а в октябре – не менее чем на 2-х⁵.

Более того, Карташев направил на утверждение Временного правительства все определения Синода предыдущих революционных месяцев о перемещении епископов. Так, 5 августа министры утвердили постановления марта–апреля 1917 года об увольнении на покой митрополитов Петроградского Питирима, Московского Макария, архиепископа Тобольского Варнавы и др.⁶ 14 августа правительством были утверждены синодские определения мая–июля 1917 года об увольнении и назначении ряда духовных лиц, а также об учреждении в Екатеринославской епархии кафедры викарного епископа Павлодарского⁷. В последующее время Карташев исправно передавал в правительственную канцелярию постановления о новых изменениях в составе православного

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 90 – 91 об.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 231.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 140, 202, 217, 256–258, 283, 288, 296, 307, 315.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 63–64, 124, 162, 167, 199, 212.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 30 – 30 об; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2–3.

⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 256–258.

⁷ Там же. С. 288.

епископата. Так, 22 августа Временное правительство утвердило определение Синода от 10 августа «о бытии» архиепископу Сергию (Страгородскому) архиепископом Владимирским и Шуйским¹, 7 и 14 сентября – определения Синода от августа 1917 года «о бытии» архиепископу Антонию (Храповицкому) архиепископом Харьковским, о назначении епископа Вольского Досифея епископом Саратовским и Царицынским и др.² В журналах заседания правительства эти постановления выносились отдельными пунктами, а не размещались в разделе «о назначениях и увольнениях должностных лиц». «Высочайшее утверждение» производилось в августе–октябре 1917 лишь формально, без рассмотрения дел по существу. Например, 14 августа 1917 года были одновременно утверждены определение о назначении vikария Киевской епархии Никодима епископом Петровским (Саратовская епархия), и более позднее определение о его возвращении обратно на кафедру епископа Чигиринского, vikария Киевской епархии³. Вместе с тем, надо отметить, что в силу загруженности правительства не все акты церковного управления удавалось провести через его рассмотрение достаточно быстро. Например, внесенный в Юридическое совещание 8 сентября законопроект о положении русских приходов в Закавказье правительство утвердило только 6 октября 1917 года⁴, а новый устав духовных академий вообще так и не попал в повестку дня⁵.

В преддверии открытия Поместного Собора 13 августа 1917 года Святейший Синод постановил возвести в сан митрополитов архиепископа Московского Тихона, архиепископа Петроградского Вениамина и архиепископа Тифлисского Платона⁶. Однако привилегия давать белые клобуки, бриллиантовые кресты на клобуке, митры и некоторые типы наперсных крестов принадлежала монарху, а после революции перешла к Временному правительству. В связи с

¹ Там же. С. 315.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 63–64, 124.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 288.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 48–49. С. 432.

⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2–3.

⁶ Там же.

этим 14 августа Карташев направил Керенскому докладную записку, в которой сообщил о состоявшемся постановлении Синода и попросил разрешить церковной власти самой возводить в сан высших православных иерархов без предварительного утверждения со стороны министров¹. Не откладывая вопроса, уже 14 августа Керенский, находясь в Москве на Государственном совещании, подписал специальный указ о предоставлении Синоду права награждать духовных лиц саном митрополита, архиепископа, бриллиантовым крестом на клобуке, митрою и наперсным крестом с украшениями². «Так педантично старались выдерживать при Временном правительстве линию легальности», – впоследствии заметил по этому поводу Карташев³. Думается, что именно данное постановление можно рассматривать как своеобразный канонический акт, легализовавший в глазах церкви возможность самостоятельного возведения высшего духовенства не только в архиепископы и митрополиты, но и в патриархи, хотя это напрямую указом и не оговаривалось. Выборы патриарха состоялись всего несколько месяцев спустя, после ареста правительства, но с одобрения его представителя – товарища министра исповеданий. Вслед за этим 28 ноября 1917 года в сан митрополитов возвели еще пять архиепископов: Новгородского Арсения, Харьковского Антония, Владимирского Сергия, Ярославского Агафангела и Казанского Иакова. Утверждения их в должности со стороны государственной власти уже так и не состоялось⁴.

Карташев фактически не использовал сохранявшиеся у него обер-прокурорские полномочия, предоставив решение внутрицерковных дел Синоду. Подтверждением этому служат проводимые с августа 1917 года крупные кадровые перестановки в штате духовных консисторий. Увольнялись прежние служащие, которые заменялись выбранными на епархиальных съездах

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1428. Л. 1–2.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 151. Л. 29; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 114. Как уже упоминалось, принятие данного постановления всем составом Временного правительства состоялось 19 августа. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 307.

³ Карташев А.В. Указ. соч. С. 79.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 124–125.

представителями¹. Министр исповеданий отказался и от контроля за назначением секретарей консисторий, лишь формально утверждая предложенные Синодом кандидатуры². Вместе с тем, Карташев продолжал формально утверждать назначения и перемещения не только чиновников Министерства исповеданий, но и синодальных учреждений³.

Устранившись от церковного администрирования, Министерство исповеданий выступало в роли главного внешнего защитника духовного ведомства. Видимо, именно позиция Министерства исповеданий создала почву для существующей в историографии точки зрения о том, что «Временное правительство видело в православии главенствующую опору существующей власти» и «старалось оказывать ей помощь на государственном уровне, как “религии основной части населения”»⁴. Этот вывод справедлив не для всего правительства, а, главным образом, для ведомства А.В. Карташева, последовательно отстаивавшего интересы православия и даже вступавшего в конфликты с другими министерствами. Об активной переписке с МВД относительно арестов представителей духовенства и захватах церковного имущества уже сообщалось. Имелись и другие примеры. Так, получив в августе 1917 года известие от епископа Астраханского Митрофана о том, что местная почта на основании циркуляра министра почт и телеграфов отказала консистории в бесплатном приеме казенной корреспонденции, Министерство исповеданий тут же связалось с Министерством почт и телеграфов с тем, чтобы урегулировать ситуацию. Одновременно всем духовным консисториям послали запрос, не случалось ли где-то еще затруднений с отправкой корреспонденции. Из ответов стало ясно, что имел место только один инцидент (поселок Ульяновка, Петроградская губерния), но и его уладили на месте⁵.

¹ Церковные ведомости. 1917. № 38–39. С. 334; №40–41. С. 361; №46–47. С. 415.

² Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 393. А 20 сентября Карташев подписал приказ об утверждении в должности секретаря Тамбовской духовной консистории Якова Артюховского, «по определению Синода с 28 августа 1917 года». См.: Вестник Временного правительства. 1917. 21 октября.

³ Там же.

⁴ Левченко И.В. Русская православная церковь и государство. Иркутск, 1997. С. 75.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 48. Л. 256-258.

Во второй половине лета в преддверии начала учебных занятий остро встал вопрос об освобождении военным ведомством зданий духовно-учебных заведений. Размещение в них лазаретов и госпиталей, а затем и собственно военных учреждений началось еще в 1914 году, и уже к концу 1915 года оказались заняты 32 духовные семинарии из 57, 66 духовных училищ из 185 и 24 женских епархиальных училища из 73. В дополнение к этому 15 духовных учебных заведения подверглись эвакуации и в трех женских училищах открыли лазареты¹. После Февральского переворота духовенство и верующие заговорили о необходимости усиления религиозно-нравственного воспитания в условиях нового строя, и проблема обеспечения нормального функционирования духовно-учебных заведений стала необычайно актуальной. К ее решению подключился обер-прокурор. Так, весной 1917 года его канцелярия попросила Главное управление по квартирному довольствию войск как можно скорее освободить от постоя воинского лазарета 3-е Московское епархиальное женское училище на Якиманке² и не допустить размещения туберкулезных солдат в Самарской духовной семинарии³. А 23 июня 1917 года Бессарабский епархиальный исполнительный комитет направил В.Н. Львову просьбу принять меры к освобождению 61-м Головным эвакуационным пунктом главных зданий Кишиневского епархиального училища к 15 августа «вследствие начала занятий»⁴.

В ряде случаев возник вопрос о денежной компенсации. В Полтаве духовную семинарию заняло эвакуированное Виленское военное училище. Несмотря на это, правление семинарии все же смогло наладить учебный процесс, арендовав дополнительные помещения на стороне и потратив на это в 1915–1917 гг. 39 000 руб. 20 июля обер-прокурор Синода обратился к военному министру с

¹ Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Пг., 1916. Кн. 1 Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. С. 248–249.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 1.

³ Там же. Л. 7–9.

⁴ Там же. Л. 31.

просьбой возместить указанные средства семинарии¹. А 30 сентября товарищ министра исповеданий предложил военному ведомству уплатить Челябинскому духовному училищу 8 216,55 руб. за постой «в прежнее время», а также «потребную сумму» на содержание заведения в 1917-1918 учебном году².

Пострадали даже духовные академии в Петрограде и Казани. 10 июля В.Н. Львов переправил премьер-министру Керенскому заявление исполнительного комитета студентов Петроградской духовной академии о необходимости принятия решительных мер «к прекращению разрушения и разграбления академического имущества размещенными в академии войсками». Обер-прокурор попросил вообще освободить академию от воинского постоя³. А 23 августа ректор Казанской духовной академии епископ Анатолий (Грисюк) телеграммой на имя министра исповеданий сообщил, что в дополнение к расквартированной в академии школе прапорщиков командующий военным округом постановил перевести туда еще и эвакуируемый Псковский кадетский корпус⁴. 27 августа Котляревский объявил военному министру, что «отнятие академических зданий грозит прекращением занятий студентов и семинаристов», и просил содействия в решении проблемы⁵.

14–26 июля 1917 года Синод принял общее постановление, в котором просил обер-прокурора ходатайствовать перед Временным правительством об освобождении к началу 1917–1918 учебного года духовно-учебных заведений от «занятия для нужд военного времени». Сложившуюся ситуацию члены Синода оценивали как критическую, отмечая, что она оборачивается не только фактическим сокращением учебного года, но и «понижением уровня образования». В документе указывалось, что на тот момент из 59 духовных семинарий были заняты 40, из 185 духовных училищ – 60, из 74 епархиальных

¹ Там же. Л. 34–36.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 4

женских училищ – 25, из 11 училищ духовного ведомства – 4. При расчете не учитывались эвакуированные учебные заведения¹. 7 августа Министерство исповеданий направило свое предложение об освобождении духовных академий, семинарий и училищ во Временное правительство, но вопрос так и не был рассмотрен².

В конце лета – осенью 1917 года переписка об освобождении духовно-учебных заведений активизировалась. В письме министру финансов М.В. Бернацкому 13 октября 1917 года Карташев сообщил, что «Православная русская церковь в текущую войну оказала уже Родине большую помощь предоставлением принадлежащих духовно-учебным заведениям зданий для нужд войны»³. В августе и сентябре 1917 года министр исповеданий несколько раз просил Военное министерство вернуть церкви Новгородскую и Ставропольскую духовные семинарии⁴, духовные училища в Полоцке⁵ и Николаевске (Самарская губерния)⁶, не допускать реквизиции последних свободных помещений в Минской духовной семинарии⁷ и Сумском духовном училище⁸.

В здании Черниговского епархиального женского училища оказались собраны целых три духовно-учебных заведения с общим количеством учащихся 1500 человек. При этом возможность начала занятий была поставлена под угрозу в связи с размещением в училище 13-го запасного пехотного полка. Совет училища телеграфировал в Учебный комитет Синода: «всюду обращались за помощью обещают но не освобождают окажите содействие иначе первого

¹ 3 духовные семинарии (Литовская, Рижская и Холмская), 8 духовных училищ (Варшавское, Виленское, Жировицкое, Мелецкое, Полоцкое, Рижское, Слуцкое, Холмское), 5 епархиальных женских училищ (Вольнское, Виталиевское, Илукстское, Виленско-Мариинское, Полоцкое Спасо-Ефросиниевское) и 3 училища духовного ведомства (Паричское, Полоцкое и Виленское). Занятия в них не могли начаться ввиду эвакуации. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 37.

² Там же. Л. 69 – 69 об.

³ Там же. Л. 73 – 74 об.

⁴ Там же. Л. 48 – 48 об, 64 – 67 об.; ⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 22–25.

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 40 – 42 об.

⁷ Там же. Л. 70, 72.

⁸ Там же. Л. 43.

сентября полторы тысячи учащихся очутится на улице»¹. В октябре и ноябре 1917 года товарищ министра исповеданий писал об этом в военное ведомство².

Конечно же, в условиях войны, а также неразберихи 1917 года сложно говорить о какой-либо эффективности всей этой межведомственной переписки. Однако в ряде случаев она все же имела действие. Так, 19 июня 1917 года товарищ обер-прокурора Синода потребовал от военных властей освободить здание Нижегородской духовной семинарии³. В ответ 11 августа 1917 года Главное управление по квартирному довольствию войск сообщило, что перевод в Нижний Новгород школы прапорщиков отменяется, и здание духовной семинарии вскоре будет освобождено от расформированного учебного батальона⁴. В Тамбове по требованию обер-прокурора губернский комиссар приостановил реквизицию больницы при Серафимовском духовном училище, основное здание которого с 1914 года уже заняли лазарет и казармы⁵. А после вторичного обращения министра исповеданий 10 ноября Главное управление Генерального штаба уведомило, что Тамбовский распорядительный комитет предложил Тамбовской городской управе освободить больницу Серафимовского духовного училища, подыскав для находящегося там госпиталя другое помещение⁶. Также по требованию Министерства исповеданий военное ведомство постановило полностью освободить Петроградскую и Рязанскую духовные академии⁷.

В 1917 году на здания духовно-учебных заведений претендовали не только военные. Широкая практика их использования в годы Первой мировой войны для разных «внеучебных» целей способствовала созданию общественного стереотипа

¹ Там же. Л. 85–86.

² Там же. Л. 83–84.

³ Там же. Л. 10 – 10 об.

⁴ Там же. Л. 39 – 39 об.

⁵ Там же. Л. 55–58.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 18 об – 19 об; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 55, 68, 81.

⁷ Там же. Л. 47, 75, 76; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 28.

о второстепенной важности духовных академий, семинарий и училищ. Реквизицией их помещений занимались всевозможные городские и земские органы. Например, в освобождающееся здание Вятской духовной семинарии петроградские благотворительные учреждения в 1917 году предложили эвакуировать 1-й, 6-й, 9-й петроградские городские детские дома, Богдановскую профессиональную школу и Дом призрения имени Брусницыных. Отмечалось, что семинария может вместить около 600 человек, но в ней необходимо немедленно сделать ремонт, так как там был постой солдат¹. С весны 1917 года на здания духовно-учебных заведений стали претендовать также и появлявшиеся по всей стране советы. Так, 27 мая Владимирский губернский Совет солдатских депутатов обратился в правление местной духовной семинарии с просьбой выделить помещения для временного расквартирования членов совета. Правление предложило запросить разрешения в Петрограде, после чего совет направил телеграмму обер-прокурору Синода. Не получив ответа, 3 июня 1917 года солдаты заняли часть помещений семинарии явочным порядком. Только 20 сентября Департамент по делам Православной церкви Министерства исповеданий «добрался» до этого вопроса и запросил Владимир о состоянии вещей². Архиепископ Сергей ответил, что Губернский Совет солдатских депутатов, заняв в июне верхний этаж спального корпуса духовной семинарии, собрался реквизировать все здание. При этом в корпусе епархиального общежития и в части классного корпуса семинарии находился лазарет. 12 сентября Министерство исповеданий обратилось к военному ведомству за содействием, отметив, что решение совета ставит под сомнение начало учебных занятий «даже с 1 октября»³. Но в конце ноября 1917 года представители реорганизованного Владимирского Совета рабочих и солдатских депутатов не только отменили решение правления семинарии о закрытии находившегося в ее стенах лазарета, но и объявили о скорой реквизиции всего ее здания. 4 декабря 1917 года товарищ

¹ Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2013. С. 66.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 29–30.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 16 об – 17.

министра исповеданий С.А. Котляревский поставил на донесении об этом резолюцию: «министру внутренних дел»¹, видимо, рассчитывая на скорое восстановление деятельности «законной» власти в связи с открытием Учредительного собрания. И хотя после свержения Временного правительства противодействовать советам в вопросе о занятии духовных учреждений стало некому, но церковное руководство все еще надеялось на возможность восстановления учебного процесса: 29 ноября 1917 года Святейший Синод циркулярно предписал епархиальным преосвященным принять все возможные меры к тому, чтобы здания духовно-учебных заведений, занятые под лазареты, разгружались в первую очередь².

Надо добавить, что для нужд военного времени активно использовались и монастыри. Указ Синода от 31 июля 1915 года предписывал не препятствовать отводу монастырских помещений под лазареты и другие цели, связанные с войной³. В 1917 году «уплотнение» продолжалось. Например, 8 сентября главный врач 95-го Полевого Запасного госпиталя осмотрел новгородские обители и принял решение занять корпус летних покоев Юрьева монастыря со смежными кельями, добавив, что в случае необходимости можно использовать и «зало покоев о. настоятеля». Заняли также помещения Десятинного монастыря: 9 сентября Новгородский губернский распорядительный комитет постановил выделить данные строения госпиталю⁴. Архиепископ Новгородский Арсений, прочитав донесение о состоявшемся решении, поручил руководству обителей «озаботиться обеспечением надлежащего ремонта сданных помещений теми учреждениями, которые теперь заняли эти помещения»⁵. Военные власти претендовали и на принадлежащие духовному ведомству здания в Новгородском Кремле, но епископу Алексию (Симанскому) удавалось в течение нескольких месяцев при помощи Красного Креста сохранять действовавший там

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 87 – 87 об.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 2 от 30 января. С. 3.

³ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 985. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4 об.

епархиальный лазарет. И только 15 ноября викарий получил поддержанное городским головой ультимативное требование очистить данные помещения¹.

Еще один вопрос, в связи с которым осенью 1917 года государство (посредством Министерства исповеданий) и церковь продолжали активное взаимодействие, – это проблема вывоза имущества и «личного состава» в связи с наступлением немецких войск. После сдачи Риги 21 августа 1917 года Временное правительство приняло решение об эвакуации из Петрограда высших правительственных учреждений. В связи с этим с 1 сентября 1917 года начало действовать Особое междуведомственное совещание под председательством начальника военных сообщений Петроградского военного округа полковника В.П. Дягилева. Министерство исповеданий делегировало туда двух своих представителей: начальника отделения Департамента по делам Православной церкви И.В. Преображенского и секретаря Департамента по делам иностранных и иноверных исповеданий А.И. Кочетова². С 19 сентября в заседаниях участвовал и представитель Синода – К.И. Разумовский³. Основная задача совещания сводилась к выявлению возможных к занятию зданий в Москве и других городах и распределению их между правительственными органами. Однако выяснилось, что духовное ведомство выступает скорее как «донор» и не требует подыскания дополнительных помещений при переезде: духовно-учебные заведения и монастыри при условии их освобождения от лазаретов могли разместить все центральные учреждения Синода и даже относительно немногочисленный штат обоих департаментов Министерства исповеданий⁴. 3 октября Дягилев даже попросил предоставить ему список зданий духовного ведомства с отметкой, какие из них можно уступить для правительственных учреждений⁵.

¹ Письма патриарха Алексия своему духовнику. С. 53–57, 62–63, 92)

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Как объявил Дягилеву Кочетов, помещение, необходимое для его Департамента иностранных и иноверных исповеданий в Москве «будет предоставлено в одном из зданий, принадлежащих Святейшему Синоду». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 63–64.

После того как 4 октября Керенский предложил эвакуироваться в Москву самому Временному правительству, министры заявили о необходимости переезда из столицы и открывшегося в Мариинском дворце Совета Республики (Предпарламента): его хотели разместить в Московской консерватории и примыкающему к ней зданию Синодального училища¹. А 11 октября к Карташеву обратился министр финансов М.В. Бернацкий, попросивший содействия в размещении в Московской духовной семинарии эвакуируемой Экспедиции заготовления государственных бумаг. Бернацкий отметил, что Временное правительство уже одобрило эту инициативу². В ответном письме от 13 октября 1917 года Карташев объяснил, что в указанном здании живут члены Поместного Собора, и даже если бы место и нашлось, «едва ли представлялось удобным соединить проникновенную духовную работу членов Собора с громоздкой шумною работою экспедиционных машин и рабочих»³. При этом 10 сентября 1917 года по просьбе Министерства иностранных дел Карташев разрешил осуществление эвакуации Государственного архива в Кирилло-Белозерский монастырь, так как на это согласилось епархиальное начальство⁴.

9 октября 1917 года Особоуполномоченный по разгрузке Петрограда попросил Карташева отдать распоряжение о подготовке, начиная с 12 октября, эвакуации учреждений и личного состава Министерства исповеданий и Святейшего Синода в Москву. Министр исповеданий тут же проинформировал Дягилева об исполнении поручения, добавив, что хотел бы окончательно закрепить за духовным ведомством в Москве два этажа лицевого флигеля Московского синодального училища церковного пения (ул. Большая Никитская, 11), пятиэтажный дом Марфо-Мариинской обители и Мариинское епархиальное училище (ул. Большая Ордынка), дом Петропавловской лютеранской церкви (ул. Моросейка). Все указанные помещения требовали освобождения от лазаретов⁵.

¹ Новая жизнь. 1917. 6 октября. С. 3.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 81–82.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 73 – 74 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 79.

Однако вскоре планы немного скорректировали, и через несколько дней заместитель министра исповеданий Котляревский попросил Дягилева оставить за министерством и Синодом здания Марфо-Мариинской обители, Филаретовского и Мариинских женских училищ, дома имени митрополита Московского Сергия и Романовской больницы при московской епархиальной Покровской общине сестер милосердия. Товарищ министра исповеданий подчеркнул, что общая их площадь 4 000 кв. сажени, в то время как по норме Министерству исповеданий и Синоду полагалось 6 800 кв. сажени¹. Так или иначе, к концу октября 1917 года распределение закончилось, и переезд остававшихся в Петрограде центральных синодальных учреждений и Министерства исповеданий в Москву являлся вопросом ближайших дней.

Несколько иначе складывалась ситуация с эвакуацией епархиальных органов власти и православных храмов: ее организацию возложили на само духовенство. Первые шаги в этой связи предприняла Петроградская духовная консистория, разослав 18 июля 1917 года указ благочинным «немедленно доставить сведения об имеющихся в храмах столицы ценных предметах, долженствующих подлежать вывозу, как то: иконах, священных сосудах, крестах, ризах и проч., а также особо составить сведения о колоколах, указав количество и вес их в каждой церкви и во всех храмах»². Но, несмотря на пометку «очень спешно. секретно», описи от церквей так и не поступили. А в конце августа несколько благочинных вообще заявили, что указа от 18 июля не получали, и попросили сообщить его содержание³. Возможно, такое отношение объяснялось относительным затишьем на фронте.

Но сдача Риги заставила ускорить решение вопроса о вывозе имущества православных церквей. 23 августа 1917 года Петроградский епархиальный совет постановил начать немедленные приготовления, и в тот же день консистория предложила благочинным «озаботиться скорейшим исполнением» июльского

¹ Там же. Л. 85 – 85 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 53. Л. 2.

³ Там же. Л. 13, 15.

указа¹. А еще накануне, 22 августа, консистория разъяснила, что составлять списки имущества необходимо не только в столичных храмах, но во всех церквях епархии. И уже 24 августа первые перечни поступили в Петроград². Кроме того, в конце августа Карташев известил епархиальные власти о создании Временным правительством Особого междведомственного совещания по «разгрузке», и предложил воспользоваться консультацией вошедших в него чиновников министерства.

27 августа 1917 года состоялось собрание настоятелей и старост церквей столицы в присутствии митрополита Петроградского Вениамина. Выяснилось, что духовенство находится в замешательстве, поскольку оставались не ясными ни сроки эвакуации, ни ее возможные размеры³. Приглашенный член правительственной комиссии по разгрузке Петрограда И.В. Преображенский доложил присутствующим о ее работе. После этого митрополит сообщил, что в Киевской, Новгородской и Псковской епархиях уже решено вывезти дорогую церковную утварь, но при этом не трогать святые мощи и другие реликвии, исчезновение которых повлияет на моральный дух верующих. Выслушав Вениамина, собрание постановило не производить полной эвакуации церквей, а вывезти лишь наиболее ценную утварь и драгоценности: «из убранства храмов брать то, отсутствие чего не произведет удручающего впечатления на народ». Оговаривалось, что местные святыни должны остаться для духовного утешения населения. Также собравшиеся постановили «духовенству быть на страже при своих паствах», а при приближении военных действий эвакуации могли подвергнуться только члены семейств священно- и церковнослужителей и, смотря по обстоятельствам, «излишнее» духовенство. Кроме того, была избрана особая эвакуационная комиссия во главе с протоиереем Павлом Кульбушем, а причтам и

¹ Там же. Л. 10.

² Там же. Л. 9, 12.

³ Там же. Л. 67 – 67 об.

старостам поручили незамедлительно выбрать вещи для вывоза и приступить к их упаковке¹.

Об отношении рядовых священно- и церковнослужителей к предстоящей эвакуации можно судить по статье священника Константина Семенова в журнале «Известия по Петроградской епархии». Он сообщил, что провел анкетный опрос в рамках одного благочиния о том, уйдет ли духовенство при приближении немцев. Выяснилось, что «все клирики останутся при церкви», однако огромное беспокойство у них вызывала судьба их домочадцев. В связи с этим Семенов призвал озаботиться организацией эвакуации семей духовенства, для чего предложил разбить епархию на округа, и для каждого назначить принимающий монастырь. По мнению священника, обители «в подавляющем большинстве с излишком обеспеченные и помещениями и пищевыми продуктами, будут предупреждены начальством о грядущем на них нашествии» и подготовят запасы продовольствия для приема беженцев. Деньги на переезд Семенов порекомендовал взять из сумм Попечительства о бедных духовного звания².

Разумеется, духовенство не могло справиться с вывозом только собственными силами. Поэтому Кульбуш отправился в Министерство путей сообщения, где ему предложили два способа транспортировки: сначала максимальное количество вещей отправить баржей по волго-балтийской системе, а оставшееся увезти железной дорогой, для чего министерство согласилось выделить несколько товарных вагонов. Водный путь был надежнее, но оставался открытым только до наступления холодов. В качестве пункта назначения протоиерей указал Кирилло-Белозерский монастырь, однако обещанная министерством вместительная баржа (до 20-25 тыс. пудов), отправлявшаяся не позднее 10 сентября, по габаритам могла дойти только до Ярославля. Поэтому стали обсуждать возможность доставки церковного имущества в Толгский монастырь на Волге. При этом протоиерея заверили, что «груз будет приниматься

¹ Там же. Л. 67 об – 68 об.

² Семенов К., священник. Необходимо позаботиться о семьях духовенства (к вопросу о личной эвакуации духовенства Петроградской епархии) // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 46–47. С. 7–8.

казною под ее ответственностью под военной охраной»¹. О том, что Временное правительство рекомендовало максимально использовать для эвакуации именно водные маршруты, епархиальное начальство также известил министр исповеданий официальным отношением от 1 сентября. Он добавил, что руководство «означенным делом» возложено на министра почт и телеграфов А.М. Никитина, который предлагал духовенству воспользоваться данным постановлением «в возможно широком размере»².

1 сентября 1917 года состоялось первое заседание эвакуационной комиссии, на котором Кульбуш доложил о результатах переговоров с Министерством путей сообщения. Поскольку было очевидно, что к планируемому сроку отплытия баржи удастся подготовить только предметы из столичных храмов, решили рекомендовать сельскому духовенству упаковывать эвакуируемое имущество в ящики и высылать на имя Епархиального свечного завода для последующей отправки по железной дороге. При этом на ящике предписывалось указывать только владельца (наименование храма), а опись вещей вкладывать внутрь тары³.

Второе заседание эвакуационной комиссии состоялось 3 сентября под председательством епископа Нарвского Геннадия (Туберозова). Собравшиеся констатировали «отсутствие одушевления» у причтов и прихожан в деле вывоза ценностей, поскольку «разгрузка» церквей в действительности означало «лишение их убранства, то есть в некотором смысле разорение их», а это «тяжело, прежде всего, в нравственном отношении», а также ввиду ослабления военных действий на фронте. В материалах этого заседания комиссии напрямую не упоминается, но прослеживается важное обстоятельство, которое, несомненно, также сильно повлияло на скептическое отношение духовенства к предстоящей эвакуации: от государства так и не поступило подтверждение о покрытии казначейством расходов на ее проведение. Это означало, что за вывоз церковных предметов причты должны были платить сами. Кроме того, внезапно стала

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 53. Л. 68 об.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 69.

очевидной проблема необходимости страхования имущества на период транспортировки: это предполагало дополнительные расходы¹. Суммы на эвакуационные мероприятия могли оказаться довольно внушительными. Например, причт Храма Воскресения Христова («Спаса на Крови») постановил 5 сентября кроме церковных сосудов и священных евангелий вывезти еще и несколько «ценно-художественных» икон, находившихся в клиросных придельных киотах, а также серебряные алтарные и царские врата весом до 40 пудов. Работы по снятию врат оценивались в 5000 рублей, и причт попросил Хозяйственное управление Синода ходатайствовать о выделении указанной суммы². Однако директор Хозяйственного управления А.А. Осецкий просто «отфутболил» заявление в духовную консисторию с вопросом, «какие вообще меры приняты Петроградским епархиальным начальством в связи с обстоятельствами военного времени относительно своевременного вывоза из столичных и других храмов епархии церковных предметов»³. Отсутствовали и прямые указания сверху: только 6 сентября первоприсутствующий в Синоде митрополит Кавказский Платон прислал из Москвы телеграмму о том, что «Св. Синод разрешает произвести эвакуацию церковного имущества и учреждения епархии согласно предположениям епархиальной комиссии в Толготский монастырь и другие места»⁴.

Тем не менее, от эвакуации отказываться не стали. По телефону Отдел водных перевозок сообщил Епархиальному совету, что появилась возможность выделить баржу меньшего размера – 9 тысяч пудов, которая сможет дойти до Кирилло-Белозерского монастыря. После этого 5 сентября консистория разослала в приходы указ срочно готовить имущество к погрузке на судно, которое планировалось пришвартовать 9 сентября у Исаакиевского собора. Оговаривалось, что уполномоченный Министерства путей сообщения будет

¹ Там же.

² Там же. Л. 17 – 17 об.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 71.

принимать грузы по квитанциям, упаковка производится за счет отправителей, а для доставки можно нанять у города автомобиль. Страхование предлагалось произвести в обществе «Россия» с уплатой 5% страховой премии, а расходы по транспорту и хранению имущества причтам необходимо было оплатить по прибытии их груза в Кирилло-Белозерский монастырь. Консистория предписывала вывозить, прежде всего, наиболее ценные предметы, но так, чтобы не смутить недостатком убранства молящихся: «оклады с икон, люстры и т.п. снимать только по совещании с приходскими советами или другими местными церковными людьми»¹. В соответствии с планом, 6 сентября консистория попросила Отдел водных перевозок по разгрузке Петрограда поставить 9 сентября у Исаакиевского собора крытую прочную баржу 8-9 тысяч пудов и назначить военную охрану в пути². Однако начались заминки. Во-первых, ссылаясь на позднюю доставку корреспонденции, запрос консистории приняли к рассмотрению только 11 сентября. В тот же день баржу подогнали в назначенное место, но на просьбу духовенства предоставить имущественные гарантии на случай утери груза Отдел водных перевозок сообщил 12 сентября, что обязательств по возмещению ущерба кроме рисков аварии и пожара на себя не примет. Погрузка не состоялась³.

В рапорте от 14 сентября протоиерей Кульбуш сообщил о создавшейся ситуации управляющему епархией епископу Геннадию и предложил далее разрабатывать план вывоза ценностей на поездах. Для этого 19 сентября Петроградская духовная консистория запросила Совещание по разгрузке Петрограда о выделении 10-ти товарных вагонов до Вятки, «частью до Ярославля», прицепляемых к пассажирским составам. В ответе от 26 сентября Управляющий делами при особоуполномоченном по разгрузке Петрограда подтвердил возможность предоставления «вагонов с прицепкой к пассажирскому поезду теплушечному», но оговорил, что «отправка может быть совершена по

¹ Там же. Л. 70.

² Там же. Л. 71.

³ Там же. Л. 53, 73 об.

коммерческому тарифу малой скорости», и консистория должна сама связаться с военным ведомством о назначении охраны. 29 сентября епархиальная комиссия разослала благочинным информацию о положении дел, указав тарифы на доставку (4,20 руб. до Вятки с пуда груза, 2,90 до Ярославля, страхование – 5% в «Российском транспортном обществе»). Консистория предложила обсудить и другие варианты: или прямая отправка через «Российское транспортное общество» (8,20 руб. до Вятки, 6,92 до Ярославля, причем общество обеспечит прием грузов из церквей, доставку и страхование по тарифу 8% от заявленной стоимости), или сдача ценностей на хранение этому обществу, которое в случае приближения немцев перешлет имущество в другие свои филиалы на безопасную территорию¹. Вопрос повис в воздухе. Все осложнялось отсутствием интереса со стороны переехавшего в Москву духовного руководства. Например, на запрос Петроградского епархиального начальства от 29 сентября о том, когда снимать колокола с Исаакиевского собора, ответ последовал только 25 ноября: принимать решение предоставлялось епархии самостоятельно².

Вместе с тем, государство в лице Министерства исповеданий не собиралось бросать столичное духовенство на произвол судьбы. Карташев старался быть в курсе дела: 4 сентября он запросил митрополита Вениамина о том, какие распоряжения даны в связи с эвакуацией приходским советам³. Когда стало очевидно, что организовать вывоз церковного имущества своими силами духовенству Петроградской епархии крайне сложно, на выручку церкви пришла созданная в начале октября Временным правительством при Эвакуационном комитете Главного управления Штаба Петроградского округа Комиссия по вывозу музеев, библиотек и художественно-исторических предметов под председательством академика архитектуры Г.И. Котова. 16 октября комиссар над бывшим Министерством Двора Ф.А. Головин официально известил Карташева о ее учреждении и предложил помощь в проведении экспертизы хранящихся в

¹ Там же. Л. 73 об – 75.

² Там же. Л. 98.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 7; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 53. Л. 55.

духовном ведомстве художественных и исторических ценностей. Головин также предлагал эвакуировать произведения «на основании опыта эвакуации государственных музеев»¹.

Однако контакты с Православной церковью комиссия Котова установила еще раньше. 11 октября она направила в духовную консисторию анкеты для сбора сведений о предназначающихся к эвакуации грузах. В ней предлагалось указать параметры (вес и объем) груза, а также необходимое число вагонов и платформ (из расчета 1000 пудов на вагон с объемом 3 кубических сажени). В случае если требовались дополнительные средства для демонтажа, упаковки и доставки к железной дороге, предлагалось составить предварительную смету².

Вскоре епархиальная эвакуационная комиссия практически целиком вошла комиссию академика Котова, составив «церковную секцию», возглавляемую все тем же Павлом Кульбушем. Было однозначно согласовано, что вывоз осуществляется за счет и под охраной казны, оговаривалась и помощь в упаковке. Местом назначения теперь являлась Москва, куда направлялись все художественные ценности. Комиссия предложила разделить церковное имущество на две группы: художественно-исторические предметы (включая изделия из драгоценных металлов) и «громоздкие и тяжелые предметы» (бронза, медь, колокола)³. Это составило бы, соответственно, первую и вторую очереди эвакуации. Причты согласились с предлагаемым принципом. Так, 16 октября протоиерей Николай Сперанский сообщил в духовную консисторию, что его Благочиннический совет постановил срочно вывезти из Петрограда и поместить вместе с «прочими государственными сокровищами» наиболее ценные и художественные иконы и принадлежности Храма Воскресения Христова. Многопудовые серебряные ворота предполагалось пока оставить, но запросить деньги на их снятие⁴. На собрании епархиального духовенства в зале Общества

¹ РГИА. Ф. 797. Оп.86. II Отд. 3 Стол. Д. 37. Л. 84; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 53. Л. 29 об.

² Там же. Л. 19–20.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 26 об.

религиозно-нравственного просвещения 16 октября протоиерей Кульбуш раздал новые опросные листки о характере грузов, и к концу месяца большинство сведений были собраны.

В 20-х числах октября 1917 года комиссию Котова соединили с делопроизводством Особоуполномоченного по разгрузке города Петрограда под общим руководством министра призрения Н.М. Кишкина. Заседания переместились в здание бывшего Крестьянского банка на Дворцовой набережной, дом 10-12. К этому моменту во многих храмах вещи уже упаковали, и готовилась поездка представителей духовенства в Москву для выбора места складирования. Но наладившуюся работу прервало Октябрьское вооруженное восстание. Кишкина вместе с другими министрами Временного правительства заключили в Петропавловскую крепость, академик Г.И. Котов уехал из Петрограда, и деятельность комиссии остановилась¹.

Считая захват власти большевиками и провозглашенную ими политику явлением недолгим, консистория еще некоторое время продолжила составлять планы вывоза церковного имущества в Вятку или Ярославль, а в ноябре 1917 года в епархии подняли вопрос об эвакуации части самого духовенства². Последний документ о вывозе церковного имущества из Петрограда в 1917 году – составленная в декабре протоиереем Павлом Кульбушем справка, в которой констатировалось, что «неопределенность общего политического положения едва ли продвинет эвакуацию хотя бы на одну пядь». Вместе с тем протоиерей выразил облегчение по поводу несостоявшейся отправки ценностей в Москву, так как они могли пострадать во время ноябрьских боев³. После подписания перемирия с Германией, а потом и появления Декрета об отделении церкви от государства вопрос о вывозе церковных ценностей был снят с повестки дня.

Немаловажной для церкви во второй половине 1917 года стала помощь Временного правительства в вопросе о назначении финансовых ассигнований из

¹ Там же. Л. 113 – 115 об.

² Там же. Л. 80–81.

³ Там же. Л. 114 об.

казны. Например, 5 августа министры постановили выплатить временное дополнительное пособие младшим служащим правительственных учреждений гражданских ведомств, в том числе и Синода (так называемые «Плехановские прибавки»)¹. Вслед за этим в октябре 1917 года действовавшее при правительстве «Межведомственное совещание для рассмотрения проектов гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов» утвердило по запросу Министерства исповеданий еще несколько ранее незапланированных денежных перечислений Синоду. Так, 10 октября было решено направить 140 000 рублей управлению Петроградской синодальной типографии (в качестве «Плехановских прибавок»). 14 октября Межведомственное совещание назначило дополнительные процентные прибавки служащим центральных учреждений Ведомства православного исповедания за последнюю треть 1917 года на сумму 170 675 рублей. Из них до Октябрьского переворота успели перечислить 135 339 рублей². 20 октября 1917 года Министерству исповеданий «чрезвычайным сверхсметным кредитом» выделили еще 293 511 рублей на выплату процентных прибавок сотрудникам за период до 1 сентября 1917 года³. 25 октября Межведомственное совещание постановило отпустить 279 834 рублей на выдачу служащим Ведомства православного исповедания суточных денег по правилам 13 марта 1915 года и 7 мая 1916 года за период по 31 декабря 1917 года. Из них тут же авансом выделили 200 000 руб.⁴

Особо ценными для Православной церкви стали доплаты на нужды духовно-учебных заведений. Еще 10 августа члены Синода подписали указ, в котором констатировалось, что большая часть духовных академий, семинарий и епархиальных училищ «не находит возможным, в виду крайней дороговизны настоящего времени, провести предстоящий 1917-1918 учебный год нормально, без значительных добавочных пособий» и что «центральная касса» Синода

¹ Церковные ведомости. 1917. № 38–39 от 30 сентября. С. 353.

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 23-24.

³ ВЦОВ. 1917. 25 октября.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 23 об.

«чувствует недостаток средств даже на покрытие сметных ассигнований». Поэтому предлагалось максимально уменьшить расходы, и, возможно, сократить сам учебный год, начав его 1 ноября и закончив в марте 1918 года. Правлениям духовно-учебных заведений разрешалось снижать казенные стипендии у тех учеников, которые получали содержание из других источников (например, у живущих с родителями или состоящих на службе), а также у «оказывающих посредственные успехи». Увеличивалась плата за предоставляемые общежития. Рекомендовалось «ограничиваться самой простой пищею и самую скромную одежду, не соблюдая строго установленной формы». Епархиальным преосвященным поручалось обратиться за помощью в деле обеспечения духовно-учебных заведений к монастырям¹.

Принимая во внимание бедственное положение духовно-учебных заведений, 20 октября 1917 года правительство постановило выделить Министерству исповеданий «чрезвычайным сверхсметным кредитом» 914 143 рублей на выплату процентных прибавок служащим в духовных академиях, семинариях и епархиальных училищах за период с 1 мая по 1 сентября 1917 года. То же постановление вводило в действие новое расписание окладов должностных лиц православных духовных академий и расходов по их учебной части. Кроме того, на октябрь–декабрь 1917 года духовным академиям дополнительно выделялось 95 600 рублей, а с 1918 года предполагалось доплачивать по 233 440 рублей в год из государственных средств². 25 октября 1917 года Межведомственное совещание по запросу Министерства исповеданий утвердило выдачу служащим в духовно-учебных заведениях еще 1 037 300 рублей на выплату процентных прибавок за счет наличных средств государственного казначейства с авансом 800 000 рублей. Расчет прибавок делался до 1 января 1918 года³. Таким образом, Министерство исповеданий стремилось обеспечить для церкви режим наибольшего благоприятствования.

¹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 54. Л. 1 – 1 об.

² ВЦОВ. 1917. 25 октября.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 23–24.

Центральным событием церковно-государственных отношений в России в 1917 году стало начало работ Поместного Собора, о предстоящем открытии которого А.В. Карташев торжественно сообщил Временному правительству 1 августа¹. Министр исповеданий исходил из того, что правовое положение каждой религиозной организации в России необходимо определить изданием соответствующих «правил» (то есть своеобразных церковных конституций). В этом плане в августе–октябре 1917 года была проделана немалая работа: рассмотрены «правила» о католической и униатской церквях, о Грузинской православной церкви, подготовлены законопроекты об «иудействе» и «ламаизме». «Вестник Временного правительства» 3 октября сообщал, что Министерство исповеданий уже разработало законопроект об управлении делами буддистов Сибири и Европейской России, а также об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев. Кроме того, Министерство планировало образовать особое совещание по согласованию законоположений по делам Армяно-григорианской церкви и возобновить занятия по делам Римско-католической церкви².

Что касается Православной Российской церкви, Карташев полагал, что она сама на Поместном Соборе должна подготовить собственные «правила», которые потом, возможно, с некоторыми доработками, утвердит Временное правительство. Такой порядок юридически обеспечивал проведение последовательного демонтажа системы церковного управления, созданной Духовным регламентом Петра I, и передачу власти в церкви новым органам, сформированным Поместным Собором. Получая от правительства разрешение на введение в действие собственного устава, церковь обретала самостоятельность и прекращала быть государственным ведомством.

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 217.

² Вестник Временного правительства. 1917. 3 октября. Осенью Министерство исповеданий внесло в правительство законопроект о Римско-католической церкви: римская духовная коллегия упраздняялась, все дела передавались съезду епархиальных начальников, которому отныне направлялись все предназначенные государственные кредиты. См.: Вестник Временного правительства. 1917. 19 октября.

Поскольку изначально Поместный Собор с юридической точки зрения имел статус простого частного собрания, Карташев предложил закрепить его права в изданном от имени Временного правительства указе. Уже 5 августа министры направили проект такого документа в Юридическое совещание, чтобы установить, какие именно из положений «подлежат изданию в законодательном порядке, а какие могли бы быть опубликованы в виде оповещения от лица Временного правительства»¹. В первоначальной версии законопроекта указывалось, что Поместный Собор работает на основании им самим составленного расписания и является высшей инстанцией в разрешении всех канонических вопросов². Юристы посчитали такую формулировку недостаточной и практически полностью ее изменили. В утвержденном 11 августа 1917 года постановлении говорилось, что Поместному Собору поручается выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о порядке свободного самоуправления «Русской Церковью». При этом оговаривалось, что впредь «до принятия Государственной властью нового устройства высшего церковного управления» все текущие дела Православной церкви сохранялись в ведении Синода и состоящих при нем установлений³. Надо отметить, что Карташев был уверен в скорейшей подготовке Собором «церковной конституции», иначе представлять ее пришлось бы уже не Временному правительству, а Учредительному собранию: его открытие в тот момент планировалось на 28 ноября 1917 года. Возможно, министр надеялся на то, что Собор быстро утвердит законопроект, подготовленный Предсоборным Советом.

Ввиду предстоящего открытия Собора Синод решил переехать в Москву⁴. 26 июля иерархи попросили Карташева известить об этом Временное правительство, а также командировать из Петрограда часть служащих

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 256–258; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 260. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 260. Л. 2.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 283; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. С. 53.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 1 – 1 об (Определение Синода о перенесении работ № 4652 от 21 июля 1917 года)

синодального Хозяйственного управления, Учебного комитета, Училищного совета, Контроля, Архива и Канцелярии обер-прокурора¹. Для размещения Синода и его чиновников предложили помещения Синодального училища церковного пения, Марфо-Мариинской обители и Мариинского епархиального женского училища, а также других духовных учреждений². В отчете Главного управления по делам милиции говорилось, что для «приспособления» здания Московского епархиального дома в Лиховом переулке к работам Синода «в Москву переведен кредит 100 000 руб.»³ Видимо, речь шла об оборудовании на новом месте синодальной Канцелярии. С 9 августа 1917 года высший орган церковного управления проводил свои заседания на новом месте.

Для ведения текущих дел в Петрограде учредили Синодальную контору в составе архиепископа Петроградского Вениамина, викариев Петроградской епархии епископа Нарвского Геннадия и Лужского Артемия (Ильинского), настоятеля Казанского собора протоиерея Ф. Орнатского и помощника протопресвитера военного и морского духовенства протоиерея Иоанна Морева⁴. Прокурора конторы согласно действующим правилам Синод предоставил назначить обер-прокурору (министру исповеданий) Карташеву. Но, видимо, подчеркивая новое – независимое – положение церкви, эту должность так и не ввели, заменив ее «исправляющим обязанности прокурора» – Г.Н. Левицким. Причем сам Левицкий считал себя именно церковным чиновником, а не светским⁵.

2 августа Карташев предложил Синоду, чтобы, так как ни о он, ни его заместитель не смогут всегда присутствовать на заседаниях в Москве, разрешить «в необходимых случаях» исполнять процедурные обязанности обер-прокурора директору Канцелярии В.И. Яцкевичу «с предоставлением ему права зачитки и

¹ Там же. Л. 8.

² Там же. Л. 40.

³ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 103.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 1 – 1 об.

⁵ Там же. Л. 144 – 144 об.

пропуска протоколов Св. Синода»¹. В тот же день иерархи утвердили данное предложение своим определением². Яцкевич вскоре был переименован в директора Департамента по делам Православной церкви Министерства исповеданий и для выполнения своих обязанностей вместе с десятком сотрудников переселился в Москву. Большую часть времени на Соборе в Москве проводил и товарищ министра С.А. Котляревский, продолжавший с осени преподавательскую деятельность в Московском университете³.

В связи с переездом Синода в Москву необходимость в существовании Московской синодальной конторы отпала, в том числе неясным стало положение ее «светского надзирателя» – прокурора. 22 сентября Временное правительство уволило с этой должности «согласно прошению, по болезни» занимавшего ее несколько лет Ф.П. Степанова, а нового прокурора так и назначило⁴. Впоследствии Карташев писал, что это сделали сознательно: при новом церковном строе существование подобного поста представлялось неуместным⁵. Вместе с тем, 12 декабря 1917 года Святейший Синод все же постановил оставить Московскую синодальную контору «действовать на прежних основаниях», с передачей всех ее определений на утверждение патриарху, а выписок – в Департамент по делам Православной церкви Министерства исповеданий и синодальную Канцелярию⁶. Во главе конторы остался «исправляющий должность» прокурора Д.П. Андреев, номинально подчиненный министру исповеданий. Скорее всего, в тот момент еще планировали, что после окончания заседаний Поместного Собора высшее церковное управление вернется в Петроград.

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

³ Согласно «Обозрению преподавания на юридическом факультете Московского университета на 1917-1918 академический год», профессор Котляревский с осени 1917 и до лета 1918 года читал студентам-юристам лекции по русскому государственному праву (по 4 часа в неделю) и вел практические занятия по названной дисциплине (2 часа в неделю). См.: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 401.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 199; Вестник Временного правительства. 1917. 21 октября.

⁵ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 329. Л. 229.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 519. Л. 56.

Переезд руководства Православной церкви в Москву – в то время, как светское правительство до марта 1918 года оставалось в Петрограде – не мог не способствовать росту чувства независимости духовенства от контроля государственной власти. Но гораздо большее значение для самоорганизации церкви (а не государственного Ведомства православного исповедания), конечно же, имел сам Поместный Собор. Он открылся в Москве 15 августа 1917 года. В его составе числилось 563 делегата и 12 заместителей членов, из них – 27 митрополитов и архиепископов, 52 епископа, 2 протопресвитера, 15 архимандритов, 2 игумена, 3 иеромонаха, 4 митрофорных протоиерея, 64 протоиерея, 54 священника, 2 протодиакона, 8 диаконов, 26 псаломщиков и 278 мирян. Среди мирян было немало известных общественных и политических деятелей, в основном кадеты и представители более правых политических взглядов: А.Д. Самарин, С.Н. Булгаков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко, В.Н. Львов, П.И. Астров, В.П. Шеин, князя С.Д. Урусов, Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, Г.Д. Сидамон-Эристов, граф В.А. Бобринский и другие. Армию представляла группа офицеров высшего и низшего состава (хотя имелись и рядовые солдаты), а также делегаты от военного и морского духовенства во главе с протопресвитером Г.И. Шавельским. Кроме выборных представителей от епархий в числе членов Собора оказалось немало лиц «по должности»: так, по спискам от Государственной думы и Государственного совета прошли Гучков, Родзянко и ряд других известных политических деятелей¹. Интересно добавить, что и работа Собора (общие собрания и деятельность отделов-комиссий) организовывалась по примеру

¹ Священный Собор Православной Российской церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 1. С. 60–117. По данным С.Г. Рункевича, в действительности на начало работ Собора в его составе насчитывалось 541 человек, а перед закрытием – 427. Первоначально Собор именовали «Поместным Всероссийским Церковным Собором», но потом Соборный Совет выработал другое название: «Священный Собор Православной Российской Церкви». См.: Рункевич С.Г. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917 – 1918 гг. // Дело великого строительства церковного. С. 36.

Государственной думы¹, хотя, например, С.И. Шидловский крайне низко оценил организационные способности духовенства².

Торжества открытия Собора 15 августа 1917 года затронули всю Москву: во всех храмах звонили колокола, а из разных концов города к Кремлю стекались крестные ходы. Сама церемония открытия проходила в Успенском соборе, куда прибыли премьер-министр А.Ф. Керенский³, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев, министр исповеданий А.В. Карташев и его заместитель С.А. Котляревский. «Вокруг несметные толпы народу... Лес хоругвей... Ко входу не пробиться...» – вспоминал архиепископ Евлогий⁴. Внутри здания собора все иерархи и высокие гости заняли место на особом возвышении. Митрополит Киевский Владимир огласил грамоту Синода об открытии Собора и предложил собравшимся произнести Символ Веры. После этого состоялось шествие в Чудов монастырь на поклонение мощам митрополита Алексия. День окончился всенародным молебствованием на Красной площади⁵.

16 августа торжества продолжились в Храме Христа Спасителя, где заслушали приветственные доклады делегатов от разных учреждений и организаций. Одним из первых выступил Карташев, речь которого некоторые авторы назвали государственной декларацией по отношению к церкви⁶. Министр исповеданий от лица правительства заявил, что оно гордо сознанием факта открытия Собора под его сенью и защитой. Далее Карташев отметил, что

¹ В материалах Поместного Собора хранится «Наказ Государственной думы» 1915 года. См.: Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 281. Митрополит Вениамин (Федченков) прямо сообщил, что процесс заседаний Собора «был взят с расписок Государственной думы». См.: Митрополит Вениамин (Федченков). Церковный собор в Москве // Дело великого строительства церковного. С. 600.

² Шидловский С.И. Церковный собор в Москве // Дело великого строительства церковного. С. 290–295.

³ Появление Керенского было воспринято духовенством с надеждой. Протоиерей Н. Летницкий писал: «отрадно было видеть этого человека в церкви в такую торжественную, историческую минуту, хотелось верить, что и обновленный государственный строй не разорвет связи с Христовой церковью». См.: Летницкий Н., протоиерей. Письма с Церковного Собора // Дело великого строительства церковного. С. 91.

⁴ Дело великого строительства церковного. С. 552.

⁵ Архимандрит Илларион (Троицкий) вспоминал об этом: «Яркий солнечный день. Площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой». См.: там же. С. 56–59. А священник Сосунцов оценивал происходящее несколько иначе: «Русская Православная Церковь делала, так сказать, смотр своей мощи. Но этот смотр не был настолько внушительным, как можно было бы ожидать. Народа было много, но и только». См.: там же. С. 79.

⁶ Отечество. 1917. 18 августа.

«Временное правительство ждет той минуты, когда Собор предоставит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий своего министра исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставив за ним более внешний надзор за закономерностью». Министр исповеданий закончил свою речь словами «осеняю себя вместе с вами широким православным крестом»¹. По поводу этого выступления Карташев заметил впоследствии: «через эту декларацию Временное правительство вновь подчеркивало, что оно идет на суд Учредительного собрания не только с идеей Кавура – *libera chiese in studio libero*, но и с дополнением ее идеей культурного сотрудничества государства и церкви»².

16 августа прозвучало еще несколько важных речей. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко указал на то, что Собор призван способствовать примирению и объединению всех русских людей³, а протопресвитер Г.И. Шавельский призвал поддержать «больную духом» русскую армию⁴. Даже московский городской голова эсер В.В. Руднев в своем приветствии Собору поспешил связать новую российскую государственность с Православной церковью. Руднев заявил, что «основы духовно-религиозной жизни вечны, и, пока жив будет русский народ, живы будут его пламенная вера и искренняя религиозность...»⁵ Делегат главного комитета офицеров армии и флота старший лейтенант К.В. Солдатенков выразил надежду, что Собор «поможет проснуться истинным сынам России от ужасающего кошмарного сна»⁶. А 17 августа князь

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 2. М., 1918. С. 29–30.

² Карташев А.В. Временное правительство и Русская церковь. С. 25.

³ Протоиерей Н. Летницкий так выразил свои впечатления от участия М.В. Родзянко в открытии Собора: «Этот великий человек... очевидно, любит церковность, так как и во время литургии, и за крестным ходом принимал самое живое участие в пении, подпевая певчим своим солидным басом». См.: Дело великого строительства церковного. С. 91.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 2. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 36. Большевики не замедлили использовать выступление В.В. Руднева на Поместном Соборе для критики партии эсеров. Так И.И. Скворцов-Степанов на заседании Московской городской думы заявил: «Я готов признать, что городской голова “обмолвился”, когда сказал, что предполагает терпимое отношение к другим религиям. Конечно, эта мысль не была подчеркнута, но я должен сказать, что веротерпимостью нас довольно угощали. Веротерпимость ведь предполагает, что может существовать господствующая религия. Мы же должны настаивать на свободе вероисповедания и на свободе от всяких вероисповеданий». Цит. по Персиц М.М. Указ. соч. С. 197–198.

⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 2. С. 40–41.

Г.Н. Трубецкой зачитал телеграмму от Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова, просившего Собор поддержать молитвами армию и «возжечь тот пламень веры, который нужен нам»¹. Шавельский тут же высказался за необходимость создания специального соборного обращения к армии и флоту.

Между тем, пресса отнеслась к открытию Поместного Собора довольно-таки равнодушно. «Известия ЦИК Советов» просто упомянули об этом событии². «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» более восторженно объявили, что «православная, господствовавшая доселе церковь, освобождается от вековой зависимости и опеки государства. Все ее будущее зависит отныне от ее живых, творческих сил»³. Большевики устами Н. Антонова (Лукина) констатировали: «Не успело разъехаться одно воронье (Государственное совещание – А.С.), как слетелось другое»⁴. А «Русские ведомости» откровенно признались, что «при других условиях подобный Собор... вызвал бы к себе глубокий и напряженный интерес во всей стране; сейчас ему уделяется довольно мало внимания, и большинство населения относится к нему равнодушно». Причиной этого автор статьи называл «глубокий упадок живого религиозного чувства в православии» и «очень низкое падение авторитета православного духовенства»⁵.

Министерство исповеданий предприняло все возможное для обеспечения нормального хода работ Поместного Собора. Так, весной 1917 года правительство перечислило для этого в Синод 1 миллион рублей. По замечанию Карташева, эта «дополнительная» сумма была выдана «в том же порядке», как и прочие производимые правительством отчисления, например, на съезды учителей⁶. Однако стоит заметить, что «подарок» правительства практически соответствовал

¹ Там же. С. 48.

² Всероссийский церковный собор // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 августа. С. 4.

³ Церковный собор // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 19 августа. С. 1.

⁴ Социал-демократ. 1917. 19 августа.

⁵ Русские ведомости. 1918. 17 января.

⁶ Карташев А.В. Указ. соч. С. 20.

размеру церковных сумм: определением от 14 июля 1917 года из собственных средств Синод выделил на нужды Собора 1,1 млн. рублей¹. Очевидно, при этом руководствовались расчетами, проведенными директором Хозяйственного управления Синода Осецким, подсчитавшим, что на Собор потребуется около 2 148 000 рублей².

Вскоре стало очевидно, что этого недостаточно. 27 июля Карташев направил в Министерство финансов и Государственный контроль ходатайство о перечислении Синоду дополнительной беспроцентной ссуды в размере 2 000 000 рублей с условием ее погашения равными частями в течение 9 лет. 5 августа государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин ответил министру исповеданий, что, хотя важность цели кредита не вызывает сомнений, но все же желательно все расходы по Собору переложить на собственно церковный бюджет³. 17 августа на Поместном Соборе тему финансирования его правительством поднял В.Н. Львов. Он не без укора своему преемнику заявил, что выделенной весной суммы хватит лишь на 3 месяца работы Собора. На это Карташев ответил, что уже запросил в правительстве дополнительные средства. Не желая посвящать членов Собора во все сложности внутриправительственных переговоров, министр сообщил только, что Кокошкин не возражает против ссуды, а «сокращает несколько самый размер испрашиваемого пособия». По словам Карташева «можно надеяться, что не встретится препятствий по ассигнованию средств на Собор и со стороны Министерства финансов»⁴. 17 сентября министр исповеданий внес на рассмотрение правительства пространное объяснение необходимости финансирования Собора, поскольку он «несомненно, будет иметь... глубочайшее

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 60. Л. 35. Эти 1 100 000 рублей распределялись следующим образом: 200 000 рублей из запасно-строительного капитала духовенства западных епархий, 300 000 рублей из сумм взаимного страхования от огня строений духовного ведомства, 300 000 рублей из переходящих сумм и 300 000 рублей из капиталов для покупки воска. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 337–338.

² Осецкий А.А. Поместный Собор. Свободный опыт организации. Пг., 1917. С. 116.

³ Кокошкин аргументировал свое заключение следующими данными Государственного контроля: в 1913 году доходы православных монастырей и архиерейских домов составляли 89,5 млн. руб., а расходы – 23 млн. руб. Те же показатели в 1914 году составили соответственно 91,5 и 25,3 млн. руб. В итоге, к 1915 году «положительный баланс» между доходами и расходами церкви составил более 68 млн. рублей. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 86. Л. 93 – 93 об.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып.2. С. 57–58.

проникновение во все фибры государственного организма». По мнению Карташева, в этом вопросе необходимо руководствоваться «не соображениями экономической политики», а «требованиями государственного разума»: оставлять церковь «вне черты правительственного благожелательства было бы бесполезно», и «необходимо приложить героические усилия для выдачи ссуды на продление деятельности Поместного Собора»¹. Обсуждение данного представления управляющий делами Временного правительства А.Я. Гальперн назначил на 29 сентября, но рассмотрение дела несколько раз переносилось. Согласно находящемуся в Государственном архиве Российской Федерации «Журналу регистрации представлений по Ведомству православного исповедания» 6 октября дополнительное финансирование Собора было одобрено². По сообщению одной из газет на этом заседании правительства Керенский остроумно заметил: «вот и видно, что на Соборе собрались черносотенцы: просят только два миллиона. Если бы просили товарищи (то есть социалисты – А.С.), то меньше 50 миллионов не взяли бы»³. После утверждения суммы министр исповеданий телеграфировал в Москву первоприсутствующему в Синоде экзарху Платону: «ссуда на Собор проведена мною полностью»⁴.

Источники свидетельствуют, что выделенные средства дошли до адресата. 7 декабря 1917 года М.А. Семенов, ездивший в составе соборной комиссии в Петроград для ознакомления с финансовым положением духовного ведомства, сообщил на общем заседании, что уже 24 октября Министерство финансов перевело Синоду 500 000 рублей. Вторая сумма в размере 1 000 000 рублей поступила 7 ноября 1917 года, и на начало декабря деньги хранились в Синодальном казначействе⁵. 16 января 1918 года Соборный Совет постановил немедленно образовать отдельную от Синода Соборную кассу и перечислить туда «правительственную ссуду в два миллиона рублей... в сумме действительного

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 86. Л. 33 – 33 об.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2–3.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 123.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 55 об.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. С. 337.

остатка на это число»¹. Ниже указывалось, что этот остаток равнялся 74 268 рублей, а ожидаемое ассигнование составляло 500 000 рублей². Таким образом, из 2 миллионов как минимум три четверти (1,5 миллиона) дошли до Собора и были им использованы для своих нужд.

Министерство исповеданий взяло на себя и решение множества «технических» вопросов обеспечения деятельности Собора. Так, по прибытии в Москву Синода и большинства служащих его центральных учреждений, Карташев ходатайствовал перед местным комиссаром Временного правительства об обеспечении прибывших всем необходимым, в том числе дополнительными продовольственными карточками³. После выхода 10 сентября постановления правительства о запрете въезда в Москву всем лицам, не проживающим в этом городе, Карташев распорядился выдать всем членам Собора-немосквичам специальные удостоверения⁴. В августе–октябре в Министерство исповеданий из канцелярии Собора поступило множество прошений о ходатайстве перед различными ведомствами по личным делам его членов. 25 августа 1917 года председатель Собора митрополит Московский Тихон попросил Министерство исповеданий внести во Временное правительство общее представление, чтобы члены Поместного Собора, состоящие на службе в разных ведомствах, пользовались на все время действия Собора освобождением от исполнения обязанностей по занимаемым ими должностям с сохранением содержания⁵. Но каждый случай все-таки рассматривался отдельно. Так, 11 сентября Котляревский попросил Министерство народного просвещения сохранить члену Собора П.А. Маршану на время командировки в Москву его учительское содержание, на что 12 октября последовал положительный ответ⁶. Аналогичные ходатайства Министерство исповеданий направляло в Государственный контроль (по поводу

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 7 – 7 об.

² Там же. Л. 29 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1. Стол. Д. 86. Л. 21.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 4. С. 70.

⁵ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 200. Л. 34 об.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1. Стол. Д. 86. Л. 26, 100.

члена его Совета А.В. Васильева), Министерство юстиции (о товарище прокурора пензенского окружного суда И.И. Беликове) и другие ведомства¹. Таким образом, Временное правительство пошло на значительные расходы по оплате отпусков многим государственным служащим, участвовавшим в соборных заседаниях. Кроме того, военнообязанным делегатам Собора предоставили отсрочку от армии².

Если правительство ожидало от Собора, прежде всего, выработки «церковной конституции», то некоторые его члены наоборот увидели в этом представительном собрании влиятельный политический инструмент. Это являлось серьезной опасностью, поскольку открытая поддержка тех или иных партий или групп могла свести на нет все заявления об общенациональном характере церкви. И в этом плане духовное начальство уже ходило по краю. После июльских событий в Петрограде 12 июля 1917 года Синод выпустил воззвание, обращенное против организаторов беспорядков³. Церемониал похорон казаков, погибших 3–6 июля, включал панихиду в Исаакиевском соборе 14 июля, а на следующий день – отпевание и торжественный вынос тел в Александро-Невскую Лавру для захоронения. В процессии участвовали как духовенство, так и представители правительства, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов⁴. Как сообщили «Известия Петроградского Совета», по окончании заупокойной литургии архиепископ Платон обратился к верующим «с прочувствованным словом, посвященным памяти погибших казаков»⁵. В том числе он произнес: «Какая поразительная по своей громадности разница между вами, которых потерю мы сейчас оплакиваем, и теми вышедшими тоже из народа нашего, – которые, прикрываясь святым именем русского солдата, творят предательство родины и измену ей! Дети одной России, но какая страшная бездна легла между геройской, мужественно-бодрой

¹ Там же. Л. 32, 51.

² Там же. Л. 23–25, 28.

³ Церковные ведомости. 1917. № 30. С. 231–232.

⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 июля.

⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля.

любовью к матери Родине у одних и духовной смертью других!»¹ А Совет союза казачьих войск официально выразил благодарность архиепископу Петроградскому и Гдовскому Вениамину и всему духовенству, принимавшему участие в богослужении и проводах павших «братьев-казаков»².

Но если в данном случае церковное руководство выступило как бы в поддержку действующей власти, то накануне открытия Собора впервые за все месяцы после падения самодержавия представитель Синода – все тот же архиепископ Платон – позволил себе публичную критику Временного правительства. Выступая утром 14 августа вслед за Л.Г. Корниловым на Государственном совещании, Платон заявил, что причина столь кризисного положения страны, возможно, коренится в «неправильном отношении к вере тех, которые возглавляют сейчас наш боголюбивый народ». Указав на моральное разложение армии, архиепископ заключил: «Я вспоминаю эту присягу, учиненную этим правительством..., и я должен сказать, что без креста и Евангелия мы жить не будем...»³

Даже такой «левый» епископ, как Андрей Уфимский, накануне открытия в Москве Государственного совещания обратился с открытым письмом к председателю Временного правительства Керенскому. «Грабят церкви, грабят монастыри, грабят богатых, грабят даже бедных, если у них имеется лишняя корова или лишняя коса... – писал епископ. – Александр Федорович! Спасайте Россию!.. Возьмите себе в сотрудники людей беспартийных и непременно верующих, любящих святую церковь...» Епископ Андрей призвал премьера образовать на Государственном совещании «абсолютно беспартийное министерство, состоящее из таких прекрасных имен, как Керенский, Самарин, Трубецкой, Карташев, Маклаков (Василий), П.Б. Струве, Родзянко, Шеин и... наши мученики-генералы Алексеев, Брусилов и Корнилов»⁴. «Абсолютно

¹ Цит. по Введенский А.И. Указ. соч. С. 52–53.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 32–33 от 2 августа. С. 1.

³ Государственное совещание. М.–Л., 1930. С. 68.

⁴ Заволжский летописец. 1917. № 16. С. 436–440.

беспартийное» министерство епископа Андрея, как мы видим, состояло в основном из кадетов и октябристов.

Причиной «поправения» православного духовенства стало, прежде всего, нарастание явлений анархии во внутренней жизни страны, участвовавшие случаи насилия над священниками и захвата церковного имущества. Даже тем, кто восторженно встретил Февральский переворот, к августу 1917 года революция уже не представлялась в столь радужном свете. Рост антиклерикальных настроений заставлял клир позабыть о внутренних раздорах и осознать общность своих сословных интересов. Это подтвердили и результаты прошедших в августе выборов епархиальных архиереев: наиболее показательной стала победа в Харьковской епархии архиепископа Антония (Храповицкого), открытого монархиста и противника революционных преобразований.

Петроградские «Известия», которые весной–летом 1917 года практически ничего не писали о контрреволюционности духовенства, с августа начали посвящать этому отдельные заметки. Так, 15 августа, говоря о росте черносотенной агитации на местах, газета сообщила: «из Бахмета пишут, что попы призывают крестьян не слушать тех “проходимцев”, которые называют себя демократами»¹. А спустя несколько дней «Известия» процитировали поступившее к ним редакцию из хутора Гусева (Донская область) письмо о том, что местный священник после обедни обратился к народу, призывая восстать против Временного правительства на защиту генералов Корнилова и Каледина. При этом раздавалась литература, призывавшая подчиниться Л.Г. Корнилову². Еще чуть позже появилось сообщение о «погромной» и «монархической» агитации, которую вели неизвестные лица в женском Иоанновском монастыре. Кроме всего

¹ Беспомощность // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 августа. С. 10.

² Священник корниловец // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 сентября. С. 8.

прочего ими раздавались бесплатно экземпляры газеты «Гроза», брошюры Иоанна Кронштадского и митрополита Макария¹.

Уже в первые недели работы Собора, когда шли выборы в его руководящие органы и происходило распределение делегатов по отделам, стали очевидны довольно консервативные взгляды духовенства и верующих. Во внутрицерковном плане это выразилось в укреплении позиций епископата. Председателем Собора избрали митрополита Московского Тихона, а его заместителями стали архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Харьковский Антоний, протопресвитеры Н.А. Любимов и Г.И. Шавельский, а также миряне М.В. Родзянко и Е.Н. Трубецкой². Радикальные церковные объединения (ВСДПДиМ и другие) тут же объявили о якобы имевшей место во время выборов подтасовке в пользу «черносотенных» элементов³. Об этом же написал в Московский Совет рабочих депутатов некий прихожанин Осташковского Троицкого собора А.И. Цырулев, назвавший выборы «неправильными», так как в результате «прошли одни богатые, но неверующие»⁴. «Соборное большинство готовилось положить свой вес на чашки политических весов, начинавшие колебаться, и, конечно, положить на правую чашку», – писал профессор Б.В. Титлинов⁵. Об этом же заявил впоследствии и П.Н. Милюков, отметивший, что для достижения своих целей Собор выбрал следующий лозунг: «причина гибели Родины есть бездна нашего духовного падения»⁶. Впрочем, говоря о настрое членов Собора, нельзя забывать о том, что он не являлся общегражданским представительством. Социалистические партии и им сочувствовавшие элементы, исходившие из внеконфессиональных или даже антирелигиозных позиций, не участвовали в деятельности православных учреждений и организаций и, соответственно, не

¹ Погромная агитация в монастыре // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 сентября. С.5.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 2. С. 65, 70, 71. Впоследствии Родзянко сменил А.Д. Самарин.

³ Введенский А.И. Указ. соч. С. 73.

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 959. Л. 5.

⁵ Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 68.

⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 207.

были представлены на Соборе. А предусмотренные места для представителей Государственной думы и Государственного совета заняли те, кто интересовался церковными вопросами: националисты, октябристы и кадеты. Ни трудовики, ни социал-демократы туда не пошли.

На Соборе имелось и немногочисленное левое крыло (в сугубо церковном смысле), в которое входил, в том числе, бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов. В воспоминаниях и дневниковых записях многих соборных делегатов указано, что Львов вел себя крайне бесцеремонно, вызывая недоумение окружающих. Священник Евгений Сосунцов описывал, как Львов «метался» по комнатам духовной семинарии, где расположились члены Собора, и кричал: «Я на своих плечах вынес Собор, от *меня* это дело не ускользнуло, *мне* принадлежит честь созвания Собора, *меня* хотели было устранить от *моей* деятельности, *мною* церковь была обновлена, обо *мне* с благодарностью будет вспоминать потомство»¹. А архиепископ Арсений записал в своем дневнике, что «предвыборная агитация и вообще всякая агитация, к сожалению, имеет на Соборе большое место. Большое участие в ней принимает бывший Обер “шалый” Львов. В дикой злобе своей он ведет борьбу вообще против всего епископата, обливая его грязью. Заигрывает с пресвитерами и мирянами. К счастью, агитация его достигает противоположных результатов. Он все домогается попасть в президиум; но без успеха»². О манере Львова – «породистого человека с удивительно нехорошим взглядом» – поучать съехавшихся делегатов сообщал и священник И. Шарин³. Впрочем, присутствовать на заседаниях Собора Львов смог чуть больше недели: после активного участия в деле Корнилова бывшего

¹ Сосунцов Евгений, священник. Поместный Собор. Письмо второе (открытие Собора, выборы президиума и избрание отделов // Дело великого строительства церковного. С. 79.

² Цит. по: Воробьев В., прот., Кривошеева Н.А. Митрополит Арсений (Стадницкий) о Соборе 1917-1918 гг. и восстановлении патриаршества // XIX ежегодная богословская конференция. Материалы. Том I. М., 2009. С. 249.

³ Шарин И., священник. На Соборе. Первые дни // Дело великого строительства церковного. С. 110. Член Собора С.П. Руднев подробно описывал, как Львов эмоционально возмущался выдвижением на пост председателя митрополита Тихона (Белавина). См.: Дело великого строительства церковного. С. 398.

обер-прокурора арестовали. В начале октября многие газеты писали о безуспешных попытках жены Львова добиться его освобождения¹.

Левая или «обновленческая» часть делегатов так и не сумела создать сколько-нибудь крупную фракцию. А на общем заседании Собора 7 октября 1917 года представителю Синода протопресвитеру Любимову даже пришлось выступить с ответом на шквал критики в адрес политики церковного руководства в предыдущие «львовские» месяцы. Любимов оправдывался, что иерархи вовсе не являлись марионетками обер-прокурора, решения принимались коллегиально и, по возможности, максимально взвешенно. «Революционные» постановления весны–лета 1917 года протопресвитер объяснил давлением низов и движением в епархиях, а вовсе не диктатом Львова².

Знаковым моментом, свидетельствовавшим об окончательном поражении «обновленческого» крыла Собора, стала смена редакции ВЦОВ. В начале октября Собор посвятил часть заседаний слушаниям об обстоятельствах передачи газеты Петроградской духовной академии в марте 1917 года, причем объясняться пришлось и митрополиту Сергию (Страгородскому) и митрополиту Московскому Тихону (Белавину)³. В итоге Поместный Собор постановил вернуть газету Синоду, а последний отменил свое определение № 1741 от 22 марта и назначил новым редактором протоиерея П.Н. Лахостского⁴. Б.В. Титлинов не примирился с потерей печатного органа и обратился к председателю Временного правительства Керенскому с просьбой оказать финансовую помощь в организации издания «религиозно-политической и общественной» газеты для «пропаганды в широких слоях населения идей новой демократической русской государственности и

¹ Новая жизнь. 1917. 4 октября. С. 3; Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 сентября. С. 5; Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 октября. С. 4;

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 184–194.

³ Там же. С. 163–164.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 26 а.

примирение их с привычным религиозным мирозерцанием русского народа»¹.
Ответа не последовало.

Несмотря на то, что Временное правительство предоставило Поместному Собору только законосовещательные права, съехавшиеся в Москву делегаты оценивали его статус гораздо выше, чем просто собрание, готовящее законопроект для правительства. Так, член собора известный философ С.Н. Булгаков заявлял: «какую конституцию получил наш собор от правительства. Пункт первый этой конституции гласит: Собор вырабатывает законы, которые он вносит на уважение Временного правительства. Следовательно, правительство может уважить, а может и совершенно не уважить соборных постановлений... Это последнее слово извращенной практики»². Не будет преувеличением заключить, что именно с момента открытия Поместного Собора в его лице можно говорить о Православной Российской (или Русской) церкви как таковой, а не государственном духовном ведомстве. Само собой, тут же был поднят вопрос о текущем статусе Святейшего Синода. Выступая от его имени, протопресвитер Любимов заявил, что Синод отныне будет являться «исполнительным органом» при Соборе³. Конечно же, с юридической точки зрения это противоречило существующим установлениям, но фактически являлось правдой, представляя собой компромисс между действующим законодательством и ожиданиями духовенства и верующих мирян.

Вместе с тем, система высшего церковного управления осенью 1917 года была еще сложнее, так как при Поместном Соборе согласно его уставу уже имелся исполнительный орган – Соборный Совет⁴. Получалась некая тройственная конструкция, в которой наибольший административный ресурс оказывался в руках именно Соборного Совета, а Святейший Синод просто

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 51. Л. 2. Б.В. Титлинов подписался как профессор Петроградской духовной академии и представитель Союза духовенства и мирян в Совете Российской Республики.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 36.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 185.

⁴ Членов Соборного Совета избрали на заседании 21 августа 1917 года. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. С. 79–84.

озвучивал и передавал в епархии его постановления. Совет рассматривал поступающие от членов Собора предложения и входящую извне корреспонденцию и выносил (или не выносил) их на обсуждение в общих заседаниях. Принимаемые Поместным Собором определения также передавались для исполнения в Синод через Соборный Совет. В сентябре 1917 года при нем образовали отдельное от Синода Хозяйственно-распорядительное совещание, явившее собой начало финансового обособления новых церковных институтов от подконтрольного государству Хозяйственного управления Святейшего Синода¹. И, конечно же, особенно возросла роль Соборного Совета в декабре 1917 – январе 1918 годов, когда Поместный Собор разъехался на каникулы.

Центральным пунктом первых соборных воззваний стал призыв к объединению. Об этом говорилось в принятых 24 августа текстах посланий «Ко всему русскому народу» и «К армии и флоту». «Родина гибнет! – говорилось в первом послании. – Очнитесь, опомнитесь, отбросьте вашу взаимную ненависть и внутренние распри»². К написанию второго послания Собор подтолкнуло, в том числе, обращение Союза офицеров армии и флота, из которого следовало, что «армия в целом не существует: есть корпус офицеров и вооруженная разнузданная толпа народа». Офицеры просили моральной поддержки в виде молитвы и благословения церкви³. 18 августа член Собора князь Е.Н. Тубецкой предложил назначить особый день для совершения моления всей России о ниспослании победы русской армии и умиротворении родины, а 21 августа уже 152 делегата Собора подали записку об этом⁴. Подготовленное послание в первую очередь адресовалось тем, кто агитировал солдат за неподчинение офицерам, братание с неприятелем и дезертирство: «Вы забываете Бога и совесть, растлители в воинах чистой веры, убийцы их духа, разрушители устоев...

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 200. Л. 37 – 37 об.

² Церковные ведомости. 1917. № 36–37. С. 311–313.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 183. Л. 33 – 33 об.

⁴ Там же. Л. 15; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 3. С. 98.

ужаснитесь вашего сатанинского дела!» Собор призывал солдат «заглянуть в глубину своей души» и очиститься от обмана и наветов врагов и предателей¹.

Поддержка офицерства и идеи твердой власти едва не обернулась для Собора политической катастрофой. Так, 18-го августа его члены направили генералу Л.Г. Корнилову приветственную телеграмму, в которой призывали Божье благословение на Верховного главнокомандующего и все «христолюбивое воинство»: «да объединятся тыл и фронт в молитве за многострадальную Россию...» – говорилось в приветствии². А когда до Собора дошли вести о начале Корниловского выступления, 30 августа 1917 года было решено провести «частное общее совещание» без посторонней публики (включая журналистов) и протокола. Такие же заседания состоялись 31 августа и 1 сентября 1917 года. Отметим, что в «закрытом» режиме Собор при Временном правительстве работал лишь дважды, что подчеркивало особую важность обсуждаемых в тот момент вопросов³. Симпатии значительной массы членов Собора склонялись в пользу генерала, однако, все понимали и рискованность соборного выступления по этому чисто политическому поводу⁴. Узнав о подавлении мятежа, 31 августа Собор отправил Временному правительству телеграмму, в которой «во имя Божие и Христовой любви к ближнему» призвал победителей пощадить жизнь побежденных, «ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжелой

¹ Там же. С. 98–101.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 2. С.73–74.

³ См. Семенов К.А. Проблема издания документов закрытых заседаний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. П.: История. История Русской Церкви. 2009. Вып. II: 2 (31). С. 20–28. 21 августа состоялось «закрытое» заседание Собора, посвященное эвакуации церковных святынь на восток. «Закрытые» заседания 30, 31 августа и 1 сентября 1917 года были посвящены выступлению Л.Г. Корнилова.

⁴ Дебаты на Соборе по поводу корниловского выступления также кратко обрисовал в своих письмах Я.А. Кремнев. По его информации, уже вечером 29 августа многие «говорили дерзостно», «сыпали грязи на Вр[еменное] правительство и Советы сколько хотели, готовили постановление, чтобы выразить Временному правительству недоверие, а Корнилову благословение как единому спасителю Родины. И пришлось утешать страсти задир... Всю ночь спорили в отдельных группах». 30 августа более осторожно настроенные делегаты попытались утихомирить «ястребов», предложив обратиться к Корнилову и Керенскому с призывом «не проливать братской крови», однако выработанный 31 августа проект послания оказался слишком вызывающим по отношению к светской власти, и его значительно переработали. См.: Кремнев Я.А. «Без политики этот Собор не обойдется». Письма делегата Священного Собора Православной Российской Церкви. Август – сентябрь 1917 года // Дело великого строительства церковного. С. 70–71.

междоусобице»¹. На следующий день Собор выработал более пространное обращение «по поводу угрожавшей Родине братоубийственной войны». В нем особо подчеркивалось, что «верная своим священным заветам, Церковь православная не принимает участия в борьбе политических партий», но и не может оставаться «равнодушной зрительницею» распада и гибели Родины. По мнению авторов послания, спасти Россию могла только вера, и править страной должна та власть, которая просветлена этой верой. При этом отмечалось, что «...необходимость восстановления власти военачальников во всей ее полноте неоднократно засвидетельствована вождями русской армии перед лицом всей России. Собор полагает, что пренебрежение этими указаниями уже само по себе служит источником величайшей опасности»². В данных строках, безусловно, была зашифрована критика знаменитого «Приказа №1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Чуть позже, 11 сентября 1917 года, по поручению Собора Синод издал постановление о совершении всенародного моления «ввиду переживаемых Отечеством грозных событий»: 14 сентября, а где это не представлялось возможным – 1 октября³. Урок, полученный церковью в связи с выступлением Корнилова, стал для ее руководителей и соборного большинства своеобразной прививкой, предохраняющей от прямого участия в политике. Этот подход определил поведение Поместного Собора в последующие революционные месяцы.

Тем не менее, в течение сентября–октября 1917 года на Соборе продолжали звучать отдельные речи о необходимости включения в политическую борьбу через отправку представителей в Предпарламент (Временный Совет Российской республики) и даже Учредительное собрание. Левый священник Михаил Галкин писал в «Новой жизни», что кандидатами в Предпарламент от епископов намечены Платон, Арсений и Андрей, но «будет избран, вероятно, Платон». По

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 3. С. 157.

² Церковные ведомости. 1917. № 40–41 от 14 октября. С. 360. В документах Собора обращение от 1 сентября 1917 года именовалось «Посланием к Временному правительству». Кроме опубликования в «Церковных ведомостях» его также напечатали в количестве 10 000 экземпляров для распространения среди народа соборными делегатами. См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 200. Л. 25 – 25 об.

³ Церковные ведомости. 1917. № 36–37. С. 311.

словам автора, «прогрессивная группа» из числа священников выдвинула В.И. Востокова и К.М. Аггеева, но, скорее всего, победит умеренный кандидат – руководитель Александро-Невского братства трезвости П.А. Миртов¹. 30 сентября 43 члена Собора (первый в списке – Н.Д. Кузнецов) действительно письменно ходатайствовали о необходимости потребовать предоставления мест духовенству во Временном Совете Российской республики, и Соборный Совет даже предложил направить туда 9 представителей (3 епископа, 3 клирика и 3 мирянина)². В итоге по ходатайству Карташева Временное правительство предоставило православному духовенству в Предпарламенте три места³, но настроения на Соборе изменились. При общем голосовании большинство (177 против 115) высказалось против участия в Предпарламенте⁴. И когда Котляревский передал Соборному Совету телеграмму управляющего делами Временного правительства о том, что в Предпарламенте все еще ожидают церковных делегатов, рассмотрение дела передали 3 октября в Синод, так как оно «не касается Собора как учреждения»⁵. В итоге во Временном Совете Российской республики числились всего два представителя «православной общественности»: от Петроградской духовной академии и от Союза духовенства и мирян (последний представлял небезызвестный профессор Титлинов)⁶. К этому необходимо добавить, что и Карташев отказался вносить на рассмотрение Предпарламента проблемы, касающиеся церкви, хотя Керенский и запрашивал перечень «важнейших вопросов по вероисповедному ведомству»⁷.

Впрочем, полностью устранившись от участия в политических процессах Собор не мог, иначе он рисковал лишиться возможности озвучивать свою

¹ Горев М. Духовенство в Предпарламенте // Новая жизнь. 1917. 7 октября. С. 4.

² ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 14.

³ Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 69. Интересно, что партия народной свободы (кадетов) постановила из числа выделенных ей в Предпарламенте мест предоставить 5 или 8 старообрядцам. См.: там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 29–30. Сообщив об этом, газета «Речь» несколько исказила итоги голосования. По ее версии «за» было 170, «против» 110 членов Собора. См.: Речь. 1917. 1 октября.

⁵ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 15; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 64.

⁶ Руднева С.Е. Указ. соч. С. 144.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 348–349.

позицию. Понимая это, 7 октября 1917 года часть делегатов предложила попросить Временное правительство организовать выступление соборных представителей в Предпарламенте и Учредительном собрании, но решения по этому поводу принято не было¹. Параллельно шли споры о тактике Собора в связи с предстоящими выборами. Еще 13 сентября соборный делегат А.В. Васильев сделал внеочередное заявление о необходимости включиться в избирательный процесс, специально обратившись для этого к Временному правительству. Васильев предлагал организовать проведение выборов через церковные органы – приходские, благочиннические и епархиальные советы, и, таким образом, обеспечить «проведение в Учредительное собрание действительных выразителей воли православного народа»². Предложение направили для рассмотрения в Соборный Совет, который постарался прекратить дальнейшее обсуждение, признав 16 сентября вопрос «неподлежащим ведению Собора»³. 20 сентября общее собрание утвердило данное постановление⁴. Однако к теме участия в Учредительном собрании возвращались снова и снова. Подогревали дискуссию и запросы с мест. Например, председатель Совета Союза духовенства Глазовского уезда Вятской епархии М. Засимовский обратился 16 сентября 1917 года с письмом к Собору, попросив его выставить нескольких кандидатов в Учредительное собрание, которые бы являлись «достойными избранниками народа, близкими к Церкви Православной, около которых можно было бы объединиться духовенству с мирянами и к избранию которых можно... располагать народ»⁵. 26 сентября Соборный Совет рассмотрел предложение уже 52 членов Собора о создании комиссии для составления послания к русскому народу с призывом «исполнить при предстоящих выборах в Учредительное

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 200; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 37, 39.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. С. 188.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 4 – 4 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 8.

собрание свой гражданский долг». Это вновь признали «неподлежащим ведению Собора»¹.

Однако на общем заседании 27 сентября 1917 года большинство делегатов не согласилось с резолюцией Соборного Совета. Протоиерей А.А. Хотовицкий указал, что Собор не может «отмахнуться» от участия в выборах в Учредительное собрание. Сторонники этой идеи настаивали на том, что Поместный Собор должен агитировать, чтобы в будущее народное представительство попали «истинно верующие и православные люди», которые могли бы отстаивать все прерогативы Православной церкви. Придерживавшиеся другой точки зрения, в том числе, большая часть Соборного Совета, предостерегали от вмешательства церкви в политику. В частности, делегат Ф.Г. Котлянский напомнил, что выступления духовенства перед выборами в III и IV Государственные думы только «возбудили одиозное чувство к нему»². В итоге все же избрали комиссию для составления соборного послания в составе князя Е.Н. Трубецкого, профессоров П.П. Кудрявцева и С.Н. Булгакова³. 30 сентября Соборный Совет рассмотрел и несколько исправил текст послания, и в тот же день его утвердил Собор⁴. Кроме призыва к примирению всех враждующих партий, сословий и народностей, в нем говорилось, что Россия может воссоздаться лишь при возвращении к своей святой вере. Авторы послания даже замечали, что без веры «по истине не мила нам и Родина»: «пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой»⁵. Обращение передали для опубликования в газету «Русское слово» под наименованием «Послание Собора всем чадам Церкви по поводу приближающихся выборов в Учредительное собрание»⁶ Кроме того, 3 октября Соборный Совет попросил Синод напечатать

¹ Там же. Л. 11 – 11 об.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 86–88.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 23–24.

⁵ Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 375–377.

⁶ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 27.

послание Собора в «Церковных ведомостях» и издать в виде листовок тиражом 50 000 экземпляров, а также предписать духовенству прочитать его в церквях в первый воскресный или праздничный день по получении текста¹. Синод принял соответствующее определение 4 октября, добавив, что духовенство должно огласить текст послания «не ожидая особых предписаний со стороны местного начальства»². Насколько удалось Собору донести до населения текст послания – неизвестно. О журнале «Церковные ведомости» говорили, что его «никто не читает», а более половины тиража листовок так и пролежали в соборной канцелярии. И только накануне выборов (состоявшихся в Москве 19 ноября) управляющему Московской епархией архиепископу Иоасафу (Каллистову) поручили распространить воззвание по храмам города³.

Необходимо добавить, что Временное правительство недвусмысленно проинформировало церковь о недопустимости какой-либо политической агитации в храмах во время избирательной кампании. Так, пункт 102 «Положения о выборах в Учредительное собрание» гласил: «духовное лицо, которое во время богослужения или непосредственно после такового в храме или ином предназначенном для богослужения месте станет пытаться посредством произнесения речи, распространения сочинений или иным образом оказывать влияние на выборы в Учредительное собрание, наказывается – заключением в тюрьме на срок не свыше шести месяцев»⁴. А 23 сентября 1917 года товарищ министра внутренних дел Н.Н. Авинов попросил через Министерство исповеданий отдать распоряжение по духовному ведомству о более раннем (до 9 часов) окончании утреннего богослужения в день голосования, чтобы верующие могли спокойно успеть к избирательным участкам. Соответствующее

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 337; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.

² Там же. Л. 41.

³ Там же. Л. 49–52.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. В. 9-ти тт. Том 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994. С. 154.

определение Синода вышло 9–12 октября 1917 года¹. Впрочем, впоследствии само церковное руководство проигнорировало это постановление: в момент открытия в Москве пунктов голосования 19 ноября 1917 года в 9 часов утра в Храме Христа Спасителя состоялось торжественное молебствование².

Несмотря на «Положение о выборах в Учредительное собрание» и соборную позицию невмешательства в политическую борьбу, представители духовенства и верующих все же приняли активное участие в избирательном процессе. В 19-ти округах они баллотировались отдельными списками: в Вятке, Екатеринбурге, Иркутске, Казани, Костроме, Николаеве, Перми, Петрограде и Петроградской губернии, Самаре, Саратове, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Степном округе (Семипалатинске), Омске, Уфе, Харькове и Херсоне³. Наименование списков варьировалось, наиболее распространенными были «православные приходы» и «духовенство и миряне». В некоторых регионах даже объявили о создании православных партий: «церковно-народной» (в Екатеринбурге и Перми), «ревнители православия» (в Самаре)⁴. В Вятке на пастырско-мирянском собрании 8 октября 1917 года было решено баллотироваться отдельным списком «Православно-приходского демократического союза», не вступая в блок с кадетами, чтобы не навлекать на себя обвинений в объединении с «капиталистами» и «буржуями»⁵. В Саратове список № 5 составила «Партия церкви» (она же «Православно-народная партия»)⁶. Но результаты голосования оказались для духовенства и мирян провальными: православные кандидаты оказались не в состоянии конкурировать с популярными политическими партиями. Количественно и по числу собранных

¹ Церковные ведомости. 1917. № 42 от 21 октября. С. 377–378; ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 20 – 20 об.

² ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 54 об. Первоначально Собор постановил провести молебствие в Успенском соборе Кремля, но получить разрешение на это не удалось. См.: там же. Л. 44.

³ См. Спириин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 280, 287, 290, 297, 298, 300, 307–311, 319–321.

⁴ Там же. С. 297–298, 307.

⁵ Поляков А.Г. Указ. соч. С. 37–38.

⁶ Редькина О.Ю. Христанские политические партии на Нижней Волге в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 41–42.

голосов православные уступили даже старообрядцам и многочисленным мусульманским спискам, чьи избиратели продемонстрировали большую активность и организованность¹.

Духовенство участвовало и в предвыборной агитации. Так, по сообщению «Известий Московского Совета рабочих и солдатских» депутатов, священник Щепкинского прихода Вологодской губернии в проповеди 12 ноября прямо призвал голосовать за кадетов². Члены Собора как частные лица тоже выступали на разных политических собраниях. Например, на проходившее 12–13 октября 1917 года Второе Московское совещание общественных деятелей прибыли М.В. Родзянко, князь Е.Н. Трубецкой, митрополит Платон и архиепископ Иоасаф³.

Не осталось незамеченным на Соборе начало работ образованной при Юридическом совещании Временного правительства Комиссии по выработке основных законов под председательством А.Н. Лазаренко. По планам министра юстиции П.Н. Малянтовича, она должна была в спешном порядке обсудить вопросы общих конституционных принципов будущей России (структура государственных органов власти, проблемы гражданства и национальностей, демократические свободы и т.п.) и внести свои заключения на рассмотрение Предпарламента и Учредительного собрания. В составе комиссии отсутствовали представители духовенства, а в программе ее докладов не планировались слушания о правовом положении церкви в государстве. В комиссию входил только один член Поместного Собора – товарищ министра исповеданий Котляревский, отвечавший за раздел, касавшийся прав и свобод граждан⁴. Но

¹ Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 206. Вместе с тем, нельзя забывать, что все «православные партии» не имели благословения от высшей церковной власти.

² Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 декабря. С. 2. О.Ю. Редькина, отметила, что случаи агитации священников за кадетов были не единичными, а протоиерей В.Н. Пашин даже стал представителем этой партии в уездной избирательной комиссии в Царицыне. Тем не менее, историк заключила, что «союз с партией народной свободы представлялся духовенству проблематичным из-за необходимости гарантировать ей поддержку православных избирателей». См.: Редькина О.Ю. Указ. соч. С. 41.

³ Новая жизнь. 1917. 13 октября. С. 2. Вместе с тем, поступившее Поместному Собору как организации приглашение принять участие в совещании общественных деятелей Собор просто «принял к сведению». См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Заседания комиссии состоялись в Мариинском дворце в Петрограде 11, 17 и 20 октября. 24 октября ей не удалось собраться из-за начавшегося в столице восстания.

церковь не желала остаться в стороне. 12 октября митрополит Платон от имени Синода направил Карташеву письмо, в котором попросил включить в состав Комиссии по выработке основных законов делегата от Святейшего Синода¹. В тот же день в Отделе о правовом положении церкви в государстве Поместного Собора юрисконсульт Министерства исповеданий В.В. Радзимовский объявил собравшимся, что комиссия обязательно должна заслушать выработанные отделом положения, «так как это касается, прежде всего, области законов основных».² 14 октября общее заседание Собора признало необходимым немедленно обратиться к министру исповеданий с тем, чтобы включить в состав Комиссии по выработке основных законов еще и представителей Собора. 16 октября соборное постановление передали Карташеву. Тот перенаправил бумагу 24 октября министру юстиции с пометкой, что считает просьбы Синода и Поместного Собора вполне законными³. В это время работы комиссии были прерваны Октябрьскими событиями.

Итоги Корниловского выступления не отразились на той повышенной степени внимания, которую Поместный Собор уделял армии. В начале сентября 1917 года из-за «тяжелых событий под Ригой» ряд членов Собора выступил с предложением немного пересмотреть характер послания к армии и флоту от 24 августа, «если оно еще не напечатано»⁴. 10 сентября Соборный Совет принял новую редакцию, более эмоциональную, которую за прежней датой опубликовали в «Церковных ведомостях»⁵. Кроме этого, напечатали 50 000 экземпляров в виде листовок и командировали на каждый фронт по два делегата для их раздачи⁶. Одновременно были подготовлены обращения главнокомандующим о том, чтобы соборное слово зачитали «при надлежащей обстановке» в воинских частях в

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 351 – 351 об.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 169 – 169 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 354 – 354 об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 183. Л. 35.

⁵ Церковные ведомости. 1917. № 38–39. С. 327–330.

⁶ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 200. Л. 24; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 69–70.

сопровождении молебствия о спасении родины и утолении в ней раздоров и потрясений. На западный фронт поехали протоиерей Н.В. Рубин и солдат 15 инженерного полка В.П. Стукало, на Северный – протоиерей И.К. Матиков и старший фейерверкер Севастопольского тяжелого дивизиона П.А. Разумов, на Румынский – протоиерей П.И. Лепорский и М.А. Кальнев, на Юго-Западный – протоиерей Ф.С. Воловей и унтер-офицер 48 Сибирского стрелкового полка И.Т. Шилов, на Кавказский – протоиерей А.П. Рождественский и солдат И.И. Архангельский. 29 сентября товарищ министра исповеданий Котляревский выдал отправлявшимся в армии членам Собора удостоверения на право приобретения железно-дорожных билетов и провоза посланий и евангелий¹.

Вскоре последовала реакция, прежде всего от воинского начальства. Так, 5 октября 1917 года главнокомандующий Юго-Западного фронта написал председателю Собора митрополиту Тихону: «глубоко тронут вниманием Вашего Высокопреосвященства и верю, что Ваши молитвы и молитвы Священного Собора помогут мне и вверенным мне войскам – защитникам чести, славы и достоинства родины исполнить свой воинский долг»². А 23 октября 1917 года начальник Штаба 6-й Кавказской дивизии подполковник фон Плюссинг запросил телеграммой Московскую синодальную типографию прислать за плату 4 000 экземпляров «воззвания Всероссийского Собора к воинству»³. Кроме того, 15 октября организованное солдатами 177-го пехотного Изборского полка «Братство Христа спасителя» запросило у Собора благословения «на дело христианизации самих себя и всего полка»⁴.

С подробным рассказом о поездке на Кавказский фронт выступил на заседании Собора 21 октября член Синода протоиерей Рождественский. По его словам, в Тифлисе главнокомандующий армией генерал М.А. Пржевальский встретил их очень настороженно. Он заявил, что до воинских соединений на юге

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 183. Л. 56 – 59 об, 60–65, 75–76.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 90 – 90 об.

докатилась «волна большевизма», отношение солдат к офицерам и духовенству стало напряженно-недоверчивым и даже враждебным, и попытка раздавать листки с посланием в частях может обернуться эксцессами. Вместе с тем Пржевальский одобрил совершение в воскресенье 8 октября торжественного богослужения в Тифлисском Александро-Невском соборе. По свидетельству Рождественского, «собор был переполнен, были и солдаты, но особенно много было офицеров». После совершенной епископом Бакинским Григорием (Яцковским) литургии протоиерей Рождественский рассказал присутствующим о работе Собора и зачитал текст послания. По окончании богослужения стали распространять листки, которые шли «не нарасхват, а на разрыв». На офицеров обращение Собора подействовало ободряюще, один из них даже сказал протоиерею: «Слава Богу!.. Теперь [мы] видим, что нас понимают и ценят». Солдаты, хоть и разбирали послание, но своих настроений не выражали¹. Далее соборный делегат Архангельский «как носящий форму рядового» все-таки решил объехать воинские части. Сопровождать его вызвался главный военный священник Кавказского фронта протоиерей Кремьянский. 18 октября Архангельский доставил соборное послание в Эрзерум, где его 19 октября Кремьянский зачитал гарнизонным войскам. После этого солдат посетил еще несколько городов. В числе прочих, в архиве сохранилось удостоверение коменданта 18-го Туркестанского Стрелкового полка о том, что Архангельский был 24 октября на позиции этого подразделения².

25 октября 1917 года о поездке на Северный фронт доложил Собору протоиерей И.К. Матиков. Там оказалось все более организованно. В Пскове 1 октября начальник Штаба фронта снабдил делегатов пакетами для штабов армий и направил в части. Объезжая корпуса и полки в течение двух недель, Матиков и Разумов выступали перед военнослужащими и раздавали листовки с посланием. По сообщению делегатов, обращение Собора было встречено тепло и офицерами, и солдатами, однако среди последних очень сильны антивоенные настроения: все

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 334–336.

² ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 183. Л. 104–107.

устали сидеть в окопах. А офицеры просили прислать на Рождественские праздники епископов с проповедями, что, по их мнению, могло бы помочь навести порядок в войсках¹.

Необходимость снабжения армии евангелиями и другими брошюрами религиозного содержания активно обсуждалась членами Собора все осенние месяцы 1917 года. 24 октября Котляревский сообщил в Военное министерство о том, что Собор «испрашивает» из военного фонда кредит в 200 тысяч рублей. По словам товарища министра исповеданий, эта сумма, усиленная церковными отчислениями и «доброхотными» пожертвованиями, даст Собору возможность направить в армию значительный запас духовной литературы, «которая послужит к укреплению армии и ко благу России»². А 8 декабря 1917 года Соборный Совет передал Г.И. Шавельскому просьбу одного из членов братства Исаакиевского собора о немедленной командировке на фронт для раздачи солдатам евангелий, молитвенников и других изданий религиозно-просветительного содержания³.

Если политические декларации звучали в основном в общих заседаниях Собора, то реальная работа по созданию новой церковной конституции проходила в отделах. Их было образовано 20: Уставной, Высшего церковного управления, Епархиального управления, Благоустройства прихода, Церковно-приходской школы, Преподавания Закона Божия, Церковного имущества и хозяйства, Правового положения церкви в государстве и др. 28 августа окончательно сформировались их списки, и определилось расписание занятий. В связи с началом нового учебного года наиболее активно в августе–сентябре 1917 года работали отделы Поместного Собора о церковно-приходской школе и о религиозном преподавании. Особенно подогрело страсти высказанное Государственным комитетом по народному образованию (ГКНО) предложение отменить обязательность в школах Закона Божия. Уже 21 августа на имя председателя Собора митрополита Тихона поступило предложение за подписью

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 401–403.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 36. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 183. Л. 100. Было ли это исполнено – не известно.

31 делегата о том, что необходимо срочно сформулировать специальное постановление, направленное против решений ГКНО. Тут же зачитали резолюцию прошедшего в Москве 7–10 августа 1917 года 1-го Всероссийского родительского съезда о том, что установленный в Законе о свободе совести четырнадцатилетний возраст религиозного самоопределения совершенно не соответствует «психическим и физиологическим особенностям отрочества». Съезд предлагал обратиться к Временному правительству с тем, чтобы повысить этот возраст до 17 лет, то есть до срока окончания ребенком средней школы¹. На заседании Собора 23 сентября председатель отдела о преподавании Закона Божия архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) заявил: «14-летний возраст это не есть возраст духовной зрелости, когда человек нравственно сформировался»². Вслед за Кириллом протоиерей Е.З. Капралов заметил, что ГКНО со своими проектами становится на путь «единоличного и безапелляционного» решения такого вопроса, и постановка, и решения которого должны всецело принадлежать родителям учащихся³. Однако выступивший следом товарищ министра исповеданий Котляревский поспешил успокоить собравшихся, объяснив, что ГКНО на самом деле не имеет никаких законодательных полномочий, а «всякое радикальное решение вопроса о преподавании Закона Божия было бы предвосхищением прав Учредительного собрания»⁴. Котляревский описал членам Собора и позицию Министерства народного просвещения по отношению к ГКНО: министр А.А. Мануйлов понимал его задачи и права значительно уже, чем сам комитет, а С.Ф. Ольденбург «безусловно не соглашался» с его постановлениями. «По мысли Ольденбурга, – говорил Котляревский, – Закон Божий должен быть обязательным в школе, но если родители в силу своего перехода в другое исповедание или безрелигиозное состояние, пожелали бы освободить своих

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. С. 76–77.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 55.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 65–67.

сыновей и дочерей от изучения Закона Божия, то это должно быть предоставлено им»¹.

Котляревский в целом правильно обрисовал на Соборе характер взаимоотношений правительства и ГКНО, однако в сентябре 1917 года ситуация существенно изменилась. Новый исполняющий обязанности министра народного просвещения (с конца сентября – министр) профессор С.С. Салазкин «по духу и темпераменту своему оказался особенно близким руководящему ядру комитета» и его проекты «получили сравнительно быстрое движение»². Не ставя в известность находящегося в Москве министра исповеданий и минуя заключения Поместного Собора по вопросам образования, Салазкин внес в сентябре 1917 года на рассмотрение правительства ряд предложений, направленных на дальнейшее расширение светского образования. Так, 6 сентября министр направил в правительственную канцелярию согласованный с ГКНО законопроект о «некоторых изменениях в постановке учебной части в учебных заведениях ведомства МНП в связи с постановлением... от 14 июля 1917 г. о свободе совести». Суть документа сводилась к необходимости предоставить родителям, опекунам и самим детям, достигшим указанного в законе 14-летнего возраста, возможность решать вопрос о продолжении изучения ими закона своей веры. От этого предмета предполагалось освободить тех учащихся, которые не принадлежали ни к одному вероисповеданию, а также тех, чье религиозное обучение возьмут на себя родители или опекуны. В законопроекте особо оговаривалось, что освобождение детей от изучения закона веры в школе «не ограничивает прав, предоставленных им прохождением курса учебных заведений»³. 19 сентября Временное правительство в отсутствие министра

¹ Там же. В действительности лишь один законопроект Государственного комитета по народному образованию получил силу закона (о передаче высших начальных училищ органам местного самоуправления), хотя в октябре большая их часть готовилась к рассмотрению. См.: Государственный комитет по народному образованию. С. 10.

² Там же. С. 9.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 548. Л. 5 – 5 об.

исповеданий рассмотрело документ и передало его в Юридическое совещание для «установления окончательной редакции»¹.

Узнав об этом, Карташев 22 сентября спешно телеграфировал управляющему делами правительства Гальперну, что, поскольку дело «ближайшим образом затрагивает интересы Ведомства православного исповедания», необходимо, чтобы данное представление Министерства народного просвещения было рассмотрено Временным правительством «в присутствии министра исповеданий или его представителя»². Карташев крайне возмущался тем, что правительство, не поставив его в известность, приступило к обсуждению законопроекта Салазкина. Кроме того, по мнению Карташева, сначала необходимо выслушать мнение по этому вопросу Поместного Собора, тем более что к концу сентября соборный отдел о преподавании Закона Божия в целом закончил свою работу.

28 сентября Собор утвердил свое первое определение. Согласно ему во всех светских школах (как государственных, так и частных), где есть православные ученики, Закон Божий должен являться обязательным предметом. Установленный в законе 14 июля 1917 года о свободе совести четырнадцатилетний возраст для перемены вероисповедания объявлялся слишком юным, так как он «не обеспечивает надлежащей зрелости суждения в виду душевных и телесных особенностей отрочества», а поэтому, согласно определению, должен быть поднят до 17 лет. Законоучителям предлагалось сохранить все права государственных служащих³. 2 октября Карташев доложил Керенскому о том, что Поместный Собор признал необходимым сохранить обязательное преподавание Закона Божия и попросил «не издавать по сему предмету никаких законодательных постановлений, вытекающих из закона 14 июля о свободе совести, до получения соответственных постановлений Собора»⁴.

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Том 4. С. 154.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1427. Л. 5 – 5 об.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определение и постановлений. Вып. I. М., 1917. С. 13.

⁴ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1447. Л. 2.

Вместе с тем, 15 сентября Салазкин передал управляющему делами Временного правительства Гальперну еще один законопроект, называвшийся «О преобразовании и обеспечении помещениями переданных Министерству народного просвещения церковно-приходских школ». Поскольку существование подобного типа учебных заведений в рамках светского министерства Салазкин считал неприемлемым, он предложил преобразовать их в начальные народные училища по Положению от 25 мая 1874 года. Вопрос о школьных помещениях законопроект решал в духе постановления от 20 июня, рассматривавшего Ведомство православного исповедания в качестве исключительно государственного учреждения. Здания школ, построенные из средств ссуды Государственного казначейства от 12 июля 1913 года или образованного на ее основе церковно-школьного строительного фонда (так называемого фонда Александра III) закреплялись за Министерством народного просвещения¹. При этом выплата церковными организациями процентов по ссудам из церковно-школьного фонда замораживалась до 1 января 1920 года. Здания школ, построенных на собственно церковные средства, Министерство народного просвещения могло использовать на прежних условиях до 1 июня 1919 года. Если церковь арендовала школьные помещения у частных лиц или организаций, арендатором теперь выступало министерство с сохранением прочих условий договора².

Ввиду упомянутого выше протеста Карташева 26 сентября 1917 года Временное правительство постановило возвратить данное представление Салазкину для предварительного согласования с Министерством исповеданий и «внесения засим на уважение Временного правительства окончательного заключения упомянутых ведомств»³. В тот же день Гальперн направил законопроект обратно в Министерство народного просвещения с резолюцией

¹ Дословно в документе: «не могли быть использованы на иную надобность, кроме как для указанных (народных – А.С.) или других училищ того же министерства (Народного просвещения. – А.С.)»

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 548. Л. 10–12.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Том 4. С. 220.

«для согласования с министром исповеданий»¹. Карташев же, который в целом поддерживал реорганизацию церковно-приходских школ, видимо, исходил из того, что рассмотрение дела во Временном правительстве должно состояться не раньше заключения по этому вопросу Поместного Собора.

2 октября 1917 года общее заседание Собора приняло текст положения о церковно-приходских школах. Закон от 20 июня 1917 года предлагалось отменить, а школы передать приходам, уравнив их правовое и материальное положение со школами Министерства народного просвещения. Синодальный Училищный совет и другие церковные организации, контролирующие функционирование школ, признавалось необходимым реформировать на выборном начале. Контроль со стороны государства Собор допускал постольку, поскольку оно участвовало в финансировании той или иной церковно-приходской школы. Оговаривалось, что их программы не могли уступать программам учебных заведений Министерства народного просвещения².

После принятия определений о Законе Божием и о церковных школах Собор избрал делегацию для встречи с Временным правительством. В нее включили архиепископа Тамбовского Кирилла, протоиерея А.М. Станиславского из Харьковской епархии, присяжного поверенного Н.Д. Кузнецова и крестьянина Пермской губернии П.И. Уткина³. Узнав о желании Собора отменить закон от 20 июня, Центральный всероссийский комитет учителей церковно-приходских школ направил 1 октября на имя министра-председателя телеграмму с просьбой ни в коем случае не идти навстречу церкви, так как передача школ состоялась «согласно голосу демократии крестьянства и епархиальных съездов духовенства». Комитет обещал предоставить «тысячи приговоров» в поддержку этого решения, а также обратил внимание на медленность организации переподчинения школ,

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 548. Л. 10.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I. 14–15.

³ Впервые о желании делегации Поместного Собора встретиться с Временным правительством архиепископ Кирилл сообщил Карташеву в телеграмме от 30 сентября 1917 года. Целью визита было названо ходатайство об отмене закона от 20 июня. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 228.

«ненормальный оклад сорок рублей», выплата которого и без того задерживается Министерством народного просвещения¹. Тем не менее, 3 октября Карташев телеграфировал архиепископу Кириллу, что «министр председатель, а вместе с ним некоторые члены Временного правительства, могут принять депутацию в любой из ближайших дней, около 12-ти часов дня»².

Аудиенция состоялась 11 октября 1917 года. Сначала утром соборную делегацию принял у себя сам министр исповеданий, который сразу поспешил предупредить своих гостей, что правительство не может отказаться от передачи школ в Министерство народного просвещения. «Говорить о сохранении их в прежнем положении – безнадежно, – сказал Карташев, – это было бы все равно, как призывать правительство к укреплению старого государственного строя». Вопрос же о Законе Божиим, по словам министра исповеданий, только начинал рассматриваться, и Временное правительство обязательно примет к сведению мнение Собора³.

К 14⁰⁰ делегаты прибыли в Зимний дворец, где около 40 минут в присутствии часового ожидали министра-председателя. Керенский принял их в Николаевской библиотеке. Он протянул архиепископу Кириллу руку, но тот, прежде чем обменяться рукопожатиями, перекрестился сам и перекрестил премьера⁴. Керенский повторил высказанную ранее Карташевым мысль о том, что отмена закона от 20 июня 1917 года невозможна, поскольку «правительство не может не рвать тех пут, которые могли бы мешать новому порядку вещей». Существование церковно-приходских школ, указывал Керенский, нарушает и автономию Православной церкви, так как в вопросах образования она, так или иначе, подпадает под контроль государства. «Против свободной церкви и свободного устройства школ, как это, например, существует в армянской церкви,

¹ Новая жизнь. 1917. 5 октября. С. 3; РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 229.

² Там же. Л. 227.

³ ВЦОВ. 1917. 21 октября.

⁴ Член Поместного Собора С.П. Руднев прокомментировал это так, что Керенский не принял благословение Кирилла, а пожал ему руку как светскому человеку. См.: Дело великого строительства церковного. С. 414.

государство ничего не имеет. Правительство проявит только заботу о том, чтобы процесс размежевания между церковью и государством прошел с возможной безболезненностью»¹.

Далее в беседу вступил Н.Д. Кузнецов, который как юрист стал отстаивать соборную точку зрения с помощью четких аргументов. Кузнецов заметил, что Поместный Собор выражает мнение 80-ти миллионного православного населения России, а также что реквизиция помещений церковных школ является нарушением права собственности. На речь Кузнецова Керенский ответил только поклоном. Тогда делегация обратилась к министру-председателю с вопросом о возможности существования тех церковно-приходских школ, которые обеспечиваются из собственных средств. Керенский заявил, что такие школы будут пользоваться признанием в той же мере, как и любые частные школы². Выслушав мнение членов Собора о преподавании Закона Божия, министр-председатель к радости своих гостей заметил, что четырнадцатилетний возраст, по достижении которого ребенок может отказаться от изучения этого предмета, необходимо повысить. На этом аудиенция окончилась³.

Принятие депутации Собора, скорее всего, являлось своего рода шагом вежливости, так как после этого процесс реализации постановления от 20 июня 1917 года только ускорился. Так, еще 10 октября «Вестник Временного правительства» напечатал порядок передачи бывших церковных школ в МНП. Заявлялось, что в каждом конкретном случае он должен определяться отдельными соглашениями между нынешними собственниками (монастырями, церквями, братствами, попечительствами и т. д.) и органами министерства или местного самоуправления, «дабы обеспечить непрерывность учебного процесса». Школьное имущество предписывалось передавать заведующим в присутствии как минимум одного члена совета школы с составлением акта и описи вещей. Оговаривалось, что издаваемые на государственные средства книги и учебные

¹ ВЦОВ. 1917. 21 октября.

² Там же.

³ ВЦОВ. 1917. 22 октября.

пособия до конца 1917 года будут высылаться издательской комиссией епархиальным училищным советам, которые передадут их новым хозяевам школ¹. В «Вестнике Временного правительства» от 18 октября 1917 года объявлялось о созыве в скорейшее время «Государственного совещания по народному образованию», задачей которого станет «пересмотреть и реорганизовать всю постановку дела народного просвещения в России», в том числе и «проведение принципов свободы совести в деле народного образования»².

Надо отметить, что изменение статуса церковно-приходских школ тормозилось не столько из-за противодействия духовенства, сколько из-за трудностей, связанных с их передачей на баланс местных самоуправлений. Например, Вологодская управа подготовила для открывавшегося в ноябре Земского собрания доклад, из которого следовало, что с конца 1917 года в ее заведывание должны перейти 79 церковно-приходских школ с 97 учительскими комплектами, а денег на их содержание нет³. При обсуждении вопроса в Земском собрании 25 ноября 1917 года участники дискуссии отметили, что «церковно-приходские школы поставлены во многих отношениях хуже земских, значительно хуже и материальное положение учительствующих». Выступавшие сразу назвали неприемлемыми требования некоторых директоров церковных школ о том, чтобы и после перехода в земство в них принимались только дети православных родителей, а преподавание Закона Божьего сохранялось⁴. Произведя долгие расчеты, Земское собрание решило попросить у МНП 77 600 рублей на содержание бывших церковно-приходских школ, и только после этого 1 декабря единогласно проголосовало за их переход в подчинение земству⁵.

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 10 октября.

² Вестник Временного правительства. 1917. 18 октября. В состав Государственного совещания по народному образованию планировалось пригласить 3 человека от МНП, весь ГКНО и по 4 представителя от местных самоуправлений каждой губернии.

³ ЦГА СПб. Ф. Р2551. Оп. 15. Д. 283. Л. 1–3. В документе отмечено, что перешедшая из сметы Синода в Министерство народного просвещения сумма также будет тратиться на бывшие церковно-приходские школы, но все их хозяйственное содержание должно целиком лечь на земство.

⁴ Там же. Л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 7, 10. Запрос на финансирование направили в Петроград только 9 января 1918 года. См.: там же. Л. 17 – 17 об.

Отказ Временного правительства уступить требованию Собора о сохранении церковно-приходских школ поставил под сомнение его реальные возможности влияния на ситуацию в стране. А заявление Керенского о пересмотре Закона о свободе совести было сделано в такой туманной и не подкрепленной никакими законодательными инициативами форме, что представлялось маловероятным, чтобы правительство действительно решилось на подобный шаг¹. Вообще разговор с премьер-министром оставил у соборных делегатов негативные впечатления. 19 октября в своем отчете о поездке в Петроград Н.Д. Кузнецов заявил, что Россия вступает в эпоху отделения церкви от государства. «Судьба церковно-приходских школ и лишение в настоящее переходное время Церкви... возможности выполнять свое христианское культурно-просветительное дело среди народа, по-видимому, очень мало интересует главу нынешнего Правительства [Керенского]...» – говорил Кузнецов².

Заслушав доклад вернувшихся из Петрограда делегатов, Собор приступил к выработке второго определения, посвященного судьбе церковно-приходских школ. Повторное обращение к этой проблеме должно было подчеркнуть особую важность вопроса и необходимость его немедленного решения. Кроме того, в Москве узнали о законопроекте Салазкина от 15 сентября 1917 года³. В принятом Собором 23 октября 1917 года определении заявлялось, что новое представление Министерства народного просвещения противоречит заявлению министра-председателя от 11 октября об отсутствии у Временного правительства планов лишать церковь возможности иметь школы на свои средства. Особое возмущение у членов Собора вызвала та часть законопроекта, по которой здания всех церковно-приходских школ, построенные на пособия или ссуды из Государственного казначейства по закону 12 июня 1913 года, не могли быть

¹ Такая мера без сомнения была бы расценена в обществе как шаг назад в законодательстве о свободе совести, и вызвала резкую критику правительства со стороны левых партий.

² Цит. по: Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917 – 1922 гг. М., 1999. С. 36.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. С. 317.

использованы на иную надобность, кроме как на помещения для школ министерства. Собор указывал на то, что строительный фонд Александра III «причислен законом к специальным средствам Священного Синода и, следовательно, передан на удовлетворение церковных потребностей». Таким образом, по мнению Собора, Православная церковь должна государству лишь возвратить предоставленную в 1913 году ссуду с процентами, а школьные здания являются ее полной собственностью¹. Ущемлялись права частных жертвователей, внесших свои денежные суммы на постройку школьных помещений: их воля могла быть учтена только в том случае, если в завещаниях имелась конкретная оговорка, что передававшиеся средства должны пойти именно на церковные школы, а не школы вообще. «Откуда жертвователи ранее знали, что это надо обязательно оговорить?» – спрашивали члены Собора². 23 октября новое соборное определение было направлено министру исповеданий. В ожидании реакции правительства 24 октября 1917 года Святейший Синод разослал в епархии разъяснение, гласившее, что церковно-приходская школа является для Православной церкви незаменимым способом распространения христианского просвещения, поэтому здания, имущество и капиталы школ должны остаться в прежнем ведении. Допускалось лишь на время предоставить Министерству народного просвещения школьную недвижимость при его настоятельном требовании³.

В связи с неопределенностью возможностей Собора в его влиянии на политику правительства особое внимание всех членов Собора сконцентрировалось на работе Отдела о правовом положении церкви в государстве. В него вошло 98 человек, в том числе архиепископ Новгородский Арсений (председатель), С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.И. Астров, П.А. Прокошев, епископ Томский Анатолий, товарищ министра исповеданий С.А.

¹ Законопроект от 15 сентября 1917 года предполагал лишь приостановить погашение церковью указанной ссуды и процентов по ней.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I. С. 14–19.

³ РГАДА. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 84. Л. 147.

Котляревский и другие. Отдел постановил взять за основу законопроект, выработанный Предсоборным Советом, и шаг за шагом рассматривать его положения. Но это получалось с большим трудом, так как в процессе обсуждений делегаты то и дело удалялись в общеправовые рассуждения о природе церкви и государства. Котляревский, для которого скорейшая выработка итогового документа означала реализацию его собственной с Карташевым программы, всячески торопил всех, заявляя, что целью отдела должно быть принятие «конкретного законопроекта». В качестве основных идей товарищ министра исповеданий предложил следующие 5 пунктов: а) Отрицание системы отделения церкви и государства влечет за собой признание публично-правового значения за церковью; б) Церковь должна быть автономной и самоуправляющейся организацией; роль государственной власти – только следить за закономерностью; в) государство должно оказывать церкви материальную поддержку, поскольку «государственные средства являются народным достоянием», а церковь – величайшей духовной ценностью населения; г) государство должно оказывать правовую поддержку церкви признанием юридической силы церковных актов; д) государство может оказывать и моральную поддержку церкви, в частности, установлением обязательности преподавания Закона Божия. Котляревский подчеркнул, что эти пять пунктов касаются и других исповеданий, но Православная церковь должна пользоваться преимущественным положением¹. Таким образом, чиновник почти слово в слово пересказал содержание своего законопроекта об отношении государства и церкви, опубликованного 2 июля 1917 года².

14 сентября в работе отдела принял участие министр исповеданий. Ввиду этого некоторые из присутствующих снова затронули вопрос об отношении Собора и правительства. Так, архимандрит Матфей (Померанцев) заявил: «мы должны решительно сказать, что настоящий Собор – не съезд, обязанный свои

¹ Это выражалось в пунктах о том, что глава государства и министр исповеданий являются православными, а государство обращается к православной церкви во всех актах, связанных с религией, руководствуется православным календарем и т. д. См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 14.

² ВЦОВ. 1917. 2 июля.

постановления представлять на уважение Временного правительства, а именно Собор, – постановления которого суть закон для Поместной Русской церкви и этот закон правительство должно признать как таковой». Матфей также добавил, что церкви не нужно торопиться вступать в союз с государством, пока она не знает, какое в нем будет правительство¹. На это Карташев ответил длинной речью, в которой заметил, что «мы храним связи с государством не во имя рабства церкви, а во имя русского народа... Господствующее положение церкви мы уступили, но те позиции, которые занимает церковь, мы не будем подрывать...»² Говоря «мы», Карташев демонстрировал членам отдела, что он действует не от имени правительства, а от имени церкви. Отделение ее от государства ни по соображениям социалистов, ни исходя из доводов «церковных автономистов» не соответствовало программе Карташева и Котляревского³. В этом и ряде других выступлений министр исповеданий и его заместитель методично и последовательно склоняли членов Собора к принятию их собственной формулы.

14 сентября 1917 года отдел рассмотрел и принял в исправленной редакции пункты 2 и 3 законопроекта Предсоборного Совета. Если в первоначальном тексте утверждалась полная независимость церкви в делах ее устройства, законотворчества, управления, суда и внешних сношений с другими религиозными объединениями, то теперь речь шла лишь о «праве самоуправления и самоопределения». Независимыми от всякого вмешательства светских властей признавались вопросы учения веры и нравственности, богослужения и внутренней дисциплины. Подобная уступка государству была связана, прежде всего, с упразднением обер-прокуратуры. Новое Министерство исповеданий представляло собой тот орган, который мог взять на себя функции контроля над постановлениями церковных властей в плане их соответствия основным законам, не нарушая при этом церковной автономии. Министерство являлось также

¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 26 – 26 об.

² Там же. Л. 27.

³ Они говорили лишь о «размежевании церковной и государственной сфер».

наиболее удобным посредником в организации сношений православия с другими церквями и сектами¹.

На заседании отдела 25 сентября дебаты разгорелись вокруг пунктов 7 и 8 первоначального законопроекта, касавшихся проблемы православного брака. Указ о свободе совести от 14 июля 1917 года, узаконивавший «вневероисповедное» состояние, признавал полную правомерность гражданской регистрации брачующихся, хотя и не отрицал возможности церковного венчания. В связи с этим, возникала запутанная ситуация, в которой оставалось совершенно не ясно, какой брак мог быть признан законным в том или ином случае (особенно, если жених и невеста разных исповеданий). Члены отдела составили дополнение к пунктам 7–8, в которых говорилось, что государство, определяя условия законности браков православных граждан, должно соотносываться с каноническими нормами церкви². К середине октября отдел закончил работу над законопроектом о правовом положении церкви в Российском государстве³. Оставалось лишь провести документ через общее собрание Собора, но этого до Октября сделать уже не успели.

Изначально довольно-таки прохладное отношение Собора к Временному правительству окончательно испортилось после отказа Керенского пересмотреть закон о передаче церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения. Ноты недоверия и даже суровой критики правительства звучали почти на каждом соборном заседании. От министров требовали, в том числе, принятия самых жестких мер по наведению порядка в стране и поднятию дисциплины в армии. Однако прямого противостояния Поместного Собора и Временного правительства не было: в глазах церкви оно, как и прежде, являлось законным носителем верховной власти. Кроме того, в кабинете А.Ф. Керенского видели «меньшее зло», некую данность, с которой пока необходимо мириться. И основное внимание Собор уделял не текущим трениям с правительством, а

¹ Там же.

² ВЦОВ. 1917. 8 октября.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 100. Л. 169 – 169 об.

перспективе Учредительного собрания и рассмотрения на нем соборных постановлений. Это во многом сглаживало остроту противоречий.

Прохладное отношение Собора и всей Православной церкви к Временному правительству проявилось и в той пассивной позиции, которую духовенство продемонстрировало в дни Октябрьского переворота. Как писал об этом ректор Таврической духовной семинарии Вениамин (Федченков), «насколько тревожно была принята нами вторая, февральская революция, настолько, наоборот, уже почти равнодушно отнеслись мы к третьей – большевистской. Уже привыкли к ней: человек ко всему привыкает. И притом нам казалось, что никакой особой разницы не будет между уже пережитым и только начинающимся»¹. Вместе с тем, для готовившего захват власти Петроградского ВРК имелся один неприятный связанный с Православной церковью момент: на 22 октября, дни празднования избавления Москвы от польских захватчиков в 1612 году, Союз казачьих войск наметил проведение в столице масштабного крестного хода с целью показать «верность своим исконным вековым традициям» и «всенародно молить Всевышнего спасти от гибели Россию и благословить оружие их на защиту от врагов земли русской». Предполагалось шествие, охватывавшее весь центр города: сначала в Александро-Невскую Лавру, потом по Невскому проспекту к Знаменской площади, далее мимо Таврического сада по Шпалерной улице, через Литейный мост к Михайловскому артиллерийскому училищу, через Петропавловскую Крепость, Биржевой и Дворцовый мост к Сенатской площади и оттуда к Казанскому собору. Духовенство (полковые священники и певчие с иконами и хоругвями) должно было сопровождать казаков от Александро-Невской Лавры. Планировались остановки для молебнов в Знаменской церкви, у музея А.В. Суворова, в Петропавловском соборе и на Исаакиевской площади. Казаки заявили, что пойдут конным строем и при оружии и приглашали к участию курсантов Николаевского юнкерского училища. Большевики оказались чрезвычайно озабочены предстоящим крестным ходом, который, кроме всего прочего, совпал с объявленным «Днем Петроградского Совета», в ходе которого

¹ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. С. 160.

готовились митинги, собрания и концерты. Как писал один из членов советских «информационных групп» Я.П. Бирзгал, «организационный комитет и особенно духовенство намеревались призвать к участию в торжественном шествии прихожан ряда церквей, чтобы помешать им принять участие в собраниях, намеченных на этот день Петросоветом»¹. 20 октября 1917 года ВРК обсудил этот вопрос, после чего от имени Петроградского Совета вышло воззвание, заявлявшее, что крестный ход, который, «конечно, является делом свободной совести каждого», может быть использован «Каледиными» для натравливания казаков на «братьев рабочих и крестьян», вызвать кровопролитие и «в братской крови утопить Российскую свободу»². На следующий день, 21 октября, состоялось экстренное совещание полковых комитетов всего столичного гарнизона, где казаков пытались убедить отменить шествие, но утвердительный ответ получили только от представителя 4-го казачьего полка³. Информация о возможных происках неких контрреволюционных сил и анархистов стала активно распространяться в прессе. Особенно это вызывало беспокойство в связи с непрекращающимися дебатами в Петроградском Совете о необходимости захвата власти, а также активной агитацией большевиков и их сторонников в этом направлении среди солдат. По всей видимости, в результате Временное правительство испугалось, что выход казачьих частей на улицы спровоцирует восстание. 21 октября заместитель премьер-министра А.И. Коновалов вызвал к себе товарища председателя Совета Союза казачьих войск А.И. Аникеева и попросил «отложить» крестный ход или, в крайнем случае, устроить его «без церемониала». Вслед за этим главнокомандующий войсками Петроградского военного округа полковник Г.П. Полковников разослал поздно вечером командирам 1-го, 4-го и 14-го казачьих полков срочные телеграммы с приказом «согласно распоряжению Временного правительства» отменить крестный ход

¹ В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982. С. 111. Я.М. Свердлов, узнав о шествии, взволнованно произнес: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас!» См.: там же.

² Обращение к казакам // Новая жизнь. 1917. 21 октября. С. 3.

³ В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С. 113, 345.

«ввиду возможности выступления безответственных групп, могущих использовать означенный крестный ход для своих анархических и погромных целей»¹. По другим сообщениям, процессию отменили по настоянию ВРК².

Население не было проинформировано об отмене шествия, и в воскресенье 22 октября несколько тысяч человек все же собралось у Казанского собора. «Новая жизнь» даже писала, что крестный ход состоялся, но «без участия казаков и при незначительном участии духовенства». После молебна люди устремились по Невскому проспекту и, дойдя до Исаакиевского собора, разошлись, «нигде не нарушив порядок»³. Вместе с тем, как отмечали газеты, отмена крестного хода произвела на «массы» самое неблагоприятное впечатление⁴. Один из разочарованных священников писал по этому поводу: «правительство не может, или, пожалуй, не хочет использовать тот дух, в котором теперь единственное наше спасение... Если и впредь религиозный дух народа будет угашаться изданием “осторожных” запрещений, то рушится последняя надежда на спасение»⁵. Остается большим вопросом, мог ли в действительности казачий крестный ход изменить расстановку сил в столице. Так или иначе, через три дня, в ночь на 26 октября 1917 года, Временное правительство было арестовано большевиками.

Итак, в течение весны – осени 1917 года Православная церковь в России продолжала существовать в виде Ведомства православного исповедания, а решение вопроса о будущих государственно-церковных отношениях отложили до Учредительного собрания. С точки зрения правительственной политики в отношении церкви указанные месяцы можно условно разделить на два периода: обер-прокуратуры В.Н. Львова (март – июль) и Министерства исповеданий А.В.

¹ Речь. 1917. 22 октября.

² Петроградский Совет и Правительство // Новая жизнь. 1917. 24 октября. С. 3.

³ Новая жизнь. 1917. 22 октября. С. 3.

⁴ См. газетную вырезку: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 282.

⁵ Цит. по: Кандидов Б. Указ. соч. 1937. № 10. С. 28.

Карташева (август – октябрь). Действия Львова характеризовались попыткой административного регулирования церковной жизни и фактическим отказом обер-прокурора Синода от подконтрольности Временному правительству. В это время были проведены широкие церковные реформы, состоялся Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве, прошли работы Предсоборного Совета и подготовлен созыв Поместного Собора. С назначением А.В. Карташева начался процесс реального разделения государственного и церковного управления, ликвидирована должность обер-прокурора и учреждено Министерство исповеданий, координировавшее взаимодействие гражданской власти со всеми религиозными конфессиями в стране. Руководство деятельностью церковных учреждений было *de facto* передано Синоду.

В целом при Временном правительстве происходило постепенное размежевание государственной и церковной сфер в области гражданского права (отменены вероисповедные привилегии и ограничения, введено «вневероисповедное» состояние) и народного образования (объявлено о ликвидации церковно-приходских школ, поднят вопрос о факультативности Закона Божия в учебных заведениях). Охрана веры административным (полицейским) порядком заменили рассмотрением исков об оскорблении религиозного чувства в судах. Вместе с тем, все указанные начинания правительства так не и удалось внедрить на практике. Кроме того, ослабление после Февраля государственной власти немедленно отозвалось усилением центробежных тенденций на окраинах, проявившихся, в том числе, в выдвижении лозунга о независимости национальных церквей от российского Синода.

В то же время весной – осенью 1917 года происходил процесс консолидации духовенства и формирования самостоятельной церковной организации через введение выборности ее органов управления и привлечение в них широкого представительства верующих мирян. Можно с уверенностью сказать, что только с момента открытия Поместного Собора впервые можно говорить о Российской (или Русской) православной церкви как таковой, а не о Ведомстве православного исповедания. При этом в условиях наступившей

дезорганизации государственного механизма, анархии и аграрных беспорядков церковь проходила своеобразный процесс очищения. Вера уже не связывалась с официальной идеологией, а принадлежность к духовному сословию не гарантировала привилегированного статуса и карьеры. И именно события весны – осени 1917 года способствовали тому, что церковь оказалась более или менее подготовлена к наступившим вскоре «гонениям».

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В НОЯБРЕ 1917 – ЯНВАРЕ 1918 ГГ.

4.1. Поместный Собор и Ведомство православного исповедания от Октябрьского вооруженного восстания до разгона Учредительного собрания

Арест Временного правительства (в том числе и министра исповеданий А.В. Карташева)¹ в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 года поначалу никак не изменил ситуацию в сфере церковно-государственных отношений. В Ведомство православного исповедания большевики не стали направлять своих комиссаров, и даже в первые месяцы после Октября чуть ли не подчеркнуто игнорировали его. Более того, у новой власти до весны 1918 года вообще не существовало административной структуры, ведавшей сношениями с религиозными организациями². В каком-то смысле эту роль выполнял народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин (Джугашвили), но только в рамках реализации «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 года³. Общение с бывшей господствующей церковью в его задачи не входило. Во ВЦИК Советов II созыва тоже имелся только Отдел по национальным вопросам (его возглавляли М.С. Урицкий и П.П. Прошьян), но никакого подразделения по делам культа не было⁴. Учрежденное Временным правительством Министерство

¹ Сначала А.В. Карташева арестовали днем 25 октября 1917 года на Миллионной улице, когда он направлялся на заседание правительства. Министра под конвоем доставили в Смольный, где после короткого допроса отпустили. Однако Карташев все равно пробрался в Зимний дворец, где ночью был вновь арестован уже вместе с другими членами правительства. Кроме Карташева такой «двукратный» арест пережил министр труда меньшевик К.А. Гвоздев. См.: В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982. С. 285, 391.

² В качестве курьеза можно привести распространявшиеся 25 октября 1917 года журналистами слухи о том, что пост обер-прокурора Синода в правительстве Ленина займет Ю.М. Стеклов-Нахамкес. См.: Войтоловский Л. Ночной переворот // Киевская мысль. 1917. 12 ноября (утренний выпуск). С. 2.

³ Там заявлялось об отмене «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». См.: Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 40.

⁴ См. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов II созыва. М., 1918. С. 34.

исповеданий после 25 октября 1917 года оказалось в течение нескольких месяцев предоставлено самому себе¹.

Православное духовенство встретило Октябрьский переворот довольно апатично, поскольку в тот момент он не воспринимался как нечто необратимое. Это подкреплялось тем, что, с одной стороны, министр-председатель А.Ф. Керенский оставался на свободе, а в Петрограде продолжало собираться «подпольное» Временное правительство, в руках которого первые недели ноября оставался Государственный банк². А 17 ноября 1917 года газеты даже напечатали обращение Временного правительства о том, что оно продолжает являться «единственной в стране законной верховной властью», и постановление о начале работ Учредительного собрания в Таврическом дворце 28 ноября в 14-00 (подписали исполняющий обязанности министра-председателя С.Н. Прокопович и министр юстиции П.Н. Малянтович)³.

С другой стороны, сами большевики на первых порах говорили о том, что передадут власть предстоящему Учредительному собранию. Так, согласно декрету II Съезда Советов об образовании Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) он именовался «Временным рабочим и крестьянским правительством», так же первое время назывался и его официальный печатный орган⁴. Декрет о земле, предписывавший немедленную передачу всех монастырских и церковных владений волостным земельным комитетам оговаривал, что окончательное решение вопроса будет осуществлено Учредительным собранием⁵. И хотя дата его открытия была вскоре пересмотрена (и обусловлена прибытием Петроград

¹ Как отмечал в апреле 1918 года сотрудничавший с Наркоматом юстиции священник Михаил Галкин, в Октябрьские дни Рабочее и крестьянское правительство, «верное своему принципу полного невмешательства во внутреннюю жизнь религиозных культов», оставило пост министра исповеданий «навсегда незамещенным». См.: Горев М. Задачи Комиссии по проведению в жизнь церковного декрета // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов. 1918. 28 апреля. С. 1–2.

² Это позволяло «подпольному» Временному правительству выплачивать зарплаты чиновникам министерств и ведомств, «саботирующим распоряжения Совнаркома. По данным историков так после 26 октября 1917 года на разные нужды из Государственного банка было выплачено около 40 млн. рублей. См.: Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.). Рязань, 2008. С. 40.

³ Наша речь. 1917. 17 ноября. Деятельность подпольного Временного правительства была прекращена только 19 ноября 1917 года, его члены арестованы и отправлены в Кронштадт.

⁴ Декреты Советской власти. С. 20.

⁵ Там же. С. 18.

необходимого количества делегатов), надежды на то, что оно все вернет «на круги своя», оставались¹.

Остроту восприятия руководством церкви политических перемен смягчал также тот факт, что с 9 августа 1917 года Святейший Синод работал в Москве и был удален от центра революционных событий. Там же проходили заседания Поместного Собора. Такая дистанцированность церковной и светской властей друг от друга являлась немаловажным фактором государственно-церковных отношений в России первых послеоктябрьских месяцев. Она же, судя по всему, сглаживала возможное острое противостояние.

Надо добавить, что правительство Керенского не пользовалось особыми симпатиями у Православной церкви. Как писал 28 октября 1917 года епископ Алексей (Симанский), «...по правде сказать, не все ли равно – Ленин или Керенский? Первый открыто объявляет себя врагом всего доброго, а второй такой же авантюрист, но под внешней формой государственного деятеля»². В какой-то мере нельзя не согласиться с высказанным в «Новой жизни» мнением священника Михаила Галкина, объяснившего прохладное отношение Собора к правительству Керенского несговорчивостью последнего с Л.Г. Корниловым, недостаточно решительным образом действий, холодным приемом депутации 11 октября и запрещением крестного хода 22 октября³.

При этом все же надо подчеркнуть, что Временное правительство (в отличие от Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и СНК) с точки

¹ В провинции в последние месяцы 1917 года вообще имели слабое представление о том, что происходит в столицах. Например, 21 ноября 1917 года прихожане Походной Михаило-Архангельской церкви села Альбедетского Марийского уезда Томской губернии, обсудив бедственное положение причта и «имея ввиду обнародованное решение Временного правительства об отделении церкви от государства», якобы включавшее прекращение финансирования городского и сельского духовенства, постановили «признать таковое решение Временного правительства нежелательным, так как Российское государство росло и строилось под благодатною сенью православной церкви и покорнейше просить господина министра исповеданий войти в сношение с Временным правительством о назначении причту нашей церкви казенного жалования». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 284 – 284 об. На самом деле никаких постановлений об отделении церкви от государства и о прекращении ее финансирования из бюджета страны правительство Керенского не принимало. Возможно, источником слухов стали какие-то декларации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов или отдельных социалистических партий.

² Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 81. Из приведенной цитаты можно заключить, что епископ Алексей расценивал происходившие перемены не как слом старого порядка, а как очередные внутранные столкновения между враждующими политическими группировками.

³ Горев (Галкин) Михаил. «Вторая революция» и церковный собор // Новая жизнь. 1917. 29 октября. С. 2.

зрения духовенства представляло из себя законную верховную власть. Поэтому из расчета на воссоздание правительства или скорое открытие Учредительного собрания по чисто формальным причинам Святейший Синод полностью игнорировал СНК, не признавая его в качестве нового политического руководства страны. Примечательно, что и официальная епархиальная пресса вообще ничего не написала о перевороте. Церковь и СНК оказались в разных «правовых реалиях»: бывшее духовное ведомство продолжало существовать в системе органов Временного правительства, а большевики – в условиях советской системы, изначально не имевшей никаких связей с религией.

Вместе с тем события конца октября в Петрограде обернулись для Православной церкви еще одним убитым священнослужителем. В дни «мятежа» Керенского-Краснова несколько священников провели в Царском селе крестный ход с молением «об утешении междоусобной брани», а 31 октября их арестовали прибывшие матросы и солдаты с обвинением в том, что те «молились за казаков». Одного из задержанных – протоиерея царскосельского Екатерининского собора Иоанна Кочурова – увели в район аэродрома «к ангарам» и расстреляли на глазах у шедшего следом сына убитого¹. Об аресте Кочурова написал очевидец событий американский журналист Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли весь мир». По утверждению красногвардейцев, протоиерей благословлял пришедших в город казаков, призывал народ подчиниться «законному» правительству Керенского, а после устроил антисоветский крестный ход. Впрочем, организация и настроения в защищавших большевистский Петроград войсках было таково, что самого Рида чуть не расстреляли неграмотные солдаты, которые не смогли прочитать выданный ему в Смольном пропуск².

Убийство Иоанна Кочурова поначалу рассматривалось не как позиция новой власти, а как частная трагедия, имевшая место в зоне боевых действий. Случаи расправы над духовными лицами имели место и до Октября. Например,

¹ Русское слово. 8 (21) ноября 1917; ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 310.

² Рид, Джон. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987. С. 341, 504–505.

25 мая 1917 года в селе Отхожем Борисоглебского уезда был убит с целью ограбления дьякон Архангельский и его жена с двумя детьми, украдено 1500 рублей. 15 июня 1917 года в Москве убили настоятеля церкви на Лазаревом кладбище протоиерея Н.А. Скворцова и его жену. 4 июля в Петрограде погиб 63-х летний духовник Александро-Невской Лавры иеромонах Филарет, а 9 июля в Сергиевой пустыни под Петроградом произошло убийство старейшего иеромонаха обители отца Паисия¹. Тем не менее, духовные власти оценивали произошедшее с Кочуровым как его миссионерский подвиг. 15 ноября 1917 года митрополит Петроградский Вениамин выразил всему духовенству Царского села, участвовавшему в крестном ходе 30 октября, благословение и глубокую благодарность за «самоотверженное исполнение своего долга и отзывчивость к духовным потребностям верующего народа»². А Церковно-епархиальный совет Петроградской епархии обратился к приходским советам и духовенству с призывом оказать материальную помощь семье убитого³. Кроме того, 25 ноября 1917 года Поместный Собор рассмотрел записку настоятеля Храма Христа Спасителя протоиерея А.А. Хотовицкого и других, постановив просить избранного патриарха выразить в специальной грамоте соболезнование семье погибшего, а в другой – возвестить православному населению «о подвиге о. Иоанна и других во дни междоусобицы приявших мученическую смерть». Вопрос об обеспечении семьи И. Кочурова передали в Святейший Синод⁴.

По сообщению историка В.А. Алексеева, некоторые священники в Петрограде и Москве говорили в конце 1917 года о незаконности СНК, но «они были арестованы вооруженными формированиями и отрядами рабочих и солдат, подобные высказывания в храмах были запрещены»⁵. Источники этого не подтверждают. Есть лишь информация о том, что в воскресенье 7 января 1918

¹ См. Современники о патриархе Тихоне. Сб. в 2 частях. Т. 1. М., 2007. С. 527–528.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 46–47 от 27 ноября. С. 1.

³ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 48–50 от 16 декабря. С. 2–3.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 31–32.

⁵ Алексеев В.А. Иллюзия и догмы. М., 1991. С. 23.

года за резкий отзыв в проповеди о деятельности Совнаркома подвергся непродолжительному аресту настоятель Иоанно-Предтеченской церкви в Петрограде протоиерей Владимир Гуляев¹.

В ноябре–декабре 1917 года Советская власть никак не вмешивалась в деятельность церковных учреждений в Петрограде. Духовное ведомство в эти месяцы страдало вовсе не от большевиков, а от собственных чиновников, которые, включившись в забастовку госслужащих, парализовали работу Петроградской синодальной конторы. 11 ноября 1917 года «исправляющий должность» ее прокурора Г.Н. Левицкий пожаловался в письме директору Канцелярии Синода П.В. Гурьеву, что служащие синодальных учреждений образовали стачечный комитет, который наложил запрет на всякую канцелярскую работу не только в здании Синода, но и на дому. В итоге членам конторы приходилось собираться на заседания в Александро-Невской Лавре, а несколько делопроизводителей заполняли необходимые бумаги тайком². При этом 17 ноября петроградские служащие Канцелярии Синода обратились к своему начальству с просьбой о приведении «в некоторое хотя бы соответствие» их зарплат с жалованием 19 сотрудников в Москве, получавших дополнительно командировочные³. Одновременно продолжал собираться образованный еще в марте Союз младших служащих Департамента по делам Православной церкви и Синода. 19 ноября 1917 года общее собрание союза постановило просить синодальное Хозяйственное управление провести «квартирную комиссию» в помещениях «как младших служащих, так и чиновников во всех домах Петрограда Министерства исповеданий. Так же и в домах духовно-учебных заведений»⁴.

¹ Знамя Христа. 1918. 14 (27) января. Необходимо напомнить, что В. Гуляев уже подвергался задержанию 5 марта 1917 года за открытое высказывание своих политических взглядов. Так что и после Октября священнослужитель остался верен своим принципам. За освобождение Гуляева стал активно хлопотать домовый комитет, направивший в Смольный прошение, которое, впрочем, отклонили. Тогда на экстренном собрании приходского совета избрали особую делегацию для личного вручения ходатайства. Усилия увенчались успехом и протоиерея Гуляева освободили.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 144 – 144 об.

³ Там же. Л. 151 – 151 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. I. Стол 1. Д. 97. Л. 2.

Несмотря на то, что здание Правительствующего Сената было закрыто комиссарами ВРК в последних числах ноября 1917 года¹, находящееся по соседству здание Синода оставалось неприкосновенным. При этом вечером 28 ноября, в день, намеченный Временным правительством для открытия Учредительного собрания, в помещениях Синода состоялось многолюдное собрание чиновников высших государственных учреждений, настроенных враждебно к новой власти. Состоялись доклады об Учредительном собрании и отношении к нему печати. Далее начался обмен мнениями, во время которого в здание вошли представители ВРК и красногвардейцы, всех арестовали, обыскали и несколькими партиями доставили в Смольный². Задержанный 28 ноября бухгалтер отдела заграничных операций Министерства финансов Н.А. Иванов показал впоследствии, что о намеченном собрании узнал «случайно от знакомого» и пошел туда, «не видя ничего противозаконного в открытом собрании, назначенном тем более в стенах правительственного учреждения»³. Секретарь судебной палаты Б.И. Коваленко добавлял, что пришел в Синод как уполномоченный от служащих своего учреждения, и что собрание было чисто информационным⁴. Чиновник МВД Д. Фингерт также заявил, что явился в здание Синода вследствие директивного указания профессиональной организации сотрудников министерства⁵. Некоторых арестованных продержали в Пересыльной тюрьме до конца декабря 1917 года, а 1 мая 1918 года дела в отношении всех задержанных прекратили по амнистии, объявленной СНК Петроградской коммуны⁶. Безусловно, в числе организаторов собрания 28 ноября должны были иметься и сотрудники Синода, предоставившие для «чиновников-саботажников» служебные помещения, но никакого расследования в этом отношении не производилось. Примечательно и то, что явившиеся в здание Синода комиссары ВРК и красногвардейцы, арестовав

¹ Документы Великой Пролетарской Революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. М., 1938. С. 305, 321.

² ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 168. Л. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 184. Л. 2-2 об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 168. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 184. Л. 1.

собравшихся, просто удалились, не предприняв никаких действий по отношению к служащим Синода, не опечатав двери и не оставив караул.

Единственное посещение Синода человеком, близким к новой власти, состоялось 1 декабря 1917 года, и то, видимо, по его собственному почину. По короткому сообщению газеты «День», это был близкий к левым эсерам полковник М.А. Муравьев, который от имени народных комиссаров потребовал передать все монастырские капиталы в ведение Министерства призрения¹. Через несколько дней Муравьев поместил в «Известиях ЦИК Советов» опровержение этой информации. По его словам, «от начала и до конца заметка является ложной»: он действительно был в Синоде, «но совсем не для того, чтобы потребовать церковные капиталы – через чур уж это было бы наивно». Тем не менее, цель своего визита Муравьев так и не назвал, отметив, что она «хорошо известна вице-директору хозяйственного департамента Синода, Головину, к которому я обращался по делам призрения от министерства призрения»². К слову, ничего наивного в конфискации синодальных капиталов не имелось, ее без труда осуществили два месяца спустя. Но, видимо, в тот момент на этом предпочитали не акцентировать внимание. А то, что Муравьев общался с И.Н. Головиным, свидетельствует, что речь все же шла о деньгах или имуществе. Чем кончилось дело – неизвестно.

В том, что скоро все вернется «на круги своя», был поначалу уверен даже сам арестованный министр исповеданий А.В. Карташев. 29 октября 1917 года он отправил из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости С.П. Каблукову письмо, в котором, отвечая на просьбу последнего о трудоустройстве в своем ведомстве, спокойно рассуждал о планах на будущее. Так, по мысли Карташева, освободившееся место прокурора Московской синодальной конторы Ф.П. Степанова никем замещать не станут, поскольку «оно лишнее, как и вся Московская контора. Ее предполагаем упразднить. Дом занимаем пока сами на

¹ Подполковник Муравьев в Синоде // День. 1917. 2 декабря.

² Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 декабря.

время эвакуации, а делами (очень малыми) будет управлять секретарь Андреев»¹. Далее министр отметил, что уже устроил троих человек в Департамент по делам Православной церкви, что стоило больших усилий, так как «при нынешних демократических нравах (рекомендация членов чиновничьего союза), да и вообще по традиции, да за упразднением Училищного совета, своих чиновников много. На высшие должности конечно пойдут старые служаки, из лучших, к огорчению старейших, но не годных». Карташев рекомендовал Каблукова в старообрядческий отдел Департамента инославных и иноверных исповеданий на должность VII класса (оклад 3000 рублей): «Там много старья, которое скоро уйдет в отставку, и тогда Вы вскоре продвинетесь в VI класс на 4500 руб. основного оклада... Служба там легкая, для уроков время найдется, директор Г.Н. Тарановский умный, культурный, церковный и дисциплинированный бюрократ. Вице-директором будет С.Д. Бондарь, очень ловкий делец и знаток своего дела (кандидат богословия Московской Духовной Академии)»². В конце письма Карташев посетовал от себя, что происходит «какая-то политическая бессмыслица: министры-социалисты уже освобождены! Как будто они не такие же члены Временного правительства и как будто не ту же политику вели как и мы! Во всяком случае помолитесь, чтобы нас спас Бог “от всякой вещи во тьме приходящей”, как спасал и в страшную ночь на 26-е»³.

По ряду свидетельств Карташев во время своего нахождения в Петропавловской крепости вел себя чрезвычайно достойно. А.А. Демьянов именовал последнего обер-прокурора Синода «одним из самых крупных людей нашего времени»⁴. С требованием об освобождении министра выступили разные организации и общественные деятели. Первыми в конце октября об этом заявили служащие Синода и Министерства исповеданий, направившие депутацию в

¹ В августе 1917 года в Москву переехал Синод, и существование Синодальной конторы в этом городе действительно было уже бессмысленным. Прокурор конторы Ф.П. Степанов уволился по болезни летом 1917 года, и до весны 1918 года его обязанности исполнял секретарь Д.П. Андреев, статский советник из Рязани. См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 7. Д. 504. Л. 1 об.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 329. Л. 229–230.

³ Там же. Л. 230 об.

⁴ Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 2 (3-4). М., 1991. С. 68.

Петроградский Совет. Однако там делегатам заявили, что ни в какие переговоры с государственными служащими, не заявившими о своей лояльности к большевикам, новые власти вступать не будут¹. В поддержку арестованных министров выступил и А.М. Горький, объявивший о недопустимости содержания в тюрьме «таких честных людей, как Карташев»². А 7 ноября 1917 года об освобождении Карташева и министра финансов М.В. Бернацкого перед ВРК ходатайствовала А.М. Коллонтай. При голосовании за освобождение Бернацкого высказались 5 против 2, а Карташева – 4 против 2 членов комитета. Постановили освободить обоих министров, взяв с них подписку о невыезде из Петрограда³. Однако арестованные отказались выходить на свободу, заявив, что покинут крепость, только если будут отпущены все оставшиеся заключенные министры Временного правительства. Об этом Карташев и Бернацкий также поведали посетившему Петропавловку около 11 ноября 1917 года С.Ф. Ольденбургу⁴. А.А. Демьянов добавлял, что Карташеву, М.В. Бернацкому и государственному контролеру С.А. Смирнову большевики поставили условие, чтобы те сами подали прошение об освобождении, но все трое ответили отказом⁵.

На Поместном Соборе судьбу А.В. Карташева стали обсуждать только спустя две недели после его ареста, хотя министр лично и пользовался симпатиями духовенства⁶. 7 ноября Соборный Совет рассмотрел записку 25 делегатов во главе с архиепископом Таврическим Димитрием «о немедленном сношении с высшими представителями власти в России» об освобождении министра или, по крайней мере, о допущении к нему на свидание его родственников с теплыми вещами «ввиду крайне болезненного состояния его». Соборный Совет постановил связаться с «правительством» при первой же

¹ Новая жизнь. 1917. 31 октября. С. 3.

² Киевская мысль. 1917. 14 ноября (утренний выпуск). С. 2–3.

³ Документы Великой Пролетарской Революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. С. 193–194.

⁴ См. газетную вырезку: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 418.

⁵ Демьянов А.А. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. Т. 7–8. М., 1991. С. 41.

⁶ На этот факт 28 октября указал в своей речи протоиерей П.Н. Лахостский. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III. Деяния XXXI–XL. Пг., 1918. С. 3.

возможности¹. Однако, такого случая не представилось, и 23 ноября Совет передал запрос на рассмотрение общего собрания². 24 ноября делегаты приняли специальное заявление «для оглашения» в печати: «выражаем твердую уверенность, что в деятельности А.В. Карташева не было ничего, что могло бы явиться предметом общественного суда и запятнать его доброе имя, и имея в виду, что многие товарищи его по кабинету, одинаково ответственные за деятельность правительства, давно уже получили свободу, Всероссийский Церковный Собор настаивает на немедленном освобождении А.В. Карташева из Петропавловской крепости»³.

Вологодское «Северное эхо» сообщило, что местный губернский комитет кадетов направил Карташеву приветствие по поводу победы партии на выборах в Учредительное собрание в Вологде. На это арестованный ответил письмом от 26 ноября, где передавал «сердечную благодарность» комитету и поздравления с успехом⁴. 4 декабря З.Н. Гиппиус писала Каблукову, что они кое-как добились возможности регулярного посещения Карташева, о его дальнейшей судьбе пока ничего не известно, «но все таки не теряется надежда на выпуск в связи с Учредительным собранием, если таковому удастся открыться при более или менее нормальных условиях»⁵. В середине декабря министра исповеданий перевели в карцер за высказанную им в личном письме к сестре фразу, что «русский народ попадает в батраки к немцам». Только вмешательство меньшевика Н.Д. Соколова позволило вернуть его в обычную камеру⁶.

2 января 1918 года в связи со сведениями об ухудшении здоровья А.В. Карташева, А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина⁷ СНК разрешил наркому юстиции

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 50-51.

² Там же. Л. 53-54.

³ Кашеваров А.Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917-1922). М., 2005. С. 91; РГИА. Ф. 833 Оп. 1. Д. 34. Л. 83-84.

⁴ Наш век. 1917. 14 декабря.

⁵ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 157.

⁶ Наш век. 1917. 20 декабря.

⁷ Не участвовавшие в последнем составе Временного правительства бывшие министры А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин прибыли в Петроград в качестве делегатов будущего Учредительного собрания и были арестованы

в случае подтверждения диагноза перевести арестантов из Петропавловской крепости в «лечебницу»¹. При активной помощи ближайших родственников и друзей узников в субботу 6 января 1918 года Карташева и С.А. Смирнова перевезли в клинику Герзони, а Шингарева и Кокошкина – в тюремное отделение Мариинской больницы². Возможно, лишь счастливая случайность уберегла Карташева от участи его однопартийцев-кадетов: в ночь с 6 на 7 января 1918 года Шингарев и Кокошкин были заколоты ворвавшимися в больницу матросами. А.В. Карташев пробыл в заключении до конца января 1918 года³.

Если в Петрограде у духовного ведомства не имелось контактов с большевиками, то в Москве, где находились Поместный Собор и Святейший Синод, ситуация складывалась несколько иначе. После начала уличных боев в Москве между большевистским Московским ВРК и силами Комитета общественной безопасности, возглавляемого городским головой эсером В.В. Рудневым, Поместный Собор несколько дней никак не проявлял своей позиции по отношению к происходящим событиям. Очевидно, сыграли свою роль опыт, полученный в дни Корниловского выступления, когда духовенство чуть было не выступило в поддержку генерала, и уверенность в скором начале работ Учредительного собрания. Кроме того, внимание членов Собора в последние дни октября 1917 года в значительной степени сконцентрировалось на вопросе о восстановлении патриаршества⁴. Как писал епископ Камчатский Нестор (Анисимов), несмотря на не утихающий оружейный и артиллерийский огонь Собор не прерывал своих занятий, «люди работали сосредоточенно и глубоко»⁵. В

28 ноября 1917 года на квартире графини С.В. Паниной. См. также: Иоффе Г.З. «Долой Временное правительство!» (Судьбы «временных» после падения зимнего) // Отечественная история . 2006. № 5. С. 109–116.

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 179.

² Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 147–166.

³ Только 24 января 1918 года по предложению А.В. Луначарского СНК постановил освободить бывших министров А.В. Карташева и С.А. Смирнова, поручив выполнение заместителю наркома юстиции левому эсеру А.Л. Шрейдеру. См.: Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 290.

⁴ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 136–140.

⁵ Нестор Камчатский, епископ. Расстрел Московского Кремля. М.: Столица, 1995. С. 35

воскресенье 29 октября в Храме Христа Спасителя были совершены литургия и молебен об «умиротворении Родины»¹.

Вместе с тем, съехавшиеся в Москву делегаты не могли оставаться равнодушными к происходившему на улицах кровопролитию. Некоторые представители духовенства отправились в районы боев в качестве санитаров. Епископ Нестор 29–30 октября оказывал под перекрестным огнем первую медицинскую помощь раненым горожанам на Пречистенке и Остоженке². Перевязывал на улицах пострадавших и архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе)³. В донесениях начальника разведки Московского ВРК К.Т. Максимова имеется сообщение еще об одном священнике, возглавившем группу санитаров недалеко от здания Московского Совета. Максимов докладывал, что 1 ноября в 5 часов вечера по Малому Гнездниковскому переулку со стороны храма Николы в Гнезdnиках «шел красный крест во главе с попом». Все из участников шествия кричали: «граждане, мы присоединяемся к вам» (что имелось в виду – не понятно), идущих задержали. Максимов запрашивал у ВРК указания, что делать, «чтобы не вышло недоразумения»⁴.

Некоторым делегатам Собора так и не удалось прибыть на заседания в эти дни. Архиепископ Волынский Евлогий сообщал, что «члены рисковали жизнью, пробираясь в епархиальный дом, а те, кто попадал на заседания, не могли вернуться в общежитие»⁵. В ночь с 1 на 2 ноября войска ВРК открыли артиллерийский огонь по оборонявшимся в Кремле юнкерам⁶. Расквартированные в покоях Чудова монастыря митрополит Петроградский Вениамин и архиепископ Гродненский Михаил оказались на период осады заперты внутри кремлевских стен, а с началом массированного артобстрела вместе с монахами обители

¹ Светозарский А.К. Поместный Собор и октябрьский переворот в Москве // Церковь и время. 2004. № 1 (26). С. 184.

² Нестор Камчатский, епископ. Расстрел Московского Кремля. М., 1995. С. 33.

³ Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 277.

⁴ ГАРФ. Ф. Р1. Д. 5. Л. 50. Записка с донесением не датирована, дата установлена на основании соседних сообщений.

⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 276.

⁶ Вперед! 1917. 4 ноября; Русское слово. 1917. 8 ноября.

перебрались в пещерный храм. Это спасло митрополита от гибели, так как в отведенные ему комнаты попали два снаряда, оставившие после себя лишь «груды камней и мусора»¹. Не смог покинуть Кремль и старец Алексей Зосимовский². Под огнем оказалась Московская синодальная типография на Никольской улице, подвергшаяся «нападению и разгрому». Ее управляющий А.С. Орлов, служащие и рабочие несколько дней не могли покинуть здание. Им приносили еду местные жители – директор АО «Теплые ряды» С.К. Иванов и его супруга. Впоследствии Синод постановил призвать на всех них «благословение Божие» за самоотверженность³.

Вечером 1 ноября епископ Камчатский Нестор обратился к соборным архиереям с просьбой благословить его на поход в Московский ВРК для проведения «решительных и настойчивых переговоров о прекращении братоубийства и ограждении от разрушения и поругания Кремля», и предложил в качестве своего спутника кандидатуру архиепископа Таврического Димитрия⁴. Собор епископов благословил Нестора, а возглавить делегацию вызвался митрополит Тифлисский Платон. Отметим, что на тот момент Платон как первоприсутствующий в Святейшем Синоде *de jure* являлся первым лицом в Православной Российской Церкви, и, возможно, именно это побудило его возглавить делегацию в ВРК. После обсуждения вопроса в общем собрании к ней присоединились настоятель Макариево-Унженского монастыря архимандрит Виссарион, протоиерей Э.И. Бекаревич, священник В.А. Чернявский и два крестьянина: А.И. Июдин (Юдин, Иудин) и П.И. Уткин. В ночь на 2 ноября 1917 года члены Собора отслужили в семинарском храме молебен «об умиротворении враждующих братии», и наутро делегация отправилась в Московский ВРК.

¹ Нестор Камчатский, епископ. Указ. соч. С. 40.

² Арсений (Жадановский), епископ. Указ. соч. С. 100. Сотрудник Московской синодальной конторы А.И. Денисов вспоминал, что не мог покинуть Кремля с 28 октября по 3 ноября 1917 года. Он сидел в своей комнате, не включая света, и писал стихи. Когда же Денисова уговорили укрыться в подвале, по дороге чиновника засыпало обрушившейся от попадания снаряда частью стены церкви. См.: Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь – ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев // Исторический архив. 1997. № 3. С. 73–75.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 135.

⁴ Нестор Камчатский, епископ. Указ. соч. С. 34.

Планировалось посетить также юнкеров в Кремле и Комитет общественной безопасности.

Шествие выглядело довольно впечатляюще. Епископ Нестор вспоминал, что «впереди... процессии шли два крестьянина с белыми флагами, на которых был красный крест, далее следовали два священника, архимандрит с иконой Святителя Патриарха Ермогена, архиепископ Димитрий шел со святым Евангелием, рядом с ним я, имея на себе Св. Дары, а позади нас шел митрополит Платон со Св. Крестом. Батюшки были в епитрахиях, а архиереи в епитрахиях, малых омофорах и клобуках»¹. Примечательно, но члены процессии не знали точно, где именно находится ВРК, и даже спросили об этом у встреченного по пути милиционера. Тот сказал, что надо идти к дому бывшего генерал-губернатора на Скобелевскую площадь.

Процессия находилась в центре внимания улицы. От здания Соборной Палаты в Лиховом переулке до Петровского монастыря ее с пением молитв провожали другие члены Собора. При виде депутации некоторые случайные прохожие «с благоговением снимали шапки, молились и многие плакали, становились на колена», а кое-кто даже хотел присоединиться к делегации, но им отказали, чтобы не подвергать их жизнь опасности². Платон говорил, что по пути их «всюду сопровождал крест, творимый на себе массой людей, бывших на тротуарах и глядевших из домов», многие – даже солдаты – целовали крест, который нес митрополит³. Протоиерей Э. Бекаревич отметил, что практически все встреченные гражданские лица при виде депутации крестились, а из военных это делало менее половины⁴.

Но по мере приближения к Московскому Совету настроения встречаемых военнослужащих менялось. На Скобелевской площади депутация наткнулась на

¹ Там же. С. 35.

² Там же.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. Петроград, 1918. С. 67.

⁴ Там же. С. 70.

«солдатскую толпу», настроенную совсем недоброжелательно¹. Солдаты стали кричать: «Где вы были раньше? Зачем мешаете религию в наши дела? Зачем тут духовенство? Оно уже известно своим раболепством. Идите лучше к своим, юнкерам». Платону кто-то сказал: «Уходи в Кремль. Там твой»². По сообщению А.И. Июдина многие солдаты на площади, выказывая крайне негативное отношение к священникам, кричали «дать надо», а другие их останавливали³. Священник В.А. Чернявский добавил, что «солдаты Московского гарнизона настроены менее враждебно, а те, которые пришли с фронта, более враждебно. А красная гвардия совсем остервенела и смотреть на нас не желает». «Зачем вы пришли к нам? Идите в Кремль, там ваша кровь, там сражаются поповичи... – говорили солдаты. – Нам дела нет до Бога, до святынь: нужно здесь на земле устроить порядок, чтобы быть сытыми»⁴.

Митрополит Платон сообщил охранникам о намерении побеседовать с ВРК, заявив солдатам, что «религии здесь – место, что мы не исполнили бы долга, если бы не думали об этой гражданской войне, а теперь мы на своем месте»⁵. После некоторого ожидания на улице в «комиссариат» пропустили только митрополита⁶. Остальные делегаты, разбившись на группы, стали беседовать с солдатами на площади. Постепенно враждебное отношение к членам Собора менялось. Бекаревич заявил одному молодому солдату: «ты во внуки мне годишься... и я очень плакал бы, если бы ты остался без руки или без ноги, но прежде чем дать тебе оружие в руки, я, как ребенка, высек бы тебя крапивой». По словам протоиерея, это замечание вызвало улыбки: «люди не потеряли способности быть добрыми»⁷. А.И. Июдин также отметил, что разговоры успокаивали солдат⁸.

¹ Там же. С. 67.

² Там же.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Нестор Камчатский, епископ. Указ. соч. С. 37. В 17-00 2 ноября 1917 года ВРК и Комитет общественной безопасности заключили мир, однако ночью со 2 на 3 ноября обстрел Кремля продолжился.

⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. С. 70.

⁸ Там же. С. 72.

Видимо, чтобы исключить среди солдат подозрительную агитацию, делегатов попросили отойти к памятнику М.Д. Скобелеву и трое человек следили за их безопасностью. «Хорошо, что в числе других отправили к ним от Церковного Собора и двух крестьян: к крестьянам они относятся более сочувственно, – сообщил Июдин, – а если бы послали чиновников, то, пожалуй, вышло бы плохо»¹.

Об обстановке внутри здания Совета митрополит Платон заметил, что «если на улице всюду теперь грязь, то там в полном смысле болото!» Ему пришлось протискиваться «среди женщин, среди всевозможного народа с свирепыми лицам, в загрязненном виде, не знающими туалета. У многих людей были испытые лица от бессонных ночей»². Платона привели в комнату ВРК, где митрополит заявил, что «пришел с приветом и с Христом», говорить будет о любви, и от имени Поместного Собора призвал к прекращению братоубийства³. О дальнейшем митрополит сообщает следующее: «...какой-то господин предложил мне сесть и утешал меня. Я сел. Он также опустился на сиденье против меня. Я стал умолять его употребить все силы к прекращению междоусобия. “Если нужно, – добавил я, – то прибегну к последнему средству”. При этом я стал опускаться перед ним на колена. Он подхватил меня и стал рассказывать, что драма переживает последние минуты; что всего несколько часов отделяют нас от мира; но что перемирия другой стороне дано не будет». Далее член ВРК, назвавшийся Соловьевым, рассказал, что двое парламентариев уже ушли в Кремль, а «дума в лице правительственного состава сдалась и согласилась на удаление»⁴. На заявление Платона о том, что юнкера «как юноши горячи, что они отстаивают родину, и можно допустить, что они будут сражаться до последнего», член ВРК заверил, что расправы над юнкерами не будет и уже вечером заключат мир⁵. По поводу обстрела Кремля Соловьев сообщил, что пострадал только Чудов монастырь, а на

¹ Там же.

² Там же. С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 68–69.

⁵ Там же. С. 69.

Успенский Собор «не было направлено специальных ударов». Огромное впечатление на митрополита оказал инцидент, когда во время разговора в комнату вбежал офицер, сообщивший, что с одной церкви сняли установленный там пулемет. Платон попросил Соловьева пощадить храм, на что представитель ВРК ответил, что церковь не пострадает. Однако, услышав о намерении делегации направиться дальше в Кремль, Соловьев порекомендовал не делать этого: там шел бой, и делегаты могли попасть под перекрестный обстрел. По словам митрополита в конце беседы Соловьев взял у него благословение, проводил к памятнику Скобелеву и обеспечил делегатов пропуском и проводником¹.

Рассказ об этом эпизоде имеется в воспоминаниях двух членов Московского ВРК: Е.Н. Игнатова и самого В.И. Соловьева. Оба эти отрывка написаны через несколько лет после событий, поэтому в них, безусловно, имеются неточности. Например, Игнатов хронологически поместил сообщение о посещении делегации Поместного Собора в повествование о событиях 1 ноября, видимо по ошибке. Игнатов писал: «днем в Военно-Революционный Комитет приходила в полном облачении делегация от церковного собора во главе с митрополитом Платоном». Из членов ВРК в этот момент на месте были только сам Игнатов и А.П. Розенгольц. Последний попросил Игнатова поговорить с митрополитом, объяснив: «я пошел бы, но мне неудобно. Вы знаете почему». Дальнейшее Игнатов описал следующим образом: «делать было нечего, и я пошел к трясущемуся от страха “духовному миротворцу”. В дверях мне попалась благообразная физиономия тов. Соловьева.

– Василий Иванович, пойдёмте, примите и переговорите с митрополитом.

– Ефим Никитич, позвольте, – забрыкался тов. Соловьев, но во время пререканий я его постепенно вытеснил в приемную и, обращаясь к митрополиту, сказал, что вот, товарищ вас примет и с вами побеседует. Красный, как рак, подходит тов. Соловьев к митрополиту, у которого от страха тряслись поджилки, так что он чуть было не опустился на колени. Но митрополит был приятно удивлен тем приемом, который оказал ему Василий Иванович, и уходил из Совета

¹ Там же.

с гордо поднятой головой, с сознанием, что он исполнил свой пастырский долг, обещая принять все меры, чтобы склонить противную сторону к прекращению борьбы»¹.

Сам В.И. Соловьев вспоминал, что в один из дней боев в ВРК вбежал красногвардеец с винтовкой и удивленно доложил: «Товарищи, какой-то митрополит или шут его знает кто, в белом облачении, просится войти в Совет». Решили пропустить, но принять в передней комнате, чтобы не мешать работе комитета. Возник вопрос, кто выйдет разговаривать, и тогда стоящий у двери Игнатов в буквальном смысле вытолкнул Соловьева из помещения со словами «идите, и никаких». В шумной соседней комнате среди ходящих туда-сюда красногвардейцев и солдат «в полном облачении, в митре, с крестом в руках» стоял Платон. Соловьев предложил митрополиту сесть, но тот упал на колени и «бессвязно и волнуясь» начал говорить: «прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?..» Комиссар усадил Платона на стул, начал успокаивать и объявил, что в кровопролитии виноват Комитет общественной безопасности, который не желает признавать и подчиняться власти советов, единственной народной власти. «Идите к ним и с ними разговаривайте, – добавил Соловьев, – Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел». «Так это верно? Вы не жаждете крови? Согласны прекратить борьбу?..» – переспросил митрополит. На это уполномоченный ВРК ответил, что «как только белогвардейцы сдадутся, мы приступим к мирной работе». «Хорошо, хорошо, я все передам Собору», – сказал Платон и удалился. По сообщению Соловьева, он вызвал карету Красного креста и поручил отвезти митрополита в подворье, где тот жил².

Данные фрагменты воспоминаний советских деятелей позволяют проанализировать отношение членов ВРК к прибывшим соборным делегатам. Прежде всего, необходимо отметить отсутствие открытого неприятия, хотя имело место некоторое пренебрежение: В.И. Соловьева в качестве переговорщика

¹ Игнатов Е.Н. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925. С. 395.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 394–402.

просто выпихнули навстречу Платону. Вместе с тем, у ВРК не возникло мысли отказать в приеме, а А.П. Розенгольц посчитал «неудобным», если он – неправославный – выйдет к митрополиту. Думается, немаловажную роль имело то обстоятельство, что бои в Москве еще не окончились, а ВРК позиционировал себя в качестве народной власти, обещавшей обеспечить порядок и безопасность для всех жителей города. Даже можно предположить, что Игнатов и Соловьев включили эпизод с посещением Платона в свои воспоминания как показатель того, что еще до подписания перемирия с юнкерами церковное руководство прибежало «на поклон» к большевикам, признавая их очевидную победу.

Но гораздо большее впечатление визит в ВРК оказал на посланцев Собора. Они вернулись в Лихов переулок до дневного перерыва заседания, объявленного в 13 часов 15 минут, и один за другим рассказали о том, что видели и слышали утром. Митрополит Платон сообщил, что ему обещано «сохранить в целостности Кремль и объявлено, что стрельба в этот же день будет прекращена и что переговоры об этом уже ведутся»¹. О большевиках Платон вынес убеждение, что «религиозное чувство у этих людей не умерло; оно у них есть»². Из речей Бекаревича, Чернявского, Июдина и Уткина также следовало, что сражающиеся на стороне большевиков солдаты в основной массе готовы прислушаться к голосу церкви³.

Хотя главной целью депутации являлся призыв к прекращению огня, но в действительности она вряд ли как-то повлияла на ситуацию в Москве. Судя по материалам ВРК, его члены не придали никакого значения посещению духовенства, а в Кремле соборные посланцы не были. Скорее всего, беседа митрополита Платона с В.И. Соловьевым имела наибольшее значение для самого Собора, кардинально повлияв на отношение его верхушки к нарождающейся Советской власти в Москве. «Благообразная физиономия» члена ВРК вселила в руководство Собора убеждение, что с большевиками можно иметь дело, и

¹ Нестор Камчатский, епископ. Указ. соч. С. 37.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. С. 71.

³ Там же. С. 67–74.

некоторые из них – люди верующие. Важнейшим результатом депутации 2 ноября 1917 года стало установление контакта церкви с ВРК, что сыграло свою роль в последующие месяцы, и, в частности, при организации наречения патриарха.

Сообщения вернувшихся из «Штаба» делегатов вовсе не успокоили других членов Собора. Поступили предложения организовать широкомасштабный крестный ход вокруг района боев, а священник С.В. Нежинцев призвал Собор создать ополчение и выступить «за спасение Родины»¹. Однако большинство не поддержало этих идей, согласившись, что крестный ход может стать жертвой провокации и обернется бессмысленной кровью². Член Собора генерал Л.К. Артамонов заявил, что, как военачальник, он считает, что ночью, скорее всего, состоится штурм позиций юнкеров, поэтому необходимо обратиться с «коротким и ясным, но энергичным письменным посланием» к обеим сторонам о пощаде к побежденным и охране святынь Кремля³. После этого Собор составил текст обращения к Московскому ВРК, Московскому Комитету общественной безопасности и «старшему военному начальнику обороны Кремля», в котором призвал «воздержаться от дальнейшей кровопролитной брани», умолял победителей «не допускать актов мести» и «не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу»⁴. По информации делегата В.В. Богдановича, Артамонов в тот же вечер вручил послание «кому следует», потребовав от имени Собора присутствия его представителей при входе большевиков на территорию Кремля. Это должно было гарантировать недопущение самосуда над сдавшимися юнкерами, а также обеспечить сохранность кремлевских храмов. Богданович даже сообщил, что генералу ответили согласием, записали его адрес и обещали прислать за ним на следующий день, но не сделали этого⁵.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. С. 76–77.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 83. Печатный экземпляр воззвания сохранился в Государственном архиве Российской Федерации. См. ГАРФ. Ф. 3431. Оп.1. Д. 621. Л. 19.

⁵ Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. С. 465. Надо отметить, что ни в каких других источниках о визите генерала Артамонова в ВРК вечером 2 ноября 1917 года не сообщается. Однако косвенным свидетельством этого

На следующий день, 3 ноября, Собор направил в ВРК новую депутацию, состоящую из Июдина, Уткина, а также А.И. Арапова, Д.А. Зюзина, М.А. Касьянова и Т.Г. Суринова. У вышедшего к ним представителя Комитета Шебердина посланцы попросили выдать им пропуска в Кремль, чтобы иметь возможность присутствовать при разоружении юнкеров и не допустить самосудов. Июдин также озвучил предложение усилить охрану кремлевских храмов лицами, назначенными Поместным Собором. Посовещавшись с коллегами, Шебердин ответил отказом, сославшись на то, что не может гарантировать безопасность соборным делегатам. «Ваше присутствие ни при чем», – заявил он, подчеркнув, что ВРК принимает все меры, как для охраны зданий, так и против самосудов¹.

4 ноября 1917 года митрополит Платон в сопровождении А.И. Июдина и П.И. Уткина вновь отправился в ВРК. Их задачей было сообщить о намеченном на 5 ноября избрании патриарха и договориться о переносе для этого из Успенского Собора в Храм Христа Спасителя иконы Владимирской Божьей Матери. Кроме того, Платону поручили обсудить с представителями ВРК предложение Собора о «нейтрализации» Кремля (то есть об освобождении его от военных) и об организации охраны кремлевских храмов силами их причтов². По всем этим вопросам ВРК ответил положительно. Хотя самих бумаг, полученных Платоном 4 ноября, найти в архивах не удалось, но в книге исходящих бумаг ВРК имеется запись о том, что практически одновременно им было выдано 5 документов: № 658–660 – пропуска в Кремль митрополиту Платону, членам Поместного Собора Июдину и Уткину³. Под № 664 числится «удостоверение в

посещения может быть информация члена комитета Е.Н. Игнатова о том, что соборная делегация 2 ноября доставила печатное обращение. Игнатов даже дословно процитировал его. См.: Игнатов Е.Н. Указ. соч. С. 396. Но митрополит Платон не мог вручить его утром (его составили позже), а 3-го ноября бои прекратились, и обращение уже утратило актуальность.

¹ Июдин А.И. Воспоминания о революционных событиях с 1 ноября 1917 года и роли духовенства // Дело великого строительства церковного. С. 125. По сообщению В.В. Богдановича, в ВРК также отправился генерал Л.К. Артамонов, но никакой «приемки Кремля» представителями Собора не состоялось. Зато 3 ноября Кремль без всяких пропусков посещали митрополит Тихон, епископ Нестор и протоиерей Чернявский. См.: Дело великого строительства церковного. С. 466.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. С. 129.

³ ГАРФ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 21. Л. 26 об.

том, что Рев. к-т не препятствует наречению патриарха, но предостерегает от выходов провокаторов»¹. Следующий № 665 – «Удостоверение в том, что Воен.-Рев. ком-т не препятствует причту Кремлевских храмов установить свою охрану»². Архиепископ Новгородский Арсений написал в своем дневнике, что 4 ноября Платон «после долгих усилий и унижений» справился с порученным ему Собором заданием. По пересказу Арсения, пропуск ВРК гласил, что «со стороны Штаба нет препятствий к избранию Патриарха (sic), но лучше бы было с этим повременить в виду беспокойного времени и возможности каких-либо противонациональных попыток. Но что вообще 40% за спокойствие». Арсений добавил, что ВРК разрешил взять из Успенского Собора икону, но порекомендовал нести ее не торжественным образом, а везти в карете. При этом «митрополита Платона заставили около часу сидеть в передней на рундуке, под конвоем часового (но специально для митрополита), и пропуск получен из рук служащей еврейки, которая небрежно вручила его ему»³. Крестьянин Июдин описал эти обстоятельства более подробно: с ними в захлавленной приемной общался член ВРК П.Н. Мостовенко⁴, и им действительно пришлось ждать некоторое время решения комитета. Вернувшись, Мостовенко заявил: «Икону возьмите, но крестного хода разрешить не можем, в виду такого времени. И мы дадим вам пропуска в Кремль, а там комендант поможет»⁵. Таким образом, Московский ВРК, хотя и не выказывал симпатий к Поместному Собору и Православной церкви, но, вместе с тем, не допускал никаких враждебных действий по отношению к ним, держа себя подчеркнуто нейтрально и рассматривая все обращения по существу дела⁶.

¹ Там же. Л. 27.

² Там же.

³ Воробьев В., прот., Кривошеева Н.А. Митрополит Арсений (Стадницкий) о Соборе 1917-1918 гг. и восстановлении патриаршества // XIX ежегодная богословская конференция. Материалы. Том I. М., 2009. С. 251. Упоминание служащей-еврейки, появление которой было воспринято как унижение митрополита, заставляет еще раз вспомнить тактичность А.П. Розенгольца 2 ноября 1917 года.

⁴ Ошибочно названный Июдиным «Мостаренко».

⁵ Июдин А.И. Указ. соч. С. 126.

⁶ Об этом прямо писали члены Поместного Собора. Так, митрополит Вениамин (Федченков) сообщил, что «взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было

Для контроля над контактами с новой властью 4 ноября Поместный Собор постановил, чтобы «отдельные лица, выступающие от имени Собора в ВРК и других учреждениях, всегда получали, прежде своего выступления, от Собора и Соборного Совета благословение и соответствующие инструкции и полномочия»¹. Вместе с тем большинство членов Собора относились к большевикам негативно, что проявилось в их выступлениях на соборных заседаниях. На практике же их политическая позиция реализовалась главным образом в двух направлениях: заботе о судьбе пленных юнкеров и похоронах погибших, а также в освещении разрушения строений Московского Кремля. Так, в начале ноября 1917 года 36 членов Собора (первый в списке – генерал Л.К. Артамонов) внесли письменное предложение обратиться к ВРК с призывом не допускать актов самосуда над пленными юнкерами и другими молодыми людьми, арестованными во время боев. По имеющимся у духовенства данным, таковых было около 500 человек². Соборный Совет 8 ноября постановил направить специальное обращение в ВРК и редакции газет «Русское слово», «Русские ведомости» и «Утро России» о том, что «...мести не должно быть НИГДЕ и НИКОГДА; тем более она не допустима над теми, кто не будучи враждующей стороной творил лишь волю их пославших...»³ 11 ноября 1917 года Собор выпустил обращение «Ко всем чадам церкви», в котором произошедшие события обрисовал как начавшуюся «великую междуусобицу», в ходе которой в течение ряда дней «русские пушки обстреливали величайшую святыню России – Московский Кремль». Собор призвал победителей «не осквернять себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих». В отношении большевиков имелось лишь туманное замечание, что «для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует Родины». В то же время, отстраняясь от павшего

простого слова их для его роспуска. И, конечно, никто бы и пальцем не шевельнул в защиту его». См.: Митрополит Вениамин (Федченков). Церковный собор в Москве // Дело великого строительства церковного. С. 604.

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 20. Как сообщал А.И. Июдин, после 4 ноября 1917 года они еще неоднократно ходили в Московский ВРК. См.: Июдин А.И. Указ. соч. С. 127.

² ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 22.

³ Там же. Л. 25.

правительства, авторы послания с горечью констатировали, что «доселе не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение церкви православной»¹.

13 ноября 1917 года состоялись многолюдные похороны погибших в дни столкновений юнкеров, студентов, курсисток и сестер милосердия. Организаторами церемонии выступил целый ряд общественных и политических организаций, в том числе Московский комитет партии социалистов-революционеров. И хотя провозглашалось, что речь идет о погребении «павших в борьбе за свободу и право народа», исполнявших долг «перед Родиной и Революцией», студенческие организации постановили провести церемонию по церковным обрядам, без плакатов, венков и пения революционных песен. Об этом сообщили через протоиерея Н.П. Добронравова Поместному Собору, который почти всем составом принял участие в похоронах². Накануне, 12 ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя состоялось соборное моление «об успокоении всех без различия павших жертвами народного волнения»³. Отпевание 13 ноября совершили 5 архиереев и 29 священников в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, а затем гробы понесли на Братское кладбище. У могил с речами выступили епископ Тобольский Гермоген, В.В. Руднев, П.И. Астров и другие. Гермоген произнес слово «о юности, которая встала на защиту права народа и его древних святынь, о народе темном и незрячем, который не пощадил эти честные, праведные жизни»⁴. После похорон люди с факелами и пением похоронного марша вернулись в город, причем, как отмечали газеты, «посреди толпы шли епископы и духовенство с целью оградить толпу от возможных эксцессов»⁵. В тот момент присутствие духовных лиц еще обеспечивало шествию безопасность. «Большевики за всем следили, но погребению не помешали», – писал член Собора

¹ Церковные ведомости. 1917. № 46–47. С. 415–419.

² Светозарский А.К. Поместный Собор и октябрьский переворот в Москве // Церковь и время. 2004. № 1 (26). С. 195–196.

³ Церковные ведомости. 1918. № 5. Прибавления. С. 174.

⁴ Похороны жертв гражданской войны // Киевская мысль. 1917. 14 ноября (утренний выпуск). С. 3.

⁵ Там же.

Богданович¹. Интересно добавить, что эсеровская газета «Труд» заявила, что «несколько утомительно парадное» богослужение 13 ноября явилось собой «первый случай единения церковной иерархии с революционной демократией и вольнодумным студенчеством»².

Вместе с тем, при обсуждении вопроса о погребении юнкеров некоторые члены Собора высказали претензии к новой власти в связи с тем, что сторонников ВРК похоронили 10 ноября на Красной площади без согласования с церковью и без отпевания. После этого поступили предложения совершить церковный обряд и над этими могилами. В частности, архиепископ Арсений подчеркнул, что «этим церковь покажет, что для нее дороги души всех, павших при междоусобной брани»³. Архиепископ Харьковский Антоний поддержал эту идею, отметив, что «...безучастное отношение церкви к убитым большевикам неуместно. Среди них большая часть были люди верующие... Где было больше неверующих – среди юношей и большевиков, – мы не знаем. Молиться надо за тех и других»⁴. По-видимому, первоначально церковное руководство хотело договориться об отпевании сторонников ВРК с военными властями. 14 ноября Платон рассказал членам Собора о своем общении с комендантом Кремля, который «оказался внимательным молодым человеком, лет 27, и, видимо, религиозным». Комендант обещал поговорить о необходимости совершении отпевания на братской могиле с командующим войсками, но дело кончилось ничем⁵.

Тогда Собор направил официальный запрос о церемонии похорон на Красной площади в Московский Совет. На это 16 ноября 1917 года его Президиум сообщил, что он «считает совершение тех или иных религиозных обрядов делом совести как определенных членов, так и целой религиозной общины и не считает возможным в какой бы то ни было мере вмешиваться в совершение религиозных обрядов над братской могилой захороненных

¹ Дело великого строительства церковного. С. 469.

² Последний долг // Труд. 1917. 14 ноября.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI–XL. С. 177.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Там же. С. 253.

гражданскими похоронами павших за дело революции». В то же время Президиум Совета попросил духовенство «своевременно дать знать о времени совершения религиозного обряда на братской могиле»¹. После этого 17 ноября Собор принял постановление, в котором объявил, что «в преднамеренно совершенном без церковной молитвы погребении под стенами Кремля людей, которые осквернили его святыни, разрушали его храмы и, поднявши знамя братоубийственной войны, возмутили народную совесть, Собор видит явное и сознательное оскорбление церкви и неуважение к святыне»². На этом же заседании Собор поручил Московскому епархиальному начальству «для успокоения смущенной совести верующих и для облегчения загробной жизни самих погребенных» совершить на братской могиле на Красной площади «положенное по церковному чину заупокойное моление»³.

Значительные разрушения зданий Московского Кремля зафиксировали посетившие его 3 ноября 1917 года митрополит Московский Тихон (Белавин), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), протопресвитер Н.А. Любимов и профессор В.Н. Бенешевич⁴. Вслед за этим Поместный Собор постановил образовать специальную комиссию по фотографированию разрушений Кремля, однако ее деятельность оказалась практически невозможной из-за закрытия его территории для посторонних. «Пробраться в Кремль сейчас нет почти никакой возможности, – писал в конце ноября – начале декабря 1917 года епископ Камчатский Нестор. – С большими неприятностями и после длинной волокиты всяких хлопот нынешние правители Москвы выдают на небольшом обрывке бумаги с какими-то непонятными отметками – пропуск, который при посещении Кремля бесконечно проверяется часовыми»⁵. Тем не менее, Нестор составил подробный отчет о повреждениях кремлевских строений, сопроводив его ярким описанием событий 27 октября – 3 ноября, изложенных в откровенно

¹ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 ноября.

² Церковные ведомости. 1918. № 5. Прибавления. С. 173.

³ Там же. С. 174.

⁴ Светозарский А.К. Указ. соч. С. 190.

⁵ Нестор Камчатский, епископ. Указ. соч. С. 3.

антибольшевистском ключе. 8 декабря этот отчет заслушали остальные члены комиссии, а 9 декабря Собор «разрешил» издание работы епископа Нестора «для широкого распространения в народе»¹. Брошюра вышла под названием «Расстрел Московского Кремля» уже в декабре, с явным расчетом успеть до назначенного на январь 1918 года созыва Учредительного собрания. Однако почти весь тираж был изъят властями².

Вместе с тем, как следует из журнала исходящих бумаг Московского ВРК, комитет беспрепятственно выдал пропуски в Кремль рабочим, занимавшимся ремонтом Успенского собора, а также его настоятелю протопресвитеру Любимову»³. 17 ноября Поместный Собор постановил просить Синод сделать распоряжение о производстве во время всех церковных служб 5–7 января 1918 года тарелочного сбора на «исправление» кремлевских храмов⁴. Кроме этого епископ Уфимский Андрей предложил обратиться за денежной помощью к «правительству», что было принято⁵. Очевидно, более или менее конструктивный диалог с властью в этом вопросе действительно удалось наладить, так как по сообщению «Московских епархиальных ведомостей» в декабре 1917 – начале января 1918 года в Кремле работала государственная комиссия по охране художественных памятников с участием архиепископа Михаила Гродненского (Ермакова), протопресвитера Любимова и синодального ризничего архимандрита Арсения⁶. Опираясь на заверения представителей власти, духовенство рассчитывало на то, что вскоре Московский Кремль превратится в религиозный и музейный комплекс. 14 января 1918 года Совнарком постановил выделить 450 000 рублей на ремонт кремлевских зданий, средства перевели Художественному

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. Петроград, 1918. С. 375.

² Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 88.

³ ГАРФ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.

⁴ Церковные ведомости. 1918. № 1 от 5 января. С. 4; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 39.

⁵ Там же.

⁶ Сотрудник Московской синодальной конторы А.И. Денисов вспоминал, что он в декабре 1917 года вошел в состав возглавляемой П.П. Малиновским «Комиссии по охране памятников искусства и старины» при Московском Совете, и пробыл там до июня 1920 года. См.: Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь – ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев // Исторический архив. 1997. № 3. С. 76.

отделу Московского Совета и Московскому отделу Комиссариата имуществ республики¹. После этого епархиальные ведомости сообщили о планах в ближайшем будущем установить в патриаршей ризнице шкафы с зеркальными стеклами для драгоценностей. Оговаривалось, что ремонт наружных повреждений Собора 12-ти Апостолов будет произведен весной 1918 года². Однако вскоре радужная картинка была нарушена: 30 января 1918 года произошло ограбление патриаршей ризницы, показавшее недостаточность существовавшей в Кремле охраны. Исчезло более трех пудов ювелирных ценностей, нанесен урон вещам, имеющим огромную историческую и художественную ценность. Похитителей так не нашли³. А еще позже, в марте 1918 года, в связи с переездом СНК в Москву церковные учреждения вообще «настойчиво попросили» покинуть Кремль⁴.

Общее негативное отношение членов Собора к Советской власти проявилось при обсуждении известий о начатых переговорах с Германией о перемирии. В соборном постановлении по этому поводу от 17 ноября 1917 года Советское руководство именовалось «группой лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах» и подчеркивалось, что они «не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли нации, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров». По мнению членов Собора, сепаратный мир стал бы предательством союзников и изменой «единоверным

¹ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 января.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 1 от 15 января. С. 5.

³ См. Преследования Патриарха Тихона начались с первых дней избрания его на патриарший престол. Публикация и комментарии Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 159.

⁴ Циркуляром от 5 января 1918 года А.В. Луначарский объявил Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области, что все кремлевские дворцы, храмы, монастыри со всем находящимся в них имуществом («кому бы они ни принадлежали и в чьем бы ведении ни находились») составляют собственность Республики и их хранение возлагается на комиссию. В начале марта 1918 года от соборов и монастырей Кремля потребовали опись ценного художественного имущества, а всем учреждениям бывшего духовного ведомства предписали срочно покинуть занимаемые помещения. См.: ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 79. Л. 11–15. Тем не менее, Московская синодальная контора и обосновавшееся при Успенском соборе «Всероссийское православное братство ревнителей Святынь Московского Кремля» оставались на своих местах как минимум до мая 1918 года, поскольку выезжать им было некуда. См.: ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 79. Л. 18–20 об.

народам»¹. Однако Собор предпочитал не вмешиваться напрямую в политическую борьбу, давая лишь оценки с точки зрения морали и нравственности посредством слова: через печать, чтение соборных воззваний в храмах и издание отдельных листовок. Так, в послании «К чадам Православной Российской Церкви» от 25 ноября 1917 года Собор вновь напомнил о расстреле Кремля, а также сообщил об убийстве протоиерея Иоанна Кочурова в Царском селе, призвав всех православных людей «внемлить глаголу Божию, знамениям нашего времени призывающему нас к вере и покаянию»². В обращении патриарха Тихона от 18 декабря («грамоте» по случаю вступления на патриарший престол) говорилось о наступившей «междоусобной брани» и «смуте духовной»: «Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабла и самая вера, неистовствует беспощадный дух мира сего», – писал патриарх. – «Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архипастырями и пастырями своими и вкупе являют служение в духе и силе»³. Вслед за этим от имени Собора вышло обращение «Всем труждающимся в деле благовестия святой православной веры», призывавшее не ослаблять, а усиливать в настоящий момент проповеднический труд⁴. В новогоднем слове патриарха Тихона заявлялось, что вся разруха в стране происходит оттого, что «без Бога строится ныне Русское Государство»⁵. Однако при этом любые предложения о каком-то практическом выступлении Собором игнорировались. Так, поступивший от «Семипалатинского союза служащих в правительственных и общественных учреждениях» призыв «как встарь притти на помощь государству в образовании твердой власти из уважаемых мужей» Соборный Совет постановил просто подшить к делу о приветствиях⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 35–37, 40–41. Церковные ведомости. 1918. № 5. Прибавления. С. 175.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. С. 6–11; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 48 – 49 об.

³ Церковные ведомости. 1918. №1 от 5 января. С. 1–2.

⁴ Там же. С. 2–3.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 43–44.

В то время как в Петрограде большевики избегали контактов с церковными учреждениями, Московский Совет рабочих и солдатских депутатов в конце 1917 года вовсе не брезговал общаться с «клерикалами». В конце ноября – декабре 1917 года Совет выступил арбитром и даже защитником церкви в ее столкновениях с местными органами власти. Так, 18 ноября 1917 года к находящемуся Троицко-Сергиевой Лавре избранному патриарху Тихону явились «более десяти» человек в солдатской форме, вооруженные ружьями и винтовками. От имени ВРК они потребовали допустить их провести обыск в патриарших покоях. Один из прибывших предъявил отношение от местного ВРК о производстве обыска, после чего Тихон сказал: «если это так, я ничего не имею против этого... обыскивайте». Солдаты осмотрели и описали имущество патриарха и ушли. На следующий день они вернулись и продолжили обыск с составлением описи, пообещав далее приступить к осмотру ризницы и древлехранилища. 19 ноября патриарх рассказал о случившемся прибывшей депутации Поместного Собора, добавив, что «в Посаде стало невозможно жить от участвовавших случаев грабежей и воровства». По возвращении в Москву генерал Артамонов с П.И. Астровым посетили Совет рабочих и солдатских депутатов и рассказали об обыске у патриарха. Членам Собора ответили, что Совет не давал никаких распоряжений об этом и обещали послать в Посад своих представителей для захвата лиц, позволяющих самочинные обыски в Лавре¹. По некоторым данным, Московский Совет тут же направил две срочные телеграммы: в Сергиевский ВРК и настоятелю Лавры. В итоге объявленная реквизиция монастыря не состоялась².

29 ноября 1917 года генерал Артамонов снова обратился в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов с жалобой на действия Коломенского Совета, самочинно изъявшего капиталы из кассы Успенско-Брусенского женского монастыря. Артамонов «по полномочию Святейшего Патриарха» попросил Московский Совет «впредь до общего для всех монастырей России решения

¹ Московский листок. 1917. 21 ноября.

² Дело великого строительства церковного. С. 427; Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000. С. 91.

вопроса об имуществе и капиталах Учредительным собранием, сделать распоряжение о приостановке всяких частных и самоуправных конфискаций». На письме генерала имеется приписка от руки, сделанная одним из членов Президиума Московского Совета: «послана бумага товарищу Губернскому комиссару и Коломенскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹. В связи с другой жалобой духовенства 29 декабря 1917 года Московский губернский Совет направил официальное отношение в волостное земство села Остров с требованием приостановить начатое крестьянами выселение местной богадельни, а также сообщить «точные причины» производимой реквизиции. После этого 30 декабря Островское земское собрание объявило епархиальному попечительству, что согласно приостановить выселение «из принадлежащих крестьянам помещений» до 15 мая 1918 года, если епархия внесет за этот период арендную плату в 5 000 рублей².

14 января 1918 года в Московский Совет обратился исправляющий должность прокурора Московской синодальной конторы Д.П. Андреев, сообщивший, что Исполком звенигородского уездного Совета наложил на Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь штраф в размере 10 000 рублей за «недопустимое управление» обителью³. Поводом к этому послужили обнаруженные во время обыска комиссаром города Воскресенска «безобразные поступки трех лиц – одного иеромонаха, иеродьякона и послушника». Андреев попросил отменить штраф, так как «управление монастырем есть дело внутренней жизни церкви», и духовным начальством уже назначена ревизия монастыря. Кроме того, обитель все равно не имеет денег на выплату штрафа, и «для покрытия его пришлось бы обратиться с воззванием к благотворителям, что без сомнения, вызовет общее смущение»⁴. Чем закончилось разбирательство – не

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 960. Л. 1 – 1 об. Коломенский Совет реквизирует у монастыря значительную по тем временам сумму – 163 812 рублей процентными бумагами.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 1 от 15 января. С. 4.

³ В архиве имеется «приказ» настоятелю монастыря епископу Трифону (Туркестанову) от 1 января 1918 года, предписывающий передать деньги комиссару общественной безопасности товарищу Бондыреву для последующего направления в культурно-просветительный отдел народных советов. См.: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

известно, но в архивном деле имеется предписание члена Президиума уездного Совета В.С. Овсянникова о том, что бумагу об отказе в уплате взыскания руководству монастыря необходимо предоставить комиссару города Воскресенска для последующей передачи в Совет¹.

Перечисленные факты заставляют несколько пересмотреть установившуюся точку зрения на характер взаимоотношений Православной церкви и Советской власти в Москве в первые послеоктябрьские месяцы. Политику Московского Совета в религиозной сфере нельзя свести к набору репрессивных действий, и уж точно невозможно обрисовать исключительно термином «гонения». Хотя идеологическое противостояние имело место. Например, уже в ноябре 1917 года на Историческом музее на Красной площади был вывешен плакат «религия – опиум для народа». А 29 ноября 1917 года «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» опубликовали письмо к Поместному Собору от жителей местечка Соколки Полтавской губернии с просьбой обратиться ко всем христианам «во имя Христовой заповеди о любви к врагам, перестать воевать», призвать пастырей всех исповеданий прекратить молиться «о даровании победы над врагами», а также объявить всякое «человекоубийство», в том числе войну и смертную казнь «великим грехом». От себя редакция «Известий» приписала, что «конечно, церковный собор останется глух к обращению: из Библии церковники берут только такие слова, которыми можно оправдать все, что творят господствующие классы, и дать этим словам истолкование, выгодное для господствующих классов»².

Несмотря на происходившие в стране после Октября 1917 года перемены, формально Православная церковь оставалась государственным ведомством Святейшего Синода, сохранявшего статус «правительствующего». И не советские комиссары, а чиновники Министерства исповеданий Временного правительства являлись до конца января 1918 года для церкви представителями законной власти.

¹ Там же. Л. 2.

² Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 ноября.

Обязанности министра (и полномочия обер-прокурора Синода) принял на себя проживавший в Москве товарищ министра С.А. Котляревский, не получивший от большевиков ни приказа об увольнении, ни вообще каких-либо предписаний¹.

Однако свержение Временного правительства все же повлияло на систему высшего церковного управления тем, что невероятно ускорило решение вопроса о восстановлении патриаршества. Изначально эту тему вообще не планировалось поднимать, и даже в проекте Предсоборного Совета о высшем церковном управлении оговаривались лишь периодически созываемый Собор и постоянно действующие Священный Синод и Высший Церковный Совет². Летом 1917 года Синод выпустил воззвание «Нужен ли нам патриарх», отстаивавшее преимущества принципа коллегиальности церковного управления. Однако уже 25 августа 1917 года на общем заседании Поместного Собора делегат А.В. Васильев поднял вопрос о патриаршестве³. С нарастанием политического кризиса в сентябре–октябре все чаще вразрез с повесткой дня разные ораторы возвращались к этой теме (выступления С.Н. Булгакова, Н.И. Троицкого, А.В. Васильева). В начале октября Отдел о высшем церковном управлении подготовил проект из 4-х положений: «1) Поместному Собору принадлежит высшая власть в российской церкви; 2) восстанавливается патриаршество, которым возглавляется управление церковными делами русской православной церкви; 3) патриарх является первым между равными епископами; 4) патриарх вместе с органами церковного управления подчиняется Собору»⁴. Звучали и противоположные мнения, в том числе и среди отдела. А на общем собрании 19 октября протоиерей Н.В. Цветков заявил, что восстановление патриаршества неуместно с точки зрения заповедей

¹ С.А. Котляревский не участвовал в заседаниях «подпольного» Временного правительства. С конца октября 1917 года он находился в Москве. См.: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. М.: Зерцало, 2007. Т. 1. С.400–401. А.А. Демьянов не упоминал Котляревского в своих записках о деятельности министров после 25 октября 1917г. См.: Демьянов А.А. Записки о подпольном Временном правительстве. С. 34–52. Нет фамилии товарища министра исповеданий и в опубликованных актах «подпольного» Временного правительства. См.: Наша речь. 1917. 17 ноября.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 1. Москва, 1918. С. 34.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. Петроград, 1918. С. 103.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 123.

Христа о первенстве среди апостолов и пастырей. Цветкова поддержал профессор МГУ И.М. Громогласов¹.

Дискуссии шли также и за пределами Поместного Собора. Левый священник Михаил Галкин, вероятно, чтобы дискредитировать идею патриаршества озвучил со страниц «Новой жизни» слухи о том, что кубанские казаки выдвигают на эту должность А.Ф. Керенского, и что тот, скорее всего, не откажется, «если это будет возможно совместить с постом верховного главнокомандующего»². А 29 сентября 1917 года кадетская «Речь» опубликовала статью Д.В. Философова «Собор и министр исповеданий», в которой подчеркивалось, что патриаршество «не соответствует новому строю», и за него выступает «консервативная часть Собора», ищущая твердой власти ввиду слабости правительства. «Для определения “правительственной линии” гораздо важнее знать, кто охраняет Зимний дворец, юнкера Павловского училища или матросы с крейсера “Аврора”, – писал Философов. – Как только “Аврора” начала охранять Зимний дворец, на Соборе начала поднимать голову патриотическая партия, которая выдвигает патриарха как “охрану” церковных устоев». Автор статьи призвал министра исповеданий использовать свои номинально сохранявшиеся обер-прокурорские полномочия и «властным окриком» не допустить «реставрации монархии» в церкви³.

18 октября, выступая перед соборными делегатами, товарищ министра исповеданий Котляревский сообщил, что он «с удивлением слушал заявления некоторых ораторов, что патриаршество имеет сходство с монархическим строем и самодержавием, что патриаршество – символ политической реакции... Нет логического отношения между государственной организацией и церковным строем... Если патриаршество действительно нужно, то никакие политические соображения не должны остановить Собора». Упомянув статью Философова, товарищ министра подчеркнул, что Министерство исповеданий не вмешивается

¹ См. подробнее о дискуссиях на Поместном Соборе о восстановлении патриаршества: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Указ. соч. С. 119–140.

² Горев М. Из курьезов наших дней // Новая жизнь. 1917. 7 октября. С. 4.

³ Философов Д.В. Собор и министр исповеданий // Речь. 1917. 29 сентября.

во внутрицерковные дела, принятый закон о свободе совести предоставил всем религиозным организациям право самим решить вопрос о собственном устройстве, и «если бы правительство стало бояться патриаршего церковного строя, оно допустило бы недопустимый оппортунизм»¹.

Вместе с тем, впоследствии Котляревский все же призывал делегатов не торопиться с решением вопроса. Временное правительство в лице министра исповеданий и его товарища хоть и относилось к идее патриаршества сочувственно, но стремилось, чтобы новое высшее церковное управление формировалось только после утверждения закона о правовом положении Православной Российской Церкви в государстве, когда она станет *de jure* самостоятельной. Именно поэтому и А.В. Карташев и Котляревский всячески подгоняли работы соборного отдела, разрабатывавшего данный проект, а юрисконсульт Министерства исповеданий В.В. Радзимовский, рассматривавший формулу введения патриаршества, предлагал согласовать ее кроме Отдела о высшем церковном управлении еще и в Уставном отделе, что епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) назвал умышленным затягиванием дела². Радзимовскому даже пришлось оправдываться, что они с Котляревским действуют не от имени Министерства исповеданий, а исключительно как члены Собора, и между ними не было никакого сговора³.

По сообщению Деяний Собора уже 24 октября во время моления у раки преподобного Гермогена в частных беседах соборных делегатов идея выборов патриарха восторжествовала⁴, однако именно известие о вооруженном перевороте в Петрограде и последовавшие за этим бои на улицах Москвы определили

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Деяния XVII–XXX. Петроград, 1918. С. 298–300.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III. Деяния XXXI–XL. С. 6.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Деяния XVII–XXX. С. 334.

⁴ Там же. С. 407. 21 октября 1917 года двое солдат-«дезертиров» в Успенском соборе начали сдергивать покровы с раки с мощами Святителя Гермогена, но были остановлены верующими и служителями. После этого 24 октября Собор всем составом провел покаянное шествие в Кремль. См.: Галахов Я., профессор-протоиерей. Соборная работа // Дело великого строительства церковного. С. 106–108.

скорейшее решение вопроса¹. 4 ноября Собор принял положение, в котором заявлялось, что церковное управление возглавляется патриархом, являющимся «первым среди равных ему епископов»². 5 ноября состоялись выборы, в результате которых патриархом Московским и Всея России стал митрополит Московский Тихон (Белавин). Причины такой поспешности очевидны: после ареста Временного правительства церковь столкнулась с реальной опасностью утверждения в России враждебной к религии власти. Патриарх представлялся членам Собора, с одной стороны, защитником церковных интересов, а, с другой, вождем, который мог объединить вокруг себя всех православных России. При этом делегаты исходили из того, что избрание должно состояться как можно раньше, так как в будущем обстоятельства могли совсем не позволить этого. Как писал 29 октября 1917 года в своем дневнике профессор А.Д. Беляев, «при теперешнем безвластии понятно желание иметь патриарха даже и у нежелавших его раньше»³. Необходимо также отметить, что поначалу у патриарха не было определенных прав и обязанностей, их Собор сформулировал несколько позже. Тем не менее, сам факт избрания Тихона *de facto* разрушал старую систему «включенности» церкви в государственный аппарат, поскольку с юридической точки зрения в его составе существовал только Святейший Синод и утверждаемые верховной властью архиереи. А так как предполагалось, что полного отделения церкви от государства не произойдет, и последнее продолжит, как минимум, финансировать религиозные организации, необходимо было четко обозначить, с кем светской власти предстоит «вести дело» в будущем. Видимо вследствие этого на состоявшемся 6 ноября 1917 года 17-ом заседании соборного отдела о правовом положении Православной церкви в России товарищ министра

¹ Архимандрит Илларион (Троицкий) днем окончания прений по вопросу о восстановлении патриаршества выделил 28 октября 1917 года. См.: Илларион (Троицкий), архимандрит. Восстановление Патриаршества и избрание Всероссийского патриарха // Дело великого строительства церковного. С. 59.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I. М., 1918. С. 3. При этом высшая власть в церкви принадлежала регулярно созываемому Поместному Собору.

³ Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000. С. 116.

исповеданий предложил ввести упоминание патриарха в вырабатываемый отделом одноименный законопроект. Поправка не прошла¹.

Тем не менее, 7 ноября 1917 года Синод принял витиеватое определение о том, чтобы «впредь до представления на уважение подлежащей государственной власти выработанных Священным Собором статей о восстановлении патриаршества в России» просить избранного патриарха Тихона возглавить Синод в качестве его председателя, «о чем и представить подлежащей государственной власти, для чего передать в Департамент по делам Православной церкви выписку из сего определения»². Этой запутанной формулировкой Синод пытался нивелировать создавшийся юридический нонсенс. Во-первых, признавалось, что восстановление патриаршества еще должно быть утверждено верховной властью (Временным правительством или Учредительным собранием). Во-вторых, избранный патриарх включался в старую систему церковного управления: объявлялся председателем Святейшего Правительствующего Синода. Эта схема, конечно же, представляла собой временную компромиссную модель.

17 ноября 1917 года Собор постановил назначить интронизацию³ патриарха на 21 ноября, «ознаменовав» этот день «целодневным» колокольным звоном в Москве и других городах, куда успеют сообщить⁴. 18 ноября Синод подтвердил это постановление своим определением⁵. Московские власти проявили подчеркнуто благожелательное отношение к церкви: 20 ноября комендант города лично посетил Епархиальный дом и пообещал оказать полное содействие церемонии «в смысле поддержания порядка во время торжеств». Комендант Кремля также не препятствовал намеченному, оговорив только, что проход к Успенскому собору должен осуществляться исключительно на основании предварительно оформленных пропусков⁶. И хотя на осуществление масштабного

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 137 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 471. Л. 3.

³ Интронизация (настолование) – торжественное возведение архиерея на его кафедру.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2–2 об.

⁶ Митрополит Анастасий (Грибановский). Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона. Характер его личности и деятельности // Дело великого строительства церковного. С. 538.

крестного хода вокруг Кремля разрешение все-таки не дали, интронизация 21 ноября состоялась в необычайно торжественной обстановке и при стечении большого количества людей¹. Когда после «настоления» Тихон объезжал в открытой коляске Кремль, у могил «жертв революции» он столкнулся с солдатами, строившимися под звуки «Марсельезы». По сообщению очевидцев, многие из них оставили ряды и побежали к патриарху за благословением².

Интересно отметить, что восстановление патриаршества позволило церковному руководству мягко обойти вопрос о поминовении действующей власти во время богослужений. 18 ноября вышло определение Синода, предписывающее отныне возносить молитвы о «великом господине нашем, Святейшем Патриархе Тихоне»³. И хотя оно не отменяло молитву о Временном правительстве, тем не менее, по свидетельству того же дневника профессора Беляева, уже в декабре 1917 года на Поместном Соборе пели многолетие «Богохранимой державе Российской», «христолюбивому воинству», Собору, патриарху, и всем православным, в то время как о правителях даже не упоминали⁴.

Между тем делопроизводство в высшем церковном управлении практически не претерпело никаких изменений. Так, 20 ноября 1917 года Святейший Синод принял около тридцати определений о назначении или повышении пенсий и пособий священникам и членам их семей, причем бумаги содержали текст «предоставить г. министру исповеданий внести на уважение Временного правительства» соответствующее ходатайство⁵. И только на одном из них эти слова были зачеркнуты и сверху карандашом приписано: поручить

¹ Архимандрит Илларион (Троицкий) писал, что на интронизацию в Кремль пустили после долгих мытарств «очень немногих», но это не являлось «враждебным действием нового правительства» в отношении церкви, а «это была просто та тупая бессмыслица, в царстве которой выпало нам испытание жить». См.: Илларион (Троицкий), архимандрит. Восстановление Патриаршества и избрание Всероссийского патриарха // Дело великого строительства церковного. С. 61.

² Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. С. 434, 547.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 471. Л. 2 – 2 об.

⁴ Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000. С. 123. При этом, как писал Тихону в мае 1918 года из Баку архиепископ Кирилл (Смирнов), там в церквях все еще поминали «Благодарное Временное правительство наше». См.: там же. С. 8.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 77, 78, 79, 84–96, 98–101, 103–105, 114, 122, 124–125, 127–128.

«товарищу министра исповеданий возбудить в установленном порядке» необходимое прошение¹. 22 ноября 1917 года Котляревский официально известил Синод об утверждении в августе Временным правительством ряда его определений о перемещении епископов (о переименовании викария Костромской епархии епископа Кинешемского Севастиана (Вести) в епископа Макариево-Унженского с назначением его местопребывания в городе Макарьево и о возвращении преосвященного Никодима (Кроткова), назначенного на кафедру епископа Петровского, викария Черниговской епархии, на кафедру епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. 14 декабря архиереи приняли это к сведению².

Кроме товарища министра исповеданий из сотрудников министерства при Поместном Соборе в Москве работали директор Департамента по делам Православной церкви В.И. Яцкевич, юрисконсульт В.В. Радзимовский и еще около десятка сотрудников. Все они переехали из Петрограда еще в августе в связи с началом соборных заседаний. В столице оставались около 30 сотрудников Департамента по делам Православной церкви, а также Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий, однако работа чиновников была фактически парализована забастовкой госслужащих. В середине декабря Яцкевич посетил столицу, написав перед отъездом записку товарищу министра с просьбой разрешить двухнедельный отпуск в Петроград. Котляревский написал на ней: «разрешается» и поставил свою подпись³. Продолжал подавать признаки жизни и второй департамент министерства – перед Рождеством он принял «в работу» направленный 15 декабря 1917 года Пермским губернским комиссаром образец печати Пермской общины евангелических христиан, «зарегистрированной в установленном порядке»⁴.

¹ Там же. Л. 84. Стоит отметить, что поскольку первую половину ноября Государственное казначейство оставалось под контролем «подпольного» Временного правительства, Котляревский действительно мог «возбудить соответствующее ходатайство».

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 522. Л. 3–4.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 218.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 57. Л. 16. Вместе с тем, римско-католический архиепископ с декабря 1917 года стал направлять извещения о перемещении и назначении ксендзов в органы внутренних дел на имя «Комиссариата Петроградского градоначальства». См.: ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 63. Л. 1а–б.

Более того, в течение ноября–декабря 1917 года оставался открытым вопрос о пополнении штата Министерства исповеданий в соответствии с утвержденным правительством в октябре расписанием. 8 января 1918 года бывшему члену Государственного совета В.И. Карпову выдали удостоверение о том, что он «согласно утвержденному товарищем министра исповеданий журналу» причислен к Департаменту по делам Православной церкви¹. 8 января 1918 года заведующая хозяйственной частью Синодального лазарета Раиса Успенская обратилась к Яцкевичу с прошением принять ее на службу в департамент ввиду отсутствия возможности «по расстроенному здоровью нести тяжелые хозяйственные обязанности»². 23 января 1918 года в департамент попросился некто Д.Ф. Троицкий, получивший предварительно в Учебном комитете Синода удостоверение, что он – кандидат богословия и магистрант Казанской духовной академии выпуска 1915 года³.

Товарищ министра исповеданий контролировал состав командированных в Москву сотрудников учреждений Синода и Департамента по делам Православной церкви. В середине декабря, видимо, ввиду близящейся очередной даты выплаты жалования, он просмотрел и утвердил списки, приписав от себя: «о вновь вызываемых прошу мне докладывать. 15.12.1917»⁴. От Департамента по делам Православной церкви в перечне числилось 12 человек⁵. В датированной тем же 15-м декабря 1917 года записке о возможности начисления суточных отсутствовавшим в Москве большую часть ноября секретарю при директоре Хозяйственного управления Синода К.И. Разумовскому и чиновнику особых поручений при министре исповеданий М.В. Николаеву, Котляревский отметил, что последний «после Октябрьского переворота и заключения А.В. Карташева в Петропавловскую крепость» остался не у дел. Тем не менее, товарищ министра предложил все же выплатить Николаеву деньги, но при этом освободить его от

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 369.

² Там же. Л. 368.

³ Там же. Л. 370–371.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 254.

⁵ Там же. Л. 266.

командировки в Москву «впредь до возвращения А.В. Карташева к власти или до назначения другого министра»¹.

Через месяц, 11 января 1918 года, в Хозяйственное управление Синода направили новый список командированных в Москву сотрудников Департамента по делам Православной церкви. Там значились директор департамента В.И. Яцкевич, юрисконсульт при Министерстве исповеданий В.В. Радзимовский, столоначальник М.П. Никольский, помощники столоначальника П.И. Смоличев и Н.Д. Боголюбов, исполнитель М.И. Шергин, служащая О.О. Положенская, «причисленный к департаменту» Н.А. Соловьев, канцелярский служащий Е.И. Шергина, курьер И.Д. Мазко и секретарь при товарище министра С.Н. Бухаров (всего 11 человек, не считая самого Котляревского). В документе отмечалось, что «к выдаче означенным лицам суточного довольствия за январь месяц препятствий не встречается, за исключением С.Н. Бухарова, ввиду отсутствия из Москвы...»² В другом подобном списке без даты, но, видимо, более позднем, так как вписанная в предыдущем от руки фамилия О.О. Положенской здесь уже напечатана наряду с другими, указано 9 человек (без Мазко и Бухарова). Однако оговаривалось, что директору департамента предоставлялось право дополнительно вызвать в Москву одного штатного чиновника и одну переписчицу³.

В декабре 1917 года Синод принял решение о необходимости перемещения еще части служащих из Петрограда, что требовало их расквартирования и выплаты им «подъемных» и командировочных. 15–18 декабря 1917 года этот вопрос рассматривала консультация при товарище министра исповеданий с приглашением члена Синода Ф.Д. Филоненко, директора Хозяйственного управления А.А. Осецкого и главы синодального Контроля Дьяконова. Собрание пришло к выводу, что приглашение дополнительного числа служащих из столицы крайне затруднительно. Осецкий заявил, что «нет уверенности в том,

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 375–376.

² Там же. Л. 367.

³ Там же. Л. 373.

что можно будет выплатить чиновникам жалование за ноябрь и декабрь месяцы, а тем более за наступающий январь». Указывая на то, что Синод работает в Москве лишь временно, а потом после окончания Собора вернется в столицу, и что «патриарх согласен приезжать на Синодальные сессии в Петроград», собравшиеся предложили вызывать сотрудников Канцелярии Синода в Москву лишь для доклада перед архиереями, и, кроме того, установить «систематические в определенные дни поездки курьеров». Консультация постановила просить Синод отменить свое решение или отложить его «впредь до выяснения после праздников политической обстановки и состояния финансов в духовном ведомстве»¹.

Котляревский занимался главным образом хозяйственными вопросами Синода постольку, поскольку последний все еще оставался правительственным органом, и подведомственные ему учреждения финансировались из государственной казны. 3 декабря 1917 года товарищ министра направил в Синод «предложение» о необходимости срочно занять освободившиеся помещения бывшего прокурора Московской синодальной конторы Ф.П. Степанова в доме упраздненного Крестовоздвиженского монастыря на Воздвиженке «ввиду возможности, по обстоятельствам текущего времени, занятия или реквизиции сего помещения какой-либо организацией или собранием»². 14 декабря Синод постановил разместить там часть своих учреждений и работников, перемещенных в Москву, поручив распределение консультации при министре исповеданий с участием членов Синода Н.А. Любимова, протоиерея А.В. Смирнова и протоиерея Ф.Д. Филоненко³.

При составлении в ноябре 1917 года сметы доходов и расходов специальных средств Синода на 1918 год синодальный Контроль выразил сомнение в возможности включить в нее оплату бывшей Канцелярии обер-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 196 – 197 об.

² Там же. Л. 250 – 250 об.

³ Там же. Л. 247. Разместиться в данных помещениях Синоду так и не удалось. В своем заявлении на имя комиссара имуществ республики от 26 марта 1918 года «исправляющий должность» прокурора Московской синодальной конторы Д.П. Андреев «вследствие распоряжения о выселении из здания Синодальной конторы присутствия, канцелярии и некоторых служащих» просил разрешения занять квартиру бывшего прокурора конторы Ф.П. Степанова в доме духовного ведомства по Воздвиженке № 7, в которой самовольно и бесплатно обустроился зять Степанова барон Шеппинг. См.: ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 79. Л. 20–20 об.

прокурора. 24 ноября он запросил Департамент по делам Православной церкви о том, в каком состоянии находится вопрос о его финансировании¹. В ответ Яцкевич сообщил, что утвержденные Временным правительством 11 октября штаты Министерства исповеданий «не опубликованы» Правительствующим Сенатом, а потому департамент не имеет права на получение кредитов из казны согласно новому расписанию. В связи с этим, по заключению Яцкевича, «впредь до дальнейших преобразований» необходимо придерживаться старого порядка, когда содержание чиновников оплачивается из синодальной сметы².

11 декабря 1917 года Котляревский в соответствии с действующей процедурой направил в Синод «предложение» о необходимости подготовки сметы доходов и расходов специальных синодальных средств на 1918 год. Рассмотрев рекомендации товарища министра, 12–14 декабря 1917 года Синод принял определение, в котором признал невозможным составление бюджета на следующий год «ввиду чрезвычайных обстоятельств переживаемого времени и непрерывного повышения цен на все предметы потребления и рабочие руки, а также вследствие предполагаемых изменений в строе церковной жизни решением Святейшего Собора...» В связи с этим предлагалось производить все текущие отчисления, исходя из сметы на 1917 год, составив дополнительные ведомости по тем затратам, которые появились в течение последних месяцев. Кроме того, Синод постановил «сохранить в смете кредиты по бывшей Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, а ныне Департаменту по делам Православной церкви, для производства расходов по департаменту впредь до открытия кредитов на его содержание из сумм Государственного казначейства». В будущем израсходованные средства подлежали возврату в церковное ведомство³. Таким образом, вопрос о содержании чиновников Министерства исповеданий временно закрывался: церковь взяла на себя содержание «представителей законной

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 357 – 357 об.

² Там же. Л. 358.

³ Там же. Л. 363 – 363 об.

власти»¹. Кроме того, определением от 14 декабря 1917 года № 6376 Синод утвердил установленные ранее денежные выплаты духовенству из казны, а также предусмотрел денежные пособия по закону от 22 октября 1916 года².

Исполняя обязанности обер-прокурора, товарищ министра исповеданий сохранил право назначения секретарей духовных консисторий. 25 ноября 1917 года из Владивостока на имя А.В. Карташева поступила телеграмма от члена местного епископского совета протоиерея Д. Шерстенникова (будущего епископа Иркутского) с просьбой предоставить съезду духовенства право выбора кандидата в секретари консистории. В противном случае Шерстенников просил назначить на эту должность «студента семинарии Корсунского состоящего девятнадцать лет личным секретарем при архиепископе»³. В ответной телеграмме от 12 декабря Яцкевич ответил, что Департамент по делам Православной церкви «согласно приказанию г. товарища министра исповеданий» предоставляет съезду духовенства самим выбрать на пост секретаря духовной консистории «то или иное лицо»⁴.

Вслед за Карташевым, Котляревский старался решение собственно церковных вопросов предоставлять Синоду, что привело к возникновению крупного скандала, затянувшегося на несколько месяцев. 18 ноября 1917 года Синод своим определением постановил поменять местами секретарей Псковской и Екатеринославской духовных консисторий, причем в формулировке приказа оговаривалось, что сделано это на основании «словесного предложения г. товарища министра исповеданий»⁵. Скорее всего, сам Котляревский не имел никакого отношения к предполагаемой перестановке, а его имя использовали в силу необходимости соблюсти процедуру. В постановлении не объяснены и причины, побудившие к его принятию. В архивном деле имеется лишь письмо,

¹ По смете Синода на 1917 года на оплату содержания обер-прокурора, его товарища и чиновников канцелярии предполагалось выделить 87 054 рублей. См.: Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. Пг., 1916. С. 7; РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 761. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 22 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 359–360.

⁴ Там же. Л. 361.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 464. Л. 3.

направленное одному из синодальных архиереев секретарем Псковской духовной консистории В. Филипповским о том, что он «узнал» в октябре, что его екатеринославский коллега П.И. Зорин скоро будет смещен, вследствие чего автор просил назначить себя на освобождающееся место. Филипповский уверял, что в его лице преосвященный Агапит (Вишневский) «найдет верного и преданного сотрудника», а главное – в Екатеринославе «содержание, по сравнению со Псковом, значительно больше, есть казенная квартира..., климатические условия нам, как южанам, более сродни, чем всегда сырой климат Пскова»¹. При этом никаких указаний на какие-либо проступки самого Зорина нет, что подталкивает к выводу о закулисных интригах.

23 ноября 1917 года постановление Синода разослали в епархии, а 7 декабря Зорин направил С.А. Котляревскому пространное послание, где обвинял товарища министра в том, что последний «побил рекорд в области произвола прежних обер-прокуроров». «Незаконно перемещенный» секретарь Екатеринославской духовной консистории направил свой гнев именно на Котляревского как своего непосредственного начальника, говоря: «неужели Вы, делая это свое предложение, ни на минуту не задумались о том, какому страшному наказанию Вы подвергаете меня?» Зорин жаловался, что не прошло и года, как Н.П. Раев разорил его «совершенно бесцельным» переводом из Самары, что средств нет не только на переезд среди зимы в прифронтную территорию, но и на пропитание, а дети больны: «...Почему без моего участия вынесли мне приговор? И это сделали Вы – Член Временного Революционного правительства, того самого Правительства, которое в первых же декретах своих заявило, что отныне никто не может быть подвергнут взысканию без суда! А Вы не предъявили мне даже обвинений для дачи объяснений... Ведь есть министр исповеданий, хоть и арестованный, но не осудивший до ареста меня, как не осудил меня и его предшественник обер-прокурор Львов». Секретарь просил товарища министра «принять меры» к отмене постановления от 18 ноября и направить дело «законным порядком, то есть через министра исповеданий и

¹ Там же. Л. 1 – 2 об.

судебное расследование». В заключение Зорин предположил, что определение спешно принято Синодом по инициативе митрополита Платона – «личного друга и товарища» епископа Екатеринославского Агапита и «осуществляющего все желания последнего с исключительной настойчивостью»¹. Котляревский и Синод отреагировали практически мгновенно. Рассмотрев письмо Зорина, 18 декабря 1917 года синодальные архиереи решили приостановить перемещение до особых распоряжений². Товарищ министра исповеданий тут же составил две телеграммы, одну – епископу Агапиту: «предложите Филипповскому возвратиться Псков. Расходы ему будут возмещены», а вторую – Зорину: «дело о Вашем переводе Псков приостановлено», и внизу подпись: «Котляревский. Москва, Кремль»³. Однако ввиду прекращения связи с южными регионами России сразу отправить телеграммы не удалось, и их получили в Екатеринославе значительно позже. Тем временем, Филипповский уже прибыл на новое место службы, его принял преосвященный Агапит и викарный епископ Евлампий (Краснокутский), которые потребовали от Зорина сдать дела. В защиту пострадавшего выступил Комитет Союза служащих государственных и общественных учреждений Екатеринослава, направивший 22 декабря 1917 года соответствующую телеграмму на имя патриарха Тихона и «профессора Котляревского»⁴. Зорина поддержали и комиссар Временной всеукраинской православной церковной рады К.Г. Хидченко и председатель Екатеринославской губернской рады, правда, по тем соображениям, что епархии объявившей себя независимой Украины более не должны подчиняться распоряжениям русского Синода и патриарха⁵. Филипповский 23 января 1918 года направил в Департамент по делам Православной церкви свой рапорт, полученный в Москве 4 марта (19 февраля), в котором не без гордости доложил, что не подчинился указанию назначенного Временной всеукраинской православной церковной радой комиссара по

¹ Там же. Л. 4 – 6 об.

² Там же. Л. 7. Митрополит Платон находился в это время в Киеве.

³ Там же. Л. 8–9.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 25.

духовным делам Екатеринославской епархии сдать должность предыдущему секретарю. Филипповский жаловался, что Зорин, уже согласившийся на переезд в Псков, когда ему пообещали собрать «подъемных» денег 1000 рублей, 16 января вновь созвал общее собрание служащих консистории и объявил о перемене решения: в результате «все стоит, в бракоразводном столе до 2500 нерешенных дел, ежедневно поступает в среднем до 30 новых»¹.

Только 24 января 1918 года в Екатеринославе получили известие о решении Синода приостановить перемещения секретарей. 26 января П.И. Зорин телеграфировал патриарху Тихону о том, что, несмотря на данное постановление, управляющий епархией «препятствует», а Филипповский «умышленно приехал скоро один без семьи и имущества, ибо был предуведомлен». Зорин просил «допустить его к должности», так как «положение мое отчаянное, голодаю»². 27 января 1918 года он написал уже в Высший Церковный Совет, что Екатеринославская епархия – «вотчина Агапита», и последний по своему усмотрению «ест» секретарей консисторий, а на Котляревского явно было оказано «намеренное давление со стороны». Зорин уповал на министра исповеданий А.В. Карташева, которого, как он узнал, заочно избрали в указанный совет³.

Со своей стороны викарный епископ Евлампий 26 января 1918 года рапортовал в Синод о том, что постановление от 18 декабря они получили два дня назад, Филипповский уже приехал и принял дела, вследствие чего «в интересах правильного и нормального течения жизни в епархиальном управлении дальнейшее пребывание г. Зорина в Екатеринославской консистории признавал бы нежелательным»⁴. 29 января 1918 года Синод все же постановил немедленно допустить П.И. Зорина к исполнению обязанностей, Филипповскому дать отпуск на два месяца, и, кроме того, поручил юрисконсульту Министерства исповеданий В.В. Радзимовскому в скорейший срок представить заключение о растрате сумм Забайкальской духовной консистории, «к которой причастен Василий

¹ Там же. Л. 27.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 12–13.

⁴ Там же. Л. 15 – 15 об.

Филипповский»¹. Далее началась долгая переписка, в которой Агапит обвинял Зорина перед Москвой в проукраинских симпатиях (в то время как сам активно участвовал в организационных мероприятиях церкви новопровозглашенной республики), а два секретаря консистории находились одновременно в Екатеринославе, не имея возможности исполнять служебные обязанности и требуя зарплаты. Данный эпизод поразителен тем, что борьба Филипповского и Зорина происходила на фоне «победоносного шествия советов» по России, и дни консисторий были уже сочтены.

Тем не менее, до февраля 1918 года секретари духовных консисторий продолжали писать свои рапорты на имя уже не существовавшего к тому времени министра исповеданий. Так, 29 января 1918 года из Воронежа исполняющий обязанности секретаря известил о погроме имени гражданина Подлинева в селе Добруни и церкви при нем. Были похищены святыни и церковная утварь, а антиминс принесли в приходской храм². 30 января исполняющий обязанности секретаря Киевской духовной консистории сообщил «господину министру исповеданий» об убийстве «преступниками в солдатских шинелях» митрополита Владимира (Богоявленского)³. 19 (6) февраля 1918 года секретарь Курской духовной консистории Николай Дивногорский направил на имя министра исповеданий рапорт о занятии Курским революционным Советом объединенных рабочих, солдатских и крестьянских депутатов части консисторских помещений для размещения Военного комиссариата. Дивногорский отметил, что данная реквизиция «причинит епархии материальный ущерб и создаст большие неудобства для служащих консистории»⁴.

В Министерство исповеданий продолжали поступать донесения и от епархиальных преосвященных. Так, на основании донесения епископа Псковского Евсевия о том, что Холмская уездная продовольственная управа

¹ Там же. Л. 17.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 168 об, 171.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 35.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 90.

реквизировала у Воронцовского женского монастыря предназначенные для постройки нового храма запасы железа и кирпича, 7 ноября Департамент по делам Православной церкви подготовил обращение в Министерство продовольствия с просьбой об отмене постановления и о возмещении убытков монастырю¹. А в отношении от 22 ноября 1917 года епископ Евсевий докладывал, что в ночь на 2 ноября местные крестьяне и солдаты (около 100 человек) захватили женскую Николаевскую общину Новоржевского уезда, «все имущество описано, лошадей берут неизвестно на что и куда». Настоятельница сумела скрыться, в монастыре оставлен караул из трех крестьян, чтобы оставшиеся сестры ничего не могли сделать. О случившемся духовная консистория также проинформировала 9 ноября Псковского губернского комиссара и прокурора Великолуцкого окружного суда². 24 ноября 1917 года архиепископ Владимирский Сергей сообщил товарищу министра исповеданий о реквизиции Советом солдатских и рабочих депутатов здания образцовой школы при духовной семинарии. Котляревский поставил на документе следующую резолюцию: «министру внутренних дел. 4.12»³.

12 декабря 1917 года архиепископ Тамбовский написал «господину министру исповеданий», что граждане села Соломенки разграбили хлебный запас близлежащей Моршанской женской общины Всемилоственного Спаса, оставив монахиням всего 300 пудов ржи из имевшихся 1160 пудов. Саму общину решили закрыть, предложив сестрам немедленно разъехаться по домам. Те, «боясь личных оскорблений и насилий», покинули обитель, вручив ключи и документы епархиальному начальству. Архиепископ просил «путем сношения с кем следует» защитить общину⁴. В январе 1918 года Министерство исповеданий подготовило проект отношения «военному министру» о необходимости принятия мер к освобождению дома Горовалдайской Свято-Троицкой церкви, занятого в сентябре

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 150.

² Там же. Л. 157 – 158 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 87 – 87 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 14. Л. 156 – 156 об.

3-м Кронштадтским пехотным полком¹. Все это свидетельствует о том, что чиновники рассчитывали на скорое восстановление «законной» власти.

В течение ноября–декабря 1917 года С.А. Котляревский продолжал утверждать перемещения служащих подведомственных Синоду учреждений. Приказом товарища министра исповеданий от 11 декабря 1917 года назначены инспекторами в Витебской духовной семинарии некто Красковский, в Кашинской – Рженик². Интересно, что тот же приказ подтверждал назначение доцентом Петроградской духовной академии гражданина Беляева «по определению Синода с 20 мая 1917 года»³. В этом прослеживалась все та же линия «соблюдения законности», проводившаяся Карташевым, который после своего назначения в августе-сентябре 1917 года «задним числом» провел через Временное правительство определения Синода весны–лета 1917 года. 11 декабря Котляревский от имени министерства попросил епископа Иоасафа (Каллистова) выдать денежное пособие осужденному, а затем «реабилитированному» консисторией священнику Серпуховской церкви Александру Турову и предоставить ему право на получение процента с причтового капитала⁴. При этом в конце 1917 года Котляревский регулярно выступал в общих собраниях Собора по чисто церковным вопросам, например: 8 ноября – о проповедничестве, 24 и 27 ноября по поводу проекта о высшем церковном управлении⁵. Это даже вызвало сарказм протоиерея Ф.Д. Филоненко, заметившего, что «церковный консерватизм» товарища министра противоречит его «кадетству»⁶.

Вместе с тем в конце 1917 года отчетливо проявилось стремление Поместного Собора обособиться в финансовом плане от находившегося в Петрограде Хозяйственного управления Синода. 15 января 1918 года Соборный

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 88.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 96. Л. 8.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II Отд. 3 Стол. Д. 54. Л. 285.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III. Деяния XXXI–XL. С. 137–138; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. Петроград, 1918. С. 134–135; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LI–LXV. С. 70, 81.

⁶ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 31.

Совет постановил открыть «самостоятельное Соборное счетоводство о выяснении подлежащих перечислению Собору кредитов и сумм». А на следующий день Хозяйственно-распорядительное совещание при Совете решило немедленно образовать Соборную кассу и перечислить в нее правительственную ссуду в 2 миллиона рублей¹, все поступающие средства от Центрального свечного комитета и епархиальных свечных заводов, 2% сбор от московских монастырей, заимствования из Московской духовной консистории и от других учреждений и лиц². Впрочем, денег – особенно наличных – Собору все равно не хватало. 2 декабря он постановил установить с 1 января 1918 года сбор в 5 рублей с пуда продаваемых епархиальными заводами свечей. В счет этого Центральному комитету свечных заводов предписывалось выдать Соборному Совету 500 тысяч рублей до конца 1917 года, и еще до 2 миллионов частями – в 1918 году. 11 декабря 1917 года Святейший Синод разослал в епархии соответствующий циркуляр³. На произошедшем 18 января 1918 года собрании настоятелей московских монастырей и церквей, а также церковных старост, генерал Артамонов попросил найти в долг какое-то количество средств для подготовки и открытия второй соборной сессии. Эту сумму Артамонов обещал вернуть из ожидавшихся поступлений от свечных заводов⁴.

Важной вехой в осознании церковью необходимости достижения финансовой самостоятельности стала ревизия членами Поместного Собора синодального Хозяйственного управления в связи с подозрением в неправильном начислении жалования преподавателям духовно-учебных заведений. Это довольно-таки знаковое событие, поскольку таким образом представители Собора получили доступ к финансовому делопроизводству Ведомства православного исповедания, и Хозяйственное управление оказывалось в положении контролируемого Собором органа. 23 октября 1917 года С.А. Котляревский

¹ Ниже указывалось, что этот остаток от полученных в 1917 году из Государственного казначейства равнялся 74 268 руб., а ожидаемое ассигнование составляло 500 000 рублей. См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 29 об.

² Там же. Л. 7 – 7 об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 13. Л. 1–3.

⁴ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 2 от 30 января. С. 6.

разрешил ревизию¹, а 2 ноября Поместный Собор наделил своих представителей полномочиями лично ходатайствовать по вопросу «о скорейшем постановлении и предоставлении необходимых кредитов» в Министерстве финансов, Государственном контроле и Управлении делами Временного правительства².

Ревизия носила осведомительный характер. Ее участники епископ Вятский Никандр (Феноменов), М.А. Семенов, С.М. Раевский, Л.И. Писарев и М.И. Арефьев прибыли в Петроград 23 ноября 1917 года и столкнулись с отсутствием служащих на рабочих местах из-за всеобщей забастовки. Ревизорам пришлось обратиться к Союзу чиновников, и только после этого 24 ноября появилась возможность работы с материалами Хозяйственного управления. Ревизии подверглись как суммы, поступающие из Государственного казначейства, так и собственно церковные капиталы. Выяснилось, что если первые строго учитывались, то размер специальных средств Синода был неизвестен никому. Наличных денег практически не имелось, многие процентные бумаги оказались заложены. Епископ Никандр даже пессимистично заметил, что «Святейший Синод, говоря по-теперешнему, просто есть пролетарий... Церкви грозит крах», хотя по разрозненным описям значилась сумма 46 миллионов рублей³. М.И. Арефьев отметил «небрежное ведение записей» служащими, в результате чего не все поступающие деньги фиксировались. Кроме того, особое возмущение вызвал размер пособий на содержание сотрудников канцелярии: «получается впечатление, как будто у церкви нет никакого другого дела, как оплачивать содержание синодских чиновников», в то время как процентные прибавки служащим духовно-учебных заведений выдавались несвоевременно⁴. По заключению С.М. Раевского, «постановка дела в бухгалтерии Хозяйственного Управления не выдерживает никакой критики. Счета... в одном отделе имеют одни цифры, в другом отделе другие цифры». Некоторые сведения отмечались сотрудниками в «личных памятных книжках», которые не могли рассматриваться

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Деяния XXXI–XL. С. 58.

² Там же. С. 58–59.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. С. 334–335.

⁴ Там же. С. 338.

в качестве официальных финансовых документов. Из сумм страхового капитала в обход закона средства тратились на сторонние нужды, а у Центрального свечного комитета обнаружился зарубежный заем в 800 000 фунтов стерлингов, которые необходимо было вернуть по текущему курсу через год после подписания мирного договора. Учитывая, что российская валюта практически обесценилась, Синод мог оказаться в положении вечного должника. Причиной всех бед Раевский назвал политику руководства Хозяйственного управления, а также прежних обер-прокуроров¹. Неутешительны были представленные сведения о положении дел в редакции «Церковных ведомостей», Издательском и Миссионерских советах. «Так вести хозяйство Русской Церкви в дальнейшее время решительно нельзя», – заключили участники ревизии². И хотя их доклады Поместный Собор просто принял к сведению, изложенная информация не могла не способствовать росту убежденности в необходимости скорейшего формирования новых органов Высшего Церковного Управления. Кроме того, по итогам ревизии 30 ноября Синод заключил, что в делопроизводстве Хозяйственного управления обнаружены «большие упущения..., имевшие своим последствием лишение служащих процентных прибавок за значительное время». Было решено запросить у Хозяйственного управления объяснений и произвести в недельный срок распределение уже отпущенных из Государственного казначейства средств на прибавки служащим в духовно-учебных заведениях»³.

Ввиду предстоящего открытия Учредительного собрания для Поместного Собора представлялось чрезвычайно важным подготовить законопроект о правовом положении церкви в России. Принятие этого документа верховной государственной властью означало бы окончание существования церкви в качестве гражданского ведомства и превращение ее в самостоятельную организацию. 13 ноября члены Собора утвердили первый – главный – пункт составленного соответствующим соборным отделом законопроекта, согласно

¹ Там же. С. 339–340.

² Там же. С. 339–344.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 133 – 133 об.

которому «Православная церковь в России должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения»¹. Тогда же 13 ноября при обсуждении статьи о том, что государство следит за соответствием церкви существующим законам, многие высказались категорически против такой формулировки. По их мнению, это ставило бы церковь в подчиненное положение по отношению к светской власти. Л.К. Артамонов даже назвал эти строки «отрыжкой прежнего отношения к государственной власти»: «еще в Предсоборном Совете прислушивались к тому, что скажет обер-прокурор, потом прислушивались к правительству Керенского. Теперь нет никакого правительства. Теперь мы должны думать только о нашей церкви...»² Но на это С.Н. Булгаков возразил, что тогда надо говорить о полном отделении церкви от государства, а они уже, вроде, решили исходить из «союза». После этого в защиту проекта выступил юрисконсульт Министерства исповеданий В.В. Радзимовский, заверивший присутствующих, что Временное правительство упразднило всевластие обер-прокуроров и «теперь надзор государственный за деятельностью церковных органов ограничен известными рамками, и министр исповеданий уже лишен будет возможности влиять на направление и разрешение церковных дел». Судя по словам Радзимовского, он продолжал находиться в полной уверенности, что сложившаяся к октябрю 1917 года государственная система будет сохранена³.

При обсуждении статьи об обязательной принадлежности к православию главы государства, министра исповеданий и его товарища некоторые ораторы справедливо заметили, что неизвестно, сохранятся ли вообще такие должности в будущем, а Н.Д. Кузнецов назвал требование совершенно беспрецедентным⁴. Интересно последовавшее возражение делегата Н.Н. Фиолетова: «мы имеем в настоящее время закон, изданный правительством революционным, чтобы министр исповеданий был православный. Это действующий закон, и как мы

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. С. 17.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 64–65.

⁴ Там же. С. 71–74.

можем отказываться от этого»¹. После бурных дебатов, пункт сохранили, с дополнением о том, что и министр народного просвещения тоже должен быть православным (поправка А.В. Васильева). Предложенная формулировка «от рождения» не прошла².

2 декабря Собор утвердил окончательный текст документа в виде своего определения о правовом положении церкви в России. Вместо выработанных летом Предсоборным Советом и Синодом 18-ти пунктов этот документ состоял из 25-ти. Церковь именовалась «Православной Российской» (а не «Русской», как ее называло Временное правительство), что свидетельствовало о ее общегосударственном характере. В законопроекте, как и раньше, подчеркивалось первенствующее положение православия, и объявлялось, что во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращалось к религии, преимущественно пользовалась Православная Российская Церковь. В школах, где учились дети православных родителей, преподавание Закона Божия признавалось обязательным. Кроме этого церковь могла открывать и содержать свои собственные школы. Новым в сравнении с теми проектами, которые публиковались до свержения Временного правительства, было введение уголовного наказания за поношение и поругание церкви, а также указания на необходимость обеспечения армейским духовенством военнослужащих³. Таким образом, принятое Собором определение о формуле желательного для церкви положения в государстве не только не говорило ни о каком отделении, но и сохраняло за ней большие привилегии, нежели в предыдущих проектах⁴. Причина такого «консервативного» характера документа объяснялась исследователями по-

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. II. М., 1918. С. 6–8.

⁴ Нереальный характер законопроекта в условиях советской действительности отмечали многие исследователи. См.: Лисавцев Э.И. Критика буржуазных фальсификаций положения религии в СССР. М., 1971. С. 42–53. М.И. Одинцов даже заявил, что принятие государством этого законопроекта привело бы к клерикализации государства и общества, монополии церкви в духовной среде, а соборные требования «неизбежно обрекали церковь на противостояние с государством, обществом, с неправославными религиозными объединениями и гражданами, их поддерживающими». См.: Одинцов М.И. На пути к Поместному Собору (февраль- август 1917 г.) // Религиоведение. 2001. № 2. С. 9–30.

разному. Советский историк В.А. Алексеев считал, что церковь, таким образом, подчеркивала свое непризнание власти СНК и демонстрировала собственную «контрреволюционность»¹. А.Н. Кашеваров обращал внимание на то, что у духовенства еще не было осознания бесповоротности происходящих событий, и, кроме того, речь шла всего лишь о законопроекте, которому предстояло рассмотрение в Учредительном собрании². Об этом действительно прямо говорили члены Поместного собора профессор Ф.И. Мищенко³ и С.Н. Булгаков⁴. К.В. Ковырзин отмечал, что клир и паства психологически не могли принять идею безрелигиозного государства, а соборные делегаты «выступили принципиальными сторонниками союза церкви и государства, рассматривая проблему церковно-государственных отношений как ключевой вопрос государственного строительства в новой России»⁵. Конечно, своего рода «вакуум» власти подтолкнул членов Собора к тому, чтобы включить в постановление те позиции, о которых они не решились бы говорить ранее. Весьма вероятен и расчет на своеобразный торг отдельными пунктами определения в ожидаемом Учредительном собрании. Однако нельзя забывать и о том, что обсуждение проекта проходило, когда созданная в августе 1917 года система церковного управления еще не была разрушена. Существовало Министерство исповеданий с привилегированным положением православия, и чиновники этого министерства активно участвовали в подготовке соборного определения. И на тот момент, за исключением некоторых статей, документ не выглядел совсем уж оторванным от реалий.

Особое внимание в конце ноября–декабре 1917 года Поместный Собор уделил конструированию новой системы высшего церковного управления (далее – ВЦУ). 18 ноября была утверждена его тройственная структура, состоящая из

¹ См. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 26–28.

² Кашеваров А.В. Указ. соч. С. 80–85.

³ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавление. С. 71.

⁴ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавление. С. 37.

⁵ Ковырзин К.В. Поместный собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–96.

патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета¹. В начале декабря Собор принял документы, определявшие полномочия новых органов ВЦУ², но о введении их в действие речи пока не шло. Вместо этого разгорелись дебаты, проводить выборы в Священный Синод и Высший Церковный Совет немедленно или отложить их до окончания Рождественских каникул. Ряд делегатов настаивали на необходимости полностью укомплектовать ВЦУ, опасаясь, что Собор не сможет продолжить свои заседания в 1918 году из-за каких-либо политических или экономических факторов. В частности, делегат Б.А. Бялыницкий-Бируля предложил или срочно избрать Священный Синод и Высший Церковный Совет, или включить в состав действующего Святейшего Синода весь президиум Собора³. Противоположную точку зрения озвучил профессор Ф.И. Мищенко, заявивший, что «Патриарх имеет при себе Св. Синод, с которым он и может пока разделять бремя управления церковными делами». По мнению Мищенко «избрать членов Священного Синода и Церковного Совета теперь же... соединено... с неудобством: членов этих учреждений мы выберем, а к исполнению своих обязанностей они не будут приступать. Фактически будет действовать Св. Синод прежнего состава, ибо иначе мы потеряем кредиты по смете... Святейшего Синода...»⁴

Тем не менее, выборы состоялись. В будущий Священный Синод 7 декабря избрали митрополита Новгородского Арсения, митрополита Харьковского Антония, архиепископа Кишиневского Анастасия, митрополита Владимирского Сергия, архиепископа Волынского Евлогия и митрополита Тифлисского Платона⁵. 8 декабря прошли выборы членов будущего Высшего Церковного Совета. В него, кроме всего прочего, попали протопресвитер Г.И. Шавельский, князь Е.Н. Трубецкой, профессор С.Н. Булгаков и – заочно – министр

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. С. 140–144.

² Определение от 7 декабря 1917 года о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, от 8 декабря – о правах и обязанностях патриарха и о круге дел, подлежащих ведению органов ВЦУ. См.: Собрание определений и постановлений Собора 1917–1918 гг. Вып. 1. М., 1918. С. 4–16.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга V. Деяния LII–LXV. С. 297.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. С. 354.

исповеданий А.В. Карташев¹. Избранные органы в 1917 году к своим обязанностям не приступали. Поместный Собор, Святейший Синод и Министерство исповеданий ожидали Учредительного собрания, чтобы определить свои дальнейшие действия.

Свержение Временного правительства обернулось фактическим развалом бывшей Российской империи: некоторые территории объявили о том, что они не признают СНК и создают собственный аппарат управления. Отсутствие легитимной центральной власти немедленно вызвало обострение центробежных тенденций и внутри церковной организации. Наиболее ярко это проявилось там, где в течение 1917 года разрасталось автокефальное движение: на Кавказе и Украине.

С ситуацией вокруг Грузинской православной церкви дело обстояло несколько проще: ее уже признало Временное правительство, но оставалась проблема разделения церковных учреждений и имущества с русскими приходами. Рассчитывать на поддержку образованного 15 ноября 1917 года в Тифлисе Закавказского комиссариата церковное руководство вряд ли могло: ведь и в предшествовавшем ему ОЗАКОМ имелось сильное «грузинское лобби». Существовала надежда на учрежденную Временным правительством Особую комиссию под председательством барона Б.Э. Нольде, а также нормализацию политической обстановки в связи с Учредительным собранием. Тем не менее, ввиду срочности вопроса в ноябре 1917 года Синод принял несколько определений, направленных на урегулирование ситуации на Кавказе. Часть их касалась судьбы духовно-учебных заведений.

В октябре 1917 года священник В.Н. Егоров доложил Поместному собору, что грузины планировали очистить местные семинарии и духовные училища от этнических русских преподавателей и воспитанников, и для этой цели образовали специальные ячейки, в том числе «в Тифлисской духовной семинарии во главе с ректором протоиереем Кекелидзе, в Горийском духовном училище —

¹ Там же. С. 366, 373.

священником Пхеладзе, в Телавском – Миминашвили, в епархиальном женском училище – Горгадзе и начальницею Тавгеридзе»¹. Егоров подчеркивал, что формально все эти «мятежники» состояли на службе у Святейшего Синода, и, следовательно, получали жалование из казны. Еще 12 октября Синод принял определение № 5587 о «сохранении» Тифлисской духовной семинарии и Тифлисского духовного училища с их зданиями в своем ведении, а об остальных учебных заведениях постановил «иметь суждение особо». Ректор семинарии протоиерей Кекелидзе освобождался от должности, а также объявлялись уволенными все преподаватели, не желающие подчиняться власти российского Кавказского экзархата. Хозяйственному управлению Синода поручалось все кредиты по семинарии адресовать исключительно ее русской администрации, а не ректору². Вернувшись в ноябре к этому вопросу, Синод вновь констатировал, что Тифлисская семинария и духовное училище «как построенные на русские деньги» должны остаться в экзархате. Определение № 5748 от 7 ноября объявляло об увольнении ряда служащих в этих заведениях «как вышедших самовольно из подчинения установленной Высшей духовной власти»: преподавателей семинарии Вартагава, Гамзардия, Бериева и Барнова, преподавателей духовного училища Натроева и священника Горгадзе». Кроме того, Синод постановил «назначенного же католикосом грузинским на должность смотрителя того же училища архимандрита Иоанна не считать состоящим в этой должности»³. Важно отметить, что 22 ноября 1917 года товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский подтвердил данное определение своим приказом, санкционировав его со стороны законной государственной власти⁴.

Следующим постановлением № 5897 от 10–13 ноября 1917 года Синод частично попытался решить имущественный вопрос. Во-первых, архиереи закрепили, что отныне кафедральным собором русского экзарха в Тифлисе будет

¹ Егоров В.Н., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., 1917. С. 31

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 172. Л. 65 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 96. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 7.

военный Александро-Невский собор, причту которого надлежало с этого момента выплачивать повышенное содержание вместо причта занятого грузинами Сионского собора. Во-вторых, Синод постановил новое здание Тифлисской духовной семинарии и Тифлисское духовное училище «считать своими», а другие 5 духовных училищ (Горийское, Телавское, Озургетское, Мингрельское и Кутаисское) предоставить католикосу. При этом синодальному Хозяйственному управлению поручили обеспечить зарплатами русских преподавателей, работающих в отходящих католикосату учебных заведениях со скорейшим переводом персонала в подведомственные Синоду учреждения. Вызывавшие ранее столько споров экзарший дом и канцелярию с квартирами служащих, Грузино-Имеретинскую синодальную контору, старое здание Тифлисского духовного училища и свечной завод решили передать грузинам, но за это попросить «откуп», который использовать на аренду помещения для «учрежденной Временным правительством 6 октября 1917 года» новой Кавказской синодальной конторы. Постановили также задним числом уволить тех членов конторы, которые «не исполняли практически своих обязанностей»: епископа Горийского Антония (Гиоргадзе), архимандрита Назария и протоиерея Марка Ткемаладзе, а также бывшего ректора Тифлисской духовной семинарии протоиерея Корнелия Кекелидзе. Кроме того, Синод поручил профессору В.Н. Бенешевичу произвести распределение монастырей и приходов на Кавказе на основании «происходившей под его руководством согласительной комиссии» и сообщить о результатах в Особую комиссию Б.Э. Нольде в виде синодального «пожелания»¹. 13 декабря 1917 года Котляревский направил на бланке «товарища министра исповеданий» письмо профессору Бенешевичу с уведомлением о поручении Синода и просил передать готовые материалы ему для дальнейшей пересылки барону Нольде².

23 ноября митрополит Платон представил на рассмотрение Синода список дополнительных срочных мер. Экзарх предлагал немедленно пересмотреть

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 58 – 59 об.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 362 – 362 об.

имеющуюся смету Грузинского казначейства на 1917 год, исключить из нее средства, идущие на финансирование Грузинской церкви, и в дальнейшем направлять суммы на имя русской Кавказской синодальной конторы. При составлении сметы на 1918 год Платон рекомендовал руководствоваться списком церквей и монастырей, составленным комиссией Бенешевича. Митрополит настаивал на том, чтобы срочно послать телеграмму Тифлисской казенной палате с распоряжением выдавать деньги по синодальной смете только лицам, указанным лично экзархом. В связи с переездом Синодальной конторы Платон просил Хозяйственное управление выдать аванс на аренду нового помещения, а также разрешить забрать с собой все канцелярские принадлежности и мебель. Синод утвердил данные предложения определением № 5973 от 24 ноября 1917 года¹.

23 ноября Синод также обратился к судьбе «Положения об устройстве Русской православной церкви на Кавказе», утвержденного Временным правительством 6 октября 1917 года, но так и не опубликованного Сенатом из-за Октябрьского переворота². Оставляя без внимания вопрос о том, можно ли считать «Положение» вступившим в законную силу или нет, Синод постановил напечатать текст указа Временного правительства в своем официальном журнале «Церковные ведомости»³, что и было сделано⁴. Таким образом, закреплялось, что присутствие русских духовных учреждений и приходов на Кавказе санкционировано верховной властью.

О том, насколько руководство церкви продолжало жить дооктябрьскими реалиями, свидетельствует следующий инцидент. 23 декабря 1917 года Соборный Совет направил в Департамент по делам Православной церкви запрос об итогах своего протеста от 21 октября по поводу необходимости включения в состав Особой комиссии по разделению церковных имуществ на Кавказе под руководством Б.Э. Нольде представителя Российской церкви. Совет

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 173. Л. 45-47

² См. копию данного постановления Временного правительства: там же. Л. 30 – 30 об.

³ Там же. Л. 37 – 38 об.

⁴ Церковные ведомости. 1917. № 48–49. С. 432.

интересовался, «было ли сделано с Временным правительством сношение по означенному делу, и, если было, какой ответ получен от него»¹. Документ поступил в Департамент 9 января 1918 года, на нем кто-то приписал карандашом: «15/1 Прошу срочно переговорить»². Однако, кто и с кем должен был связаться, остается загадкой.

О судьбе комиссии Б.Э. Нольде после Октября практически ничего не известно. 15 декабря 1917 года товарищ министра исповеданий Котляревский, оправдывая длительное отсутствие чиновника особых поручений М.В. Николаева в Москве, отмечал, что у последнего «были работы в Комиссии по разграничению интересов Русской и Грузинской церквей, в которой он состоит делопроизводителем»³. Но сам Котляревский находился с конца октября 1917 года в Москве, и не ясно, общался ли он с бароном Нольде по этому поводу или нет. Нольде состоял в то же время членом другой комиссии – Всероссийской по делам выборов в Учредительное собрание. 23 ноября ввиду отказа сотрудничать с СНК его в числе других арестовали, 27 ноября по предписанию Ленина отпустили, а декретом от 29 ноября уволили от участия в комиссии⁴.

29 декабря 1917 года патриарх Тихон подписал послание, осуждавшее грузинских епископов-«автономистов». В частности, он призвал их «подчиниться требованию церковных правил и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийский Священный Собор и, сознавая свои заблуждения, предать свои вождедения об автокефальном устройении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского Собора...» Патриарх обвинил епископов также в том, что они, «исхлопотав» у Временного правительства постановление о признании автокефалии, не исполнили даже его, поскольку оно предписывало решить вопросы размежевания «в духе церковного мира и любви», а не полного разрыва

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 47. Л. 62 – 62 об.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 375 – 375 об.

⁴ Декреты Советской власти. С. 167–168.

отношений¹. Обращение долго не могли доставить адресатам², а 10 июня 1918 года католикос-патриарх Кирион (Садзаглишвили) погиб при невыясненных обстоятельствах. После него пост католикоса занял митрополит Леонид (Окропиридзе), который 5 августа 1919 года ответил в своем послании Тихону, что упразднение Грузинской автокефалии в XIX столетии было совершено насилием светской царской власти, противно канонам, и отказался пересмотреть решения Мцхетского собора. Примечательно, что Леонид упомянул и обер-прокурора А.В. Карташева, который обещал, что грузины будут приглашены на Поместный Собор «как были позваны представители Церквей Константинопольской, Элладской, Сербской и др.», то есть от самостоятельной (поместной) церкви. Но такого приглашения в Тифлисе не получали, что, по заявлению Леонида, означало, что их на Собор «никто не звал»³. В действительности в Положении о созыве Поместного Собора указывалось, что Гурийско-мингрельская, Имеретинская и Сухумская епархии избирают по три представителя на Собор, а их епископы автоматически являются его членами⁴. То есть Леонид и другие архиереи все же были приглашены на Собор, но не как представители Грузинской церкви, а как русские епископы.

Проживавшее в Грузии русское духовенство некоторое время еще пыталось сохранить свои позиции. Так, 3 января 1918 года члены Поместного Собора А.П. Разумовский, А.Г. Ногатырев и И.А. Виноградов из Тифлиса телеграммой просили у патриарха срочно направить на Кавказ экзарха Платона и помочь в противодействии переносу его кафедры за пределы католикосата⁵. Однако в обстановке начавшейся Гражданской войны русским иерархам стало практически

¹ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 71–75; Церковные ведомости. 1918. № 3–4 от 31 января. С. 13–18.

² Как сообщил протоиерей Голубцов, послание сначала просто опустили в Москве в почтовый ящик, и оно потерялось. См.: Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на Всероссийский Церковный собор. Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.) // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918 гг.). М., 1995. С. 193. А 11 мая 1918 года митрополит Кирилл (Смирнов) просил прислать ему в Баку еще один экземпляр послания, так как курьер, везший оригинальный документ, «ограблен чеченцами догола». См.: Письма священномучеников – архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси. / Публ. прот. В. Воробьева // Богословский сборник. Вып. VI. М., 2000. С. 10.

³ Цит. по Скурат К.Е. История поместных православных церквей. В двух томах. Т. 1. М., 1994. С. 60.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I. Вып. 1. С. 18.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 160. Л. 10.

невозможно отстаивать свои позиции на Кавказе. И хотя сами грузины страдали от отсутствия признания их церкви со стороны других автокефальных церквей, они отказывались от диалога с русским патриархом и не пустили в Грузию назначенного туда экзархом митрополита Кирилла (Смирнова). Произошел разрыв молитвенно-канонического общения между Русской и Грузинской церквями более чем на 25 лет¹.

В Украине 7 ноября 1917 года Центральная рада издала III Универсал, объявивший о создании Украинской Народной Республики (УНР) в составе федеративного Российского государства. При этом республика не отказалась от проведения выборов в Учредительное собрание, которые состоялись 12 ноября 1917 года. Товарищ генерального секретаря И.И. Красковский разослал в начале ноября циркуляр губернским комиссарам Временного правительства о том, что отныне они именуется комиссарами Генерального секретариата Украинской Народной Республики².

Торжественное провозглашение III Универсала состоялось на Софийской площади в Киеве 8 ноября 1917 года. Церемония включала парад войсковых частей, который принимал глава Рады М.С. Грушевский, а также торжественный выход из Софийского собора духовенства с участием «всех епископов». После прочтения текста Универсала на площади совершили молебен, провозглашавший «многолетие великой державе Российской и боголюбивой Украине, Центральной раде и Генеральному секретариату»³.

Отношение Украинского правительства к Православной церкви и ее возможной роли в построении национального государства было неоднозначным. Сторонником скорейшего создания в Украине государственного органа,

¹ Только в 1943 году патриарх Сергей (Страгородский) и Священный Синод признали молитвенное и евхаристическое общение между обеими автокефальными церквями восстановленным и попросили грузинского католика принять православные русские приходы, находящиеся в Грузинской и Армянской ССР, в «свое архипастырское окормление», разрешив им сохранять порядки и обычаи Русской церкви. См.: Журнал Московской патриархии. 1944. № 3. С. 6–11.

² Киевская мысль. 1917. 12 ноября (утренний выпуск). С. 2.

³ Торжество оглашения универсала // Киевская мысль. 1917. 10 ноября (утренний выпуск). С. 1. Кто эти «все епископы» – неизвестно. Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) находился в это время в Москве на Поместном Соборе.

ведущего церковными делами (наподобие Министерства исповеданий Временного правительства), являлся генеральный писарь Генерального секретариата социалист-федералист А.И. Лотоцкий. Уже 15 ноября 1917 года украинское правительство поручило ему подготовить законопроект об учреждении подобного «Управления по делам веры». Однако когда 29 ноября Лотоцкий на заседании Генерального секретариата попытался убедить других министров в необходимости учреждения «Управления» и отмежевания, таким образом, от Российской церкви и московского патриарха, большинство членов правительства выступили против. М.Г. Рафес озвучил общее настроение, заявив, что церковь будет отделена от государства, и Генеральный секретариат не должен заниматься ее вопросами. А Е. Неронович выразился еще резче: «Пусть сначала духовенство сорганизуется и покажет свое обличие. Не секрет, что духовенство на Украине издавна и до сего дня целиком и полностью реакционно. Оно хочет теперь создать при Генеральном секретариате свой орган для того, чтобы получить крепкую опору на тот случай, если возникнет вопрос об отделении церкви от государства»¹. В итоге Департамент исповеданий при Генеральном секретариате внутренних дел Украины появился только в марте 1918 года². Тем не менее, Рада все же решила установить свой контроль за духовно-учебными заведениями: 5 декабря 1917 года она постановила передать Секретариату образования надзор за преподаванием общеобразовательных предметов в школах духовного ведомства, включая утверждение учебных планов и программ³.

На местах имели случаи прямого обращения органов государственной власти за поддержкой к православному духовенству. Временно управляющий Подольской епархией епископ Балтский Пимен (Пегов) доложил в Синод, что 14 ноября местный Губернский комиссар обратился к нему с предложением сделать распоряжение об оглашении в церквях, школах и других церковных учреждениях епархии III Универсала, а также об обязательном поминании при службах

¹ Цит. по: Дорошенко Д.І. Історія України. 1917–1923 рр. Т. 1. С. 410–411.

² Ульяновский Василь. Церква в Українській Державі. 1917-1920 рр. (доба Української Центральної Ради). Київ, Либідь. 1997. С. 54.

³ Там же. С. 46.

Центральной рады и Генерального секретариата. Многолетие предлагалось формулировать так: «Великому Господину нашему Святейшему Тихону, патриарху Московскому и всея России, преосвященнейшему Митрофану, епископу Подольскому и Брацлавскому¹, Богохранимой Державе Российской, Украине, правителям и воинству их и всем православным христианам». Губернский комиссар указывал, что Центральная рада и Генеральный секретариат существуют с согласия и утверждения бывшего Временного правительства (в отличие от Совнаркома) и что «в настоящее время развала и разрухи в Российском государстве» провозглашение Украинской Народной Республики является единственным выходом. Комиссар даже попросил духовенство разъяснять населению значение Универсала².

По сообщению газеты «Киевская мысль», предложение об организации всенародного моления по случаю провозглашения III Универсала получил от местного губернского комиссара и управляющий Волынской епархией епископ Фаддей (Успенский). В ответ преосвященный заявил, что считает объявление Украинской республики предрешением полномочий Учредительного собрания «единой, доселе бывшей неделимой России», а потому не находит для себя возможным участвовать во всенародном молении. Вместе с тем, Фаддей сообщил, что «так как народ и духовенство в своей, быть может, и не малой части держаться иных взглядов на данный вопрос, а... получить в скором времени указания... от Св. Синода является теперь невозможным», то предоставляет духовенству самому решать по своей совести и убеждению, участвовать в молении или нет. Примечательно, что Волынский губернский комиссар не преминул переправить данный ответ епископа в Генеральный секретариат³. О том, в какой неоднозначной ситуации оказались церковные учреждения в Украине, свидетельствует письмо ректора Киевской духовной академии епископа Василия (Богдашевского) в Петроград профессору Н.Н. Глубоковскому,

¹ Епископ Митрофан (Афонский).

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 Отд. 5 Стол. Д. 499. Л. 4 – 4 об.

³ Епископ Фаддей и универсал рады // Киевская мысль. 1917. 3 декабря (утренний выпуск). С. 2.

датированное 19 января 1918 года. Так, Василий писал, что академия испытывает крайнюю нужду в финансировании, но не может обратиться за этим к патриарху, так как «теперь у нас существует свое правительство – Центральная Украинская Рада». Учебное заведение представило туда свою смету на 1918 год, но в ответ последовало только устное обещание поддержки. В то же время для получения разрешения заложить принадлежащий академии дом ректор телеграфировал в Москву патриарху Тихону¹.

В то время как социалистическое правительство в Киеве смотрело на религию без всякого энтузиазма, лозунги о церковной независимости нашли живой отклик в солдатской среде. 9 ноября 1917 года III Украинский войсковой съезд принял резолюцию об автокефалии Украинской церкви, ее неподконтрольности государственным органам и украинизации богослужения. Съезд сформировал Комитет по созыву Всеукраинского церковного собора в составе 30 человек из военных и духовенства, возглавляемый бывшим Владимирским архиепископом Алексием (Дородницыным)². Комитет вступил во взаимодействие с избранной на прошедшем в августе 1917 года Киевском епархиальном съезде «Предсоборной комиссией» и 23 ноября 1917 года на их совместном заседании в Киево-Печерской Лавре создали Временную всеукраинскую православную церковную раду (ВВПЦР). В ее состав вошли архиепископ Алексей (Дородницын) в качестве почетного председателя, священник Александр Маричев (председатель), полковник В. Цивчинский (заместитель председателя), священники В. Липковский, Ф. Поспеловский, Н. Шараевский, П. Тарнавский и другие. ВВПЦР объявила своей целью организацию Украинского Церковного Собора в Киеве 28 декабря 1917 года. Почти открыто проповедуя необходимость провозглашения церковной автокефалии, Рада

¹ Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а так же в секретных документах руководителей советского государства 1888 – 1932. СПб., 1994. С. 208.

² Как писал митрополит Феодосий (Процюк), «сепаратисты, хорошо зная Дородницына, разумеется, не могли ему верить ни в чем, однако, не имея среди своих единомышленников ни одного епископа, они решили взять к себе Дородницына хотя бы на время». См.: Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной церкви на Украине (1917 – 1943). М., 2004. С. 33.

выпустила воззвание к духовенству, призывавшее не помянуть в богослужениях Московского патриарха – «нового самодержца», через которого «россияне» стремятся ввергнуть украинский народ в новую «духовную неволю»¹. По сообщению газет, кроме организации Собора Церковная рада занялась переводом церковных книг на украинский язык и «работой над возрождением украинских церковных традиций». Впрочем, «Киевская мысль» добавила, что вопрос об отделении церкви от государства будет решаться или на декабрьском Соборе, или на Украинском Учредительном собрании².

ВВПЦР тут же заявила о своих правах на управление церковными учреждениями в Украине, вступив в конфликт с действующей духовной властью. Находящемуся в Москве митрополиту Киевскому Владимиру сторонники автокефалии сообщили через открытое письмо в газете «Новая Рада», что благодарны за его предыдущую службу «помазаннику и Синоду», но решительно просят не возвращаться в «их столицу» Киев, где он только «портит всякие хорошие дела»³. А 26 ноября архиепископ Алексей потребовал у правления Киевского епархиального свечного завода 20 000 рублей на созыв Всеукраинского Собора⁴. Однако правление предпочло сначала обратиться за разрешением к управляющему Киевской епархией епископу Чигиринскому Никодиму (Кроткову)⁵.

Рада стала назначать своих комиссаров в духовные консистории: Павла Пашевского в Киев, прапорщика Голика в Чернигов и поручика Адриенка в Полтаву⁶. 8 декабря 1917 года архиепископ Назарий писал из Одессы, что к ним также явился «украинский комиссар» и объявил себя начальником духовной консистории вместо законного секретаря Чистякова. «Секретарь, видя такой тон, ответил тем же», после чего ВВПЦР постановила уволить Чистякова. Тогда члены

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 Отд. 5 Стол. Д. 499. Л. 2.

² Киевская мысль. 1917. 18 ноября. С. 2.

³ Нова Рада. 1917. 23 ноября.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 48-48 об.

⁶ Ульяновский Василь. Указ. соч. С. 139–142.

консистории отправились к архиепископу Алексею (Дородницину) и пригрозили массовым уходом. Тот попросил служащих подождать его решения до 14 декабря¹.

4 декабря управляющий Екатеринославской епархией епископ Павлодарский Евлампий (Краснокутский) направил в Москву телеграмму о том, что к ним приехал назначенный ВВПЦР комиссар «с широкими полномочиями», предоставивший удостоверение, подписанное главой Рады архиепископом Алексием. Комиссар заявил о немедленном вступлении в исполнение своих обязанностей с правом контроля всех распоряжений епархиального начальства, потребовал отмены поминовения патриарха, рассылки своих воззваний об автокефальном управлении церковью, а также распоряжения о производстве выборов по епархии на Украинский Собор. Евлампий запрашивал срочных указаний². Впрочем, вскоре в Екатеринославе образовалась местная Временная церковная рада, заседания которой проходили под председательством самого епископа Евлампия³. В качестве «комиссара по духовным делам на Екатеринославщине» источники называют две фамилии: В.А Беднова и К.Г. Хидченко, причем оба пытались давать указания духовной консистории. Беднов написал 4 января 1918 года в консисторию, что «перемога красної гвардії в Катеринославі завсім не значить, що консисторія не повинна підлягати Правительству Української Народної Республіки»⁴. А на заседании Временной Екатеринославской церковной рады 9 января комиссар ВВПЦР заявил, что с момента провозглашения Украинской Народной Республики распоряжения российского Синода на ее территории необязательны⁵.

Нужно отметить, что появление и действия Церковной рады многими были встречены негативно. Главы украинских епархий в основной массе не признали ВВПЦР и заявили о своей верности российскому Святейшему Синоду.

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 59–59 об.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 229.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 464. Л. 25 – 26 об.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 25, 40.

Собравшийся в противовес Раде Союз приходских советов церковей города Киева 24 ноября обратился с приветствием к патриарху и просил его не допустить созыва Всеукраинского Церковного Собора 28 декабря 1917 года¹.

Тревожная обстановка в Украине не осталась незамеченной на Поместном Соборе. 20 ноября 1917 года архиепископ Волынский Евлогий выразил мнение избранных из украинских епархий делегатов, попросив благословить созыв в Киеве «Украинского областного Собора», с помощью которого предполагалось нормализовать ситуацию. Поместный Собор незамедлительно утвердил это решение². А 23 ноября Соборный Совет по заявлению 42 членов во главе с тем же архиепископом Евлогием постановил просить Собор срочно направить на Украину соборную делегацию. Поскольку митрополит Владимир (Богоявленский) собирался отбыть в Киев 24 ноября, предлагалось, чтобы посланцы Собора отправились сразу после него или даже вместе с ним³. 24 ноября Святейший Синод определением № 5972 постановил командировать в Киев митрополита Платона «для устройства местной церковной жизни»⁴. Собор также включил в состав делегации С.А. Котляревского, Г.Н. Трубецкого, И.О. Ботвиновского, К.К. Мировича и М.А. Касьянова. В качестве наказа посланцам поручили озвучить следующую формулу: «Всероссийский Церковный Собор, высоко ценя сыновнюю верность не только вселенскому, но и местному преданию, приглашает Украинскую митрополию выяснить свои местные нужды касательно устройства церковного быта. Вместе с тем он выражает надежду, что приверженность местному преданию не побудит сынов земли украинской отступить от предания всей Российской Церкви и тем нарушить единство любви церковной»⁵. Котляревский отправился в Киев как рядовой член Поместного Собора, а не как товарищ министра исповеданий. Однако его статус явно учитывался: 26 ноября Собор обратился к коменданту станции Москва Московско-Киевско-

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 28 – 28 об.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. С. 32–33, 35.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 5 об.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 Отд. 5 Стол. Д. 499. Л. 3.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. С. 180–181.

Воронежской железной дороги с просьбой предоставить в вечернем киевском поезде 27 ноября три малых отделения I класса, одно – для митрополита Владимира с сопровождающим, второе – для митрополита Платона с сопровождающим, а третье – для Котляревского и князя Г.Н. Трубецкого. Остальным членам делегации заказали места II класса¹. По поводу ситуации в Украине Котляревский заметил 24 ноября, что церковное движение там бесспорно тесно связано «с известными политическими условиями, и странно было бы, если бы эти условия не сказались на церковной жизни»².

ВВПЦР понимала уязвимость своего положения с точки зрения канонов. Поэтому, несмотря на всю антироссийскую риторику, она направила своих делегатов – священника Александра Маричева и прапорщика Т.Н. Голика – в Москву³. Они приехали сразу после отбытия соборной делегации в Киев и 28 ноября попросили патриарха разрешить им выступить на Поместном Соборе с внеочередным заявлением «о положении Православной Церкви в Украинской Республике и о созыве Всеукраинского Церковного Поместного Собора»⁴. Вместо этого 28 ноября Маричева и Голика принял только возглавляемый патриархом Соборный Совет, сообщивший, что он благословляет украинцев на созыв в декабре в Киеве церковного собора «на канонических основаниях»: с участием епархиальных преосвященных и особенно «предстоятеля Киевской церкви» – местного митрополита. Члены Соборного Совета подчеркнули, что конкретные решения будут приниматься Собором только после возвращения делегации митрополита Платона. Вместе с тем, патриарх как председатель Собора заверил украинцев, что «высшая церковная власть в России никогда не пойдет против справедливых требований православных жителей Украины». Далее, «благословив

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 11.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV. Деяния XLI–LI. С. 175.

³ Их удостоверения, подписанные 24 ноября 1917 года архиепископом Алексием (Дороднициным) хранятся в ГАРФе: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 19.

представителей Церковной рады, Св. Патриарх отпустил их с миром возвращаться домой»¹.

Тем временем делегаты Собора в Киеве провели несколько встреч с местными пастырями, представителями ВВПЦР и приходских советов. Вернувшись, посланцы подтвердили, что движение к украинизации действительно сильное, но «в политическом смысле»: все говорят о «федерализации». А лозунги о церковной автокефалии, по их мнению, выдвигаются и активно используются теми, кому они выгодны в личных корыстных целях: намекали, прежде всего, на архиепископа Алексия (Дородницына) и его сторонников. Участники делегации призвали Собор и патриарха к широкой автономии Украинской церкви, но высказались категорически против допущения автокефалии².

По решению Поместного Собора 11 декабря 1917 года Святейший Синод постановил возложить на митрополита Платона обязанность представителя патриарха на предстоящем Украинском соборе и снова командировать архиерея в Киев. Всем епархиальным преосвященным в Украине предписывалось согласовывать с митрополитом свои распоряжения, касающиеся созыва Украинского Собора, а также «вообще церковного движения на Украине». Кроме того, Синод поручил Платону вызвать в Москву для личных объяснений «самочинно принявшего на себя руководство церковным украинским движением архиепископа бывшего Владимирского Алексия». В случае его неподчинения вызову было решено запретить архиерея в священнослужении³.

Архиепископ Алексей уклонился от поездки в Москву. Митрополиту Платону он сначала заявил, что ждет личной телеграммы от патриарха. Получив ее, Алексей сообщил, что все билеты из Киева в Москву якобы распроданы до 30

¹ Там же. Л. 13 – 13 об.

² Там же. Л. 45. Член ВВПЦР председатель Киевского религиозно-философского общества В.В. Зеньковский вспоминал, что, как ему показалось, и Трубецкой, и Котляревский «уехали недовольные нами (то есть русской церковной интеллигенцией) за то, что мы как бы слишком быстро сдаемся на неправильные требования украинцев». См.: Зеньковский Василий, протопресвитер. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.) Воспоминания. М., 1995. С. 40.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 51-51 об.

января 1918 года. Когда же Платон взялся самолично организовать для архиепископа приобретение билетов на 25 декабря, тот прислал медицинское свидетельство о «сильном нервном расстройстве». Собравшись 4 января 1918 года в Михайловском монастыре, митрополиты Владимир, Платон и Антоний (Храповицкий), а также епископ Черниговский Пахомий подписали акт о запрещении Алексия в богослужении. Этого документа архиепископ не принял¹.

В Киеве митрополит Платон оказался вынужден вступить в противостояние с ВВПЦР, настаивавшей на удалении из города митрополита Владимира и стремившейся организовать такой состав Собора, который бы обеспечил провозглашение автокефалии². В середине декабря 1917 года члены Рады даже посетили митрополита и потребовали «оставить Киев как лицо, не подходящее для Киева». Владыка попросил их подать письменное заявление, о котором проинформировал общественность через газету «Киевлянин»³. Имели место и прямые столкновения Платона с ВВПЦР, например, когда она объявила, что митрополит получит на Соборе только статус наблюдателя, а также решила пригласить туда представителя Грузинской православной церкви. После выставленного Платоном ультиматума ВВПЦР пошла на попятную⁴.

Нельзя не признать, что митрополит Платон оказался подходящей кандидатурой для возложенного на него поручения, так как уже имел богатый опыт общения с «автокефалистами» у себя в Грузинском экзархате весной 1917 года. Подспорьем Платону было и то, что Украинское правительство в тот момент не поддерживало Церковную раду и вообще старалось отмежеваться от церковных проблем. Когда во время одного из собраний епископов и членов Киевской духовной консистории в ее помещения ворвался представитель ВВПЦР полковник Цивчинский, грубо потребовавший закрыть собрание, Платон

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. Москва, 1999. С. 20–21.

² Об обстановке в церковной жизни в Киеве в декабре 1917 года см. также: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Церковный Собор (1917 – 1918) // Дело великого строительства церковного. С. 566–569.

³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. С. 22.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 74.

пригрозил составить о его действиях протокол и передать в суд. Цивчинский тут же стушевался и удалился¹. Кроме того, митрополит пытался найти опору и в местных «либеральных» кругах: В.В. Зеньковский вспоминал о его неожиданном посещении некоего собрания «ответственных политических и общественных деятелей», среди которых назывались фамилии киевских кадетов Н.П. Василенко и Д.Н. Григоровича-Барского².

Главным аргументом сторонников автокефалии являлось то, что их поддерживает «вояцество»³. Именно поэтому ВВПЦР стремилась обеспечить участие максимального числа военных в составе предстоящего Собора. Она предлагала схему, по которой каждый уезд посылал одного священника, одного псаломщика и трех мирян, монастыри и духовно-учебные заведения также направляли по одному представителю, но, кроме этого, на Собор избирали по одному делегату от каждого войскового корпуса и по четыре от каждого войскового округа. Комментируя это предложение, газета «Киевлянин» язвительно заметила: «вызывает вопрос, какой это будет собор – войсковой или церковный»⁴. Кроме этого, ВВПЦР попыталась найти поддержку у гражданских властей. В декабре 1917 года ее делегация даже добилась приема у председателя Центральной рады Грушевского, но его ответ оказался категоричным: «Обойдемся без попов»⁵.

Вместе с тем, идея необходимости осуществления церковной автокефалии как одного из условий национального суверенитета нашла своих сторонников в Генеральном секретарстве внутренних дел Украины. В декабре 1917 года ведомство направило в Генеральный секретариат предложение о создании в рамках своей структуры департамента духовных дел, а также назначило в ВВПЦР своего комиссара А.М. Карпинского. Тот взялся за дело с энтузиазмом: уже 13

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. С. 22.

² Зеньковский Василий, протопресвитер. Указ. соч. С. 41.

³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. С. 22–23.

⁴ Украинский церковный собор // Киевлянин. 1917. 31 декабря.

⁵ Ульяновский Василь. Указ. соч. С. 40.

декабря направил киевскому епископату циркуляр, предписывавший прекратить поминание в богослужениях российской власти и российского войска. В документе говорилось, что Секретарство не намерено вмешиваться во внутрицерковные дела, но духовенство не должно идти против интересов страны, на территории которой оно находится. Киевская духовная консистория рассмотрела циркуляр 2 января 1918 года и постановила передать его на рассмотрение Всеукраинского Церковного Собора¹. В другом декабрьском циркуляре, разосланном всем епархиальным архиереям Украины, Карпинский потребовал организовать оглашение во всех православных церквях III Универсала, что также решили оставить до Собора. 27 декабря 1917 года Карпинский издал распоряжение, чтобы все сношения с московским патриархом и в целом с Православной Российской Церковью осуществлялись исключительно при его посредничестве, но и это указание проигнорировали². Историк В. Ульяновский пишет, что целью комиссара было не столько организовать и поддержать украинское духовенство, сколько расколоть единую Православную Российскую Церковь, которая «символизировала и придавала единство» бывшей империи. Желание отколоться от Москвы в церковном плане определялось не религиозными, а исключительно политическими мотивами³. 2 января 1918 года Секретарство внутренних дел официально проинформировало Платона, что его деятельность в качестве представителя московского патриарха сопровождается «всякими недоразумениями, нежелательными для государственности Украины». Секретарство потребовало от митрополита «не разрушать нормального течения государственной жизни на территории Украинской Народной Республики»⁴.

Всеукраинский Поместный Собор открылся в Софийском соборе в Киеве 7 января 1918 года – несколько позже ранее установленного срока⁵. Об этом Платон проинформировал патриарха специальной телеграммой, отметив, что Собор

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 44.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 251. Л. 70.

⁵ Утро России. 1918. 11 января.

возглавляется двенадцатью епископами, что было немаловажно для его настроения и каноничности¹. На открытии митрополит Платон выступил с пространной речью. Там же выступил и комиссар Карпинский, который в декларации от имени Генерального секретариата заявил о недопустимости «московской гвардии» в Украинской церкви. По заявлению комиссара, у Собора только один путь – «дать украинской церкви автокефальность» – это задание от правительства УНР². Однако ничего определенного Собор решить не успел, а 23 января 1918 года к Киеву подошли части Красной гвардии под командованием М.А. Муравьева. Начавшиеся обстрел и штурм города вынудили членов Всеукраинского Церковного Собора прекратить заседания, что было с радостью воспринято противниками автокефалии. Митрополит Вениамин (Федченков) так описывал свои чувства при виде появившихся на улицах Киева красногвардейцев: «и страшно, и отраднo!.. После неистовства “щирых” они нам оказались избавителями». И даже митрополит Антоний (Храповицкий) заметил: «Совсем была бы беда, да вот, слава Богу, большевички выручили!»³ И хотя 25 января 1918 года при невыясненных обстоятельствах погиб митрополит Владимир (Богоявленский)⁴, взятие красными Киева действительно отодвинуло опасность очередного церковного раскола.

Совпадение стремления православного духовенства и верующих мирян сохранить единство церкви с желанием укреплявшейся Советской власти

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 Отд. 5 Стол. Д. 499. Л. 24.

² Киевский православный вестник. 1918. № 4. С. 89–90.

³ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 298. Митрополит Евлогий вспоминал, что с приближением красногвардейцев изменилось поведение и у сторонников автокефалии. Они «присмирели – в растерянности: “Ах, владыка,... что делать, владыка?... благословите, владыка!...”» См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 568.

⁴ Явившиеся 25 января в Киево-Печерскую лавру солдаты увели митрополита Владимира (Богоявленского) за ворота, а наутро его обнаружили мертвым. Были ли это красногвардейцы или украинские сторонники автокефалии – неизвестно. См.: Титов Феодор, протоиерей. Венок на могилу высокопреосвященного митрополита Владимира. Киев, 1918. С. 33. По сообщению митрополита Евлогия (Георгиевского), накануне убийства М.А. Муравьев приезжал в Лавру, обещал наместнику обеспечить охрану монастыря и просил в случае каких-либо угроз немедленно сообщить ему по телефону. Однако 25 января почему-то никто не поспешил связаться с Муравьевым, и это стало поводом для слухов о том, что монахи были заодно с убийцами или умышленно натравили солдат на Владимира, не позвав вовремя на помощь. См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 569. А В.В. Зеньковский сообщил, что по одной версии Владимира убили украинцы за его сопротивление украинскому церковному движению, а по другой (якобы, более вероятной) – это дело рук послушников самой Киево-Печерской лавры, ограбивших митрополита. См.: Зеньковский Василий, протопресвитер. Указ. соч. С. 42–43.

получить контроль над всей территорией бывшей Российской империи представляется недооцененным исследователями. Надо добавить, что отправленный патриархом весной 1918 года на Кавказ митрополит Кирилл (Смирнов) писал Тихону из Баку о том, что там «единственными носителями русской государственности и защитниками державных прав России» являлись большевики и в местных приходских собраниях часто председательствовали члены Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов¹. Таким образом, события октября 1917 – января 1918 года в России показали прямую связь между территориальным единством государства и целостностью существующей в нем церковной организации, даже в условиях отсутствия контактов между светской и духовной властью. Чуть позже, в начале 1921 года ВЦУ предоставило автономию Эстонской, Латвийской и Финляндским православным церквям как находящимся «в пределах самостоятельных государств». Впрочем, самоуправление Финляндской церкви фактически признали еще в ноябре 1918 года².

Таким образом, можно сделать вывод, что до конца января 1918 года бывшее духовное ведомство продолжало существовать в старой парадигме государственно-церковных отношений, сложившейся еще до свержения Временного правительства. Это проявилось в том, что не прекращало своих работ Министерство исповеданий, возглавляемое товарищем министра С.А. Котляревским, а управление церковью по-прежнему осуществлялось Святейшим Правительствующим Синодом. Даже избрание патриарха не разрушило старой системы: Тихона просто включили в состав Синода в качестве председателя. И, несмотря на то, что в декабре 1917 года Поместный Собор полностью сформировал новые органы Высшего Церковного Управления, вводить их в

¹ Письма священномучеников – архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси. С. 8.

² См. Белякова Н.А. Православная Церковь на развалинах Империи: о способах решения вопроса о самоуправлении // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 215–216. Проект уложения о Православной церкви в Финляндии, датированный сентябрем 1917 года, хранится в Российском государственном историческом архиве: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 475. Л. 2.

действие не спешили, ожидая созыва Учредительного собрания. В итоге, духовное ведомство стало одним из последних элементов государственного аппарата «буржуазного» Временного правительства, сумевшим просуществовать почти три месяца в условиях утверждающейся советской системы.

С другой стороны, в ноябре 1917 – январе 1918 годов Православная церковь фактически уже существовала совершенно самостоятельно, сознательно сохраняя старые формы управления. Кроме юридических моментов, связанных с ожиданием Учредительного собрания, имела место и сформулированная Поместным Собором мировоззренческая установка: церковь не хотела объявлять о своем разрыве с государством даже тогда, когда власть давно находилась в руках большевиков.

4.2. Церковная политика Советской власти в ноябре 1917 – январе 1918 годов

Анализируя первые мероприятия большевиков в отношении церкви, исследователи, как правило, обращаются к работе Ленина «Социализм и религия» и именно в ней пытаются найти программные положения, которыми руководствовалось советское руководство в первые послеоктябрьские месяцы. В частности, в этой статье Ленин писал, что «государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Каждый должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, то есть быть атеистом, каким и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников... Полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»¹. Все это – содержательная составляющая будущего Декрета от 23 января 1918 года. Вместе с тем, если говорить о церковной политике советского руководства в первые послеоктябрьские месяцы, можно предположить, что здесь, главным образом, превалировали тактические соображения: большевики не хотели создавать дополнительный повод для недовольства собой в то время, когда их власть еще была слаба. Стоит отметить, что Декрет об отделении церкви от государства появился только через две недели после разгона Учредительного собрания, когда накал политических страстей в столице пошел на спад. Кроме того, в работе В.И. Ленина «Марксизм о

¹ Ленин В.И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. В.И. Ленина. Т. 12. М., 1968. С. 143–144.

государстве», по материалам которой в августе–сентябре 1917 года была написана книга «Государство и революция», будущий председатель Совнаркома поставил «распущение и экспроприацию церквей» только 8-м пунктом программы построения пролетарской республики¹.

Вместе с тем, Советская власть активно использовала религиозный фактор там, где он помогал ей укрепиться. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года говорилось: «отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными»². В декабре 1917 года «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» объявили, что 12 и 13-го числа будет праздноваться мусульманский национальный праздник «Мавлюд-Наби» (рождение Магомета), поэтому всем рабочим-мусульманам предоставляются официальные выходные³. А командующий войсками округа приказал по случаю праздника дать всем солдатам-мусульманам увольнение «для слушания богослужения»⁴. 17 января 1918 года при Наркомате по национальным делам учредили специальный Комиссариат по делам мусульман, а 19 января – «еврейский комиссариат»⁵.

В Петрограде СНК по инициативе наркома просвещения А.В. Луначарского вел переговоры с позиционирующей себя религиозной организацией «Всемирным христианским союзом молодых людей». 11 декабря 1917 года Луначарский вынес на рассмотрение Советского правительства предложение передать указанному «Союзу» здание Дворянского собрания для создания там клуба с чайной, читальней и кино для солдат⁶. Народный комиссар отмечал, что «американское культурно-просветительное общество имеет безусловное и несомненное право –

¹ Ленин В.И. Марксизм о государстве // Полн. собр. соч. В.И. Ленина. Т. 33. М., 1969. С. 215–217.

² Декреты Советской власти. С. 144.

³ Мусульманский праздник // Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 декабря. С. 4.

⁴ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 декабря. С. 6.

⁵ Декреты Советской власти. С. 370.

⁶ См. Далгатова А.Г. «Христианский союз молодых людей» и «христианское студенческое движение» в Советской России (1917-й – конец 1920-х годов) // Вестник молодых ученых. 2002. № 8. С. 63–69.

юридическое, моральное и, я бы сказал международное, – удержать в своем распоряжении Дворянское собрание». В результате правительство поручило наркому Н.И. Подвойскому подыскать для расквартированного в Дворянском собрании 326-го Белгородского полка другое помещение, а здание передать американцам¹. Более того, 4 января 1918 года с представителями «Всемирного христианского союза молодых людей» встречался и беседовал Ленин². При этом 30 декабря 1917 года на заседании Исполкома Московского Совета большевик В.Н. Белоцерковский потребовал запрещения деятельности «Христианского союза» в Москве как организации, созданной американскими миллионерами для отвлечения рабочих от классовой борьбы посредством устройства «культурно-просветительной работы» и спортивных занятий. По словам Белоцерковского, отделения «Союза» уже энергично работали в 60 русских городах, «проникают в рабочие поселки и даже в штаб, где встречают сочувствие со стороны офицеров». В ответ член Исполнительного комитета В.И. Яхонтов отметил, что «у нас есть гораздо более контрреволюционные и опасные организации, хотя бы наша церковь» и предложил бороться с «Союзом» «идейно»³.

Своеобразно было обставлено новой властью празднование Рождества 24–25 декабря 1917 года. Официальный советский орган «Известия ЦИК Советов» сопроводил короткое поздравление читателей заявлением, гласящим, что четыре года Рождество отмечалось под звуки пушек, но «пусть же этот год будет последним годом войны»⁴. В противовес религиозному действу районные советы в Москве в конце 1917 года стали устраивать для детей «пролетарские елки»⁵. При этом Советскому правительству все же не удалось отмахнуться от вопроса о рождественских подарках и премиях госслужащим: 11 декабря его рассмотрение

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 101, 103–104.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918 года. С. 177.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 138. Л. 5–6.

⁴ Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 24 декабря.

⁵ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 декабря. С. 1; 22 декабря. С. 2; 24 декабря. С. 3.

поручили комиссии из представителей Наркоматов земледелия, просвещения и финансов¹. 16 декабря правительство постановило выделить 1 000 000 рублей Петроградскому Совету для покупки подарков солдатам, находящимся в окопах².

Примечательно, что по случаю рождественских праздников сам глава Советского правительства В.И. Ленин попросил у своих коллег отпуск «3–5 дней», оставив вместо себя И.В. Сталина³. По свидетельству А.М. Коллонтай, инициатором отпуска выступила Н.К. Крупская, которая уговорила Ленина отдохнуть загородом, а сама Коллонтай подыскала для него подходящий санаторий в Финляндии (бывший специализированный императорский туберкулезный санаторий «Халила»)⁴. Кроме главы Совнаркома в отпуск на Рождество попросились также комиссар по военным и морским делам П.Е. Дыбенко (на два дня) и нарком почт и телеграфов левый эсер П.И. Прошьян (на один день)⁵.

Несмотря на невмешательство большевиков и их союзников в конце 1917 года во внутрицерковные дела⁶, уже первые советские декреты непосредственно затронули интересы Православной церкви. Так, 26 октября II Съезд Советов принял «Декрет о земле», провозглашавший ее передачу (в том числе церковной и монастырской земли) в пользование «всех трудящихся на ней»⁷. Однако механизм национализации оставался не ясным. В «Инструкции эмиссарам, посылаемым в провинцию» (не позднее 2 ноября) говорилось об установлении контроля над угодьями со стороны земельных комитетов, а высококультурные хозяйства

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 101. 18 декабря при обсуждении этого вопроса приняли резолюцию левого эсера Карелина о том, что, хотя наградные (премии) к праздникам нарушают «принцип демократизма» и подлежат в дальнейшем отмене, в данном случае выплаты продолжить, поскольку в ряде государственных учреждений премии уже получены сотрудниками. См.: там же. С. 123, 127.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 153. Фактически отпуск В.И. Ленина длился с 24 по 28 декабря 1917 года. На заседаниях правительства 24 и 27 декабря председательствовал И.В. Сталин. 25, 26 и 28 декабря 1917 года заседаний Совнаркома не проводилось.

⁴ Коллонтай А.М. Воспоминания об Ильиче. М., 1971. С. 10.

⁵ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 153

⁶ Имелись и исключения. В Новгороде в ноябре 1917 года Военно-революционный комитет назначил в духовное ведомство своего комиссара – священника Громцева, который, впрочем, так и не приступил к своим обязанностям. См.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. С. 92–93, 99.

⁷ Декреты Советской власти. С. 17–19.

предлагалось передать «Советам батрацких депутатов»¹. 5 ноября 1917 года Ленин подписал разъяснение «в ответ на многочисленные запросы крестьян», объявляя, что вся власть теперь принадлежит Советам, а «помещичья собственность на землю отменяется». Ленин предписывал волостным земельным комитетам «тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет». О церковной и монастырской земле не говорилось ни слова². 25 ноября 1917 года Наркомат земледелия разослал губернским и уездным комитетам телеграмму о том, что все земли с живым и мертвым инвентарем и постройками объявлены «народным достоянием», поступают в ведение земельных комитетов, а частная собственность на землю отменена³. Однако, далее речь опять-таки шла только о помещичьих имениях. Прямо ни о церковной, ни о монастырской земле не говорилось и в «Положении о земельных комитетах» от 4 декабря 1917 года, где повторялось, что «все земли сельскохозяйственного пользования, лесные, водные и промысловые угодия, являются общенародным земельным фондом и поступают в ведение и распоряжение земельных комитетов»⁴. Вместе с тем в ответ на поступивший в СНК запрос общего схода крестьян Гутовской волости Витебской губернии 8 ноября 1917 года Ленин сообщил, что местный земельный комитет «имеет полное право, если найдет нужным» взять в свое управление монастырскую мельницу в деревне Городец⁵.

Принятые Совнаркомом постановления способствовали активизации «захватных» действий земельных комитетов в отношении монастырских и церковных владений. В ноябре 1917 года Хамантовский (Гомонтовский) волостной земельный комитет (Петроградская губерния) взял в свое распоряжение принадлежащие Староладожскому Никольскому монастырю лесные «дачи» «Монцово» (1115 десятин дровяного и строевого леса) и

¹ Там же. С. 41–42.

² Там же. С. 45–47; ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 1. Д. 30. Л. 39–40.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 13 декабря (№ 31); Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 93–103.

⁵ ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

«Ширицу» (208 десятин 1861 квадратных сажень дровяного леса и 30 десятин 1598 квадратных сажень сенокоса). За месяц до этого монастырь ходатайствовал о разрешении продать участки из «Монцово» крестьянам, но последние с разрешения земельного комитета уже начали вырубку. В «Ширице» дрова сразу стали перепродавать поставщику Олонецкой железной дороги и грузить в вагоны¹. 12 ноября 1917 года на основании постановления сельского схода крестьяне окружающих деревень приступили к вырубке леса из имения Вохоновского женского монастыря². 23 ноября Перечицкий земельный комитет прислал настоятелю церкви села Верхутина (Лужский уезд Петроградской губернии) постановление о разрешении гражданам села Большие Блешковичи напилить лес в церковной даче «Точково» по 2 кубометра на каждого просителя³.

В ряде мест передача угодий в распоряжение земельных комитетов превратилась в банальное разграбление крестьянами монастырского имущества. Так, 14 ноября 1917 года вооруженные топорами и вилами жители сел Грачевки и Егорьевки разгромили хутор, принадлежавший Успенскому Софийскому женскому монастырю⁴. Крестьяне «увезли весь хлеб, угнали скотину, забрали весь инвентарь, забрали все, что только можно было, несмотря на то, что хутор принят на охрану местным Завальским земельным комитетом»⁵. Временный управляющий епархией епископ Козловский Зиновий (Дроздов) пожаловался на это сохранявшему власть губернскому комиссару Временного правительства К.Н. Шатову, который 29 ноября переправил дело начальнику милиции Усманского уезда «для принятия надлежащих мер по сему»⁶. По всей видимости, расхищение имущества хутора длилось не один день, так как еще 21 ноября усманская милиция сообщила судебному следователю Воронежского окружного суда, что «крестьяне дер. Байгоры Завальской волости в ночь под 21-е сего ноября

¹ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 51 от 23 декабря. С. 7.

² Известия по Петроградской епархии. 1917. № 46–47 от 27 ноября. С. 8.

³ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 51 от 23 декабря. С. 7.

⁴ Монастырь располагался в городе Усмань Тамбовской губернии, но часть владений находилась и в Воронежской губернии.

⁵ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9 – 9 об.

разгромили два хутора: Евгения Ивановича Зайцева и Успенского Софийского монастыря»¹. Кроме того, 20 ноября оказалась захвачена лесная дача обители в селе Крутец. Как сообщила милиции настоятельница игуменья Дорофеева, члены комитета Поддубровской области «заняли дом, где поместили семью одного солдата, скотину и лошадь с упряжью отобрали, а инвентарь весь распродают»². Видимо, «захваты» легализовало решение Усманского земельного комитета о принятии в свое ведение имущества монастыря, так как 15 декабря Тамбовская духовная консистория предписала игуменье Дорофееве вести дело против комитета «как в административном, так и уголовном суде». Предлагалось привлечь к ответственности лиц, принимавших участие в разграблении имущества, и взыскать с них причиненные монастырю убытки. В соответствии с этим 18 декабря Дорофеева подала заявление в Воронежский окружной суд³. Одновременно 16 декабря 1917 года архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) попросил у губернского комиссара срочно командировать «воинский или иной отряд, который мог бы отобрать от виновных награбленное ими имущество», а также провести на месте расследование «для выяснения ценности или стоимости похищенного, испорченного и уничтоженного»⁴. Дело так ничем и не кончилось, а в 1918 году расследование продолжил вступивший в свои права Усманский Совет, назначивший дополнительное дознание по делу⁵.

Реквизиция имущества Белгородской мужской пустыни 11 декабря 1917 года обернулась жертвами: явившиеся представители «Комиссии по описи имущества» убили иеромонаха и ранили свечника. В то же время в Львовском женском монастыре «реквизиторы» отказались от своих намерений из-за бедности обители: «Ваш монастырь совсем безнадежный... – заявили они насельницам, –

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 17, 25.

⁴ Там же. Л. 7 – 7 об.

⁵ Там же. Л. 12.

Лошадей ваших, которых мы запрягли, недалеко бросили, – на них далеко не уедешь»¹.

В целом, можно констатировать, что провозглашенный «Декрет о земле» просто узаконивал ту политику местных земельных комитетов, которую они проводили еще при Временном правительстве. В этой связи интересно привести обстоятельства «захвата» имений Пеллинской Иоанновской церкви Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии. 4 сентября 1917 года ее приходской совет сообщил преосвященному епископу Нарвскому Геннадию, что крестьяне села Ивановское И.А. Волков и М.В. Малышев захватили часть церковной земли, распахали и засеяли рожь. Этот участок сдавался в аренду Ивановскому обществу под уход скота, поэтому потеря земли означала прекращение денежных поступлений причту. 18 сентября Петроградская духовная консистория попросила Петроградского губернского и Шлиссельбургского уездного комиссаров немедленно принять меры и восстановить справедливость. Дело попало в Шлиссельбургский земельный комитет, который 13 октября направил своего члена Каинова для выяснения обстоятельств. 8 ноября состоялись слушания, в ходе которых Каинов сообщил, что «означенная церковная земля причтом Пеллинской церкви сдана в аренду Ивановскому обществу под выгон», «хозяином этой земли является арендатор – Ивановское общество, которое препятствий не встречает». В результате земельный комитет объявил, что никакого «захвата» угодий не усматривает. Интересно, что 27 (14) февраля 1918 года Шлиссельбургская уездная земельная управа снова вернулась к этому вопросу и постановила: «находя объяснения Ивановского волостного земельного комитета вполне основательными, а равно и согласно Декрета народных комиссаров церковная земля в данное время церкви не принадлежит», поэтому «жалобу Петроградской духовной консистории оставить без уважения, о чем и сообщить Петроградскому губернскому комиссару и духовной консистории»². В ответ на это в марте 1918 года консистория

¹ Церковные ведомости. 1918. № 2 от 20 января. Прибавления. С. 103.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 43. Л. 1 – 3 об.

предписала причту Пеллинской церкви на общем приходском собрании обратиться к прихожанам за помощью в возвращении земли, которая являлась основным источником содержания местного духовенства. На этом документе митрополит Вениамин дописал: «священник на собрании прихожан должен разъяснить, что по Соборному постановлению все лица способствующие, а тем более сами захватывающие церковное достояние, подлежат... суду церковному включительно до церковного отлучения, с воспрещением совершения у них всех церковных треб»¹.

Прошедший с 18 по 22 декабря 1917 года Московский епархиальный съезд также констатировал участвовавшие случаи захвата монастырских и церковных земель волостными комитетами: крестьяне налагали секвестр на владения причтов и запрещали священно- и церковнослужителям пользоваться этими угодьями. В том числе были захвачены некоторые земли Троицко-Сергиевой Лавры². В Москве о необходимости изъятия монастырских земель заявил в ноябре 1917 года Совет Районных дум, постановивший обратиться для этого в СНК³. Вслед за этим на ночном заседании 26 ноября Президиум Московского Совета назначил комиссию в составе А.И. Рыкова, В.Ф. Зитта и Н.В. Покровского «для редактирования декрета о конфискации церковных и монастырских имуществ в пользу государства»⁴. В Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) хранится печатный проект этого документа с исправлениями от руки. Интересно, что первоначально говорилось о передаче народу всего движимого и недвижимого имущества церкви на территории Москвы и области, но при редактировании слово «движимое» вычеркнули и уточнили, что «из действия этой статьи исключаются здания, предназначенные непосредственно для богослужения, а также дома причта». Во втором разделе законопроекта объявлялось, что содержание духовенства отныне должно обеспечиваться исключительно добровольными взносами верующих. При этом в примечании

¹ Там же. Л. 6 – 6 об.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 1 от 15 января. С. 4.

³ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 ноября (№ 208).

⁴ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 ноября (№ 216).

оговаривалось, что «по отношению к низшему духовенству на первое время может быть сохранено казенное жалование по усмотрению властей, применяющих декрет», то есть местных советов. Им предоставлялось право решить судьбу духовных учебных заведений и благотворительных учреждений: или содержать их за счет конфискованных церковных имуществ, или ликвидировать в трехмесячный срок¹. 28 ноября 1917 года «Известия ЦИК Советов» объявили, что «на днях» Московским Советом будет опубликован декрет о конфискации монастырских и церковных земель в пределах города, но публикации не последовало². На законопроекте в ЦГАМО стоит надпись «в архив»³. Конечно, необходимость ликвидации церковных и монастырских владений являлась для большевиков и их союзников в конце 1917 года вопросом решенным, однако на тот момент у Советской власти еще не было ни времени, ни сил для того, чтобы от деклараций перейти к активным действиям в этом направлении. На повестке дня стояли другие более актуальные вопросы. Кроме того, двусмысленные заявления относительно признания постановлений предстоящего Учредительного собрания и отсутствие закона, определяющего статус Православной церкви, также несколько сковывали активность новых властей в проведении земельных декретов в жизнь.

Тем не менее, 5 декабря 1917 года Поместный Собор поручил Святейшему Синоду издать особое постановление в связи с появлением «Декрета о земле». В соответствии с этим 18–20 декабря Синод принял определение № 6320 «По поводу декрета Народных комиссаров о передаче церковных и монастырских земель с имуществом в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания». Синод поручил епархиальным властям, монастырям и церковным причтам делать описи всего передаваемого или захваченного имущества, а при передаче подписывать специальные акты «с указанием лиц и учреждений, производящих захват

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 269. Л. 8 – 8 об.

² Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 ноября.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 269. Л. 8.

имущества с подробным описанием имущества». На основании этих актов предлагалось подавать гражданские иски в суд «о возвращении стоимости имущества и об убытках»¹. Судя по всему, церковное руководство исходило из того, что советская власть носит временный характер, и ее распоряжения будут пересмотрены Учредительным собранием.

Однако дело не ограничилось только сохранностью земельных угодий или сельскохозяйственного инвентаря. После свержения Временного правительства в условиях практически полной дезорганизации органов внутренних дел участились случаи изъятий, реквизиций и простого разграбления церковного и монастырского имущества вообще. Распространявшиеся антирелигиозные настроения, представлявшие духовенство как зажиточных трутней, отнюдь не способствовали уважительному отношению к православным святыням. Впрочем, в Петрограде и его пригородах серия грабежей храмов началась еще при Керенском: 26–27 сентября 1917 года ограбили церковь Спаса на Сенной площади². Потом в ночь с 14 на 15 октября была совершена кража со взломом церкви при Новодевичьем монастыре, похищена утварь на сумму 4000 рублей³. В ночь на 28 октября взломщики проникли в церковь на Иоанно-Богословском кладбище, похитили антиминс, серебряные священные сосуды и дарохранильницу, напрестольные евангелия и кресты, а также 150 рублей наличными. Из соседней часовни украли священные сосуды и евангелие⁴. 25–26 ноября 1917 года ограбили Петергофскую Свято-Троицкую церковь, похитили 150 рублей⁵. В ночь на 30 ноября неизвестные взломали Покровский и Казанский храмы в Рыбацком. Унесли 218 рублей, украли и повредили церковные сосуды, напрестольные кресты, дароносицы со святыми дарами и шелковые завесы у царских врат⁶. 2–3 декабря 1917 года неизвестные лица ограбили Сретенско-Дмитриевскую церковь на Единоверческом кладбище,

¹ Церковные ведомости. 1918. № 1 от 5 января. С. 5.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

³ Там же. Л. 114.

⁴ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 46–47 от 27 ноября. С. 8.

⁵ Известия по Петроградской епархии. 1917. № 51 от 23 декабря. С. 8.

⁶ Там же. С. 7.

смертельно ранив сторожа¹. Церковь Зимнего дворца (Большой собор) подверглась разгрому во время вооруженного восстания в октябре, когда из нее унесли многие ценности, сорвали и бросили на пол церковную завесу. Кроме этого 25 ноября 1917 года в собор проникли, взломав двери, «бандиты», но, увидев, что все уже разграблено, зачем-то вынули из-под святого престола камни и унесли завесу. А в часовню Спасителя на Петроградской стороне в одну из ночей конца декабря 1917 – начала января 1918 года ворвались неизвестные, взломали кружки с пожертвованиями, украли деньги, оставили окурки под иконой, объедки и пустые бутылки².

Имели место и акции против клириков. Например, накануне Рождества в селе Борисово Московского уезда группа крестьян открыла стрельбу из револьвера по выходявшему из храма священнику. Пуля задела ему палец. Некоторое время спустя милиция выяснила, что жители «составили общество с целью истребления религии и ее служителей», и, кинув жребий, поручили устранение духовного отца солдату-староверу Козлову³. В Пскове сразу после Рождества произошла стычка между местным ВРК и милицией в связи с попыткой ареста архиепископа: 25 декабря «комиссары» пришли к преосвященному Евсевию (Гроздову) с заявлением, что кто-то из священников прочитал во время праздничной литургии «погромную» проповедь. Но Евсевий обратил внимание на то, что ордер явившихся к нему людей был датирован 24 декабря, то есть выписан заранее, что могло свидетельствовать о подделке. Духовенство вызвало наряд милиции, арестовавший «комиссаров» и доставивший их в ВРК. Далее выяснилось, что распоряжение было подлинным, началось разбирательство, «власть наскочила на власть», даже хотели арестовать милиционеров. Евсевию доставили в ВРК и допросили. Определили, что речь шла о священнике Серафимовской церкви Баженове, который призвал прекратить

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 25.

³ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 1 от 15 января. С. 4.

пролитие братской крови. Архиепископ пообещал сделать ему «наставления», на этом дело кончилось¹.

В конце 1917 года в Кронштадте Исполнительный комитет Совета р. и с. д. принял постановление о несении милицейской повинности всеми местными жителями, в том числе женщинами и священниками, которым все же разрешили являться на свои посты без оружия². Как отмечали «Церковные ведомости», 28 декабря мастеровые и рабочие городского района № 1 Управления строителя Кронштадской крепости на общем собрании возмутились, что почему-то ни одного еврейского раввина, муллы или римско-католического ксендза в милиционеры не назначено³. «Новый луч» назвал ситуацию в Кронштадте «возрождением черносотенства»: «большевики бросились сломя голову и с ретивостью не по разуму на путь такого рода “церковных реформ”, которые как бы нарочно грубо задевают религиозные чувства верующих»⁴. Кронштадский Совет образовал комиссию для выяснения всех недоразумений, но свое постановление не отменил⁵.

В Новгороде 15 января 1918 года Губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов направил в Юрьев монастырь своих ревизоров для оценки запасов продовольствия. Однако после осмотра было решено, что монастырские продукты реквизиции не подлежат, так как их слишком мало⁶. Тем не менее, в ночь на 18 января в обитель прибыли конные вооруженные солдаты, предъявившие бумагу о реквизиции монастырского скота, хлеба, овощей, сена и овса. Предписывалось оставить только по одной корове на 5 человек рабочих, не считая монахов, которые «исключены из пользования молоком». Руководство обители связалось по телефону с Советом, но там проинформировали, что постановление о реквизиции принял Главковерх армий Северного фронта и

¹ Церковные ведомости. 1918. № 1 от 5 января. Прибавления. С. 44.

² Знамя Христа. 1918. 14 (27) января.

³ Церковные ведомости. 1918. № 1 от 5 января. Прибавления. С. 40.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 984. Л. 15 – 15 об.

Исполнительный комитет Крчевитских казарм. Тогда настоятель и наместник монастыря постарались задобрить солдат: их хорошо накормили и устроили на ночлег в лучшие кельи, а также позаботились о лошадях. В результате реквизиторы забрали только семь коров из четырнадцати, а из оставшихся две велели срочно продать. Ни хлеба, ни других продовольственных продуктов не тронули. За семь уведенных коров полковой комитет прислал 1985,5 рублей, а за две проданные обитель выручила 4000 рублей. Полученные деньги тут же уплатили за дрова. Интересно отметить, что один из монахов – Мартиниан – во время осмотра скота сказал солдатам: «берите всех коров, нам все равно не дают молока». А ризничий иеромонах Валентин «всю ночь работал в храмах, один, без помощи других, припрятав драгоценные церковные вещи и священные предметы»¹. По сообщению епископа Алексия (Симанского), в первой половине января 1918 года скот забирали во многих монастырях Новгородской епархии, но в Хутыни «народ отстоял и не дал отнять коров, а было “предписано” представить десять голов». Впрочем 14 (1) февраля туда приехали 27 вооруженных солдат и отобрали 5 из 13 коров без всякого денежного возмещения². Вышеприведенные случаи являлись характерными примерами дезорганизации системы государственного управления, начавшейся с Февраля 1917 года. Однако до Октября церковь еще могла обратиться за помощью к Временному правительству и рассчитывать на какую-то поддержку. После прихода к власти большевиков ситуация изменилась: советы часто оказывались скорее гонителями, нежели защитниками.

Вместе с тем, несмотря на происходившие в стране революционные потрясения, выплаты церковным учреждениям из Государственного казначейства в ноябре 1917 – январе 1918 годов не прекращались, хотя некоторые советские комиссары и выступили за необходимость пресечения этого. Так, в процессе овладения Государственным банком Совнарком уже 19 ноября назначил комиссию для изучения смет министерств и ведомств под руководством В.Р.

¹ Там же. Л. 15 об.

² Письма патриарха Алексия своему духовнику. С. 106, 118.

Менжинского¹, а 21 ноября 1917 года повестка дня Советского правительства включала доклад помощника народного комиссара по Министерству финансов Д.П. Боголепова о запрещении выдачи средств церкви². Однако Синод оставался *de jure* государственным ведомством, и утвержденная смета кредитов для него из казны до конца 1917 года отменена не была. Кроме того, в декрете о расширении финансовых прав Петроградского городского общественного управления от 19 декабря 1917 года, облагающем все недвижимые имущества города единовременным денежным сбором, оговаривалось, что от него освобождается недвижимость, принадлежащая духовным установлениям и обществам и служащая непосредственно религиозным целям (храмы и молитвенные дома всех вероисповеданий, кладбища и т. п.)³ Стоит добавить, что и произведенная в декабре 1917 года национализация частных банков вовсе не лишила духовенство их сбережений, как это предположил М.В. Шкаровский⁴. Была лишь несколько ограничена выдача наличных денег, а вклады оставались в неприкосновенности вплоть до конца 1918 года⁵.

13 декабря 1917 года Петроградская духовная консистория направила в Казенную палату запрос на выплату жалования священно- и церковнослужителям за вторую половину 1917 года в размере, равном выплатам за первое полугодие. Одновременно консистория уведомила об этом благочинных⁶. В январе 1918 года поступили рапорты с мест о том, что жалование «получено сполна»⁷ Кроме того, в соответствии с постановлением Временного правительства от 5 августа 1917 года о назначении прибавок к зарплатам младшим госслужащим Государственное казначейство в начале 1918 года выдало следующие суммы: 16 декабря 1917 года

¹ Соколов Е.Н. Указ. соч. С. 40.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 40. Доклад перенесен на следующие заседания, но далее в протоколах о нем упоминаний нет.

³ Декреты Советской власти. С. 261.

⁴ См. Шкаровский М.В. Церковная жизнь Петрограда в период работы Всероссийского Поместного Собора // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М., 2008. С. 141.

⁵ См. сведения о банковских вкладах причтов и религиозных учреждений Петрограда в конце 1918 года: ЦГА СПб. Ф. Р1283. Оп. 5. Д. 5. Л. 3–4, 11, 13 – 15 об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 619. Л. 1–2.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 1030. Л. 1–5.

10 000 рублей Петроградской духовной семинарии, 20 декабря 1917 года и 17 января 1918 года 11 600 рублей Петроградской духовной академии, 4 января 1918 года 17 300 рублей служащим Исидоровского Духовного училища, 15 января 1918 года 10 300 рублей Александро-Невскому Антониевскому Духовному училищу, 29 января 1918 года 11 200 рублей служащим Храма воскресения Христова в Петрограде¹. В Москве ВРК назначил своего комиссара в казначейство, который следил за выдачей денег чиновникам. По его словам, часто приходившие за зарплатами служащие затруднялись ответить на вопрос о том, чем они занимаются в своих ведомствах. Но «искреннее других был ответ чиновника из Московского духовно-цензурного комитета». На вопрос, что там делают теперь, тот ответил: «Делают не делают, да ведь жрать то нужно!»²

Несмотря на декларируемый Совнаркомом временный статус (до открытия Учредительного собрания), ряд мероприятий народные комиссары стали проводить в жизнь незамедлительно. Уже в начале ноября 1917 года участник апрельских консультаций при Святейшем Синоде присяжный поверенный И.А. Шпицберг подготовил два законопроекта: о поводах к разводу и о гражданском браке, которые передал в Совет Народных Комиссаров. Хотя оба документа касались одной правовой области, но вопрос о разводе в последние предреволюционные десятилетия традиционно рассматривался отдельно. Кроме того, его решение представлялось наиболее простым и достижимым: не случайно законопроект о разводе «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» напечатала еще 5 ноября³. Планировалось предоставить функцию расторжения браков местным судам⁴. В то же время введение гражданского брака требовало создания централизованного аппарата его регистрации, наподобие существовавших у церкви духовных консисторий. Видимо поэтому Временное правительство так и не успело принять соответствующее постановление.

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 23 об.

² Как правительство Керенского берегло народные деньги // Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 декабря. С. 1.

³ Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 15. 1917. 5 (18) ноября.

⁴ Декреты Советской власти. С. 237.

Подготовленный Шпицбергом печатный законопроект о браке хранится в Государственном архиве Российской Федерации, на документе имеются исправления от руки¹. Ведение записи браков и рождений Шпицберг предлагал поручить председателям городских, районных, уездных или волостных управ. Особо оговаривалось, что причиной отказа в регистрации брака могут стать только ранний возраст (для мужчин – до 18, для женщин – до 16 лет), близкое родство, уже имеющееся супружество или психическая болезнь. Отмечалось, что «никакие иные... препятствия, хотя бы по состоянию брачующихся в монашестве, или посвящению в иерейский или диаконский сан, или по принадлежности их к разным вероисповедным культам, или по иным основаниям, указанным в т. X ч. I Законов Гражданских или в иных законоположениях и канонических правилах – ОТНЫНЕ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ»². Зачеркнутой при рецензировании оказалась фраза о том, что «благословение церкви предоставляется на волю сочетающихся и отныне не может иметь места без представления духовному лицу свидетельства о совершении гражданского брака»³. В проекте также имелся пункт о возможности обжалования отказа управы в регистрации брака у мирового судьи и в Правительствующем Сенате, но данное положение устарело в течение нескольких недель: эти инстанции вскоре перестали существовать⁴. Уже исправленный проект опубликовали «Известия ЦИК Советов» 21 ноября 1917 года.

Согласно биохронике В.И. Ленина, председатель СНК придавал наибольшее значение именно законопроекту о разводе⁵. В написанной им в 1916 году статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» Ленин отмечал, что законодательство о разводе является одним из важнейших государственных вопросов: «нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть

¹ ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 – 3 об. Как следует из приписки на обороте, проект передали В.И. Ленину.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же.

⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918 года. С. 37.

сверхпритеснение угнетенного пола, женщины, – хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание *свободы* ухода от мужей не есть *приглашение* всем женам уходить»¹. Таким образом, снятие ограничений с расторжения брака представлялось для Ленина важным показателем подлинной демократии. Заместитель наркома юстиции П.И. Стучка также вспоминал, что лидер большевиков особенно живо интересовался постановлением о разводе, как «проектом декрета о раскрепощении женщины». По словам Стучки, он не раз докладывал главе правительства, что ежедневно получает «5–6 письменных или телеграфных запросов о судьбе этого проекта»². Далее Стучка сообщил, что Ленин сам редактировал «в заседании, а потом подписал декрет о разводе»³, хотя на самом деле процесс принятия постановлений о браке и разводе растянулся на месяц: 19 ноября Совнарком постановил передать их на рассмотрение в Наркомат юстиции (далее – НКЮ)⁴, а 20 ноября законопроекты ушли на обсуждение ВЦИК. Там их слушали в заседании 12 декабря 1917 года. Среди поправок было, в том числе, заявление о необходимости разрешить вступать в брак родственникам как «свободным гражданам свободной России». Более неблагоприятно по отношению к церкви звучало предложение включить фразу о том, что «браки, заключенные по обрядам религиозных культов, признаются действительными только после записи таковых в отделе записей брака». По поводу проекта декрета о разводе кто-то сделал замечание, что он является «буржуйским», так как налагает на родителей обязанность обеспечивать детей. В связи с этим заявлялось, что закон станет реализуемым только тогда, когда будет налажено государственное содержание и воспитание несовершеннолетних. Все указанные поправки оказались отклонены большинством голосов, и проекты передали в Президиум

¹ Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме // Полн. собр. соч. В.И. Ленина. Т. 30. М., 1973. С. 125.

² Например, в документах Наркомюста имеется датированное 18 декабря 1917 года обращение члена Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов города Могилев-Подольска «в отпуск по болезни» Ф.Я. Жицкого, просившего о расторжении брака. К своему заявлению Жицкий приложил выписку из метрической книги, а также расписку супруги от 4 февраля 1917 года о том, что она предоставляет ему право ходатайствовать о разводе. См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–3.

³ Стучка П.И. Ленин и революционный декрет // Революция права. Сб. I. М., 1925. С. 33.

⁴ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 27.

ВЦИК для окончательного редактирования¹. На заседании СНК 16 декабря оба проекта были утверждены². «Декрет о расторжении брака» «Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства» и «Известия ЦИК Советов» опубликовали 19 декабря 1917 года³, а «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» – на следующий день⁴.

Согласно «Декрету о расторжении брака» процедура развода максимально упрощалась, а ведение дел по ним передавалось в компетенцию светских органов (местных судов или в создаваемые отделы записей браков). При обоюдном согласии сторон можно было сразу получить свидетельство о расторжении брака в местном Отделе записей браков. В случае если просьба подавалась только одним из супругов, делом занимался местный суд, который также без долгих процедур выдавал сторонам указанное свидетельство, одновременно информируя об этом Отдел записей браков. При наличии у разводящихся несовершеннолетних детей вопрос об их будущем содержании решался либо по обоюдному согласию сторон, либо определялся судом⁵. Суд также получил право вызывать через прессу на свое заседание второго супруга. Достаточным «поводом» для развода теперь являлось волеизъявление одной из сторон⁶.

В итоговом тексте декрета о браке регистрация поручалась специальным отделам при городской (районной, уездной или волостной земской) управах, а обязательство духовенства требовать для венчания гражданское свидетельство заменили указанием на то, что «церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся». Фразу о том, что духовный

¹ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов II созыва. С. 142–145.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 118. Хотя согласно журналам СНК оба постановления были утверждены 16 декабря 1917 года, тем не менее, на оригинале декрета о браке почему-то стояла отметка «18 декабря», и именно так стали датировать этот документ впоследствии. См.: Декреты Советской власти. С. 240, 247–249.

³ Там же. С. 237–239.

⁴ Там же. С. 247–249. Сам Стучка также считал декреты о расторжении брака и «о гражданском браке и равноправии детей» одними из важнейших правовых актов Советской власти. См.: РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 19. Л. 1. Впрочем, в этот список он включил и более поздний декрет «о ликвидации мошей». См.: там же. Л. 1 об.

⁵ Декреты Советской власти. С. 237–239.

⁶ Там же.

сан не может препятствовать вступлению в брак вырезали: видимо, сочли достаточным пункт, перечислявший, от кого заявления приниматься не будут (дети, родственники и т.д.) Кроме раздела о рождении, в декрет включили еще и регистрацию смертей, а также приложили проекты форм новых книг записи актов гражданского состояния¹. Один из авторов декабрьских декретов, Стучка, чрезвычайно высоко оценивал их значение, заявляя, что «даже действительно революционная мысль 1793 года во Франции далеко отстала от нашего разрешения вопроса как о разводе, так и браке, семье и детях вообще!» Стучка экспрессивно критиковал своих коллег-правоведов, работавших при Временном правительстве: «"русская юридическая мысль" став у власти в феврале 1917 года, до ноября 1917 года оставалась при – консисторском способе развода (веревочка!)»²

Духовенство попыталось проигнорировать вышедшие постановления. Как сообщила в декабре 1917 года газета «Наш век», «в высших церковных кругах заявляют, что этот декрет для церкви необязателен, что церковные власти от своих прихожан будут требовать совершения таинства венчания, а на гражданский брак будут смотреть как на внебрачное, с религиозной точки зрения, сожителство»³. Тем не менее, уже 21 декабря 1917 года митрополит Петроградский Вениамин сообщил в Синод о необходимости немедленного упрощения процедуры развода и невозможности публикации в газетах объявлений об исчезнувших супругах. Вениамин предложил расширить перечень поводов к расторжению брака, включив в него неизлечимые болезни (подтвержденные справкой от медицинского правительственного учреждения), переход мужа или жены в безверие, иноверие или инославие, сопровождаемый причинением оставшемуся в православии супругу тяжких укоров и поношений за его религиозные убеждения, а также нанесение одним из супругов побоев и оскорблений, признаваемых в уголовном суде тяжкими и угрожающими жизни.

¹ Декреты Советской власти. С. 247–249.

² Стучка П.И. Советское право в «белом» освещении // Революция права. Сб. I. М., Издательство коммунистической академии, 1925. С. 146.

³ Декрет о гражданском браке // Наш век. 1917. 21 декабря.

Принятие таких нововведений, по мнению митрополита, должно было удержать большинство православного населения от обращения за разводом в гражданские органы власти, «особенно в Петрограде в виду переживаемых обстоятельств времени»¹. О затруднениях в ведении бракоразводного делопроизводства сообщил Синоду 10 января 1918 года и секретарь Владимирской духовной консистории. По его словам, после декабрьского декрета местные органы власти отказываются исполнять поручения консистории по вручению повесток о вызове на судоговорение и о допросе на местах свидетелей².

Свою позицию по отношению к новым брачным законам Синод сформулировал в определении от 31 января 1918 года. Там заявлялось, что «распоряжения правительства о передаче в ведение суда гражданского дел о расторжении браков... не имеет отношения к браку церковному... подлежащему расторжению по основаниям, принятым в церкви». По мнению Синода, бракоразводное делопроизводство, открываемое консисториями по искам просителей, могло быть прекращено и передано в «гражданские суды» только по ходатайствам заявителей или их законных представителей. А ввиду затруднительности работы консисторий с местными правительственными и общественными учреждениями Синод предложил при необходимости пересылки бумаг или вызова на допрос обращаться к помощи приходского духовенства и все тех же «участвующих в деле сторон»³. Впоследствии принцип самостоятельного существования церковного брака вне зависимости от светской регистрации подтвердил Поместный Собор⁴.

В течение декабря 1917 – января 1918 года Синод продолжал рассматривать кассационные жалобы на решения епархиальных властей по делам о расторжении

¹ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX века. Поместный собор 1917—1918 гг. и предсоборный период. М., 2004. С. 304.

² ЦГИА. Ф. 19. Оп. 120. Д. 14. Л. 19.

³ Там же. Л. 19 – 19 об. Е.В. Белякова называет датой этого определения 18–29 января 1918 года. См.: Белякова Е.В. Указ. соч. С. 305.

⁴ Определение от 4 марта (19 февраля) 1918 года. См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. С. 17–18.

браков¹. 12 января 1918 года он постановил разрешить начальнику станции Колпино Николаевской железной дороги В.А. Иванову развестись и вступить в новый брак ввиду «прижития» его супругой внебрачного сына. Дело рассматривалось в Петроградской духовной консистории с 1910 года, и, хотя жена уже дала мужу расписку, что он свободен, Иванову не удавалось пройти сложную процедуру духовного суда: в разводе ему отказывали². По прошению от 20 декабря 1917 года 25 января Синод разрешил вступить в новый брак гражданину Г.И. Потемкину до истечения наложенной на него в 1917 году епитимии «по условиям семейного положения невесты»³. В тот же день члены Синода рассмотрели апелляцию, поданную 10 января 1918 года капитаном 1-го ранга И.В. Никоновым на решение духовной консистории от 16–30 июля 1910 года о невозможности прекращения брака в виду признания обоих супругов виновными в прелюбодеянии. Так как правилам от 29 апреля 1917 года «встречные иски» не являлись более препятствием к разводу, Синод постановил расторгнуть брак⁴. Интересно, что 31 января 1918 года Синод слушал «предложение г. министра исповеданий» о том, что 17 августа 1917 года Временное правительство разрешило князю В.В. Мещерскому, осужденному духовным судом на «всегдашнее безбрачие», жениться в третий раз. Постановили передать это епархиальному начальству для оповещения просителя и «зависящих распоряжений»⁵. Даже на последнем заседании Святейшего Синода 14 (1) февраля 1918 года его члены обсуждали обстоятельства жалобы врача Н.Н. Бадмаева от 9 мая 1917 года на решение Петроградской духовной консистории от 17 октября 1916 года об отказе в расторжении брака. Бадмаев заявлял, что его супруга встречалась с протоиереем Борисоглебской церкви Н. Рудинским, однако доказательства были признаны недостаточными. Сам протоиерей назвал

¹ Заседания Синода 16 и 21 декабря 1917 года, 12, 25 и 31 января и 14 (1) февраля 1918 года. См.: ЦГИА. Ф. 19. Оп. 120. Д. 14. Л. 1–17.

² Там же. Л. 1 – 2 об.

³ Там же. Л. 4. Епитимия (епитимья) – церковное наказание, заключающееся в более строгом посте, длительных молитвах, поклонах и т. п.

⁴ Там же. Л. 5 – 5 об.

⁵ Там же. Л. 9.

обвинение «злостной выдумкой». Синод еще раз рассмотрел представленные документы и постановил в пересмотре решения отказать, одновременно поручив митрополиту Петроградскому Вениамину обратить «архипастырское внимание» на «прикосновенность прот. Рудинского к таковому делу»¹. После 14 (1) февраля 1918 года кассационными жалобами по бракоразводным делам занималось соединенное присутствие патриарха и Священного Синода².

В конце 1917 года наиболее болезненными для Православной церкви оказались мероприятия народного комиссара просвещения А.В. Луначарского. Незадолго до свержения Временного правительства он вошел в состав Государственного комитета по народному образованию (ГКНО) от Всероссийской организации профессиональных союзов³ и сразу после создания СНК объявил о своей готовности сотрудничать с комитетом «при условии дальнейшей его демократизации»⁴. Однако 9 ноября 1917 года по инициативе Наркомпроса СНК утвердил создание подконтрольной себе Государственной комиссии по народному просвещению, которой поручалось совместно с ГКНО пересмотреть его законопроекты, удалив из них «буржуазный дух предшествовавших министерств», и осуществить «без всякой канцелярской волокиты в революционном порядке»⁵. При этом СНК объявил, что окончательное решение, конечно же, остается за Учредительным собранием⁶. Возглавляемые народным социалистом В.И. Чарнолуским члены ГКНО отказались признать Советское правительство, поэтому 20 ноября оно издало декрет о роспуске комитета⁷. Однако ГКНО продолжил работу, передав в ноябре—

¹ Там же. 16-17.

² Там же. Л. 18, 20-49.

³ Государственный комитет по народному образованию. Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Май–декабрь 1917 года. Пг., 1918. С. 10.

⁴ Новая жизнь. 1917. 31 октября. С. 3.

⁵ Речь на самом деле, конечно же, шла о постепенном подчинении комитета созданной комиссии через включение в ее состав и пополнение новыми членами. См.: Смирнов Н.Н. Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности) // Петроградская интеллигенция в 1917 году. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1990. С. 20.

⁶ Декреты Советской власти. С. 59–62.

⁷ Там же. С. 111.

декабре 1917 года копии всех своих законопроектов во фракцию социалистов-революционеров Учредительного собрания¹. В частности, в составленном Чарнолуским «Проекте статей основных законов Российской республики по вопросам народного образования» провозглашалось, что «преподавание религии признается частным делом граждан и религиозных организаций и не может входить в обязательные для учащихся программы государственных и общественных учебных заведений Российской республики»².

21 ноября 1917 года состоялось первое заседание Государственной комиссии по народному просвещению, на котором начальником отдела всеобщей грамотности назначили В.А. Галкина³. Уже на следующий день он предложил комиссии издать циркуляр, предписывающий городским и земским организациям «поспешить с переходом церковно-приходских школ со всем штатом и ассигнованиями и превратить их в земско-гражданские»⁴. Циркуляр так и не издали, но 6 декабря Государственная комиссия постановила «поручить т. Галкину выработать проект декрета о переходе имущества церковно-приходских школ, считая землю, библиотеки и пр., в собственность земств»⁵. Таким образом, до этого момента обсуждение шло в рамках закона от 20 июня 1917 года и проектов ГКНО о передаче школ в управление земских учреждений. Однако с 8 декабря характер дискуссий в Государственной комиссии изменился: речь стала идти о передаче вообще всех учебных заведений ведомства Святейшего Синода в Наркомат просвещения. Комиссия поручила В.А. Галкину, П.И. Лебедеву-Полянскому и З.Г. Гринбергу изучить этот вопрос, а также рассмотрела проект декрета из трех частей. Первая провозглашала переход дела образования из духовного ведомства в Наркомат просвещения (разъяснялось, что передаче

¹ Государственный комитет по народному образованию. С. 14.

² Там же. С. 34.

³ В изданном в 1919 году «Сборнике декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию» Владимир Галкин именуется «Правительственным комиссаром по Отделу народных школ». См.: Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. Вып. 1 (с 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.). М., 1919. С. 15.

⁴ Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. М.: РОССПЭН, 2012. С. 35.

⁵ Там же. С. 64.

подлежат все церковно-приходские школы, духовные училища, семинарии и академии, а также миссионерские школы со всеми штатами, ассигнованиями и движимым и недвижимым имуществом). Вторая часть законопроекта предлагала земским, городским и волостным самоуправлениям немедленно принять дела, инвентарь, здания и прочее от духовенства с тем, чтобы с сентября 1918 года «двухклассные церковно-приходские школы превратить в высшие начальные, духовные семинарии в средне-учебные заведения общего типа и академии и другие учреждения характера высшей школы в университеты». Немаловажна третья часть проекта, согласно которой «бывшему Синоду или Ведомству исповеданий Государственная комиссия предлагает передать все дела Комиссариату Народного просвещения (бывшему Министерству Народного Просвещения), штаты и ассигновки на культурно-просветительные учреждения, школы, семинарии, академии и проч., а также капиталы и ценности, предназначенные для вышеупомянутых учреждений»¹. 11 декабря Галкин выступил с «несколько видоизмененным декретом», из которого выкинули упоминания о земствах и, что самое главное, о необходимости установления контакта с Синодом. Именно этот вариант и был принят Государственной комиссией, а затем одобрен СНК под наименованием постановления «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению»². В документе отмечалось, что он издается «ввиду неясности постановлений предыдущих министерств о переходе церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, о чем свидетельствуют многочисленные заявления с мест о разъяснении»³. В

¹ Там же. С. 71–72, 74. Примечательно, что когда В.А. Галкин 8 декабря предложил передать Наркомату просвещения вообще все духовно-учебные заведения, даже А.В. Луначарский назвал этот проект «слишком смелым». Народный комиссар заявил, что «при отделении церкви от государства церковь будет нуждаться в новых священниках», которых где-то нужно обучать. На это Галкин возразил, что «духовное ведомство может учредить новые учебные заведения самостоятельно», после чего Луначарский принял его точку зрения, предложив тут же преобразовать духовные семинарии в учительские. См.: там же. С. 72.

² Там же. С. 76–77. Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 декабря; Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 101; Декреты Советской власти. С. 210–211; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. Вып. 1. С. 15.

³ Декреты Советской власти. С. 210.

Комиссариат народного просвещения предписывалось передать вообще все учебные заведения духовного ведомства, в том числе церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии «и все другие, носящие различные названия низшие, средние и высшие школы и учреждения» вместе с их штатами, ассигновками, движимым и недвижимым имуществом (зданиями, надворными постройками, земельными участками), а также библиотеками, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них. Объявлялось, что вопрос о храмах при передаваемых учреждениях откладывался до принятия декрета об отделении церкви от государства¹. 12 декабря 1917 года комиссар грамотности Наркомата просвещения разослал на места телеграмму, предписывающую «ускорить прием церковно-приходских школ». Известен ответ только от инспектора народных училищ Вытегры, информирующий о том, что из 40 бывших церковных школ города и уезда 30 уже находятся в распоряжении земской управы, а в остальных происходит опись и передача имущества².

К изъятию духовно-учебных заведений приступать не спешили: этим непосредственно занялись только с наступлением 1918 года. До этого власти применили механизм «финансового удушения», прекратив с ноября 1917 года перечисление средств на их содержание из Государственного казначейства³. Ввиду неполучения духовными академиями, семинариями и училищами зарплат и стипендий 5 декабря Собор поручил Синоду взять заем в банках и «где это только возможно» под обеспечение имеющихся синодальных специальных капиталов.

¹ Там же. С. 210–211. В связи с последним пунктом необходимо отметить, насколько старательно советское руководство стремилось в то время выдержать некую линию невмешательства во внутрицерковные дела: ведь храмы, в отличие от школ, являлись собственно богослужебными зданиями, а свою политику в отношении церкви СНК в декабре 1917 года еще официально не сформулировал. Вместе с тем, предыдущие законопроекты Государственной комиссии по народному просвещению ничего о храмах при духовно-учебных заведениях не говорили.

² ЦГА СПб. Ф. Р2551. Оп. 15. Д. 283. Л. 14–16.

³ Критическое положение в Петроградской духовной академии сложилось уже в ноябре 1917 года. В связи с этим М.Э. Поснов писал профессору Н.Н. Глубоковскому 3 декабря: «неужели академии, как государственные, юридические учреждения, умрут в наступающем году? Нет бюджета, нет никаких ассигнований, даже Синод не доплатил нам 28 тысяч. Мы спешно ликвидируем учебный год к 1-му января (предполагали до февраля), 11-го внезапно прерываем лекции». См.: Сосуд избранный. С. 171.

Погашение этого кредита предполагалось осуществлять за счет поступлений из казны, а также из специальных и местных средств. Кроме того, Собор предложил разрешить духовно-учебным заведениям закладывать имеющиеся у них процентные бумаги в кредитных учреждениях и тратить на свои нужды епархиальные суммы. По предварительным оценкам, на зарплаты служащим в духовных академиях, семинариях и училищах с 1 ноября 1917 года по 1 апреля 1918 года требовалось 5 миллионов рублей. Начались переговоры с Московским купеческим банком о выдаче займа, но их прервала национализация частных банков. Вопрос повис в воздухе¹. А в январе 1918 года начальнику синодального Хозяйственного управления из Государственного казначейства вернули запрос на выдачу всем служащим в духовно-учебных заведениях жалования за ноябрь, декабрь и январь месяцы. На бумаге стояла резолюция комиссара «не исполнять»².

Судьба преподавания Закона Божия в конце 1917 года затрагивалась только в одном постановлении советского руководства. 10 декабря «Известия ЦИК Советов» поместили приказ народного комиссара по Государственному призрению А.М. Коллонтай, в котором объявлялось, что, «несмотря на объявленную в России свободу совести учебные заведения, подведомственные Комиссии Государственного призрения, ссылаясь на неполучение надлежащих циркуляров, проводят старую политику нетерпимости». Коллонтай напоминала, что «Закон Божий служит предметом изучения только для желающих всесторонне усвоить историю происхождения религий и ознакомиться с философией существующих вероучений. Никакое принуждение в посещении уроков Закона Божия больше допущено быть не может». Руководству всех подведомственных Государственному призрению учебных заведений предписывалось не препятствовать желанию воспитанников «о выходе из религии и переходе во

¹ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 81–82.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. №3. С. 6. Интересно, что даже на заседании Государственной комиссии по народному просвещению 17 января 1918 года ряд ее членов высказал недоумение по поводу неплаты духовно-учебным заведениям уже назначенных им ассигнований. Так, докладчик Егоров предположил, что деньги задерживал Финансовый отдел Наркомата просвещения. См.: Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. М., 2012. С. 143.

вневероисповедное состояние, согласно закону 14 июля 1917 года»¹. Таким образом, ничего радикального данный приказ Коллонтай не содержал: народный комиссар предлагала для отказа от Закона Божия пользоваться постановлением Временного правительства и объявлять о своем «вневероисповедном» состоянии.

Духовенство, конечно же, не могло полностью игнорировать провозглашенные большевиками планы в отношении принадлежавших церкви учебных заведений. В начале января 1918 года Совет братства православных приходов Петрограда разослал «конфиденциальную» бумагу, в которой призывал настоятелей столичных церквей «согласно желания владыки-митрополита» организовывать приходские собрания или советы для выработки резолюций по вопросу о положении духовно-учебных заведений «в связи с декретом Ленина». Предлагалось как можно больше заинтересовать этим вопросом духовенство и прихожан. А 11 января в здании Исидоровского женского училища в Петрограде состоялось общее собрание членов приходских советов². Кроме того, в середине января 1918 года патриарха посетила делегация от Московского съезда духовенства и мирян во главе с председателем протоиереем И.Г. Соколовым, попросившая заступиться против отобрания духовных школ. Патриарх ответил, что когда начнет работу Собор, он тут же выступит против этого декрета³.

Разработка самого важного документа, определившего статус Православной церкви в Советской России в течение следующих десятилетий, началась уже через месяц после свержения Временного правительства. Первоначально инициатором этого выступил ранее сотрудничавший с «Новой жизнью» петроградский священник (настоятель Церкви Преображения Господня (Колтовской)) Михаил Галкин. В ноябре он направил в СНК письмо, в котором попросил привлечь его к

¹ Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 декабря.

² Знамя Христа. 1918. 14 января. Братство приходских советов города Петрограда и Петроградской епархии было организовано еще в августе 1917 года, его руководителем являлся протоиерей Николай Рудинский. См.: Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М., 2011. С. 21; Шкаровский М.В. Церковная жизнь Петрограда в период работы Всероссийского Поместного Собора. С. 147–148.

³ Знамя труда. 1918. 14 (27) января.

активной деятельности и жаловался, что живет «с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви». «Меня тянет к живой работе, – сетовал Галкин. – Хочется строить, бороться, страдать, торжествовать, а я в своей рясе живой мертвец»¹. Священник предложил правительству предпринять несколько немедленных шагов: организовать «Комиссарство по делам культов», как можно скорее занять Обер-прокурорский дом на Литейном проспекте (опечатав все хранящиеся там дела), и реквизировать Петроградскую синодальную типографию. Кроме того, автор недвусмысленно дал понять, что на должность главы «Комиссарства по делам культов» претендует он сам². Галкин также попросил опубликовать свою прилагавшуюся к письму статью, осуждавшую постановления Поместного Собора о правовом положении Православной церкви³. Там заявлялось, что в политику ее затащили «присоединившиеся к Собору Родзянки, Трубецкие, Апраксины», но основной критике подверглась иерархия. Галкин отметил, что «с духовенством только темная, суеверная, обманутая, почти языческая масса, для нея нужен и важен лишь религиозный фетиш, а там безразлично, будет ли это всероссийский патриарх или даже бык Апис из Мемфики»⁴. Статья содержала проект постановления, в соответствии с которым религия объявлялась частным делом каждого человека, а церковь и религиозные общины становились частными союзами, «свободно управляющими своими делами». Преподавание Закона Божия в высшей, средней и низшей школах признавалось необязательным и предлагалось ввести в действие «особые органы народной власти», занимающиеся гражданской метрикацией. Кроме гражданского брака предлагалось узаконить и «вневероисповедные» похороны, включая устройство крематория. Галкин призвал снять с духовенства все льготы в отношении несения им денежных и натуральных повинностей, включая призыв на

¹ Цит. по Кравецкий А.Г. К истории Декрета об отделении церкви от государства // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 136–137.

² Там же.

³ Речь в тот момент шла только о проекте постановления Поместного Собора. Окончательное определение по этому поводу было принято только 2 декабря 1917 года.

⁴ Первые шаги на пути к отделению церкви от государства // Правда. 1917. № 27. 3 (16) декабря.

военную службу. Оговаривалось, что отбывать ее священники и монахи могут в нестроевых ротах (санитарами, писарями, телефонистами и пр.) Далее предлагалось объявить о прекращении финансирования церкви из государственной казны и о секуляризации «небесных» капиталов и имущества. В том числе митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам и протоиереям предписывалось немедленно «возвратить» золото, серебро, бриллианты и другие драгоценности своих митр, клобуков, панагий, посохов и крестов в народную казну, «опустевшую в годину великих потрясений». Духовенству рекомендовалось носить рясы только в храмах, в других местах одевать «общегражданское платье». А самый последний пункт предлагал ввести в Российской Республике с 7 января 1918 года григорианский календарь¹.

27 ноября 1917 года СНК рассмотрел письмо Галкина и решил использовать это выступление против церковных властей. Статью с проектом декрета постановили напечатать в газете «Правда» с указанием принадлежности автора к духовному сословию. Совнарком также поручил П.И. Стучке и В.Д. Бонч-Бруевичу изучить письмо и статью, вызвать Галкина для переговоров и рассмотреть возможность «привлечения священника Галкина к активной деятельности и на какой пост». На протоколе заседания имеется пометка секретаря СНК Н.П. Горбунова о том, что письмо передано Бонч-Бруевичу 29 ноября 1917 года².

Статью Галкина действительно поместили в газете «Правда» от 3 декабря 1917 года³, публикация получила широкий резонанс. Авторы заметок в

¹ Там же. Надо добавить, что письмо М. Галкина – не единственное послание в Совнарком, призывающее «во имя чистоты веры» к активным действиям в отношении церкви. Так, в первой половине декабря некая анонимная группа авторов писала народным комиссарам: «долой антихристианское духовенство, долой антихристово церковное учение, осмеливающееся называть себя учением Христа». См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 29–30. А с призывом отнять у церкви все драгоценности для «укрепления свободы и завершения войны» один из священников публично высказывался еще в апреле 1917 года на Съезде Западного фронта. См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 67. А в мае 1917 года ахиерископ Димитрий (Абашидзе) присоединился к призыву Таврического съезда духовенства и мирян нести «на алтарь Отечества драгоценности и пожертвовать свою бриллиантовую панагию». См.: ВЦОВ. 1917. 28 мая.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 59.

³ Первые шаги на пути к отделению церкви от государства // Правда. 1917. №27. 3 (16) декабря.

оппозиционной прессе особо отмечали сотрудничество представителя духовенства с СНК¹. А протоиерей Н. Дроздов написал на страницах журнала «Известия по Петроградской епархии», что Галкин «с легкомыслием папильона порхающий от Бога к Апису и от молитвы к приусадебной земле», не может быть священнослужителем². Однако напечатанный законопроект восприняли довольно-таки серьезно: 5 декабря 34 члена Поместного Собора выступили с предложением «обсудить проект декрета». Избранная для этого комиссия³ выработала текст постановления Собора «по поводу обнародованного в печати предложения Совета Народных Комиссаров издать декрет об отделении церкви от государства и об отобрании церковного имущества». В проекте говорилось, что участились случаи «разбойных грабежей» в приходских храмах и монастырях, кощунственных действий и насильственного отобрания церковных и монастырских земель и иного имущества «как жителями окружающих селений, так и лицами именующими себя носителями власти». Предписывалось «не отдавать добровольно захватчикам святого достояния церкви во всех его видах кому бы то ни было», а на насильственные требования передачи имущества настоятелю храма или обители вменялось отвечать отказом. О грабителях и захватчиках предлагалось доносить местным епископам «на предмет отлучения от церковного общения виновных». Если же в «кощунствах» виновны целые селения – прекратить совершение священнодействий и закрывать храмы в них «впредь до искреннего покаяния виновных». И самый главный тезис – повторяющий сентябрьское предложение министра исповеданий – «немедленно организовать православные братства при приходских храмах и монастырях из окрестных жителей, преданных Св. Церкви для охраны церковного и монастырского имущества». Кроме того, предлагалось в проповедях с церковного

¹ Так, одна из газет писала, что «в кругах большевиков начинает играть выдающуюся роль настоятель Спасо-Колтовской церкви на Петроградской стороне свящ. Галкин. Иерей этот был из очень близких к свите Григория Распутина... После революции Галкин заявил себя сторонником крайне левых течений». См. газетную вырезку: ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 50. Л. 62.

² Дроздов Н., протоиерей. Трудно прать против режима // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 51. С. 5.

³ В ее состав вошли архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), епископ Пермский Анроник (Никольский), архимандрит Матфей, профессор С.Н. Булгакова и П.И. Астров.

амвона призывать народ к покаянию и молитве, «выясняя смысл текущих событий с христианской точки зрения»¹. 12 декабря 1917 года Соборный Совет утвердил текст постановления, но, так как члены Собора разъехались на каникулы, направил документ зачем-то для рассмотрения в Синод. 18 декабря 1917 года последний признал издание такого постановления «целесообразным и соответствующим обстоятельствам настоящего времени»². Впрочем, когда Собор вновь приступил 22 января 1918 года к занятиям, ситуация значительно усугубилась, и первоначальный проект пришлось откорректировать и дополнить.

Создавать «Комиссарство по делам культов» советское руководство не стало, как и не спешило в декабре 1917 года печатывать Дом обер-прокурора. А единственное из предложений Михаила Галкина, проведенное в жизнь в течение нескольких ближайших недель, – реквизицию Петроградской Синодальной типографии, осуществили под лозунгами введения рабочего контроля и передачи производства трудящимся. Из этого можно заключить, что до начала 1918 года Совнарком избегал делать резкие практические шаги в отношении церкви. Вместо этого занялись подготовкой будущего основополагающего декрета.

11 декабря 1917 года Советское правительство постановило образовать комиссию в составе А.В. Луначарского, П.И. Стучки и М. Галкина, которой поручили «обсудить вопрос о ускорении отделения церкви от государства и выработать план действий»³. Туда же привлекли сотрудников НКЮ профессора М.А. Рейснера и известного «антицерковника», члена Следственного комитета по борьбе с контрреволюцией П.А. Красикова⁴. К сожалению, делопроизводственных материалов данной комиссии в архивах найти не удалось. Нет и ее точного названия. Но, например, в журналах Государственной комиссии по просвещению отмечено, что 24 января 1918 года ее члена В.М. Познера избрали для участия в назначенном на 26 января заседании «Комиссии по

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 529. Л. 1 – 2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 102.

⁴ См. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 28.

вопросам об отделении церкви от государства»¹. Очевидно, в данном случае речь шла именно о комиссии Луначарского-Стучки-Галкина. А.Г. Кравецкий предположил, что «вокруг группы, участвовавшей в подготовке декрета», происходила некая борьба между большевиками и левыми эсерами, чей представитель – И.З. Штейнберг – возглавил в декабре 1917 года Наркомат юстиции². Однако тот факт, что документы комиссии до сих пор не удалось обнаружить в архивах, пока может свидетельствовать как раз об обратном: о тесном сотрудничестве большевиков с левыми эсерами, вспоминать о котором кому-то впоследствии стало неудобно.

Результат работы комиссии – проект Декрета об отделении церкви от государства – опубликовала 31 декабря 1917 года газета правых эсеров «Дело народа». Почему документ появился в органе враждебной Советскому правительству партии – не ясно. Возможно, текст передали изданию умышленно, чтобы его устами озвучить готовящееся постановление. Публикацию сопровождало простое короткое пояснение о том, что данный проект в настоящее время рассматривается Совнаркомом и вскоре будет внесен в утверждение ВЦИК Советов на одном из его ближайших заседаний. В проекте имелось 13 следующих пунктов:

«1. Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики; 2. Запрещается издавать местные законы или постановления, которые могут ограничивать свободу совести; 3. Каждый гражданин может исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой; 4. Отменяются официальные обряды во всех государственных учреждениях; 5. Отменяются религиозные клятвы и присяги, вместо них вводится торжественное обещание; 6. Запись рождений, смертей и браков ведется без участия духовных лиц; 7. Церковные и

¹ Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. М., 2012. С. 157.

² Кравецкий А.Г. Указ. соч. С. 139. Кравецкий, в том числе, ссылается на советского автора И. Сухоплюева, обратившего внимание на некоторые «эсеровские» формулировки декрета, например «народное достоинство». См.: Сухоплюев И. Ленин и декрет об отделении церкви от государства // Воинствующий атеизм. Ежемесячный научно-политический журнал. М.-Л., 1931. № 5. С. 58. Также Кравецкий приводит выдержку из личного письма Михаила Галкина, в котором тот сообщает о совместной работе с левыми эсерами в комиссии, занимавшейся подготовкой декрета об отделении церкви от государства. См.: Кравецкий А.Г. Указ. соч. С. 139.

религиозные общества приравниваются к частным обществам; 8. Отменяется всякое преподавание религиозных предметов в учебных заведениях; 9. Не допускается принудительное взыскание церковных сборов; 10. Церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют юридического лица; 11. Все имущество церковных и религиозных обществ с момента издания декрета поступает в собственность государства; 12. Имуществом приходов будут ведать волостные, земские и городские самоуправления; 13. Церковные здания для общественных богослужений предоставляются лишь с разрешения представителей по заведыванию религиозным имуществом»¹.

Таким образом, проект представлял собой сильно переработанные тезисы Михаила Галкина, хотя некоторые из них оказались отброшены. Например, экономическую часть в виде рукописной записки передали в Наркомат финансов. Она хранится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), датирована 17 января 1918 года и озаглавлена «О закрытии кредитов для церкви»². Скорее всего, предполагалось на основании этих статей подготовить соответствующий декрет, но он по каким-то причинам не появился.

Публикация в «Деле народа» не осталась без внимания духовенства. Однако некоторое время остроту предлагаемого проекта сглаживало ожидание открытия Учредительного собрания. После его разгона³ 10 января 1918 года митрополит Петроградский Вениамин направил в СНК свое обращение, написанное в довольно-таки примирительных тонах. Там сообщалось, что осуществление декрета «угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу», и что «волнения могут принять силу стихийных движений». Митрополит заявил о своей уверенности в том, что «всякая власть в России печется только о благе русского народа и не желает ничего делать такого, что бы вело к горю и бедам громадной части его». В заключение Вениамин выразил надежду, что его

¹ Дело народа. 1917. 31 декабря.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 – 1 об.

³ Открывшееся 5 января 1918 года Учредительное собрание было распущено на следующий день постановлением Центрального Исполнительного Комитета Советов. См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 15. Ст. 216. С. 227–228.

голос будет услышан¹. 12 января 1918 года письмо митрополита зачитали на заседании Малого совета народных комиссаров и постановили передать его в НКЮ². Ленин написал на письме резолюцию с просьбой к коллегии комиссариата ускорить разработку декрета об отделении церкви от государства³.

В Московском Совете рабочих и солдатских депутатов также шло обсуждение предстоящего декрета. В январе 1918 года его Президиум составил в СНК обращение, в котором предлагалось, как минимум, внести ясность в проблему финансирования государством учреждений культа. Отмечалось, что причты, монастыри, управления епархиями, консистории и епископы по-прежнему желают получать содержание из народных средств, хотя с введением гражданской регистрации рождений, браков и смертей они потеряли статус правительственных органов. По сообщению Московского Совета, его комиссар уже в ноябре и декабре 1917 года «разрешал такие выдачи крайне осторожно и неохотно», а с 1918 года «совершенно их задержал», но, чтобы подобные меры не рассматривались как произвол, необходимо издать «соответствующий декрет в общерусском масштабе». Московский Совет предлагал предусмотреть некоторый срок для ликвидации консисторий, установив его до 1 марта (для отдаленных местностей – до 1 апреля) 1918 года, а также точно указать, кому именно перейдут имущество, документы, капиталы и функции управления подведомственными «ценными институтами» (видимо, имелись в виду предприятия и благотворительные учреждения). Важно предложение о том, что «относительно духовенства, церквей, монастырей и как институтов, и как владельцев капиталов, имуществ, предприятий, благотворительных учреждений также необходимо ясное и категорическое указание их дальнейшей судьбы». В заключение обращения Президиум Московского Совета попросил Совнарком обязательно согласовать текст декрета с Москвой⁴.

¹ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 24. Обращение вручили в Смольный под расписку.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 421.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870 – 1924. Т. 5. С. 195; Новая жизнь. 1918. 25 января (7 февраля); Церковные ведомости. 1918. № 5. Прибавления. С. 204.

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 14 – 14 об.

Параллельно в прессе началась «информационная подготовка» общества к предстоящему декрету. Наибольшее количество публикаций на церковную тематику в конце декабря 1917 – начале января 1918 года появилось в официальных «Известиях ЦИК Советов», которые ранее почти не интересовались религиозным вопросом. Один из авторов будущего декрета – М.А. Рейснер – поместил 21 декабря 1917 года автобиографическую заметку, в которой сознался, что он родом из балтийского дворянства и значительную часть своей жизни прожил в мире «дворянских религиозных предрассудков». По словам Рейснера, в молодости он даже собирался в монахи и находился под сильным влиянием Антония Храповицкого, «мистика и черносотенного пророка». Потом, столкнувшись с суровыми жизненными реалиями, автор пришел к социалистическим убеждениям¹. После того, как 5 января 1918 года «Новая жизнь» предупредила большевиков о возможном активном сопротивлении верующих «радикальной церковной реформе», Рейснер в «Известиях» провел анализ готовящегося законопроекта, подчеркивая, что почти все его положения по-отдельности уже приняты во Франции и Соединенных Штатах Америки. В частности, там проведены в жизнь национализация церковного имущества и передача храмов в пользование приходским сообществам. Говоря о лишении церкви прав юридического лица, Рейснер сослался на американский опыт, где некоторые секты находились на таком полуполюгальном положении. Профессор заключил, что большевики «лишь следуют тем образцам, которые давно выработаны американской и европейской демократией и лишь объединены в русском проекте»².

В декабре 1917 – январе 1918 года «Известия» несколько раз публиковали статьи некоего священника, то без указания фамилии, то под псевдонимом «Вениамин Славский», скорее всего, автором выступал сам Михаил Галкин. В первой заметке «Отделение церкви от государства» священник раскритиковал

¹ Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 декабря.

² Рейснер М. Разделение церкви и государства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 12 января. С. 1.

официальный «Всероссийский церковно-общественный вестник» за его отзывы о проекте одноименного декрета. Автор назвал газету «жалкой кадилницей архиерейских и протоерейских прихожих, существующей на народные средства, насильственно собираемые со всех церквей». По словам священника, архиереи испугались, что их лишат «миллионных ассигновок» из государственной казны и начали кричать о гонениях на церковь. Но «народ получил себе свободу и эту свободу хочет дать и церкви. Пусть она устроится своими средствами, своими силами и церковь должна быть за эту свободу только благодарна»¹. В следующей статье Славский продолжил критику церкви, обрушившись на духовные консистории и назвав их «синодальными участками», в которых царят лицеприятие, кумовство и мздоимство, и которые «к сожалению, по своей гуманности» не уничтожила революция. Впрочем, причина беспокойства автора раскрыта в самом тексте: он сообщил, что Петроградская духовная консистория начала расследование в отношении Михаила Галкина за его сотрудничество с газетами «Новая жизнь» и «Правда». Славский даже упомянул, что Галкина вызвали «для объяснений» к митрополиту Вениамину и епископу Лужскому Артемию, хотя вина священника «не доказана», а «ответственность за те или иные политические убеждения всех граждан российской республики законом отменена». В итоге Славский предложил «закрывать навсегда эти Пилатовы конторы», тем более что после перехода функции ведения записи актов гражданского состояния к светским органам у духовных консисторий остался только церковный суд². В своей третьей статье Славский раскритиковал произведенное по постановлению Святейшего Синода торжественное прочтение священниками в храмах обращения Поместного Собора по поводу ограбления

¹ Отделение церкви от государства // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 декабря.

² Славский Вениамин. Судьба духовных консисторий // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 13 января. С. 1. В материалах Петроградской духовной консистории в ЦГИА СПб не удалось найти никаких документов о расследовании деятельности священника Михаила Галкина в 1918 году. Возможно, делопроизводства по этому поводу не было.

церквей, монастырей и землевладельцев. Священник заявил, что церковь всегда защищала богатых и сильных, «то же и до сих пор»¹.

В январе 1918 года в Петрограде развернулась антицерковная агитация и в форме публичных лекций. Наибольший резонанс вызвали выступления автора декретов о гражданском браке и разводе И.А. Шпицберга: 13 января в Михайловском артиллерийском училище и 27 января – в Зале армии и флота. Первая лекция именовалась «Современная Церковь и семья в освещении революции». В ходе нее Шпицберг доказывал, что существующее церковное учение противоречит заповедям «Великого учителя морали, человека Иисуса Христа», а патриарх Тихон – самозванец, которого сделали «святыней» сторонники контрреволюции. Лектор объявил, что «попы – это вши в народном теле, это пособники мародеров и помещиков», и на Соборе в Москве «объединились все контрреволюционеры – Родзянко, Гучков, Трубецкой и т. д.» В заключение Шпицберг призвал положить конец Собору и «другим затеям духовенства иначе вся революция пойдет на смарку»².

Эти выступления вызвали огромное возмущение, поскольку впервые в Петрограде антицерковная пропаганда открыто зазвучала в виде своеобразного массового революционного просвещения. Особенно подогревал страсти тот факт, что присяжного поверенного почему-то считали товарищем наркома просвещения, и сам Шпицберг не опровергал свою близость к Смольному. Профессор С.С. Глаголев, присутствовавший на лекции в Михайловском училище, даже попытался вступить в полемику с докладчиком. Так, Шпицберг объявил, что «мы свергли земного царя, но нам предстоит свергнуть и Небесного. Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения, как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов». Добавив, что «будет запрещено богослужение, и будут отобраны церковные сосуды, как средства для колдовства», лектор провозгласил

¹ Славский Вениамин. Деяния Собора и деяния духовенства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 января. С. 1.

² Церковные ведомости. 1918. № 5 от 20 (7) февраля. С. 205–206.

необходимость реквизиции всех духовных учреждений и введения светскости школы. Таким образом, лектор нес очевидную радикальную «отсебятину»: никто из большевиков в то время не стал бы говорить ни о прекращении богослужений, ни уж, тем более, о колдовстве. Далее Шпицберг под рукоплескания собравшейся аудитории принялся ругать Синод и Собор, в том числе заявив, что жребий при избрании патриарха вынимал уклоняющийся от военной службы монах. Когда Глаголев с места воскликнул «он девяностолетний старец!», Шпицберг сначала замялся, а потом заявил: «накажем его молчаливым презрением»¹.

Некоторые близкие к церкви представители интеллигенции хорошо знали Шпицберга лично по совместной работе при обер-прокуроре В.Н. Львове. Так, бывший депутат Государственной думы Н.Н. Львов позвонил в середине января 1918 года Шпицбергу по телефону и спросил, как тот собирается «громить православную церковь». На это присяжный поверенный ответил, что он «искренний православный», но гордится тем, что «проект декрета об отделении церкви от государства разработан им». На вопрос о занимаемом poste Шпицберг ответил, что он является «солдатом великой русской революции»². И действительно, как следует из автобиографии Шпицберга, составленной в 1932 году, на начало 1918 года никаких должностей в советском аппарате он не занимал, состоя агитатором Смольного по антирелигиозным заданиям³. Тем не менее, его лекции являлись частью кампании по информационной подготовке общества к предстоящему наступлению на церковь.

К январю 1918 года власти уже закрыли некоторые храмы, относящиеся к ведению придворного духовенства: дворцовую церковь в Гатчине (по распоряжению местного комиссара), церковь Аничкова дворца (постановлением

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. Деяния LXVI–LXXVII. Москва, 1918. С. 33–34.

² Петроградский голос. 1918. 18 января.

³ Шпицберг писал, что с февраля 1917 года он бесценно находился на религиозном фронте: «организовал в 1918 году первый в СССР ЗАКС (в Ленинграде), был агитатор в Смольном, работал следователем по важнейшим делам (церковным) в отделе Наркомпроса и уполномоченным ВЧК; засим организовал издательство Атеист, по объединении работал в Безбожнике и членом редакционной коллегии в “Воинствующем атеисте”». См.: ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 12. Д. 2227. Л. 3–4.

Министерства труда) и – временно – собор Петра и Павла в Петергофе¹. Большой собор Зимнего дворца перестал действовать после событий 25–26 октября 1917 года. Также оказались закрыты храмы при бывшем градоначальстве и МВД, их священники получили уведомление об освобождении от службы². Во «Вдовьем доме» при Смольном соборе одну из внутренних церквей превратили в кладовую для вынесенных из института роялей. Престол разобрали, а часть утвари поместили в собор³. Однако, стоит отметить, что закрытие домовых и дворцовых храмов происходило и ранее: например, в связи с революционными событиями весной 1917 года прекратила существование церковь при Таврическом дворце.

Вместе с тем, с момента свержения самодержавия в самом духовном ведомстве начало активно развиваться профессиональное движение рабочих и низших служащих церковных учреждений (типографий, свечных заводов и т.д.)⁴ Хотя оно и не имело такого широкого размаха, как прокатившаяся по России весной «епархиальная революция», но именно это движение стало использоваться после Октября советскими комиссарами для борьбы с церковным руководством. Рабочие духовного ведомства устанавливали контакт с центральными профессиональными организациями и попадали под воздействие вырабатываемой ими политики. Например, 21 августа 1917 года Московский Совет профессиональных союзов (далее – МСПС) рассмотрел и утвердил устав «Союза служащих и рабочих кладбищ города Москвы»⁵, а 1 декабря представители союза участвовали в заседании МСПС⁶.

¹ Черепнина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917 – 1945 гг. (по документам ЦГА СПб). ДЕАН+АДИА–М. СПб., 1996. С. 4.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 24.

³ Вечерний почтальон (Петроград). 1918. 26 января; РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 57. Л. 113.

⁴ Как отметил П.Н. Зырянов, ряд монастырей также имели свои предприятия с использованием наемного труда, в том числе и фабричного типа: водяные и паровые мельницы, текстильные производства. См.: Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 186. Рабочее движение в духовном ведомстве имело место и до Февраля. Так, в начале 1917 года епископский совет Таврической епархии уволил большую группу рабочих свечного завода, выдвигавших в ходе забастовки экономические требования. См.: Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг.: на материалах Крыма. Автореферат дис. д.и.н. М., 2004. С. 28–29.

⁵ Московский совет профессиональных союзов в 1917 году. (Протоколы). М., 1927. С. 73, 200.

⁶ Там же. С. 134.

Первоначально рабочие отстаивали необходимость улучшения материальных условий труда, прежде всего, установления дополнительных надбавок и пособий. Так, с подобными требованиями «экономического характера» выступили в сентябре 1917 года рабочие Московского епархиального свечного завода. Правление заявило в ответ, что оно не правомочно распоряжаться заводскими средствами, и это сможет решить только епархиальный съезд, намеченный на октябрь. Съезд не состоялся и на вторичный запрос рабочих последовал ответ, что их пожелания рассмотрит съезд в феврале–марте 1918 года. Тогда рабочие выдвинули ультиматум, на который потребовали ответить до 23 ноября 1917 года. К прежним требованиям добавилось введение рабочего контроля над производством. По версии «Известий Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» именно последнее требование «послужило причиной особого осложнения», так как «правление завода не считает нужным идти с рабочими рука об руку и никаких декретов о контроле над производством, а также власти, которая их издает, не признает»¹. Согласно «Московским епархиальным ведомостям» управляющий епархией епископ Иоасаф собрал в связи с положением на заводе экстренный съезд духовенства и мирян, который избрал комиссию, достигшую с рабочими компромисс. А очередной общепархиальный съезд в декабре 1917 года избрал более представительную комиссию для выработки устава рабочих свечного завода².

Сообщения о епархиальном свечном заводе еще несколько раз появлялись на страницах «Известий Московского Совета», что свидетельствует о большом интересе московских властей к ситуации на предприятии. 14 января 1918 года газета сообщила, что рабочие завода сформировали «контрольную комиссию над производством», которая обнаружила в церковном доме Успения на Покровке склад сырого воска. Оценив такое «скопление» как подрыв правильной деятельности завода, 9 января 1918 года общее собрание рабочих постановило требовать немедленной реквизиции обнаруженного сырья-воска и передачи его на

¹ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 ноября (№ 217).

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 1 от 15 января. С. 4.

обработку в Епархиальный свечной завод¹. Газета «Знамя Христа» проинформировала, что из-за волнений с рабочими на Московском свечном заводе в «духовных кругах» возник проект заменить рабочих на монахов и монахинь, так как те отлично знают дело изготовления восковых свечей². Однако, эксцессов удалось избежать.

В Петрограде 12 декабря 1917 года состоялось общее собрание союза служащих при столичных церквях, на котором произвели выборы в органы управления союзом и в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, собравшиеся приняли текст ультимативного требования церковных сторожей к приходским советам о повышении жалования до 150 рублей в месяц при готовой квартире и о введении в советы непременно членами церковных служащих: от 3-х по одному представителю, от 10 – по два, свыше 10 – на каждые 10 человек по одному представителю. Союз решил добиваться удовлетворения своих требований всеми методами вплоть до всеобщей забастовки и недопущения штрейкбрехерства включительно³.

Брожения охватили и монастыри. Например, в Троице-Сергиевой Лавре «экономические» требования рабочих конного двора к администрации обители начались уже с весны 1917 года. В апреле через примирительную камеру была достигнута договоренность об организации еженедельной бани с выдачей мыла. 13 октября 1917 года собрание Общества рабочих и служащих Лавры потребовало у правления монастыря (Духовного собора) выдать хлебный паек $\frac{1}{2}$ фунтовой порции, «так что физический труд требует пропитания». Кроме того, было выдвинуто требование «возобновить выдачу мясного пайка как выдавалось в предыдущее время так что с этих харчей ослабевающие силы рабочих требуют невольного ходатайства улучшения продовольствия»⁴. 20 декабря Общество лаврских рабочих и служащих ходатайствовало о прибавке жалования 50%, а за

¹ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 14 января.

² Знамя Христа. 1918. 14 (17) января.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 19104. Л. 1.

пропуски бани просили выдавать по 1 рублю деньгами. Кроме того, рабочие конного двора заявили протест против практики вычета хлебных денег за время болезни или «прогула во всех случаях». Для переговоров с Духовным собором 21 декабря 1917 года делегировали двух представителей¹.

11 января 1918 года Духовный собор во главе с наместником архимандритом Кронидом постановил назначить рабочим и служащим дополнительные выплаты в размере 25 рублей в месяц, а «в выдаче денег за пропущенные бани, а также и хлебных за время болезни и дни прогулов отказать»². Новое собрание членов Общества рабочих и служащих 20 января 1918 года выразило удовлетворение уступками администрации, которая, кроме всего прочего, пообещала рабочим заменить нары на койки и выдать всем сберегательные книжки для перечисления жалования³. Этому положению позавидовали рабочие кузнечной мастерской Лавры, которые также потребовали от администрации 50%-го повышения зарплаты. Более того, для усиления давления на руководство монастыря кузнецы направили копию своего приговора также и в Совет рабочих и солдатских депутатов Сергиева Посада, который горячо поддержал данное требование⁴.

Движение рабочих и низших служащих затронуло и центральные учреждения Синода. Так, несмотря на то, что в 1917 году произошло существенное повышение зарплат рабочих синодальной электрической станции (например, машинист стал получать 500 рублей вместо 80), накануне Рождества они затребовали выплаты праздничного пособия. Получив отказ, рабочие стали своевольно отключать электричество, сначала после 23-00, а потом и вообще без

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 8 об. Примечательно, что живший при монастырском конном дворе рабочий С.В. Стекольников вообще пожаловался 27 декабря 1917 года в ВРК Сергиева Посада на Лавру за то, что другой рабочий украл у него кожаные сапоги стоимостью 120 рублей. Эти деньги Стекольников предполагал взыскать с подрядчика отца Дамиана за «хозяйственный произвол», поскольку тот взял вора на работу без документов и не смог указать, где его искать. См.: там же. Л. 4 – 4 об.

предупреждения в любое время, оставив синодальные здания без освещения темными январскими вечерами¹.

Именно в рамках профессионального движения рабочих и низших служащих духовного ведомства наиболее отчетливо проявилось противостояние двух идей: пролетарской солидарности и служения церкви. И самая болезненная ситуация в этой связи сложилась в конце 1917 года в Петроградской синодальной типографии, расположенной по адресу ул. Кабинетская (сейчас – ул. Правды), 15, и являвшейся на тот момент крупнейшей в Ведомстве православного исповедания. Число трудящихся в типографии рабочих и «вольных мастеровых» в 1917 году составляло около 350 человек², там печатались главные синодальные издания: журнал «Церковные ведомости» и газета «Всероссийский церковно-общественный вестник». После Февраля 1917 года среди рабочих стало проявляться стремление к более активному участию в управлении типографией, в результате чего церковное руководство ввело в действие так называемые «Автономные правила», выработанные Комитетом связи рабочих казенных типографий³. В соответствии с этим документом для защиты прав рабочих при типографии образовалась Автономная комиссия, вскоре переименованная в Комитет старост. Однако указанная уступка не помогла, а только еще больше дезорганизовала производственный процесс. Комитет старост вместо отведенных ему функций профсоюзной организации тут же стал притязать на контроль над производством и «хозяйничанье в типографии»: начал нанимать новых рабочих помимо Управления типографией, принял резолюцию о захвате чиновничьих квартир и требовал повышения тарифных ставок⁴. Для выяснения ситуации и

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 28.

² См. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1917. Д. 104. Л. 1–31.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–14.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 13. Митрополит Евлогий (Георгиевский), который жил летом 1917 года в Синодальном подворье рядом с типографией, вспоминал: «синодальные чиновники все куда-то исчезли, зданием заведовали рабочие синодальной типографии, которые сознавали себя хозяевами положения и поселились в некоторых комнатах». См.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 549. Впрочем, ситуация с Комитетом старост Синодальной типографии была типичной для России 1917 года. Как писал историк Н.В. Михайлов, создававшиеся в то время фабзавкомы (а именно им, по сути, являлся Комитет) не вписывались в рамки обычных профессиональных союзов, так как ставили перед собой более широкие цели: «не защиту интересов рабочих путем переговоров, а рабочее самоуправление». См.: Михайлов Н.В. Рабочий контроль или самоуправление: чего добивался русский рабочий класс в 1917 году? // Роль профсоюзов в становлении

выработки мер по ее исправлению 4 августа 1917 года по распоряжению А.В. Карташева образовалась специальная комиссия во главе с председателем Издательского отдела при Святейшем Синоде протоиереем А.П. Рождественским. Впоследствии, 4 марта (19 февраля) 1918 года Рождественский докладывал Высшему Церковному Совету, что «уже в сентябре выяснилось, что вследствие анархической дезорганизации, водворившейся в типографской рабочей среде... под влиянием проникшего в эту среду нового, анархически настроенного элемента, которому чужда (чего нельзя сказать о значительной части старослужащих рабочих) идейная сторона деятельности синодальной типографии, последняя была постепенно обречена на совершенное расстройство финансово-экономической части»¹. Размолвка между рабочими в лице Комитета старост и правлением типографии дошли до того, что прежний управляющий, В.А. Тернавцев, покинул свой пост. В соответствии с «Автономными правилами» на его место рабочие и служащие избрали нового главу, им стал И.Н. Михайлов.

Свержение Временного правительства и переход власти к советам придали событиям в типографии еще большее ускорение. 14 ноября 1917 года ВЦИК Советов принял положение о рабочем контроле, согласно которому на всех предприятиях, где использовался наемный труд, создавались выборные органы от рабочих и служащих, в ведение которых переходил контроль не только над производством, но и над «финансовой стороной предприятия»². В это же время прошли перевыборы в Комитет старост синодальной типографии, в него вошли лица, активно сочувствовавшие идеям рабочего контроля. И хотя декрет предписывал, чтобы этот контроль осуществляли органы, включающие в себя представителей «от служащих и технического персонала», составленный только из рабочих Комитет старост объявил себя руководящим органом типографии. Ее чиновники (25 человек) образовали свой отдельный комитет, пытаясь организовать перед лицом все более растущих требований рабочих.

гражданского общества в России. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 15 октября 2009 года. СПб., 2010. С. 77.

¹ Цит. по: Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 99.

² Декреты Советской власти. С. 83.

Новый управляющий оказался верным духовному начальству. Он подготовил для Синода специальный доклад «о ненормальностях» в работе типографии, в котором попытался наметить шаги к восстановлению порядка на производстве. В докладе, в частности, отмечалось, что с введением института старост и образованием при нем Хозяйственного комитета из 3 членов сложилась следующая ситуация: ежедневно вместо работы рабочие отвлекаются на некие «заседания» от 12 человек и более; старосты не вводят выработанную союзом печатников норму, не приучают рабочих к порядку (что предусмотрено «Автономными правилами»), а занимаются «пустыми разговорами»; старосты выносят разные требования и «хулиганские постановления», которые печатают, используя мощности и материалы типографии, отвлекая для этого наборщиков, а потом расклеивают свои листовки «до сведения» всех рабочих; в частности, издано постановление о захвате квартир у чиновников или обложении их арендной платой, «не считаясь ни с законом, ни с порядочностью человеческих отношений»; старосты испортили «множество механизмов» и пытаются влезть в отношения типографии с заказчиками. Затраты по содержанию Комитета старост «за ничего неделанье» правление оценило в 75 000 рублей в год, не считая платы «другим рабочим, которые ими поставлены на свое место, получая равную с ними плату по тарифу». Михайлов предлагал или упразднить Комитет старост вместе с Хозяйственным комитетом, или вообще временно закрыть типографию, «дабы весь худший элемент вновь в случае открытия не мог попасть» в нее¹.

Однако, ситуация складывалась не в пользу Синода и чиновников правления. Вдохновленный постановлением о рабочем контроле и политическими переменами в стране, обновленный состав Комитета старост развернул бурную деятельность. Новым председателем Комитета стал наборщик Евлампий Карлуков, секретарем – метранпаж Иван Брысов. Кроме них в комитете состояли представители всех производственных отделений. Обновленный Хозяйственный комитет составили председатель – экспедитор Александр Волосевич и рабочий М.

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 29 – 29 об.

Чуменков¹. Редактор «Церковных ведомостей» протоиерей Н.П. Лахостский заявил впоследствии, что избранные в конце 1917 года старосты все являлись «большевиками»², однако другие источники, прежде всего, материалы издаваемого старостами «Трудового еженедельника» не подтверждают этого. Для Комитета старост на первом месте стояла не партийная принадлежность, а непосредственно идеи рабочего контроля, которые они начали проводить в жизнь с ноября 1917 года, активно вмешиваясь в дело администрирования и издавая распоряжения по типографии. Так, 15 декабря Комитет разрешил предоставить кладовщику Володину отпуск 10 дней и передал заведование столовой непосредственно повару, установив ему зарплату 265 рублей. Кроме того, старосты приняли постановление о том, что все не подчиняющиеся Комитету чиновники будут немедленно увольняться от должности³. 18 декабря Комитет постановил начать выпуск собственного журнала, разумеется, силами и средствами типографии. Первый номер этого издания, названного «Трудовым еженедельником», увидел свет 1 января 1918 года. При этом 19 декабря старосты объявили о прекращении печатания газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» «ввиду большой задолженности и не уплаты денег за работы»⁴.

Надо отметить, что не все рабочие признавали авторитет Комитета. Например, кладовщик печатного отделения Тишков назвал его членов «бараньими головами» и «сволочами», за что 15 декабря его постановили уволить⁵. На следующий день Тишков объявил, что осознал свою вину и раскаялся, и наказание заменили строгим предупреждением⁶. Тогда же, 15 декабря 1917 года, старосты рассмотрели обстоятельства драки между чернорабочими Филоновым и Борисовой, выяснив, что первым нанес

¹ Трудовой еженедельник. 1918. № 1. С. 5.

² Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 29.

³ Трудовой еженедельник. 1918. № 1. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

оскорбление именно Филонов. Когда же последнего пригласили в Комитет для «разбора полетов», он ответил: «ну вас всех к... и с комитетом старост». Филонова также решили уволить¹.

Комитет старост поддерживал активные связи с Комитетом связи казенных типографий. 16 декабря последний выработал проект декрета по управлению государственными типографиями, который передали в Наркомат просвещения. Кроме того, к народному комиссару внутренних дел Г.И. Петровскому были направлены делегаты для обсуждения единовременной праздничной премии рабочим. 19 декабря член Комитета связи Середницкий объявил, что этот вопрос «комиссарами удовлетворен» и нужно составлять списки работников². Судя по протоколам СНК, Петровский действительно попросил выделить сверхсрочный кредит «на выплату пособий к рождеству служащим государственной, сенатской и синодальной типографий», однако 21 декабря 1917 Советское правительство постановило в этом вопросе отказать³.

«Захватные устремления» Комитета старост не могли не вылиться со временем в открытый конфликт с правлением типографии. Однако до некоторой поры в руках последнего оставались финансы и связь с Хозяйственным управлением Синода, а значит – возможность выплаты (или невыплаты) жалования и премий рабочим. Этот немаловажный факт сковывал их инициативу. В ноябре 1917 года старосты возбудили перед церковным руководством вопрос о необходимости выдачи работающим в Петроградской синодальной типографии пособий к Рождеству. Именно это, по мнению управляющего И.Н. Михайлова, стало отправной точкой в последовавшем «бунте» «небольшой, но влиятельной части рабочих»⁴. В фонде Московской синодальной типографии в Российском государственном архиве древних актов удалось найти составленный ими запрос с перечнем фамилий и указанием причитающейся премии. Общая сумма составляла 115 305 рублей, в том числе 5 570 рублей призванным на военную службу.

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 6–7.

³ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 150.

⁴ РГИА. Ф.1579. Оп.1. Д. 47. Л. 13 об

Документ подписали экспедитор Александр Волосевич и метранпаж Иван Брысов¹. Отметим, что указанные члены комитета предполагали и сами получить значительные прибавки. Так, Волосевичу – единственному из отдела экспедиции – предназначалось 400 рублей, Брысову и председателю комитета старост наборщику Евлампию Карлукову отводилось также по 400 рублей (максимальная сумма по их наборному отделению составляла 450 рублей)². При этом старосты каким-то образом узнали о существовании при Синоде «типографского капитала», который, как они решили, должен принадлежать рабочим³.

Синод отказал в выдаче требуемого рабочими праздничного пособия, обоснованно мотивировав это тем, что оно не предусмотрено «Автономными правилами»⁴. После этого старосты решили обратиться к советскому руководству. По мнению П.Н. Лахостского, первые контакты рабочих с СНК произошли уже в конце октября – начале ноября 1917 года, после чего они наладили постоянное общение с помощниками комиссара по народному образованию Залкиндом и Лебедевым-Полянским⁵. Вместе с тем, первый документ от старост Петроградской синодальной типографии, направленный Управляющему делами СНК, датирован 7 декабря 1917 года. В нем старосты объявили, что приняли на себя управление типографией, но просят сообщить, будет ли она признана государственной собственностью или останется у церкви (Синода). Последнее, по мнению авторов послания, нежелательно и неудобно, так как «по существующему состоянию» все действия старост и Хозяйственного комитета подлежат рассмотрению «Святейшего Собора», который далеко в Москве и «иногда совсем не считается с мнением рабочих и не удовлетворяет требований Рабочего контроля». Старосты хотели «выяснить сумму основного капитала типографии» и всех поступлений от выполняемой работы и передать средства «в распоряжение

¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1917. Д. 104. Л. 1–31.

² Там же.

³ Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 29.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об. По сведениям И.Н. Михайлова, в ответ на отказ Синода в выплате премий к Рождеству рабочие тут же остановили печать синодальных органов: «Церковных ведомостей» и «Всероссийского церковно-общественного вестника».

⁵ Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 29.

самой типографии» в их лице. Кроме того, авторы просили разрешить им занять пустующие помещения в зданиях Митрофаньевского подворья и Училищного совета, находящихся во дворе типографии и «ранее занимаемые чиновниками Православного Ведомства», а также урезать жилплощадь тем, кто проживает там ныне. Обращение подписали председатель Комитета старост Е. Карлуков, председатель Хозяйственного комитета А. Волосевич и секретарь И. Брысов¹. На оригинальном документе, хранящемся в фонде управляющего делами СНК, стоит резолюция «исследовать... (далее неразборчиво – А.С.)» и в конце имеются интересные пометы от руки: «1. Выяснить, чья будет типография. 2. На средства типографии выстроены дома. 3. На какие средства будет существовать типография. 4. Нужны средства и нужно уплатить. 5. Дополнительные одновременные пособия, на уплату жалования 115–120 тыс. руб. Тернавцев. Чиновн. особ. поруч., служит в Ак... (далее неразборчиво – А.С.)»² Думается, эти записи были сделаны кем-то из аппарата СНК во время беседы с представителями Комитета старост. Вероятно, Тернавцев упоминается в связи с желанием рабочих занять его казенную квартиру. Так, 11 декабря 1917 года Комитет старост даже постановил потребовать телеграммой от бывшего управляющего к 1 января освободить квартиру, иначе комитет угрожал распорядиться ею «по своему усмотрению»³. Судя по всему, рабочие получили обещания поддержки, но никаких реальных шагов со стороны народных комиссаров в тот момент не последовало. 18 декабря А. Волосевич доложил Комитету о еще одной поездке к комиссару внутренних дел Петровскому⁴.

Находившееся в Москве церковное руководство реагировало на события в Петроградской синодальной типографии со значительным опозданием. Только 16 декабря Соборный Совет предложил просить Поместный Собор назначить ревизию Петроградской и Московской синодальных типографий. Но поскольку

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 28 – 28 об.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–2.

³ Трудовой еженедельник. 1918. № 1. С. 5.

⁴ Там же. С. 6

Собор прервал свои занятия на время праздников, а открытие второй сессии планировалось только на конец января, Совет постановил немедленно учредить особую комиссию «для упорядочивания дел» в составе настоятеля Александроневской Лавры епископа Прокопия (Титова), редактора «Церковных ведомостей» протоиерея П.Н. Лахосткого и профессора В.Н. Бенешевича. Комиссии предписывалось к 20 января 1918 года представить Соборному Совету отчет, после чего Собор рассмотрит вопрос о необходимости ревизии¹. Синод подтвердил постановление Соборного Совета своим определением².

Утром 19 декабря 1917 года член назначенной Соборным Советом комиссии протоиерей Лахостский пришел в типографию и обнаружил, что рабочие, так и не приступив к занятиям, устроили «маленький митинг». По словам протоиерея, его сначала не допустили к обсуждению, а потом все же провели в Комитет старост. Там выяснилось, что «представители от рабочих (их было всего трое) были бы довольны, если бы рабочим Петроградской типографии дали те прибавки, которые получили рабочие Московской синодальной типографии». Но на это один «полупьяный» староста возразил: «Здесь дело не в прибавках. Какие там награды: все наше, вся типография переходит в ведение Совета Народных Комиссаров». Лахостский попросил вынести этот вопрос на обсуждение общего собрания рабочих, на что старосты согласились. Собрание состоялось 21 декабря, при чем «громкая часть рабочих – три четверти или три пятых – была на стороне Св. Синода». Рабочие сошлись на том, что статус типографии менять не нужно, и им будет достаточно, если Синод удовлетворит их просьбу о получении дополнительных прибавок наравне с Московской синодальной типографией. Старосты оказались недовольны таким итогом собрания и пытались его сорвать, но рабочие все же составили свою официальную резолюцию, которую направили затем патриарху³. Отметим, что в тот момент старостам действительно еще нечего было предложить рабочим. На

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. С. 5–6.

³ Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 29.

состоявшемся тогда же 21 декабря заседании Комитета И. Брысов доложил о результатах своего визита в Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД). Из доклада стало известно, что «получение единовременного пособия к празднику Советом Народных Комиссаров выяснится только 22 декабря»¹.

Видимо, получив сообщение от протоиерея Ляхостского о случившемся, 3 января 1918 года Синод возложил на Соборную комиссию выяснение причин «происходящих среди рабочих Синодальных типографий недоразумений, возникающих на почве неравномерного, якобы, удовлетворения рабочих той и другой типографий всякими денежными выдачами». Комиссии предписывалось изучить все выплаты рабочим за 1917 год, а Хозяйственному управлению и другим церковным учреждениям оказать в этом полное содействие². Вместе с тем, анализируя документы о выдаче зарплат сотрудникам Московской синодальной типографии, можно заключить, что никаких дополнительных надбавок в конце 1917 года по отношению к марту того же года они не получали³.

Принимаемые меры уже не могли помочь церкви удержать контроль над петроградской типографией. 2 января 1918 года СНК назначил правительственным комиссаром при Наркомпросе П.И. Лебедева-Полянского⁴, который в тот же день направил управляющему Синодальной типографией Михайлову свое официальное отношение. В нем объявлялось, что типография «с 1 января» переходит в ведение Технического Совета по управлению Государственными типографиями при Комиссариате по Народному просвещению». Михайлову предписывалось не выполнять более никаких заказов без ведома Хозяйственной комиссии при этом совете, а «помещение же и инвентарь типографии впредь до перехода их в ведение самого Совета должны быть переданы для охраны Комитету занятых в этой типографии рабочих»⁵. По мнению Ляхостского, инициатива в издании этого постановления принадлежала

¹ Трудовой еженедельник. 1918. № 1. С. 6

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

³ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1917. Д. 115. ЛЛ. 24 – 25 об, 102.

⁴ Декреты Советской власти. С. 587.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 25.

вовсе не «комиссарам», а Комитету старост, который, поняв, что рабочие не поддерживают идею отторжения типографии от церкви, решили прибегнуть к помощи внешней силы¹.

Михайлов незамедлительно проинформировал о полученной бумаге членов Соборной комиссии, которые решили действовать по ранее опробованной схеме. Прибыв утром 3 января в помещение типографии, они, несмотря на противодействие Комитета старост, созвали общее собрание рабочих. На нем члены комиссии объявили, что «Синодальная типография – не государственная, а церковная», и распоряжение советского комиссара ее не касается. У членов комиссии имелся и еще один аргумент против реквизиции: в случае ее Синод перестанет печатать в типографии духовную литературу. Это являлось не только моральным, но и материальным фактором: типография могла остаться без заказов и без денег. Большинство рабочих согласилось с точкой зрения духовных властей, но старосты объявили, что в 4 часа состоится новое собрание, на котором будут «окончательно решены вопросы» зарплат. Днем член Соборной комиссии протоиерей Лахостский посетил самого Лебедева-Полянского и выразил протест против вчерашнего извещения. В ответ комиссар заявил, что «все уже решено», типография переходит «к народу» и «разговаривать не о чем»².

Основные события развернулись на вечернем общем собрании рабочих типографии 3 января 1918 года, на котором присутствовал и правительственный комиссар Лебедев-Полянский, и представители Соборной комиссии. Согласно краткой сводке, опубликованной в «Трудовом еженедельнике», сначала член Комитета старост Чумаков объявил о предстоящей выплате единовременного пособия, согласованного Наркомпросом и Министерством труда, зачитав документ за подписью наркома труда. Далее А. Волосевич сообщил о переходе типографии с 1 января 1918 года в ведение Министерства народного

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 25–26.

просвещения, откуда впредь рабочие и будут получать жалование. После этого состоялись выборы Хозяйственной исполнительской комиссии¹.

По информации членов Соборной комиссии собрание прошло не так гладко, как это хотели преподнести старосты. Лебедев-Полянский выступил перед рабочими с полуторачасовой речью, направленной против «попов» и Синода. По заявлению комиссара, Поместный Собор «выбирали и составляли священник да помещик-буржуй», а все церковные люди «принадлежат к Милюковско-Калединской шайке». В заключение Лебедев пообещал всем работникам выдать по 300 рублей наградных, и заверил, что СНК уже утвердил зарплатную смету для них на три месяца вперед, и жалование будет выдано, даже если в типографии не будет никакой работы. Говоря это, Полянский указал на Лахостского: «если даже, как этот поп... сказал, вы будете выкинуты на улицу». После этого комиссар попытался обвинить протоиерея в том, что тот умышленно шантажировал рабочих, спросив: «Почему вы не дадите нам работы? Мы будем евангелия печатать!» На это Лахостский ответил: «...как же вам поручить печатать Св. Евангелие? Вы делаете по 5 ошибок на строке при наборе, у вас некому их исправить. Неужели Св. Синод позволит вам исказить и портить Слово Божие?»² Тогда Лебедев-Полянский еще раз обратился к рабочим со словами: «если... вы пойдете за нами, то получите по 300 руб., а если за попами, то останетесь голодными, так как денег у них нет»³. Некоторые рабочие все же стали возражать комиссару, говоря, что типография – церковная, но в ответ товарищ наркома народного просвещения пригрозил уволить всех несогласных, так как на их место «явятся тысячи других, покорных Правительству»⁴. Потом Лебедев-Полянский объявил, что для передачи типографии в ведение государства Советское правительство не остановится перед применением вооруженной силы: он уполномочен в случае сопротивления произвести аресты и увести несогласных в тюрьму. По зову комиссара в дверях показались несколько красногвардейцев,

¹ Трудовой еженедельник. 1918. № 3. С. 5.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 30.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 26.

ожидавших где-то поблизости. На этом собрание закончилось¹. По мнению протоиерея Ляхостского, произошедшее было осуществлено по инициативе старост вопреки желанию основной массы рабочих. Он даже указал, что перед появлением вооруженных солдат рабочая Ветрова заявила Лебедеву-Полянскому: «Вот я много лет работаю в типографии и ни разу в течение 19 лет не слыхала таких застрашиваний. А вас вижу первый раз, и вы грозите тюрьмой. Очевидно, нам с вами не ужиться»². После собрания Комитет старост вооружили винтовками, а ночью старосты отпраздновали свою победу, устроив в типографских помещениях застолье³.

С 4 января 1918 года учреждение фактически перешло в руки Комитета старост. Последние сразу же стали именовать его «Государственной типографией № 3», хотя, по-видимому, вопрос о ее статусе еще некоторое время окончательно не закрывался. Чиновников правления старосты первоначально думали использовать, переподчинив себе: 4 января от них потребовали признать власть комиссара. Управляющему Михайлову также предложили остаться в составе технического комитета с правом совещательного голоса, но он отказался⁴. На состоявшемся 4 января 1918 года собрании чиновники типографии во главе с Михайловым единогласно постановили, что, так как все они были приняты на работу высшей церковной властью и пока неизвестно, будут ли в типографии печататься ее заказы и вообще церковные книги, «не прекращать текущих работ в типографии и ожидать всестороннего решения вопроса о печатании в типографии церковных заказов высшею церковной властью и Комитетом старост»⁵.

Со своей стороны Соборная комиссия во главе с епископом Прокопием выразила комиссару Лебедеву-Полянскому протест против произошедшей реквизиции и поручила Михайлову составить опись захваченного рабочими

¹ Надо отметить, что в открытом письме рабочим Московской синодальной типографии старосты заявляли, что «никаких красногвардейцев в типографии не было, это полнейший вздор». См.: Трудовой еженедельник. 1918. № 3. С. 5.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 30.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Трудовой еженедельник. 1918. № 5. С. 3.

имущества¹. Одновременно Комиссия обратилась в Святейший Синод с ходатайством о прекращении выплаты жалования рабочим, начиная с 1 января 1918 года, а также попросила «приостановить дело» о выдаче им праздничной премии. Что касается чиновников правления типографии, Комиссия считала необходимым сохранить для них содержание, причем использовать для этого средства, получаемые непосредственно от продажи издаваемых печатных материалов². 7 января комиссия порекомендовала И.Н. Михайлову «установить распорядок занятий служащих в типографии, получать за исполненные заказы деньги, и за продаваемые книги производить расчет с покупателями». Оговаривалось, что из получаемых средств Михайлов может «производить необходимые законные расходы по удовлетворению содержанием служащих в типографии»³. Ввиду опасения, что Комитет старост выселит некоторых чиновников из казенных квартир при типографии Комиссия объявила о готовности разместить их в свободных помещениях синодального ведомства на Литейном проспекте, 34. Там пустовали квартиры бывшего товарища обер-прокурора и умершего члена-ревизора Учебного комитета Тихомирова⁴.

Параллельно шла борьба вокруг книжного склада при типографии, где хранились уже напечатанные книги на общую сумму 1 400 000 рублей⁵. 4 января 1918 года Лебедев-Полянский заявил Лахостскому, что склад будет оставлен Синоду. На следующий день комиссар предписал Комитету старост «временно» оставить книжный склад в «прежнем ведении»⁶. Однако вечером 5 января рабочие с угрозами забрали у заведующего складом Н.Н. Байбородина ключи и получили доступ к книгам⁷. Узнав о таком самочинстве, Лебедев-Полянский прислал 7 января в Комитет старост предписание возвратить ключи и «склада и книжной

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 27.

² Там же. С. 27.

³ Трудовой еженедельник. 1918. № 5. С. 3.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л 14 – 14 об.

⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 27.

лавки не трогать»¹, а 10 января официальным отношением комиссар сообщил Михайлову, что все книги на складе богословские, священного и религиозного содержания «подлежат свободной выдаче»². Однако забрать какие-либо печатные материалы представителям Синода так и не удалось. По сообщению Михайлова, рабочие «в лице Комитета старост» стали сами распродавать оттуда книги, заявив, что у церковного руководства перед ними имеется задолженность³.

Вскоре П.И. Лебедева-Полянского сменил комиссар Белопольский, который, по словам Михайлова, проявил «в неоднократных разговорах... доброе отношение к Церкви» и даже «допустил мысль о возможности и своевременности возвращения в ведение церкви всей типографии, тем более Синодального книжного склада»⁴. Комиссия епископа Прокопия, вдохновленная такими рассуждениями, обратилась непосредственно к Луначарскому с просьбой вернуть книжный склад церкви, так как в Синодальном книжном магазине «уже все распродано» и нужно «успокоить возмущенное чувство православного народа»⁵. Реакции со стороны наркома просвещения не последовало.

Неопределенность положения чиновников правления типографии продлилась всего несколько дней. 8 января 1918 года Комитет старост выяснил, что, несмотря на его декабрьское предписание переводить все поступающие от выполнения заказов деньги на типографский счет в Московском купеческом банке, управляющий Михайлов и его помощник В.К. Тернблом 30 декабря 1917 года сдали в Синодальное казначейство значительную сумму в размере 70 957,97 рублей. В связи с этим старосты тут же постановили Михайлова и Тернблома уволить, а от всех чиновников, занимающих казенные квартиры, потребовали в недельный срок их освободить. По настоянию комитета Михайлов сдал оставшиеся у него типографские деньги в размере 2 101,04 рублей⁶. А 10 января

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 14 – 14 об.

³ Там же. Л. 14 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Трудовой еженедельник. 1918. № 3. С. 3.

1918 года второе общее собрание типографских чиновников в соответствии с предписанием Соборной комиссии объявило, что, начиная с этого дня, все служащие прекращают свои занятия в «захваченной комитетом рабочих» типографии и «выражают протест против насилия над ними со стороны названного комитета, пригласившего вооруженных красногвардейцев и в присутствии их потребовавшего от служащих покинуть помещения управления типографии»¹. Перед уходом чиновники составили прощальное обращение к рабочим, сообщив, что не винят их всех в «отобрании» и верят, что «Господь, устрояющий все во благо, возвратит и нашу типографию к прежнему ее деланию во славу Божию и на духовную пользу православному русскому народу». После этого чиновники действительно оставили работу, и Комитету старост пришлось в спешном порядке самим организовывать всю административную часть и бухгалтерию².

Необходимо отметить, что рабочие, хоть и поддержали изменение статуса типографии, но все же отнюдь не являлись приверженцами политики большевистского руководства, как о том говорили на Поместном Соборе. Например, 23 февраля 1918 года общее собрание рабочих в связи с наступлением немцев на Петроград приняло резолюцию, объявлявшую необходимым «немедленное прекращение гражданской войны, созыв Учредительного собрания и передачу ему всей полноты власти, свободу печати, оставляя Совет рабочих и солдатских депутатов, как политическую организацию пролетариата, стоящего на страже русской революции»³. А 14 мая 1918 года общее собрание приняло высказанное рабочим Ф. Юнкеровым заявление об «отрицательном настроении всех рабочих масс к Советскому правительству» и о «полной непригодности всех начинаний большевистской власти как в области политической, так и в экономической жизни страны»⁴.

¹ Там же. С. 3–4.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 23.

³ Трудовой еженедельник. 1918. № 5. С. 9.

⁴ Там же. С. 11.

Изъятие Петроградской синодальной типографии стало первым случаем реквизиции церковного имущества Советской властью в Петрограде. 10 января 1918 года Святейший Синод, заслушав доклады редакций «Всероссийского церковно-общественного вестника» и «Церковных ведомостей», постановил приостановить оплату счетов и выдачу содержания рабочим и служащим Петроградской типографии, а также прекратить печатание там указанных изданий. Журнал «Церковные ведомости» с расширенной неофициальной частью вскоре стали выходить в другой типографии, а газета прекратила свое существование. Определением от 11–15 января 1918 года Синод объявил, что «произведенный насильственный захват церковного достояния нарушает Божеские и человеческие законы и приносит неисчислимый вред всему православному русскому народу»¹. А в пространной статье под названием «Гонения на Петроградскую церковь» журнал «Церковные ведомости» объявил, что считает преступлением «подчиняться режиму, который хочет зажать рот всем инакомыслящим, а сам кричит на всю Россию»².

11 января состоялось собрание приходских советов Петрограда под председательством митрополита Вениамина в присутствии викариев Геннадия (Туберозова) и Артемия (Ильинского), на котором обсуждалась ситуация вокруг синодальной типографии. Вениамин заявил, что произошедшая реквизиция, судя по всему, является лишь первой подобной акцией, так как к нему уже приходил некий член реквизиционной комиссии с намерением «захватить» помещения духовной академии, духовной семинарии и училища³. Протопресвитер Дернов сообщил о набирающем обороты процессе закрытия дворцовых и домовых храмов⁴. В итоге собрание приняло резолюцию о том, что «тысячи верующих рассматривают захват типографии, как грабеж, протестуют против него и будут говорить об этом не только в храме, но и в трамваях, на площадях, что они,

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 28.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 20.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 24–25.

приходские советы, усматривают явное гонение на Православную Церковь со стороны тех, кто именует себя народной властью»¹.

С этой резолюцией протоиерей П.Н. Лахостский попытался добиться аудиенции А.В. Луначарского, однако народный комиссар не захотел разговаривать со священнослужителем и «выслал» вместо себя Лебедева-Полянского. По словам протоиерея, этот чиновник обращался с ним «презрительно и грубо», письменных заявлений не принимал и даже попытался разорвать одну бумагу с подписями. В конце концов, он все же назначил время, когда нарком просвещения примет протоиерея. Но и эта встреча не состоялась: приехавший с опозданием Луначарский, увидев «попа», не вышел из автомобиля, а направил вместо себя того же Лебедева-Полянского. На удивленный вопрос Лахостского комиссар заявил, что «мало ли что говорил, он человек занятой, до вас ли ему!» А на просьбу передать наркому резолюцию приходских советов, Лебедев-Полянский ответил: «Хоть к черту посылайте эти бумаги!»² Подобное нежелание власти прислушаться к мнению представителей Православной церкви в условиях, когда общество еще не отвыкло окончательно от наступившей после падения самодержавия свободы, не могло не вызвать острого конфликта. Но непосредственным поводом к нему стал другой инцидент: попытка реквизиции Александро-Невской Лавры.

30 октября 1917 года на пост народного комиссара государственного призрения назначили Александру Михайловну Коллонтай. Она сразу же выступила с идеей передачи монастырей в ведение своего наркомата с переустройством их в приюты и санатории для инвалидов и престарелых. Однако другие члены Советского правительства, видимо, не считали это задачей ближайшей перспективы: предложение Коллонтай пять раз в ноябре–декабре 1917 года вносилось в повестку дня СНК, но так и не было рассмотрено³. Как

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 31.

² Там же.

³ 30 ноября, 2, 3, 4, 5 и 6 декабря 1917 года. См. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 65, 68, 71, 75, 77, 83, 87.

писала сама народный комиссар, «тогда еще церковь не была отделена от государства, и имущества церковного не трогали»¹.

В начале января 1918 года ввиду срочной необходимости найти помещения для Союза увечных воинов, Коллонтай попросила правительство рассмотреть вопрос о реквизиции Александро-Невской Лавры. В воспоминаниях комиссара говорится, что предварительно обитель посетил секретарь совета Наркомата призрения А.П. Цветков, который якобы заручился поддержкой «притесняемых монахами» послушников². 4 января 1918 года Совнарком принял по этому поводу следующую резолюцию: «вопрос о конфискации Александро-Невской Лавры отложить», а А.М. Коллонтай «предложить приступить к реквизиции»³. Очевидно, в этой замене терминов отразилась состоявшаяся между комиссарами дискуссия: закрывать монастырь сразу или поэтапно. Победили сторонники более осторожного подхода. Примечательно, что и в докладной записке Коллонтай ни о какой конфискации не говорилось⁴.

По словам комиссара призрения, она являлась сторонницей «мирного способа»: хотела не выселять монахов совсем, а договориться с ними, предоставив им для проживания «флигелек»⁵. Но заместитель наркома И.Г. Егоров и секретарь совета Цветков решили изъять монастырь приказным порядком: приехав домой к разболевшейся Коллонтай, чиновники убедили ее подписать соответствующее постановление⁶. После этого утром 13 января 1918 года в Лавру приехала делегация во главе с управляющим канцелярией Наркомата призрения П.П. Дриго в сопровождении комиссара И. Докучаева и матросов Ревельского сводного отряда⁷. Прибывшие предъявили документ за подписью Коллонтай за № 423 от 13 января 1918 года, предписывающий сдать все

¹ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 332.

² Там же. С. 331–332.

³ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 185.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 333.

⁶ Там же.

⁷ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 26; Петроградский голос. 1918. 14 января. Газета пишет, что матросов было около 100 человек, что вызывает большие сомнения.

имеющиеся дела по управлению домами, имуществом и капиталами Лавры уполномоченному лицу от Министерства государственного призрения. Настоятель Лавры предоставил прибывшим хозяйственные документы, содержащие информацию о капиталах монастыря (они составляли на тот момент 2 000 000 рублей в процентных бумагах)¹ и о количестве «насельников» (60 монахов и 10 послушников). Далее начали проводить обыски, в том числе осмотрели квартиру епископа Лужского Артемия. По сообщению последнего, «матросы рылись в шкафах и рассматривали все бумаги». Но особенно возмутило духовенство и верующих то, что матросы вошли в Троицкий собор в шапках и с оружием, а на замечания молящихся ответили: «это для вас святыни, а для нас их нет»². Кто-то из жителей Лавры вызвал милицию, заявив, что матросы «убивают и грабят монахов». Ситуация действительно могла выглядеть не столь однозначно, если вспомнить, какой резонанс в Петрограде получило недавнее страшное убийство матросами в больнице А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина. По поступившему сигналу в монастырь прибыла представительная группа милиционеров во главе с адъютантом коменданта Рождественского района. После выяснения обстоятельств они, представители Наркомата призрения и комиссар моряков подписали специальный акт о том, что «никакого ни грабежа, ни насилия учинено в помещениях Лавры не было»³.

Вопрос о реквизиции монастыря несколько отложили, однако через печать П.П. Дриго открыто обрисовал свои намерения: «Наше ведомство стоит далеко от какой-либо политики. Мы знаем свои обязанности, заключающиеся в оказании призрения нуждающимся, и свято исполняем их. По распоряжению А.М. Коллонтай Лавра секвестирована. Разумеется, о братии мы уже подумали». Предлагалось престарелых монахов оставить в Лавре в качестве призреваемых, трудоспособных устроить на должности в организуемых в монастыре

¹ Участник ревизии Александрово-Невской Лавры в мае 1917 года С.П. Каблуков сообщал о той же сумме: 1 966 243 руб. процентными бумагами, но кроме этого имелись еще 133 155,54 руб. наличными. См.: ОР РНБ. Ф. 322. Д. 45. Л. 98. Размер наличных средств монастыря в январе 1918 года неизвестен.

² Секвестр Александрово-Невской лавры // Русские ведомости. 1918. 16 января.

³ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 26.

благотворительных учреждениях, а молодых попросить уйти. В покои митрополита предполагалось перевести Вдовый дом из Смольного, но «все лаврские храмы, разумеется, будут оставлены в полной неприкосновенности»¹. Таким образом, речь все же шла о ликвидации монастыря.

Руководство Александро-Невской Лавры попыталось договориться с властью, направив к наркому призрения Коллонтай депутацию в составе архимандрита Иерофея и иеромонаха Всеволода, но полученный ими ответ был уклончивый². Народный комиссар лежала с «воспалением брюшнины» и через подругу-сиделку передала делегатам, что она «приказа о немедленном занятии Лавры и удалении из нее митрополита Вениамина не давала. Планируется занять свободные помещения Лавры для размещения в них увечных и больных. Лавра и храмы – народное достояние – не должны подвергаться захвату»³. 14 января во время торжественного богослужения митрополит Вениамин обратился к верующим с речью о том, что события 13 января – это ответ на его обращение в СНК с просьбой «оставить церковь в покое». «Теперь дальше дело самого народа войти в переговоры с народными комиссарами, которые, не услышав моего голоса, быть может, услышат голос народа», – сказал Вениамин⁴.

После визита комиссаров в Лавру 13 января духовенство и верующие стали регулярно организовывать многолюдные собрания. Одним из объединяющих центров являлось Общество распространения религиозно-нравственного просвещения, в зале которого на Стремянной улице чаще всего происходили встречи. Так, 14 января собравшиеся там прихожане приняли резолюцию противиться попыткам захвата Лавры и выселения из нее митрополита. Было решено заявить комиссарам, что народ «не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов» и поругания святынь. Постановили разъяснять везде, где только можно, в том числе солдатам и матросам, что Православная церковь терпит открытое гонение, составить и напечатать «несколько тысяч» протестов

¹ Петроградский голос. 1918. 14 января.

² Петроградская газета. 1918. 19 января.

³ Петроградский голос. 1918. 18 января; Газета для всех. 1918. 18 января.

⁴ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 96.

против отобрания церковного имущества и раздать их по приходам для подписания как можно большим количеством лиц. Кроме того, решили собраться в воскресенье 21 января 1918 года в Лавре, придя «во все храмы», показав, как ее любят и чтят. Присутствовавшие даже составили протест в СНК с требованием остановить «отобрание церковного достояния» и вернуть уже отобранное¹.

Однако Комиссариат призрения не собирался отказываться от своих планов. Назначенный 15 января «комиссаром Лавры» М.С. Иловайский 16 и 18 января приезжал к настоятелю епископу Прокопию и настаивал на передаче ему всех дел по управлению Лаврой, ее имущества и капиталов. 17 января на собрании в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения митрополит Вениамин рассказал, что Иловайский потребовал от него покинуть Лавру. На это собравшиеся заявили: «не оставляй, владыко, помещения, которое дано тебе народом. Мы не допустим, чтобы наш избранник скитался как нищий». По предложению протоиерея Ф.Н. Орнатского было решено устроить в воскресенье 21 января масштабный крестный ход, охватывающий всю столицу². 18 января в единоверческой церкви на Николаевской улице в Петрограде состоялось еще одно многолюдное собрание представителей приходо-в. Там митрополит Вениамин объявил, что он готов уступить свои покои Советской власти и переселиться в самую убогую келью, но вопрос «в самом существе нарушения церковных прерогатив». По его мнению, секвестр Александро-Невской Лавры – оскорбление церкви и даже поход против веры. Все собравшиеся с возмущением отозвались о действиях Комиссариата призрения и просили женщин пройти по казармам, убеждая солдат защитить обитель. Собрание подтвердило необходимость проведения 21 января крестного хода, только теперь планировали направиться к Смольному и потребовать отменить декрет о реквизиции Лавры³. Кроме того, 17 или 18 января делегация защитников монастыря посетила Смольный, где их заверили, что целью правительства является не ликвидация монастыря, а всего

¹ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 27.

² Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 96–97.

³ Петроградская газета. 1918. 20 января.

лишь «устройство приютов и богаделен для увечных, инвалидов и вообще лиц, потерявших трудоспособность». После этого, утром 19 января Духовный собор составил обращение к Коллонтай, призывающее ее отозвать комиссара Иловайского, лично переговорить с монахами и образовать «смешанную комиссию» с участием представителей духовенства для организации размещения инвалидов¹.

Однако никакой встречи не состоялось. Вместо этого Комиссариат государственного призрения решил применить вооруженную силу. 19 января 1918 года около 13 часов² в монастырь явился комиссар Иловайский в сопровождении отряда матросов и красногвардейцев. Зайдя в покои митрополита, Иловайский грозно спросил владыку, знает ли тот, «что такое комиссар», и тут же сам ответил: «комиссар это лицо, которое имеет право распоряжаться лаврским имуществом, имеет право выселить того, кого найдет нужным». Митрополит ответил, что может протестовать только «христианскими мерами», церковное имущество и без того принадлежит людям, а необходимость помещений для благотворительных целей не является основанием для реквизиции всего лаврского имущества. Иловайский ответил, что возьмет монастырь силой. После этого он направился с красногвардейцами в Духовный собор монастыря и потребовал у настоятеля епископа Прокопия «сдать Лавру». Получив категорический отказ, Иловайский объявил Прокопия арестованным, и его в сопровождении охраны отвели в келью. Караул остался и в помещении Духовного собора, всех членов которого Иловайский также объявил арестованными³. В это время кто-то из богомольцев поднялся на колокольню и начал звонить в набат. На эти звуки в обитель стал стекаться народ. О происходящем в Лавре сообщили в церковь Бориса и Глеба, а также в Знаменскую церковь: там тоже ударили в набат⁴. Собравшиеся прихожане разоружили красногвардейцев, а комиссар

¹ Цит. по Шкаровский М.В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 23–24.

² По другим данным «в исходе второго часа». См.: Петроградский голос. 1918. 20 января.

³ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 82.

⁴ Петроградский голос. 1918. 20 января.

Иловайский укрылся от толпы у солдат расквартированной в Певческом корпусе прожекторской команды. Люди освободили епископа Прокопия, но вскоре прибыли еще вооруженные красногвардейцы и матросы с 2 пулеметами. Подкрепление разогнало толпу, вытеснив людей из монастыря, а один из красногвардейцев (по другой версии – лично М.С. Иловайский) поднялся на колокольню и согнал звонарей¹. По сообщению епископа Лужского Артемия, прибывшие солдаты искали оружие, отобранное ранее у красногвардейцев. Все винтовки обнаружили и изъяли у лаврского милиционера Крюкова, забрали также и его собственный револьвер².

В ходе столкновения оказались тяжело ранены работник помещавшегося у ворот Лавры книжного склада Усов и протоиерей П.И. Скипетров. Раненных поместили сначала в монастырской братской больнице, а потом отправили в лазарет Союза городов на Невском проспекте³. Богомольцы все прибывали, напряжение росло и около шести часов вечера солдаты покинули Лавру. По рассказу Коллонтай, СНК, узнав о происходящем, срочно выслал «товарища» с приказом «немедленно прекратить бесчинства и лавры не занимать»⁴.

Реквизиция не удалась. В 7 часов вечера настоятель Лавры епископ Прокопий сделал доклад монашескому братству, заявив, что «законным распоряжениям власти он не противится и все печальные инциденты развиваются помимо его воли. На защите же лаврских святынь, тем более веры, от оскорбления ея со стороны неверующих, он готов, конечно, стоять до последней возможности»⁵. Духовный собор постановил поручить охрану монастыря солдатам прожекторской команды⁶, а чуть позже лаврское духовенство при огромном скоплении народа отслужило благодарственный молебен, причем епископ Прокопий лично провел службу у мощей Александра Невского. Затем в

¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 25.

² Петроградский голос. 1918. 20 января.

³ См. Попов И.В. Новомученик протоиерей Петр Скипетров // Церковный вестник. 2000. № 4. С. 23–25.

⁴ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 335.

⁵ Петроградский голос. 1918. 20 января.

⁶ Церковные ведомости. 1918. № 2 от 20 января. Прибавления. С. 83.

Крестовой митрополичьей церкви состоялась всенощная. Оставшиеся в лаврской трапезной насельники и богомольцы постановили немедленно создать православное братство монастыря для защиты его интересов. Кроме того, вечером митрополит Вениамин и председатель Совета братств приходских советов Петрограда протоиерей Н. Рудинский посетили в лазарете раненных книгопродавца Усова и протоиерея Скипетрова¹. Рана последнего оказалась чрезвычайно тяжелой, и ночью он скончался, став следующей после Иоанна Кочурова жертвой «безбожной власти». А с 4-х часов утра 20 января в храмы Лавры начали прибывать новые молящиеся. В частности, митрополита Вениамина посетили делегации Стеклянного и Фарфорового заводов, а также Экспедиции заготовления государственных бумаг, выразившие готовность «до последней возможности» защищать имущество обители².

Если общая канва событий в Александро-Невской Лавре 19 января не вызывает вопросов и разночтений в источниках, то детали описываются порою диаметрально противоположно. Так, газеты, близкие к Смольному, уверяли, что подкрепление вызвали сами монахи, недовольные настоятелем, в то время как другие «избивали Иловайского»³. «Кто начал перестрелку, так и не удалось установить, – писала Коллонтай, как будто у прихожан и монахов было оружие. – Среди убитых оказался монах лавры»⁴. «Известия Московского Совета», ссылаясь на «собственного корреспондента», рассказывали, что монахи и толпа не только избili красногвардейцев, но и «повели их к реке» для совершения самосуда. И якобы только «прибежавшие из лазарета солдаты» спасли комиссара призрения и его спутников, объявив их арестованными, после чего увели в свой полковой

¹ Петроградский голос. 1918. 20 января.

² Церковные ведомости. 1918. № 2 от 20 января. Прибавления. С. 84.

³ Солдатская правда. 1918. 21 января; Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 21 января.

⁴ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 334–335.

комитет¹. По версии газеты, из Смольного прибыл наряд во главе с комиссаром Комитета по борьбе с погромами и разогнал толпу выстрелами в воздух².

Несколько версий выдвинули газеты в связи с обстоятельствами ранения протоиерея Скипетрова. По одной из них протоиерей пытался увещевать красногвардейцев «не стрелять в толпу»³, по другой – просил караул пропустить его в покои арестованного митрополита⁴. «Петроградский голос» уверял, что один из сотрудников газеты видел, что в Скипетрова выстрелили, когда он обратился к красногвардейцам: «сотрудник как раз находился около о. Петра и тотчас же сделал ему перевязку»⁵. «Известия Московского Совета» вообще заявили, что протоиерея застрелил один из красногвардейцев, когда Скипетров ударил его посохом⁶.

Близкие к Смольному издания говорили о вине руководства монастыря, натравливавшего «серую массу» на комиссара и красногвардейцев, а также о монахах, которые с палками набросились на «беззащитных» вооруженных солдат и даже проломили одному из них череп⁷. А в независимых изданиях имеется рассказ иеромонаха Корнилия о том, что он спас комиссара Иловайского от разъяренной толпы, вывел тропинками и сдал солдатам прожекторной команды⁸.

«Петроградский голос» 21 января напечатал «объяснения» событий, сделанные представителями двух столкнувшихся сторон: комиссаром Иловайским и епископом Прокопием. Иловайский сообщил, что прибыл 19 января в

¹ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 21 января. Какой именно «полковой комитет» мог быть у лежащих в лазарете солдат, газета не пояснила.

² Там же.

³ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 83.

⁴ Там же. С. 85

⁵ Петроградский голос. 1918. 20 января.

⁶ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 23 января.

⁷ Петроградская газета. 1918. 20 января. При этом, если фамилии Скипетрова и приказчика Усова были у всех на устах, то фамилия красногвардейца, которому монахи якобы пробили голову, нигде не указывалась. Акцентирование на этом эпизоде – если бы он действительно имел место – было бы весьма выгодно Смольному в пропагандистских целях, но о нем все вскоре забыли. Это позволяет сделать предположение, что ранения красногвардейца либо совсем не было, либо оно было незначительно, и, по всей вероятности, произведено не духовными лицами.

⁸ Современное слово (Петроград). 1918. 20 января.

монастырь с 12 красногвардейцами и 5 матросами с целью ареста наместника, сопротивлявшегося постановлению о «секвестре». Епископа предполагалось доставить в «кеновию»¹, но помешала собравшаяся толпа. Одному красногвардейцу проломили череп, и избили одного сотрудника Министерства призрения. В кутерьме у самого Иловайского выхватили и унесли портфель с деловыми бумагами и записной книжкой, в которой находились личные 60 рублей, а спасли комиссара солдаты телефонной роты². Епископ Прокопий заявил, что причиной произошедшего стало резкое поведение Иловайского, стремившегося захватить монастырь. Наместник объяснял, что «помещение для инвалидов, раненных мы можем предоставить добровольно и будем содержать их, насколько позволят наши средства. Однако же, дело ведется так, как будто бы всех нас из Лавры непременно хотят выселить и все ее помещения получить в непосредственное обладание»³.

Произошедшее событие получило огромный резонанс в столице и вызвало серьезное беспокойство в Смольном. Особые опасения вызвала информация о готовящемся масштабном крестном ходе. «Новые ведомости» не без злорадства писали, что ошибка властей объясняется главным образом тем, что «руководители большевиков – большинство совета народных комиссаров – эмигранты, много лет проводившие вне России, оторванные от русской действительности»⁴. А эсеровская «Воля страны» прокомментировала, что «убийство несчастного священника Скипетрова так же отвратительно, как и расстрел манифестации 5-го января и убийство Шингарева и Кокошкина. Большевики возвращают Россию к средневековью»⁵. События вынудили власти, наконец, вступить в непосредственное общение с церковным руководством. Для осуществления

¹ Кеновия – братский общежительный монастырь. Видимо, в данном случае имелась в виду Кеновия Александро-Невской Лавры на Октябрьской набережной, 18–22. См.: Черепнина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917 – 1945 гг. (по документам ЦГА СПб). С. 23.

² Петроградский голос. 1918. 21 января. Примерно так же описаны события в официальном извещении от имени А.П. Цветкова. См.: Знамя труда. 1918. 23 января.

³ Петроградский голос. 1918. 21 января.

⁴ Новые ведомости. 1918. № 4. 22 января.

⁵ Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 91.

контакта выбрали управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича, который поздно вечером 19 января позвонил по телефону епископу Прокопию и «осведомился, по какой причине тот упорствует». «Вы нас ни о чем не осведомляете, – сетовал Бонч-Бруевич, – и это может сопровождаться печальными последствиями. Так, если бы мы знали об устройстве крестного хода, то не только не препятствовали бы религиозным процессиям, а дали бы им охрану из красногвардейцев». Прокопий ответил, что готов разместить в Лавре инвалидов, но категорически против ее передачи в руки лиц «может, неверующих». Епископ отметил, что как управляющий Лаврой он никакого отношения к крестному ходу не имеет, но «лаврские ворота не могут быть закрыты перед верующими людьми, которые придут сюда помолиться». Бонч-Бруевич все же просил Прокопия «воздействовать на толпу, обращаясь к ней с речью»¹. Впоследствии в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич описывал этот разговор совершенно иначе, пытаясь представить в роли просителя самого Прокопия. По версии комиссара, «некий архимандрит» позвонил ему с сообщением о предстоящем крестном ходе. На это управляющий СНК якобы объявил, что охрану шествия духовенству придется обеспечивать самостоятельно, а также предостерег от распространения во время процессии контрреволюционных листов, пригрозив, что «арестовывать будут не тех, кто их берет, а тех, кто раздает, и близ идущее, наблюдающее за порядком духовенство, в каком бы чине оно ни было, и какой бы мундир ни носило»². Думается, в данном рассказе действительность значительно искажена.

Ситуация вокруг Лавры была настолько серьезной, что в тот же день, 19 января 1918 года, ее обсуждали на заседании СНК. Согласно его журналам правительство заслушало доклад В.Д. Бонч-Бруевича о «клерикальной демонстрации», намеченной духовенством на воскресенье, 21 января, а также доклад члена коллегии Государственного призрения Козлова «о занятии Александро-Невской лавры и о бестактностях, допущенных при этом». Было

¹ Петроградский голос. 1918. 21 января.

² Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 212–215.

очевидно, что запрещение крестного хода может только усилить напряженность, поэтому СНК постановил разрешить его, поручив Бонч-Бруевичу принять меры к охране спокойствия в городе. В вопросе о Лавре комиссары посчитали недопустимым демонстрировать слабость и отступить, решив сменить тактику и провести сначала «информационную подготовку»: Комиссариату государственного призрения поручили составить и напечатать в газетах и листовках воззвание к населению о том, что монастырь занимается для увечных воинов, а также издать постановление о передаче Александро-Невской Лавры напрямую их союзу¹. Таким образом, на духовенство натравливались организации инвалидов.

Коллонтай вспоминала, что объясняться за 19 января пришлось и ей. Приехав к Ленину, она рассказала, что ее подчиненные для успеха реквизиции пытались устроить в монастыре революцию послушников против монахов и даже соблазняли их перспективами своего «совета»². На это председатель правительства сначала засмеялся, а потом нахмурился, заявив: «Такие самовольные действия наркоматов недопустимы. Самочинности в таких архиважных вопросах общей политики не должно быть места». Ленин отчитал Коллонтай «просто и вразумительно», а затем, подумав немного, добавил: «инцидент с лаврой приблизил вплотную практическое решение вопроса об отделении церкви от государства»³. А 20 января Ленин направил Коллонтай письменное предписание составить в соответствии с постановлением СНК «воззвание к населению (в газетах и листовках) с указанием того, что Александро-Невская Лавра занимается для увечных воинов и издать постановление о передаче Александро-Невской Лавры Союзу увечных воинов». Как воззвание, так и

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 247.

² Коллонтай всячески отрицала свое участие в принятии решения о насильственной реквизиции Александро-Невской лавры, обвиняя во всем «горячие головы» из ее ведомства. См.: Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 333.

³ Там же. С. 335. Согласно «биографической хронике» Ленина, председатель Советского правительства указал Коллонтай на «недопустимость подобных самочинных, не согласованных с СНК действий». См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918 года. С. 218–219.

постановление предписывалось поместить в воскресном номере газет 21 января и расклеить по городу в количестве не менее 300 000 экземпляров¹.

Известия о событиях в Александро-Невской Лавре вынудили патриарха Тихона возвысить свой голос против творящихся беззаконий: в тот же день, 19 января 1918 года, он издал свое знаменитое обращение, направленное против «гонителей церкви»². Послание условно можно разделить на несколько частей. Первая констатировала тяжелое положение, сложившееся в России. Во втором объявлялось об анафемствовании всех, кто участвует в бесчинствах и злодеяниях по отношению к Православной церкви. Третья уже непосредственно указывала на то, что «власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной». В заключение Тихон призвал духовенство и мирян противопоставить силе «смертоносного оружия» силу веры и сплотиться на защиту прав церкви, приняв, если потребуется, страдания³. Таким образом, прямого предания большевиков анафеме послание не содержало, однако многие современники – как сторонники советской власти, так и ее противники – прочитали его формулировки именно в этом смысле⁴.

Сразу после составления текста послания канцелярия Поместного Собора направила его в редакцию газеты «Утро России» с просьбой как можно скорее прислать 10, «а если можно и более», корректурных оттисков с тем, чтобы с них в

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24842. Л. 1. В то же время, понимая, что данный шаг не более чем пропаганда, Ленин поручил В.Д. Бонч-Бруевичу «принять меры к подысканию помещения для инвалидов войны». См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918 года. С. 219.

² Первоначальный вариант послания, вероятно, был подготовлен еще за несколько дней до этого, после первого посещения «комиссарами» монастыря, так как газета «Русские ведомости» сообщило о составлении обращения уже 18 января, приведя несколько цитат о «терзающей Родину смуте» и призыве опомниться и встать «на служение в духе и силе на защиту Родины». См.: Русские ведомости. 1918. 18 января. Рукописный вариант послания с пометками хранится в ГАРФе. См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 3–8.

³ Священный Собор Православной Российской церкви. Деяния. Кн. VI. С. 4–5.

⁴ Как справедливо отметил протоиерей Г. Митрофанов, послание анафемствовало не только большевиков, родившихся в семьях православного исповедания, но «прежде всего многочисленных представителей крещеного в Православной Церкви русского народа, вовлеченных в антицерковную политику большевизма». См.: Митрофанов Георгий, протоиерей. Указ. соч. М., 2011. С. 27–28.

разных местах делать копии¹. Как следует из более поздней накладной, типография Рябушинских напечатала 4 000 экземпляров послания². Тогда же 19 января соборная канцелярия предписала Московской синодальной типографии «незамедлительно (не позже 20 января) напечатать 10 000 экземпляров прилагаемого воззвания»³. 23 января канцелярия вновь связалась с типографией, проинформировав, что вместо ранее запрошенного тиража необходимо 50 000 экземпляров, при чем 10 000 из них должны быть доставлены в Епархиальный дом не позднее утра 25 января. Остальные предписывалось приготовить к утру пятницы, 26 января 1918 года, «держать в типографии и выдавать по требованиям делопроизводителя Соборной канцелярии»⁴. 27 января Соборный Совет принял решение дополнительно размножить послание патриарха на ротационной машине тиражом 100 000 экземпляров, о чем также сообщили Московской синодальной типографии⁵.

Кроме того, 19 января канцелярия Собора направила текст послания в редакции социалистических газет «Власть народа» и «Вперед!» с просьбой опубликовать его на своих страницах⁶. По-видимому, церковное руководство хотело испробовать все возможные пути распространения, привлекая оппозиционные большевикам издания разных направлений. Газеты не поместили текста послания, а меньшевистская «Вперед!» прокомментировала его разгромной статьей, направленной, впрочем, больше против власти, чем церкви. «Анафема патриарха Тихона идет много дальше людей Смольного, она обращена против социалистов вообще», – писала газета. Однако, по ее мнению, вместо того, чтобы провозгласить отделение церкви от государства устами Учредительного собрания, «большевики... предпочли это делать всем ненавистными руками Смольных диктаторов» и этим «помогли черным рясам придать своему движению

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 11.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 12–13.

мученический ореол» и подготовили «достаточную почву для грядущей контр-революции»¹. А обновленческая газета «Правда Божия» (редактор – профессор Б.В. Титлинов) заявила, что: «кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафемствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее»². Особенно образно в связи с воззванием патриарха выразился «Голос труда»: «Сидела себе птица, – черного, между прочим, цвета, – в теплом, укромном и обеспеченном гнезде и время от времени давала о себе знать. Но вот потревожили ее немного. Революционный народ принялся за чистку святых авгиевых конюшен, и птица закаркала на всю Россию»³.

«Буржуазные» «Утро России» и «Русские ведомости» положительно отозвались о выступлении патриарха. А.С. Белевский (Белорусов) оценил его как «акт единоличного героизма» и «поворотный пункт в поведении церкви в дни настоящей смуты, а вместе с тем, возможно... и поворотным пунктом в развитии событий». Белевский выразил надежду, что начатое Тихоном движение не будет «узко-церковным», а станет «обще-христианским» и даже «общепатриотическим»⁴. Д.С. Мережковский также с сочувствием отозвался о воззвании, прямо назвав его «анафемой большевикам» и «подвигом великого мужества, не только святительского, но и просто человеческого»⁵. Полный текст послания опубликовали газета «Утро России», журнал «Церковные ведомости»⁶ и вышедшие в 1918 году «Деяния Священного собора»⁷, а также некоторые епархиальные церковные издания⁸. В то же время даже «Московские

¹ «Церковь и революция» // Вперед! 1918. 25 января.

² Церковные ведомости. 1918. № 7–8. Прибавления. С. 318.

³ Голос труда. 1918. 24 января.

⁴ Русские ведомости. 1918. 25 января.

⁵ Церковные ведомости. 1918. № 3–4 от 31 января. Прибавления. С. 155–156.

⁶ Церковные ведомости. 1918. № 2 от 20 января 1918. С. 11–12.

⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 4–5.

⁸ См. например Известия по Казанской епархии. 1918. № 3–4 от 8 февраля. С. 48–50; Официальные известия по Вятской епархии. 1918. № 5 от 5 (11) февраля. С. 57–63.

епархиальные ведомости» лишь мимоходом упомянули о нем¹. Уже 20 января текст послания патриарха Тихона получили в Петрограде, где его зачитал в Казанском соборе протоиерей Орнатский. Воззвание успели размножить и отдать по церквям для оглашения на следующий день². Кроме того, Духовный собор Александро-Невской Лавры постановил напечатать на средства обители для раздачи богомольцам 20 тысяч экземпляров³. В то же время по сообщению «Русских ведомостей» послание зачитали во всех церквях Петрограда сразу по получении, после всенощной, и оно «произвело на молящихся сильное впечатление»⁴.

В целом, суббота 20 января 1918 года прошла в Петрограде напряженно. Газеты публиковали слухи о возможном запрещении предстоящего крестного хода⁵. В этот день в Александро-Невскую Лавру приезжали представители правительственной Следственной комиссии во главе с В.Д. Бонч-Бруевичем для выяснения произошедших накануне событий. Очевидно, основной задачей их появления было успокоить духовенство и верующих. Так, Бонч-Бруевич сообщил архимандриту Елевферию и «следящему за охраной Лавры» Докучаеву, что «в идее предполагалось действительно занять под инвалидов только пустующие лаврские помещения, не стесняя митрополита и его помощников»⁶. Опровергая слухи о запрещении воскресного крестного хода, Бонч-Бруевич выпустил воззвание от имени «Чрезвычайной комиссии по охране города Петрограда», в котором объявил, что «Правительство Народных комиссаров» признает полную

¹ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 2. С. 8.

² Шкаровский М.В. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917–1918 гг. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 273; Митрофанов Георгий, протоиерей. Указ. соч. М., 2011. С. 22.

³ Шкаровский М.В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918). С. 28–29. 26 января Духовный собор Александро-Невской лавры выплатил за эту работу 600 рублей Невской типографии.

⁴ Русские ведомости. 1918. 21 января.

⁵ Церковная политика СНК // Вперед! 1918. 21 января; Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 84.

⁶ Петроградский голос. 1918. № 21 января. Бонч-Бруевич организовал свою комиссию для расследования событий в Александро-Невской лавре. 22 января во время очередного приезда в монастырь он признался, что необходимости в стрельбе 19 января не было, и комиссар Иловайский несет ответственность за бездействие в момент убийства. См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 31. А газета «Россия» 26 января 1918 года проинформировала, что в Лавре в тот момент работали целых три комиссии: от Смольного, от Комиссариата юстиции и назначенная солдатами прожекторской команды, расквартированной в обители.

свободу вероисповедания и не будет препятствовать шествию. В документе объявлялось, что ложь о запрещении хода распространяется «врагами народа», которые уже потерпели повсюду поражение, и пытаются использовать религию с целью возмутить народ. Чтобы снять с власти всякую ответственность за возможные эксцессы, Бонч-Бруевич сообщил, что порядок в самих крестных ходах должен обеспечиваться митрополитом Петроградским и «всем приходским духовенством». При этом комиссариатам Петрограда, красногвардейцам, патрулям, обходам и отрядам предписывалось поддерживать самый строгий порядок в городе и немедленно арестовывать всех тех, кто обнаружит намерение мешать крестным ходам и таких лиц доставлять в Смольный в комнату № 75 «для немедленного выяснения личности этих провокаторов и преданию их революционному суду»¹.

Одновременно власти выпустили несколько дезинформирующих сообщений относительно событий 19 января. Во-первых, они заявили, что в столкновениях виноват, главным образом, настоятель епископ Прокопий, в то время как братия не была против реквизиции, и даже митрополит дал свое согласие². На самом деле 24 января общее собрание монашествующих, осудив ложь советских газет, тайным голосованием постановило решительно не допускать передачи Лавры Комиссариату государственного призрения³. А по Петрограду распространили воззвание, в котором от лица верующих мирян выражалось негодование по поводу «гнусной лжи» о том, что причиной событий 19 января явились корыстные действия епископа Прокопия⁴.

¹ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 января. С. 1; Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 21 января. Обращение подписано В.Д. Бонч-Бруевичем.

² По поводу происшествий в Александро-Невской лавре // Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 23 января. С. 4; Солдатская правда (Петроград). 1918. 31 января; В Александро-Невской лавре // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 (1) февраля. С. 7; Раскол в Александро-Невской лавре // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 4.

³ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 32.

⁴ «Просто» насилие. К 75-летию попытки захвата Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры большевиками в 1918 году // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1994. Вып. 12. Ч. 1. С. 41.

Другое очевидное «запутывание следов» – расследование обстоятельств смерти протоиерея Скипетрова, которым будто бы 20 января занялся Главный штаб. Сообщалось, что назначенный для этой цели представитель приехал в Лавру, но ему заявили, что настоятель «почивают» и беспокоить его «не смеют». Встречавший следователя безымянный «архимандрит» сказал, что о смерти протоиерея «в Лавре ничего не знают». Якобы, не удалось осмотреть и тело погибшего («провести вскрытие»), так как его под угрозой самосуда забрала из лазарета «толпа женщин и неопределенных личностей»¹. Эта информация опровергается сообщениями газет, в том числе рассказом доктора Любавского о смерти Скипетрова и первой панихиде утром 20 января². Кроме того, врач лазарета на Невском проспекте Ф.А. Верховской указал, что никакой толпы женщин не было, а прах выдали священникам и дьяконам. И никакого вскрытия не требовалось, так как причина смерти была очевидна: ранение в голову³. Примечательно, но смерть Скипетрова даже не была зафиксирована в сводках НКВД, хотя, например, убийство Шингарева и Кокошкина в Мариинской больнице там упоминалось⁴.

Непосредственной реакцией на события в Александро-Невской Лавре стало принятие Советским правительством 20 января 1918 года двух важнейших законодательных актов, на долгие годы определивших развитие государственно-церковных отношений в нашей стране. Прежде всего, в этот день А.М. Коллонтай подписала «приказ по Народному комиссариату государственного призрения», провозглашавший прекращение финансирования духовенства, который можно расценивать как ее личный ответ на противодействие, оказанное клиром и верующими мирянами при попытке реквизиции Лавры. Приказ объявлял, что «все

¹ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 23 января.

² Петроградский голос. 1918. 21 января; Современное слово. 1918. 21 января.

³ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 85; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 31.

⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 1. Д. 202. Л. 19; ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 25. Л. 34. Всего указаны сведения, что за январь 1918 года в Петрограде произошло 7 самоубийств, 18 убийств, 25 случаев грабежа и разбоя (графу «святотатство» не заполняли). Был зафиксирован даже такой малозначимый инцидент, когда некий душевнобольной М. Иванов сорвал 19 марта 1918 года крест у священника Смольнинской церкви, после чего нарушителя спокойствия доставили в больницу Николая Чудотворца. См.: ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 1. Д. 202. Л. 187 об.

непроизводительные расходы, невызываемые непосредственной нуждой трудового народа и питающие непроизводительный класс, должны быть... сокращены». В связи с этим предписывалось «выдачу средств на содержание церквей, часовен и совершения церковных обрядов прекратить с момента опубликования этого приказа, выдачу же содержания священнослужителям и законоучителям прекратить с 1 марта сего года согласно постановлению Комиссариата труда о выдаче 4-х недельного заработка при закрытии предприятий». Безработному причту при желании предлагалась служба при Наркомате призрения. Указывалось, что церковные службы и требы могли продолжаться «при условии ходатайства коллективами верующих с обязательством принятия на себя ремонта и содержания помещений, инвентаря и служащих»¹. Надо отметить, что «приказами» обычно именовались распоряжения по личному составу, а духовенство никак к ведомству Наркомата призрения не относилось. Столь странная форма данного принципиально важного постановления, видимо, объяснялась политическими мотивами. С одной стороны, этим лишение церкви государственного финансирования преподносилось как частный акт заботы Наркомата призрения об интересах трудового населения. С другой, СНК по-прежнему ни словом не упоминал о еще не упраздненных Святейшем Правительствующем Синоде и Министерстве исповеданий, как бы демонстративно не вмешиваясь в религиозные вопросы. Стоит добавить, что в дополнение к «приказу» от 20 января, в феврале 1918 года Коллонтай разослала в губернские советы циркуляр о том, что в подведомственных Наркомату призрения заведениях прекращается всякое государственное финансирование храмов, духовенства и преподавания Закона Божьего. Эти траты отныне перелagались на «коллективы верующих»².

¹ Наш век (Петроград). 1918. 20 января; Современное слово (Петроград). 1918. 20 января; Воля страны (Петроград). 1918. 20 января; Голос трудового крестьянства. 1918. №20. 20 января; Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 января. С. 3.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 17 от 23 января. Ст. 249. С. 260–261; Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 26 (13) февраля. С. 3.

А вечером 20 января 1918 года СНК снова вернулся к церковному вопросу: на повестке дня было обсуждение утвержденного Наркоматом юстиции 19 января 1918 года проекта «Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Ознакомившись с текстом, Ленин внес в него некоторые правки, которые, по сути, несколько сгладили его бескомпромиссность. Так, декларируя в первой статье эсеровский лозунг о том, что «религия есть частное дело каждого», первоначальный проект вообще не признавал существования церкви как организации. Ленин зачеркнул этот пункт и заменил словами из программы РСДРП: «церковь отделяется от государства». Кроме партийного здесь проявился и тактический смысл: теперь церковь хотя бы упоминалась, как нечто *de facto* существующее. То же можно сказать и о пункте 13 декрета. Его первоначальная формулировка предполагала отчуждение храмов и богослужебных предметов государством и выдачу их общинам верующих только по постановлению властей. Ленин поменял фразы местами, смягчив содержание: сначала говорилось об оставлении церковного имущества в безвозмездном пользовании верующих, и только потом об одобрении властей¹. Принятое в итоге постановление опубликовали под старым названием «Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах» 21 января 1918 года в «Известиях ЦИК Советов» и «Правде»². Под этим же названием оно появилось 23 января в «Газете Рабочего и Крестьянского Правительства» (и одновременно в «Известиях Московского Совета»³), что стало считаться датой его вступления в силу. Вместе с тем, в комментариях в прессе документ с самого начала именовали «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви». Под этим названием его поместили в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства»⁴.

¹ См. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5212. Л. 1–5. На данную поправку Ленина, изменившую тональность законопроекта, впервые обратил внимание П.Г. Rogoznyy.

² Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 января. С. 2.

³ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 23 января.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 18 от 26 января. Ст. 263. С. 272–273.

По сути, документ предлагал сразу три мероприятия: исключение религии из государственной и образовательной сфер, единовременную национализацию всего церковного имущества и капиталов и лишение религиозных организаций права на юридическое оформление своей деятельности и, соответственно, на накопление и владение новым имуществом. Об этом говорили пункты, объявлявшие, что действия государственных и других общественно-правовых «установлений» отныне не должны сопровождаться религиозными церемониями и обрядами, а из всех официальных актов устраняются какие бы то ни было указания на исповедание граждан. Религиозные учреждения лишались прав юридического лица, и все церковное имущество объявлялась «народным достоянием». Упразднялось вероисповедное разделение общества, и закреплялась единая для всех светская регистрация актов гражданского состояния. Преподавание религиозных предметов запрещалось не только в государственных, но и в частных учебных заведениях¹. Таким образом, декрет от 23 января 1918 года не только отделял церковь от государства, но и лишал ее юридических прав, ставя вне закона всю церковную организацию, включая систему епархиального управления, духовно-учебные заведения, миссионерские, благотворительные и просветительские общества и организации. Без сомнения, Ленин придавал огромное значение принятому декрету. В составленной им 22 января радиограмме «всем всем», заявляя о победах Советской власти на всех направлениях, он не без гордости сообщил: «вчера, 21. I. 1918, опубликован декрет о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ»².

Тем временем, как и было запланировано, 21 января в Петрограде состоялся грандиозный крестный ход, поразивший очевидцев количеством участников. Особенно многочисленными были шествия из церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения на Стремянной улице, из Знаменской церкви, Исаакиевского и Казанского соборов, церкви Покрова и Спасо-

¹ Декреты Советской власти. С. 371–375.

² В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 35. М., 1974. С. 322.

Сенновской церкви¹. Духовенство и богомольцы из разных частей города сошлись к Александро-Невской Лавре, где митрополит Вениамин отслужил молебен и обратился на площади к собравшимся с речью о том, что «невозможно бороться с Богом, нельзя искоренить веру». После этого протодиакон Лавры торжественно зачитал воззвание патриарха от 19 января². «Церковные ведомости» сообщили, что площадь перед воротами Лавры не смогла вместить всех богомольцев, поэтому они разместились на прилегающих улицах: забирались на сугробы снега, на остановившийся вагон конки и даже на крыши монастырских зданий. При этом, по словам издания, сохранялся образцовый порядок³. Из Лавры шествие двинулось к Казанскому собору. Газеты отмечали, что в течение нескольких часов весь Невский проспект представлял собой «сплошное море человеческой массы», но «день прошел совершенно спокойно. Не было ни одного случая насилия или провокации»⁴. «Церковные ведомости» заявляли о до 500 тысячах участников⁵, а советские газеты – о 50 тысячах⁶. При этом в «Известиях ЦИК Советов» автор под псевдонимом «Вениамин Славский» все же оговорился, что из «нескольких сот тысяч человек», принявших участие в шествии, девять десятых – это праздные зрители и «любители бесплатных развлечений»⁷. «Правда» назвала воскресный крестный ход «массовым выступлением рясофорных капиталистов»⁸. «Русские ведомости» сообщили, что главный контингент участников крестного хода составляли женщины, мастеровые, фабричные рабочие, мелкие служащие различных учреждений и торговый люд, а солдат было не так много. Царило необычайное воодушевление, а толпа

¹ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 85.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Русские ведомости. 1918. 23 января; Новый луч. 1918. 23 января.

⁵ Церковные ведомости. 1918. № 3-4 от 31 января. Прибавления. С. 151–153.

⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 29.

⁷ Славский Вениамин. Мобилизация церкви // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 15 (2) февраля. С. 2.

⁸ Правда. 1918. 23 января.

скандировала «Христос воскрес»¹. Информации о том, знали ли участники шествия о только что принятом декрете или нет, найти не удалось, но известно, что по ходу движения людям из автомобиля раздавали правительственные листовки, критиковавшие «стяжательство» церкви и прояснявшие позицию к ней со стороны Советов. Никаких репрессий в отношении духовенства и верующих ни в этот, ни в несколько последующих дней власти в столице, разумеется, не предпринимали.

В протоколах заседаний СНК не указано, обсуждало ли Советское правительство 21 января состоявшийся крестный ход. Тем не менее, те же «Русские ведомости» сообщили, что вечером этого дня на «экстренном заседании» комиссары все же заслушали доклад о ситуации в столице. Однако было принято решение не вносить никаких корректив в утвержденный Декрет об отделении церкви от государства и вообще не менять политики СНК в церковном вопросе. Решение судьбы Александро-Невской Лавры временно отложили². Как писал митрополит Вениамин в одном из своих писем в феврале 1918 года, «начатая реквизиция моего помещения, кажется, будет отменена совершенно». Митрополит все же решил не уезжать из столицы в Москву на заседания Поместного Собора, так как «духовенство необходимо подбадривать всячески»³.

Реакция в «нейтральной» (не большевистской и не церковной) прессе на появление Декрета от 23 января 1918 года была бурной и неоднозначной. Большевистская газета «Вперед!» заявила, что «отделение церкви от государства – это, просто говоря, переход церковных учреждений и всех их служителей, как высших, так и низших, с казенных хлебов на содержание самих верующих». По мнению автора статьи, «кто бы ни был у кормила революционной власти – Керенский, Временное правительство, Учредительное собрание, Ленин и большевики – они должны были освободить церковь от правительственных связей, водворить истинную свободу совести». Игнорируя болезненные для

¹ Русские ведомости. 1918. 23 января.

² Русские ведомости. 1918. 23 января.

³ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 251. Л. 3 – 4 об.

духовенства темы национализации церковного имущества и лишения религиозных организаций прав юридического лица, «Вперед!» призвала рабочих и крестьян не слушать ложь священников, пользующихся недовольством народа большевиками, и не вставать под знамена клерикализма¹. В противовес этому «Наш век» сообщил, что Декрет слишком упрощен, в то время как нужна «чрезвычайно глубокая» реформа, «с особенной осторожностью и бережностью». По мнению газеты, провозглашенная национализация церковного имущества свидетельствовала о несерьезности реформы и полном игнорировании ею «жизненных условий»: «осуществление декрета, как известно, началось еще до издания его и вылилось в приемы, которые имеют также мало общего со свободой совести и отдельностью церкви и государства, как аресты инакомыслящих со свободой личности и торжеством социализма»². Чуть позже «Наш век» заявил, что Декрет не поддается юридической оценке, так как он – «чисто декларативный, напоминающий программу-максимум подпольной партии»³. «Петроградский голос» обозначил 6 недостатков Декрета, в числе которых назвал поспешность, внутреннюю противоречивость (статья 10 приравнивала права религиозных и церковных обществ к частным, а статья 13 говорила о лишении их прав юридического лица), а также «выбрасывание за борт престарелых священнослужителей», что признавалось бесчеловечным⁴. Так же оценила вышедшие постановления и «Новая жизнь»: «почему такая спешность в лишении жалованья духовенства (с 1-го марта)? Почему не допущен краткий, хотя бы годовой срок перехода к новым условиям? И почему так безграмотно пишутся декреты советской власти: отказ в жаловании священнослужителям относится ли также и к церковнослужителям, этим париям православного клира?»⁵ В то же время в другом номере «Новая жизнь» объявила, что «церковная реформа

¹ Отделение церкви от государства // Вперед! 1918. 30 января. С. 1.

² Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 95.

³ Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 158.

⁴ Петроградский голос. 1918. 24 января.

⁵ Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 95.

безусловно должна будет войти в состав того наследия, которое ушедшая большевистская власть оставит новой России»¹.

«Русские ведомости» назвали Декрет иллюстрацией того, «как можно грубым и неумелым законодательствованием исказить и изуродовать идею, по существу вполне правильную»: Декрет признавался поспешным и грубым, так как не только лишал церковь финансирования, но и отнимал ее собственные средства, не позволяя иметь их впредь². А «Петроградский голос» сразу предложил немедленно создать и зарегистрировать в НКЮ «Всероссийский союз православной церкви», который и станет упоминаемым в Декрете «коллективом верующих»³. Таким образом, оценки прессой вышедшего постановления были диаметрально противоположными, что отражало разброс взглядов на будущее государственно-церковных отношений в обществе.

Последняя декада января и начало февраля 1918 года стали периодом своеобразной демонстрации сил и решимости Советского правительства, с одной стороны, и Православной церкви, с другой, в вопросе о защите занятых ими принципиальных позиций. Духовенство распространяло критикующие политику властей послания и организовывало крестные ходы, а власти, стремясь не допустить перехода религиозных шествий в политические, ограничивали их и наращивали беспрецедентную антицерковную и антирелигиозную агитацию.

Так, передовицы советских газет оказались посвящены критике православного клира и особенно его верхушки. Как правило, развивались два основных тезиса с разными подробностями и обоснованиями. Первый объявлял церковь главным на тот момент оплотом контрреволюции, поскольку в политическом и военном плане последняя, как будто, уже проиграла. Вторая активно продвигаемая советскими публицистами мысль – о том, что единственная причина, побуждающая духовенство («тунеядцев-попов») протестовать против Декрета, это нежелание расставаться с накопленными богатствами. В итоге

¹ Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 159.

² Большевики и церковь // Русские ведомости. 1918. 24 января. С. 1.

³ Цит. по Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 95.

читателям предлагалась упрощенная схема, согласно которой духовенство, стремящееся сохранить имущество и капиталы, пыталось возбудить народ против Советов.

Например, «Известия ЦИК Советов» писали, что «руководители православной церкви, патриарх и епископы, сановное столичное духовенство и монастырские иерархи, подняли стяг войны против Советской власти. С церковного амвона, с лобного места... со ступеней Казанского собора, раздаются призывы стать на защиту, якобы гонимой, православной церкви»¹. Для создания антицерковных опусов петроградские и московские «Известия» привлекли целую плеяду публицистов. Так, Н. Антонов сообщал, что Тихон в своем послании «клеветает» на Советскую власть, и контрреволюция пытается действовать под знаменем религии². Н. Норов заявлял, что церковь – феодальный пережиток и верный союзник имущих классов, но «декрет Совета Народных комиссаров проведут в жизнь сами рабочие и крестьяне»³. Другая анонимная статья в том же номере газеты, ссылаясь на воззвание патриарха от 19 января, убеждала, что церковь – последняя ставка «черной камарильи»⁴. М. Летин объявлял, что церковь, выступая под знаменем контрреволюции, сама роет себе пропасть, которая «навсегда похоронит этот живой труп, душивший в своих мертвых объятиях сознание, веру и совесть трудового народа»⁵. Рюрик Ивнев добавлял, что «реакционные группы, объединившись вокруг церкви, делают последнюю ставку на духовенство», но патриарх предал анафеме громадную часть населения, так как «большинство трудящихся и обездоленных – или сами большевики, или

¹ Керженцев В. Воинствующая церковь // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 января. С. 1.

² Антонов Н. Защитники церкви // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 23 января.

³ Норов Н. Церковь и государство // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 24 января.

⁴ Последняя ставка // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 24 января.

⁵ Летин М. Поход мракобесия // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 27 января.

«общаются» с большевиками»¹. «Правда» написала, что церковь «при первом шаге трудового народа в ее сторону» мобилизовала все силы и перешла в наступление². А некий Степан Данилов поместил в «Известиях ЦИК Советов» три пространных статьи, в которых проанализировал хозяйственное положение духовного ведомства, приведя конкретные цифры из опубликованных до революции источников. Автор резюмировал, что теперь все эти богатства возвращаются народу³. Комментируя открывшиеся заседания второй сессии Поместного Собора, советские авторы подчеркивали якобы наметившееся стремление части делегатов к реставрации монархии⁴. Некто Керженцев заявил, что Собор «обсуждает, провозглашать ли анафему огулом или поименно, подлежит ли анафеме Коллонтай или, как “инаковерующая”, освобождается от церковного проклятия. Собор принимает какие-то конспиративные решения, избирает тайного заместителя патриарху, которому будто бы угрожает арест...»⁵ Продолжал генерировать статьи и автор, подписывавшийся псевдонимом «Вениамин Славский»: он обличал стяжательство церкви и оторванность от народа иерархии⁶. А низшее духовенство Славский назвал «рабски-покорным», «смешным» и «жалким»⁷.

¹ Ивнев Рюрик. Великий гнев или великое кощунство // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 20 (7) февраля. С. 1.

² Правда. 1918. 31 января.

³ Данилов С. Черное воинство // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 (6) февраля. С. 1-2; он же. Отделение церкви от государства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 24 (11) февраля. С. 1; он же. Отделение церкви от государства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 26 (13) февраля. С. 2.

⁴ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 24 января.

⁵ Керженцев В. Воинствующая церковь // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 января. С. 1.

⁶ Славский Вениамин. Дума у дверей епископа // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 23 января. С. 2-3; он же. Отделение церкви от государства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 24 января. С. 1.

⁷ Славский Вениамин. Последняя ставка // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 25 января. С. 1. Имелись и другие священники, начавшие сотрудничать с большевиками. В частности, в Ивановской газете «Рабочий край» один из них в марте 1918 года убеждал читателей, что мероприятия советов направлены не против

Кроме критики церкви звучали призывы к «социалистическому просвещению масс» и широкому разъяснению позиции Советского правительства. Подчеркивалось, что самодержавие и буржуазия помогали духовенству, так как оно поддерживало в массах предрассудки и обеспечивало эксплуататорским классам власть. Объявлялось, что в противовес этому пролетариат стремится к «общечеловеческому освобождению» и борется с религией через научное миропонимание¹.

Некоторые заметки явно были призваны сбить читателей с толка. Так, 21 января в статье под заголовком «Иллиодоры действуют» «Известия Московского Совета» объявили, что никакого наступления на свободу веры нет, а речь идет «всею только об ограничении накопленных монастырями недвижимых имуществ и пока только земельных угодий»². Не могло не вызвать недоумение и интервью В.Д. Бонч-Бруевича, сообщившего, что «конфискации подлежат только имущества, жалованные в прежнее время церкви государственной властью, например, земли, а равно предметы, бывшие раньше собственностью государства или других религиозных общин; все же, что приобретено на средства церковных общин, например, приходские дома, а так же подаренные, пожертвованные и завещанные частными лицами, не подлежит переходу в народное достояние, так как уже и без того принадлежат народу, объединившемуся в ту или иную религиозную общину»³. Создается впечатление, что Бонч-Бруевич либо имел весьма расплывчатые сведения о содержании Декрета от 23 января 1918 года, либо сознательно дезинформировал население.

веры, а против тех, кто «лжет именем Божиим и под видом спасения души паствы вольно или невольно служит интересам богатства, власти, то есть “мирской суете”». Цит. по: Русская Православная Церковь в XX веке на Ивановской земле. Сборник документов и материалов / Автор-составитель А.А. Федотов. Иваново, 2010. С. 20.

¹ Диктатура пролетариата и церковь // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 17 (4) февраля. С. 2; Школа и церковь // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 14 (1) февраля. С. 3.

² Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 21 января. Статью напечатали и в «Известия ЦИК Советов»: Иллиодоры действуют // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 января. С. 3.

³ Церковные ведомости. 1918. № 5 от 20 (7) февраля. С. 195.

Отношение церковной общественности к принятому Декрету было резко негативным, особенно в Петрограде. Показательна записка «товарищу Ленину» от не назвавшего себя «уполномоченного от прихожан Александро-Невской Лавры», поступившая в канцелярию ЦИК Советов 27 января 1918 года. «Ваш декрет вышел слишком рано и чересчур поспешный и кроме того довольно туманный, в особенности п. 13, – заявлял автор. – ...Т. е. приедет Луначарский, захочет прочитать “религиозную лекцию Бог и Дьявол” и займет церковь, а мы верующие, желающие отдохнуть в церкви должны будем смотреть и ушами хлопать. Нет, голубчик, слишком скоро поспешили с отделением церкви, не вовремя, это нужно сделать исподволь, умело, а не наскоком». Уполномоченный отметил, что Временное правительство тоже хотело отделить церковь, но «было умнее» и предоставило все организовать Поместному Собору, который «не хуже вас понимает в этом деле и устроит это деликатнее не языком, а делом». В конце автор призвал Ленина не допускать эксцессов и не толкать народ в стан реакции и контрреволюции: «пойми наши слова и не возбуждай ненависти»¹.

24 января в зале Московской духовной семинарии состоялось собрание Союза духовенства и мирян под председательством протоиерея Н.И. Боголюбского. Там Н.Д. Кузнецов выступил с речью о Декрете об отделении церкви от государства, после чего прибывшие из Петрограда делегаты рассказали о событиях в Александро-Невской Лавре. Собравшиеся приняли резолюцию о полном сочувствии посланию патриарха и призвали всех верующих сплотиться для защиты церкви². А 31 января прошло первое собрание Союзного совета приходских советов Москвы под председательством А.Д. Самарина. Кроме сформулированного приветствия патриарху присутствующие обсудили меры по защите храмов от национализации. Согласно принятому решению, в случае попыток «захвата» настоятель должен заявить о том, что церковь – собственность

¹ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 93. Д. 27. Л. 4–5 об.

² Московские епархиальные ведомости. 1918. № 2 от 30 января. С. 8.

прихода, и передача может состояться только в присутствии всех прихожан. Если «нападение» окажется неожиданным следовало бить в набат¹.

Ряд организаций духовенства и мирян обратили внимание на «незаконность» процедуры принятия Декрета. Так, 18 (5) февраля 1918 года общее собрание прихожан Владимирского храма в Нижнем Новгороде заявило, что такой документ необходимо принимать «не частным, а законодательным путем через Учредительное собрание»². О том, что «основной вопрос об отделении церкви от государства может быть разрешен лишь законно избранным всенародным представительством», а «всякий иной голос будет голосом самозванца», постановило и Братство приходских советов Петрограда 24 (11) февраля 1918 года³.

23 января патриарха посетил журналист московской газеты «Фонарь». На его вопросы Тихон сообщил, что церковь «больше не может... оставаться равнодушной при виде всего, что творится на несчастной родине. Теперь она возрождается к новой жизни и к борьбе...» Комментируя свое воззвание от 19 января, патриарх заявил, что это выступление «отнюдь не политическое, а только моральное», и отлучение состоит в том, что «Церковь отметаает от себя явных убийц и грабителей мирян и осквернителей и посягателей на достояние храмов. Миряне же поддерживают в этом Церковь, прерывая общение с отлученными». «Мы не призываем к бунту, – подчеркнул патриарх, – к бунту против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений. Власть может быть монархической или республиканской, кадетской или большевистской, но не должна она безнаказанно вызывать подобных беспримерных потрясений и разложения нравственных основ». Далее Тихон высказался о противоречивости и поспешности Декрета об отделении церкви от государства⁴.

¹ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 3 от 28 февраля. С. 6; Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 17 (4) февраля. С. 3.

² Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 132.

³ Там же.

⁴ Фонарь. 1918. 29 января.

Вторая сессия Поместного Собора открылась как частное собрание 20 января 1918 года, и только 22 января его численность достигла необходимого кворума¹. В этот день Собор выразил свою поддержку и приветствие посланию патриарха². 24 января на заседании выступил протоиерей Орнатский, рассказавший о крестном ходе в Петрограде. «Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами, – заявил протоиерей, – Мы терпели, но терпеть далее невозможно, потому что затронуто Святое Святых русской души – Святая Церковь... На сознательное мученичество идти не следует, но если нам нужно пострадать и даже умереть за правду – это надо будет сделать»³.

24 января 1918 года Собор обсудил необходимость максимально широкого распространения патриаршего воззвания⁴, после чего 26 января 1918 года Святейший Синод приказал поручить синодальным конторам, епархиальным преосвященным, протопресвитеру военного и морского духовенства и протопресвитеру Дернову «в целях скорейшего распространения среди православного населения соборных и патриарших посланий» сразу по получении перепечатывать их и оглашать в церквях, оповещать о праве свободной перепечатки текстов, а также призывать монастыри, братства, приходские советы и другие церковные организации к содействию в распространении посланий. Кроме того, Синод постановил немедленно разослать послание патриарха от 19 января 1918 года в духовные консистории, поручив им дальнейшее распространение⁵.

25 января 1918 года Поместный Собор принял постановление по поводу принятого Декрета об отделении церкви от государства, назвав СНК «отдельными общественными организациями и лицами, ныне стоящими у власти». Объявлялось, что принятый Декрет узаконивает «открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ христианских и

¹ Церковные ведомости. 1918. № 3–4 от 31 января. Прибавление. С. 159.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 10–16, 36.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 22–24.

⁵ Там же. Л. 34

нехристианских», поскольку отныне их свобода превращается в ничто. По мнению Собора, под предлогом отделения церкви от государства СНК «пытается сделать невозможным самое существование церквей, церковных учреждений и духовенства». «Пусть же поймет православный народ, что его хотят лишить храмов Божиих с их святынями, – призывали члены Собора. – Раз уничтожается всякая собственность церкви, нельзя и жертвовать чего либо в ее пользу, ибо все пожертвованное по замыслу декрета у нея отнимется». В заключении заявлялось, что Декрет представляет собой «под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной церкви и акт открытого против нее гонения», и «всякое участие как в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...»¹

Надо оговориться, что, хотя имущественные вопросы действительно представлялись немаловажными для церкви, но недовольство духовенства Декретом все же нельзя сводить только к боязни сокращения собственного материального достатка. В изъятии церковной собственности клир видел угрозу существования всей имевшейся церковной организации, ее многочисленных образовательных, просветительских и благотворительных учреждений. Насильственная реквизиция воспринималась как разрушение церкви. Кроме того, духовное начальство могло согласиться на передачу значительной части имущества в «народную казну», если бы решение об этом было принято им самим или, по крайней мере, после обсуждения с ним, а не совершалось явочным порядком. Церковь и советское руководство смотрели на происходящее с разных точек зрения.

Для сплочения духовенства и верующих на 28 января 1918 года в Москве также наметили проведение масштабного крестного хода. Накануне члены Собора отправились по храмам для бесед с народом о «значении переживаемого ныне Православною Русскою Церковью времени». Всего было выдано 24

¹ Церковные ведомости. 1918. № 3–4 от 31 января. С. 19–22; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 58–60.

удостоверения от имени патриарха на выступление в церквях, в том числе С.А. Котляревскому, протоиерею Ф.Д. Филоненко, А.Д. Самарину, генералу Артамонову и другим¹. Московское шествие также заставило власть поволноваться. За два дня до него, 26 января, некто П.П. Креков сообщил в Московский Совет, что «попы задумывают устроить кровавую баню в виде Сицилийской вечерни», и потребовал запретить крестный ход². Однако Президиум Московского Совета решил прибегнуть к опыту Петрограда и обратился к гражданам с воззванием о том, что поручает сохранение порядка во время мероприятия самому духовенству, а также призвал милиционеров, солдат и красногвардейцев на постах не чинить никаких препятствий свободному шествию по улице. Обвинив клир в покорном замалчивании в прежние годы преступлений царского режима, Московский Совет прямо указал, что готовящийся крестный ход «назначен против власти рабоче-крестьянского правительства», стремящегося уничтожить религиозное рабство народа. «Сейчас духовенство восстало на защиту вовсе не храмов, не свободы веры, – гласило обращение, – этому никто и ничто теперь не угрожает; оно восстало на защиту богатств, имений, земель, жалованья в 200 тыс. рублей митрополитам, миллионов, накопленных в монастырской казне, сытой спокойной и бездельной жизни сотен тысяч праздных и богатых людей». Президиум Московского Совета призвал всех сознательных солдат, рабочих и крестьян не ходить на шествие, так как «им нечего делать вместе с буржуазией», а, в случае желанья, молиться в церквях или дома³. Одновременно печатный орган Московского Совета поместил заявление группы граждан от 27 января о том, что они приветствуют борьбу СНК с «пекущимися

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 188. Л. 8 – 8 об. Впоследствии, 14 (1) февраля 1918 года 70 членов Собора выдвинули предложение организовать подобные выступления по всей России, а 21 (8) февраля начали составлять списки делегатов, желающих отправиться в епархии. Однако возможности Собора оказались чрезвычайно ограничены: судя по составленным его канцелярией удостоверениям проведение бесед с народом удалось наладить только в Москве, Подмоскowie, а также в Богородске близ Нижнего Новгорода. В числе лекторов-агитаторов были А.Д. Самарин, П.А. Миртов, К.М. Аггеев, С.А. Котляревский и Н.И. Остроумов. См.: там же. Л. 11–33.

² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 10.

³ Ко всем гражданам // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 2. Воззвание расклеили на улицах Москвы. См.: Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 161. Обращение Московского Совета также опубликовано: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 16–17.

лишь о своем материальном достатке» священниками, и объявляют об «отпадении» от Православной церкви и переходе во вневероисповедное состояние (sic!)¹. При этом власти тем не менее выдали духовенству и членам Поместного Собора пропуска в Кремль для участия в богослужении в Успенском соборе².

Крестный ход состоялся и прошел на удивление мирно. Накануне в церквах с амвонов огласили воззвание Поместного Собора от 25 января, а также провели беседы о враждебности принятого СНК Декрета. В воскресенье ходы из разных концов города сошлись на Красной площади, навстречу им из Кремля вышел патриарх в сопровождении митрополитов и епископов. По оценкам церковной печати, в действе приняло участие также до 500 тысяч человек³. Единственный неприятный инцидент имел место у Иверской часовни, где толпа чуть не набросилась на отряд конной милиции, но один из священников сумел успокоить людей⁴. Даже «Известия Московского Совета» признали масштабность прошедшего 28 января крестного хода: «и сколько их, этих раззолоченных, парчевых ряс прошло вчера по улицам Москвы. Сколько! Вереница за вереницей тянулась парчовая, раззолоченная масса». Отметив большое количество мирян в шествии, газета, однако, подчеркнула, что 90% из них составляли женщины⁵. Также автор заметки не преминул подлить ложку дегтя, сообщив, что несколько участников крестного хода – некий безымянный монах и другие «ревнителю» православной веры – избили директора родильного приюта М.И. Лазарева за то, что тот, выйдя из трамвая, не успел вовремя снять шапку перед процессией⁶.

¹ К предстоящему крестному ходу // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 4. Позицию Московского Совета по заслугам оценили «прогрессивно настроенные» граждане. Один из них в письме выразил свои «солидарность и восхищение» советам, которые не только не воспрепятствовали осуществлению крестного хода, но и «издали приказ, запрещающий вмешиваться в его шествие». См.: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 11–12.

² Дело великого строительства церковного. С. 473.

³ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 161. Имеется целый ряд свидетельств очевидцев, сообщавших, что собравшийся народ занял не только всю Красную площадь, но и прилегающие улицы, а также крыши ближайших домов. См.: Дело великого строительства церковного. С. 441, 473.

⁴ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 161.

⁵ Анютин М. Демонстрация князей церкви в Москве // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 30 января. С. 2.

⁶ «Ревнителю» благочестия // Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 30 января. С. 4.

Вполне вероятно, сообщение является ложным. По данным «Церковных ведомостей» большинство молящихся действительно составляли «женщины-работницы», но много имелось и крестьян, солдат и рабочих. Интеллигенции собралось незначительное количество, а «буржуазии» почти не было¹. Член Собора В.В. Богданович отметил, что крестный ход 28 января «надолго удержал большевиков... от открытых выступлений против церкви»².

Крестные ходы в конце января – начале февраля 1918 года прошли и в других городах (в том числе, во Владимире, Воронеже, Вятке, Нижнем Новгороде, Одессе, Орле, Саратове, Туле и Харькове)³. О крестном ходе в Новгороде 24 (11) февраля 1918 года епископ Алексей (Симанский) написал, что он «прошел удивительно хорошо и величественно. Весь Новгород в нем участвовал»⁴. Но не везде обошлось без эксцессов. Прошедшему 15 (2) февраля шествию в Орле, по свидетельству епископа Серафима (Остроумова), гражданские власти чинили всяческие препятствия⁵. Заранее разрешенный местным Советом крестный ход в Шацке 17 (4) февраля подвергся разгону. После молебна в Троицкой церкви людей остановили красногвардейцы, начавшие стрелять в воздух. Все духовенство арестовали и прямо в облачении повели в тюрьму, «дорогою издевались»⁶. В Туле и Харькове крестные ходы в феврале 1918 года были расстреляны⁷. Тем не менее, шествия показали, что за время, прошедшее с момента свержения самодержавия, церковь сумела решить главный для себя вопрос: перенести точку опоры с установлений прежней государственной власти, поддерживавшей духовенство сверху административными и полицейскими методами, на низы, на самих верующих

¹ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 161.

² Дело великого строительства церковного. С. 477.

³ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 130.

⁴ Письма патриарха Алексея своему духовнику. С. 120.

⁵ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 186. Л. 62. 14 (1) февраля 1918 года в Орле произошли беспорядки из-за того, что с Покровской церкви рабочие начали снимать четыре больших позолоченных герба. В крестном ходе 15 (2) февраля 1918 года приняло участие до 20 тысяч человек. См.: Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917 – 1953 гг.) Орел, 2008. С. 27–28.

⁶ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 186. Л. 67 об.

⁷ Церковные ведомости. 1918. № 5 от 20 (7) февраля. С. 207–211.

мирян. Теперь именно паства являлась источником «легитимности» церковных учреждений, и на ее позицию – а это была позиция значительной массы людей – ссылались православное духовенство, выступая против объявленных антицерковных мероприятий. Данную перемену отметила даже правозэсеровская газета «Труд», заявив, что «наша церковность, с грехом пополам перестроившаяся сообразно условиям нового строя, пережила некоторый процесс приспособления. И последние события показали, что эту задачу она выполнила более или менее удачно»¹.

В обеих столицах в конце января 1918 года власти вели себя в отношении Православной церкви крайне осторожно. Чтобы пресечь печать листовок с воззванием патриарха в Московской синодальной типографии, по опробованной методике решили найти опору среди ее рабочих. Из уже готовых 10 000 экземпляров послания Поместный Собор успел получить 23 и 24 января только 6000 экземпляров, остальные конфисковал комиссар по делам печати. По его распоряжению было отменено исполнение заказа на изготовление на ротационной машине еще 100 000 экземпляров, хотя уже сделали набор и отлили стереотип². Вероятно, не без участия власти рабочие типографии объявили о введении на производстве рабочего контроля и полном переходе всего управления к избранному Комитету старост, а чиновники и служащие обратились с жалобой и просьбой о поддержке к Святейшему Синоду³. 31 января 1918 года на встрече с членами Поместного Собора старосты заявили, что «рабочие всегда были к Синоду лояльны» и никогда не отказывались от печати его заказов, «исключая одного раза, когда по требованию теперешнего правительства должны были прекратить печатание послания патриарха». На укор об ответственности перед православным людом, рабочие ответили, что не могли поступить иначе, так как это стало бы предательством рабочего класса. Кроме того, они «не разбираются в споре церкви и государства и признают, как социалисты, законность

¹ Цит. по: Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 3.

² РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 27. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 38.

распоряжений о церковных имуществах. Бывшее церковное достояние, теперь – достояние национальное, всего народа Российской республики». В заключение встречи председатель старост заверил, что заказы церкви будут исполняться «безусловно все», но они будут рассматриваться как частные¹.

Через три дня, 16 (3) февраля 1918 года комиссар по делам вероисповеданий Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области В.И. Соловьев подписал приказ о переходе типографии в собственность Совнаркома и назначении членами ее временного правления рабочих С.В. Федорова, В.В. Петрова и М. Трусова². В ответ ВЦУ объявило, что оно считает изъятие предприятия незаконным и оставляет за собой право на взыскание убытков³. Игнорируя выставлявшиеся рабочими счета за уже выполненные до реквизиции заказы, Собор и ВЦУ порвали с бывшей Московской синодальной типографией всякие отношения и стали обращаться к другим поставщикам. В частности, февральское и мартовское послания патриарха печатались в типографии А.Д. Плещеева⁴.

Довольно-таки сдержанными являлись в конце января 1918 года и репрессивные мероприятия Советской власти в Петрограде. Хотя В.Д. Бонч-Бруевич и писал в своих воспоминаниях о якобы имевших место накануне крестного хода 21 января 1918 года многочисленных арестах распространителей патриаршего послания и даже о разгроме тайной «штаб-квартиры Тихона»⁵, но согласно архивным данным единичные задержания начались только с 31 января, когда страсти постепенно пошли на спад. Сначала на Варшавском вокзале задержали женщину, раздававшую листки под названием «Православно-русскому народу», в которых солдат, казаков, рабочих и «весь православный люд»

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 240–241. Возможно, в связи с событиями в Московской синодальной типографии, советские газеты лицемерно заявили, что «все наборщики категорически отказываются печатать послание», которое пришлось размножить на ротаторе. См.: Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 января. С. 2.

² РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 2. Л. 51.

³ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 27. Л. 13.

⁴ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 94.

⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 212–215.

призывали постоять за веру¹. Потом арестовали хранившую тиражи листовок (в том числе возвания патриарха) библиотекаря Варшавской церкви Е.Д. Кузнецову² и закрыли находившуюся поблизости типографию Общества распространения религиозно-нравственного просвещения³. Вслед за этим 15 (2) февраля власти опечатали помещения самого общества на Стремянной улице⁴. Кроме этого, за распространение возваний были арестованы еще несколько человек в разных частях столицы, в том числе и духовные лица: настоятель церкви Петроградского морского госпиталя протоиерей А.П. Старопольский и монах Коневского Рождество-Богородичного монастыря Симеон. Всех задержанных тут же отпустили, взяв с них подписку о явке по первому требованию⁵. Все материалы об этих задержаниях ВЧК объединила в одно делопроизводство, передав его 24 (11) февраля 1918 года в Следственную комиссию при Революционном трибунале⁶. В прилагаемом заключении сотрудника ВЧК говорилось, что в данном случае речь шла о «лишь части одного большого дела, борьбы Советской власти с черносотенным духовенством и невежественной, темной массой» и предлагалось судить патриарха Тихона и «другие организации» в «открытой мировой трибуне “Народном суде”»⁷. Тем не менее, 22 августа 1918 года Революционный трибунал заключил, что все, проходящие по делу, – «люди малограмотные и темные» – являлись «орудиями» в руках действительных виновников, составлявших и распространявших листки, но последние «следствием не выяснены»⁸.

Гораздо более агрессивно реагировали на выступления духовенства провинциальные советы. Например, 28 января 1918 года Козельский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,

¹ ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 399. Л. 24 – 24 об, 28.

² Там же. Л. 26, 31.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 19, 21, 25, 32–34, 36–43.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 3

заслушав доклад о прочтении протоиереем Протопоповым в Козельском Успенском соборе патриаршего воззвания, постановил просить ВЦИК и СНК «немедленно патриарха Тихона арестовать, таковую должность упразднить и в дальнейшем подобных воззваний ни в коем случае не допускать, кроме того издать немедленно воззвание разъясняющее смысл обращения патриарха Тихона»¹. Дела о распространении духовенством и прихожанами январского послания Тихона завели местные советы в Тамбове и Воронеже. 23 февраля 1918 года Усманский объединенный Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов арестовал гражданку А.В. Порядину, раздававшую в своем селе Грачевка воззвание Тихона от 19 января, после чего направил требование об аресте автора листовки в Москву. В конце мая 1918 года Московский революционный трибунал действительно начал проводить следственные действия в отношении патриарха по факту составления им послания, но дело быстро заморозили².

«Церковные ведомости» сообщали, что в феврале 1918 года в провинции начались столкновения, связанные с попытками властей реализовать положения январского Декрета. В Ярославле объявление о национализации церковного имущества вызвало «грозное народное движение», в результате которого ввели военное положение. В Самаре духовенство по случаю издания Декрета объявило трехдневный пост, а местный Совет постановил предать священников революционному трибуналу за сопротивление распоряжениям властей. В Воронеже произошло столкновение комиссара Зайцева с толпой женщин при его попытке опечатать кладовую Митрофаньевского монастыря³. В Орле «при попытке применения декрета» начались перестрелки, 1 человек убит, 1 ранен⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 93. Д. 330. Л. 1. Входящий номер в канцелярии ВЦИК от 14 марта 1918 года.

² См. Богословский сборник. Вып. VI. С. 160–163; ГАРФ. Ф. Р543. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–9; Соколов А.В. Послание патриарха Тихона от 19 января 1918 года: печать, распространение, первая реакция советской власти // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23), январь – март. С. 17–22.

³ Церковные ведомости. 1918. № 5 от 20 (7) февраля. С. 207–211.

⁴ Там же.

Так или иначе, в условиях конца января 1918 года Декрет об отделении церкви от государства действительно во многом представлял собой политическую декларацию, значительная часть положений которой не могла быть реализована в ближайшем будущем. Видя поддержку клира со стороны верующих, СНК отложил на некоторое время проведение национализации церковных имуществ, предоставив инициативу в этом местным властям. Кроме того, центральные органы советской власти в начале 1918 года не стали применять какие-либо меры преследования к церковному руководству и лично к патриарху Тихону. Когда Бонч-Бруевич спросил Ленина в январе 1918 года, что делать с патриархом, председатель СНК ответил: «Ничего. Сообщите ему, что советская власть не намеревается надеть на его голову венец мученичества, но все те, кто будет распространять его произведения, будут немедленно арестовываться и предаваться суровому суду»¹. А А.М. Коллонтай привела другое ироничное замечание Ленина по отношению к Православной церкви в начале 1918 года. «Добродушно и с усмешкой» председатель СНК заявил тогда наркому признания: «хотя вы и анафема теперь, но вы не в плохой компании: будете поминаться вместе со Стенькой Разиным и Львом Толстым»².

Таким образом, период ноября 1917 – января 1918 года стал временем укрепления Советской власти, и, одновременно, крушения «организационной формулы» Февральского переворота, согласно которой решение вопроса о будущем государственном устройстве должно было решить Учредительное собрание. В указанные месяцы советское руководство не предпринимало активных шагов в отношении церкви, причем делало это, по всей видимости, абсолютно сознательно. Несмотря на неоднократные предложения и соблазны, одним из которых стало собрание чиновников-саботажников в здании Синода 28 ноября, большевики не стали ни объявлять об упразднении духовного ведомства, ни реквизируют его имущество. Даже Обер-прокурорский дом на Литейном

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 213.

² Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 335.

проспекте в Петрограде и Департамент по делам Православной церкви оставались в неприкосновенности. А принятые СНК постановления о введении гражданского брака и развода и переходе всех духовно-учебных заведений в ведение Наркомата просвещения, по сути, не выходили за рамки системы законодательства Временного правительства. Реквизицию Петроградской синодальной типографии произвели, прикрываясь требованиями введения рабочего контроля над производством. В подобной тактике большевиков нельзя не усмотреть определенной логики: сначала с разгоном Учредительного собрания закреплялся полный переход власти к Советам, и лишь затем, спустя несколько недель, появился Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, открывавший дорогу последующим мероприятиям в этом направлении. При этом, отказавшись от создания специального органа, контролировавшего бывшее духовное ведомство, или назначения в него комиссара, большевики и их союзники тем самым декларировали принцип невмешательства в церковные дела.

Декрет от 23 января 1918 года вызвал резко негативную реакцию церкви, вызванную как его содержанием, так и обстоятельствами его появления. Советское правительство в глазах значительной части общества оставалось нелегитимным, а ситуация вокруг Александро-Невской Лавры наглядно продемонстрировала манеру действий «комиссаров». Кроме того, немаловажным для церкви являлось то, что Декрет издали без какого-либо согласования или даже минимального предварительного контакта с Поместным Собором, что действительно выглядело как «вероломство». Однозначно можно сказать, что такой реакции не последовало бы, если бы подобный декрет приняло Учредительное собрание (что представляется вполне вероятным исходя из его состава). Так или иначе, опубликование Декрета от 23 января 1918 года открыло новую страницу в истории государственно-церковных отношений в России, характеризовавшуюся их противостоянием между собой.

4.3. Ликвидация Ведомства православного исповедания

После разгона Учредительного собрания и выхода Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви уже не было ни необходимости, ни возможности сохранять старую, установленную еще Духовным регламентом Петра I, систему церковного управления. 24 января 1918 года Поместный Собор поручил отделам о высшем церковном управлении и о церковном имуществе не позднее 7 февраля представить свои соображения о расходах на Священный Синод, Высший Церковный Совет и патриаршие учреждения «с указанием источника доходов». Однако уже 26 января 1918 года Святейший Синод попросил Собор освободить «наличный состав Синода» от исполнения обязанностей и ввести в действие новые органы Высшего Церковного Управления (далее – ВЦУ). Синод предлагал переподчинить им все учреждения бывшего Синодального ведомства, «в том числе и Департамент по делам Православной церкви», а также все их движимые и недвижимые имущества. Соборный Совет постановил не рассматривать пока просьбу о ликвидации Святейшего Синода до подготовки отделами предложений¹.

Однако вскоре из Петрограда пришли новые известия. Несколько дней после публикации Декрета от 23 января советское руководство не предпринимало никаких шагов по его реализации. Возможно, ожидали спада религиозного подъема, вызванного событиями в Александро-Невской Лавре и грандиозным крестным ходом 21 января. Тем временем власть нашла поддержку у низших служащих Ведомства православного исповедания, рассчитывавших улучшить свое материальное положение. Газеты сообщали, что «служители и курьеры Синода, во главе с директорским курьером Константином... три раза ходатайствовали в Смольном о назначении комиссара», после чего нарком внутренних дел Г.И. Петровский поручил «неправославному латышу» комиссару над беженцами А.М. Дижбиту «взять под охрану дела б. Синода и произвести

¹ ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 23 об – 24.

ликвидацию»¹. «Известия ЦИК Советов» поместили по этому поводу заметку только 17 (4) февраля, гласившую, что «согласно заявлению рабочих Святейшего Совета (так в тексте – А.С.) Комиссариатом по Внутренним делам поручено тов. Дижбиту ликвидировать Синодское Хозяйство и поручено имущество Святейшего Совета до ликвидации охранять рабочим. Смету на уплату жалования рабочим поручено составить коллективу»². Таким образом, хотя Декрет от 23 января ничего не говорил ни о судьбе Синода, ни о Министерстве исповеданий, правительство приступило к их фактическому упразднению, не объявив об этом ни в одном специальном постановлении. Данное обстоятельство вряд ли может показаться странным: подобной «тихой реквизицией» Смольный, во-первых, уменьшал вероятность возникновения нежелательных эксцессов, а, во-вторых, исключал появление обвинений в свой адрес по поводу вмешательства во внутрицерковные дела. Официально Синод как будто и не ликвидировался, но все его имущество переходило в казну. Также не случайно выполнение задания поручили латышам Дижбиту и его помощнику Вельмеру: их не должны были смутить никакие призывы к православному чувству.

В итоге в субботу, 27 января 1918 года, Дижбит прибыл в здание Синода, осмотрел все помещения и канцелярии, «особенно обратил внимание на казначейство, которое закрыл и ключ взял к себе». Остальные отделы также закрыли, но ключи передали домовому комитету, состоявшему из проживавших в здании служителей и курьеров. В этот же день комиссар наведился и в Департамент по делам Православной церкви³. Вслед за этим в воскресенье, 28 января, Дижбит объявил всем служащим, что здание Синода «закрыто для занятий» и реквизировано. Одновременно оказались закрыты и все здания департамента, располагавшиеся на Литейном проспекте, в домах 32, 34 и 62.

¹ Цит. по: Трудовой еженедельник. 1918. № 4 от 18 (5) февраля. С. 6. По информации В.А. Алексеева, сначала свою комиссию для «опечатывания» имущества Синода и Министерства исповеданий создал Петроградский Совет, и лишь потом к этому подключился «уполномоченный по ликвидации бывшего Св. Синода» А.М. Дижбит. См.: Алексеев В.А. Указ. соч. С. 46.

² Деятельность Комиссариата по Внутренним делам // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 17 (4) февраля. С. 4.

³ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. Прибавления. С. 163.

Комиссар в присутствии чиновников бывшего Ведомства православного исповедания опечатал все капиталы Синода и ночью в сопровождении Вельмера вывез их на автомобиле из Синодального казначейства. В соответствии с подписанным комиссаром и сотрудниками Синода актом общая сумма «реквизированных» средств составила 46 015 312 рублей 21 копейку¹. Правда, позднее ВЦУ заявляло, что в нее не вошли хранившиеся в Хозяйственном управлении и также изъятые «частные» вклады отдельных церквей и миссий². Реквизированные капиталы состояли, в том числе, из двух расписок от Русско-Азиатского банка (7 510 000 и 6 664 600 руб.), 1 706, 90 руб. наличными, 50 руб. золотом, шести расчетных книжек текущего счета (одна – Госбанка, 5 Конторы Московско-Купеческого банка), золотой американской монеты 1898 года, серии билетов Государственного казначейства на 1000 рублей и по Училищному совету – 2 569 000 руб. процентными бумагами, 2 850 руб. казначейскими билетами и две книжки текущего счета (Госбанка и Конторы Московско-Купеческого банка)³. В докладе Г.И. Петровскому Дижбит называл ту же сумму «принятых» ценных бумаг и счетов⁴. Отметим, что изъятые капиталы не использовались церковью для текущих кассовых операций, большая часть средств находилась в банках, а предполагаемые дивиденды самим духовенством оценивались в 2 100 000 руб. в год⁵. Таким образом, наиболее ощутимой потерей оказались 2,7 млн. руб. «страхового капитала», необходимого для возмещения убытков от пожаров строений духовного ведомства⁶. ВЦУ отмечало, что «отобраны также и многие, хранящиеся в Казначействе вещи, монеты, знаки, кресты, часы и др.», хотя о них и

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. Подписанный Дижбитом и сотрудниками Синода акт, по всей видимости, был унесен комиссаром, так как побывавший в Петрограде в феврале 1918 года и встречавшийся с чиновниками В.И. Яцкевич написал в своем отчете патриарху, что точная сумма реквизированных средств неизвестна. См.: РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–4. Исходя из того, что копия акта хранится среди материалов учрежденной ВЦУ Ликвидационной комиссии, ее членам удалось достать акт – возможно у самого А.М. Дижбита.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-4.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁴ См. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 46.

⁵ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 30. Л. 3 об.

⁶ ГАРФ. Ф. Р543. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

не упоминалось в акте¹. Кроме того, по предписанию Дижбита поступающие на Главпочтамт на имя синодального Хозяйственного управления денежные переводы передавались исключительно доверенному советскому комиссару – все тому же Вельмеру. Общая сумма недополученных через почту средств церковь оценила в 400 000 руб.² Как писали в своем отчете члены Петроградской синодальной конторы «захват произошел внезапно и поэтому не было возможности заблаговременно принять меры к тому, чтобы принадлежащие конторе бумаги и предметы остались в распоряжении конторы...»³ 25 февраля 1918 года Г.И. Петровский внес в повестку дня СНК предложение о передаче кредитов ликвидируемых согласно Декрету об отделении церкви от государства учреждений в ведение НКВД⁴. 4 марта этот вопрос направили на рассмотрение в Государственное казначейство⁵. Вслед за этим 5 марта 1918 года Государственная комиссия по народному просвещению постановила передать средства со счетов Училищного Совета Святейшего Синода в Московском купеческом банке Литературно-издательскому отделу Наркомата просвещения и Петроградскому совету по народному образованию⁶.

Ликвидация центральных учреждений Синода и Министерства исповеданий в Петрограде прошла быстро и не вызвала никакого общественного резонанса. В конце февраля – начале марта 1918 года и. о. главы синодального Училищного совета протоиерей Ивановский написал во ВЦУ, что по распоряжению правительственного комиссара служащие выселяются из казенных квартир, но, тем не менее, заявляют о готовности «продолжать службу Святой Церкви и отдают свои силы в распоряжение Священного Синода»⁷. А 7 марта (22 февраля)

¹ Там же. Л. 39 об.

² Там же. Л. 18.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 290.

⁴ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 377, 379, 383, 395, 398, 401, 407.

⁵ Там же. С. 409. В исполнительном листе написано «Передано в Государственное казначейство за № 712». См.: там же. С. 414.

⁶ Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. М., 2012. С. 214.

⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об – 23. ВЦУ слушало это сообщение 26 марта 1918 года.

1918 года о захвате подведомственных ему учреждений «комиссаром по ликвидации Св. Синода» сообщил в ВЦУ и начальник архива и библиотеки Синода К.Я. Здравомыслов¹. Согласно постановлению Коллегии при НКВД, здание Синода вместе с делами и архивом передали в НКЮ, который поместил там свой Литературно-издательский отдел (далее – ЛИО). В распоряжение последнего перешло все имевшееся в помещениях имущество, а также «обширная библиотека по вопросам церковного права и философии и дела учебного комитета». ЛИО возглавил Н.В. Хлебников, бывший обер-прокурор Первого Департамента Сената², получивший права «комиссара здания Синода»³. Заведующий Синодальным архивом Здравомыслов вошел в состав Издательского комитета ЛИО⁴. Кроме архива единственным подразделением Синода, привлеченным Советами в свои структуры, стал Страховой отдел: его чиновников во главе с заведующим П.П. Заваруевым в апреле 1918 года включили в возглавлявшийся М.Т. Елизаровым Народный комиссариат страхования (Комстрах), действовавший в рамках НКВД⁵.

Получив известие о закрытии зданий духовного ведомства в Петрограде, 31 января 1918 года Поместный Собор постановил незамедлительно ввести в действие новую систему ВЦУ (патриарх – Священный Синод – Высший Церковный Совет)⁶. Примечательно, что при обсуждении данного определения Н.Д. Кузнецов выразил сомнение относительно возможности принятия его Собором с правовой точки зрения. Но С.А. Котляревский возразил, что Октябрьский переворот прервал преемственность власти, поэтому легального

¹ Там же. Л. 21 об – 22.

² См. его работу: Хлебников Н.В. Государственная дума. Систематический свод относящихся к сему предмету узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1906.

³ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 196. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ 18 апреля 1918 года СНК принял декрет о передаче Комстраху из бывшего Святейшего Синода всех дел и капиталов по страхованию строений духовного ведомства «впредь до издания общего положения страхования государственного имущества». А 21 мая 1918 года управляющий Страховым отделом П.П. Заваруев в рапорте на имя патриарха Тихона доложил, что его подразделение переведено в Комиссариат страхования, «куда направлены все дела и весь инвентарь». См.: ГАРФ. Ф. Р543. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12. См. подробнее: Соколов А.В. Ликвидация ведомства православного исповедания в 1918 году: вопрос о страховании церковных строений // Перспективы науки. 2013. № 11 (50). С. 60–65.

⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 207.

выхода из создавшегося положения нет¹. Тогда Б.А. Бялыницкий-Бируля предложил, чтобы постановление о введении в действие Священного Синода и Высшего Церковного Совета утвердили товарищ министра исповеданий и Святейший Синод, поскольку они являются единственными наследниками верховной государственной власти. Эту поправку по каким-то причинам не поддержали². На следующий день, 14 (1) февраля 1918 года, Святейший Синод собрался на свое последнее заседание, на котором постановил «считать свои полномочия оконченными» и передал все дела новым органам³. Это означало, что старый – являвшийся частью государственного аппарата – высший орган церковного управления перестал существовать, а новые учреждения уже *de jure* не подчинялись светской власти, составлялись самой церковью и только перед ней отчитывались. Таким образом, последний элемент системы Духовного регламента – Святейший Синод – оказался упразднен самой церковью.

По всей видимости, в это же время было принято решение и о «самоликвидации» Министерства исповеданий, хотя следов каких-либо приказов или распоряжений об этом найти не удалось. Котляревский остался активно работать на заседаниях Поместного Собора как частное лицо, и даже закрывал своей речью его вторую сессию. Освобожденный из заключения А.В. Карташев написал в феврале 1918 года письмо патриарху о том, что он «на некоторое время лишен физической возможности вступить в отправление обязанностей» члена Высшего Церковного Совета⁴. Ликвидационными вопросами Министерства исповеданий занимался директор Департамента по делам Православной церкви В.И. Яцкевич, и именно он подписывал все его бумаги, начиная с февраля 1918 года. Последний обнаруженный документ – датированное 25 (12) апреля 1918 года удостоверение, выданное для выезда из Москвы курьеру «бывшего Департамента по делам Православной церкви» Андрею Яковлеву о том, что он возвращается в Петроград к месту своего постоянного жительства «за окончанием работ в

¹ Там же. С. 194.

² Там же. С. 199.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 284.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 – 13 об.

Департаменте»¹. В новом ВЦУ Яцкевич занял пост главы канцелярии Высшего Церковного Совета, с конца апреля 1918 года бывший чиновник действовал уже целиком в этом качестве.

Поскольку духовенство полагало, что с отделением церкви от государства все синодское имущество должно остаться у нее, реквизиция зданий духовного ведомства в Петрограде расценивалась Поместным Собором и ВЦУ не иначе как «захват». Были подготовлены петиции с протестом по этому поводу, но возникла проблема с их вручением: контактов с СНК у церкви на тот момент не имелось². Вместо этого в феврале 1918 года ВЦУ направило в Петроград своего «особоуполномоченного» – все того же В.И. Яцкевича – для «объединения деятельности отдельных центральных учреждений Священного Синода в деле защиты юридических и имущественных прав этих учреждений и вообще ведомства Православного исповедания»³. Одной из главных задач поездки ставилась попытка получения средств из Государственного казначейства. Выбор для этой миссии не духовного лица, а чиновника – директора ликвидируемого департамента – представлялся наиболее целесообразным: ВЦУ хорошо знало о негативном отношении советского руководства к «попам». Прибыв в столицу, Яцкевич посетил все здания, ранее принадлежавшие Синоду и Департаменту по делам Православной церкви, встречался со служащими и правительственными комиссарами, выяснял текущее положение дел. По итогам поездки «особоуполномоченный» составил отчет, констатирующий, что от имуществ Синода «веет полным разорением и расхищением»⁴. В частности, говоря о размещившемся в здании на Сенатской площади Литературно-издательском отделе, Яцкевич отметил, что его директор Хлебников занял только кабинет обер-прокурора, а все остальные помещения, за исключением нескольких комнат, пустуют, и в них «в беспорядке валяются обрывки бумаг, канцелярские

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 79. Л. 372.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–4.

³ О состоявшейся командировке Яцкевича также упоминается в Журналах заседаний соединенного присутствия патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. См.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 об – 22.

⁴ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

принадлежности, бланки, дела...» Яцкевич также посетовал на отсутствие точной описи реквизированных из синодального казначейства сумм и ценностей: видимо, ему не удалось в тот момент ознакомиться с актом, подписанным 28 января Дижбитом и служащими Синода. «Особоуполномоченный» только отметил, что «синодские миллионы переданы в фонд призрения»¹.

Далее Яцкевич сообщил, что в обер-прокурорском доме на Литейном, 62, разместился Союз раненных, больных и демобилизованных солдат, а «в блестящих залах верхнего этажа... даются для праздной уличной толпы балы». Церковь при доме еще действовала, так что в 8 часов вечера заканчивалась служба, а в 9 по субботам там «гремит музыка и танцуют модные танцы»². По данным отчета «особоуполномоченного», Синодальное подворье на Подъяческой улице оказалось полностью «разгромлено». Помощник комиссара Вельмер вывез оттуда на автомобиле все, что смог унести, включая электрические вентиляторы, телефон и даже электропроводку. Выяснилось, что, как и в случае с Синодом, комиссару помогали низшие служащие подворья. Однако председатель домового комитета – настоятель церкви священник Никитин – с благословения митрополита Вениамина спешно образовал приход, надеясь таким образом защититься от «дальнейших захватных стремлений насильников»³.

Дома на Литейном 32 и 34 (бывшие Канцелярия обер-прокурора и квартиры товарища обер-прокурора и директора канцелярии) были переданы Дижбитом в ведение города. Там разместились брачное бюро И.А. Шпицберга и районная управа Литейной части Совета рабочих и солдатских депутатов с ее отделами. Всех живущих в этих домах чиновников духовного ведомства обязали выплачивать за аренду казенных квартир значительные суммы⁴. Яцкевич докладывал, что «имущество Департамента по делам Православной церкви (канцелярии обер-прокурора) в полном разгроме. Несгораемый железный шкаф

¹ Там же. Л. 2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Так, бывшая квартира Яцкевича оценивалась большевиками в 450 руб. в месяц, квартиры главы синодальной канцелярии П.В. Гурьева и директора Хозяйственного управления А.А. Осецкого в 350 руб., квартира заместителя директора Хозяйственного управления И.Н. Головина – 250 руб. См.: там же. Л. 3 об.

распилен и хранившиеся в оном пять золотых крестов, несколько медалей, знаки Северо-Американского братства и сто рублей денег увезены. Хранившиеся в Департаменте всеподданнейшие доклады за целые минувшие столетия выброшены в беспорядке в находящееся перед архивом темное проходное помещение. Все шкафы и столы открыты, находящиеся в них дела и документы в беспорядке свалены в коридорах»¹. Яцкевич заявил Дижбиту о необходимости бережного обращения с архивными делами, на что комиссар пообещал «полное содействие». После этого Яцкевич поручил охрану бумаг столоначальнику департамента В.И. Емельяновичу, а также подал письменное прошение Хлебникову об обеспечении сохранности документов, находящихся в здании Синода².

О здании Училищного совета «особоуполномоченный» сообщил, что оно отведено для Высшего института фотографии и фототипии, комиссаром над Советом назначен некто Гиринский, а над Издательской комиссией – Делопольский (Белопольский)³. При этом Яцкевич не преминул отметить, что «большевикам помогают бывшие служащие Училищного совета»⁴. В то же время Благовещенское и Ярославское подворья благодаря деятельности настоятелей и организованным приходским советам «отстаивают права Св. Синода весьма успешно»⁵. О служащих учреждений Синода и бывшей канцелярии обер-прокурора Яцкевич написал, что все они «разрозненны и действуют вразброд», не проявляют заботы о церковном имуществе и завидуют тем, кто работает в Москве. Многие устроились на другие работы. Союз чиновников создал явочным порядком «финансовую комиссию», которая пыталась поставить под контроль

¹ Там же. Л. 3 – 3 об.

² Там же. Л. 3 об.

³ Видимо, имелся в виду комиссар Белопольский, чья фамилия также фигурировала в отчетах управляющего Петроградской синодальной типографией И.Н. Михайлова.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Настоятелем Благовещенского подворья являлся бывший член Синода протоиерей Ф.Д. Филоненко. В августе 1918 года Ярославское и Благовещенское подворья вместе с обер-прокурорским домом были переданы Народным комиссариатом внутренних дел в распоряжение Комитета городского хозяйства Петроградской трудовой коммуны. См.: ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 51.

осуществляемые Хозяйственным управлением денежные выдачи и провозгласила о преимуществе выплат петроградским служащим¹.

Поставленная перед «особоуполномоченным» задача получения средств увенчалась успехом. Ввиду упразднения Синода и Министерства исповеданий Департамент государственного казначейства постановил выплатить увольняемым чиновникам содержание за «ликвидационный период», указанный в «приказе» А.М. Коллонтай от 20 января 1918 года – то есть по 2 марта². Расчет делался исходя из синодальной сметы на 1917 год. Кроме того, Яцкевичу удалось получить наличными некоторые суммы, причитавшиеся Синодальному ведомству за прошедший год: 151 676, 72 рублей на зарплату сотрудникам центральных учреждений Синода (включая бывшую Канцелярию обер-прокурора) и еще 42 352,79 рублей ему обещали выдать несколько позже в качестве «ликвидационного пособия». Как отметил Яцкевич, «эти суммы дали возможность выплатить содержание всех служащих в центральных учреждениях Св. Синода по 2 марта»³. Кроме того, по другим статьям синодальной сметы казначейство выдало в феврале 1918 года 30 000 руб. и еще пообещало 60 000 руб. на содержание духовно-учебных заведений за границей. Оставшиеся суммы Яцкевич поручил привезти в Москву столоначальнику Хозяйственного управления А.Н. Федорову. В добавление к этому, не истраченные Синодом на духовно-учебные заведения по смете 1917 года 1 256 220,48 рублей объявили занесенными «в кредиторские списки» со сроком выплаты в течение 2-х лет. В каком именно виде выдавались деньги – неизвестно, но, как следует из отчета, все полученные средства были направлены лично патриарху Тихону⁴.

По итогам поездки Яцкевич предложил церковному руководству принять ряд срочных мер. Во-первых, решить вопрос о судьбе чиновничества, так как, начиная с марта, их содержание из госбюджета прекратится, и нужно «уволить

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 – 4 об.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 1, 4 об.

⁴ Там же. Примечательно, что петроградские служащие бывшего духовного ведомства потребовали от Яцкевича, чтобы он передал полученные им в казначействе средства им (поскольку они – сотрудники Синода, а он нет), но получили категорический отказ. См.: там же. Л. 4 об.

тех, кого можно уволить». В любом случае, добавлял Яцкевич, «необходимо ныне же сбросить со счетов Св. Синода всех тех сторожей, курьеров и других низших служащих, предательством которых призваны комиссары и разгромлено Синодское имущество». Во-вторых, «особоуполномоченный» заявил о необходимости создания ликвидационной комиссии, которая приведет в порядок архив (делопроизводство) Синода и попытается «установить все, что пропало». Кроме того, Яцкевич рекомендовал временно сохранить в структуре ВЦУ подразделение с названием «Хозяйственное управление Св. Синода», так как именно оно значилось в Наркомате финансов получателем ликвидационных сумм¹.

В бумагах Яцкевича хранится еще один «доклад» в печатном и рукописном виде, в котором сделана попытка подсчитать реквизированные Дижбитом синодальные капиталы. В частности, указаны следующие суммы: 27 000 000 руб. – духовно-учебный капитал; 2 873 754 руб. – капитал духовенства заграничных епархий; 372 600 руб. – капитал для выплаты добавочного жалования епархиальным преосвященным; 970 250 руб. – капитал на выдачу пособий заштатному городскому и сельскому духовенству; около 5 387 100 руб. – запасно-строительный капитал духовенства западных епархий; 3 227 802 руб. – капитал на устройство причтовых помещений в губерниях западного края; 1 974 960 руб. – капитал, проценты с которого Синод использовал для выплат пособий на нужды церквей и монастырей; 264 800 руб. – поступившие пожертвования на миссионерские нужды; 256 903 руб. – стипендиальные и премиальные для учащихся в духовно-учебных заведениях; 45 130 руб. – певческий капитал Московского синодального хора и училища; 450 000 руб. – на пособия церковно-приходским школам Святейшего Синода от барона Гирша; 45 130 руб. – пожертвование Синоду на благотворительные цели; 2 700 000 руб. – сумма взаимного страхования от огня строений духовного ведомства². Данный доклад готовился для вручения Советскому правительству, так как в конце имелось

¹ Там же. Л. 1, 4 об.

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об – 3 об.

заявление, что, даже отделив церковь от государства, «налагать свою руку на ее специальные средства, образующиеся из добродетельных деяний православного народа, оно не в праве, так как это – ее собственное имущество». Объявлялось, что Православная церковь не может признать изъятие капиталов правомерным, считая это «враждебным действием»¹. В рукописной версии также добавлялось, что церковь, «вынужденная подчиниться сим, выражает свой решительный протест против этого насилия во имя законности и справедливости»².

В отличие от Петрограда в Москве такой быстрой реквизиции зданий бывшего Синодального ведомства не произошло. Хотя на первом заседании Исполкома Московского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14 (1) февраля 1918 года В.И. Соловьев в отчете о работе Президиума за прошедший январь отметил «предварительное разрешение вопроса» о проведении Декрета об отделении церкви от государства³, но гордиться, по сути, ему было нечем. Стоит отметить, что в это время Соловьева, за которым после переговоров 2 ноября 1917 года с митрополитом Платоном среди товарищей закрепилось прозвище «духовного человека», назначили «комиссаром по вероисповедным делам», хотя сам он всячески пытался отказаться⁴.

К своим новым обязанностям Соловьев отнесся без всякого энтузиазма. Так, 16 (3) февраля 1918 года он в сопровождении нескольких помощников прибыл на Епархиальный свечной завод и попытался объявить о «муниципализации» предприятия, поскольку оно якобы пользовалось казенными субсидиями. Но, получив заверения, что завод является «частной собственностью» Московской епархии и никакого финансирования от государства не получал, Соловьев удалился, просто попросив подготовить подтверждающие бумаги⁵. По-видимому, в данном вопросе между правительством Москвы и бывшим духовным ведомством даже было заключено временное неписанное соглашение: завод

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 9.

³ ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

⁴ Игнатов Е.Н. Указ. соч. С. 395.

⁵ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 3 от 28 февраля. С. 4.

оставался у церкви, но производство контролировалось властями. По крайней мере, в июне 1918 года уполномоченные Московского Совнаркома констатировали, что Епархиальный свечной завод, дающий «громадную доходность», «по некоторым соображениям не отчужденный комиссаром по вероисповедыванию В.И. Соловьевым», работает при строгом рабочем контроле, а его администрация руководствуется «действиями комиссара»¹.

Единственное успешное «деяние» Соловьева – уже упоминавшийся приказ от 16 (3) февраля 1918 года о переходе Московской синодальной типографии в собственность СНК и назначении членами ее временного правления рабочих Федорова, Петрова и Трусова². Точно не известно, симпатизировал ли Соловьев Православной церкви или нет, но пост комиссара по вероисповедным делам он постарался покинуть как можно скорее. Уже в марте 1918 года на эту должность выдвинули М.П. Янышева, который 24 марта прислал в Московский Совет письменный отказ. На документе стоит рукописная резолюция: «предлагается кандидатура тов. Ив. Ив. Слесарева»³. Но и с ним, видимо, не получилось. Тогда правительство города решило поручить разбираться с церковью тем, кто совсем недавно находился у нее в подчинении: 3 апреля 1918 года Совнарком города Москвы и Московской области постановил уполномочить правление бывшей синодальной типографии в составе тех же Петрова, Трусова и Федорова «взять на себя заведывание бывшими церковными имуществами города Москвы»⁴. Весной–летом 1918 года рабочие действительно пытались установить свой контроль над духовными учреждениями, но все их усилия в результате свелись к составлению переписи церковного имущества епархии⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 29. Л. 22 – 22 об.

² РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 2. Л. 51.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л.15.

⁴ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 29. Л. 1; РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 2. Л. 6.

⁵ В том числе выяснилось, что в соответствии с распоряжениями правительства города почти все здания бывшего духовного ведомства перешли в распоряжение их домовых комитетов. Но поскольку эти комитеты составлялись из «насельников» помещений (то есть того же духовенства или синодских и епархиальных чиновников), то фактически они подчинялись ВЦУ. См.: Соколов А.В. «Правление по заведыванию церковными имуществами города Москвы» (1918) // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 2 (41). Том 2. С. 334–341.

Параллельно с ликвидацией в Петрограде центральных учреждений Синода шло упразднение ведомств военного и придворного духовенства, являвшихся частью старого государственного аппарата. Положение священников в армии и на флоте, и без того незавидное из-за усиливавшегося негативного отношения к ним со стороны солдат, после свержения Временного правительства и появления «Декрета о мире» стало совершенно невыносимым: идейная сторона их служения лишилась всякой опоры. В конце 1917 года все более распространенными стали случаи «дезертирства» священников с фронта¹. 21 ноября 1917 года гарнизонный благочинный города Нарвы протоиерей Иоанн Юхновский писал, что солдаты «совсем обезумели, озверели. На улицах – оскорбления священников и угрозы вслух: “погодите, мы и здесь перевешаем этих попов”». В резолюции Совета депутатов 2-й Латышской стрелковой бригады говорилось: «трех святых воронов–дармоедов необходимо в течение трех дней, считая с 4 декабря выселить из бригады»². Священники покидали армию, а некоторым даже пришлось при этом переодеться в светскую одежду и сбривать бороды³.

15 января 1918 года СНК принял Декрет об образовании Рабоче-крестьянской Красной Армии, а 29 января – о создании Рабоче-крестьянского Красного флота, что означало построение новых воинских формирований на иных идеологических началах. В связи с этим 16 января 1918 года вышел приказ Наркомата по военным делам № 39, который окончательно решал судьбу войсковых пастырей. В нем заявлялось об увольнении всех священнослужителей всех вероисповеданий, находящихся на службе военного ведомства, и расформировании всех управлений военного духовенства. Имущество и капиталы войсковых церквей переходили на хранение комитетам воинских частей. Сообщалось, что «для приема и сдачи сумм и имущества, находящихся в распоряжении духовенства военного ведомства, будут назначены особые комиссии». При этом оговаривалось, что «войсковым комитетам предоставляется

¹ См.: Кострюков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 148.

² Там же. С. 168–169.

³ Там же. С. 169.

право в случае желания частей, управлений, учреждений и заведений, оставлять у себя священнослужителей, но их содержание определяется не прежними штатами, а «исключительно постановлениями комитетов самих частей»¹.

Большая часть армейского духовенства, рекрутированная в 1914–1915 годах из приходов, возвращалась в свои епархии. Так, 29 января Главный священник армий Северного фронта проинформировал Петроградскую духовную консисторию о том, что благочинный 38-й пехотной дивизии протоиерей 149-го пехотного Черноморского полка Александр Логиневский, согласно прошению, освобожден от службы в действующей армии с отчислением в Петроградскую епархию². В феврале 1918 года вернулись в свои приходы в столице священник 175-го Батуринского полка Николай Ливанов («по болезни»), священник 368-го полевого передвижного госпиталя Василий Луженский («ввиду расформирования названного госпиталя») и священник 178-го запасного пехотного полка Александр Песоцкий. Примечательно, что только последний увольнялся с 19 (6) февраля 1918 года с формулировкой «за упразднением священнической должности»³. Протопресвитер Шавельский жаловался, что епархиальные архиереи встречали возвращавшихся с фронта священников «крайне недружелюбно», вероятно потому, что их надо было обеспечить содержанием, а средств и без того не хватало⁴. Государство взяло на себя оплату только за январь–февраль 1918 года. Так, «Роспись общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Федеративной Республики на январь–июнь 1918 года» в графе по Народному комиссариату по морским делам содержала строку о выплате военному духовенству 50 000 рублей за 2 месяца⁵. Больше никаких документов о материальном содержании в 1918 году военных

¹ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 18 января. С. 2; Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 18 января; Церковные ведомости. 1918. № 5. С. 204–205.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 700. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–4.

⁴ Протопресвитер Г.И. Шавельский. Московский Поместный Собор 1917 – 1918 гг. // Дело великого строительства церковного. С. 581.

⁵ Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь–июнь 1918 года. М., 1918. С. 8, 23.

священников найти не удалось. Летом 1918 года Шавельский покинул ВЦУ ввиду невозможности защищать «ныне страждущее» военное и морское духовенство и «из-за обиды на архиереев»¹.

Параллельно шла ликвидация придворного духовенства. С начала 1918 года оно номинально перешло в подчинение Наркомата имуществ Республики², входившего в структуру НКВД. На собрании приходских советов Петрограда 11 января 1918 года протопресвитер А.А. Дернов сообщил о преследовании со стороны «комиссаров» из-за того, что без санкции НКВД раздал перед Рождеством пособия «вдовам и сиротам» подчиненных в размере 15 000 рублей из свечных сумм. Узнав об этом, представитель Наркомата имуществ потребовал от Дернова явиться в Смольный для объяснений, но протопресвитер отказался. Тогда комиссар пообещал приехать и арестовать Дернова, но угрозу не привели в исполнение³.

14 января 1918 года за подписью заместителя комиссара имуществ республики Ю.Н. Флаксермана вышло постановление об упразднении придворного духовенства и реквизиции имущества и помещений придворных церквей. Охрана храмов бывшего Министерства двора как памятников искусства и старины временно возлагалась на управляющих находящихся рядом дворцов. Оговаривалось, что богослужения в этих храмах могли продолжаться по заявлению «обществ верующих» при условии, что все хозяйственные расходы, а также содержание священно- и церковнослужителей прихожане возьмут на себя. Все благотворительные учреждения бывшего придворного духовенства переходили в ведение Наркомата призрения, а учебные заведения – в Наркомат просвещения⁴.

¹ Протопресвитер Г.И. Шавельский. Московский Поместный Собор 1917 – 1918 гг. // Дело великого строительства церковного. С. 581.

² Бывшее Министерство Императорского двора.

³ Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 25.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 28 от 14 (1) марта. Ст. 369. С. 353–354. Опубликовано в Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства 24 (11) февраля 1918 года.

На практике, конечно, все было несколько сложнее. Например, Исаакиевский собор в Петрограде и Храм Христа Спасителя в Москве (в котором происходили выборы патриарха) уже с конца 1917 года фактически перешли в распоряжение местных Советов, поскольку до революции хозяйственное заведование ими находилось в руках Министерства внутренних дел¹. В начале 1918 года НКВД перечислил Московскому Совету 857 рублей на содержание Храма Христа Спасителя (в котором продолжались богослужения и проходило возношение «антисоветских» посланий патриарха и Поместного Собора) за январь–март², а с июля 1918 года оба собора перешли в ведение Наркомата имуществ Республики³. Кроме этого на баланс этого комиссариата в 1918 году в Северной области поступили Храм Воскресения Христова (Спаса на Крови), Собор Зимнего дворца, Петропавловский собор с усыпальницей, Царскосельский Федоровский собор и церковь при автоконюшенной базе⁴.

В конце февраля – начале марта 1918 года состоялись переговоры Дернова с Флаксерманом, после которых Комиссариат имуществ Республики постановил выплатить бывшему придворному духовенству «ликвидационное» пособие за полтора месяца, сохранить пенсию всем получавшим ее сотрудникам ведомства, а также выделить из сумм сметы Министерства двора так называемый «кружечный капитал», передав его вместе с Домом призрения вдов и сирот в «организацию бывшего придворного духовенства». Кроме того, данной структуре пообещали оставить все благотворительные учреждения, существовавшие при придворных храмах, сохранить для канцелярии организации помещения в Доме чинов бывшего Министерства двора, а также оставить ей те дома и квартиры, которые были построены за счет «кружечного капитала». Таким образом, обещания Флаксермана превзошли все ожидания протопресвитера. Комиссар даже одобрил сохранение специальных капиталов при придворных храмах и гарантировал передачу высокодоходной часовни Спасителя на Петроградской стороне организации

¹ ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 – 1 об.

² ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 80. Л. 7.

³ Там же. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 95. Л. 42 об; ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–18.

придворного духовенства¹. Однако, слова остались только словами: после отъезда Флаксермана в Москву в связи с эвакуацией Советского правительства уже 9 марта 1918 года последовало постановление городских властей о закрытии Собора Зимнего Дворца, изъятии «кружечного капитала», квартир и Дома призрения. В часовню Спасителя назначили комиссара, который объявил, что вся выручка от продажи свечей будет поступать в «каассу республики»².

В конце апреля 1918 года ВЦУ рассмотрело рапорты протопресвитера Дернова и благочинного Московских бывших придворных храмов протоиерея П. Маркова по вопросу о положении подведомственного им духовенства. Постановили «суждение по настоящему делу отложить»³. А переселившийся в Москву Флаксерман продолжал предпринимать попытки наладить обеспечение содержания бывшего придворного духовенства. Так, 10 мая 1918 года на втором заседании Большой коллегии Наркомата имуществ Республики было решено «все капиталы б. Придворного духовенства (т. н. Кружечный и Сиротский капиталы) передать исполнительному органу, созданному на новых демократических началах из представителей духовенства, псаломщиков и церковных сторожей из всех местностей, где были учреждения б. Придворного духовенства»⁴. После этого 18 мая член коллегии Киммель попросил Дернова озаботиться созданием такой организации⁵. Однако, Президиум ЦИК Союза коммун Северной области проигнорировал распоряжение Флаксермана, постановив просьбу о выдаче «кружечного капитала» и об открытии придворных соборов «отклонить»⁶. Таким образом, инициативы центральной власти натыкались на противодействие большевистского руководства в Петрограде. Тем не менее, в смету доходов и расходов Советской России на июль–декабрь 1918 года был внесен пункт о выплате через Народный комиссариат Имуществ Республики 226 000 рублей

¹ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 31.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 27 – 27 об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р410. Оп. 1. Д. 79. Л. 25.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 30.

«бывшему придворному духовенству», что, скорее всего, стало последним актом заботы о нем со стороны Советского правительства¹. А окончательную точку в существовании учреждений придворного и военного духовенства поставило распоряжение Петроградского Совета от 25 июля 1919 года за подписью Г.Е. Зиновьева, предписывавшее передать в распоряжение Петроградского столичного отдела записей актов гражданского состояния помещения Правления при протопресвитере военного и морского духовенства и Управления придворным духовенством, а также здания Петроградской евангелическо-лютеранской консистории, Могилевской римско-католической консистории и хранилища метрических книг нехристианских исповеданий и сектантов².

С января 1918 года постановления об изъятии имущества бывшего духовного ведомства стали принимать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах. Сначала реквизиции подвергались консистории и духовно-учебные заведения, а также монастырские хозяйственные постройки: сами храмы, кроме столичных придворных и домовых, большевики не трогали. Так, в начале февраля Пензенский Совет «захватил» здания архиерейского дома и духовной консистории³. В Курске консисторию потеснил местный Революционный Совет объединенных рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴. В это же время архиепископ Тверской доложил о происходящих в его епархии насилиях в отношении духовных учреждений и лиц со стороны «исполнительных комитетов»⁵. А 26 (13) февраля Екатеринбургский преосвященный сообщил, что Совет солдатских и рабочих депутатов забрал для

¹ Приложение к росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Советской Республики на июль–декабрь 1918 года. М., 1918. С. 78, 111. В отчете Наркомата имуществ Республики за 1918 год сообщалось, что «согласно декрета об отделении церкви от государства ликвидировано придворное духовенство, взято на учет все церковное имущество, а низшие служители церквей освобождены от обязательства участвовать в ритуале, производится большая подготовительная работа по выработке условий передачи храмов». См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 74. Л. 5 об.

² ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 50.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I Отд. 2 Стол. Д. 99. Л. 90.

⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 28 об. В Твери с апреля 1917 года полыхала «епархиальная революция», архиепископ Серафим был изгнан, твердой власти в епархии не существовало. При этом советское руководство подыгрывало «взбунтовавшимся» против епископа организациям духовенства и мирян, и даже Наркомост 8 июня 1918 года разъяснил вероисповедному отделу Тверского Совдепа, что «вмешательство в конфликт между духовными лицами и религиозными обществами является неправильным». См.: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 22.

ревизии из духовной консистории приходно-расходные книги и денежные документы. Вернул лишь расчетную книжку по «текущему счету» с предупреждением, что все траты могут производиться только с разрешения Совета и комиссара финансов города Екатеринбурга¹. Впрочем, до осени 1918 года этот процесс реквизиции имущества церковных учреждений носил не организованный, а скорее спорадический характер, представляя собой инициативу местных властей.

После принятия Декрета от 23 января 1918 года Советская власть развила активное законотворчество, направленное на вытеснение церкви из учебных заведений, а также и из государственных и общественных учреждений. 17 (4) февраля 1918 года вышло короткое распоряжение Наркомпроса об упразднении «с 1 января 1918 года» должности законоучителей всех вероисповеданий². Вслед за этим 18 (5) февраля появилось постановление Государственной комиссии по просвещению «О светской школе». Там заявлялось, что «государство в деле религии остается нейтральным», и что «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного комиссариата по Просвещению, и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается»³.

24 января 1918 года Совнарком рассмотрел внесенное Г.И. Петровским предложение о закрытии домовых церквей при министерствах. Понимая, что в условиях продолжающейся забастовки служащих такая мера только обострит обстановку, постановление сформулировали несколько иначе, предоставив

¹ По этому поводу ВЦУ 15 (2) марта 1918 года постановило поручить епископу принять все возможные меры по сохранности епархиальных сумм, в том числе «не предусмотренные в действующих правилах». См.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 об.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 24 от 1 марта (16 февраля). Ст. 339. С. 322; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. С. 17.

³ Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 21 февраля; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. С. 17. Примечательно, что, например, в середине января 1918 года в церкви Московского университета по случаю 163 годовщины его основания состоялось торжественное богослужение. Присутствовали ректор М.А. Мензбир, преподаватели и студенты, пел хор государственных театров. По желанию студенческой фракции партии народной свободы даже отслужили панихиду по А.И. Шингареву и Ф.Ф. Кокошкину. См.: Русские ведомости. 1918. 13 (26) января). С февраля 1918 года подобные церемонии объявлялись вне закона.

каждому комиссариату право закрывать церкви в своих ведомствах¹. Интересна отметка в «листке исполнения» к журналу заседаний СНК, гласящая, что данное постановление «опубликованию не подлежит»².

В течение последующих месяцев как на высшем, так и на региональном уровне Советской властью принимались законы, развивающие идею закрытия домовых храмов и обеспечения светскости школы. Многие из них дублировали друг друга, во многом заменяя качество количеством, что говорило о значительном отрыве законодательства от реального положения дел. Так, в апреле 1918 года правительство Москвы и Московской области приняло постановление о передаче находящихся на подведомственной ему территории духовно-учебных заведений в Наркомат просвещения³. 12 июля 1918 года вышел Декрет по Союзу коммун Северной области (СКСО) о прекращении совершения каких бы то ни было религиозных обрядов и преподавания Закона Божьего в стенах школ и удалении из классов всех предметов культа⁴. 30 июля 1918 года А.В. Луначарский подписал Декрет о национализации здания Петроградской духовной академии и передаче его в распоряжение Областного комиссариата «для просветительских нужд края»⁵. 8 августа за подписями председателя Совета Комиссаров СКСО Зиновьева и Луначарского вышло постановление о ликвидации в двухдневный срок всех домовых церквей и часовен, существовавших при «учено-учебных» и воспитательных заведениях всех ступеней, а также при всех правительственных учреждениях⁶. 22 августа 1918 года было опубликовано еще одно подобное

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 291.

² Там же. С. 296.

³ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов. 1918. 11 апреля.

⁴ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. I. Ч. 1. Петроград, 1919. С. 383.

⁵ Там же. С. 365–366. На это Петроградская церковная община объявила, что готова взять на себя финансирование всех местных духовно-учебных заведений и попросила вернуть ей академию, семинарию и епархиальное училище, однако безрезультатно. См.: ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.

⁶ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. С. 367. 13 августа постановление дополнили, предписав перед «ликвидацией» храмов проводить искусствоведческую экспертизу имущества и в случае обнаружения художественно ценных предметов передавать их в Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. См.: ЦГА СПб. Ф. P2551. Оп. 15. Д. 243. Л. 7. 14 августа 1918 года Братство приходских советов постановило выразить протест против Декрета от 8 августа, как нарушающего статьи 2 и 12 Декрета об отделении церкви от государства. См.: ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

постановление Наркомпроса, касавшееся уже всей территории Российской Республики и требовавшее в недельный срок (до начала учебных занятий 1 сентября) ликвидировать в учебных заведениях домовые церкви и очистить занимавшиеся ими помещения. При этом предлагалось антиминсы передавать местной религиозной общине, другие церковные предметы – Наркомату имущества, оставляя капиталы учебному заведению¹. Вслед за этим 24 августа Государственная комиссия по просвещению объявила о закрытии всех духовно-учебных заведений, на чьи бы средства они не содержались, и передаче их зданий местным органам государственной власти. Для лиц старше 18 лет допускалось устройство специальных богословских курсов с целью подготовки священнослужителей². О закрытии всех духовно-учебных заведений и прекращении преподавания Закона Божьего говорила Инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 года³. 9 октября 1918 года Отдел начального образования Комиссариата народного просвещения СКСО напомнил всем учебным заведениям о необходимости неукоснительного исполнения Декрета от 12 июля⁴. И после перечисления всех указанных распоряжений даже несколько комично выглядит постановление СКСО от 10 октября 1918 года о том, что «все бывшие церковно-приходские школы на территории города Петрограда и его окрестностях, закрываются с 15 октября 1918 года»⁵.

С начала 1918 года также начали приниматься активные меры по проведению в жизнь декретов о светской регистрации актов гражданского состояния. Так, хотя Декрет о разводе опубликовали еще в декабре 1917 года, но найти в архивах декабрьские постановления гражданских судов о расторжении браков не удалось. Одним из первых случаев признания светского развода можно считать постановление Народного революционного суда I-го отделения

¹ Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. С. 18–19.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 19–28.

⁴ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. С. 383.

⁵ Там же. С. 382.

Петергофского района Петрограда от 5 января 1918 года по делу младшего унтер-офицера 681-го алтайского полка А.А. Зуева. В своем заявлении, поданном еще 2 декабря 1917 года, он сообщил, что, вернувшись после 3 лет войны домой, обнаружил жену на содержании у другого. Все делопроизводство составило один сложенный надвое листок: с обратной стороны прошения кратко записали показания свидетелей о том, что «к жене ходили молодые люди и она не ночевала дома» и вынесли постановление, которое гласило: «считать разведенными Александра Зуева и Анну Зуеву. Считать Анну Зуеву под девичьей фамилией Кузьминой»¹. Также из одного листка состоит дело по иску Дарьи Поскиной к Николаю Поскину, начатое 13 декабря 1917 года. Супруга сообщала, что муж бросил ее через четыре месяца после венчания в 1915 году, оставив с маленьким ребенком, который вскоре умер. Все последующие годы никаких сведений о супруге Поскина не имела и, соответственно, никакой материальной помощи от него не получала. Жена просила «разобрать мое дело с мужем» и «покончить с ним всякие семейные связи». На обороте прошения записали показание свидетельницы о том, что «муж вел себя несостоятельно и после 4-х месяцев как обвенчался оставил ея», и 2 марта 1918 года вынесли постановление: «согласно декрета народных комиссаров» считать брак расторгнутым с правом ношения супругой девичьей фамилии².

Таким образом, процедура разводов с января 1918 года действительно невероятно упростилась. Кроме вышеназванного суда гражданское расторжение брака начали производить и другие народные суды Петрограда и окрестностей³. Как писали «Русские ведомости», в Москве «прошения о разводе подаются председателю трибунала Я.А. Берману, тот направляет их к местному судье того участка, где проживают просители, и местный судья постановляет решение»⁴. Впоследствии передача дел о разводах в суды стала происходить во многих губерниях. Например, 6 марта (22 февраля) 1918 года епископ Екатеринбургский

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

² ЦГА СПб. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 – 1 об.

³ ЦГА СПб. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 1–125; Р-671. Оп. 1. Д. 1–24; Ф. Р-803. Оп. 3. Д. 3–6 и т.д.

⁴ Русские ведомости. 1918. 20 января.

доложил во ВЦУ о том, что по требованию комиссара юстиции Уральского областного Совета все бракоразводные дела – оконченные и не оконченные, кроме хранящихся в архиве, из консистории переданы в Екатеринбургский окружной суд¹.

В отличие от постановлений о разводе, регистрация браков, рождений и смертей требовала создания новой централизованной системы, которая бы заменила собой действующую церковную. 4 января 1918 года НКЮ выпустил для местных комиссариатов инструкцию № 140, предписывавшую немедленно ввести в действие при городских, волостных земских и районных управах «Отделы записей браков и рождений» и «Статистические отделения» при них для ведения учета родившихся, брачующихся и умерших. Четко расписывалось устройство этих отделов (они возглавлялись председателем управы или городским головой, состояли из секретаря и его помощников), а также регламентировался порядок их деятельности. При регистрации брака от молодоженов требовалось только подтверждение, что они действуют добровольно и не нарушают имеющиеся ограничения по возрасту, родству и т. д. Участие свидетелей являлось не обязательным, а состоявшуюся запись отдела можно было обжаловать в местном суде. Инструкцию подписали левые эсеры народный комиссар юстиции И.З. Штейнберг и народный комиссар по местному самоуправлению И.Я. Трутовской². Однако вопрос затягивался. По некоторым сведениям, в начале января 1918 года о светской регистрации брака между собой объявили народные комиссары А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко³, но это было, скорее, демонстративное действие, призывавшее остальных последовать такому же примеру. В любом случае, бракосочетание Коллонтай и Дыбенко (если оно действительно имело место), не соответствовало Декрету от 19 декабря 1917 года, предписывавшего регистрировать брак в местных органах власти.

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 – 24 об.

² ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 1. Д. 19. Л. 7–8. Документ именовался «Инструкция об организации отделов записей браков и рождений».

³ Петроградский листок. 1918. 11 января.

В начале января 1918 года НКЮ начал спешно разрабатывать общероссийские светские формы книг записей актов состояния. Судя по архивным документам, первой подготовили книгу записей браков, в которой имелось 7 столбцов: порядковый номер, дата, ФИО и род занятий жениха и невесты, их возраст, новая фамилия супругов, адрес постоянного местожительства и «особые примечания». Выдаваемые на руки брачующимся «выписи» из книги подписывались как самими молодоженами, так и председателем Отдела записей браков и рождений управы и его секретарем¹. 3 января 1918 года «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» разместила объявление о заказе 3000 экземпляров книг записей браков нового образца. А 12 января «Известия ЦИК Советов» напечатали сообщение Штейнберга о том, что НКЮ ожидает изготовления книг записей браков, которые будут «в кратчайший срок разосланы по всем губернским и уездным городам России» вместе с образцом бланков брачных свидетельств². Печать осуществили в Сенатской типографии, на это ушло 29 125 рублей³. Вслед за этим было объявлено, что рассылка книг на места будет осуществляться по особым расценкам, а до этого предписывалось вести временные книги и выдавать гражданам временные свидетельства, которые в течение 2 месяцев необходимо заменить на постоянные⁴. Обсуждался вопрос и об оплате регистрации: 14 (1) февраля «Известия ЦИК Советов» проинформировали читателей о постановлении Наркома юстиции о том, что «акты о заключении браков оплате не подлежат»⁵. Против этого выступили помощники наркома финансов Д.П. Боголепов и М.С. Ольминский, которые 15 (2) февраля 1918 года внесли в СНК предложение

¹ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

² Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 12 января. С. 6.

³ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 24–25.

⁴ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 (1) февраля. С. 5.

⁵ Там же.

взимать с брачующихся и разводящихся сбор в размере 25 рублей¹. Правительство постановило передать вопрос на рассмотрение Комиссариатов юстиции, контроля и финансов². Здесь имелся важный психологический момент, так как за ведение метрикации в церквях священники требовали плату, и безвозмездная светская регистрация могла поспособствовать проведению реформы³.

Начиная с февраля 1918 года книги и прилагающиеся к ним бланки «выписей» стали рассылаться по стране, причем местным властям предлагалось оплатить Наркомату юстиции стоимость их издания: 40 рублей за книгу и 3 копейки за каждую выпись⁴. Но даже в Петрограде только 2 из 30 изготовленных брачных книг передали в районные управы в феврале 1918 года, остальные были спешно выкуплены городом накануне переезда правительства в начале марта⁵. Примечательно, что в Москве книги записей браков печатались в бывшей Московской синодальной типографии: в начале апреля 1918 года по заказу НКЮ там изготовили 300 книг⁶.

Первый в России светский Отдел записей актов гражданского состояния начал функционировать в Петрограде с 14 (1) февраля 1918 года при Литейной районной управе (ул. Надеждинская, 15). Временным заведующим Отделом стал все тот же А.И. Шпицберг, поместивший в «Известиях ЦИК Советов» объявление, приглашавшее граждан столицы⁷. О том, что именно он организовал

¹ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 355. Боголепов и Ольминский критиковали опубликованное в № 23 (68) «Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства» постановление народного комиссара юстиции о том, что «акты о заключении браков оплате не подлежат».

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 354.

³ Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 (6) февраля. С. 1-2.

⁴ 28 февраля Наркомюст направил 1 книгу записей браков и 1000 выписей товарищу городского головы города Ярославля. См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 12. А на просьбу от 24 (10) февраля 1918 года от Переяславской земельной управы прислать по одному экземпляру книг записи браков и рождений комиссариат ответил, что вторая форма еще не готова. См.: там же. Л. 9, 16.

⁵ Там же. Л. 19, 22.

⁶ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 30. Л. 1.

⁷ К сведению граждан г. Петрограда // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 (1) февраля. С. 1. Шпицберг не преминул сообщить журналистам «Известий» о том, что вскоре будет опубликован «особый декрет СНК об изъятии из ведения приходских священников метрических книг и бланков, и воспрещении им делать какие-либо подписи на документах прихожан о совершении обрядов бракосочетания, о рождении и

первый «ЗАКС» (так в оригинале – А.С.), Шпицберг не без гордости заявил в своей автобиографии¹. А 1 марта 1918 года, заплатив 70 рублей, он с разрешения НКЮ получил в Сенатской типографии свой экземпляр книги записей браков и 1000 бланков выписей (до этого велась временная книга)². Вероятно, деятельность на общественном поприще присяжный поверенный успешно совмещал с личным бизнесом: по сообщению В.И. Яцкевича, в феврале 1918 года Шпицберг открыл в реквизированных помещениях Департамента по делам Православной церкви Министерства исповеданий на Литейном проспекте свое брачное бюро³.

Спустя некоторое время НКЮ подготовил также формы еще пяти книг книги записи актов гражданского состояния: рождений, смертей, безвестноотсутствующих, разводов, а также книги записи «заявлений о происхождении имеющих родиться внебрачных детей»⁴. В принятой в 1918 году Инструкции нотариальным отделам при Советах рабочих и крестьянских депутатов речь шла о 7 книгах, заполнявшихся Отделами ЗАГС и заменявших собой прежние церковные метрические книги: записи рождений, смертей, браков, разводов, отсутствующих, «о происхождении имеющих родиться внебрачных детей» и записи лиц, изменяющих фамилии и прозвища. Инструкция повторяла, что единственно законным является светский брак, а церковное венчание «не порождает никаких прав и обязанностей». При этом имелось примечание о том, что «церковные или религиозные браки, заключенные до издания Декрета от 20 декабря 1917 года, считаются действительными»⁵. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве ВЦИК Советов принял 16 сентября 1918 года⁶.

крещении». См.: Сокращение функций духовенства // Известия Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 (1) февраля. С. 7.

¹ Имелся ввиду, конечно же ЗАГС (Отдел записи актов гражданского состояния): См.: ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 12. Д. 2227. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об.

⁴ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 1. Д. 20. Л. 123 – 125 об.

⁵ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. С. 555–563.

⁶ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 110. Ст. 818.

Создание светской метрикации – параллельной церковной – повсеместно сопровождалось конфликтами с духовенством. По большей части это было связано с необходимостью изъятия из храмов и консисторий метрических книг, но нередко имело место и разное толкование сути декабрьских декретов на местах. У советского руководства в Петрограде изначально существовала мысль об открытии ЗАГСа прямо в помещении духовной консистории. В январе 1918 года представитель НКЮ сообщил ее чиновникам о необходимости немедленно закончить производство имеющихся там бракоразводных дел и о предстоящем назначении в консисторию комиссара, поскольку там будет устроено «гражданское бракоразводное судилище»¹. В те же дни в Новом Петергофе после отказа духовенства передать в распоряжение гражданских властей все метрические книги, советский комиссар объявил, что священники вообще больше не могут совершать таинство брака, а все остальные таинства будут производиться только с санкции комиссара². Это, конечно же, являлось перегибом и не соответствовало декретам СНК. События конца января в Александро-Невской Лавре заставили советское руководство временно отказаться от немедленного изъятия метрических книг и упразднения Петроградской духовной консистории.

В Твери Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов разогнал духовную консисторию уже в конце февраля 1918 года. «Комиссары» изъяли все бракоразводные дела, заявив чиновникам, что «сами удовлетворят все просьбы о разводе»³. По поводу похожего распоряжения Тамбовского комиссариата юстиции о передаче бракоразводных дел из бывшей консистории в окружной суд НКЮ разъяснил ВЦУ, что это основано «на точном следовании ст. 12 Декрета о расторжении брака»⁴. В Орле в консисторию также явился комиссар, потребовавший, чтобы она «под угрозой строгой ответственности» перестала

¹ Церковные ведомости. 1918. № 2. Прибавления. С. 94.

² Церковные ведомости. 1918. № 1. Прибавления. С. 25.

³ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 109.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 22.

принимать к рассмотрению прошения о расторжении брака. В противовес этому граждане начали настаивать на том, чтобы бракоразводный процесс шел «церковным порядком»¹.

В некоторых епархиях имели место стычки и недоразумения. Так, в рапорте епископа Калужского Феофана (Тулякова) от 21 января 1918 года говорилось, что декабрьские декреты «внесли большую сумятицу в умы народные и поставили епархиальное начальство, ведающее разрешением браков и бракоразводными делами, в крайне затруднительное и невыносимо тяжелое положение». Феофан докладывал, что Калужский Совет рабочих и крестьянских депутатов стал пересылать для исполнения в консисторию прошения граждан о разводе. На возражения консисторских чиновников о том, что такой порядок нарушает церковные правила, заявители-солдаты отвечали: «вы не признаете декретов народных комиссаров. Мы вас штыками заставим подчиниться им». А когда служащие предложили осуществить расторжение брака в светских органах, солдаты заявляли, что они – «не нехристи» и хотят «развестись по-церковному и повенчаться по-церковному». В качестве выхода Феофан считал необходимым срочно облегчить церковные правила: расширить перечень поводов к расторжению брака и упростить процедуру². В то же время 24 мая 1918 года VIII отдел НКЮ разъяснил Калужскому комиссариату юстиции, что «отказ священника по тем или иным мотивам совершать обряд венчания отнюдь не является противодействием Декрету, и советская власть не должна принуждать священников к совершению каких бы то ни было обрядов»³.

4 марта (19 февраля) 1918 года Поместный Собор принял определение, заявлявшее, что «в этих декретах, изданных без сношения с православной церковной властью и с полным пренебрежением к требованиям христианской веры... открыто попирается святость брака...» В связи с этим провозглашалось,

¹ Белякова Е.В. Указ. соч. С. 305.

² Там же. С. 303. 15 (2) февраля 1918 года Соборный Совет слушал телеграмму священника Чемоданова из Уржума о том, что «Советскою властью расторгаются браки, угрозами принуждают венчать разрешить». См.: ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 201. Л. 39 об.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 22.

что церковный брак не может быть расторгнут гражданской властью, а повенчанные, получившие только светский развод и вновь вступающие в брак повинны в многоженстве и прелюбодеянии. Далее говорилось, что «запись брачующихся в гражданских учреждениях не может заменить церковное браковенчание, как святого таинства, освещающего и укрепляющего супружеский союз мужа и жены благодатною силою», поэтому кроме светской регистрации брака необходимо провести церковное венчание¹.

Даже в центральных губерниях России передача функций регистрации актов гражданского состояния из духовных консисторий в светские органы растянулась на многие месяцы. Например, в Клинском уезде Московской области метрические книги изъяли из церквей только в конце ноября 1918 года². В регионах Сибири вследствие Гражданской войны передача функций метрикации в светские органы произошла еще позже: в Иркутске в 1920, а в Чите – только в 1924 году³. В постановлении Президиума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 17 октября 1918 года констатировалось, что гражданская регистрация браков, рождений и смертей «фактически не производится», причем вина возлагалась, в том числе, на советские учреждения (комиссариаты милиции, карточные бюро и т. д.), которые продолжали принимать в качестве документов выписки из церковных метрических книг. Оговаривалось, что все акты церковной метрикации, совершенные после 20 декабря 1917 года (даты публикации Декрета о гражданском браке), являются недействительными, поэтому, в частности, предписывалось не выдавать по ним продуктовых карточек, а также не выписывать похоронных свидетельств⁴.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. II. С. 21–22.

² ЦГАМО. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 2. Л. 45, 53–54; Д. 3. Л. 19 об.

³ Новикова Т.М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. С. 22.

⁴ Собрание постановлений и распоряжений Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 3. 1–31 октября. С. 22–23.

Отдельное место занимает вопрос о финансировании государством церковных учреждений после января 1918 года. Как уже указывалось, в феврале 1918 года В.И. Яцкевичу удалось добиться согласия Департамента государственного казначейства Наркомата финансов на выплату задолженности перед духовным ведомством за 1917 год, а также «ликвидационного» пособия. 27 (14) марта на встрече делегации Поместного Собора с представителями СНК члены правительства пообещали «на днях же сделать распоряжение об удовлетворении содержанием всех служащих в духовно-учебных заведениях за все время недополучения ими такового»¹. А 30 (17) марта Яцкевич выступил на Соборе с внеочередным заявлением о том, что данное патриархом «группе лиц» поручение добиться от «комиссаров» выдачи Госбанком денег, уже расписанных Хозяйственным управлением Синода на содержание преподавателей духовно-учебных заведений, выполнено. При этом Яцкевич предъявил бумагу, подписанную помощником комиссара по финансовым делам Боголеповым, где от имени Департамента государственного казначейства Главному казначейству предписывалось беспрепятственно осуществлять до 13 апреля 1918 года переводы на места сумм по параграфу 9 статьи 1 сметы Синода 1917 года на расходы по содержанию духовно-учебных заведений и по параграфу «особому последнему той же сметы» на прибавки по военному времени². 8 апреля (26 марта) 1918 года ВЦУ поручило исполняющему обязанности директора Хозяйственного управления И.Н. Головину «принять незамедлительно все зависящие меры к использованию подлежащими лицами и учреждениями Ведомства православного исповедания» перечисляемых государством средств, а остатки доставлять через доверенных лиц на имя Священного Синода в Москву³. 12 апреля (31 марта) 1918 года Департамент государственного казначейства РСФСР уведомил Хозяйственное управление Синода, что согласно закону от 20 октября 1917 года «об улучшении материального положения служащих и увеличения средств на

¹ Цит. по: Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 138.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Т. 8. Деяния 102–117. М., 1999. С.121. Документ датирован 29 (16) марта 1918 года.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

учебную часть духовных академий» советское руководство признает свой долг перед Петроградской, Московской и Казанской духовными академиями в общем размере 75 600 рублей: заведения объявлялись «кредиторами казны»¹.

В первой половине 1918 года в Петроград несколько раз приезжали сотрудники Хозяйственного управления Синода И.Н. Головин и А.Н. Федоров, которые по поручению ВЦУ получали в Государственном казначействе и отвозили в Москву выделяемые Советским правительством «ликвидационные средства». Это даже вызвало раздражение членов учрежденной ВЦУ в Петрограде синодальной Ликвидационной комиссии, так как командируемые «ни единым словом не обмолвились, какие денежные суммы остаются в Петрограде и можно ли их расходовать на нужды комиссии»². Член Ликвидационной комиссии К. Каминский даже писал впоследствии патриарху: «Когда после закрытия Синодальных учреждений теперешнее правительство разрешило выдать в ликвидационный расчет с духовными учреждениями довольно значительную сумму, то получение этой суммы в Петрограде и ее распределение было обставлено такой поспешностью и такой таинственностью, что я, представитель Синодального контроля при Синодальном казначействе, не был посвящен в это дело. Однажды мне было даже сказано, что это не мое дело. От такой поспешности и таинственности произошло много упущений: деньги получались не одним казначеем, а и другими лицами; далеко не все денежные документы давались казначею и бухгалтеру для проведения по книгам; записи ассигновок носили черновой характер; некоторые из документов были увезены лицами, командированными из Москвы, с собой, некоторые, по всей вероятности, остались на руках у отдельных лиц. Это был хаос»³. Указанные поспешность и таинственность, вероятно, были связаны с недоверием, которое ВЦУ испытывало к петроградским чиновникам, а также пониманием того, что выдача средств может в любой момент прекратиться.

¹ РГИА. Ф. 831 Оп. 1. Д. 288. Л. 8. Четвертая – Киевская – духовная академия в этот список не вошла по понятным причинам – она не находилась на территории, подконтрольной Советской России.

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

³ Там же. Л. 30 об.

Сколько именно советское руководство выдало денег ликвидируемому духовному ведомству, сказать сложно. В утвержденной в июле 1918 года «Росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Федеративной Республики на январь–июнь 1918 года», являвшейся скорее отчетом, а не планом, нет отдельной графы, посвященной Синоду. Этот бюджет расписан по существовавшим к середине года ведомствам, но, возможно, расчеты с синодальными учреждениями скрываются в пунктах «удовлетворение невыполненных расходов по заключенным сметам всех ведомств, кроме военного» (2 000 000 руб.) или «на покрытие сверхсметных расходов» (100 000 000 руб.)¹ 11 июля 1918 года СНК постановил завершить расчеты по смете на первое полугодие до 31 июля, впрочем, вскоре этот срок продлили до 31 августа 1918 года².

Очевидно, некоторое послабление церкви в вопросе о финансировании объяснялось не столько гуманностью советской власти, сколько политическими соображениями. Это подтверждается тем, что выплата долгов и ликвидационных сумм осуществлялась только в отношении центральных учреждений Синода. Епархиальные органы оказались за рамками правительственной благожелательности. Например, на запрос эвакуированной в Москву Гродненской духовной консистории о выплате ее чиновникам причитающегося дополнительного содержания за ноябрь–декабрь 1917 года в размере 12 837,98 руб. Народный комиссариат финансов города сообщил, что данная «субсидия» одобрена быть не может, но он не будет против, если консистория выдаст деньги со своего собственного счета³. 14 марта 1918 года Комитет служащих находящейся с 1915 года в Москве Литовской духовной консистории обратился к В.И. Ленину, сообщив, что с 1 января 1918 года им прекращена выплата жалования, в то время как они до сих пор заняты хранением метрических книг

¹ Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь–июнь 1918 года. С. 8, 23.

² Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917–1919. Издание редакционно-издательской коллегии Наркомата финансов. Пг., 1919. С. 283–284.

³ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 29. Л. 19–20.

своего края, которые «никто не забирает». Комитет просил выплатить служащим задержанное жалование по синодальной смете за 1917 год и за январь – март 1918 года., а также «ликвидационное пособие»¹. В последовавшем из Управления Московского Совета ответе сообщалось, что «в составе государственных учреждений и установлений республики Советов не имеется церковных обществ, почему и не может быть удовлетворена просьба Комитета о выдаче служащим содержания по сметам, так называемого, Святейшего Синода». Далее следовала весьма примечательная по своей формулировке фраза о том, что «служащие Литовской духовной консистории связаны трудовым отношением и договором с частным обществом Российской Восточно-Кафолической Православной Церкви, к распорядительным органам какого общества и необходимо предъявить законные требования о выдаче причитающегося трудового заработка, обращаясь в случаях отказа либо спора к Советской власти в лице Московского комиссара труда – тов. В.П. Ногина»². В данном документе хоть и признается существование Православной церкви в качестве некоего частного общества (название которого авторы, очевидно, позаимствовали из Свода Законов Российской империи), но они умолчали о том, что Декрет от 23 января лишил церковь прав юридического лица, а, следовательно, служащие консистории не могли быть связаны с ней «трудовым отношением и договором». Ничего не говорилось и о том, что казначейство Синода реквизировано той самой Советской властью, к которой предлагалось обращаться в случае споров.

Выдача денег Петроградской духовной академии в конце марта – апреле 1918 года было сопровождено заявлением о прекращении ее деятельности. Комиссариат народного просвещения известил академию, что она «не является потребностью современного государственного строя и подлежит закрытию, а здание ее – ликвидации». Однако Комиссариат добавлял, что, «входя в положение

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958. Л. 24–25.

² Там же. Л. 26–27.

служащих ее, ассигновал в последний раз 41 тыс. рублей»¹. Как уже упоминалось, постановление о ликвидации академии последовало 30 июля.

Последние контакты представителей Православной церкви и советских чиновников, касающиеся финансовых вопросов, состоялись в июне 1918 года в связи с все тем же составлением общегосударственных росписей. При СНК в июне образовалось Особое совещание под председательством наркома финансов и состоящее из его заместителя, представителей ВЦИК, Народных комиссариатов финансов и государственного контроля, ВСНХ, а также от каждого предоставляющего сметы ведомства. Совещание должно было с 10 по 20 июня проработать и к 22 июня передать в правительство материалы по первому полугодю 1918 года². А поскольку в начале отчетного периода ведомство Синода еще существовало, члены совещания, видимо, решили подсчитать и согласовать размер задолженности государства и перед ним. Свидетельств каких-либо официальных обращений Советского правительства к церковному руководству по этому поводу не имеется, скорее всего информация шла через сотрудников Департамента государственного казначейства, с которыми у того же В.И. Яцкевича имелись неоднократные контакты. Так или иначе, Яцкевич и представители бывшего синодального Хозяйственного управления составили «Проект сметы расходов по ликвидации Св. Синода и Департамента по делам Православной церкви Министерства исповеданий на срок с 1 января по 9 марта включительно». Расчет также делался исходя из цифр сметы на 1917 год, и при этом учитывались все отчисления Ведомству православного исповедания, которые Временное правительство утвердило, но не успело выплатить. Ликвидационный период исчислялся 45 днями с момента опубликования Декрета об отделении церкви от государства (23 января) по 9 марта (по новому стилю). Общая сумма равнялась 11 165 884 руб., в том числе Синодальному ведомству (включая содержание епархиальных учреждений, духовно-учебных заведений, городского и

¹ Сосуд избранный. С. 218–219. С февраля 1918 года шла переписка о возможности продолжения существования Петроградской духовной академии в составе Петроградского университета, но этого так и не произошло. См.: там же. С. 222–232, 248.

² ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 2. Д. 298. Л. 370.

сельского духовенства) 5 878 684 руб., чиновникам Департамента по делам Православной церкви 38 077 руб., на выдачу служащим Синода и департамента «разных прибавок по обстоятельствам военного времени» 1 228 585 руб. и «на покрытие расходов, произведенных по смете специальных средств Синода 4 020 533 руб.»¹

16 (3) июня 1918 года данную смету рассматривало Межведомственное совещание при участии представителей от Комиссариата финансов, Комиссариата государственного контроля и учреждений духовного ведомства. Сумму решили несколько сократить, поскольку за ликвидационный срок подлежали выплате только зарплаты служащим, а все затраты на хозяйственные нужды, содержание помещений и прочее государство покрывать не собиралось. С другой стороны в смету решили добавить сумму на «ликвидацию» и второго подразделения бывшего Министерства исповеданий – Департамента по делам инославных и иноверных исповеданий. Итог составил 11 426 927 рублей, в том числе служащим бывших центральных учреждений 327 083 руб., местным учреждениям 5 698 135 руб., духовно-учебным заведениям 3 049 636 руб., «на расчеты с бывшими служащими ведомства Св. Синода по выдаче им разного рода прибавок (процентных, Плехановских, суточных) за 1917 год по кредитам, своевременно не отпущенным» 2 352 073 руб. Выплаты предписывалось произвести до 1 января 1919 года. Департамент государственного казначейства Комиссариата финансов передал данное представление в СНК². 10 июля (27 июня) 1918 года ВЦУ предписало епархиальным преосвященным составить подробные отчеты о получении (или неполучении) указанных средств³.

Дошла ли до церкви хотя бы часть из утвержденных 11 426 927 руб. – неизвестно. Информации о рассмотрении ликвидационной сметы в СНК найти не удалось. В бюджете на вторую половину 1918 года также нет отдельной позиции, посвященной духовному ведомству. Можно предположить, что эти суммы

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 1–7.

² Там же. Л. 26–31.

³ Там же. Л. 32 – 32 об.

подразумевались все в той же графе «на покрытие сверхсметных расходов» (100 млн. рублей) или «на покрытие перерасходов по национализированным предприятиям и на организационные расходы Высшего совета народного хозяйства» (1 338 290 760 руб.)¹ Кроме того, в смете на июль–декабрь 1918 года значились 29 456 000 руб. на «переходящие учебные заведения бывшего духовного ведомства» (Наркомат просвещения)². В любом случае, если какие-то выплаты по новой ликвидационной смете и происходили, то продолжалось это очень недолго.

Знаковым событием для взаимоотношений государства и церкви в России стало принятие постановления о введении западноевропейского календаря, поскольку главным аргументом против этого обычно называлось нежелание православных признавать «католическое» летоисчисление. Хотя вопрос о переходе на новый стиль поднимался и в марте 1917 года³, к непосредственному осуществлению этого приступили только большевики. Инициатива шла как со стороны Л.Д. Троцкого и возглавляемого им Наркомата иностранных дел, так и от Наркомата просвещения (А.В. Луначарского)⁴. В итоге 26 января 1918 года СНК принял подготовленный Г.В. Чичериным проект Наркомата иностранных дел. В соответствии с постановлением, после 31 января сразу же наступало 14 февраля

¹ Приложение к росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Советской Республики на июль–декабрь 1918 года. С. 259.

² Там же. С. 78, 111.

³ Например, еще 8 апреля отнюдь не социалистическая газета «Биржевые ведомости» поместила статью о необходимости реформы календаря, что позволило бы России «причислить себя ко всем культурным странам земного шара». Автор Н. Каменщиков отметил, что главной защитницей Юлианского стиля выступала церковь, поскольку согласно введенной в 325 году I Никейским собором «пасхалии» православная и еврейская пасхи ни в коем случае не должны совпадать (Григорианское летоисчисление это допускало). Статья призывала: «пусть старый календарь умрет со старой властью». См.: Биржевые ведомости. 1917. 8 апреля. Утренний выпуск.

⁴ 16 ноября 1917 года Л.Д. Троцкий предложил перейти на европейский календарь, ввести зимнее время и метрическую систему мер и весов, ему поручили создать специальную комиссию для разработки этих вопросов. В декабре 1917 года в повестке дня СНК значился доклад А.В. Луначарского «о календаре», кочуя от заседания к заседанию. Лишь 7 января 1918 года решили направить вопрос на рассмотрение Малого совета. В повестке дня, составленной 22 января 1918 года, вновь возник вопрос о календаре, но докладчиками по нему выступили уже Чичерин и Подвойский. 23 января 1918 года СНК слушал представления Чичерина и Луначарского о введении западноевропейского календаря, после чего решили образовать согласительную комиссию для обсуждения двух предложенных проектов. См.: Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 25, 191, 256, 259.

1918 года¹. В пояснительной записке к закону Чичерин отметил важность вопроса для церкви, пояснив, что при новых политических условиях не может быть речи о каких-либо посягательствах со стороны католичества по отношению к православию. Кроме того, сославшись на неких «авторитетных представителей церкви», помощник народного комиссара иностранных дел подчеркнул, что переход к другому календарю не нарушает православных канонов. В заключение Чичерин заявил: «При твердом намерении Советской власти не вмешиваться в дела самоуправляющейся церкви вопрос рассматривается исключительно с точки зрения светской, при полном предоставлении церкви решить вопрос об одном или двух стилях как она для себя признает желательным»².

Поместный Собор отнесся к Декрету от 26 января довольно-таки спокойно. Профессор С.С. Глаголев в своем докладе по этому поводу подчеркнул, что все православные церкви пользуются Юлианским календарем, поэтому решение о переходе на новый стиль должно быть принято ими только совместно. А делегат М.А. Семенов вообще отметил, что «не следует обращать никакого внимания на декреты большевиков... Я знаю, так очень многие поступают». Тем не менее, 30 января Собор постановил, что в течение 1918 года церковь продолжит использовать старый календарь, а соборный Богослужебный отдел рассмотрит вопрос о стилях более детально³. С этого момента государство и церковь в России жили по разным календарям, что является достаточно символичным. Хотя в делопроизводстве ВЦУ указывали сразу две даты: сначала по старому стилю, а затем – в скобках – по новому⁴.

¹ Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 25 января. С. 3; Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в городе Москве и Московской области. 1918. 28 января. С. 4.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 291–292. Последовали и более радикальные предложения. Так, член ВЦИК Г. Фельдман-Павлович предложил в октябре 1918 года вообще отказаться от «буржуазного» летоисчисления от Рождества Христова и начать новую «социалистическую» эру исчисления с 25 октября/7 ноября». Но для удобства считать с 1 января 1918 года. См.: ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 2. Д. 54. Л. 170–171.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. С. 186–188.

⁴ В ноябре 1918 года в Совнарком поступила телефонограмма от бывшего члена комиссии по введению нового календаря «старого народовольца» М.Н. Васильева, обращавшего внимание на то, что «значительная часть граждан, преданных социализму и революции по вере причисляет себя к православным христианам». В связи с этим Васильев считал необходимым, чтобы СНК вошел в соглашение с церковным руководством и до Рождества

Кроме изменения календаря с начала 1918 года различные советские учреждения и организации стали разрабатывать список новых праздников, альтернативных церковным. В том числе этим занималась Государственная комиссия по народному просвещению. 22 января 1918 года при обсуждении проекта введения григорианского календаря она постановила не упоминать никаких религиозных дат, указав вместо них «политические праздники»: 9 января – «день памяти революции 1906 года» (так в тексте – А.С.), 26 февраля – день революции 1917 года, 27 февраля – день памяти жертв революции, 1 марта – «день падения тирании Александра II», 18 марта – день Парижской коммуны, 1 мая – праздник интернационала, 25 октября – день победы рабоче-крестьянской революции¹. Имеется также проект декрета Наркомата труда, в котором значилось, что «в дополнение Декрета об отделении церкви от государства» публичными и нерабочими признаются только «гражданские» праздники, а именно: «1 января – Новый год, 22/9 января – расстрел петроградских рабочих, 12 марта – низвержение самодержавия², 1 мая – день интернационала, 7 ноября – день пролетарской революции»³. 26 февраля 1918 года законопроекты о праздничных датах также рассматривал Президиум Московского Совета⁴. А 30 апреля СНК постановил создать комиссию при Наркомате юстиции с представителями Наркомата Труда для разработки декрета об установлении государственных праздников⁵.

Однако население не хотело отказываться от старой системы религиозных дат. Например, на заседании СНК 12 июля 1918 года было озвучено, что «многие правительственные учреждения, пользуясь церковными праздниками и вопреки распоряжениям Народного Комиссариата Труда устраивают себе

1918 года издал совместный декрет о введении нового календаря и в церкви. Реакции на это обращение не последовало. См.: ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 80–81.

¹ Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. М., 2012. С. 156.

² Возможно имелось в виду 27 февраля (по новому стилю – 12 марта), день образования ВКГД и Петроградского Совета рабочих депутатов.

³ ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 2. Д. 3. Л. 14–16.

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 269. Л. 12–13..

⁵ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 93. Д. 74. Л. 27.

неприсутственные дни, чем вносят дезорганизацию в общую работу». В итоге В.П. Ногину поручили провести расследование и привлечь виновных к строжайшей ответственности¹. А общее собрание рабочих 3-й государственной типографии (бывшей Петроградской синодальной), заслушав 20 сентября 1918 года циркуляр Отдела управления Государственными типографиями, предписывающий не прекращать работу в день Рождества Пресвятой Богородицы, постановило все же объявить этот день выходным, так как это двенадцатый православный праздник². Так или иначе, с января 1918 года государственная власть и Православная церковь в России стали жить не только по разным календарям, но и в разных системах праздничных дат.

Провозглашение отделения церкви от государства не стало в организационном плане для бывшего Ведомства православного исповедания катастрофой. Потрясения 1917 года привели к обновлению и повышению авторитета церковной иерархии, прошедшей через череду перевыборов, а также к привлечению к широкому участию в жизни церкви всего клира и верующих мирян. Поместный Собор еще в конце 1917 года успел сформировать новые органы ВЦУ, и введение их в действие 14 (1) февраля 1918 года не вызывало никаких сомнений в плане их каноничности. Что касается епархиального управления и устройства прихода, Собор обсуждал эти вопросы в течение зимы–весны 1918 года, приняв ряд важных постановлений. В частности, определением от 14, 20 и 22 февраля 1918 года вместо ранее существовавших духовных консисторий были введены в действие епархиальные советы, избираемые на периодически созываемых епархиальных собраниях. При этом закреплялось, что во главе епархий по-прежнему оставался епископ, который мог как избираться, так и назначаться ВЦУ³. А 20 апреля 1918 года Собор принял приходской устав⁴.

¹ Там же. Л. 225.

² Трудовой еженедельник. 1918. № 10. С. 6.

³ Собрание определений и постановлений Собора 1917–1918 гг. Вып. 1. С. 17–33.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. III. М., 1918. С. 13–41.

С целью организации защиты бывших придворных и домовых церквей при них стали создавать приходы и, соответственно, избирать приходские советы из местных жителей, которые могли противодействовать изъятию или закрытию храмов. Наиболее активно этот процесс шел в Петрограде. В фондах столичной духовной консистории имеется несколько десятков дел об образовании новых приходов в феврале–марте 1918 года при том, что никакого храмового строительства в это время, конечно же, не производилось. Так, открывались самостоятельные приходы при Церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе Гатчины¹, Храме во имя Иверской иконы Божьей Матери Петроградского Успенского педагогического института², Петроградской Воскресенской церкви Сергиевского братства³, Петроградской Благовещенской церкви⁴, Благовещенской церкви Министерства внутренних дел⁵, Елизаветинской общине сестер милосердия⁶, церквях I реального училища и Благовещенского синодального подворья⁷, Церкви Св. Мирона бывшего Егерского полка⁸, Храма архистратига Михаила при Михайловском учебно-воспитательном заведении для детей артиллерийских офицеров⁹, Церкви Св. Николая Чудотворца при Николаевской детской больнице¹⁰, Церкви Александровского кадетского корпуса¹¹, Церкви Александровской женской больницы¹², Храма во имя Святителя и Чудотворца Николая в здании Комиссариата Просвещения¹³,

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 522. Дата: 17 июня 1917 – 30 апреля 1918 годов.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 539. Дата: 23 февраля 1918 года.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 540. Дата: 9–12 марта 1918 года.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 541. Дата: 9–13 марта 1918 года.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 557. Дата: 21 февраля 1918 года.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 553. Дата: 9 февраля – 5 апреля 1918 года.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 560. Дата: 6 марта – 18 августа 1918 года.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 561. Дата: 8–27 марта 1918 года.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 562. Дата: 8 марта – 3 апреля 1918 года.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 564. Дата: 14 марта – 7 апреля 1918 года.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 568. Дата: 17 марта 1918 года.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 570. Дата: 1918 год.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 579. Дата: 17 марта 1918 года.

Алекسانдро-Невской церкви при Государственном банке¹, Софийском соборе в Царском селе², Церкви во имя Апостолов Петра и Павла при Петроградском коммерческом училище³ и др.

Привлечение верующих мирян и опора на них стали для церкви залогом выживания. Учитывая тот факт, что Декрет от 23 января 1918 года вообще не признавал единой церковной организации, говоря лишь о неких «обществах верующих», создание чего-то подобного в лице приходских советов хоть как-то могло легализовать религиозную деятельность. В соответствии с этим 28 февраля 1918 года ВЦУ приняло постановление «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти», предлагавшее образовать при всех храмах союзы прихожан для защиты имущества. Оговаривалось, что эти объединения не должны называться «церковными» или «религиозными», чтобы иметь возможность получить статус юридического лица. Для защиты учебных заведений бывшего духовного ведомства, а также Закона Божия, рекомендовалось «сплотиться» с родителями учащихся и «воздействовать» на педсоветы. В соответствии с постановлением все, восстающие на церковь, отлучались от нее, и верующие призывались не входить с ними в общение⁴.

Общее руководящее указание по поводу «захватов революционными организациями зданий и иного имущества учреждений духовного ведомства» ВЦУ приняло 1 марта (18 февраля) 1918 года, поручив епархиальным преосвященным немедленно сообщать об этом приходским собраниям и, тем самым, организовывать верующих епархии для выражения протеста и принятия мер к восстановлению нарушенных прав церкви. Об этом циркулярно сообщили

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 583. Дата: 29 марта 1918 года.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 589. Дата: 16 мая – 5 июня 1918 года.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 590. Дата: 16–19 мая 1918 года.

⁴ Известия по Казанской епархии. 1918. № 5 от 8 марта. С. 101–105; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. С. 30–35. Интересно добавить, что петроградский миссионер И.Г. Айвазов пошел еще дальше, призвав зарегистрировать Православную церковь в качества всероссийского союза православных людей и подготовив проект устава подобного объединения. См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 546. Документ датирован в Петроградской духовной консистории 29 мая 1918 года.

главам епархий и синодальным конторам¹. Через несколько дней 15 (2) марта ВЦУ приняло еще одно постановление, гласившее, что в случае занятия зданий духовных консисторий, местный епископ должен «заявить протест губернскому по внутренним делам комиссару, с объяснением, что духовная консистория является учреждением церковным, которое и по отнятии у него предметов ведения и действия государством должно продолжать свои действия церковного порядка, признанных и Декретом о свободе совести и отделении церкви от государства»². 18 (5) марта 1918 года Собор утвердил постановление патриарха и Синода от 6 марта (21 февраля) о том, что в случае насилия по отношению к церкви, ее служителям и православным христианам, епархиальное начальство должно создавать на местах особые комиссии для расследования этих событий. Акты таких расследований предлагалось пересылать в Синод³.

Таким образом, если до Февраля 1917 года церковь опиралась на различные государственные установления, в том числе органы полиции, то с 1918 года ее единственным защитником стал верующий народ. В связи с этим возникала необходимость устранить все возможные трения между пастырями и пасомыми и максимально стимулировать готовность прихожан к активным действиям. Так, например, 8 июля (25 июня) 1918 года Чрезвычайное епархиальное собрание Петроградской епархии под председательством митрополита Вениамина постановило обратиться к приходам с просьбой «всем приходским общинам жить в мире и любви со своими духовными отцами, защищать их от поношений врагов и хулиганов, от отобрания у них причтовой земли, как одного из средств их пропитания», а также с предупреждением, что «православные христиане, причастные к ограблению своих духовных отцов, а равно и не оказавшие им защиты от внешних грабителей, лишены участия в церковных богослужениях и

¹ Московские епархиальные ведомости. 1918. № 6 от 30 марта. С. 1; Известия по Казанской епархии. 1918. № 5 от 8 марта. С. 100; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 7. Деяние 83–101. Москва, 1999. С. 216.

отлучены от св. причащения и, если не покаются до смерти, то лишены церковного погребения»¹.

Протесты властям против «захватов» высказывались в 1918 году не управлениями епархий и даже не рядовым духовенством, а от имени «обществ верующих»: приходских и епархиальных советов, комитетов и общин. В Москве и Петрограде Братства приходских советов для общения с «комиссарами» привлекли опытных юристов: Н.Д. Кузнецова и М.В. Ковшарова. Первый, выступая в том числе, от лица Поместного Собора, засыпал письмами и петициями как Московский Совет, так и непосредственно сам СНК, а Ковшаров, получивший звание «комиссара по общеeparхиальным делам», пытался отстаивать неприкосновенность церкви в Северной Области².

Одной из самых сложных задач для ВЦУ в 1918 году стала необходимость изыскания средств на содержание бывших Синодальных учреждений. Прекращение государственного финансирования поставило большинство из них на грань самоликвидации. Особенно тяжелым оказалось положение духовно-учебных заведений. Впрочем, некоторые представители православной иерархии встретили наступившее «тощее» время весьма достойно. Так, заместитель председателя Поместного Собора митрополит Новгородский Арсений начертал 25 февраля 1918 года на докладе конторы своего архиерейского дома³ следующую резолюцию: «...пока условия не изменятся, я отказываюсь от какого-либо жалования, которое мною получалось до сих пор 12 тыс. в год. Перехожу на братское содержание столом. Всем нужно сократиться и показать, что нам и нищета не страшна... Мне крайне тяжело, что такое обнищание отразится на благолепии нашего богослужения, желательно сохранить хотя бы малый хор, без которого нельзя обойтись»⁴.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 43. Л. 10 об.

² ЦГА СПб. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

³ Доходы Новгородского архиерейского дома составляли казенное содержание Софийскому собору и арендные поступления с принадлежащих дому Никитинского сельца и Теплых рядов, которые в феврале 1918 года оказались реквизированы. См.: РГАДА. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 982. Л. 5.

⁴ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 982. Л. 7.

Церковь озаботилась созданием собственного бюджета. 28 (15) марта Поместный Собор принял определение о создании общецерковной казны и об обеспечении преподавателей и служащих в духовно-учебных заведениях жалованием по 14 (1) сентября 1918 года. Такой значительный ранее источник доходов, как сдача в аренду церковной и монастырской недвижимости более не учитывался: на местах Советы проводили постепенную реквизицию имущества. Разумеется, исчезли и статьи о поступлении средств от государства. Отныне пополнение казны должно было осуществляться за счет тарелочного сбора по храмам, а также временного сбора с продажи свечей по 10 рублей с пуда¹. 4 апреля (22 марта) ВЦУ постановило напечатать это определение в «Церковных ведомостях» и установить тарелочный сбор². А в июне 1918 года «Церковные ведомости» опубликовали смету расходов по содержанию штата ВЦУ, включая казначейскую и юрисконсультскую части, контроль, архив и библиотеку. Общая сумма составляла 537 660 рублей в год³.

Для уменьшения расходов ВЦУ провело значительное сокращение штатов. 6 апреля (24 марта) 1918 года закрыли Петроградскую синодальную контору⁴, а 23–24 (10–11) апреля 1918 года ВЦУ постановило отчислить со службы всех чиновников, не назначенных в его новые органы, с 28 (15) мая с выплатой зарплаты по день увольнения при условии сдачи дел «в исправности»⁵. Кроме того, с 5 июня (23 мая) по 13 сентября (31 августа) 1918 года в Петрограде работала учрежденная ВЦУ «Ведомственная ликвидационная в городе Петрограде комиссия по делам бывших центральных учреждений Святейшего Синода» под председательством вице-директора бывшего Департамента по делам

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. С. 40–41; Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. II. С. 27–28.

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

³ Церковные ведомости. 1918. № 21–22 от 15 (28) июня. С. 159.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 315. Л. 290. Петроградская синодальная контора в 1918 году сумела провести только 10 заседаний: 15 января, 16, 19, 23 и 26 февраля, 12, 24, 26 и 31 марта и 25 апреля.

⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 1

Православной церкви Министерства исповеданий П.И. Исполатова¹. Комиссия объединила чиновников упраздненного духовного ведомства, став последним органом синодальных учреждений в Петрограде². С разрешения большевистского руководства Комиссия отсортировала в реквизированном синодальном архиве текущее церковное делопроизводство и с курьерами переправила бумаги в Москву³. Кроме того, Комиссия выяснила, что по переводным банковским билетам в 7 банках имелись капиталы Синода на сумму 61 560,72 руб., которым грозило изъятие. Получить удалось только 1 981,71 руб. в бывшем Госбанке и 36 396,62 руб. в бывшем Волжско-Камском банке⁴. Данный факт наглядно демонстрирует неразбериху 1918 года: капиталы упраздненного духовного ведомства почти полгода спокойно пролежали в национализированных банках.

Таким образом, к весне 1918 года Православная церковь в целом смогла приспособиться к новым условиям. Хотя она и не получила никакого юридического статуса, но она смогла сохранить и переработать на свой лад организационные структуры, оставшиеся от ведомства Святейшего Синода. Церковь теперь представляла собой независимую от государства централизованную организацию, имевшую «представительства» во всех губерниях страны, да еще к тому же являвшуюся носителем альтернативной Советам идеологии, чем представляла для них явную угрозу. В то же время Советское государство еще только формировалось, новая власть не контролировала значительную часть территории бывшей империи, шла Гражданская война. Да и сам государственный аппарат еще не являлся вполне антирелигиозным: подавляющую часть его чиновников составляли старые служащие министерств и ведомств, чье отношение к церкви не было негативным. В этих условиях советское

¹ См. Соколов А.В. Ведомственная ликвидационная в городе Петрограде комиссия по делам бывших центральных учреждений Святейшего Синода (1918 год) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2012. № 6 (26). С. 52–56.

² Всего задействовали 36 человек, в том числе 8 чиновников Департамента по делам православной церкви Министерства исповеданий. См.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.

³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2, 4 об, 8; РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 – 3 об.

руководство предпочло временно отложить проведение радикальных антицерковных мер.

Тем не менее, постоянных контактов между Совнаркомом и ВЦУ так и не наладили. Определенные надежды у духовенства и верующих вызвала встреча делегации Поместного Собора с народными комиссарами Д.И. Курским, М.Т. Елизаровым и В.Д. Бонч-Бруевичем 27 марта 1918 года, в ходе которой была достигнута договоренность об образовании совместной комиссии «по исправлению» Декрета от 23 января¹. Но в реальности деятельность правительства шла совсем в другом направлении. Хотя в соответствии с поручением СНК от 8 апреля 1918 года, НКЮ 13 апреля действительно постановил образовать Особую комиссию «по применению декрета об отделении церкви от государства» с участием представителей разных комиссариатов, а также «сведущих лиц» от православных, старообрядцев, католиков, протестантов, армяно-григориан, магометан, иудеев и буддистов². Однако, проанализировав деятельность ВЦУ сотрудники НКЮ заключили, что «к сожалению, общее поведение православного духовенства в отношении Советской власти дает основание предполагать, что в этих внешне легальных организациях готовится активное противодействие установленному законом отделению церкви от государства», а в действиях Поместного Собора имеет место «подстрекательство к открытому неповиновению распоряжениям советских властей и противодействию силой приведению ими в исполнение законных требований правительства»³. В результате от привлечения духовенства решили отказаться, а Комиссия занялась разработкой инструкции о порядке изъятия церковных капиталов и имущества⁴. 8 мая 1918 года СНК постановил «проведение в жизнь закона об отделении церкви от государства поручить особому отделу при Комиссариате Юстиции, которому должна незамедлительно сдать свои дела междуведомственная комиссия, существующая

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 8. Деяние 102–117. Москва, 1999. С. 59–62.

² ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 122. Л. 5, 12.

³ Там же. Л. 6–8.

⁴ Там же. Л. 1.

в настоящее время для этой же цели»¹. В результате был организован VIII «ликвидационный» отдел Наркомюста, возглавлявшийся П.А. Красиковым.

ВЦУ ожидало пересмотра Декрета от 23 января, но напрасно. Принятая 10 июля 1918 года Конституция Советской России закрепляла отделение церкви от государства и «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». Кроме того, «монахи и духовные служители церкви и религиозных культов» лишались как активного, так и пассивного избирательного права². А в конце августа 1918 года Наркомат юстиции опубликовал «Инструкцию по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 г.»³, предписывавшую изъятие местными советами в двухмесячный срок всех церковных имуществ и капиталов. Оговаривалось, что «отобранию» подлежат все средства, находящиеся «в кассах местных храмов и молитвенных домов, у церковных старост, казначеев, приходских советов и коллективов, у настоятелей храмов, у благочинных, у епархиальных и уездных наблюдателей церковно-приходских школ, ...бывших духовных консисториях, в капиталах епархиальных архиереев, в Синоде, в Высшем Церковном Совете, в т. н. “патриаршей казне”», то есть вообще все церковные деньги. Повторялось, что религиозные общества лишены прав юридического лица, а «отдельным членам этих обществ предоставляется устраивать только складчины на приобретение для религиозных целей имущества и на удовлетворение других религиозных потребностей». Заявлялось, что храмы и богослужебные предметы могут передаваться в пользование «общинам верующим» по описи на основании договора с советом, и даже прилагался образец такого документа. Метрические книги предписывалось незамедлительно передать в отделы ЗАГС. Далее указывалось, что «преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских». Все кредиты на преподавание религии в школах приказывалось немедленно закрыть,

¹ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 93. Д. 74. Л. 45.

² История советской конституции. М., 1957. С. 78, 85.

³ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов. 1918. 30 августа. Инструкция была принята Наркомюстом 24 августа 1918 года.

так как «ни одно государственное и иное публично-правовое установление не в праве производить преподавателям религии каких-либо выдач денежных сумм как за настоящее, так и за истекшее с января месяца 1918 года время»¹. К документу прилагалась почему-то не опубликованная в газетах «Примерная ведомость капиталов и сборов бывшего ведомства православного исповедания», где подробно расписывалась существующая структура церковного бюджета и назначение, куда все эти денежные средства надлежало передать. Например, местные причтовые капиталы, капиталы с доходных домов и торговых предприятий, кладбищ и сборы на содержание Поместного Собора должны были оставаться в распоряжении отдельных Советов рабочих и крестьянских депутатов. Капиталы духовно-учебных заведений и церковных школ переходили в ведение Наркомата просвещения, а страховые сборы – Комиссариату по делам страхования и борьбы с огнем и т.д.² Инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 года лишь подтвердила и раскрыла тезисы, заложенные в Декрете от 23 января 1918 года. За ней последовала целенаправленная политика уничтожения церкви как организации.

Таким образом, период с ноября 1917 по январь 1918 года можно охарактеризовать как параллельное сосуществование зарождавшегося Советского государства и Православной церкви в виде Ведомства православного исповедания в условиях, когда «организационная формула» Февраля еще не была окончательно сломлена: предполагалось, что решение принципиальных вопросов государственного устройства России будет осуществлено Учредительным собранием. В это время большевики, занятые проблемой укрепления собственной власти, предпочитали не вмешиваться в церковные дела, а Святейший Синод и Поместный Собор, исходя из скорого созыва Учредительного собрания, закрывали глаза на нелегитимность СНК. Между Поместным Собором и советским руководством в Москве существовал технический контакт, выплаты

¹ Там же; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. С. 19–28.

² Там же. С. 26–28.

церковным учреждениям и духовенству из государственной казны продолжались (за исключением духовно-учебных заведений).

Ситуация в корне изменилась после разгона Учредительного собрания и появления Декрета от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви. Советская власть реквизировала имущества Святейшего Синода и Министерства исповеданий в столице, фактически проведя ликвидацию Ведомства православного исповедания с увольнением с государственной службы всех его чиновников. Также были упразднены такие специфические структуры старого государственного аппарата, как придворное и военное духовенство. Кроме этого, власти предприняли меры по реализации принципа светскости народного образования и обеспечению гражданской метрикации.

В свою очередь Поместный Собор ввел в действие новые органы ВЦУ и закончил переустройство епархиального управления, обновив организационные структуры, доставшиеся ему в наследство от Ведомства православного исповедания. Хотя церковь так и не получила юридического оформления, тем не менее, она определенно сумела консолидироваться и перестроиться в качестве теперь уже самостоятельной и независимой от государства организации, найдя опору в самих верующих мирянах, то есть у значительной части российского общества.

Но церковь сразу оказалась оппонентом власти. Православие осталось чуть ли не единственной идеологией, способной объединить народные массы вне предлагавшейся большевиками социалистической (марксистской) платформы. Церковь обладала разветвленной структурой, имея представительства во всех губерниях и уездах России, чем большевики в тот момент похвастаться еще не могли. Церковь не признавала авторитета советов, осмеливаясь осуждать их действия и давать им морально-нравственную оценку в патриарших и соборных посланиях. И даже в таких внешне формальных вещах, как использование разных календарей, Православная церковь не совпадала с ритмом жизни нового Советского государства.

Вместе с тем, о широком наступлении большевиков на церковь в начале 1918 года говорить еще не приходится, но задекларированные в Декрете от 23 января принципы открывали широкий простор для самодеятельности местных властей: с февраля 1918 года в разных областях России стали происходить столкновения в связи с попытками реквизиции церковного имущества и закрытием религиозных учреждений. Полномасштабная антицерковная политика Советского государства развернулась только с конца августа 1918 года, после появления «Инструкции» Наркомата юстиции от 24 августа, закрытия Поместного Собора и начала «красного террора».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1917 год в России внес кардинальные изменения во все области государственной жизни, поставив вопрос об ориентирах дальнейшего развития общества и подвергнув переоценке значение многих социальных институтов, в том числе, Православной церкви и ее служителей. Взаимоотношения государства и Православной церкви в России с февраля 1917 по январь 1918 года представляли собой сложный многоуровневый процесс, выражавшийся как в постепенном разрыве связей между этими двумя институтами, так и в их собственной внутренней трансформации. Имеющийся широкий круг исторических источников позволяет провести всесторонний анализ данного процесса.

Формально в течение февраля 1917 – января 1918 года статус Православной церкви оставался неизменным: она продолжала существовать в качестве государственного Ведомства православного исповедания, представленного Святейшим Синодом с его «установлениями», епархиальными органами и «всем подведомственным им» православным городским и сельским духовенством. Сохранялись полномочия обер-прокурора Синода. В этой связи указанные месяцы являются заключительным этапом Синодального периода истории Православной церкви в России. Подведомственный статус Православной церкви в дни Февраля 1917 года во многом позволяет объяснить покорное признание духовенством перехода власти к Временному правительству.

Вместе с тем, фактически в сфере государственно-церковных отношений в феврале 1917 – январе 1918 годов происходили значительные изменения. Если до Февраля Российское государство представляло собой православную монархию, при которой закон закреплял верховенство царя в церкви, а также оговаривал его обязательную принадлежность к православной вере, то свержение самодержавия разрушило эту конструкцию. Больше не было императора, и верховная власть перешла к министрам Временного правительства, в отношении которых уже не проводилось церковное таинство миропомазания, и от которых никто не требовал

принадлежности к какой бы то ни было религии. Таким образом, фактически в Феврале 1917 года была устранена «личная уния» государства и церкви, существовавшая ранее в лице монарха.

Временное правительство не стало принимать законов, изменяющих положение церкви в России, направив в Ведомство православного исповедания своего представителя – нового обер-прокурора Святейшего Синода. Вместе с тем, при Временном правительстве круг государственных обязанностей православного духовенства ощутимо сузился. Прежде всего, Временное правительство отказалось от идеологической поддержки духовенства (за исключением деятельности священников в армии и на флоте), не требовало обязательного участия церкви в официальных церемониях, при приведении к присяге и в оглашении указов: если это и происходило на местах, то, скорее, по инерции. Также сокращалась сфера ответственности духовного ведомства в народном образовании (содержавшиеся за государственный счет церковно-приходские школы передали Министерству народного просвещения, обсуждалась возможность объявления необязательности обучения Закону Божьему). Кроме того, Временное правительство упразднило духовную цензуру печати и «массовых зрелищ», отменило все барьеры в перемене вероисповедания, а также ввело «вневероисповедное состояние», предполагавшее светскую регистрацию рождений, браков и смертей. В правовом плане православие лишилось своего господствующего положения.

При Временном правительстве намечалось движение к демократическому парламентскому строю, который мог быть осуществлен после выработки новых основных законов Учредительным собранием. Очевидно, в связи с этим весной-осенью 1917 года государство предлагало плюралистическую многоконфессиональную (или «всеконфессиональную») модель, в которой Православная церковь могла рассчитывать на определенную, возможно даже привилегированную нишу. Однако вряд ли можно говорить о существовании какого-то стратегического союза между Временным правительством и церковью.

В условиях обилия других вопросов первостепенной важности, возникающих перед правительством, управление Ведомством православного исповедания оказалось практически целиком предоставлено обер-прокурору Синода (с августа 1917 года – министру исповеданий). И именно от личности этого чиновника зависела степень фактического участия государства в церковных делах. В связи с этим политику Временного правительства в отношении церкви можно условно разделить на два периода: обер-прокуратуры В.Н. Львова (март – июль 1917 года) и Министерства исповеданий А.В. Карташева (август – октябрь 1917 года).

Первый период характеризовался активным вмешательством государства в дела церковного управления. В.Н. Львов, одержимый идеей «обновления» церкви, всячески поощрял движение низов духовенства против епископата, выступал за активное привлечение в церковные структуры верующих мирян. И хотя своим необузданным темпераментом и, отчасти, волюнтаризмом, Львов умудрился настроить против себя многих современников, но именно при этом обер-прокуроре система церковного управления начала претерпевать кардинальные изменения, устранявшие из него элементы бюрократического ведомства. В процессе стихийной «епархиальной революции» в церкви произошли перевыборы на всех уровнях, кроме Синода, в церковные учреждения вошли представители мирян и низшего клира. Параллельно духовным консисториям и благочинническим советам стали действовать епархиальные советы и всевозможные исполнительные комитеты духовенства и мирян. С мая 1917 года была введена практика избрания епархиальными съездами правящих архиереев. Таким образом, с одной стороны, церковные структуры подверглись дезорганизации, а с другой – привлекли к себе значительное количество прихожан, выйдя за узкие рамки духовного сословия и синодских чиновников. В результате этого поощряемого Львовым епархиального движения церковь обрела для себя новую – общественную – опору в лице верующих мирян, особенно их активной части. Это, в том числе, отразилось и на восстановлении авторитета

церкви, ее возможности давать морально-нравственную оценку действиям власти и высказывать собственную позицию относительно ситуации в стране в целом.

Второй период взаимоотношений Временного правительства и Православной церкви, начавшийся с назначением на должность обер-прокурора кадета А.В. Карташева, характеризовался отказом от практики вмешательства государственных чиновников во внутрицерковные дела при сохранении поддержки церкви со стороны государства. Карташев приступил к реализации юридического оформления системы многоконфессионального государства, отменив институт обер-прокуратуры и учредив Министерство исповеданий, ведавшее всеми религиозными объединениями в России. При этом Карташев и его заместитель С.А. Котляревский последовательно лоббировали интересы Православной церкви перед другими министерствами и ведомствами, усматривая в ее деятельности залог духовного спасения России. При Карташове открылся Поместный Собор, завершивший формирование самостоятельной церковной организации через конструирование новой системы церковного управления: теперь она удачно сочетала каноническую (иерархическую) составляющую и принципы общественного представительства. Кроме того, Карташев отстаивал предоставление церкви кредитов из Государственного казначейства, пытался обеспечить освобождение духовно-учебных заведений от размещившихся в их зданиях военных учреждений и лазаретов. При этом министр исповеданий все же полагал, что государство и церковь не должны сливаться на институциональном уровне, а потому поддерживал начавшуюся передачу церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Номинально этот второй период – период Министерства исповеданий – продолжался для церкви до января 1918 года, поскольку после Октябрьского переворота в Синод не было назначено советских комиссаров, и он в ожидании Учредительного собрания автономно существовал в статусе государственного ведомства.

Вместе с тем, падение самодержавия и кризис государственной власти в 1917 году обернулись для церкви множеством проблем. Прежде всего, усилившиеся центробежные тенденции, связанные со стремлением ряда областей

к автономии или даже независимости, тут же обернулись ростом автокефальных настроений на православных окраинах (в Грузии и Украине). Временное правительство пыталось регулировать эти процессы, но почти безуспешно. После Февраля особо актуализировался земельный вопрос: уже с весны 1917 года Россию охватили аграрные беспорядки, на местах принимались постановления о реквизиции церковных и монастырских владений. Но еще серьезнее стала проблема отношения к Православной церкви со стороны населения. В этом смысле 1917 год стал для нее настоящей катастрофой: в один момент бывшая государственная идеология лишилась защиты со стороны судебно-административного аппарата и превратилась в объект критики за ее связи с монархией. Лозунги «православие, самодержавие, народность» и «за веру, царя и отечество» утратили свое значение. С первых дней Февральского переворота имели место случаи агрессивных действий по отношению к православному духовенству и религиозным святыням со стороны революционных солдат и рабочих, что выразилось, в том числе, в расстреле храмов в Петрограде. Весной 1917 года также наблюдался процесс замещения религиозных символов революционными, что свидетельствовало о стремительной утрате православием его позиций в умах значительной части населения. Таким образом, вовсе не большевики начали гонения против Православной церкви в России, они только использовали и поощряли те антиклерикальные настроения, которые уже существовали до их прихода к власти. Сюда необходимо добавить набравшие обороты проявления «бессмысленного и беспощадного» «русского бунта»: кровавые расправы и грабежи. Как это ни странно, многие представители духовенства были склонны объяснять происходящее в 1917 году не собственным бессилием оказать воздействие на прихожан, а «безбожной» властью (в тот момент – Временного правительства), которая не только не могла обеспечить церкви и ее служителям личную и имущественную безопасность, но еще и отбирала церковные школы.

Однако кроме Временного правительства, готовившего созыв всенародного Учредительного собрания, Февраль 1917 года предложил еще одну модель

государства, складывавшуюся в лице советских органов. Отрицая общегражданское представительство, советы представляли собой «классовый орган» рабочих и солдат, а также других «угнетенных» слоев населения. Идеологией советов изначально стала социалистическая концепция общественного переустройства, отрицавшая религию и провозглашавшая атеизм. В соответствии с этим, советы, вне зависимости от того, какие политические партии составляли в них большинство, с самого начала были лишены каких-либо идейных и структурных связей с церковью. Поэтому свержение Временного правительства и переход власти к советам автоматически разрушил все элементы взаимодействия, имевшие место между государством и церковью в предыдущие месяцы.

Руководство Православной церкви, ориентировавшееся на скорый созыв Учредительного собрания, не вполне осознало серьезность произошедшего в Октябре 1917 года перелома. Церковь фактически проигнорировала Октябрьский переворот, выразив свое негативное отношение только в отношении «междоусобной брани» на улицах Москвы и повреждений Кремля. Официальная церковная пресса конца 1917 года не только не комментировала происходившие события, но вообще воздерживалась сообщать о них. Ожидая восстановления «законной власти» в лице Временного правительства или Учредительного собрания, церковь не признавала полномочий Совета Народных Комиссаров.

В течение ноября–декабря 1917 года Советское правительство, занятое укреплением своей власти, почти не трогало церковь, ограничившись провозглашением светской регистрации актов гражданского состояния и заявлением о переходе духовно-учебных заведений в ведение Народного комиссариата народного просвещения. Но вскоре после разгона Учредительного собрания, в середине января 1918 года были упразднены придворное и военное духовенство, а 23 января появился основополагающий документ советской власти в отношении религии: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Данное постановление не только фактически ликвидировало Ведомство православного исповедания (а вместе с ним и систему государственно-церковных

отношений, установленную Духовным регламентом Петра I), но и фактически объявляло вне закона всю существовавшую на тот момент церковную организацию. Декрет от 23 января 1918 года, не являвшийся итогом общественного консенсуса и принятый явочным порядком без всякого обсуждения с духовенством и верующими, был крайне негативно воспринят Православной церковью и вынудил ее сформулировать свою жесткую по отношению к Советской власти позицию. Однако это практически никак не повлияло на большевиков: они приступили к построению своего государства, и этому государству церковь была не нужна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

I. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

1. Ф. 550. Фонд митрополита Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого). Оп. 1. Д. 97, 208, 251.
2. Ф. 1467. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Оп. 1. Д. 81, 490, 491, 492.
3. Ф. 1778. Канцелярия Министра-председателя Временного правительства. Оп. 1. Д. 1-15, 24, 51, 57, 328, 391, 395.
4. Ф. 1779. Канцелярия Управляющего делами Временного правительства. Оп.1. Д. 6–13, 22, 260, 1410, 1416, 1427, 1428, 1434, 1442, 1445, 1447, 1449; Оп. 2. Д. 151, 179, 195.
5. Ф. 1782. Прокурор Петроградской судебной палаты. 1917. Оп. 1. Д. 49, 88, 150.
6. Ф. 1791. Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства внутренних дел Временного правительства. 1917. Оп. 2. Д. 156, 589, 608; Оп. 6. Д. 401.
7. Ф. 1792. Юридическое совещание при Временном правительстве. Оп. 1. Д. 7, 22
8. Ф. 6978. Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов I созыва. 1917–1918 гг. Оп. 1. Д. 284, 652, 720, 721, 722, 723, 724.
9. Ф. 6996. Министерство Финансов Временного правительства. Оп.1. Д. 194.
10. Ф. Р1. Московский ВРК. Оп. 1. Д. 5, 21.
11. Ф. Р130. Фонд Р130 . Совет Народных Комиссаров РСФСР. 1917–1991. Оп. 1. Д. 19, 30; Оп. 2. Д. 54, 298.

12. Ф. Р336. Следственная комиссия Революционного трибунала при Петроградском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [1918]. Оп. 1. Д. 168, 184, 330, 345, 399.

13. Ф. Р393. Наркомат внутренних дел. Оп. 1. 1918. Д. 202.

14. Ф. Р410. Народный комиссариат имуществ Республики. Оп. 1. Д. 79, 80, 95, 202.

15. Ф. Р543. Следственная комиссия Революционного трибунала при ВЦИК (1918–1919). Д. 2, 9.

16. Ф. Р1235 ВЦИК (II и следующих созывов). Оп. 53. Д. 5; Оп. 93. Д. 27, 74, 330.

17. Ф. Р3431. Всероссийский церковный Поместный Собор (Священный Собор) 1917–1918 гг. Оп.1. Д. 183, 185, 186, 188, 200, 201, 202, 240, 251, 277, 281, 621.

18. Ф.Р5325. Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Оп.12. Д. 2227.

19. Ф. А353. Народный комиссариат юстиции. Оп. 1. Д. 20, 63; Оп. 2. Д. 122, 196.

20. Ф. А2306. Министерство просвещения (Наркомпрос РСФСР). Оп. 2. Д. 3.

II. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

1. Ф. 194. Глубоковский Н.Н. Оп. 2. Д. 54.

2. Ф. 322. Каблуков С.П. Оп. 1. Д. 43–50.

III. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

1. Ф. 1183. Московская Синодальная контора (1727–1918). Оп. 7. Д. 504.

2. Ф. 1184. Контора Московской Синодальной типографии. Оп. 3. Часть 4. 1917. Д. 85, 104, 115; Оп. 3. Часть 4. 1918. Д. 2, 27, 29, 30.

3. Ф. 1188. Данилов мужской монастырь. Оп. I. Д. 505.

4. Ф. 1204. Троице-Сергиева лавра. Оп. I. Ч. X. Д. 19104.

5. Ф. 1208. Юрьев-Новгородский монастырь. Оп. I. Д. 982, 984, 985.

6. Ф. 1450. Угличский Покровский монастырь. Оп. 1. Д. 84, 244.

IV. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

1. Ф. 2176. Петроградское религиозно-философское общество. Оп. 1. Д. 22, 34.

V. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

1. Ф. 2. Ленин В.И. Оп. 1. Д. 5212, 24842.

2. Ф. 134. Коллонтай А.М. Оп. 2. Д. 57.

3. Ф. 153. Стучка П.И. Оп.1. Д. 19.

VI. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

1. Ф. 7733 Министерство финансов СССР, 1917–1991. Оп.1. Д. 37, 63, 74.

VII. Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.

Оп. 204. 1 Отд. 5 Стол. Д. 39, 54, 250, 254, 281, 305, 315, 380, 464, 471, 475, 499, 519, 522, 529.

Оп. 204. 2 Отд. 2 Стол. Д. 113, 176.

Оп. 209. Д. 2831, 2832, 2845

Оп. 443. Д. 757.

Оп. 445. Д. 223, 227, 233, 234, 728, 730, 731.

2. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода (Департамент по делам Православной церкви Министерства Исповеданий).

Оп. 86. 1917. I Отд. 1 Стол. Д. 42, 45, 48, 54, 60, 79, 84, 85, 86, 94, 96, 97, 100.

Оп. 86. 1917. I Отд. 2 Стол. Д. 99.

Оп. 86. 1917. II Отд. 3 Стол. Д. 29, 36, 37, 47, 54, 57, 60.

Оп. 86. 1917. III Отд. 4 Стол. Д. 22, 64, 65.

Оп. 86. 1917. III Отд. 5 Стол. Д. 12, 14, 24, 25, 54.

3. Ф. 799. Хозяйственное управление Святейшего Синода. Оп. 29. Д. 761, 764.

4. Ф. 801. Контроль при Синоде. Оп. 1. Д. 21.

5. Ф. 831. Канцелярия патриарха Тихона. Оп. 1. Д. 3, 27, 28, 29, 288.

6. Ф. 833. Поместный Собор. Оп. 1. Д. 34.

7. Ф. 1276. Совет Министров (Временное правительство). Оп. 14. Д. 548, 635, 640, 703.

8. Ф. 1278. Государственная дума. Оп. 9. Д. 458.

9. Ф. 1279. Чрезвычайная следственная комиссия Государственной думы. Оп. 1. Д. 2, 3.

10. Ф. 1579. Яцкевич В.И. Оп. 1. Д. 15, 23, 29, 30, 42, 47, 49, 99, 138, 139, 160, 163, 165, 166, 172, 173, 174, 179, 220, 222.

VIII. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО)

1. Ф. 66. Московский Совет рабочих депутатов. Оп. 3. д. 269, 725, 828, 958, 959, 960; Оп. 12. Д. 138; Оп. 20. д. 5.

2. Ф. 680. Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 4. Д. 1.

3. Ф. 2510. Московский губернский ЗАГС. Оп. 1. Д. 2, 3.

IX. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

1. Ф. Р-73. Центральная и районные комендатуры революционной охраны Петрограда. Оп. 1. Д. 63.

2. Ф. Р-131. Петроградская городская милиция. Оп. 1. Д. 9.

3. Ф. Р-143. Совет Комиссаров и Центральный (областной) исполнительный комитет Союза Коммун Северной Области. Оп. 1. Д. 82.

4. Ф. Р-338. Народный суд 1-го отделения Петроградского района г. Петрограда. Оп. 1. Д. 5, 10.

5. Ф. Р-665. Народный суд 1-го отделения Выборгского района г. Петрограда. Оп. 1. Д. 1–125.

6. Ф. Р-671. Народный суд 2-го отделения Петергофского района г. Петрограда. Оп. 1. Д. 1–24.

7. Ф. Р-7384. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Оп. 7. Д. 36; Оп. 9. Д. 123, 131.

8. Ф. Р-803. Народный суд 1-го отделения Охтенского района г. Петрограда. Оп. 3. Д. 3–6.

9. Ф. Р-1283. Сберкасса управление СКСО. Оп. 5. Д. 5.

10. Ф. Р-2551. Комиссариат просвещения СКСО. Оп. 15. Д. 243, 283.

Х. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

1. Ф. 19. Петроградская духовная консистория. Оп. 109. Д. 2, 8, 376, 43, 49, 51, 53, 79, 84, 86, 619; Оп. 120. Д. 13, 14, 522, 539, 540, 541, 546, 553, 557, 560, 561, 562, 564, 568, 570, 579, 583, 589, 590, 1030.

2. Ф. 362. Церковь Таврического дворца. Оп. 2. Д. 46.

3. Ф. 487. Прокурорский надзор Петроградского окружного суда. Оп. 1. Д. 2529, 2679.

Опубликованные источники

I. Законы и постановления

1. Декларация прав солдата. – Пг.: Тип. т-ва «Виктория», [1917]. – 8 с.

2. Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных организаций с приложением текста статей Свода Законов, этим постановлением измененных или отмененных. – Пг.: Тип. газеты «Петроградер Тогблат», 1917. – 32 с.

3. Декреты Советской власти. Т. I. – М, Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.
4. Духовный регламент // Законодательство Петра I. – М., Изд-во «Юридическая литература», 1997. – С. 540–603.
5. История Советской Конституции. В документах, 1917 – 1956 гг. – М.: Госюриздат, 1957. – 1046 с.
6. Новый закон о разводе. Новая редакция главы VI раздела III Устава духовных консисторий о прекращении и расторжении браков. – Чернигов: Изд. М.И. Пукашевский, 1917. – 7 с.
7. Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь–июнь 1918 года. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 60 с.
8. Постановления Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов по жилищному и земельному вопросам. – М., 1918. – 66 с.
9. Приложение к Росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Советской республики на июль–декабрь 1918 года. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 349 с.
10. Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти т. Том 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М.: Юридическая литература, 1994. – 351 с.
11. Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной области. Сост. Комиссариатом юстиции Союза Коммун Северной области. Вып. 1. – Пг.: Петр. сов. р. и. к. д, 1919. – 927 с.
12. Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства по народному образованию. Вып. 1 (с 28 октября 1917 по 7 ноября 1918 г.) – М., 1919. – 204 с.
13. Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917–1919. Издание редакционно-издательской коллегии Наркомата финансов. – Пг.: 4-я Государственная типография, 1919. – 440 с.
14. Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917г. – Пг.: Государственная типография, 1917. – 557 с.

15. Сборник циркуляров МВД за период март–июнь 1917. – Пг., 1917. Пг., [б/и], 1917. – 125 с.
16. Свод Законов Российской Империи. – СПб, 1906. Т. I. Часть 1. – 76 с.
17. Свод Законов Российской Империи. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Пг., 1916. – 521 с.
18. Синод в борьбе с революцией // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). – С. 198–201.
19. Собрание постановлений и распоряжений Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. В 4-х тт. – М., 1918. – 4 т.

II. Делопроизводственные документы органов государственной власти

1. 1917 год в документах и материалах. Всероссийское Учредительное собрание. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 220 с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. – Пг.: Синодальная типография, 1916. – 144 с.
3. Государственная Дума. IV созыв. Сессия 3–4. Комитет по делам Православной церкви. Представления министров и доклады по ним. – Пг., 1917.
4. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия 1–2. Комитет по делам Православной церкви. Представления министров и доклады по ним. – Пг., 1914.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Стлб. 1205-3502. Заседания 17-37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.) – Пг.: Государственная типография, 1916.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Стлб. 3503-5819. Заседания 38-60 (17 марта – 20 июня 1916 г.) – Пг.: Государственная типография, 1916.
7. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стлб. 1-1758. Заседания 1-25 (1 ноября 1916 г. – 25 февраля 1917 г.). – Пг.: Государственная типография, [1917].
8. Государственное совещание. Москва, 1917. – М.-Л., 1930. – 372 с.

9. Государственный комитет по народному образованию. Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Май–декабрь 1917 года. – [Пг.]: Б/и, [1918]. – 349 с.

10. Государственный комитет по народному образованию. Работы Государственного комитета по народному образованию I и II сессии. – М.: Типо-лит. М. Шлуглейт и А. Бронштейн, 1917. – 16 с.

11. Документы Великой Пролетарской Революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета 1917 года. – М.: Государственное издательство «История Гражданской войны», 1938. – 372 с.

12. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х тт. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001–2004. – 4 т.

13. Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. – Пг.: Синодальная типография, 1916. – 205 с.

14. Падение царского режима. Т. 1–2. – Л., 1924–1925. – 2 т.

15. Преследования Патриарха Тихона начались с первых дней избрания его на патриарший престол / публикация и комментарии Н.А.Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви. – 2006. – Вып. 2 (19). – С. 143–159.

16. Программа «Народного Кабинета». – Пг., 1917. – 1 с.

17. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов II созыва. – М., 1918. – 192 с.

18. Протоколы заседания Совета Народных Комиссаров РСФСР: ноябрь 1917 – март 1918 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 519 с.

19. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918г. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1175с.

20. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.

21. Смета доходов и расходов Святейшего Правительствующего Синода на 1917. – Пг.: Синодальная типография, 1916. – 192 с.

22. Учредительное собрание. Россия 1918 г.: стенограммы и другие документы / сост. Т.Е. Новицкая. – М.: Рос. открытый ун-т, 1991. – 160 с.

III. Документы политических партий, общественных и религиозных организаций

1. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Губонин. – М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. – 1064 с.

2. Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. – М.-Л.: Парт. Изд., тип «Печатный двор» в Лрг., 1932. – 328 с.

3. Деяния Екатеринославского Епархиального собрания представителей клира и мирян Православной Церкви 21 и 22 марта 1917 года. – Екатеринослав, 1917. – 28 с.

4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. – М.: Политиздат, 1970. – 535 с.

5. Март–май 1917 г. // Красный Архив. – 1926. – Т. 2 (15). – С. 30–60.

6. Московский Совет профессиональных союзов в 1917 году. (Протоколы). – М.: Изд-во МГСПС «Труди книга», 1927. – 258 с.

7. Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. / Вводная статья и публикация В. Цыпина // Богословский вестник. – 1993. – № 1. – С. 102–174; Вып. 2. – С. 175–224; 1996. – № 2. – С. 128–166.

8. Петроградский Совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. – СПб., 1997. – 259 с.

9. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. 27 февраля – 25 октября 1917 года. В 5-ти тт. – СПб., 1993–2003. – 5 т.

10. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917. – М.: РОССПЭН, 2000. – 830 с.

11. Приходский вопрос в IV Государственной Думе. – СПб.: Парламентская фракция Союза 17 октября, 1914. – 38 с.

12. Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный архив. – 1932. – Т. 1/2 (50/51). – С. 117–160.

13. Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). Комментарии В.И. Старцева // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 139–155.

14. Сборник программ русских политических партий. – Пг., 1917. – 16 С.

15. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. В 11 тт. М., 1996–2000 (Т. 1–7 – репринтные издания публикаций 1918 года). – 11 т.

16. Священный собор Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Обзор деяний. В 3 т. – М., 2000–2002. – 3 т.

17. Собрание определений и постановлений Собора 1917–1918 гг.: [В 4 вып.] – М., 1918. – 4 т.

18. Тверской епархиальный съезд духовенства и мирян. Протоколы Чрезвычайного епархиального съезда духовенства и мирян Тверской епархии 20–25 апреля 1917 года. – Тверь, 1917. – 16 с.

IV. Сборники документов:

1. Революционное движение в России в мае–июне 1917г. Июньская демонстрация: Документы и материалы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 662 с.

2. Революционное движение в России в июле 1917 г. – Июльский кризис. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 626 с.

3. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. – Общенациональный кризис. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 631 с.
4. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1 – 24 октября 1917 г.) – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 579 с.
5. Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. – М.: «Наука», 1968. – 621 с.
6. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2006. – 504 с.
7. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штрикер. – М.: «Пропилеи», 1995. – 400 с.
8. Русская Православная Церковь в XX веке на Ивановской земле. Сборник документов и материалов / Автор-составитель А.А. Федотов. – Иваново, 2010. – 340 с.
9. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библейско-Богословского института Св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
10. Февральская революция 1917. Сборник документов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. – 353 с.
11. Церковь и школа. Тематическая публикация документов. – М. : ИНПО, 1995. – 155 с.

V. Воспоминания, дневники, письма

1. Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания / Арсений (Жадановский). – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1995. – 294 с.
2. «Без политики Собор этот не обойдется»: письма делегата Священного Собора Православной Российской Церкви Я.А. Кремнева. Август – сентябрь 1917 г. // Исторический архив. – 1999. – № 5. – С. 189–200.

3. Бонч-Бруевич, В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции / В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Изд-во «Федерация», 1931. – 403 с.
4. В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. – Л., 1982. – 406 с.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. – 515 с.
6. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох / Вениамин (Федченков). – М.: Отчий дом, 1995. – 448 с.
7. Волков, С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. / С.А. Волков; [публикация, вступит. Статья, примечания и указатель А.Л. Никитина]. – М.: «Изд-во гуманитарной литературы», 2000. – 608 с.
8. Гиппиус, З.Н. Живые лица. Стихи, дневники: в 2 кн. / З.Н. Гиппиус – Тбилиси: Мерани, 1991. – 2 т.
9. Голубцов, Георгий, протоиерей. Поездка на Всероссийский Церковный собор. Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.) / Георгий Голубцов // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918 гг.) – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 121–169.
10. Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Сост. Н.А. Кривошеева. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 768 с.
11. Демьянов, А.А. Записки о подпольном Временном правительстве / А.А. Демьянов // Архив русской революции. В 22 т. Т. 7–8. – М., 1991. – С. 34–52.
12. Демьянов, А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. Т. 2 (3–4). – М., 1991. – С. 55–120.
13. Деникин, А.И. Очерки русской смуты. Том первый. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь, 1917 / А.И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 464 с.
14. Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1917. / Предисловие, публикация и комментарии Е.М. Криволаповой. – Литературоведческий журнал. – 2009. – № 24. – С.138–234.

15. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни : Воспоминания Евлогий (Георгиевский). – М.: Московский рабочий, ВПМД, 1994. – 621 с.
16. Жевахов, Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахова: в 2 т. / Н.Д. Жевахов – М.: Издательство отд. Спасо-Преображенского Валаамского ставропигальского монастыря, 1993. – 2 т.
17. Зеньковский, Василий, протопресвитер. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.) Воспоминания / Василий Зеньковский. – М., Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 240 с.
18. Игнатов, Е.Н. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году / Е.Н. Игнатов. – М., Изд-во Коммунистической академии, 1925. – 472 с.
19. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А.Ф. Керенский. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
20. Коллонтай, А.М. Воспоминания об Ильиче / А.М. Коллонтай. – М., 1971. – 16 с.
21. Коллонтай, А.М. Из моей жизни и работы / А.М. Коллонтай. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1974. – 416 с.
22. Львов, В.Н. Переворот / В.Н. Львов // Волжский день. 1918. 21 августа.
23. Львов, В.Н. Приказ №1 / В.Н. Львов // Волжский день. 1918. 15 августа.
24. Львов, В.Н. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей политики Временного Правительства / В.Н. Львов. – Омск: Русское Бюро печати, 1919. – 14 с.
25. Любимов, Н.А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) / Н.А. Любимов // Российская церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 15–120.
26. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М.: Политическая литература, 1991. – 527 с.
27. Милюков, П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / П.Н. Милюков – М.: Современник, 1990. – 2 т.

28. Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь – ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев // Исторический архив. – 1997. – № 3. – С. 64–77.
29. Набоков, В.Д. Временное правительство / В.Д. Набоков // Архив русской революции. В 22 т. Т. I – М.: Современник, 1991. – С. 9–125.
30. Нестор Камчатский, епископ. Расстрел Московского Кремля. / Нестор Камчатский; [составитель Н.С. Малинин]. – М.: Изд. «Столица», 1995. – 88 с.
31. Перетц, Г.Г. В цитадели революции. Записки Коменданта Таврического Дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. / Г.Г. Перетц – Пг., 1917. – 112 с.
32. Пешехонов, А. Первые недели / А. Пешехонов // Февральская революция. – М.-Л., 1925. – С. 430–465.
33. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 664 с.
34. Письма патриарха Алексия своему духовнику. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. – 304 с.
35. Письма священномучеников – архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси. / Публ. прот. В. Воробьева // Богословский сборник. – Вып. VI. – М., 2000. – С. 8–10.
36. Потехин, С.М., протоиерей. Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве по личным впечатлениям / С.М. Потехин. – Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1917. – 15 с.
37. Рид, Джон. Десять дней, которые потрясли мир / Джон Рид. – М.: Изд-во «Книга», 1987. – 608 с.
38. Родзянко, М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок председателя Государственной Думы: с доп. Е.Ф. Родзянко / М.В. Родзянко. – [Нью-Йорк]: Multilingual Typesetting, 1986. – 377 с.
39. Розанов, В.В. Мимолетное. Собрание сочинений / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1994. – 540 с.

40. Розанов, Н.П. Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией. Подготовка текста и публикация М.И. Одинцова / Н.П. Розанов // Ученые записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Выпуск 6. Церковная история XX века и обновленческа я смута. – М.: Индрик, 2000. – С. 120–176.
41. Савич, Н.В. Воспоминания / Н.В. Савич. – СПб.: Logos, 1993. – 490 с.
42. Современники о Патриархе Тихоне. Сб. в 2 ч. Т. 1 / Сост. и автор комментариев М.Е. Губонин. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 720 с.
43. Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства 1888–1932 / Сост. М. Склярова. – СПб.: Изд-во «Борей», 1994. – 464 с.
44. Стучка, П.И. Ленин и революционный декрет / П.И. Стучка // Революция права. Сб. I. – М., Издательство коммунистической академии, 1925. – С. 33–39.
45. Философов, Д.В. Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) / Д.В. Философов // Звезда. – 1992. – № 1. – С. 193–205; № 2. – С. 188–204; № 3. – С. 145–166.
46. Шавельский, Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. / Г.И. Шавельский – Нью-Йорк: Изд. Чехова, 1954. – 2 т.
47. Шавельский, Г.И. Православное пастырство / Г.И. Шавельский – СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 1996. – 679 с.
48. Шавельский, Г.И. Церковь и революция / Г.И. Шавельский // Церковно-исторический вестник. – 1998. – № 1. – С. 111–122.
49. Шидловский, С.И. Воспоминания: в 2 т. / С.И. Шидловский – Берлин, 1923. – 2 т.
50. Шляпников, А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. Т. 2: Семнадцатый год. Кн. 1–2 / А.Г. Шляпников. – М., 1992. – 2 кн.
51. Шульгин, В. Годы. Дни. 1920. – М.: Новости, 1990. – 828 с.

VI. Публицистика

1. Адамов, Д. Политическое обоснование церковного обновленчества / Д. Адамов. – Воронеж, 1925. – 21 с.
2. Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные сочинения: в 3-х т. / В.Д. Бонч-Бруевич – М.: Изд-во АН СССР, 1959–1963. – Т. 1. М., 1959. – 411 с.
3. Булгаков, С.Н. Об отношении церкви к государству / С.Н. Булгаков. – М.: Моск. Синодальная тип., 1917. – 3 с.
4. Булгаков, С.Н. Труды по социологии и теологии: в 2 т. / С.Н. Булгаков – М.: Наука, 1997. – 2 т.
5. Булгаков, С.Н. Церковь и демократия: Речь, произнесенная на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве / С.Н. Булгаков. – М.: Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1917. – 15 с.
6. Буров, Я.И. Что означает закон о свободе совести и отделении церкви от государства? (Подробное постатейное рассмотрение Декрета о свободе совести и ил. самого Декрета) / Я.И. Буров. – М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., С., К и К депутатов, 1918. – 16 с.
7. Верховской, П.В. Судьба православной церкви в обновленной России / П.В. Верховской. – Пг.: Синодальная тип., 1917. – 4 с.
8. Верховской, П.В. Учредительное Собрание и Русская православная церковь / П.В. Верховской. – Пг.: Синодальная тип., 1917. – 4 с.
9. Егоров, В.Н., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году / В.Н. Егоров. – М., Синодальная типография, 1917. – 41 с.
10. Илиодор, иеромонах (Труфанов Сергей). Святой чорт. (Записки о Распутине). С предисл. С.П. Мельгунова / Сергей Труфанов. – М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1917. – 188 с.
11. К истории созыва Всероссийского церковного собора. – М.: Синод. тип., 1917. – 15 с.
12. Карташев, А.В. Реформа, реформация и исполнение церкви / А.В. Карташев. – Пг.: «Корабль», 1916. – 66 с.

13. Коллонтай, А.М. Избранные статьи и речи / А.М. Коллонтай. – М., 1972. – 430 с.
14. Красиков, П.А. Избранные атеистические произведения / П.А. Красиков. – М., «Мысль», 1970. – 269 с.
15. Красиков, П.А. На церковном фронте (1918–1923) / П.А. Красиков. – М., 1923. – 311 с.
16. Красиков, П.А. Советская власть и церковь / П.А. Красиков. – М., 1920. – 8 с.
17. Ленин, В.И. Марксизм о государстве / В.И. Ленин // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 33. – М., 1969. – С. 215–217.
18. Ленин, В.И. О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме / В.И. Ленин // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. – М., 1973. – С. 77–130.
19. Ленин, В.И. Социализм и религия / В.И. Ленин // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 12. – М., 1968. – С. 142–147.
20. Львов, В.Н. Правовое положение церкви православной в русском государстве / В.Н. Львов. – СПб.: Гос. тип., 1914. – 36 с.
21. Нольде, Б.Э. Очерки русского государственного права / Б.Э. Нольде. – СПб.: Тип. «Правда», 1911. – 554 с.
22. Нужен ли нам патриарх? – Пг.: Синодальная тип., 1917. – 4 с.
23. Осецкий, А.А. Поместный собор. Свободный опыт организации / А.А. Осецкий. – Пг.: Синодальная типография, 1917. – 126 с.
24. Пантелеймон, епископ. Замена Божественной Благодати подсчетом голосов / Пантелеймон, епископ. – М., 1917. – 4 с.
25. Рункевич, С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. / С.Г. Рункевич. – Пг., 1916. – 357 с.
26. Стучка, П.И. Советское право в «белом» освещении / П.И. Стучка // Революция права. Сб. I. – М., Издательство коммунистической академии, 1925. – С. 140–147.

27. Титов, Феодор, протоиерей. Венок на могилу высокопреосвященного митрополита Владимира / Феодор Титов. – Киев, 1918. – 92 с.

28. Хлебников, Н.В. Государственная дума. Систематический свод относящихся к сему предмету узаконений и распоряжений правительства / Н.В. Хлебников. – СПб., 1906. – 128 с.

29. Яцкевич, В.И. К истории созыва Всероссийского церковного собора / В.И. Яцкевич. – М., Синодальная типография, 1917. – 15 с.

VII. Периодическая печать

Газеты

1. Биржевые ведомости (Петроград). 1917, март–октябрь.
2. Вестник Временного правительства. 1917, март–октябрь.
3. Вечерний почтальон (Петроград). 1918, январь.
4. Власть народа (Москва). 1918, январь.
5. Возрождение (Тифлис). 1917, июль–август.
6. Волжский день (Саратов). 1918, август.
7. Воля страны (Петроград). 1918, январь.
8. Вперед! (Москва). 1918, январь–февраль.
9. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, апрель–декабрь.
10. Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917, ноябрь–декабрь. 1918, январь; Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918, январь–февраль.
11. Газета для всех (Петроград). 1918, январь.
12. Голос труда (Петроград). 1918, январь.
13. Голос трудового крестьянства (Петроград). 1918, январь.
14. Дело народа (Петроград). 1917, декабрь.
15. День (Петроград). 1917, июль.
16. Знамя труда (Петроград). 1918, январь.
17. Знамя Христа (Петроград). 1918, январь–февраль.
18. Известия. 1917, 27 февраля – 5 марта.

19. Известия Временного Комитета Государственной Думы. 1917, апрель–июнь.
20. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. Август–сентябрь.
21. Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, март–декабрь; Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918, январь–апрель.
22. Известия Петроградского Совета рабочих депутатов (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов). 1917, февраль–декабрь. 1918, январь–сентябрь.
23. Кавказское слово (Тифлис). 1917, август.
24. Казанский телеграф (Казань). 1917, март.
25. Киевлянин (Киев). 1917, ноябрь–декабрь.
26. Киевская мысль (Киев). 1917, ноябрь–декабрь.
27. Киевский православный вестник (Киев). 1918, январь.
28. Крымский вестник (Севастополь). 1917, март.
29. Московские ведомости. 1917, февраль–октябрь.
30. Московский листок. 1917, ноябрь.
31. Нова рада (Киев). 1917, ноябрь.
32. Новая жизнь (Петроград). 1917, сентябрь–ноябрь.
33. Новое время (Петроград). 1917, март–апрель.
34. Новые ведомости (Петроград). 1918, январь.
35. Новый луч (Петроград). 1918, январь.
36. Отечество (Петроград). 1917, июль–октябрь.
37. Петроградская газета. 1917, март–апрель. 1918, январь.
38. Петроградские ведомости. 1917.

39. Петроградский голос. 1918, январь.
40. Правда (Петроград). 1917, ноябрь–декабрь. 1918, январь.
41. Республика (Тифлис). 1917, август.
42. Речь (Петроград). 1917, февраль–октябрь; Наша речь; Век; Наш век. 1917, ноябрь–декабрь.
43. Ростовская речь (Ростов-на-Дону). 1917, август.
44. Русская воля (Петроград). 1917, июль.
45. Русские ведомости (Москва). 1917, февраль–октябрь; 1918, январь–февраль.
46. Русское слово (Москва). 1917, апрель–ноябрь.
47. Свободный народ (Петроград). 1917, август.
48. Современное слово (Петроград). 1918, январь.
49. Солдатская правда (Петроград). 1918, январь.
50. Социал-демократ (Москва). 1917, август.
51. Тифлисский листок (Тифлис). 1917, август
52. Труд (Петроград). 1917, ноябрь.
53. Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917, апрель.
54. Утро России (Москва). 1917, февраль–декабрь. 1918, январь–февраль.
55. Фонарь (Москва). 1918, январь.

Журналы

1. Духовный вестник Грузинского экзархата. – 1905. – № 23–24.
2. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1917. – № 10/11 – 21/22.
3. Журнал Московской патриархии. – 1944. – № 3.
4. Заволжский летописец. – 1916–1917. – № 1–7.
5. Известия по Казанской епархии. – 1917. – №№ 9/10 – 39, 1918. №№ 3/4 – 5.
6. Известия по Петроградской епархии. – 1917. – № 8–52.
7. Московские епархиальные ведомости. – 1917. № 5/6 – 13/14; 1918. – №1.
8. Новгородские епархиальные ведомости. – 1917. – № 6–12.

9. Официальные Известия по ведомству Протопресвитера Военного и Морского Духовенства. – 1917. – № 3–4.
10. Официальные известия по Вятской епархии. – 1918. – № 2.
11. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1917. – № 9.
12. Трудовой еженедельник. Журнал Комитета старост Синодальной типографии. – 1918. – №№ 1–12.
13. Церковные ведомости. – 1917–1918.
14. Ярославские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7/8 – 17/21.

ЛИТЕРАТУРА

І. Монографии

1. Авалов, З.Д. Присоединение Грузии к России / З.Д. Авалов. – СПб.: Журнал «Звезда». 2009. – 263 с.
2. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
3. Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М., 1992. – 299 с.
4. Андреев, И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней / И.М. Андреев. – Нью-Йорк, 1952. – 180 с.
5. Амосов, Н. Октябрьская революция и церковь / Н. Амосов. – М., 1939. – 72 с.
6. Бабкин, М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г) / М.А. Бабкин. – М., 2007. – 532 с.
7. Бабкин, М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы / М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2011. – 920 с.
8. Бакаев, Ю.Н. История государственно-церковных отношений в России. Учебное пособие / Ю.Н. Бакаев. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 1994. – 81 с.
9. Беликова, Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России. (Конец XIX – первая треть XX вв.) / Н.Ю. Беликова. – Краснодар, 2004. – 162 с.

10. Белошапка, Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования / Н.В. Белошапка. – М.: Диалог МГУ, 1998. – 175 с.
11. Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX века. Поместный собор 1917-1918 гг. и предсоборный период / Е.В. Белякова. – М., 2004. – 664 с.
12. Бычков, С.С. Большевики против Русской церкви (Очерки по истории Русской церкви 1917—1941 гг. Т. 2) / С.С. Бычков. – М., 2006. – 429 с.
13. Бычков, С.С. Русская Церковь и Императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 года. Т. I) / С.С. Бычков–М., 1998. – 320 с.
14. Введенский, А.И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношения церкви и государства в России. 1918 – 1922 г.) / А.И. Введенский – М.: «Мосполиграф», 20-я тип. «Красный пролетарий», 1923. – 252 с.
15. Верховской, П.В. Правовое положение христианских церквей на Западе и в России / П.В. Верховской – Варшава: Типография Варш. учебного округа, 1911. – 12 с.
16. Верховской, П.В. Учреждение духовной коллегии, духовный регламент: [В 2 т.] / П.В. Верховской – Ростов-на-Дону, 1916. – 2 т.
17. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 801 с.
18. Вострышев, М.И. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России / М.И. Вострышев. – М.: Современник, 1990. – 191 с.
19. Вострышев, М.И. Патриарх Тихон / М.И. Вострышев. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 383 с.
20. Голубцов, Сергей, протодиакон. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917 – 1922 гг./ С. Голубцов – М.: Изд-во Православного братства Споручницы грешных, 1999. – 191 С.

21. Губонин, М.Е. Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты / М.Е. Губонин. – СПб.: СатисЪ, 1994. – 446 с.
22. Дамаскин (Орловский), игумен. Епископ Гермоген (Долганов) / Дамаскин (Орловский), игумен. – М.: Кучково поле, 2010. – 400 с.
23. Дестивель, Иакинф, священник. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917 – 1918 гг. и принцип соборности / Иакинф Дестивель. – М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья при Синодальном отделе по делам молодежи Московского Патриархата, 2008. – 312 с.
24. Дорская, А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX в. / А.А. Дорская – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. – 143 с.
25. Дьяконов, Л. Советские законы о церкви / Л. Дьяконов. – Л., 1926. – 56 с.
26. Емельянов, С.Н. Власть и церковь. Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922 / С.Н. Емельянов. – М.-Курск, б/и, 2001. – 176 с.
27. Емелях, Л.И. Крестьяне и церковь накануне октября / Л.И. Емелях. – Л.: Наука, 1976. – 182 с.
28. Емельянов, С.Н. Власть и церковь. Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922 / С.Н. Емельянов. – М.-Курск, 2001. – 176 с.
29. Зыбковец, В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917 – 1921 гг.). / В.Ф. Зыбковец. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 205 с.
30. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и в начале XX века / П.Н. Зырянов. – М.: Русское слово, 1999. – 312 с.
31. Ивакин, Г.А. Православное духовенство Российской Империи: испытание светской политикой (о работе православного духовенства в Государственных думах Российской Империи) / Г.А. Ивакин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНУиГС, 2012. – 292 с.
32. Каиль, М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и гражданской войны. Государственно-церковные отношения и

внутриконфессиональные процессы / М.В. Каиль. – М.: Изд-во Ипполитова, 2010. – 372 с.

33. Кандидов, Б.П. Октябрьские бои в Москве и церковь / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1931. – 40 С.

34. Кандидов, Б.П. Религиозная контрреволюция 1918 – 1920 гг. и интервенция (очерки и материалы) / Б.П. Кандидов. – М., акц. Изд-ское о-во «Безбожник», 1930. – 148 с.

35. Кандидов, Б.П. Церковь и февральская революция. Классовая позиция православной церкви в период февраля-августа 1917 г. Материалы и очерки / Б.П. Кандидов. – М.: ГАИЗ, 1934. – 96 с.

36. Карташев, А.В. Воссоздание Святой Руси / А.В. Карташев. – М.: Столица, 1991. – 251 С.

37. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской церкви: [В 2 т.] / А.В. Карташев. – Париж: YMCA-PRESS, 1959. – 2 т.

38. Карташев, А.В. Церковь и государство: Что было и что должно быть в России / А.В. Карташев. – Париж: YMCA-PRESS, 1932. – 20 с.

39. Кашеваров, А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917 – 1945 гг. / А.Н. Кашеваров. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 138 с.

40. Кашеваров, А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922 гг.) / А.Н. Кашеваров. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. – 440 с.

41. Кашеваров, А.Н. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти / А.Н. Кашеваров. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. – 327 с.

42. Коваленко, Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль – октябрь 1917 г.) / Н.А. Коваленко. – М., 2000. – 347 с.

43. Коголь, Т.Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной

Сибири) / Т.Н. Коголь – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2005. – 184 с.

44. Колоницкий, Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. / Б.И. Колоницкий. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 379 с.

45. Конюченко, А.И. Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века / А.И. Конюченко. – Челябинск, б/и, 2005. – 207 с.

46. Корзун, М.С. Русская православная церковь. 1917–1945 гг. / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.

47. Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов, X в. – 1917 / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1984. – 255 с.

48. Корзун, М.С. Русская православная церковь. 1917–1945 гг. : Изменение социал.-полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.

49. Котков, В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. Книга 1 / В.М. Котков. – СПб.: Издательство «Нестор», 2004. – 320 с.

50. Кравецкий, А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между исповедью и диалогом) / А.Г. Кравецкий. – М., 2012. – 711 с.

51. Крапивин, М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917 – 1941 гг.) / М.Ю. Крапивин. – Волгоград: Перемена, 1993. – 101 с.

52. Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) / М.Ю. Крапивин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 367 с.

53. Краснов-Левитин, А.Э, Шавров, В.В. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3-х тт. / А.Э. Краснов-Левитин, В.В. Шавров. – Кюснахт, 1978. – 3 т.

54. Кремлев, И.Л. Свобода совести и отделение церкви от государства / И.Л. Кремлев. – [М.], 1918. – 32 с.

55. Кривелев, И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века / И.А. Кривелев. – М.: Знание, 1982. – 64 с.
56. Кудрина, Т.А., Пинкевич, В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века / Т.А. Кудрина, В.К. Пинкевич. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 198 с.
57. Лавров, В.М., Лобанов, В.В., Лобанова, И.В., Мазырин, А.В. Иерархия Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху / В.М. Лавров, В.В. Лобанов, И.В. Лобанова, А.В. Мазырин. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 376 с.
58. Левченко, И.В. Русская православная церковь и государство / И.В. Левченко. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1997. – 159 с.
59. Леонтьева, Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. / Т.Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф 2002. – 272 с.
60. Лисавцев, Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Э.И. Лисавцев. – М., «Мысль», 1971. – 278 с.
61. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.) / В.В. Лобанов – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 352 с.
62. Лукин, Н.М. Революция и церковь. 4-е издание / Н.М. Лукин. – М –Л., 1925. – 40 с.
63. Лукин, Н.М. Церковь и государство / Н.М. Лукин. – Пг.: Коммунист, 1919. – 40 с.
64. Макаров, Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 – конец 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. – 382 с.
65. Маленков, В.В. Государство и церковь в России / В.В. Маленков. – М.: Изд-во Спутник, 2013. – 230 с.
66. Милюков, П.Н. История второй русской революции. Т. 1. / П.Н. Милюков. – Киев: Летопись, 1919. – 171 с.
67. Милюков, П.Н. История второй русской революции: [В 3 т.]. / П.Н. Милюков. – София, 1921–1923. – 3 т.

68. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. Церковь. Религия. Литература. / П.Н. Милюков. – М., 1994. – 415 с.

69. Митрофанов, Георгий, протоиерей. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века / Георгий Митрофанов. – М.: Арета, Лепта Книга, 2011. – 272 с.

70. Мосс, Вл. Православная церковь на перепутье (1917–1999) / пер. с англ., редактор перевода Т.А. Сенина / Мосс Владимир. – СПб., 2001. – 415 с.

71. Нечаев, М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922 гг. / М.Г. Нечаев. – Пермь, 2004. – 334 с.

72. Николаев, А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля – 3 марта 1917 года. / А.Б. Николаев. – СПб., 2005. – 695 с.

73. Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого (Храповицкого): [В 10 т.]. / Никон (Рклицкий), епископ – Нью-Йорк, 1957–1963. – 10 т.

74. Одинцов, М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений, 1917 – 1938 гг.) / М.И. Одинцов. – М.: Изд-во «Знание», 1991. – 64 с.

75. Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 172 с.

76. Одинцов, М.И. Русские патриархи XX века: судьбы отечества и церкви на страницах архивных документов. Ч. I. / М.И. Одинцов. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 334 с.

77. Одинцов, М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И. Одинцов. – М.: Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии. 2002. – 312 с.

78. Ореханов, Георгий, иерей. На пути к Собору: церковные реформы и первая русская революция / Георгий Ореханов. – М.: ПСТБИ, 2002. – 223 с.

79. Очерки по истории Санкт-Петербургской епархии. – СПб.: Андреев и сыновья, 1994. – 284 с.

80. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М.: Захаров, 2012. – 480 с.
81. Перельгин, А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917 – 1953 гг.) / А.И. Перельгин. – Орел: Изд-во «Типография “Труд”», 2008. – 216 с.
82. Персиц, М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917 – 1919 г.) / М.М. Персиц. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. – 198 с.
83. Плаксин, Р.Ю. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. / Р.Ю. Плаксин. – М.: Наука, 1968. – 192 с.
84. Плаксин, Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны / Р.Ю. Плаксин. – Л.: Лениздат, 1987. – 206 с.
85. Поляков, А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии) / А.Г. Поляков. – Киров, 2007. – 203 с.
86. Попов, М.В. Церковь в годы реакции и революции. Опыт краеведческого исследования. [Москва Иваново] / М.В. Попов. – Иваново-Вознесенск: Изд-во Иванов. Пром. области, 1931. – 91 с.
87. Пospelовский, Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР: Учеб. Пособие / Д.В. Пospelовский. – М.: Библиейский богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.
88. Пospelовский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке: [Перевод] / Д.В. Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 509 с.
89. Регельсон, Лев. Трагедия русской церкви, 1917–1945 / Лев Регельсон. – Париж: YMCA-PRESS, 1977. – 627 с.
90. Редькина, О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР / О.Ю. Редькина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 708 с.

91. Рогозный, П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Рогозный. – СПб.: «Лики России», 2008. – 224 с.
92. Рожков, Владимир, протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе / Владимир Рожков. – М., 2004. – 560 с.
93. Руднева, С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции / С.Е. Руднева. – М.: «Наука», 2006. – 279 с.
94. Серафим (Кузнецов), игумен. Православный царь-мученик / Серафим (Кузнецов), игумен. – М.: Паломник, 1997. – 799 с.
95. Скурат, К.Е. История поместных православных церквей: В 2-х т. / К.Е. Скурат. – М.: Фирма «Русские огни» : АНС, 1994. – 2 т.
96. Смирнов, Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года / Н.Н. Смирнов. – СПб.: Наука, 1994. – 410 с.
97. Соболев, Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году: Период двоевластия / Г.Л. Соболев. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 330 с.
98. Соколов, Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.) / Е.Н. Соколов. – Рязань, 2008. – 148 с.
99. Спиринов, Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий / Л.М. Спиринов. – М.: Мысль, 1987. – 333 с.
100. Старцев, В.И. Тайны русских масонов / В.И. Старцев. – СПб.: Изд-во «Д.А.Р.К.», 2004. – 320 с.
101. Титлинов, Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве / Б.В. Титлинов. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 210 с.
102. Титлинов, Б.В. Церковь во время революции / Б.В. Титлинов. – Пг., Былое, 1924. – 192 с.
103. Томсинов, В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2-х т. / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2007. – 2 т.
104. Троцкий, Л.Д. История русской революции: В 2 т. Т. 1 Февральская революция / Л.Д. Троцкий. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 464 с.

105. Тутунов, Савва, игумен. Епархиальные реформы / Савва Тутунов, игумен. – М., 2011. – 495 с.
106. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917 гг. / В.А. Федоров. – М.: «Русская панорама», 2003. – 480 с.
107. Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной церкви на Украине (1917 – 1943) / Феодосий (Процюк), митрополит. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – 639 с.
108. Фирсов, С.Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории» / С.Л. Фирсов. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014. – 474 с.
109. Фирсов, С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и Всея Руси: к вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 207 с.
110. Фирсов, С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова) / С.Л. Фирсов. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2011. – 236 с.
111. Фирсов, С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С.Л. Фирсов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. – 660 с.
112. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг) / С.Л. Фирсов. – М.: Духовная библиотека, 2002. – 623 с.
113. Фирсов, С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. / С.Л. Фирсов – СПб.: Сатисъ, 2007. – 460 с.
114. Цыремпилова, И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона) / И.С. Цыремпилова. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – 300 с.

115. Цыпин, Владислав, протоиерей. История Русской Православной церкви. 1917 – 1990: Учебник для православных дух. Семинарий / Владислав Цыпин. – М.: Изд. дом «Хронин», 1994. – 251 с.

116. Цыпин, Владислав, протоиерей. История Русской церкви. 1917 – 1997 / Владислав Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.

117. Цыпин, Владислав, протоиерей. Русская Церковь (1917–1925) / Владислав Цыпин. – М.: Сретенский монастырь, 1996. – 335 с.

118. Чимаров, С.Ю. Русская православная церковь и Вооруженные силы России в 1800–1917 гг. / С.Ю. Чимаров – СПб.: Нестор, 1999. – 291 с.

119. Шкаровский, М.В. Александро-Невское братство, 1918-1932 гг./ М.В. Шкаровский. – СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. – 269. С.

120. Шкаровский, М.В. Обновленческое движение в русской православной церкви XX века / М.В. Шкаровский. – СПб.: Нестор, 1999. – 99 с.

121. Шкаровский, М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917 – 1945 / М.В. Шкаровский. – СПб.: Лики России, 1995. – 207 с.

122. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

II. Статьи

1. Алексеев, В.А. Был ли патриарх Тихон вождем церковной контрреволюции? / В.А. Алексеев // Диалог. – 1990. – № 10. – С. 93–104.

2. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев // Агитатор. – 1989. – № 16. – С. 19–23.

3. Амосов, Н. Октябрьская революция и церковь / Н. Амосов // Антирелигиозник. – 1937. – № 10. – С. 47–49.

4. Андреева, Л.А. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря / Л.А. Андреева // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 90–99.

5. Бабкин, М.А. Была ли альтернатива действий у Святейшего Синода Русской православной церкви в феврале-марте 1917 года? / М.А. Бабкин // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2007. – № 2. – С. 57–65.
6. Бабкин, М.А. Восстановление патриаршества. 1905–1917 / М.А. Бабкин // Свободная мысль. – 2007. – № 10. – С. 171–184.
7. Бабкин, М.А. Духовенство Русской православной церкви и «старорежимные» символика и ономастика (весна 1917 г.) / М.А. Бабкин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17 (72). – С. 7–10.
8. Бабкин, М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) / М.А. Бабкин // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 109–124.
9. Бабкин, М.А. Письма монархистов Поместному Собору Православной Российской Церкви. Август–октябрь 1917 г. / М.А. Бабкин // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 130–145.
10. Бабкин, М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2003. – № 6. – С. 59–71.
11. Бабкин, М.А. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России. (Участие духовенства в революционных торжествах) / М.А. Бабкин // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2006. – № 1. – С. 70–90.
12. Бабкин, М.А. Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 97–109.
13. Бабкин, М.А. «Священство» против «царства»? / М.А. Бабкин // Родина. – 2007. – № 3. – С. 27–33.

14. Бабкин, М.А. Современная российская историография взаимоотношений Русской православной церкви и государства в начале XX в. (досоветский период) / М.А. Бабкин // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 171–180.

15. Бабкин, М.А. Телеграммы председателю Государственной думы М.В. Родзянко собраний духовенства Российской Православной Церкви (весна 1917 г.) / М.А. Бабкин // Клио. – 2006. – № 2. – С. 80–90.

16. Бакулин, Б. Несвоевременные воспоминания / Б. Бакулин // На пути к свободе совести. Вып. II. Религия и демократия. – М., 1993. – С. 149–163.

17. Белякова, Н.А. Православная Церковь на развалинах Империи: о способах решения вопроса о самоуправлении / Н.А. Белякова // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. – М., 2008. – С. 204–220.

18. Бовкало, А.А. Последний протопресвитер придворного духовенства Александр Дернов / А.А. Бовкало // Из глубины времен. Вып. 13. – СПб., 2005. – С. 83–94.

19. Бовкало, А.А. Февральская революция и проблемы взаимоотношений церкви и государства / А.А. Бовкало // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях: материалы конференции 22 – 23 марта 1993 г. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 62–76.

20. Боголепов, А.А. От Святейшего Синода к Священному Собору Православной Российской церкви / А.А. Боголепов // На темы русские и общие. – Нью-Йорк, 1965. – С. 95–158.

21. Боже, В.С. «И.П. Кречетович: жизнь и труды» / В.С. Боже // Исторические чтения: Материалы региональной научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Имена уходящего века» (1999). Вып.6 / Сост. Э.Б. Дружинина. – Челябинск. 2003. – С. 138–141.

22. Бокарева, Л.С. Комиссия по вопросу об улучшении содержания православного духовенства (21 января – 4 февраля 1917 г.): состав и деятельность / Бокарева Л.С. // Клио. – 2011. – № 2. – С. 8–83.

23. Бородулина, Л.С. Церковно-реформаторская деятельность митрополита Питирима / Л.С. Бородулина // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – 2006. – № 1. – С. 153–158.

24. Булдаков, В.П. Февраль наоборот / В.П. Булдаков // Новая газета. – 2012. – 29 февраля. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/comments/51347.html>.

25. Бушмаков, А.В. Церковная революция 1917 года / А.В. Бушмаков // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2011. – № 1–15. – С. 163–164.

26. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.

27. Воробьев, В., прот., Кривошеева, Н.А. Митрополит Арсений (Стадницкий) о Соборе 1917–1918 гг. и восстановлении патриаршества / В. Воробьев, Н.А. Кривошеева // XIX ежегодная богословская конференция. Материалы. Том I. – М., Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 248–255.

28. Вострышев, М.И. Восстановление патриаршества / М.И. Вострышев // Журнал Московской патриархии. – 1992. – № 11–12. – С. 11–21.

29. Вяткин, В.В. Государственно-церковные отношения в России при Временном правительстве / В.В. Вяткин // Государственная служба. – 2008. – № 4. – С. 196–202.

30. Гайда, Ф.А. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 года) / Ф.А. Гайда // Отечественная история. – 2001. – № 2. – С. 141–153.

31. Гайда, Ф.А. Русская церковь и политическая ситуация после Февральской революции 1917 г.: (к постановке вопроса) / Ф.А. Гайда // Материалы по истории русской иерархии: ст. и документы. – М., 2002. – С. 60–68.

32. Гайда Ф.А. Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-

Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.). Материалы. М., 2012. С. 66-69.

33. Гальперина, Б.Д. Февральская революция и права солдат: Опыт источниковедческого исследования / Б.Д. Гальперина // Вопросы истории. – 2000. – № 10. – С. 55–71.

34. Георгадзе, Рамаз. Обсуждение на Предсоборном присутствии возможности предоставления автокефалии Грузинской церкви / Рамаз Георгадзе // XIX ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – М., 2009. – С. 395–398.

35. Гизей, Ю.Ю. Законодательное регулирование деятельности церковных школ в России 1884–1917 гг. / Ю.Ю. Гизей // Право и образование. – 2006. – № 1. – С. 165–178.

36. Гордеев, П.Н. Февральская революция и Министерство двора / П.Н. Гордеев // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. – СПб., 2011. – С. 21–58.

37. Грюнберг, П.Н. О положении епископата Русской Православной Церкви при Временном правительстве: (по новооткрытым источникам) / П.Н. Грюнберг // Материалы по истории русской иерархии: статьи и документы. – М., 2002. – С. 69–91.

38. Далгатов, А.Г. «Христианский союз молодых людей» и «христианское студенческое движение» в Советской России (1917-й – конец 1920-х годов) / А.Г. Далгатов // Вестник молодых ученых. – 2002. – № 8. – С. 63–69.

39. Дорская, А.А. Вопрос о свободе совести в деятельности Государственной думы (I – IV созывов) / А.А. Дорская // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. науч. статей. Ч. I. – СПб., Минерва, 1996. – С. 51–54.

40. Дорская, А.А. Законодательство Временного правительства о свободе совести в России 1917 г./ А.А. Дорская // Революция 1917 г. Сб. науч. статей. – СПб.: Третья Россия, 1995. – С. 146–152.

41. Дорская, А.А. Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. / А.А. Дорская // Проблемы социально-экономической и политической

истории России XIX-XX века. Сб. науч. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. – СПб.: Алетея, 1999. – С. 354–363.

42. Емелях, Л.И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. / Л.И. Емелях // Вопросы истории религии и атеизма. – 1958. – Вып. 5. – С. 50–63.

43. Ефремова, О., Кривошеева, Н. Новые архивные документы о преследовании властями святителя Тихона в 1918 – 1923 гг. / О. Ефремова, Н. Кривошеева // Богословский сборник. Вып. VI. – М., 2000. – С. 160–175.

44. Завитновский, И.В. Тверской епископат и «весна церковной революции» 1917 года / И.В. Завитновский // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 78–82.

45. Завитновский, И.В. Церковная революция и церковное украинство / И.В. Завитновский // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2001. – № 2 (5). – С. 15–31.

46. Зарин, П. Февральская революция и церковь: (по арх. материалам Чернозем. губ.) / П. Зарин // Антиралигиозник. – 1937. – № 3. – С. 58–66.

47. Зеленцов, В. Контрреволюционная деятельность церковников бывшей Нижегородской губернии в 1917 – 18 гг. / В. Зеленцов // Антиралигиозник. – 1937. – № 8. – С. 17–24.

48. Зырянов, П.Н. Церковь в период трех российских революций / П.Н. Зырянов // Русское православие: вехи истории. – М., Политиздат, 1989. – С. 380–437.

49. Измозик, В.С. Марсово поле – пантеон участников второй российской революции 1917–1921 гг. / В.С. Измозик // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». – СПб., Нестор, 2002. – С. 369–383.

50. Иоффе, Г.З. «Долой Временное правительство!» (Судьбы «временных» после падения Зимнего) / Г.З. Иоффе // Отечественная история. – № 5. – С. 109–116.

51. К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. – 2000. – Вып. 23. – С. 32.

52. Каиль, М.В. Епархиальная история эпохи революций и гражданской войны: характеристика источников и археографическая практика (на примере Смоленской епархии) / М.В. Каиль // Клио. – 2009. – № 4. – С. 85–91.

53. Каиль, М.В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. Публикация М.В. Каиля / М.В. Каиль // Новейшая история России. – 2013. – № 1. – С. 241–255.

54. Кандидов, Б.П. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции / Б.П. Кандидов // Антирелигиозник. – 1937. – № 10. – С. 26–28.

55. Кандидов, Б.П. Религиозные организации и антирелигиозное движение в период подготовки Великой пролетарской революции / Б.П. Кандидов // Антирелигиозник. – 1937. – № 9. – С. 13–23.

56. Карташев, А.В. Временное правительство и Русская Церковь / А.В. Карташев // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 9–21.

57. Карташев, А.В. Революция и собор 1917–18 гг. / А.В. Карташев // Богословская мысль. – Париж: Св. Сергиевский богословский институт, 1942. – С. 75–92.

58. Кашеваров, А.Н. Высшее церковное управление Русской Православной церкви в период гражданской войны / А.Н. Кашеваров // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. – 1998. – № 6–7. – С. 93–99.

59. Кашеваров, А.Н. Делегация Православной Церкви для сношений с советским руководством в 1918 – 1920 гг. / А.Н. Кашеваров // Клио. – 1997. – № 3. – С. 75–80.

60. Кашеваров, А.Н. Патриарх Тихон и митрополит Антоний (Храповицкий): сравнительно-исторический анализ их позиций и взаимоотношений в период Гражданской войны и в начале русской церковной смуты / А.Н. Кашеваров // Клио. – 2011. – № 4. – С. 142–149.

61. Кашеваров, А.Н. Разработка на Поместном Соборе 1917–1918 гг. официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее

религиозной политики / А.Н. Кашеваров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2007. – № 2. – С. 48–60.

62. Кашеваров, А.Н. Русская Православная Церковь между Февралем и Октябрем 1917 г. / А.Н. Кашеваров // Петербургская историческая школа: Альманах: Памяти В.А. Ежова. – СПб., 2001. – С. 153–169.

63. Кашеваров А.Н. Святейший Синод и Высший Церковный Совет в первые годы советской власти / А.Н. Кашеваров // Вторые Дмитриевские чтения. Материалы научной конференции 9 – 19 ноября 1997 года. – СПб., 1997. – С. 57–70.

64. Князев, А.П. Памяти А.В. Карташева / А.П. Князев // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж – Нью-Йорк). – 1960. – № 58/59. – С. 68–70.

65. Коваленко, Н.А. Февральская революция и образование Временного правительства / Н.А. Коваленко // Историки размышляют. – М., 1999. – С. 56–96.

66. Ковырзин, К.В. Поместный Собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции / К.В. Ковырзин // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 88–97.

67. Колоницкий, Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание / Б.И. Колоницкий // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб.: Глаголь, 1994. – С. 188–202.

68. Колоницкий, Б.И. Д.В. Философов и его дневник / Б.И. Колоницкий // Звезда. – 1992. – № 1. – С. 189–192.

69. Косик, О. Из истории Владимирской епархии (1917–1923) / О. Косик // Богословский сборник. Вып. VI. – М., 2000. – С. 26–75.

70. Кострюков, А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году / А.А. Кострюков // Церковь и время. – 2005. – № 2 (31). – С. 143–198.

71. Кострюков, А.А. О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны / А.А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. – 2005. – Вып. 1. – С. 24–44.

72. Кравецкий, А.Г. К истории Декрета об отделении церкви от государства / А.Г. Кравецкий // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. – С. 134–140.

73. Кравецкий, А.Г. К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» / А.Г. Кравецкий // Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917 – 1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия / Сост. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, Гизела-Афанасия Шредер, Гюнтер Шульц. – М., 2002. – С. 424–435.

74. Кравецкий, А.Г. Церковная миссия в переходную эпоху: от церкви господствующей к церкви гонимой / А.Г. Кравецкий // Церковь и время. – 2003. – № 3 (24). – С. 170–187.

75. Леонтьев, П.Я. Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 г. / П.Я. Леонтьев // Церковь в истории России. – М., 1998. Вып. 2. – С. 214–248.

76. Леонтьева, Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века / Т.Г. Леонтьева // Вопросы истории. – 2001. – № 1. – С. 29–43.

77. Леонтьева, Т.Г. Жил-был поп... Духовенство в российской повседневности / Т.Г. Леонтьева // Родина. – 1999. – № 11. – С. 42–47.

78. Леонтьева, Т.Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX века) / Т.Г. Леонтьева // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 170–178.

79. Лихачев, М.Т. Буржуазная реформация управления народным образованием в России в предоктябрьский период / М.Т. Лихачев // Советская педагогика. – 1975. – № 7. – С. 101–106.

80. Лобанова, И.В. Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века / И.В. Лобанова // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 139–143.

81. Лобанова, И.В. Иерархия Русской православной церкви и синодальная система (конец XIX — начало XX вв.) / И.В. Лобанова // Церковь в истории России. Сб. 6. – М., 2005. – С. 197–207.

82. Макаров, Ю.Н. Власть и церковь в России после Октября 1917 г. / Ю.Н. Макаров // История и историки в контексте времени. – 2009. – № 6. – С. 67–81.

83. Макаров, Ю.Н. Духовно-образовательная деятельность вероисповедных объединений в годы Советской власти (октябрь 1917 – 1930-е гг.) / Ю.Н. Макаров // История и историки в контексте времени. – 2011. – № 8. – С. 52–61.

84. Макаров, Ю.Н. Межконфессиональные контакты Русской православной церкви в послеоктябрьский период (октябрь 1917-го – 1921 гг.) / Ю.Н. Макаров // Известия Сочинского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 261–263.

85. Марченко, А.Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918 – 1957 гг. / А.Н. Марченко // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 104–113.

86. Мейндорф, И. А.В.Карташев – общественный деятель и церковный историк / И. Мейндорф // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 169–172.

87. Михайлов, Н.В. Рабочий контроль или самоуправление: чего добивался русский рабочий класс в 1917 году? / Н.В. Михайлов // Роль профсоюзов в становлении гражданского общества в России. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 15 октября 2009 года. – СПб., 2010. – С. 74–78.

88. Михайлов, М.Э. О причинах увольнения митрополита Макария (Невского) с Московской кафедры в 1917 году / М.Э. Михайлов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2007. – № 2. – С. 77–81.

89. Морозан, В. Экономическое положение православного духовенства в XIX – начале XX века / В. Морозан // Церковно-исторический вестник. – 1998. – № 1. – С. 137–144.

90. Морозан, В. Экономическое положение Русской православной церкви в конце XIX — начале XX вв. / В. Морозан // Нестор. – 2000. – № 1. – С. 311–330.

91. Надсадный, Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) / Д.В. Надсадный // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. – СПб., 2013. – С. 58–67.

92. Нечаев, М.Г. «Церковная революция» в Пермской епархии (март- июнь 1917 г.) / М.Г. Нечаев // В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Материалы научно-практической конференции. – Пермь, 1999. – С. 64–71.

93. Никитин, А.В. Церковный суд в 1917 году: дело протоиерея Владимира Гуляева / А.В. Никитин // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. – СПб., 2012. – С. 53–55.

94. Николаев, А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль–октябрь 1917 г.) Персональный состав / А.Б. Николаев // Из глубины времен. Вып. 5. – СПб., 1995. – С. 46–74.

95. Одинцов, М.И. Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1862 – 1936) / М.И. Одинцов // Церковно-исторический вестник. – 2002. – № 9. – С. 109–145.

96. Одинцов, М.И. Всероссийский Поместный собор 1917 – 1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью / М.И. Одинцов // Церковно-исторический вестник. – М., 2001. – № 8. – С. 121–138.

97. Одинцов, М.И. «Дело» патриарха Тихона / М.И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1983. – № 6. – С. 46–71.

98. Одинцов, М.И. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти / М.И. Одинцов // Вопросы научного атеизма. – 1989. – Вып. 39. – С. 292–331.

99. Одинцов, М.И. На пути к Поместному Собору (февраль – август 1917 г.) / М.И. Одинцов // Религиоведение. – 2001. – № 2. – С. 9–30.

100. Ореханов, Георгий, дьякон. Генезис русского церковного реформаторства (1905–1906 гг.) / Георгий Ореханов // Богословский сборник. Вып. IV. – М., 1999. – С. 294–302.

101. Ореханов, Георгий, иерей. На пути к Собору / Георгий Ореханов // Ученые записки. Российский православный университет апостола Иоанна Богослова. Вып.6. – М., 2000. – С. 90–130.
102. Осипова, Е.С. Временное правительство и церковь / Е.С. Осипова // Церковь в истории России. – М., 1967. – С. 65–76.
103. Осипова, Е.С. Поместный собор православной церкви. 1917–1918 гг. / Е.С. Осипова // Вопросы научного атеизма. – М., 1967. – Вып. 3. – С. 204–226.
104. Осипова, Е.С. Церковь и Временное правительство / Е.С. Осипова // Вопросы истории. – 1964. – № 6. – С. 65–76.
105. Пешков, А.А. Антон Владимирович Карташев – либеральный консерватор / А.А. Пешков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 16. – С. 239–248.
106. Плаксин, Р.Ю. Церковная контрреволюция в дни октября / Р.Ю. Плаксин // Вопросы истории. – 1964. – № 11. – С. 42–52.
107. Попов, И.В. Новомученик протоиерей Петр Скипетров / И.В. Попов // Церковный вестник. – 2000. – № 4. – С. 20–27.
108. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д.В. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–54.
109. Преснякова, Л.В. Церковь и кинематограф в дореволюционной России / Л.В. Преснякова // Религиоведение. – 2009. – № 3. – С. 148–155.
110. Редькина, О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства (февраль–октябрь 1917) / О.Ю. Редькина // Государственно-церковные отношения в России. Ч. 2. – М., 1995. – С. 80–88.
111. Редькина, О.Ю. Христанские политические партии на Нижней Волге в 1917 году / О.Ю. Редькина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 38–43.

112. Рогозный, П.Г. «Пред нашими взорами совершился суд над историей». (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 года) / П.Г. Рогозный // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 2008. Т. XXX. – С. 447–455.

113. Рогозный, П.Г. «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году / П.Г. Рогозный // Исторические записки. – М., 2004. – Т. 7 (125). – С. 275–322.

114. Сахаров, А.Н. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) / А.Н. Сахаров // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 89–107.

115. Светозарский, А.К. Поместный собор и октябрьский переворот в Москве / А.К. Светозарский // Церковь и время. – 2004. – № 1 (26). – С. 181–197.

116. Семенов, К.А. Проблема издания документов закрытых заседаний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / К.А. Семенов // Вестник ПСТГУ. Серия II.: История. История Русской Церкви. – 2009. – Вып. II: 2 (31). – С. 20–28.

117. Скутенев, А.В. Русская православная церковь и политика (порекорформенная эпоха второй половины XIX – начала XX века) / А.В. Скутенев // Научное мнение. – 2013. – № 8. – С. 149–154.

118. Смирнов, Н.Н. Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности) / Н.Н. Смирнов // Петроградская интеллигенция в 1917 году. Сборник статей и материалов. – М.-Л., 1990. – С. 4–22.

119. Смолин, А.В. Воспоминания В.Н.Львова как источник по истории Корниловщины / А.В. Смолин // Политическая борьба в России в период и проведения Великой октябрьской социалистической революции. – Л., 1987. – С. 91–113.

120. Смолич, И.К. Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 года и Поместный Собор 1917/1918 гг. (к истории взаимоотношений между государством и церковью в России) / И.К. Смолич // История русской церкви. 1700–1917. Кн. 8, Ч. 2. – М., 1997. – С. 720–743.

121. Снигирева, Э.А. От февраля к октябрю (Церковь и политика) / Э.А. Снигирева // Атеизм, Религия, Современность. – Л., 1973. – С. 88–102.

122. Соколов, А.В. Ведомственная ликвидационная в городе Петрограде комиссия по делам бывших центральных учреждений Святейшего Синода (1918 год) / А.В. Соколов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 6 (26). – С. 52–56.

123. Соколов, А.В. Ликвидация ведомства православного исповедания в 1918 году: вопрос о страховании церковных строений / А.В. Соколов // Перспективы науки. – 2013. – № 11 (50). – С. 60–65.

124. Соколов, А.В. «Правление по заведыванию церковными имуществами города Москвы» (1918) / А.В. Соколов // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 2 (41). Том 2. – С. 334–341.

125. Соловьев, Илия, дьякон. Обсуждение вопроса о патриаршестве на Предсоборном присутствии / Илия Соловьев // XV ЕжБК Православного Свято-Тихон. гуманит. ун-та. Материалы 2005 г. Т. 1. – М., 2005. – С. 355–362.

126. Соловьев, Илия, дьякон. Собор и Патриарх. Дискуссия о Высшем Церковном Управлении / Илия Соловьев // Церковь и время. – 2004. – № 1 (26). – С. 168–180.

127. Соловьев, Илия, дьякон. Церковь и революция / Илия Соловьев // Российская церковь в годы революции 1917–1918 гг. – М., 1995. – С. 3–11.

128. Старков, Б.А. Февральский излом 1917 года / Б.А. Старков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2007. – № 4. – С. 38. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fevral'skiy-izlom-1917-goda>.

129. Темы для работы по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. – 1922. – № 5. – С. 323–325.

130. Фирсов, С.Л. Великие кануны: некоторые социально-психологические аспекты российской истории начала XX столетия / С.Л. Фирсов // Новый часовой. – 1995. – № 3. – С. 128–138.

131. Фирсов, С.Л. Владыка Питирим (Окнов): к истории назначения на петроградскую митрополичью кафедру / С.Л. Фирсов // Вестник Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – № 35. – С. 22–31.

132. Фирсов, С.Л. Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота в последней четверти XIX – начала XX столетий) / С.Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 19–24.

133. Фирсов, С.Л. Отношение к монархии и монарху накануне революции 1917 г. и в первые месяцы после Февраля / С.Л. Фирсов // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. – С. 24–43.

134. Фирсов, С.Л. Протопресвитеры русской армии и флота (1890 – февраль 1917 гг.): Сравнительный обзор / С.Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 1. – С. 6–14.

135. Фирсов, С.Л. Революция 1917 г. и попытки «демократизации» Русской церкви / С.Л. Фирсов // Церковно-исторический вестник. – М., 2000. – № 6–7. – С. 196–208.

136. Фирсов, С.Л. Финансовое положение русской церкви в последнее предреволюционное десятилетие / С.Л. Фирсов // Церковно-исторический вестник. – 1998. – № 1. – С. 145–161.

137. Фриз, Грегори Л. Православие, власть и секуляризация в России, 1860–1940 / Грегори Л. Фриз // Германский исторический институт в Москве: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). – Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/freeze_september

138. Фриз, Грегори Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России / Грегори Л. Фриз // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 107–118.

139. Фриз, Грегори Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима / Грегори Л. Фриз // Реформы или революция? Россия. 1861 – 1917. – М., 1992. – С. 41–42.

140. Фролова, Э.В. Секретари духовных консисторий в системе епархиального управления (на примере Владимиро-Суздальской епархии) / Э.В. Фролова // Наука и школа. – 2009. – № 5. – С. 56–58.

141. Фруменкова, Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. / Т.Г. Фруменкова // Из глубины времен. – СПб., 1995. – С. 75–92.

142. Фруменкова, Т.Г. Депутаты IV Государственной думы Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас во главе Мариинского ведомства (март-май 1917 г.) / Т.Г. Фруменкова // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906 – 1917 гг.) Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец. 4 декабря 2009 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2010. – С. 325–346.

143. Фруменкова, Т.Г. Деятельность В.Н.Львова на посту обер-прокурора Св. Синода / Т.Г. Фруменкова // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. – СПб., 1996. – С. 74–78.

144. Фруменкова, Т.Г. Синод и февральская революция / Т.Г. Фруменкова // Революция 1917 г.: Сб. науч. статей. – СПб.: Третья Россия, 1995. – С. 27–34.

145. Цыпин, Владислав, протоиерей. Ведомство православного исповедания / Владислав Цыпин // Православная энциклопедия. Том VII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 369.

146. Цыпин, Владислав, протоиерей. Вопрос о епархиальном управлении на Поместном соборе 1917–1918 годов / Владислав Цыпин // Церковь и время. – 2003. – № 1 (22). – С. 156–167.

147. Цыпин, Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700 – 1917 г. / Владислав Цыпин // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000. – С. 109–133.

148. Цыпин, Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917 – 1999 гг. / Владислав Цыпин // Православная энциклопедия. – М., 2000. – С. 134–178.

149. Шершнева-Цитульская, И.А. Гражданская правоспособность Русской православной церкви накануне Октября 1917 г. / И.А. Шершнева-Цитульская // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 71–79.

150. Шершнева-Цитульская, И.А. Юридическая модель церковной организации (по материалам Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг.) / И.А. Шершнева-Цитульская // Религии мира: история и современность. – М.: Наука, 2004. – С. 190–196.

151. Шкаровский, М.В. Александро-Невская лавра в годы революционных потрясений (1917–1918 гг.) / М.В. Шкаровский // ЕжБК ПСТБИ. Материалы 2003 г. – М., 2003. – С. 221–238.

152. Шкаровский, М.В. Александро-Невская лавра в год революционных потрясений (1917–1918) / М.В. Шкаровский // Христианское чтение. – 2010. – № 1. – С. 6–33.

153. Шкаровский, М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века / М.В. Шкаровский // Ученые записки. Российский православный университет апостола Иоанна Богослова. Вып. 6. – М., 2000. – С. 5–50.

154. Шкаровский, М.В. «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты / М.В. Шкаровский // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию Февральской и Октябрьской революции в России. – Новгород, 1998. – С. 61–76.

155. Шкаровский, М.В. Церковная жизнь Петрограда в период работы Всероссийского Поместного Собора / М.В. Шкаровский // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. – М., 2008. – С. 140–157.

156. Шкаровский, М.В. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917-1918 гг. / М.В. Шкаровский // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. – С. 269–287.

157. Шульц, Г. Поместный Собор 1917 – 1918 гг.: результаты работы и значение / Гюнтер Шульц // Материалы Международной научной конференции «1917-й: церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона. – М., 2008. – С. 177–181.

158. Шульц, Г. 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России / Гюнтер Шульц // Церковно-исторический вестник. – 2001. – № 8. – С. 101–120.

159. Ярославский, Ем. Пролетарская революция и церковь / Ем. Ярославский // XX-летие отделения церкви от государства. – М., 1938. – С. 4.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абдулов, Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917-1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Абдулов Наиль Талгатович. – Уфа, 2006. – 303 с.

2. Алленов, А.Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917-1927 гг.: На материалах Тамбовской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алленов Андрей Николаевич. – Тамбов , 2004. – 25 с.

3. Борисова, В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917 – 1936 гг. (на материалах Зауралья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Борисова Вера Викторовна. – Тюмень, 2012. – 26 с.

4. Булавин, М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг.: На примере Урала: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Булавин Максим Викторович. – Екатеринбург, 2000. – 370 с.

5. Бунин, А.Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905 – 1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бунин Александр Юрьевич. – Курск, 2005. – 24 с.

6. Гавриленков, А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721 – 1917 гг.; сущность, принципы, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Гавриленков Алексей Федорович. – М., 2010. – 44 с.

7. Дорская, А.А. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Александра Андреевна Дорская. – СПб., 1997. – 16 с.

8. Житенев, Т.Е. Церковноприходские школы в России: 1884-1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тимофей Евгеньевич Житенев. – М., 2004. – 25 с.

9. Катунин, Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917-1939 гг.: на материалах Крыма: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Юрий Андреевич Катунин. – М., 2004. – 44 с.

10. Ковырзин, К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.): дис ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Константин Владимирович Ковырзин. – М., 2010. – 204 с.

11. Ковырзин, К.В. Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Константин Владимирович Ковырзин. – М., 2010. – 29 с.

12. Коголь, Т.Н. Русская православная церковь и государство. 1917 – 1927 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Татьяна Николаевна Коголь. – Томск, 1996. – 19 с.

13. Крутицкая, Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Елена Васильевна Крутицкая. – Москва, 2004. – 246 с.

14. Маленков, В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917–1937 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Виктор Васильевич Маленков. – Южно-Сахалинск, 2004. – 32 С.

15. Мезенцев, Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Роман Викторович Мезенцев. – Новосибирск, 2003. – 24 с.

16. Нечаев, М.Г. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917 – 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Михаил Геннадьевич. – Свердловск, 1988. – 17 с.

17. Новикова, Т.М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Татьяна Михайловна Новикова. – Иркутск, 2011. – 27 с.

18. Пономарев, М.В. Политическая культура православного духовенства России в 1917–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Максим Владимирович Пономарев. – Волгоград, 2010. – 28 с.

19. Редькина, О.Ю. Вероисповедная политика временного правительства России (февраль-октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ольга Юрьевна Редькина. – М., 1996. – 22 с.

20. Саввотеева, Н.В. Сельский приход Русской Православной Церкви в 1917 – 1922 годах: по материалам губерний Центральной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Наталия Викторовна Саввотеева. – М., 2009. – 17 с.

21. Страхова, И.А. Взаимоотношения государственной власти и православного духовенства в 1917 – 1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ирина Александровна Страхова. – Белгород, 2010. – 197 с.

22. Шепелева, Н.Д. Русская православная церковь в социально-политической истории России в начале XX века: На материалах Тамбовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 09.00.13 / Нина Дмитриевна Шепелева. – М., 2002. – 23 с.

IV. Справочные издания

1. Бовкало, А.А., Галкин, А.К. Правящие архиереи Санкт-Петербургской – Петроградской епархии. Хронологический список // Христианское чтение. Журнал Православной Духовной Академии. – 1991. – № 2. – С. 55–64.

2. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918 года. – М.: Политиздат, 1974. – 740 с.

3. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. В 4-х т. – СПб.: Наука, 1998–2004. – 4 т.

4. Законы о разводе (расторжении браков) православного и неправославных исповеданий и о раздельном жительстве супругов с разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего Синода. Составил В. Максимов. – М.: Издание книгоиздательства «Юрист», 1909. – 428 с.

5. Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V Отдела НКЮста РСФСР. Под ред. П.А. Красикова. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. – 408 с.

6. Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. Под ред. П.А. Красикова. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1926. – 712 с.

7. Гидулянов, П.В. Церковь и государство по законодательству Р.С.Ф.С.Р. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отдела НКЮста. Под ред. П.А. Красикова. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 100 с.

8. Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. – М., РОССПЭН, 2008. – 735 с.

9. История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель/ [Сост-ли Бельдова М.В. и др.] – М.: ВНИИДАД, 1993. – 681 с.

10. История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель/ [Сост-ли Бельдова М.В. и др.] – М.: Новоспасский монастырь, 1995. – 397 с.

11. Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. – 655 с.

12. Православная энциклопедия. Том VI. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. – 752 с.

13. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах. Т. 2. – СПб., 2009. – 560 с.

14. Черепнина, Н.Ю., Шкаровский, М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917 – 1945 гг. (по документам ЦГА СПб). – СПб., 1996. – 156 с.

V. Литература на иностранных языках

1. Андрусишин, Богдан. Церква в Українській Державі. 1917-1920 рр. (доба Директорії УНР) / Богдан Андрусишин. – Київ: Либідь, 1997. – 176 с.

2. Дорошенко, Д.І. Історія України. 1917–1923 рр.: в 2-х т. / Д.І. Дорошенко – Ужгород, 1932. – 2 т.

3. Ульяновский, Василь. Церква в Українській Державі. 1917-1920 рр. (доба Укаїнської Центральної Ради) / Василь Ульяновский. – Київ: Либідь, 1997. – 202 с.

4. Ульяновский, Василь. Церква в Українській Державі. 1917-1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського) / Василь Ульяновский. – Київ: Либідь, 1997. – 321 с.

5. Chrysostomus, Iohannes. Die religiösen Kräfte in der russischen Geschichte / Iohannes Chrysostomus. – München: Verlag Pustet, 1961. – 222 S.
6. Chrysostomus, Iohannes. Kirchengeschichte Rußlands der neuesten Zeit. Bd I,- Patriarch Tichon, 1917–1925 / Iohannes Chrysostomus. – München–Salzburg, Anton Pustet, 1965. – 420 S.
7. Curtiss, John S. Church and State in Russia. The last years of the Empire. 1900–1917. – New-York, 1940. – 442 p.
8. Curtiss, John S. Die Kirche in der Sowjetunion (1917 – 1956) / John S. Curtiss. – München: Isar-Verlag, 1957. – 360 S.
9. Curtiss, John S. The Russian church and The Sowiet state / John S. Curtiss. – Boston: Little Brown 1953. – 387 p.
10. Fletcher, W. The Russian Orthodox Church underground, 1917-1970 / W. Fletcher. – London.etc: Oxford univ. press, 1971. – 314 p.
11. Freeze, Gregory L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, reform, counter-reform / Gregory L. Freeze. – Princeton, NJ./Guildford: Princeton University Press, 1983. – 507 p.
12. George, M. Benigsen Rev. The Year 1917 in the History of the Russian Church / M. George // St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1963. – № 3. – P. 115–125.
13. Onasch, Konrad. Geist und Geschichte der russischen Ostkirche / Konrad Onash. – Berlin: Evangelische Verl. Anst., 1947. – 95 S.
14. Pospelovsky, D. The Russian Church in the Soviet regime 1917–1982 / D. Pospelovsky. – New-York: St.Vladimirs seminary press, 1984. – 248 p.
15. Rössel, R. Kirche und Revolution in Rußland. Patriarch Tichon und der Sovjetstaat / R. Rössel. – Köln/Wien: Böhlau, 1969. – 263 S.
16. Schulz, G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotenzial / G. Schulz. – Göttingen, 1995. – 212 S.
17. Smolitsch, J. Die Russische Kirche in der Revolutionszeit vom März bis Oktober 1917 und das Landeskanzil 1917 bis 1918 (Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Staat und Kirche in Russland) / J. Smolitsch // Ostkirche Studien. – 1965. – № 4. – S. 3–34.

18. Smolitsch, J. Geschichte der russischen Kirche. 1700 – 1917. Bd. 2 / J. Smolitsch. – Berlin, 1991. – 251 S.

19. Vries, Wilhelm de. Kirche und Staat in der Sowjetunion / Wilhelm de Vries. – München: Pustet, 1959. – 202 p.